Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Белянин Дмитрий Николаевич

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В 1861–1917 гг.

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, доцент
Никулин Петр Федорович

Томск – 2016

Оглавление

Введение…..…….……4
Глава 1. Историография политики аграрных переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг. …….……38
1.1. Основные направления дореволюционной отечественной историографии…….38
1.2. Отечественная историография советского периода..…….....…57
1.3. Отечественная историография постсоветского этапа……..75
1.4. Основные направления зарубежной историографии...……88
Глава 2. Переселенческая политика государства в 1861 г. – начале 1900-х гг..……...97
2.1. Этапы и факторы крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861 г. – начале XX в……....97
2.2. Характер и особенности правительственной переселенческой политики в 1861–1905 гг. Динамика крестьянских переселений в Западную Сибирь……156
2.3. Создание и развитие правительственной системы мер поддержки переселенцев в 1861–1905 гг. …….…….....222
2.4. Динамика, характер и особенности заготовки переселенческих участков в Западной Сибири в 1861–1905 гг. ……278
Глава 3. Правительственная политика массовых крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1906 – начале 1917 г.…..……. ……345
3.1. Задачи, характер и динамика Столыпинских переселений в Западную Сибирь в 1906 – феврале 1917 г..…….345
3.2. Правительственная помощь переселенцам в период Столыпинских переселений (1906 – февраль 1917 гг.)...……402
Глава 4. Землеотводные, гидротехнические, дорожно-строительные и мелиоративные работы Переселенческого управления

в Западной Сибири в начале XX в. ……...478

4.1. Источники формирования колонизационного фонда, особенности, характер и результаты землеотводных работ в Западной Сибири в 1906 – феврале 1917 г.……...478

4.2. Основные направления правительственных мероприятий по улучшению качества колонизационного фонда в Западной Сибири в 1890-х – феврале 1917 г.……..570

Заключение……611

Список источников и литературы……...624

Список таблиц…….....693

Приложения…….....694

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Сибирь с момента освоения русскими занимала особое место в числе российских территорий, оказав большое влияние на развитие России. колонизация Сибири носила преимущественно крестьянский характер. Наиболее интенсивно аграрное освоение региона происходило в 1861 г. – начале XX в. В этот период Российское государство активизировало восточное направление внешней политики, и дальнейшее освоение Сибири открывало возможность для реализации геополитических интересов страны в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Колонизация Сибири перестала иметь лишь экономическое значение и превратилась в стратегическое направление. Основным инструментом колонизации Сибирского края стали массовые переселения крестьян из Европейской России, которые оказали серьезное влияние не только на социально-экономическое развитие Сибири и страны в целом, но и на геополитическую ситуацию в Азиатском регионе.

В современном сложном, многополярном и динамично меняющемся мире геополитическая значимость Сибири еще более возросла. Правительством России подчеркивается, что в XXI в. развитие нашей страны будет осуществляться в восточном направлении, а Сибирь и Дальний Восток представляют собой наш колоссальный потенциал[1]. В связи с этим представляется актуальным обращение к историческому опыту колонизации Сибири, освоения ее природно-ресурсного потенциала.

Колонизационные процессы были неотъемлемой частью российской истории. Россия как государство создавалась через территориальное расширение, которое позволило обеспечить безопасность от внешних угроз в ее историческом центре[2]. Колонизация Сибири в пореформенный период решала

[1] Фрагмент Послания Президента РФ к Федеральному собранию [Электронный ресурс]: oko-planet.su [web сайт]. URL: http://oko-planet.su/fail/failvideo/videopolitik/155568-putin-buduschee-rossii-na-dalnem-vostoke-i-v-sibiri.html (дата обращения – 17 мая 2014 г.)

[2] Ерохина Е. А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск : Ин-т философии и права СО РАН, 2012. С. 395.

актуальные для российского общества государственные и социальные задачи. Фактически рост массовых переселений в Сибирь относится к периоду активизации государства в этом вопросе в 1890 – 1900-х гг., когда в правительственных кругах начинает формироваться концептуальное понимание переселенческой политики и ее места в общем внутриполитическом курсе. Государство играло ведущую роль в выборе приоритетных задач и механизмов реализации намеченного курса, который претерпевал эволюцию в соответствии с менявшимися государственными задачами переселенческой политики. При этом трансформация государственных приоритетов в процессе колонизации Сибири была обусловлена внутренними процессами развития страны и менявшейся внутриполитической и внешнеполитической конъюнктурой. В связи с этим представляется актуальным осмысление не только роли государства в процессе колонизации Сибири, но и выявление тесной взаимосвязи миграционной активности крестьян с общероссийскими социально-экономическими процессами.

Историографический обзор. В исследовании проблемы крестьянских переселений в Сибирь можно выделить дореволюционыый, советский и современный (постсоветский) этапы[1]. Каждый из этапов характеризуется наличием различных методологических подходов и концепций аграрной колонизации Сибири. Для дореволюционной историографии было характерно наличие нескольких направлений: официального, либерального, народнического и марксистского. Официальная историография второй половины XIX – начала XX в. в основном представляла процесс крестьянских переселений в Сибирь как явление полезное для государственных интересов. Однако пореформенный период был временем борьбы разных взглядов внутри правительства на задачи и масштабы крестьянских переселений, и только в начале XX в. правительство П.А. Столыпина выработало программу аграрной колонизации Сибири. Эта программа отражала понимание, что переселение крестьян

[1] Подробный историографический анализ содержится в первой главе настоящей работы.

из центральных районов на окраины есть естественный для нашей страны процесс, в основе которого лежат интересы самих крестьян.

В либеральной и народнической литературе единой концепции аграрной колонизации Сибири не было. Большинство исследователей были согласны с тем, что переселения полезны российской экономики и что государство должно оказывать переселенцам усиленную помощь. Вместе с тем отдельные авторы отрицали полезность крестьянских переселений. А.А. Кауфман даже настаивал на том, что переселения тормозят процесс эволюции сельского хозяйства.

В марксистской литературе процесс аграрной колонизации Сибири трактовался как развитие капитализма вширь. Эта концепция получила дальнейшее развитие в отечественной историографии советского периода. В рамках данной концепции историки акцентировали внимание на результатах массовых крестьянских переселений: расширении посевных площадей, увеличении поголовья скота, росте валовых сборов основных культур, развитии торговли и наемного труда в колонизуемых районах. Советским историкам на большом фактическом материале удалось показать прогрессивное значение крестьянских переселений для страны и Сибири. Вместе с тем историки мало обращали внимания на деятельность государства как организатора и регулятора процесса переселений. В результате к концу XX в. в отечественной исторической науке сложилась парадоксальная ситуация: процесс крестьянской колонизации Сибири был изучен поверхностно, а результаты этого процесса были исследованы очень обстоятельно.

Этот недостаток был частично исправлен в постсоветской историографии. Исследователи серьезно занялись изучением процесса аграрного освоения Сибири. На современном этапе историки в основном отказались от изучения крестьянских переселений в рамках концепции развития капитализма вширь и широко применяют междисциплинарный подход, цивилизационную теорию, широкое распространение получило применение концепции фронтира. Использование разных методов, теорий, концепций позволяет современ-

ным историкам значительно полнее и глубже изучить все аспекты процесса аграрно-крестьянских миграций в Сибирь в 1861–1917 гг.

Для зарубежной научной литературы было характерно наличие нескольких концепций, в русле которых исследовался процесс аграрного освоения Сибири после 1861 г. В рамках концепции «русской восточной экспансии» исследователи акцентировали внимание на государственной политике в области крестьянских переселений. Однако процесс аграрной колонизации Сибири трактовался однобоко, лишь с позиций государственных интересов. Широкое развитие получила концепция «колонизации» Сибири. Сторонники этой концепции рассматривали процесс аграрного освоения Сибири в основном с точки зрения практических итогов и отмечали его успешность, а русский народ некоторыми историками был назван «величайшим колонизатором» в истории. В середине XX в. в западной научной литературе широкую популярность приобрела концепция фронтира, сторонники которой настаивали на сходстве процессов колонизации Сибири и Северной Америки. Не меньшее распространение в западной научной литературе получил постколониальный подход, представители которого также настаивают на том, что колонизация европейскими народами других континентов и освоение русскими Сибири имели много общего в мотивационной основе.

Объектом исследования является процесс аграрной колонизации Западной Сибири в 1861 – феврале 1917 г.

Предмет исследования – формирование и реализация государственной политики крестьянских переселений в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.

Цель исследования – выявить содержание, характер, основные этапы и эволюцию государственной политики крестьянских переселений, обобщить исторический опыт аграрной колонизации Западной Сибири, определить ее место в процессе хозяйственного освоения Сибири в 1861 – феврале 1917 г.

Поставленная исследователем цель достигается через решение следующих **задач:**

– определить этапы формирования концепции государственной переселенческой политики;

– выявить социокультурные истоки переселенческого движения, сдерживающие и стимулирующие факторы, оказывавшие воздействие на динамику крестьянских переселений;

– выявить задачи и эволюцию концепции правительственной переселенческой политики в Сибирь;

– определить характер и направления землеотводных работ и выяснить основные источники формирования и качество колонизационного фонда;

– установить форму, содержание и основные меры правительственной помощи, нацеленные на успешную социальную, экономическую и культурную адаптацию переселенцев в Сибири.

Хронологические рамки исследования – 1861 – февраль 1917 г. – охватывают период становления и развития современной переселенческой политики. Нижняя граница территориальных рамок обосновывается датой отмены крепостного права – событием, предопределившим возможность участвовать в переселенческом процессе бывших владельческих крестьян. Верхняя граница территориальных рамок обусловлена датой крушения монархической государственной системы в феврале 1917 г.

Территориальные рамки исследования охватывают казенные и кабинетские земли Западной Сибири. К этому региону автор относит Томскую и Тобольскую губернии и Омский и Петропавловский уезды Акмолинской области. Это был район наибольшего движения и оседания переселенцев в 1861–1917 гг. В Западной Сибири в наибольшей степени нашла практическое применение реализация всех мероприятий правительства, связанных с устройством новоселов.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Методология исследования включает базовые принципы и комплекс общенаучных и специальных научных исторических методов. В основу исследования диссертантом был положен социокультурный подход, предполагающий понимание

исторического процесса на основе единства культурного и социального аспектов. В рамках общества взаимосвязано сосуществуют различные социальные группы, каждая из которых является самостоятельной социокультурной единицей со своими традиционными ценностями и интересами. Социокультурная концепция представляет социальную историю как системный и целостный процесс взаимодействия разных социальных групп, общественных структур и сфер жизнедеятельности (государство, политика, геополитика, экономика, культура и др.). Базовые культурные компоненты обеспечивают целостность общества и устойчивость социальных и функциональных общественных институтов. Таким образом, социокультурный подход позволяет исследователю рассматривать общество как динамичную, органично развивающуюся социкультурную систему. Крестьянские переселения в Сибирь в период модернизации были сложным многогранным процессом. В этом процессе тесно переплетались геополитические интересы государства, стремление правительства решить внутренние проблемы России за счет миграций, а также социальные, экономические и культурные предпосылки, обусловливавшие стремление крестьян к переселениям. На наш взгляд, социокультурный подход позволяет в полной мере исследовать крестьянские переселения не только с позиций государственных и геополитических задач, но и с позиций интересов крестьян, выявить комплекс предпосылок, способствовавших формированию у крестьянства Европейской России миграционного сознания.

Тема аграрно-крестьянских переселений полидисциплинарна, находится на стыке исторической демографии и аграрной истории. Изучение этой темы возможно только в рамках междисциплинарного подхода, который предполагает синтез концепций, теорий, моделей, категорий, понятий разных социальных наук о прошлом. В русле социокультурного подхода междисциплинарный подход формирует условия для воссоздания человека как субъекта истории[1]. В рамках междисциплинарного подхода диссертант использовал

[1] Никулин П. Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск : Изд-во ТГУ, 2009. С. 12.

концептуальные положения и результаты исследований в социологии, исторической демографии, экономике, истории государства и права, культурологии и социальной психологии.

В основу исследования было положено три основных принципа научного познания: системности, историзма и объективности. Принцип объективности основан на критическом анализе источников, непредвзятом, всестороннем анализе фактов, исторических явлений и процессов, предполагает комплексное применение различных научных методов с целью получения достоверных научных знаний. Принцип системности предполагает исследование исторического явления как целостной системы, в рамках которой взаимосвязано функционируют и взаимодействуют составляющие это явление элементы. Принцип историзма предполагает исследование исторических явлений в динамике их развития и конкретно-исторической обусловленности.

Для решения поставленных задач автор использовал комплекс философско-логических, специально-исторических и общенаучных методов исследования. Философско-логические методы научного познания раскрывают общие подходы и принципы познания, являются общими и универсальными, характеризуют ход исследовательского процесса в целом и применимы при изучении всех проявлений действительности[1]. К числу философско-логических методов, использованных диссертантом, относятся дедуктивный, индуктивный, анализ и синтез.

В числе общенаучных методов для достижения поставленных задач были использованы логические (сравнение, сопоставление, обобщение), эмпирические (описание) методы и методы теоретического исследования (логический и исторический методы, метод формализации, математические методы, мысленный эксперимент, системный подход и системный анализ).

Основными инструментами исследования стали специально-исторические методы. К основным методам этой группы, использованным в исследо-

[1] Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М. : Наука, 2003. 2-е изд., доп. С. 49.

вании, относятся: метод исторической периодизации, проблемно-хронологический, ретроспективный, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный и количественный.

Метод исторической периодизации позволил выявить этапы государственной политики в отношении крестьянских переселений в Сибирь. Проблемно-хронологический метод был использован для выявления истоков и предпосылок крестьянских переселений. Ретроспективный метод был использован для выявления целей, задач, содержания и характера правительственной политики в отношении переселений. Проблемно-хронологический и историко-системный методы были использованы для выявления основных мер правительственной помощи, нацеленных на успешную социальную, экономическую и культурную адаптацию переселенцев в Сибири и для определения характера, направленности и качества землеотводных работ. Для анализа экономического положения переселенцев Сибири, динамики крестьянских переселений были использованы историко-сравнительный, историко-типологический, а также количественные методы. Историко-системный метод позволил исследовать механизм функционирования и развития государственных институтов, занимавшихся реализацией переселенческой политики.

В своем исследовании диссертант использовал базовые положения теории модернизации и теории колонизации. Возникнув в середине XX в., теория модернизации прошла несколько этапов. Классическая теория модернизации 1960-х гг. имела некоторые общие черты с марксизмом: она предполагала одновариантность развития, акцент в исследованиях делался на изменениях в сфере экономике, а влияние социокультурных факторов на модернизированные процессы недооценивалось. Модернизация понималась как процесс объективный, подчиненный законам общественного развития и потому не зависящий от воли отдельных людей или групп людей. Модернизация в современной трактовке означает переход от традиционного общества к индустриальному. Теория модернизации ставит задачу раскрыть суть этого процесса. На современном этапе эта теория предполагает многовариантность развития

модернизированных процессов в разных обществах, возможность позитивной роли некоторых традиций в ходе модернизации, признает вероятность вариативного развития регионов и региональную специфику модернизированных процессов. Также на современном этапе теория модернизации признает значимость субъективного или волевого (т.е. не зависящего от объективных законов развития) вмешательства исторических, политических и государственных деятелей или социальных групп в модернизированный процесс[1].

Применение базовых положений современной теории модернизации дало возможность раскрыть не только характер и задачи правительственной переселенческой политики на рубеже XIX – XX вв., но и выявить особенности модернизированных процессов в Сибири, обусловленных ее региональной спецификой. Теория модернизации позволила выявить особенность российского варианта перехода к индустриальному обществу, состоявшую в расширении аграрно-крестьянских миграций на восточные окраины на фоне общего углубления модернизированных процессов в стране. Спецификой России в пореформенный период было сочетание процесса модернизации с расширяющимся процессом внутренней колонизации.

Теоретические положения акторной модели модернизации о рациональном выборе индивидуумов (акторов), стремящихся к оптимизации и получению доступа к максимальному количеству жизненных шансов при минимизации затрат[2], позволили диссертанту раскрыть комплекс предпосылок крестьянских переселений за Урал в пореформенный период.

Теория колонизации, разработанная классиками русской исторической науки XIX – начала XX в. С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским и М.К. Любавским, позволила диссертанту раскрыть социокультурные истоки массовых крестьянских миграций за Урал в пореформенный период. Представители классической школы русской истории в XIX – начале XX в. отмечали тесную

---

[1] Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : РОССПЭН, 2006. С. 93–94, 233–234.

[2] Он же. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение. М., 2002. Вып. 8. С. 160.

связь истории России с колонизационными процессами в течение всего периода развития Российского государства. По справедливому замечанию С.М. Соловьева, главным явлением в русской истории было расширение государством его владений; государственная область расширялась преимущественно посредством колонизации[1]. На главенствующее значение переселений и колонизации как основного факта нашей истории указывал В.О. Ключевский. Все остальные факты русской истории он ставил в прямую связь с колонизацией. Непрерывная колонизация понималась Ключевским как отличительная черта, характеризующая национальное своеобразие процесса развития российской цивилизации. История России есть история страны, которая колонизуется, как отмечал В.О. Ключевский на рубеже XIX–XX вв., констатировав этим одновременно и значимость колонизации в историческом прошлом России, и незавершенность этого процесса, его перспективность в настоящем и ближайшем будущем. Значимость колонизации и переселений в истории русской цивилизации В.О. Ключевский подчеркнул тем, что предложил новую периодизацию исторического процесса России на основе выделенных этапов колонизации[2].

Ученик В.О. Ключевского русский историк М.К. Любавский отмечал неразрывную связь русской колонизации с остальными процессами в истории России. Он считал, что именно в изучении колонизации нужно искать объяснения многих политических процессов русской истории. Выделив несколько направлений русской колонизации, Любавский отмечал ее военно-стратегическое и политическое значение для пореформенных десятилетий XIX в., а также незавершенность и дальнейшие перспективы развития русской колонизации в азиатском направлении. По его замечанию, Россия имела еще много неосвоенных и пригодных земель, способных прокормить более многочисленное население[3].

---

[1] Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. М. : Мысль, 1988. Кн.1. С. 58.

[2] Ключевский В. О. Сочинения : в 9 томах. М. : Мысль, 1987. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. С. 49–51.

[3] Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб. : Лань, 2000. С. 21–23, 282.

В середине XX в., в трактовке историков-марксистов, колонизация осуществлялась в основном под влиянием экономических факторов, определявших стремление крестьянства к переселению на окраины. Значение социокультурных и ментальных предпосылок крестьянских переселений недооценивалось. Применение основных положений теории колонизации позволило диссертанту выявить социокультурные предпосылки аграрно-крестьянских переселений, выражавшиеся в ментальной готовности крестьян к переселениям. Фактически российское крестьянство было объективно заинтересовано в расширении политики массовых переселений в Сибирь на рубеже XIX–XX вв., и государственная политика развития и поощрения переселений отражала интересы крестьянства.

Научная новизна исследования определяется характером предмета исследования, его целями и задачами. Впервые в исторической науке на основе современной методологии осуществлен всесторонний обобщающий анализ государственной политики крестьянских переселений в Западной Сибири, выявлена ведущая организационно-практическая роль государства в процессе крестьянских переселений.

Диссертантом проанализирован комплекс факторов, сдерживавших крестьянские миграции, и комплекс факторов, стимулировавших крестьянские переселения. Выявлена тесная связь между модернизационными процессами в общероссийском масштабе и колонизацией Сибири.

На основе анализа законодательной базы диссертант выделил шесть этапов колонизации Западной Сибири. Критериями выделения этапов стали переселенческая политика государства и менявшиеся в зависимости от политической конъюнктуры цели и задачи переселений. На большом фактическом материале показано формирование государственной концепции аграрной колонизации Сибири, исследована деятельность Комитета Сибирской железной дороги в сфере организации крестьянских переселений. Доказано, что курс Столыпинских переселений был основан на предшествующем опыте КСЖД,

что позволяет говорить о преемственности политики крестьянских переселений на разных этапах ее проведения.

Характеристика источниковой базы.

Комплекс использованных автором источников очень обширен. Он включает опубликованные документы и неопубликованные письменные материалы. С точки зрения видовой классификации использованные источники представлены несколькими группами: 1) законодательные и нормативные документы; 2) делопроизводственная документация; 3) статистические и статистико-описательные материалы; 4) периодическая печать, 5) источники личного происхождения (исследования, записки и мемуары).

1. *Законодательные и нормативные документы* представлены в основном опубликованными законодательными актами (законами, императорскими манифестами, указами, повелениями). Большая часть этих документов была опубликована в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ). Наибольшую значимость для настоящей темы представляют законы, определявшие характер и направление переселенческой политики в 1861–1916 гг.: 30 июля 1865 г.[1], 13 июля 1889 г.[2] и 6 июня 1904 г.[3] В этих документах содержались фундаментальные положения и юридические нормы, отражавшие взгляды государства на политику крестьянских переселений. Анализ этих документов позволяет проследить эволюцию правительственного курса в отношении крестьянских переселений, преемственность взглядов и этапы формирования общей концепции переселенческой политики.

При этом следует учесть, что в ПСЗРИ некоторые законы были опубликованы не полностью. Так, в опубликованном законе 13 июля 1889 г. отсутствовал раздел, касающийся положенных переселенцам ссуд. Это было сдела-

---

[1] О водворении в Алтайском округе государственных крестьян // ПСЗРИ. Собр-е 2-е. СПб., 1867. Т. 40. № 42353.

[2] О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц, означенных сословий, переселившихся в прежнее время // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1891. Т. 9. № 6198.

[3] Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1907. Т. 24. Отд. 1. № 24701.

но в целях не допустить распространения среди крестьян преувеличенных слухов о правительственных пособиях и не вызвать излишнего переселенческого ажиотажа среди крестьян.

Существенным дополнением к Полному собранию законов являются сборники документов и распоряжений по переселенческому делу[1]. Эти сборники содержат не только фундаментальные законы и правила, но и различные подзаконные акты, позволяющие более полно определить содержание и характер основных переселенческих законов.

В целом комплекс законодательных и нормативных документов позволяет выявить характер, направленность и этапы государственной политики в отношении аграрно-крестьянских переселений. Анализ этого вида источников дает возможность проследить эволюцию системы льгот для переселенцев и социальный характер этих льгот.

2. *Делопроизводственная документация* представлена в основном неопубликованными (архивными) источниками. Неопубликованные материалы извлечены из 61 фонда Российского государственного исторического архива (РГИА), Краевого государственного учреждения Государственного архива Алтайского края (КГУ ГААК), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива в г. Тобольске (ГУТО ГАТ), Государственного учреждения Тюменской области Государственного архива Тюменской области (ГУТО ГАТО), Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), Государственного архива Омской области (ГАОО) и Государственного архива Кемеровской области (ГАКО).

Комплекс делопроизводственных документов по форме подразделяется на несколько групп: 1) отчетные документы (отчеты и доклады); 2) переписка вышестоящих учреждений с нижестоящими (предписания, распоряжения, приказы, циркуляры, жалобы, ходатайства, рапорты); 3) переписка государ-

[1] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 года). СПб. : Тип. Переселенческого управления, 1909. 698 с.; Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. XII, 181 с.

ственных и местных органов управления, не подчиненных друг другу (письма, отношения, сообщения); 4) протоколы, журналы заседаний, стенограммы.

Группа отчетных документов представлена всеподданнейшими и служебными записками министров[1], донесениями и всеподданнейшими отчетами губернаторов и ежегодными отчетами и докладными записками заведующих переселенческими районами[2]. К этой группе источников можно отнести опубликованные отчеты чиновников, написанные по результатам их командировок в Сибирь для ознакомления с различными аспектами переселенческого дела[3]. В числе этих документов особое место по значимости занимает записка П.А. Столыпина, опубликованная по результатам служебной командировки в Сибирь и Поволжье. Этот документ представляет собой анализ результатов проводившейся в 1906–1910 гг. политики массовых переселений, подводит итоги целого этапа и намечает основные направления нового правительственного курса. Фактически это программный документ, где были поставлены новые цели и задачи политики крестьянских переселений[4].

К этой группе документов относятся также справки, составлявшиеся сотрудниками канцелярий и аппарата министерств на имя министров, отношения и служебные записки[5]. Документация этого вида раскрывает внутренний механизм функционирования государственных структур, реализовывавших переселенческую политику, позволяет полнее представить характер правительственной политики в отношении крестьянских переселений.

---

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 1–7.

[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 913. Л. 1–16об.; Оп. 2. Д. 20. Л. 1–1об., 7–9; Оп. 3. Д. 759. Л. 21–26; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–13, 36–42, 91–109об., 113–113об., 175–180; ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–52.

[3] Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб. : Гос. тип., 1896. 2, IV, 187 с.; Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1899. 59 с.; Отчет по командировке помощника начальника переселенческого управления министра внутренних дел Кривошеина. СПб. : [Б.и.], 1899. 53 с.

[4] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. 4, 170 с.

[5] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 24–35об.

Содержащаяся в этих документах информация позволяет выявить цели, задачи и направленность переселенческой политики, характер землеотводных работ и ссудной помощи переселенцам, а также проанализировать нереализованные предложения, альтернативные проводившемуся курсу.

Переписка вышестоящих учреждений с нижестоящими может быть разделена на две подгруппы: делопроизводственные документы, исходящие от вышестоящих структур, и документы, исходящие от нижестоящих структур. Документы, исходящие от вышестоящих структур, представлены циркулярами, приказами, распоряжениями, предписаниями по переселенческому делу[1]. Многие из этих документов имели пометку «конфиденциально» или «секретно» и были предназначены для внутриведомственного использования. Эти документы являются существенным дополнением к опубликованным законодательным актам. Их анализ позволяет наиболее полно раскрыть характер и направленность правительственной переселенческой политики.

Документы, исходящие от нижестоящих структур, представлены рапортами, докладами и донесениями местных переселенческих чиновников и крестьянских начальников[2]. Эти документы содержат отчетные данные об образовании переселенческих участков, динамике водворения и устройства переселенцев, выдаче переселенцам ссуд на домообзаводство и обсеменение полей. Анализ указанных документов позволяет делать выводы о практической реализации намеченных правительством переселенческих мероприятий, объеме фактически произведенных дорожных и гидротехнических работ в колонизуемых районах. Рапорты окружных исправников и крестьянских начальников иногда содержат информацию о трениях и конфликтах между переселенцами, с одной стороны, и старожилами и инородцами – с другой[3]. Анализ этих документов позволяет полнее и объективнее представить сложный процесс адаптации новоселов в Сибири. При этом следует учитывать,

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 368–368об.; Д. 272. Л. 20–23; Оп. 2. Д. 83. Л. 2–5; Оп. 3. Д. 734. Л .37–37об.; КГУ ГААК. Ф. Д-127. Оп. 2. Д. 3. Л. 2–2об.
[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 507. Л. 13, 15, 16, 18–19; Оп. 46. Д. 842. Л. 12–12об.; ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 50. Л. 17; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 407. Л. 1, 7, 8, 9–15, 16–16об., 21об.–22.
[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 19. Л. 3–4.

что Всеподданнейшие отчеты губернаторов и министров, а также отчеты заведующих переселенческими районами не всегда содержат достоверную и объективную информацию, их использование требует осторожности и серьезного источниковедческого анализа.

К этой группе документов относятся также ходатайства и прошения переселенцев о переселении, наделении землей, причислении в старожильческие или переселенческие поселки, приемные приговоры и приговоры сельских сходов, просьбы переселенцев об открытии в переселенческих поселках школ, церквей, строительстве мельниц, мостов дорог и т.п.[1] Эти документы носят массовый характер, их анализ позволяет раскрыть причины крестьянских переселений, выявить потребности переселенцев и фактические недочеты в правительственной переселенческой политике. К этому же комплексу источников относятся и документы местных органов госуправления, связанные с ходатайствами переселенцев и их причислением[2].

Современные исследователи отмечают, что документы, исходившие от крестьян, сложны и противоречивы, иногда прошения и жалобы написаны будто «по трафарету», скорее всего, наемным писарем, с указанием повторяющихся аргументов, сильно искажающих истинные мотивы написания документа[3]. В плане достоверности неоднозначными являются жалобы крестьян на качество отведенных переселенческих участков. Часто эти жалобы носили субъективный характер. Нередкими были случаи, когда крестьяне сначала самовольно заселяли понравившийся им земельный участок, а через несколько лет, когда почва оказывалась выпаханной, жаловались на неплодородие отведенных земель и подавали ходатайство о наделении их землями на других участках. Нередко переселенцы жаловались на плохое качество земель, кото-

---

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 334. Л. 2–2об.; Д. 436. Л. 7–7об.; Д. 4000. Л. 1–2; Ф. 239. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.; Оп. 9. Д. 1. Л. 81; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 2. Л. 66–67, 111–112, 119; Д. 56. Л. 2–3об, 6–7.

[2] ГАКО. Ф. Д-46. Оп. 1. Д. 2. Л. 15; Д. 3. Л. 2, 3; ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–169; Д. 51. Л. 1–4; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 802. Л. 3–5.

[3] Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. Ч. 6. С. 79.

рыми ранее не без успеха в течение многих лет пользовались старожилы. Использование этого источника требует критического отношения, серьезного анализа и проверки. Не всегда достоверные данные содержатся и в отчетах местных переселенческих чиновников и крестьянских начальников о количестве свободных душевых долей на вверенных им участках, что неоднократно отмечалось даже П.А. Столыпиным.

Важным видом источников, исходящих от нижестоящих госструктур, являются сметы расходов по переселенческим районам и объяснительные записки к ним[1]. Документы такого типа в высшей степени информативны. Их анализ показывает, какие направления развития переселенческого дела были приоритетными и какие суммы на отдельные нужды предполагалось потратить. Вместе с тем в объяснительных записках к сметам расходов заведующие переселенческими районами стремились обосновать необходимость выделения максимально возможных сумм и поэтому представляли ситуацию с постановкой переселенческого дела в районе хуже, чем она была на самом деле. Поэтому использование данных, содержащихся в объяснительных записках к сметам расходов, требует осторожности и сопоставления с данными из годовых отчетов заведующих районами.

Межведомственная переписка представлена письмами, отношениями и сообщениями между канцеляриями Томского губернатора и начальника Алтайского округа и перепиской между администрацией сибирских и европейских губерний по вопросу о перечислении переселенцев[2]. Анализ этих документов позволяет извлечь информацию о передаче казенных и кабинетских земель в колонизационный фонд, а также раскрывает противоречия и трения между различными ведомствами по вопросам реализации переселенческой политики.

Последняя группа делопроизводственных документов представлена журналами заседаний, стенограммами и протоколами работы комиссий, под-

---

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 42–129; Ф. 239. Оп. 1. Д. 115. Л. 6–144; Д. 123. Л. 2–123.
[2] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 406. Л. 1–1об.; КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2325. Л. 38–38об.; Д. 2177. Л. 111–111об.; Д. 2210. Л. 115.

комиссий и иных госучреждений. В плане значимости для настоящей темы исследования наиболее информативными являются журналы заседаний Комитета Сибирской железной дороги и журналы заседаний подготовительной комиссии при КСЖД[1]. Эти документы не только раскрывают характер и содержание правительственного курса в отношении переселений, но и показывают борьбу мнений и взглядов внутри правительства в отношении проводимой политики. Несколько менее информативными являются журналы Присутствий губернских управлений, где в основном рассматривались частные вопросы о выделении ссуд на общеполезные надобности для строительства школы, церкви, хлебозапасного магазина и т.п. или производства земельной прирезки к уже существующему селению[2]. К этой же группе источников относятся протоколы заседаний временных комиссий об образовании переселенческих участков[3]. Документы такого типа содержат описания переселенческих участков, их почвенные и ландшафтные характеристики, данные о наличии на участке водных или лесных ресурсов и общее заключение о пригодности для ведения сельского хозяйства. Использование документов такого типа требует критического отношения, так как доказано, что иногда временные комиссии допускали формальное отношение к делу приемки участков и признавали годными участки, которые в действительности были малопригодными для сельскохозяйственной деятельности.

В целом комплекс делопроизводственных документов позволяет осветить основную часть вопросов, связанных с организацией и проведением переселенческого дела. При этом документы, носившие ведомственный характер, особенно не предназначенные для публикации, а также протоколы заседаний и журналы работы комиссий, документы межведомственной переписки являются более достоверным источником. Менее надежны рапорты, доклады, донесения, сметы и отчеты нижестоящих организаций, где ситуация

[1] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сб. док. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 150, 220–225, 228–234; ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 25–140об.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2331. Л. 2–4об.; ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 27. Л. 1–1об.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–169; Д. 51. Л. 1–4.

иногда преподносилась в намеренно искаженном виде. Требуют критического отношения и перепроверки также жалобы, ходатайства и прошения переселенцев. Эти документы в большинстве своем носят субъективный характер.

3. *Статистические и статистическо-описательные материалы* представлены в основном опубликованными источниками по результатам землеотводных работ, по учету прямого и обратного передвижения переселенцев и опубликованной статистикой по результатам экономических обследований переселенческих хозяйств. Источники этой группы представлены материалами ведомственной статистики. В 1870-х – первой половине 1890-х гг. статистику переселенческого дела вели Министерство государственных имуществ (МГИ) и Главное управление Алтайского горного округа. Накануне начала массовых переселений МГИ с 1886 г. начало статистическое обследование государственных крестьян и аборигенов. Материалы по Западной Сибири вышли в 22 выпусках, в них нашли отражение некоторые данные о переселенцах, водворявшихся в середине XIX в., а также общие данные о развитии производительных сил в сельском хозяйстве, системах землепользования и полеводства. Недостатком этого обследования было то, что исследователи широко применяли методику «средних» величин, что скрывало процесс социальной дифференциации[1].

В 1893–1894 гг. в Тобольской и Томской губерниях было проведено специальное обследование экономического положения переселенческих хозяйств. В Тобольской губернии обследование охватило 100 переселенческих поселков, возникших с конца 1870-х г. по 1893 г. Вследствие таких выявленных самими авторами неточностей следует оценивать полученные результаты лишь как приблизительные[2]. Обследование в Томской губернии проводилось известным статистиком А.А. Кауфманом, охватило 82 поселка и несколько десятков приселений к старожильческим селениям в Каинском, Томском и

[1] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб.: Альфарет, 2010. В 20 кн. Вып. 1–22.

[2] Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 1870-х годов до 1893 г.). М., 1897. Т. 1–2.

Мариинском уездах. Информация собиралась путем поселенного опроса и сплошной подворной переписи[1]. Обследование было организовано по решению Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД), его результаты должны были показать, насколько прочно устраивались переселенцы в конце 1870-х – начале 1890-х гг. Материалы этого обследования дают основание для выводов о побудительных мотивах, толкнувших крестьян на переселение, об имущественном положении на момент водворения и на момент проведения исследования. При этом обследование не учитывало самовольных непричисленных переселенцев, отсутствуют данные об их количестве и хозяйственном устройстве.

В 1882 г. в Алтайском округе Н.А. Вагановым было проведено хозяйственно-статистическое исследование крестьянских волостей. Результаты исследования носят описательных характер, группировка по хозяйственным признакам переселенческих дворов отсутствует, поэтому выводы о прочности водворения переселенцев на основании результатов исследования сделать не представляется возможным. Вместе с тем в этом исследовании имеются относительно точные данные о количестве переселенцев, в том числе самовольных. Представленные данные позволяют выявить основные районы Европейской России, являвшиеся в 1860–1870-х гг. источниками крестьянских миграций в Алтайский округ. Результаты этого исследования также дают основания для вывода о наличии значительного резерва свободных земель, имевшегося в подавляющем большинстве селений Алтайского горного округа в начале 1880-х гг.[2]

Следует также выделить статистические данные по хозяйству переселенцев, водворявшихся в Алтайском округе, собранные С.П. Швецовым. Это обследование было проведено по инициативе «Общества любителей исследо-

---

[1] Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным, произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора, подворного исследования. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1895–1896. 1895. Т. 1, ч. 1; 1895. Т. 1, ч. 2; 1896. Т. 1, ч. 3; 1896. Т. 2, ч. 1.

[2] Ваганов Н. А. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. СПб. : [Б.и.], 1885. 149, 74, 35, 205 с.

вания Алтая». Обследование проводилось в 1894 г., охватило 133 поселка в Бийском, Барнаульском, Кузнецком и частично Змеиногорском округах. Были изучены поселки в разных географических зонах: безлесной и лесной частях степи, горно-лесном и горно-безлесном районах. В статистику попали 10 633 хозяйства причисленных переселенцев и 6 233 хозяйства непричисленных[1]. Материалы этого обследования ценны тем, что дают представление о степени успешности развития переселенческих хозяйств в условиях почти полного отсутствия правительственной помощи, так как переселенцы водворялись по закону 1865 г., который не предполагал какие-либо виды помощи за исключением бесплатного леса.

С середины 1890-х гг. переселенческая статистика концентрируется в компетенции Переселенческого управления. В числе статистических изданий этого ведомства следует выделить сборник данных по учету движения переселенцев «Сибирское переселение»[2]. Этот источник содержит данные о передвижении переселенцев в 1885–1895 гг. через Тюмень, которая являлась до середины 1890-х гг. основным перевалочным пунктом на пути движения переселенцев. Правда, следует учитывать, что имелись и иные маршруты движения переселенцев, поэтому часть из них в эту статистику включена не была. Ввиду этого материалы сборника следует рассматривать лишь как ориентировочные. Вместе с тем данные этого источника позволяют выявить основные районы выхода переселенцев и отражают общую динамику роста переселенческого движения.

На рубеже 1890 – 1900-х гг. канцелярией комитета министров было издано несколько сборников по переселенческому делу. Сбор данных осуществлялся через переселенческих и крестьянских чиновников. Статистические

---

[1] Швецов С. П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Результаты статистического исследования в 1894 г. Экономические таблицы. Барнаул : Типо-литогр. при Гл. упр. Алт. округа, 1899. Вып. 1. С. I–III, 18.

[2] Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и на других пунктах) в 1885–1895 гг. Тюмень : Тип. Л. К. Высоцкой, 1899. Вып. 1. 356 с.

данные были представлены по нескольким ключевым вопросам: 1) движение переселенцев, 2) водворение их в Сибири и 3) выдача ссуд. Источниковая база этого исследования достаточно репрезентативна: в 1899–1900 гг. были представлены данные по 1 318 переселенческим поселкам Семипалатинской и Акмолинской областей, Тобольской, Иркутской, Енисейской и казенных уездов Томской губерний. В 1899 г. было обследовано 65 480 семей новоселов, в 1900 г. – 73 398. Материалы этих обследований позволяют делать выводы о характере и динамике переселенческого движения, районах выхода переселенцев, их имущественном положении на родине и в Сибири. В сборниках также представлены общие сведения о размерах ссудной помощи новоселам и данные о среднем размере ссуды по отдельным уездам[1].

Менее масштабным было обследование, проведенное Переселенческим управлением в 1903–1904 гг. Это обследование охватило 13 712 переселенческих дворов в Степном крае и Сибири, носило выборочный характер. Переселенческие поселки для обследования выбирались по их «типичности», которая определялась местоположением, природными условиями, качеством почвы, количеством дворов. Материалы обследования позволяют сделать общий вывод о зависимости между давностью водворения и степенью имущественной обеспеченности переселенцев. В обследовании широко использовалась методика «средних» цифр, но при этом данные обследования показывают и наличие социальной дифференциации среди переселенцев. Субъективный подбор переселенческих поселков для их обследования несколько снижает научную значимость этого источника[2].

Материалы по итогам землеотводных работ представлены статистическими сборниками, изданными Переселенческим управлением и Главным

---

[1] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г. СПб. : Гос. тип., 1899. IV, XXIII, 144 с.; Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1898 г. СПб. : Канцелярия комитета министров, 1900. XXXV, 527 с.; Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1899 и 1900 гг. СПб. : Гос. тип., 1903. XVII, 423 с.

[2] Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб. : Электро-типогр. Н. Я. Стойковой, 1905. Таблицы. Ч. 1, вып. 19. IV, X, 549 с.

управлением Алтайского округа. В этих сборниках представлены данные по количеству заготовленных переселенческих участков на казенных и кабинетских землях по отдельным годам с информацией о количестве душевых долей, соотношении удобных и неудобных земель, наличии водных источников и лесных ресурсов на участке. Анализ этих сборников позволяет выявить характер и масштабы землотводных работ, темпы заготовки колонизационного фонда и качество переселенческих участков[1]. Недостатком этих работ является наличие неточностей и опечаток, поэтому сопоставление данных из разных источников обнаруживает несовпадение и в общих размерах землеотводных работ, и в количестве отведенных переселенческих участков за отдельные годы.

Очень ценными в плане информативности представляются материалы, собранные Я.Ф. Ставровским, В.В. Алексеевым, Н. Турчаниновым и А. Домрачевым[2], которые позволяют проследить динамику и направления движения ходоков и переселенцев по отдельным годам, проанализировать тенденции подъемов и спадов в переселенческом движении, выявить основные губернии выхода переселенцев. Эти материалы были собраны на основе данных регистрации в Челябинске и Сызрани с 1896 г., но они не учитывали переселенцев и ходоков, направлявшихся в области Степного края по грунтовым дорогам или через ст. Кинель.

В 1911–1912 гг. комиссией В.К. Кузнецова было проведено обследование экономического положения переселенческих хозяйств в 447 поселках в Акмолинской области, Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской губер-

[1] Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1903. Вып. 14. 199 с.; Книга образования переселенческих участков, 1885–1912. Томск : Тип. Детского приюта и Дома трудолюбия, 1913. XVI, 955, 120 с.; Очерк переселенческого дела в Алтайском округе, 1884–1898 г. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. 39, 93 с.

[2] Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В. Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. СПб. : Электро-типогр. Н. Я. Стойковой, 1906. Вып. 18. IV, 3, 48, 81 с.; Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Тип. Переселен. упр., 1910. VIII, 85 с.; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг. : Тип. Переселен. упр., 1916. 81 с.

ниях. Была проведена сплошная подворная перепись 31 984 хозяйств (из них в Западной Сибири – более 20 000). Это обследование было организовано Переселенческим управлением по просьбе Госдумы, целью обследования было выяснение вопроса об экономическом положении переселенцев после водворения в Сибири. Обследуемые поселки были намечены переселенческими чиновниками по принципу их «типичности». В этих материалах содержится группировка переселенческих хозяйств по времени водворения, посевным площадям, покосам и наличию скота, обеспеченности рабочей силой и денежными средствами на момент водворения[1].

В материалах комиссии Кузнецова широко использовалась методика «средних» цифр, имела место и субъективность при подборе обследовавшихся поселков. Вместе с тем материалы комиссии Кузнецова содержат данные о социальном расслоении переселенцев, показывают факт существования в Сибири непричисленных переселенцев и сведение об отсутствии у многих непричисленных своего жилья, посевов, скота и т.п., что никак не свидетельствует о стремлении умолчать об отрицательных сторонах переселенческого процесса или представить ситуацию лучше, чем она была на самом деле. О стремлении к объективности свидетельствуют и опубликованные в материалах комиссии В.К. Кузнецова данные опросов об оценке переселенцами своего положения на новом месте. Конечно, абсолютное большинство новоселов показало, что на новом месте устроилось лучше, чем в губернии выхода, но и процент заявивших об ухудшении своего положения тоже был относительно не мал: по Томской губернии 22,9% опрошенных показали, что в Сибири им живется хуже. Доля таких показаний была значительной даже для дворов, проживших в Сибири 8–18 лет (21,6%) или имевших свыше 9 десятин посева (17,8%). Эти данные свидетельствуют не столько о тенденциозности, сколько об объективном изложении полученных данных.

[1] Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912–1913. Вып. 1–5.

В.К. Кузнецов был сторонником идеи трудовых крестьянских хозяйств, а материалы, им опубликованные, содержат данные, во-первых, об имущественном расслоении переселенцев, во-вторых, о том, что значительная часть новоселов, по итогам обследования, не могла быть отнесена к числу «трудовых», так как трудовые нормы в многопосевных хозяйствах были превышены в 3 раза. Эти зажиточные дворы (их было 18,7%) широко использовали наемную рабочую силу, что никак не вписывалось в представления о трудовом характере хозяйств. Хотя полученные данные не соответствовали идейным представлениям самого В.К. Кузнецова, эти материалы были опубликованы, что косвенно подтверждает стремление автора к объективности.

Следует также принять во внимание, что получаемые в результате экономических обследований переселенцев данные могли быть искажены самими переселенцами, но не в сторону завышения, а в сторону *занижения*. Историками советского периода на примерах различных переписей и подворных обследований было доказано, что крестьяне всячески стремились преуменьшить размеры своих хозяйств[1]. Исследователи на рубеже XIX–XX вв. также отмечали, что переселенцы даже по прибытии на участок стремились тщательно скрыть наличие у них денежных средств и зажиточные производили вид, чуть ли не нищих[2]. Таким образом, материалы комиссии Кузнецова хотя и содержат серьезные недостатки, но показания самих переселенцев имеют тенденцию к занижению фактических экономических показателей, что частично нивелирует тенденциозность статистиков и приближает полученные комиссией В.К. Кузнецова показатели к объективным.

Существенное значение имеют материалы по экономическому обследованию переселенческих хозяйств в Томской губернии, проведенные под руководством профессора В.Я. Нагнибеды. Нагнибеда отказался от методики под-

---

[1] Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск : Наука, 1975. С. 8–13; Он же. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1963. С. 71, 164, 221–223; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск : Вост. Сиб. кн. изд., 1966. С. 14–16, 27, 317–318.

[2] Остафьев В. Переселенцы в Сибири // Юридический вестник. 1891. Т. 8. С. 399.

бора обследуемых поселков по принципу «типичности» и использовал случайную выборку, что значительно повышает достоверность собранных им материалов. В 1909–1910 гг. В.Я Нагнибеда обследовал экономическое положение непричисленных переселенцев Томской губернии, выявив среди этой группы сильное имущественное расслоение по наличию рабочего скота, посева и сельскохозяйственного инвентаря[1]. В 1911–1912 гг. под руководством Нагнибеды было проведено экономическое обследование 18 772 хозяйств переселенцев Томской губернии в 291 переселенческом поселке. При этом Нагнибеда отказался от методики подбора подлежащих обследованию переселенческих поселков по признакам «типичности» и использовал случайную выборку. Выборка исследуемых поселков осуществлялась с учетом даты их возникновения[2]. Хотя В.Я. Нагнибеда использовал методику «средних» цифр, но собранные им данные показывают и социальную дифференциацию переселенческих дворов, и зависимость благосостояния переселенцев от давности водворения.

Отдельным исследованием в 1912–1913 гг. под руководством В.Я. Нагнибеды в Барнаульском, Каинском, Томском и Мариинском уездах Томской губернии были охвачены 6 023 хозяйства переселенцев, приселившихся к старожилам и неприписанных новоселов. Программа обследования этих хозяйств включала сбор данных по посевам, покосам, промыслам, наличию скота. Группировка хозяйств осуществлялась по критериям размеров посевной площади и сроков водворения[3].

Статистико-описательные и справочные источники представлены памятными книжками губерний и областей, в которых публиковались общие данные о количестве населения, колонизационном фонде, сельском хозяй-

---

[1] Нагнибеда В. Я. Не приписанные переселенцы Томской губернии в 1910 году // Вопросы колонизации. 1912. №. 11. С. 283–298.

[2] Нагнибеда В. Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. Томск : Тип. В. М. Перельман, 1913. Вып. 1–2.

[3] Он же. Переселенцы, приселившиеся к старожилам Алтайско-Томской части Сибири. Томск : Кр. знамя, 1927. VII, 615 с.

стве, землевладении[1]. Дополнительным источником информации являются справочные издания о Сибири, публиковавшиеся Переселенческим управлением. Многие из этих изданий предназначались для ходоков и переселенцев и содержали общую информацию о Сибири, ее климате, географических и природных условиях, а также практические советы о правилах переселения и выбора переселенческих участков[2].

К группе статистико-описательных источников можно отнести также труды комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Материалы этих комитетов позволяют выявить комплекс причин и факторов, толкавших крестьян на переселение в Сибирь: агротехнический кризис и кризис трехпольной системы, дробление крестьянских наделов, аграрное перенаселение и т.п. В этих трудах констатировалось, что в крестьянских хозяйствах одновременно с постоянным приростом крестьянского населения и сокращением душевых наделов имеет место застой в сфере агротехники, крестьянство в основной массе держится за «дедовские» приемы ведения хозяйства и никак не может приспособиться к ситуации, требующей качественно новых, более интенсивных приемов агротехники[3].

К статистико-описательным и справочным источникам можно отнести также отчеты ГУЗиЗ о положении переселенческого дела в Азиатской России[4]. В этих отчетах в полной мере представлены статистические данные о прямом и обратном движении переселенцев и ходоков, материалы о землеот-

---

[1] Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 год. Тобольск : Тип. губ. упр., 1908. 134, 58, 87 с.; Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 год. Тобольск : Тип. губ. упр., 1909. 292, 7 с. и др.

[2] Переселение за Урал в 1908 году. Справочная книжка с картою заселяемых переселенцами местностей и железных дорог Азиатской России. СПб. : Тип. «Слово», 1908. Вып. 41. 159 с.; Переселение за Урал в 1910 г. СПб. : Тип. «Сельского Вестника», 1910. 16 с.; Сведения о земледельческой полосе Сибири. Вып. 7. СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1901. III, 121, 46 с. и др.

[3] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб. : Тип. т-ва «Народная польза», 1903. Т. 19. С. 189–213, 528–530, 609; Там же. Т. 35. С. 323, 365–366; Там же. Т. 42. С. 260.

[4] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. 501 с.; Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1912. XIV, 325 с.; Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. 331 с. и др.

водных, гидротехнических, дорожно-строительных, мелиоративных работах, а также данные об основных видах помощи, оказанной переселенцам и ходокам за отчетный период.

К группе статистических источников относятся и ежегодно публиковавшиеся приложения к губернаторским отчетам, которые содержат общие статистические сведения по конкретным губерниям и областям. Нередко в этих отчетах публиковались статистические данные по заготовке колонизационного фонда, движению переселенцев и ходоков, строительству дорог, школ и церквей в отдельных районах Азиатской России [1].

В целом комплекс статистических и справочных источников позволяет решать задачу по анализу динамики переселенческого движения, выявлять подъемы и спады переселенческого движения. На основании анализа комплекса статистических источников можно выявить динамику развития переселенческих хозяйств в зависимости от природно-географических районов водворения, обеспеченности рабочей силой и денежными средствами на момент водворения, а также сопоставить экономическое положение новоселов в губернии выхода и местах водворения.

4. *Материалы периодической печати* представлены центральными и региональными газетными и журнальными изданиями. Журнальные издания представлены несколькими направлениями: консервативно-официальное («Вопросы колонизации», «Русский вестник»), либеральное («Вестник Европы», «Русская мысль», «Сибирские вопросы»), народническое («Русское богатство», «Северный вестник», «Дело», «Отечественные записки»). Идейная и политическая направленность этих изданий отразилась на характере публикаций. Статьи, опубликованные в изданиях официального направления, характеризуются некритическими или даже тенденциозно положительными оценками правительственной политики, но нередко содержат большой объем

[1] Обзор Акмолинской области за 1881 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1882. 34 с.; Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск : Тип. губ. упр., 1916. 40 с.; Обзор Томской губернии за 1909 г. Томск : Тип. губ. упр., 1910. 64 с.

фактического материала, статистики или раскрывают задачи правительственных мероприятий переселенческой политики.

Публикации либеральных и народнических изданий, напротив, по содержанию были нацелены на выявление недочетов в правительственной переселенческой политике. В этих изданиях нередко печатались факты о бедствиях переселенцев, их болезнях в пути, недостаточном питании, плохом медицинском обслуживании, смертности. Издававшийся в период Столыпинских переселений журнал «Сибирские вопросы» характеризуется резкой тональностью публикаций. Причем многие авторы в этом журнале публиковали откровенно тенденциозные статьи, подвергая критике буквально все мероприятия правительства, связанные с реализацией переселенческой политики в Сибири.

Отдельно следует упомянуть о нескольких журнальных изданиях, которые имели не политический, а научный оттенок («Юридический вестник», «Русская старина», «Русская речь»). В числе периодических изданий следует упомянуть несколько газетных изданий: «Жизнь Алтая» (Барнаул), «Омский телеграф» (Омск), «Восточное обозрение» (Санкт-Петербург, Иркутск). Также следует отметить общекультурное периодическое издание «Мир Божий». В этих изданиях публиковались материалы исследований по аграрному вопросу и проблеме крестьянских переселений в Сибирь. Анализ данных публикаций позволяет выявить мотивы выхода крестьян на переселение, социальный состав переселяющихся, направленность крестьянских миграций, а также делать выводы о предпосылках крестьянских переселений. При этом следует учесть, что периодическая печать разных идейно-политических направлений имела тенденциозный характер, поэтому использование этих публикаций требует серьезного источниковедческого анализа и критического отношения.

5. *Источники личного происхождения, исследования, записки и мемуары* представлены трудами публицистов, исследователей, общественных и государственных деятелей, которые были живыми свидетелями переселенче-

ского движения. К числу таких авторов следует отнести А.М. Беркенгейма и Н.М. Ядринцева[1], в их работах переселенческое движение показано во всем многообразии, без каких-либо попыток его приукрасить. Весьма информативными являются работы Н.А. Рубакина, В.Л. Дедлова, Н.Н. Медведева[2].

Особую значимость имеют также работы, написанные по впечатлениям ходоков и переселенцев, лично участвовавших в переселенческом процессе. Эти работы дают возможность увидеть переселенческий процесс изнутри глазами самих крестьян, оценить не вошедшие в официальные отчеты особенности переселений[3].

К числу источников личного происхождения можно также отнести мемуары, оставленные бывшими чиновниками или их потомками[4]. Эти работы ценны тем, что в своих воспоминаниях бывшие сотрудники госаппарата раскрывают многие вопросы и ведомственные секреты, которые не нашли отражение в официальных документах и были известны лишь узкому кругу непосредственных участников этих событий.

К этой же группе источников относятся труды, публиковавшиеся земскими организациями. В период Столыпинских переселений земства из Европейской России принимали активное участие в переселенческом движении. Нередко агенты земских организаций сопровождали переселенческие и ходаческие партии, оказывали крестьянам практическую помощь в поиске и

---

[1] Беркенгейм А. М. Переселенческое дело в Сибири (по личным наблюдениям и официальным данным). М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. 61 с.; Ядринцев Н. М. Из наблюдений над переселенцами в Западной Сибири летом 1892 г. // Землеведение. М. : Высочайше утвержденное т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1895. Кн. 4. С. 59–84.

[2] Дедлов В. Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб. : Изд. М. М. Ледерле и К°, 1894. 201 с.; Медведев Н. Н. Переселенцы в Сибири. Доклад Комитету общества вспомоществования переселенцам. СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1891. 68 с.; Рубакин Н. А. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. М. : Типо-литогр. Рус. т-ва печатн. и изд. дела, 1915. 198 с.

[3] Беляков И. Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3. С. 1–14; Сумкин М. М. В Сибирь за землею (из Калужской губернии в Семипалатинскую область) : Записки ходока. М. : Тип. «Печатное дело», 1908. 61 с.

[4] Витте С. Ю. Воспоминания. М. : Изд-во социально-экон. лит., 1960. Т.1. 555 с.; Кривошеин К. А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М. : Московский рабочий, 1993. 263 с.; Татищев А. А. Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М. : РУССКИЙ ПУТЬ, 2001. 376 с.

осмотре переселенческих участков и т.п. Публиковавшиеся земскими организациями труды часто представляют собой описания переселенческого движения, оставленные непосредственными участниками этого процесса. Ценность этих свидетельств также в том, что они не приукрашены, переселенческие агенты просто описывали то, что видели[1].

В целом источниковая база позволяет охватить все аспекты изучаемой темы и решить поставленные диссертантом цели и задачи. Различные виды использованных диссертантом источников дополняют друг друга, дают возможность объективно исследовать процесс государственной политики аграрно-крестьянских переселений, выявить этапы, содержание и реализацию этой политики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Государственная политика в отношении крестьянской колонизации Сибири на каждом из выделенных этапов претерпевала трансформацию, но при этом носила преемственный характер. В 1881–1910 гг. государство активно разрабатывало концепцию аграрной колонизации Сибири. Правительственное понимание места, роли и задач крестьянских переселений претерпевало изменения, но при этом сохранялась преемственность правительственного курса. Концепция крестьянской колонизации Сибири формировалась на основе геополитических и экономических задач, при этом Сибири отводилась подчиненная роль.

2. Условия аграрной реформы 1861 г. сформировали комплекс факторов, оказывавших как сдерживающее влияние на крестьянские переселения, так и стимулирующих миграционные настроения крестьян. Главными факторами, влиявшими на рост крестьянских переселений, были агрикультурный кризис, аграрная перенаселенность и обезземеливание крестьянства. Все они

---

[1] Деятельность Черниговского губернского земства по переселению в осенний сезон 1908 г. Чернигов : Тип. губ. земства, 1909. 97, 28 с.; Деятельность Черниговского губернского земства по переселению за 1909 год. Чернигов : Тип. губ. земства, 1910. 228 с.; Свечин А. А. Отчет о командировке в Сибирь для ознакомления с постановкой переселенческого дела Гласного Черниговского губернского земского собрания. СПб. : Тип. Ц. Крайце, 1910. 99 с.

в совокупности с ментальными установками на экстенсивные методы борьбы с кризисом, формировалиу крестьян миграционное сознание. Основным побудительным мотивом переселений было стремление крестьян восстановить производственный потенциал.

3. Государственная помощь переселенцам с 1881 г. носила социальный характер, фактически была ориентирована на оказание поддержки в первую очередь неимущим и малоимущим новоселам и ходокам. В течение второй половины XIX – начала XX в. сохранялась тенденция постоянного «обеднения» крестьян, принимавших участие в переселенческом процессе. Одновременно правительство расширило направления и масштабы государственной помощи новоселам, в том числе за счет бесплатного питания, бесплатного медицинского обслуживания и выдачи безвозвратных пособий. Расширенная государственная помощь позволила в целом компенсировать недостаток собственных средств у переселенцев.

4. Решающий этап колонизации Западной Сибири приходится на период Столыпинских переселений в 1906–1914 гг. При этом в 1906–1910 гг. крестьянские переселения в Сибирь были инструментами геополитики и решения внутриполитических проблем Европейской России. Основным рычагом регулирования крестьянских переселений были меры административного характера. В 1910–1911 гг. правительством П.А. Столыпина был разработан проект, который учитывал не только глобальные интересы страны, но и интересы Сибири. В этом проекте был реалистично оценен сельскохозяйственный потенциал Сибирского региона, определены основные направления развития его экономики. Этот проект предполагал превращение Сибири в один из основных сельскохозяйственных районов страны с ориентацией на экспорт. Крестьянская колонизация была основным инструментом реализации этого проекта. При этом государство отказалось от мер административного регулирования крестьянских переселений и перешло к более мягким, экономическим методам регулирования переселенческих потоков.

5. Массовые крестьянские переселения в Сибирь были процессом, в котором тесно переплетались интересы государства и крестьян. Эти интересы в значительной степени объективно совпадали. Крестьянство за счет переселений стремилось восстановить свой хозяйственный потенциал и эффективность отживавшей экстенсивной трехпольной системы, избежать разорения и раскрестьянивания. Государство за счет массовых крестьянских переселений пыталось снизить аграрную перенаселенность в Европейской России, закрепить за Россией азиатскую часть страны и освоить природно-ресурсный потенциал Сибири.

6. Поставленные государством задачи по колонизации Сибири были во многом реализованы уже к 1914 г. Правительству в целом успешно удалось справиться с задачей массового переселения крестьян за Урал, в результате плотность заселения восточных окраин страны увеличилась, что способствовало закреплению этого региона за Российской державой. Другая магистральная задача правительства Столыпина, связанная с превращением Сибири в один из основных сельскохозяйственных районов страны, дала положительный эффект уже к 1914 г. К началу Первой мировой войны выросли основные показатели, характеризующие уровень развития сельского хозяйства Сибири. При этом Сибирский регион еще имел значительный резерв для роста. Дальнейшему развитию региона и полной реализации правительственного курса помешала Первая мировая война.

Научно-практическая значимость работы состоит в возможности использования материалов, положений и выводов исследования при подготовке спецкурсов по истории Сибири и базовых курсов по истории России. Материалы диссертации были широко использованы автором в учебном процессе в Кузбасском государственном техническом университете при разработке лекционных курсов по дисциплинам «Экономическая история Кузбасса», «Развитие Кузбасса», «История Кузбасса».

Структура исследования обусловлена его целями и задачами. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных

источников (279 наименований) и литературы (432 наименования), приложения в виде 3 таблиц. В первой главе проводится историографический анализ научной литературы по теме. Во второй главе выявляются этапы и предпосылки крестьянских переселений, характер правительственной политики аграрно-крестьянских переселений в 1861–1905 гг. и анализируется комплекс мероприятий государства по устройству переселенцев в Западной Сибири. В третьей главе анализируются задачи, характер, динамика крестьянских переселений и развитие системы помощи новоселам в 1906–1917 гг. В четвертой главе выявлены основные направления и тенденции землеотводных, гидротехнических, мелиоративных и дорожно-строительных работ в Западной Сибири в 1906–1917 гг.

Апробация результатов работы. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на заседании кафедры отечественной истории Томского государственного университета и на заседании кафедры отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета, были сформулированы в форме докладов на 17 региональных, всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях (в Томске, Барнауле, Новосибирске, Кемерово, Красноярске, Иркутске), изложены в двух монографиях, в том числе одной коллективной (авторский вклад 0,3 п.л.), 48 научных публикациях, из которых 17 опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для публикации результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ АГРАРНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В 1861–1917 гг.

В отечественной историографии можно выделить дореволюционный этап (1861–1917 гг.), советский этап (1917–1991 гг.) и постсоветский этап (1991 г. – наши дни). В свою очередь советский этап можно разделить на два периода: 1917–1940-е гг. и 1950–1991 гг. Критериями выделяемых этапов следует считать смену социально-политического строя страны, что предопределяло изменение научных подходов и методологических концепций, доминировавших в исторической науке, а также изменение источниковой базы.

1.1. Основные направления дореволюционной отечественной историографии

Дореволюционный этап отечественной историографии характеризуется наличием четырех основных направлений: официального, либерального, народнического и марксистского. **Официальное** направление историографии крестьянских переселений начало складываться в 1880-х гг., когда переселенческий процесс становится заметным явлением. Для представителей этого направления 1880–1890-х гг. было характерным стремление дать теоретическое осмысление темы крестьянских переселений. Одним из первых исследователей этого направления был А. Васильчиков. Он достаточно подробно анализировал характер и суть переселений как общемирового явления, сравнил колонизационные процессы в России и других странах. Являясь сторонником развития переселений, он считал, что государственный интерес к этому процессу возможен только в тех случаях, когда налицо земельная теснота, высокая плотность населения и иные возможности ликвидации малоземелья отсутствуют, при этом он указал на тенденцию зарождения сельского пролетариата в некоторых местностях России. Васильчиков предлагал вводить для

переселенцев ссуды и пособия, на основных маршрутах движения переселенцев учредить переселенческие конторы и расширить землеотводные работы[1]. При этом многие из предложений автора представляются достаточно противоречивыми. Так, он увязывал переселение с малоземельем, но считал при этом, что неимущим и безлошадным семьям переселенцев давать ссуды смысла нет, так как никакие субсидии не спасут их от нищеты.

К числу теоретических работ по переселенческой проблематике относится книга Н. Серповского. Как и большинство исследователей второй половины XIX в. основную причину переселений он видел в крестьянском малоземелье. Автор в целом положительно оценил перспективы крестьянских переселений с точки зрения борьбы с малоземельем, указав не только на факт увеличения средних земельных наделов у остающихся в обществах крестьян, но и на снижение покупных и арендных цен на землю в районах выхода переселенцев[2].

В целом попытки авторов 1880-х гг. дать теоретическое осмысление таких явлений, как переселение и колонизация, сводились в основном к экономическим дефинициям: малоземелье, земельная теснота, аграрное перенаселение и т.п. Одним из немногих, кто указал на военное и стратегическое значение переселений в Азию, был Ф.М. Уманец. Он предложил провести исследование заселяемых областей, развивать дорожную систему и расширить заготовку колонизационного фонда[3].

В отдельных трудах официального направления высказывалось мнение, что крестьяне переселяются без причины и четкой цели, лишь в силу каких-то бродячих инстинктов или врожденного стремления русского народа к

---

[1] Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1881. С. 129–132, 135–136; Он же. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1876. Т. 2. С. 853–923, 1001–1003.

[2] Серповский Н. Переселения в России в древнее и новое время и их значение в хозяйстве страны. Ярославль : Типо-литогр. Г. В. Фальк, 1885. С. 177–182.

[3] Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1884. С. 32–34, 43, 49, 67.

переезду на новые места[1]. Отмечалось также, что на рубеже 1870–1880-х гг. переселялись в основном крестьяне, имевшие большие наделы, из чего делался вывод, что такие переселенцы шли без всякой надобности, не имея четких представлений о пути своего переселения и его целях, по принципу «народ пошел, ну и мы пошли»[2].

В числе работ второй половины XIX – начала XX в., имеющих значение для нашей темы, следует отметить некоторые труды Ф. Бара[3], П. Дюшена и А.А. Риттиха. Эти работы хотя и не затрагивали переселенческую проблематику, но раскрывали предпосылки крестьянских переселений: агротехнический кризис, имущественную дифференциацию крестьянства, разложение общинных отношений, относительное и абсолютное малоземелье и т.п. В работах П. Дюшена и А.А. Риттиха показан процесс сокращения крестьянского землевладения, вскрываются механизмы возникновения крестьянского малоземелья и безземелья, толкавшего крестьян на переселения[4].

Рубеж XIX–XX вв. характеризуется попытками исследователей обобщить опыт процесса колонизации и освоения русскими Сибири, в том числе и в пореформенный период. Большинство написанных ими работ основывалось на опубликованных статистических материалах и законодательных актах. Некоторые из этих работ носили обзорный или описательный характер[5], но несколько трудов этого периода отличалось значительным фактическим материалом и стремлением авторов максимально полно изложить проблему

---

[1] Краткая выписка из отчетов Высочайше командированной комиссии в Алтайский округ в 1882 году. СПб. : Тип. Департамента уделов, 1885. С. 73–74.

[2] Берг И. Н. По вопросу о переселении крестьян. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1882. С. 3–4.

[3] Бар Ф. Крестьянское общинное землевладение в аграрном и социально-политическом отношениях. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. 43 с.; Он же. Общинное землевладение, малоземелье, переселение и земледельческий, экономический и торговый кризис в России. СПб : Тип. В. Киршбаума, 1886. 52 с.

[4] П. Д. Русский социализм и общинное землевладение. М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1899. 177 с.; Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1903. 217 с.

[5] Дуров А. Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск : Тип. губерн. правления, 1891. 58 с; Медведев Н. Н. Переселенцы в Сибири. СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1891.

сибирской колонизации. Среди них следует выделить работу «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом». Несмотря на официальный характер издания, его авторов отличало стремление по возможности объективно осветить переселенческий процесс. В работе не скрывались имевшие место негативные факты в организации переселений в 1880-е гг.: неудовлетворительные санитарные условия, распространение инфекционных болезней, отсутствие медицинской помощи, высокая смертность среди переселенцев (особенно детей) и т.п.[1]

Достаточно подробно рассмотрели деятельность КСЖД в отношении крестьянских переселений С.В. Саблер и И.В. Сосновский в книге «Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем». Это официальное издание было посвящено десятилетию деятельности КСЖД, поэтому выдержано в достаточно хвалебных тонах. Авторы старались не акцентировать внимание на недостатках в организации переселенческого дела, сосредоточившись на демонстрации успехов и достижений. Вместе с тем работа Саблера и Сосновского богата фактическим материалом, содержит краткий экскурс в историю колонизации Сибири до образования КСЖД и достаточно подробный перечень и анализ всех мероприятий, связанных с переселением и организованных Комитетом. В целом авторам удалось показать вклад КСЖД в развитие постановки переселенческого дела, в улучшение его организации и расширение практической помощи новоселам[2].

Затронул переселенческий вопрос в своих работах Ф. Тернер. Как представитель официального направления, он обратил внимание на государственную значимость крестьянских миграций в деле закрепления за Россией ее окраин. Основной причиной переселений он считал малоземелье, рост переселенческого движения в отдельные годы связывал с неурожаями. Тернер отмечал значимость переселений в плане возможности улучшения положения

---

[1] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 179.

[2] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 292–389.

крестьян на новых местах и расширения землепользования остающихся в обществе за счет удаления «лишних» рабочих рук, но считал переселение лишь паллиативом в борьбе с малоземельем[1].

Нельзя не отметить работы бывшего министра земледелия и госимуществ А.С. Ермолова. Являясь чиновником высокого ранга, который хорошо знаком со статистикой, Ермолов также имел свои взгляды на сущность российских аграрных проблем и значение крестьянских переселений в контексте этих проблем. Еще до того, как на государственном уровне официально было признано «оскудение центра», он отмечал тенденцию периодичности неурожаев в губерниях Европейской России, констатировал низкий агротехнический уровень российской деревни[2], что, безусловно, оказывало влияние на динамику крестьянских переселений. В отличие от многих исследователей своего времени Ермолов оценивал переселенческий вопрос лишь в рамках проблемы поднятия общего благосостояния крестьянского населения. С этой точки зрения переселение крестьян виделось не единственным и даже не главным направлением работы. По мнению Ермолова, за переселение как за способ борьбы с малоземельем следовало браться лишь тогда, когда все иные способы исчерпаны[3].

С 1906 г. проблема крестьянских переселений приобрела особую актуальность в связи с провозглашенным правительством курсом на колонизацию азиатских окраин. Официально было признано наличие крестьянского малоземелья. При этом представители официального направления доказывали, что наличных государственных и частных земель в Европейской России недостаточно для наделения всех безземельных и малоземельных[4], поэтому выход видели в выселении части крестьян в малонаселенные районы Сибири. Хотя

---

[1] Тернер Ф. Государство и землевладение. Крестьянское землевладение. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1901. Ч. 2. С. 130–131, 146, 309.

[2] Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Продовольственное дело в прошлом и настоящем. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1909. Ч. 1. 598 с.; Он же. Неурожай и народное бедствие. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1892. 270 с.

[3] Он же. Наш земельный вопрос. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1906. С. 172–173.

[4] Горемыкин М. И. Аграрный вопрос. Некоторые данные к обсуждению его в Государственной думе. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1907. 171 с.

отдельные государственные деятели полагали невозможным решение проблемы крестьянского малоземелья посредством переселений, а сами переселения считали даже вредными по стратегическим соображениям[1], но в итоге в 1906–1907 гг. переселение официально было объявлено едва ли не главным инструментом борьбы с малоземельем[2].

Официальная литература периода Столыпинских переселений представлена в основном трудами чиновников, где излагался правительственный взгляд на проблему аграрных переселений. Эти работы характеризуются, в первую очередь, четким обоснованием целей и задач правительственного курса. Представители официального направления указывали на военную и политическую уязвимость восточных регионов России и на наличие «желтой опасности» со стороны Японии и Китая, чем обосновывалась стратегическая задача переселений. В работах представителей официального направления был явный акцент на демонстрацию успехов и достижений в переселенческом деле, стремление показать улучшения в организации крестьянских переселений и оказании помощи новоселам. Очевидным минусом таких работ можно считать желание умолчать о недостатках переселенческой политики[3].

Нельзя не отметить обобщающую работу И.Л. Ямзина, где исследуется переселенческое движение за полувековой отрезок времени с момента отмены крепостного права. Автор стремился дать читателю научное понимание переселенческого процесса, показать наличие объективных предпосылок кре-

---

[1] Гурко В. И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1906. С. 11–12.

[2] Введенский И. Переселение и аграрный вопрос // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 1–78; Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием князя Б. А. Васильчикова в Комиссии Государственной Думы по Переселенческому делу 5 декабря 1907 г. // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 418–419.

[3] Вощинин В. П. Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва. СПб. : Скл. изд. при юрид. кн. скл. «Право», 1912. 148 с.; Он же. На сибирском просторе. Картины переселения. СПб. : Тип. т-ва «Наш век», 1912. 91 с.; Он же. Колонизационное дело при Кривошеине А. В. Пг. : Екатерининская тип., 1915. 24 с.; Гинс Г. Переселение и колонизация // Вопросы колонизации. 1913. № 13. С. 39–99; Дашкевич В. Переселение в Сибирь. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1912. 84 с.; Пестржецкий Д. Заселение окраин. СПб. : Тип. газеты «Россия», 1908. 55 с.; Ухтубужский П. Русский народ в Азии. СПб. : Типо-литогр. т-ва «Свет», 1913. 99 с.; Чиркин Г. Ф. Земельные нужды переселенцев и меры их удовлетворения // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 239–261.

стьянских миграций, не только представить динамику переселенческого процесса, обозначить тенденции уменьшения или увеличения переселенческих потоков в отдельные годы по разным районам, но и выявить причины таких колебаний. Ямзин широко использовал материалы текущей статистики и данные экономических обследований переселенцев. На основании анализа последних он делал вывод об улучшении со временем экономического положения основной массы новоселов[1].

В числе дореволюционных работ следует отдельно упомянуть книгу А.И. Комарова «Правда о переселенческом деле», где были подвергнуты резкой критике практически все мероприятия правительства, связанные с переселением. Автор хотя и являлся чиновником, но дал критическую оценку политике крестьянских переселений. Его работа в дальнейшем широко использовалась в качестве источника современниками из числа оппозиционеров, а затем и историками для доказательства вывода о «крахе» Столыпинской переселенческой политики. Эта работа была написана с претензией на знание автором почти всех сторон переселенческого дела и с заявкой на разоблачение недостатков в организации переселений. Автор отрицательно оценил результаты землеотводных работ, обвинив переселенческое ведомство в заготовке негодных переселенческих участков без предварительного обследования, в результате чего переселенцы бросали отведенные им участки, появилась «бродячая Русь» из сотен тысяч не пристроенных переселенцев и выросло обратное переселение[2].

Следует заметить, что уже современниками факты и примеры, изложенные Комаровым, были подвергнуты сомнению. В 1913 г. И.К. Ковригин опубликовал работу «По вопросу книги "Правда о переселенческом деле" (А.И. Комарова)», где детально разобрал примеры и случаи, описанные Кома-

---

[1] Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. С. 12–13, 15, 133–135.
[2] Комаров А. И. Правда о переселенческом деле. СПб. : Тип. Альтшулера, 1913. 139 с.

ровым, уличил его в недостоверности, неточности, искажении фактов или необъективности[1].

Добавим, что А.И. Комаров был чиновником лесного ведомства Енисейского управления госимуществ, по долгу своей работы он мог сталкиваться лишь с одним аспектом переселенческого дела – передачей казенных лесных дач в колонизационный фонд. Поэтому претензии Комарова на знание вопросов о причинах и масштабах обратных переселений выглядят не состоятельными. Автор в силу своей должности просто не имел доступа к информации такого рода – циркуляры Переселенческого управления, инструкции, отчеты и статистика по переселенческому делу проходили через канцелярию заведующего переселенческим делом района, причем иногда с пометками «конфиденциально» или «секретно». При этом по характеру своей работы прямой задачей Комарова было отстаивать интересы казны и препятствовать включению в состав переселенческих участков ценных лесных дач или оброчных статей. Именно поэтому землеотводные работы с самых первых до последних страниц своей книги он характеризует «беспардонным разгромом наиболее ценных лесных богатств губернии» и жертвой, принесенной «на алтарь российского всемогущего аграрного Молоха»[2].

Одной из важнейших работ официального направления следует считать «Записку» П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина[3]. Эта работа была написана по итогам рабочей поездки Столыпина в Поволжье и Сибирь. В отличие от многих других произведений официального направления, «Записка» претендует на объективный анализ достоинств и недостатков переселенческого дела. Столыпин честно признал, что многие мероприятия правительства оказались ошибочными и себя не оправдали, и наметил новый курс в отношении крестьянских переселений. Этот курс представлял собой комплексную программу мероприятий государства по социально-экономическому развитию

[1] Ковригин И. К. По вопросу книги «Правда о переселенческом деле» (А. И. Комарова). Красноярск : Типо-литогр. М. Я. Кохановской, 1913. 101 с.
[2] Комаров А. И. Правда о переселенческом деле. . СПб. : Тип. Альтшулера, 1913. С. 2, 5.
[3] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911.

Сибири и ее инфраструктуры. Основным инструментом реализации этой программы были крестьянские переселения. Фактически «Записка» П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина представляет собой сформировавшуюся официальную концепцию переселенческой политики, где были четко обозначены задачи правительственного курса и пути достижения этих задач.

Нельзя не упомянуть официальное издание «Азиатская Россия»[1]. Это произведение, написанное коллективом авторов, акцентировало внимание на достигнутых за последние годы успехах в переселенческом деле и социально-экономическом развитии Сибири. Показав ведущую роль государства в деле колонизации и освоения Сибири в начале XX в., авторы одновременно умолчали о многих отрицательных сторонах правительственной политики, ее недостатках, ошибках и просчетах. В целом же работа насыщена фактическим и иллюстративным материалом, написана с привлечением данных статистики, что повышает ее научную значимость.

Либеральное направление дореволюционной историографии представлено многочисленными трудами представителей земских статистиков, агрономов, экономистов и публицистов, к числу которых относятся представители академической науки.

Первые труды представителей этого направления относятся к 1870–1880-х гг., когда среди исследователей появился устойчивый интерес к теме крестьянских переселений, что совпало по времени с ростом самих крестьянских переселений. Исследователи этих лет нередко писали работы на основе личного общения с переселенцами. Их труды не претендуют на обобщающий характер, некоторые из них бедны анализом и статистикой и носят публицистический, описательный характер, но их ценность в другом – они показывают конкретную картину переселений, такую, как ее увидел исследователь. Не

[1] Азиатская Россия. СПб. : Т-во «А. Ф. Маркс», 1914. Т. 1 : Люди и порядки за Уралом. VIII, 306 с.; Азиатская Россия. СПб. : Т-во «А. Ф. Маркс», 1914. Т. 2 : Земля и хозяйство. 638, II с.

скрывались в этих работах и недостатки в организации переселенческого дела[1].

На рубеже 1880–1890-х гг. интерес представителей либерального направления к проблематике крестьянских переселений заметно возрос. Исследователи этого направления акцентировали внимание на недостаточности государственной помощи новоселам и неудовлетворительной организации крестьянских переселений. Критике подвергалась общая постановка переселенческого дела, организация перевозки переселенцев, неудовлетворительная постановка землеотводных работ, недостаточность ссудной и врачебно-продовольственной помощи и т.п. В своих работах авторы стремились обратить внимание правительства на недостаточность финансирования переселенческого дела, плохую организацию, показать неустроенность переселенцев и их бедствия в пути[2]. Некоторые исследователи второй половины XIX в. пытались проводить опросы переселенцев на основе собственных анкет[3].

В некоторых публикациях приводились данные по обследованию экономического положения переселенцев. Многие из этих обследований носили слишком локальный характер, иногда ограничивались лишь несколькими поселками. Тем не менее эти исследования выявили тенденцию постепенного улучшения экономического положения переселенцев на новых местах[4].

В числе представителей этого направления нельзя не упомянуть также А.А. Исаева. В своих работах он рассматривал частные сюжеты переселенческого процесса: отношения между новоселами и старожилами, влияние переселенцев на эволюцию систем полеводства и земледелия у старожилов[5], а

[1] Дедлов В. Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894; Внутреннее обозрение. Ежегодные летние экскурсии крестьян в поисках за новыми землями // Русское богатство. 1887. № 10. С. 213–225; И. Л. Поездка с переселенцами от Нижнего Новгорода до Томска // Русь. 1883. № 4. С. 34–41.

[2] Соколов-Костромской П. Записки колонизатора Сибири. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1903. 104 с.

[3] Дудоладов А. Очерк переселенческого в Сибирь движения // Записки Зап.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. об-ва. 1886. Кн. 8, вып. 1/2. С. 1–44.

[4] С. Ф. Очерк колонизационного движения в Акмолинскую область // Русское богатство. 1894. № 2. С. 208–213.

[5] Исаев А. А. Как относятся в Сибири к переселенцам? // Рус. мысль. 1890. Кн. 12. С. 80–90.

также обращал внимание на выяснение побудительных мотивов крестьянских переселений. А.А. Исаев сделал вывод, что основными причинами переселений были факторы экономического порядка: измельчание душевых наделов, безземелье и обнищание крестьянства[1].

Нельзя обойти вниманием монографию В.В. Кирьякова, в которой был сделан исторический обзор переселенческого движения. Он достаточно критично оценил итоги реформы 1861 г., показал процесс разложения крестьянства во второй половине XIX в. и формирование условий для выхода крестьян на переселение. Очевидной заслугой автора можно считать обозначенные в неявной форме этапы правительственного отношения к переселениям в пореформенный период: 1861–1880, 1881–1892 и 1893–1902 гг. с общей характеристикой каждого из них. Кирьяков объективно показал невзгоды переселенцев в 1861–1880-х гг. и выявил тенденцию улучшения общей постановки переселенческого дела в 1890-е гг.[2]

В числе исследователей тематики крестьянских переселений следует упомянуть А.М. Беркенгейма. В своей работе «Переселенческое дело в Сибири» он попытался сделать сравнительный анализ характера переселений и типов переселенцев из стран Европы в Америку и Австралию и из Европейской России за Урал. Он отметил, что правительственный курс в отношении переселений в России имеет неустойчивый характер: за 1890-е гг. и в начале XX в. вышло около 125 указов, положений, циркуляров, постановлений и т.п., которые иногда имели диаметрально противоположный характер. Такую неустойчивость переселенческой политики автор объяснил тем, что государство вынуждено было учитывать интересы и губерний Европейской России, и Сибири. Беркенгейм одним из первых оценил вклад КСЖД в развитие крестьянских переселений, в расширение государственной помощи переселенцам и отметил положительные сдвиги в организации переселенческого процесса в

[1] Исаев А. А. Переселенческое дело с начала 80-х годов. СПб. : Изд-е. А. Ф. Цинзерлинга, 1891. С. 3–5; Он же. Переселения русских крестьян // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 3–4.

[2] Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. СПб. : Типолитогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. С. 100, 102–104, 108–169.

1890-е гг. Придерживаясь принципа объективности, автор отметил и недостатки в переселенческом деле: небольшой размер ссуд и несвоевременность их выдачи. Для решения этих вопросов он предложил создать специальный переселенческий банк с целью расширения постановки кредитования переселенческих хозяйств[1].

В числе работ второй половины XIX – начала XX в. можно отметить некоторые труды С.А. Короленко[2] и А. Посникова[3]. Эти авторы в контексте исследования аграрного вопроса раскрывали характер и сущность причин, толкавших крестьян на переселения. В их трудах показаны тенденции углубления агротехнического кризиса в стране, имущественное расслоение крестьянства, разложение общинных отношений, рост относительного и абсолютного малоземелья и т.п.

Отдельно следует остановиться на трудах известного статистика и аграрника А.А. Кауфмана. В своих ранних работах он рассматривал лишь отдельные аспекты переселенческого дела, в том числе вопрос о влиянии переселений на агротехнику сибирских крестьян[4], но на рубеже XIX–XX вв. взгляды Кауфмана оформились в концепцию. В своих многочисленных работах он исследовал переселенческое законодательство и его тенденции, самовольные переселения, ссудное дело, поземельное устройство переселенцев, церковное и дорожное строительство в переселенческих поселках и деятельность сельскохозяйственных складов. А.А. Кауфман в своих работах использовал статистические и экономические материалы, полученные в ходе обсле-

---

[1] Беркенгейм А. М. Переселенческое дело в Сибири. М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. С. 2–11, 14–25, 54–55, 61.

[2] Короленко С. А. Обзор экономического положения России в сельскохозяйственном и промышленном отношении. СПб. : типо-литография И. В. Цветкова, 1895. 27, 38, 33, 21 с.

[3] Посников А. Общинное землевладение. Одесса : Тип. Ульриха и Шульце, 1878. Вып. 1. Изд-е 2. X, 153, 7 с.

[4] Кауфман А. А. К вопросу о влиянии переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1891. № 4. С. 12–34; Он же. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Северный вестник. 1891. № 4. С. 27–52.

дований переселенческих хозяйств. Его работы очень ценны своим фактическим и статистическим материалом.

В отличие от некоторых современников, А.А. Кауфман полагал, что основной причиной крестьянских переселений является не абсолютное малоземелье. Не отрицая сам факт существования дворов с очень небольшими наделами, он справедливо указывал, что для значительной части переселенцев речь следует вести не столько о малоземелье, сколько о кризисе существующей трехпольной системы земледелия. Кауфман считал, что переселение как средство борьбы с абсолютным малоземельем возможно, но едва ли возможно для борьбы с относительным малоземельем. Причем в контексте объективной необходимости перехода от устаревшего экстенсивного трехполья к более передовым формам переселение понималось Кауфманом как фактор, тормозящий этот прогресс. Рассматривая экономическое положение новоселов на новых местах, Кауфман сделал спорный вывод, что от переселения в меньшей степени выиграли состоятельные переселенцы и в большей – низшие группы крестьян[1].

В период Столыпинских переселений Кауфман стал известным общественно-политическим деятелем, по своим взглядам был близок к кадетам. Он отрицательно оценивал перспективы политики массовых крестьянских переселений в Сибирь, считал, что за счет переселений нельзя решить проблему нехватки земли в крестьянских хозяйствах. Он утверждал, что в Сибири пригодных земель для сельского хозяйства немного, поэтому масштабные переселения невозможны, а необходимы коренные улучшения в хозяйствах крестьян Европейской России[2]. В этом вопросе его взгляды совпадали с оценками некоторых публицистов и политиков либерального лагеря,

---

[1] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 164–175, 199–204, 306; Он же. Сибирское переселение на исходе XIX в. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1901. 103 с.; Он же. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1898. 49 с.; Он же. Община. Переселение. Статистика. М. : изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. С. 163–164.

[2] Кауфман А. А. Переселение. Мечты и действительность. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. С. 1–12; Он же. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1908. С. 128.

которые также отвергали возможность решения проблемы крестьянского малоземелья путем массовых переселений и настаивали на наделении крестьян землей по месту фактического проживания за счет частновладельческих и государственных земель[1].

Народническое направление дореволюционной историографии представлено трудами земских статистиков, а также народников либерального и радикального направлений. В числе таких трудов следует отметить работы либерального народника С.Л. Чудновского. В 1884–1885 гг. он проводил подворные исследования селений в нескольких волостях Алтайского округа. Объектом его исследования были: количество переселенцев, их губернии выхода, основные причины переселений, расходы в пути и экономическое положение новоселов на новом месте. Основными причинами переселений он считал земельную тесноту и малоземелье, отмечал, что переселенцы в среднем устраиваются на новых местах неплохо, а многие имеют хозяйство даже больше, чем среднее старожильческое. При этом Чудновский одним из первых отметил, что выходцы из разных губерний имеют неодинаковый адаптационный потенциал, переселенцы из одних губерний устраиваются лучше и прочнее, чем выходцы из других[2].

К числу серьезных исследований по переселенческой тематике можно отнести работу вятского губернского земского статистика Н. Романова. Работа характеризуется значительным фактическим и статистическим материалом. Автор попытался проанализировать причины, толкавшие крестьян на переселение, привел ценные данные по изменению численности населения в Вятской губернии, по динамике и направлениям крестьянских переселений как из губернии в целом, так и из отдельных ее уездов. Выводы автора сводились к заключению о наличии причин, толкавших крестьян на переселения, и

---

[1] Иванов С. Заблуждение или фальсификация? // Сибирские вопросы. 1906. № 1–3. С. 48–51.

[2] Чудновский С. Л. Переселенческое дело на Алтае. // Записки Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. об-ва по отделению статистики. Иркутск: тип. газеты «Восточное обозрение», 1889. Т. 1, вып.1. С. 48–49, 74, 90–105.

необходимости на государственном уровне оказывать постоянную поддержку переселенцам[1].

В числе работ второй половины XIX – начала XX в., имеющих значение для нашей темы, следует отметить некоторые труды В.П. Воронцова (В.В.)[2], А. Воскресенского[3]. Эти авторы не затрагивали проблему крестьянских переселений, но в их трудах были выявлены некоторые причины, толкавшие крестьян на переселения.

Отдельно следует охарактеризовать работы выдающегося сибиреведа, представителя областнического направления Н.М. Ядринцева, в которых переселенческая проблематика занимала значительное место. В ряде статей Ядринцев стремился показать бедствия переселенцев в пути, призывал к изменению правительственного отношения к переселенческой политике и расширению государственной помощи переселяющимся[4]. В монографии «Сибирь как колония» Ядринцев обратил внимание, что значительная часть переселений имеет самовольный характер, показал тенденцию роста переселенческого движения в Сибирь в 1860–1870-х гг. Являясь противником искусственного сдерживания и чрезмерной регламентации колонизационного процесса, Ядринцев констатировал наличие в Сибири громадного неосвоенного колонизационного фонда, указывал на необходимость расширения колонизационных процессов и государственные выгоды от этого[5]. В статье «Десятилетие переселенческого дела» Н.М. Ядринцев попытался подвести итог госу-

---

[1] Романов Н. Переселение крестьян Вятской губернии. Вятка : Тип. Куклина, 1880. С. 335–336.

[2] В. В. Крестьянская община. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1892. XXXV, VII, 600, IV с.; Он же. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. 220 с.

[3] Воскресенский А. Общинное землевладение и крестьянское малоземелье. СПб. : тип. и литогр. В. А. Тиханова, 1903. VI, 207 с.

[4] Ядринцев Н. М. Из наблюдений над переселенцами в Западной Сибири летом 1892 г. // Землеведение. М., 1895. Кн. 4. С.59–84; Он же. Вопросы переселения и настоятельные нужды переселенческого дела // Путь-дорога. СПб. : типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1883. С. 579; Он же. Судьба русских переселений за Урал // Отечественные записки. 1879. № 6. Т. 264. Отд. 2. С. 141–160.

[5] Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. С. 135–140, 156–163.

дарственной политики в отношении переселений за 1880-е гг. Он констатировал растущую динамику движения переселенцев и явно недостаточную помощь, которую получали переселенцы в пути и на местах водворения, отмечал случаи болезней и смертей среди переселенцев в дороге. Но при этом Ядринцев акцентировал внимание на том, что в Сибири новоселы устраиваются вполне благополучно. Переселенческий процесс для крестьян он сравнивал с врачующим воздействием, какое имеет воздух и перемена климата для больного. По оценке Ядринцева, при благоприятных условиях переселенец обустраивается за год и уже засевает поля[1].

Значительное место переселенческой проблематике уделил в своих трудах представитель либерального народничества Н.П. Огановский, затрагивавший широкий круг проблем: системы землепользования и полеводства в Сибири, урожайность, динамика и направленность переселенческого движения, экономическое положение новоселов на новых местах и вывоз сельскохозяйственной продукции из Сибири. Не являясь сторонником столыпинского аграрного курса в целом, Огановский положительно оценивал значимость оттока малоземельных крестьян на восточные окраины для создания условий сельскохозяйственного прогресса в центре страны. Большое научное значение имеет выявленная Огановским тенденция неравномерности выходов крестьян на переселение не только внутри районов, но и внутри губерний, уездов и даже волостей. Отсюда автор делал вывод, что массовые переселения имеют значение для борьбы с крестьянским малоземельем в конкретных местностях[2]. Автор отмечал волнообразность переселенческого процесса, пытался выделить причины этой волнообразности и отмечал, что через переселения устраняется избыточное население в густонаселенных районах и это способствует ускоренному развитию производительных сил. На основе анализа статистических данных Огановский сделал вывод, что благосостояние

---

[1] Ядринцев Н. М. Десятилетие переселенческого дела // Вестник Европы. 1891. Кн. 8. С. 790–826.

[2] Огановский Н. П. Очерки по аграрному вопросу // Вестник Европы. 1913. Кн. 9. С. 300, 303.

переселенцев растет в зависимости от сроков давности водворения и через 2–3 года достигает того уровня, который был в губернии выхода, а через 4–8 лет – возрастает вдвое[1].

Марксистское направление дореволюционной историографии представлено трудами нескольких исследователей. Одним из первых представителей этого направления был И.А. Гурвич. Он критически оценивал организацию крестьянских переселений в 1880-х гг., считал, что государство делает недостаточно для правильной постановки переселенческого дела. Автор считал, что основными причинами крестьянских переселений были экономические, причем агрикультурный кризис он связывал лишь с малоземельем крестьян, а последнее считал следствием реформы 1861 г. Гурвич сделал вывод, что в 1880-х гг. на переселение уходили в основном крестьяне среднего достатка[2]. Этот вывод в дальнейшем был использован В.И. Лениным для обоснования тезиса об усилении социальной дифференциации крестьянства в губерниях выхода переселенцев. Следует заметить, что утверждения И.А. Гурвича о выходе на переселение крестьян среднего достатка следует признать верными для периода 1870–1880-х гг. Уже в 1890-х гг. была отмечена тенденция постепенного обеднения переселенцев, а в период Столыпинских переселений в общем потоке мигрирующих за Урал крестьян абсолютно преобладали малоимущие, среди которых была высокая доля вообще безземельных.

Представители марксистского направления дореволюционной историографии старались акцентировать внимание на критике государственной политики, давали отрицательную оценку действий переселенческих структур. Утверждалось, что переселенцам отводятся трудные для освоения участки, что условия для обзаведения хозяйством в Сибири постоянно ухудшаются,

---

[1] Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Саратов : Электро-типо-литогр. Б. Л. Рабинович, 1914. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. С. 80, 85–86, 116–117.

[2] Гурвич И. А. Переселение крестьян в Сибирь. М. : Тип. А. Левенсон и К°, 1889. X, 144 с.

отсутствуют заработки, в итоге среднее крестьянство нищает и лишь немногие переходят в ряды состоятельных[1].

Одним из наиболее ярких представителей марксистского направления был В.И. Ленин, неоднократно затрагивавший переселенческую проблематику. Правда, большинство его работ носило скорее пропагандистский характер, чем строго научный, но эти работы оказали сильнейшее влияние на отечественную историографию 1920–1980-х гг. В числе значимых его работ можно выделить монографию «Развитие капитализма в России», где Ленин доказал наличие социальной дифференциации среди крестьянства Европейской России и обосновал концепцию крестьянских переселений, как развитие капитализма вширь[2]. Этот процесс понимался Лениным как объективно прогрессивный для развития окраин, но оценивался им лишь в контексте формирования общих предпосылок для революционной ситуации. Ленин оценивал политику переселений в контексте формирования предпосылок для революции, настаивал, что переселения способствуют увеличению социальной дифференциации среди крестьян и приводят к массовому разорению переселенцев на новых местах.

При общей критике привительственной переселенческой политики Ленин признавал, что цель правительства на «разрежение» плотности крестьянского населения на время была достигнута, так как рост переселений был колоссальный[3]. Помимо этого Ленин отмечал наличие значительного колонизационного потенциала Сибири и констатировал слабую ее заселенность[4].

В целом этап 1861–1917 гг. характеризуется накоплением фактического материала и первыми попытками осмысления текущей переселенческой политики. При этом для исследователей была характерна свобода в выборе объекта и предмета исследования, плюрализм подходов и оценок. Но

---

[1] Карабанов Н. Переселение и расселение крестьян. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1912. С. 25–31.
[2] Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 175, 595–596; Он же. Еще к вопросу о теории реализации // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 85–86.
[3] Он же. Значение переселенческого дела // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 103.
[4] Он же. Переселенческий вопрос // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 326.

большинство работ этого этапа нельзя отнести к числу научных, так как их авторы не использовали научные методы исследования. Такие работы носили скорее публицистический характер. Многие труды отличались тенденциозностью и необъективностью. Лишь немногие работы некоторых исследователей начала XX в. претендуют на высокую научную значимость, и их выводы не потеряли своей актуальности и в начале XXI в.

В официальном направлении дореволюционной историографии была сформирована концепция аграрной колонизации Сибири с четко обозначенными целями и путями их достижения. В либеральном направлении единой точки зрения по вопросу крестьянских переселениях не было. А.А. Кауфман считал переселения в контексте борьбы с аграрным кризисом неэффективными и даже вредными.

Представители народнического направления в основном критически оценивали правительственные мероприятия по оказанию новоселам помощи, но отмечали, что абсолютное большинство переселенцев устраивались на новых местах неплохо и жили лучше, чем в губернии выхода. При этом большинство народников выступали за развитие переселенческого дела и расширение помощи новоселам.

В марксистском направлении сложилась понимание переселений как процесса развития капитализма вширь. Переселенческий процесс трактовался марксистами как объективно прогрессивное явление, связанное с вовлечением малоосвоенных окраин в товарно-денежные отношения. При этом считалось, что переселялись в основном среднесостоятельные крестьяне. В результате (в теории) считалось, что переселения должны были способствовать поляризации российской деревни и обострять социальную дифференциацию в сельском хозяйстве Европейской России.

1.2. Отечественная историография советского периода

Советская историография в 1917 г. – 1940-х гг. характеризуется возрождением интереса к проблеме колонизации Сибири. В начале 1920-х гг. вышло несколько работ по теме крестьянской колонизации Сибири, в которых авторы попытались осмыслить дореволюционный опыт переселенческой политики. Некоторые из этих работ были написаны бывшими чиновниками Переселенческого управления, поэтому авторы этих работ оценивали переселенческую политику с немарксистских позиций, продолжая традиции дореволюционной официальной историографии[1].

Нельзя обойти вниманием работу А.П. Яхонтова «Переселение и колонизация», где в общих чертах был представлен краткий обзор крестьянской колонизации Сибири. В этой работе автор постарался объективно показать как имевшие место недочеты в организации переселений, так и мероприятия государства по улучшению переселенческого дела[2].

В числе работ, затрагивающих непосредственно проблематику крестьянских переселений, можно отметить статьи С.С. Базыкина, Ф. Сластухина и Г. Чешихина. Статья С.С. Базыкина содержит фактический материал по динамике прироста посевных площадей в Западной Сибири в начале XX в., данные по потреблению сельскохозяйственных машин, по развитию маслоделия, сборам и экспорту основных сельскохозяйственных культур[3], что показывает нам практические результаты переселений, их положительное влияние на развитие сельского хозяйства Западной Сибири.

Статья Ф. Сластухина и Г. Чешихина написана на основе анализа первичного материала статистического обследования 1911–1912 гг. нескольких

---

[1] Чиркин Г. Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX и начала XX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Пг. : 28-ая Гос. тип., 1922. С. 83–136; Вощинин В. П., Ямзин И. Л. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л. : Гос. изд-во, 1926. VI, 328 с.

[2] Яхонтов А. П. Переселение и колонизация. Харьков : Харьковпечать, 1925. 104 с.

[3] Базыкин С. С. Сельское хозяйство и заселение // Северная Азия. 1929. № 3. С. 26–54.

переселенческих поселков возле Славгорода. Авторы попытались проанализировать данные 341 карточки подворного опроса переселенцев с использованием марксистских методов с целью выявить тенденцию классового расслоения переселенцев. Хотя авторы и старались доказать ложность вывода дореволюционных исследователей об общем улучшении жизни переселенцев по сравнению с губерниями выхода, но приведенный ими материал скорее подтвердил эти выводы, чем опроверг их. По данным Сластухина-Чешихина получалось, что даже в хозяйствах самой бедняцкой группы после переселения почти в 2 раза выросло поголовье скота, в группе середняцких дворов после переселения увеличился и посев (почти в 1,7 раза), и поголовье скота (с 6,3 до 23,2 голов на двор)[1]. Очевидным недостатком этой работы было почти полное игнорирование временного фактора в развитии переселенческих хозяйств. Еще одним недостатком работы Сластухина и Чешихина можно считать слишком локальный масштаб исследования.

На рубеже 1920–1930-х гг. в исторической науке начинает абсолютно преобладать марксистско-ленинская методология, что выразилось в утверждении классового подхода к историческим процессам. Нельзя не отметить и нарастающее давление государства на историческую науку, что привело к появлению догматических оценок, основанных в большей степени на идеологических установках, чем на фактах. В качестве источника, не подлежащего критике, историки начинают широко использовать труды Ленина, что во многом повлияло на характер оценок государственной переселенческой политики до 1917 г.

Одной из первых работ, написанных под влиянием марксистско-ленинской концепции, была монография С.М. Дубровского «Столыпинская реформа». В этой работе подтверждались тезисы, обозначенные ранее в работах марксистов конца XIX – начала XX в.: крестьянские переселения находились в тесной зависимости от социального расслоения российской деревни,

[1] Сластухин Ф., Чешихин Г. Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири до революции // Северная Азия. 1930. № 1–2. С. 56–75.

переселения увеличивали пролетаризацию крестьянства и дифференциацию в губерниях выхода[1].

Во второй половине 1920–1940-х гг. появилось несколько работ, посвященных Столыпинской аграрной реформе, но вопросы крестьянских переселений в них были изложены лапидарно, в самой сжатой форме[2]. Однако почти все основные аргументы, доказывавшие «крах» переселенческой политики, были введены в научный оборот уже в этот период[3].

Крупным событием в научной жизни стало издание Сибирской советской энциклопедии. Над ее изданием работали лучшие ученые Сибири, которые провели очень серьезную работу, смогли собрать и систематизировать научный материал. Авторы ССЭ в обобщающей форме дали характеристику аграрных отношений в Сибири в дореволюционный период, отметили нарастание социальных конфликтов новоселов и старожилов. Статья, посвященная переселению, очень кратко описала крестьянские миграции в Сибирь второй половины XIX в., уделив значительно большее внимание Столыпинским переселениям[4].

В целом этап 1917–1940-х гг. характеризуется двумя тенденциями в отечественной историографии: до середины 1920-х гг. в работах исследователей преобладали немарксистские подходы, на рубеже 1920–1930-х гг. марксизм окончательно утверждается в исторической науке. Работы начала 1920-х гг. характеризуются значительным фактическим материалом и попытками переосмыслить, обобщить результаты государственной политики крестьянских переселений в дореволюционную эпоху. Для трудов второй половины 1920–1940-х гг. характерно снижение интереса к проблеме крестьянских

---

[1] Дубровский С. М. Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX в. Л. : Прибой, 1925. С. 244–246.

[2] Барандов Г. Столыпинская реакция. М. : Гос. изд. полит. лит-ры, 1938. 64 с.; Ефремов П. Н. Столыпинская аграрная политика. М. : Госполитиздат, 1941. 144 с.; Карпов Н. Аграрная политика Столыпина. Л. : Прибой, 1925. 238 с.

[3] См., например: Шулейкин Д. История земельных отношений. М.; Л. : Гос. изд-во сельскохоз. и колхоз.-кооп. лит-ры, 1931. Вып. 2. Столыпинская реформа и землеустройство. С. 33–34.

[4] Сибирская советская энциклопедия. М. : Тип. газеты «Правда», 1931. Т. 4. С. 289–293.

переселений, многие из них бедны фактическим материалом, а источниковая база нередко сводилась лишь к трудам Ленина и материалам газеты «Правда».

Этап 1950–1980-х гг. характеризуется значительным повышением интереса историков к проблеме крестьянских переселений. Если в начале 1950-х гг. работы этого этапа отличала некоторая скудость источниковой базы[1], то уже с середины 1950-х гг. историки значительно расширили источниковую базу за счет использования опубликованных документов и комплексного введения в научный оборот архивных материалов.

1950-е гг. характеризуются появлением первых диссертаций по проблеме аграрных переселений. Отдельную главу в диссертации посвятил крестьянским переселениям А.В. Шапкарин. Он акцентировал внимание на недостатках переселенческой политики, а его выводы полностью согласуются с господствовавшим утверждением о провале и антикрестьянском характере правительственного курса[2]. Очень значимым научным событием 1950-х гг. можно считать работу Покшишевского, который в общих чертах охарактеризовал численность и географию крестьянских переселений в 1861 г. – начале XX в. Акцентировав внимание на недостатках переселенческого процесса, Покшишевский показал положительные итоги крестьянских переселений: превращение Сибири к началу Первой мировой войны в важный район торгового земледелия[3].

Серьезным научным исследованием по проблеме крестьянских переселений стала диссертация Е.И. Соловьевой, которая в числе первых сибирских историков ввела в научный оборот материалы сибирских и центральных архивов, относящиеся к теме крестьянских переселений. Автор отметила прогрессивное значение Столыпинской переселенческой политики, наличие в регионе свободного колонизационного фонда, охарактеризовала структуру и

---

[1] Алферов М. С. Крестьянство Сибири в 1917 г. Новосибирск : Кн. изд-во, 1958. 68 с.
[2] Шапкарин А. В. Столыпинская аграрная реформа : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 1954. С. 31–34.
[3] Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск : Обл. гос. изд-во, 1951. 208 с.

ключевые направления деятельности Томской переселенческой организации, выявила основные направления движения переселенческих потоков внутри Томской губернии. Однако многие ее выводы были неубедительными. Достаточно бездоказательным было утверждение, что самовольные переселенцы не имели прав на получение земель на переселенческих участках. Неубедительным выглядит и утверждение Соловьевой, что в результате массовых переселений произошло распространение аграрного кризиса на Сибирь. Слабо доказан вывод о том, что переселение не принесло никакого экономического улучшения беднякам и середнякам. Поэтому итоговый вывод автора о «крахе» и «провале» правительственной переселенческой политики представлен в целом слабой доказательной базой[1].

Крупным научным событием стало опубликование в 1962 г. Л.Ф. Скляровым монографии, посвященной переселенческой и аграрной политике правительства П.А. Столыпина в Сибири. Эта работа является фундаментальным научным исследованием. Автор попытался охватить практически весь комплекс вопросов, связанных с крестьянскими переселениями: от формирования предпосылок и краткой характеристики правительственного переселенческого курса во второй половине XIX в. до анализа результатов переселенческой политики. Работа насыщена статистическим материалом и имеет четкую, логически выстроенную внутреннюю структуру. При этом источниковая база монографии амбивалентна. С одной стороны, Л.Ф. Скляров в большом объеме использовал материалы центральных архивов, с другой стороны, из документов региональных архивов Западной Сибири им были использованы только материалы Государственного архива Томской области. Автор совершенно проигнорировал материалы других архивов Западной Сибири и крайне избирательно подошел к использованию источниковой базы. Документы, где содержались сведения о каких-то успехах правительства в сфере переселенческой политики, вообще были им проигнорированы. Ряд вопросов

[1] Соловьева Е. И. Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1956. С. 1, 3, 6–7, 10–12.

Л.Ф. Скляровым вообще не был проработан. В разделе монографии, посвященном выдаче переселенцам ссуд, автор вообще оставил за рамками исследования сам процесс выдачи новоселам ссуд. Нет даже общих данных о количестве выданных ссуд или итоговых сумм выданных новоселам пособий.

Есть в монографии Л.Ф. Склярова и серьезные логические противоречия. Так, он привел примеры циркуляров правительства и Переселенческого управления, которые были нацелены на снижение потока переселенцев в 1907–1908 гг., и далее заявил, что сокращение в 1910 г. прямых переселенцев в Сибирь означало провал переселенческой политики[1]. Получается, что правительство сначала пыталось снизить численность переселяющихся в Сибирь путем ограничений, а когда эта цель была достигнута, это означало провал правительственного курса.

Огромный научный вклад в исследование проблемы крестьянских переселений внесли сибирские историки Л.М. Горюшкин и В.Г. Тюкавкин. Основным предметом исследования Л.М. Горюшкина было развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Сибири. В рамках исследования этой проблемы он показал развитие производительных сил в сибирской деревне, справедливо связав развитие внутрисибирского рынка с крестьянскими переселениями. Отметив, что в удаленных районах имели место патриархальщина и полунатуральное хозяйство, Горюшкин доказал общую тенденцию развития капиталистических отношений в сибирской деревне. На большом фактическом материале он выявил тенденцию увеличения посевных площадей, сенокосов и рост среднегодового вывоза из Сибири продукции сельского хозяйства. На основе этих данных автор сделал вывод о преобладании фермерского пути в аграрной эволюции Сибири[2].

---

[1] Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 89, 137–139, 230, 233, 249, 304, 351–359, 459.

[2] Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск : Наука, 1967. С. 363–367, 383, 386.

Хотя Л.М. Горюшкин делал общий вывод о провале правительственной переселенческой политики[3], но в своих трудах он также показал положительное влияние крестьянских переселений на процесс освоение Сибири, связал с ростом переселений тенденцию увеличения посевных площадей, поголовья скота и расширения внутреннего рынка. Автор справедливо указал на то, что переселенцы в первые годы жизни в Сибири нередко нанимались в качестве наемных сельскохозяйственных работников, но, в отличие от многих историков советского периода, он не разделял вывод о массовом разорении, обнищании большинства новоселов, которые превращались в бродяг, пролетариев и наемных рабочих. Напротив, Л.М. Горюшкин, хотя и с некоторыми оговорками, отмечал, что для переселенцев была характерна социальная мобильность, связанная с переходом от батрачества к обзаведению собственным хозяйством[4].

Отдельно следует остановиться на анализе научных трудов В.Г. Тюкавкина. Этот исследователь стал одним из основателей нового направления исторических исследований – устной истории крестьянства Сибири. В 1950-х гг. В.Г. Тюкавкин совместно со студентами беседовал с переселенцами, приехавшими в Иркутскую губернию в начале XX в., и фиксировал их рассказы об устройстве на новых местах, качестве переселенческих участков записывал впечатления переселенцев, сравнивавших уровень жизни до и после переселения и т.п. Эти собранные материалы были потом использованы в научных работах В.Г. Тюкавкина[3]. В его работах также исследовались предпосылки крестьянских переселений, причины подъемов и спадов переселенческого движения. Автор доказал наличие в Сибири в начале XX в. большого

---

[3] Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск : Наука, 1967. С. 277–280.

[4] Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1976. С. 136, 214; Он же. Сельское хозяйство и крестьянство Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. …. канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1964. С. 11; Он же. Развитие капитализма вширь в сибирской деревне периода империализма (1900–1917 гг.) : автореф. дис. …. д-ра ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1975. С. 67.

[3] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 5, 261.

удобного для освоения колонизационного фонда, на основе анализа комплекса источников сделал вывод, что на переселение в начале XX в. выходили в основном бедняки. Ранние работы В.Г. Тюкавкина были написаны на основе марксистской методологии, поэтому в них значительное место занимала проблема социального расслоения переселенцев. В традициях отечественной историографии советского периода автор оценивал возможности адаптации переселенцев лишь с точки зрения наличия у них денежных средств на момент водворения. Хотя В.Г. Тюкавкин и сделал вывод, что материальное положение бедняцких групп после переселения ухудшилось, но при этом отметил, что обеспеченность сенокосами и посевами на двор правильно повышается при переходе от «молодых» групп к более «старым»[1]. Таким образом, В.Г. Тюкавкин фактически признал значимость временного фактора в процессе становления переселенческих хозяйств, что отрицалось большинством историков советского периода.

В докторской диссертации В.Г. Тюкавкина приводятся данные о подъеме сельского хозяйства Сибири в период массовых крестьянских переселений. Автор прямо связал увеличение посевных площадей в регионе, рост валового сбора зерновых, увеличение применения сельскохозяйственных машин, рост торгового скотоводства с массовыми крестьянскими переселениями, сделал вывод о превращении Сибири в одну из крупных житниц страны. Массовые крестьянские переселения привели к подъему торгового земледелия, скотоводства, маслоделия и специализации[2].

В целом в 1960-х гг. отечественными историками процесс крестьянских переселений рассматривался через призму концепции «развития капитализма вширь». Но при этом отдельные аспекты этой концепции вызывали дискус-

---

[1] Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С.13–14, 18–26, 30, 33, 153–166; Он же. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX века // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. 1966. Вып. 18 (6). С. 3–27.

[2] Он же. Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху империализма : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Москва, 1966. С. 26–29; Он же. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 298, 304–306, 362–366.

сионные споры. Особенно острой была научная полемика по вопросу о путях развития капитилистических отношений в сельском хозяйстве Сибири. Экономист П.И. Малахинов попытался рассмотреть вопрос о колонизации Сибири в рамках ленинской концепции об американском и прусском путях развития сельского хозяйства. На основе сравнения содержания переселенческой политики в России и США во второй половине XIX – начале XX в. он пришел к выводу, что вся переселенческая политика царского правительства была проникнута духом крепостничества. При этом Малахинов пытался доказать, что в Сибири американского типа аграрной эволюции не было, преобладали феодально-крепостнические пережитки. Одним из аргументов для такого вывода стало утверждение, что темпы прироста населения Сибири отставали от темпов прироста посевных площадей и в 1908–1912 гг. Сибирь вообще не давала товарный хлеб[1].

Эти выводы вызвали резкую критику со стороны многих советских историков, считавших, что в Сибири преобладал как раз американский путь эволюции. В.Г. Тюкавкин на основе анализа данных статистики доказал, что темпы прироста посевных площадей опережали темпы прироста населения в Сибири, на основании чего был сделан вывод о производстве значительного количества товарного хлеба. Это свидетельствовало о тенденции повышения капиталистических элементов в сельском хозяйстве Сибири и доказывало преобладание в регионе американского «фермерского» пути эволюции[2].

Более чем сомнительным выглядит также тезис П.И. Малахинова о превращении Сибири государством в «тюремный отстойник» и некотором приоткрывании клапана для переселенческого движения лишь после 1905 г.[3] Это утверждение слабо соотносится с тем фактом, что вопрос о необходимости развития массовых крестьянских переселений был поднят и решен в положительном смысле еще в 1893 г., а общий вектор Столыпинских переселе-

[1] Малахинов П. И. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ : Бурят. книж. изд-во, 1962. С. 364–387.
[2] Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 302–309, 335, 430–470.
[3] Малахинов П. И. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962. С. 365.

ний (по крайней мере, на период 1906–1910 гг.) был определен еще законом 1904 г., т.е. до революции 1905–1907 гг.

Накопленный к концу 1960-х гг. научный материал был обобщен в коллективном академическом издании «История Сибири». В этой работе процесс колонизации Сибири в 1861–1916 гг. тесно увязывался с развитием капиталистических отношений. Авторам удалось на большом фактическом материале показать рост посевных площадей, тенденцию развития производительных сил Сибири и доказать, что переселения способствовали развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве Сибири. Материал о подъеме сельского хозяйства Сибири в период массовых переселений был богато иллюстрирован примерами, статистикой, архивными источниками, имел солидную доказательную базу и резко контрастировал с общим выводом о провале правительственной политики массовых переселений в Сибирь[1].

В 1970–1980-х гг. изучению темы крестьянских переселений в Сибирь были посвящены диссертации П.П. Вибе, А.В. Минжуренко, Н.К. Томиловой[2]. В этих работах содержится ценный фактический материал по истории колонизации Западной Сибири, показаны вклад переселенцев в освоение региона, механизм адаптации новоселов на новых местах и исследована проблема внутрисибирских миграций крестьян. Каждый их авторов внес существенный научный вклад в исследование проблемы аграрной колонизации и обозначил собственную периодизацию колонизационного процесса.

Авторы оценивали правительственную политику исключительно с позиций марксистско-ленинской методологии и классового подхода. Если дореволюционные буржуазные исследователи отмечали влияние фактора времени на процесс становления переселенческих крестьянских хозяйств, то совет-

---

[1] История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 3. С. 22, 26, 198, 210–211, 301, 303–305, 310–322.

[2] Вибе П. П. Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1989. 21 с.; Минжуренко А. В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1977. 19 с.; Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX в. (1865–1899 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1970. 26 с.

ские историки в основном отрицали или недооценивали временной фактор. Дореволюционные статистики на основе многочисленных обследований переселенческих хозяйств доказывали, что со временем «молодые» переселенческие хозяйства в большинстве своем увеличивают посевные площади, количество скота, хозяйственных построек, доходность и т.п. Однако классовый подход к изучению темы крестьянских переселений позволил «опровергнуть» этот, казалось бы, логичный, очевидный вывод. Так, А.В. Минжуренко утверждал, что с течением времени все большая часть переселенческих дворов выбывала из числа участников хозяйственного роста[1]. Похожее мнение высказывал П.П. Вибе[2].

В числе работ 1950–1980-х гг. отдельно следует отметить исследование Б.В. Тихонова, посвященное крестьянским переселениям во второй половине XIX в. В качестве основного источника автор использовал материалы паспортной статистики и данные переписи 1897 г. Правда, Б.В. Тихонов в основном исследовал неземледельческие миграции крестьян и статистику крестьянских отходов на заработки, но вклад автора в исследование проблемы предпосылок крестьянских переселений трудно переоценить. На основе скрупулезного анализа комплекса опубликованных и неопубликованных источников он показал процесс усиления миграционных настроений крестьян под воздействием внутриобщинных процессов[3].

Значимый вклад в изучение темы крестьянских переселений внесли П.Д. Верещагин и Н.А. Якименко. П.Д. Верещагин исследовал вопрос крестьянских переселений из белорусских губерний. В своей монографии он проанализировал характер переселенческого законодательства в пореформенный период, показал динамику сокращения душевых наделов у белорусских крестьян и увеличение количества безземельных, что являлось, по его мне-

---

[1] Минжуренко А. В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1977. С. 13–14.

[2] Вибе П. П. Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1989. С. 17–18, 20.

[3] Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М. : Наука, 1978. С. 117–134.

нию, основной предпосылкой крестьянских миграций. Работа содержит большой фактический материал, написана на основе материалов белорусских и центральных архивов, опубликованных источников и значительного массива периодики. Однако использование марксистской методологии, основанной на классовом подходе, позволило автору увидеть в результатах переселений лишь содействие процессам социального разложения крестьянства и обострению классовой борьбы в деревне[1].

Н.А. Якименко изучал процесс переселения крестьян малороссийских губерний на окраины Российской империи, ставил задачу раскрыть социально-экономические предпосылки переселений и показать влияние особенностей развития капитализма на формирование переселенческих настроений среди крестьян. Диссертации Н.А. Якименко написаны на основе материалов центральных и украинских архивов с привлечением опубликованных источников и периодики, содержат ценный фактический материал. Автору удалось показать большую роль украинских переселенцев в развитии производительных сил Сибири и Дальнего Востока, выявить размеры переселенческого движения из отдельных малороссийских губерний, обозначить основные потоки движения переселенцев и места их расселения. При этом автор показал значимость географического фактора в выборе переселенцами мест водворения. Однако вывод Н.А. Якименко о полной неспособности правительства организовать перевозку переселенцев и их устройство на новых местах выглядит более чем спорным. Малоубедительно и утверждение, что правительство в течение всего пореформенного периода вело борьбу с переселенческим движением[2].

В числе работ, где затрагивалась переселенческая проблематика, нельзя не упомянуть труды С.М. Дубровского, Г.П. Жидкова и С.М. Сидельникова.

---

[1] Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978. С. 114, 128–129.

[2] Якименко Н. А. Переселенческое движение из Украины в годы столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Киев, 1977. 29 с.; Он же. Переселение крестьян Украины на окраины России в период капитализма (1861–1917 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. Киев, 1989. 36 с.

Работы этих авторов были написаны на основе широкого круга источников, отличались четкостью постановки задач научного исследования и логикой изложения материала. В их трудах исследовались предпосылки, характер и динамика крестьянских переселений в 1906–1914 гг., а также вопрос о разложении общины и имущественной дифференциации крестьянства в Европейской России, что влияло на динамику и интенсивность крестьянских переселений[1]. Очевидным недостатком этих работ было обращение лишь к предпосылкам социально-экономического характера, оставалось невыясненным, почему на переселение, особенно в XIX в. нередко выходили крестьяне, в экономическом плане не относившиеся к беднякам.

Отдельные аспекты переселенческого дела также затрагивались в исследованиях В.Л. Барсукова, М.Т. Когут, Н.С. Модорова, В.И. Пантелеева, В.И. Тютькина и В.Н. Худякова[2]. В работах этих авторов изучались вопросы, связанные с источниками формирования колонизационного фонда, устройством переселенцев на местах водворения, проблемы взаимоотношений новоселов со старожилами и социальные конфликты между ними. В работах В.Л. Барсукова был исследован вопрос о политической деятельности депутатов от Сибири в Государственной думе, их отношении к аграрно-переселенческой политике правительства.

---

[1] Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–46, 189–191, 383–402; Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917). Новосибирск : Наука, 1973. 263 с.; Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 29–39, 215–249.

[2] Барсуков В. Л. Сибирские депутаты и аграрно-переселенческий вопрос в Государственной думе. 1906–1914 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1990. 16 с.; Когут М. Т. Землеустроительные реформы царизма на государственных землях Сибири в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1984. 19 с.; Модоров Н. С. Горный Алтай в пореформенный период. Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. отд-ние, 1990. 119 с.; Пантелеев В. И. Земельно-лесное хозяйство казны в Сибири в период капитализма : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1987. 16 с.; Тютькин В. И. Социально-экономическое и правовое положение неприписанных переселенцев на Алтае в 1907–1914 гг. // 250 лет горного производства на Алтае (тезисы и доклады конференции). Барнаул : [Б.и.], 1997. С. 73–77; Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск : Изд-во ТГУ, 1986. С. 103–106.

В числе трудов, имеющих значение в рамках нашей темы, следует отметить также монографии А.М. Анфимова, М.С. Симоновой, В.Г. Чернухи. В этих работах раскрывается одна из главных предпосылок крестьянских переселений – аграрный кризис и обозначаются причины его возникновения. Исследователи охарактеризовали сущность аграрного кризиса, правильно связав его возникновение с аграрной реформой 1861 г. и ее последствиями[1].

В целом отечественные историки в 1950–1980-е гг. в рамках концепции развития капитализма вширь смогли показать практические результаты политики крестьянских переселений в Сибирь. Но при этом введенный историками в научный оборот широкий массив источников обнажил противоречие между фактическим материалом о практических результатах крестьянских переселений и господствовавшими в исторической науке ленинскими выводами о «крахе» правительственной переселенческой политики и распространении арены аграрного кризиса на Сибирь. Поэтому уже в 1980-х гг. в отечественной историографии наметилась тенденция отказа от однозначно негативных оценок итогов крестьянских переселений и перехода к более объективным оценкам и концептуальным положениям. Многие сибирские историки в 1980-х гг. в достаточно осторожной форме в своих исследованиях делали выводы, шедшие вразрез с традиционными для отечественной историографии оценками.

Важным событием в отечественной науке стал выход коллективной обобщающей работы «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма». Авторы этой работы проанализировали направления и динамику крестьянских переселений в 1861–1916 гг., охарактеризовали экономические предпосылки крестьянских переселений. В этих работах также в общих чертах были обозначены результаты землеотводных работ, положенные переселенцам льготы, а также некоторые причины подъемов и спадов переселенческого движения.

[1] Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М. : Наука, 1980. 238 с.; Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой русской революции. М. : Наука, 1987. 253 с.; Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л. : Наука, 1978. 248 с.; Она же. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX века). Л. : Наука, 1972. 225 с.

Значительное место авторы уделили внутрисибирским миграциям, была выявлена тенденция переселения крестьян из западносибирских губерний на восток. Серьезное научное значение имела выявленная авторами тенденция постепенного падения имущественного положения среди переселяющихся в 1880–1890-е гг. XIX в. и в начале XX в. Авторы также показали положительное влияние переселений на развитие Сибири: переселения способствовали расширению внутреннего рынка, развитию промыслов, приросту посевных площадей и формированию районов торгового земледелия[1].

В целом в работе «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» переселения рассматривались с позиций концепции «распространения капитализма вширь», поэтому авторы акцентировали внимание на процессах социальной дифференциации переселенцев и классового разложения переселенцев в районах водворения. Но при этом, хоть и с некоторой оговоркой, но было признано, что переселенцы из числа бедняков после переезда в Сибирь могли обзаводиться хозяйством и перейти в разряд середняков. Этот вывод был подтвержден и для переселенцев «столыпинского» периода: авторы констатировали, что из сравнительно однородной массы на родине в Сибири развились кулацкие, середняцкие и бедняцкие хозяйства. Авторы выдвинули тезис об обратимости процесса социального разложения переселенцев в условиях наличия свободных земель в колонизуемых районах[2]. Этот вывод шел вразрез с установившейся в советской историографии традицией оценивать возможность адаптации переселенцев лишь с точки зрения их материальной обеспеченности на момент прибытия в Сибирь. А утверждение об обратимости процесса социального разложения переселенцев вообще отличалось научной новизной и являлось в скрытой форме признанием факта поднятия благосостояния переселенцев после переезда в Сибирь.

На рубеже 1980–1990-х гг. тенденция отказа историков от однозначно отрицательных оценок результатов правительственной переселенческой по-

[1] Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983. С. 40–41, 49–54, 131, 230–232, 235.
[2] Там же. С. 36–37, 51, 238.

литики стала более заметной. Так, в докладе Л.М. Горюшкина на международной конференции в Токио в 1989 г. основной акцент был сделан на положительных итогах политики массовых переселений[1].

Отдельно следует отметить труды сибирского историка И.В. Островского. Его работы и по хронологии, и по характеру выводов и оценок являются промежуточными между советской и постсоветской историографией. С одной стороны, автор критически оценивал многие действия правительства в области организации крестьянских переселений, с другой отмечал стратегическую значимость колонизации восточных окраин, констатировал, что с 1910 г. усилились прогрессивные тенденции в переселенческой политике, возросла всякого рода помощь новоселам[2].

При этом автор был достаточно осторожен в признании плюсов в действиях правительства. Так, И.В. Островский отметил, что с 1911 г. организация перевозки новоселов стала улучшаться, но объяснил это лишь сокращением движения переселенцев[3]. Объяснение это представляется более чем сомнительным, поскольку одно лишь сокращение количества переселяющихся автоматически не могло повлечь за собой улучшение общей постановки в области транспортировки переселенцев, равно как и повысить качество врачебно-продовольственной помощи. С учетом того что в 1912–1914 гг. начался новый рост движения переселенцев и ходоков[4], это объяснение выглядит малоубедительным.

В целом этап 1950–1980-х гг. характеризуется большим интересом историков к проблеме крестьянских переселений в Сибирь. Труды этого перио-

---

[1] Горюшкин Л. М. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX века: Доклад, заслушанный на международной научной конференции историков «Сравнительное изучение экономического развития России и Японии». Новосибирск : [Б.и.], 1989. 51 с.

[2] Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. С. 119–192; Он же. П. А. Столыпин и его время. Новосибирск : Наука, 1992. С. 92–93, 99–100.

[3] Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 164–165.

[4] См.: Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг., 1916. С. 72–81.

да отличаются наличием значительного фактического материала, написаны на основе широкого круга опубликованных источников, архивных документов и материалов дореволюционной периодики. Многие из этих работ можно отнести к числу фундаментальных. Неоценим вклад историков в разработку вопроса о предпосылках крестьянских переселений. Концептуально колонизация Сибири понималась как процесс развития капитализма вширь. Задействовав широкий круг источников, исследователи смогли показать сложный процесс колонизации Сибири, вклад новоселов в ее освоение, выявить практические результаты крестьянских переселений: рост посевных площадей, увеличение поголовья скота, рост производства основных продуктов сельского хозяйства, расширение торговли и внутреннего рынка и т.п. Историки марксистского направления правильно акцентировали внимание на неоднородности социального состава переселенцев, их имущественной дифференциации. Многие выводы и результаты исследований отечественных историков советского периода не потеряли научного значения и в настоящее время.

Историки советского периода стремились акцентировать внимание на результатах процесса колонизации, связанных с конкретными макроэкономическими показателями, показывавшими развитие товарно-денежных отношений в заселяемых районах. Но при этом осталась не освещенной огромная роль государства в процессе устройства переселенцев. Не была отражена и динамика улучшения государственной помощи новоселам. Поэтому ряд принципиальных вопросов к началу 1990-х гг. не был серьезным образом научно проработан. Во второй половине 1980-х гг. советскими историками было признано, что остаются недостаточно изученными вопросы изменения социального состава переселенцев в течение пореформенного периода, участия земских учреждений в организации крестьянских переселений и медицинской помощи новоселам[1]. Несмотря на большое количество научных работ, монографий и диссертаций исследование темы крестьянских переселе-

[1] Шпорт А. М. Переселения украинских крестьян в Западную Сибирь в конце XIX – начале XX в. (по материалам Тобольской губернии) // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 64.

ний в Сибирь в конце 1980-х гг. было далеко от завершения. Фактически в конце 1980-х гг. историки признали, что в исследовании темы крестьянской колонизации Сибири имелись лакуны. Перед исследователями стояли задачи написания обобщающей работы по переселенческому движению, выявления закономерностей миграций, исследования общих и специфических черт миграционных процессов на различных этапах развития капиталистического общества. Актуальными были задачи периодизации крестьянских переселений в Сибирь, исследования взаимодействия миграций с социально-экономическими условиями, естественным и социальным движением народонаселения, а также исследования и характеристики миграционной мобильности миграций крестьян в Сибирь[1].

[1] Ноздрин Г. А. Историографические и теоретические аспекты проблемы миграций населения Сибири в период капитализма // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы. Новосибирск : Наука, 1988. С. 250.

1.2. Отечественная историография постсоветского этапа

Постсоветский этап историографии начинается с 1991 г. Он характеризуется исчезновением идеологического давления со стороны КПСС и государства на историческую науку, что привело к отказу многих исследователей от использования марксистской методологии. Среди исследователей возник интерес к, казалось бы, ранее исследованным темам, что было связано с попыткой переосмыслить исторический опыт, дать новые оценки историческим деятелям и процессам прошлого. Внимание к незаурядной и яркой личности П.А. Столыпина неизбежно привело к возрождению интереса к переселенческой политике в Сибирь в начале XX в. На рубеже 1990-х – 2000-х гг. в Западной Сибири было организовано и проведено несколько научных конференций, посвященных личности П.А. Столыпина и проводимой им политике крестьянских переселений в Сибирь. Особое внимание участники конференций уделили влиянию Столыпинских переселений на процесс хозяйственного освоения, отметили значимость Столыпинских преобразований с точки зрения модернизации[1].

В 2001 г. был учрежден фонд изучения наследия П.А. Столыпина, при поддержке которого были опубликованы научные труды, посвященные реформаторской деятельности П.А. Столыпина и в том числе политике крестьянских переселений. К 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина фондом был выпущен сборник документов и материалов, раскрывающих комплекс основных направлений реформаторского курса Столыпина. Часть материалов этого сборника была посвящена политике крестьянских переселе-

[1] Аграрная наука – сельскому хозяйству: сборник статей: в 3 кн. // VII Международная научно-практическая конференция (2–3 февраля 2012 г.). Барнаул : Изд-во АГАУ, 2012. Кн. 1. 545 с.; Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1(17). С. 5–30; П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения П. А. Столыпина. Омск : Омск. гос. ун-т, 1997.

ний в Сибирь[1]. Была опубликована энциклопедия, посвященная основным направлениям деятельности П.А. Столыпина[2]. Нельзя обойти вниманием энциклопедию по экономической истории России, где была дана новая трактовка вопроса об аграрном кризисе в России в конце XIX в. Если историки советского периода считали первопричиной аграрного кризиса наличие дворянского землевладения, то в современной трактовке аграрный кризис понимается как кризис перепроизводства сельскохозяйственной продукции[3].

Среди сибирских историков, активно разрабатывающих тему Столыпинских переселений, следует выделить коллектив исследователей из Алтайского государственного университета А.А. Храмкова, В.Н. Разгона, К.А. Пожарскую. В трудах этих историков исследуются вопросы формирования колонизационного фонда для переселенцев в Алтайском округе, организации и динамики переселений, устройства переселенцев на новых местах[4]. Они отметили ориентацию переселенцев на земледельческое развитие хозяйства, их нацеленность на скорейшее получение средств, необходимых для дальнейшего хозяйственного обустройства, и интенсивное использование новоселами надельных и арендованных земель. В исследованиях А.А. Храмкова, В.Н. Разгона, К.А. Пожарской выделено несколько этапов адаптации переселенцев

---

[1] П. А. Столыпин : Программа реформ. Документы и материалы. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2011. В 2 т.; Пожигайло П. А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М. : РОССПЭН, 2007. 240 с.

[2] Петр Аркадьевич Столыпин : Энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2011. 735 с.

[3] Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : Энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2008. Т. 1. С. 40–42.

[4] Афанасьев П. А., Пожарская К. А. Формирование колонизационного фонда Алтайского округа как фактор изменения земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в регионе // Экономическая история Сибири XX – начала XXI в. : материалы II Всероссийской научной конференции. Барнаул : Академия развлечений, 2009. С. 79–86; Пожарская К. А. Столыпинские переселенцы на Алтае : хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Барнаул, 2009. 23 с.; Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай: монография. Барнаул : изд-во Алт. ун-та, 2010. 278 с.; Храмков А. А. Сравнительно-исторический очерк о переселенческих селах Алтайской губернии (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. : сб. науч. ст. Барнаул : [Б.и.], 2004. Вып. 2. С. 12–33; Он же. Земельное обеспечение крестьян Алтайского округа в конце XIX – начале XX вв. : переселенческие аспекты // История. Карта. Компьютер : сб. науч. ст. Барнаул : изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 136–139.

и сделан вывод, что новоселы «столыпинского» периода в основной массе к 1917 г. полностью процесс адаптации еще не завершили[1]. В современных работах А.А. Храмков сделал вывод, что переселенцы, хотя и не достигали уровня обеспеченности старожилов, но их хозяйства в целом успешно развивались, формируя мелкое и среднее фермерство[2]. В монографии, посвященной истории крестьянства Сибири, А.А. Храмков исследовал малоизученный до настоящего момента вопрос о проекте введения в Сибири частной крестьянской собственности на землю. На основе впервые опубликованных источников, автор доказал, что администрация Кабинета еще с 1908 г., преследуя узковедомственные интересы, начала открыто противодействовать принятию этого закона[3].

Значимое место в современной историографии занимает диссертация В.Е. Смирновой. Автор исследовала проблему организации перевозки переселенцев в России в 1881–1914 гг., что стало первым подобным комплексным исследованием. На основе впервые введенных в научный оборот документов госархива Челябинской области автор рассмотрела вопрос оказания новоселам помощи в период массовых переселений, исследовала проблему их транспортировки по железнодорожным и водным путям. На большом фактическом материале В.Е. Смирнова показала, как расширялась и улучшалась государственная помощь новоселам по пути следования в Сибирь[4].

В числе научных работ по теме Столыпинских переселений следует также отметить диссертации нескольких сибирских историков, исследовав-

---

[1] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе : переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул : АЗБУКА, 2013. С. 316–320; Разгон В. Н. Факторы хозяйственной адаптации крестьян-переселенцев периода столыпинских реформ в Алтайском округе // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в. : материалы II Всерос. науч. конф. Новосибирск : [б.и.], 2014. С. 32–36.

[2] Храмков А. А. Обзор современных дискурсов по истории столыпинских реформ в Сибири // Алтайская деревня в первой половине XX века : сб. науч. ст. Барнаул : Азбука, 2007. С. 37.

[3] Он же. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 153–165.

[4] Смирнова В. Е. Организация перевозки переселенцев в России (1881–1914 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Челябинск, 1998. 17 с.

ших реализацию политики крестьянских переселений в отдельных сибирских губерниях. Отличительной чертой этих работ можно считать стремление исследователей извлечь положительный опыт крестьянских переселений и провести ревизию результатов колонизации Сибири на рубеже XIX–XX вв. Этими историками был введен в научный оборот новый комплекс источников, показывающих положительное влияние переселенческой политики государства на развитие Сибирского региона[1].

Нельзя обойти вниманием диссертацию А.Ю. Карпинца, который на материалах Томской губернии исследовал механизмы, характер и масштабы финансирования переселенческого дела государством на рубеже XIX–XX вв. В центре его исследования были тенденции и особенности финансирования государством переселенческих мероприятий[2].

Введение в научный оборот ранее не публиковавшихся материалов и отказ от марксистской методологии позволили многим историкам пересмотреть свои взгляды и оценки результатов политики крестьянских переселений в Сибирь. Многие историки, ранее настаивавшие на «крахе» политики массовых переселений крестьян в Сибирь, переосмыслили свои взгляды и оценки[3]. Особенно показательной в этом смысле выглядит последняя монография В.Г. Тюкавкина, где он отказался от отрицательных оценок итогов переселенческой политики, акцентировав внимание на положительных ее результатах[4].

---

[1] Сафронов С. А. Столыпинская аграрная реформа в Енисейской губернии (1906–1917 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Иркутск, 1996. 23 с.; Захарова Н. В. Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Воронеж, 2004. 23 с.; Белянин Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Кемерово, 2003. 31 с.

[2] Карпинец А. Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896–1916 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Кемерово, 2003. 24 с.

[3] Пантелеев В. И. Столыпин ехал по Сибири: исторические очерки и заметки. Красноярск : Красноярский писатель, 2003. 156 с.; Храмков А. А. Сёла Ирбизино, Веселовское и Белое Новосибирской области в начале XX в. (по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Моя Сибирь : Вопросы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2002. С. 80.

[4] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 221–292.

Вместе с тем отдельные современные исследователи настаивают на выводе об отрицательных результатах политики Столыпинских переселениий. В трудах А.М. Анфимова и Н.А. Якименко содержатся те же аргументы, что приводились в отечественной историографии советского периода. Эти авторы пытаются реанимировать вывод советской историографии о «крахе» и «провале» переселенческой политики Столыпина[1].

В современной отечественной историографии 1990 – начала 2000-х гг. можно выделить несколько тенденций. Первой тенденцией современной историографии можно считать стремление некоторых авторов использовать междисциплинарный подход к исследованию проблематики переселений. Следует выделить работы сибирских исследователей Д.Г. Коровушкина и В.А. Липинской, которые рассматривали проблему переселений различных этнических групп и адаптации переселенцев в контексте их взаимоотношений со старожилами с точки зрения социальной психологии и этнопсихологии[2]. Д.Г. Коровушкин в кандидатской диссертации посвятил отдельную главу характеристике государственной политики переселений. Автор выделил два этапа в переселенческой политике, рубежом которых стал закон 1889 г., отметил, что в основе массовых переселений в Западную Сибирь лежали предпосылки, сформировавшиеся после отмены крепостного права в стране и одинаково действовавшие до и после революции 1905–1907 гг. В контексте нашей темы вывод Д.Г. Коровушкина представляется очень важным. Автор

---

[1] Анфимов А. М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 60–95; Якименко Н. А. Переселенческая политика царизма на Украине и ее последствия (1861–1917 гг.). Полтава : РВВ ПДАА, 2011. 298 с.

[2] Коровушкин Д. Г. Латыши и эстонцы в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 248 с.; Он же. Немцы в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 188 с.; он же. Украинцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 248 с.; он же. Чуваши в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 187 с.; Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М. : Наука, 1996. 269 с.

также отметил, что после 1889 г. имела место плановая государственная переселенческая политика, в основе которой лежал отлаженный государственный механизм, позволивший осуществить освоение Сибири и Дальнего Востока в относительно короткий временной отрезок[1].

Заметный вклад в изучение проблематики крестьянских переселений вносят современные сибирские исследователи, занимающиеся исторической демографией. Они отмечают, что именно переселенческое движение, а не естественный прирост, способствовало быстрому росту населения Сибири на рубеже XIX–XX вв. Важное значение для нашего исследования имеют выводы о наличии в среде аграрных мигрантов относительно большего процента детей и работников, чем у старожилов, а семьи крестьян-переселенцев были в среднем крупнее старожильческих. Такие дворы с точки зрения демографии имели хорошюие хозяйственные перспективы и потенциал. Исследователи отмечают прямую связь между производственными процессами в аграрной сфере Сибири и социально-демографическими переменами, обусловленными крестьянскими миграциями. При наличии неблагоприятных факторов, связанных неустойчивостью погодных условий, имели место колебания урожайности и поголовья скота, но общая тенденция роста валового производства продукции растениеводства и животноводства была устойчивой. И даже Первая мировая война не сразу остановила поступательное развитие сибирского сельского хозяйства[2].

Исследовавшие демографическую ситуацию в Сибири в начале XX в. современные специалисты-демографы выявили тенденцию снижения смертности в период массовых переселений. Эта тенденция была связана с успеха-

---

[1] Коровушкин Д. Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – начале XXI в. : автореф. дис. … д-ра. ист. наук : 07.00.07. Новосибирск, 2009. 46 с.; он же. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев Западной Сибири (конец XIX – первая четверть XX в.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.07. Новосибирск, 2009. С. 11–12.

[2] Миграции населения Азиатской России : конец XIX – начало XXI в. Новосибирск : Параллель, 2011. С. 18–19; Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI века. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2012. С. 95–99, 165, 169, 171.

ми здравоохранения, которые существенно сократили смертность от инфекционных заболеваний[1]. Этот вывод в контексте нашей темы представляется очень значимым, так как показывает успешность правительственных мероприятий по оказанию населению Сибири медицинской помощи.

Исследованиями крестьянских переселений и их влиянием на демографические процессы деревни Алтайского округа второй половины XIX – начала XX в. активно занимаются современные историки В.Н. Владимиров и И.Г. Силина[2]. В контексте изучения демографических процессов в Сибири затрагивал в своих работах тему крестьянских переселений сибирский исследователь В.А. Зверев [3].

К числу междисциплинарных исследований можно отнести работы специалиста по исторической демографии В. Кабузана. Труды В. Кабузана относятся к историко-географическим, но написаны на основе данных статистики и позволяют проследить основные направления и численность аграрно-крестьянских переселений после 1861 г. Эти работы имеют большую научную значимость, насыщены статистическими данными, в том числе и архивными материалами. В своих трудах В. Кабузан исследует проблему переселений через анализ динамики численности и расселения русских и украинцев[4].

Другой тенденцией современной историографии следует считать ориентацию историков на исследование вопросов, не изучавшихся в советский период. Так, Г.А. Ноздрин изучал сроки, факторы и механизмы адаптации

---

[1] Ефимкин М. М., Ламин В. А. Сибирское демографическое пространство: формирование, развитие, перспективы // Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. Новосибирск : Параллель, 2010. Вып. 1. С. 9; Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI века. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2012. С. 172.

[2] Владимиров В. Н., Силина И. Г. Демографические и хозяйственные процессы в Томском округе Алтайского горного округа Томской губернии во второй половине XIX в. // Российское крестьянство : от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.) : сб. науч. ст. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. Вып. 1. С. 57–80; Силина И. Г. Динамика и интенсивность миграционных процессов во второй половине XIX – начале XX в. на территории Алтайского округа // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. : сб. науч. ст. Барнаул : [Б.и.], 2004. Вып. 2. С. 3–11.

[3] Зверев В. А. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.

[4] Кабузан В. Русские в мире. СПб. : БЛИЦ, 1996. 347 с.

переселенческих хозяйств[1], Т.В. Батурина исследовла вопрос о роли и значении русской православной церкви в процессе культурной колонизации и хозяйственного освоения Сибири[2]. В контексте исследования аграрной истории Сибири затрагивается проблематика крестьянских переселений новосибирским историком В.А. Ильиных[3].

Историки советского периода акцентировали внимание преимущественно на материальных предпосылках крестьянских переселений, оставив без внимания духовные и ментальные. Проблема социально-психологических и духовных предпосылок, формировавших миграционные настроения крестьян, была исследована в трудах современных сибирских историков М.К. Чуркина и Н.Н. Родигиной. М.К. Чуркин исследовал крестьянские переселения в Западную Сибирь из центрально-черноземных губерний в 1861–1905 гг. В центре его исследования были детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации крестьян. М.К. Чуркин выявил значимость социально-психологического и природно-географического факторов в процессе адаптации новоселов. Несомненным достоинством его работ является то, что он максимально расширил сибиреведческую источниковую базу исследования, использовав документы региональных архивов Европейской России[4]. Автор внес весомый вклад в разработку вопроса о причинах и мотивах крестьянских переселений, указав на наличие ментальных и социокультурных предпосылок. Эти предпосылки были непосредственно связаны с нарушени-

---

[1] Ноздрин Г. А. Сроки и механизмы адаптации переселенцев в Сибири в конце XIX – начале XX века // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах : сб. науч. тр. Новосибирск : Сиб. науч. изд., 2007. Вып. 2. С. 20–38; Он же. Хозяйственное и социокультурное развитие русской сибирской деревни в начале XX в. // Русский этнос в Сибири в XX веке : сб. науч. тр. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 90–113.

[2] Батурина Т. В. Русская православная церковь и крестьянские переселения на рубеже XIX – XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1999. 26 с.

[3] Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. : Материалы к монографии. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2007. 170 с; Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – середина XX в.). Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2010. 206 с.

[4] Чуркин М. К. Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.

ем общих представлений крестьян о справедливости и мифологизацией и идеализацией образа Сибири в крестьянском сознании[1].

Н.Н. Родигина в своих работах исследовала проблему «образа Сибири» в общественном сознании во второй половине XIX в. В качестве основного источника она использовала периодическую печать, журнальную прессу. Ее исследования позволяют глубже понять характер неэкономических предпосылок крестьянских переселений[2].

К концу XX в. фактически лакуной был вопрос о роли государства в организации крестьянских переселений. На рубеже 1990 – начала 2000-х гг. эту проблему затронули в нескольких работах и научных докладах некоторые сибирские историки[3]. Особого внимания заслуживает коллективная монография сибирских историков «Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVI–XX вв.», авторы которой высоко оценили роль Российского государства в процессе колонизации Сибири русскими. Авторы этой работы сделали вывод, что именно правительство выступало главной силой в организации переселений, и подобная роль власти определялась необходимостью ускорить социальную мобильность российского общества в качестве основ-

---

[1] Чуркин М. К. Архетипические черты психологии русского крестьянства и их роль в формировании миграционных настроений в традиционном обществе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. Вып. 2. С. 192–199; Он же. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. в природно-географическом, социально-психологическом и этнопсихологическом аспектах : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Омск, 2000. 27 с.

[2] Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.; Она же. «Земля обетованная» или «каторжный рай» : Сибирь в восприятии крестьян Европейской России второй половины XIX в. // Моя Сибирь : Вопросы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2002. С. 24–33; Она же. Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 1997. 23 с.

[3] Пронин В. И. Роль государства в развитии производительных сил Сибири конца XIX – начала XX в. // Моя Сибирь : Вопросы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2002. С. 34–52; Шиловский М. В. Переселенческая революция в начале XX в. (на примере Сибири) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в. : материалы всерос. науч. конф. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 164–168.

ного средства модернизации страны[1]. Значимым научным событием стало опубликование новосибирскими историками сборников документов «Сибирские переселения». Собранные в сборниках ранее не публиковавшиеся документы во многом раскрывают направленность правительственной переселенческой политики, характер и масштабы государственной помощи новоселам[2].

Изучением малоисследованного вопроса деятельности Комитета Сибирской железной дороги на рубеже XX–XXI вв. активно занимались сибирские историки А.В. Ремнев и Л.Б. Ус. А.В. Ремнев посвятил отдельный раздел своей монографии «Самодержавие и Сибирь» исследованию вопроса борьбы взглядов и мнений внутри КСЖД по переселенческому вопросу. Но практические мероприятия по оказанию переселенцам помощи оказались при этом исследованы не были[3]. Л.Б. Ус отметила значимый вклад КСЖД в организацию крестьянских переселений, в оказание ссудной, медицинской, продовольственной и иных видов помощи новоселам в пути и на местах водворения и в расширение землеотводных работ[4].

Серьезный вклад в изучение темы крестьянских переселений в Сибирь внес Д.В. Никоненко, исследовавший переселенческую политику в 1861–1889 гг. на основе анализа законодательной базы. Автор ввел в научный оборот широкий комплекс архивных документов, в том числе материалы комиссий по крестьянскому делу, сенатских ревизий, а также документы из личных фондов П.А. Валуева, Н.П. Игнатьева, Д.А. Толстого, И.Л. Горемыкина и дру-

---

[1] Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVI–XX вв. Новосибирск : Параллель, 2009. С. 392–393.

[2] Сибирские переселения. Документы и материалы. Вып. 1. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. 198 с.; Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сб. док. Новосибирск, 2006. Вып. 2. 263 с.

[3] Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск : Омск. ун-т, 1997. С. 176–189.

[4] Ус Л. Б. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по организации переселений // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии в XVI – начале XX в. : сб. науч. ст. Новосибирск : Сибирский Хронограф, 2004. С. 203–204; Она же. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги: к постановке вопроса // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею профессора Е. И. Соловьевой) : материалы регион. научн.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2004. С. 152–154.

гих государственных деятелей. Он опроверг мнение советской историографии, что до 1880-х гг. в России отсутствовала переселенческая политика. На большом фактическом материале Д.В. Никоненко доказал, что на рубеже 1870–1880-х гг. либеральными реформаторами готовилась комплексная программа мер, касающихся переселенческой политики и крестьянского вопроса в целом. Реализации этих мер помешало лишь убийство Александра II[1].

В числе современных работ нельзя не отметить диссертацию И.В. Баскаковой, где исследовался вопрос помощи переселенцам. Автор положительно оценила вклад государства в дело врачебно-продовольственной помощи, обеспечение новоселов сельскохозяйственными орудиями и необходимыми товарами[2].

Значимый вклад в исследование вопросов переселенческой политики государства в пореформенный период внес М.В. Дорофеев. В его работах были серьезно изучены вопросы деятельности КСЖД по развитию крестьянских переселений, масштабы и направленность землеотводных работ. Автор справедливо указал на многие недостатки в процессе переселенческих участков в 1880-х – начале 1890-х гг.: плохое качество отводимых участков, несоответствие темпов землеотводных работ динамике переселений. Не подлежит сомнению и вывод М.В. Дорофеева о том, что правительство на рубеже XIX–XX вв. слабо представляло себе колонизационный потенциал Сибири, большинство земель вне полосы, прилегавшей к Сибирской железной дороге, не были научно исследованы в плане пригодности для нужд колонизации. Однако вывод автора об исчерпанности в конце XIX в. фонда свободных и удобных для заселения казенных земель нуждается в корректировке. На наш взгляд, логичнее говорить об исчерпанности колонизационного фонда лишь в полосе исследованных земель. Недостаточно обоснованным представляется также утверждение М.В. Дорофеева, что основная причина обратных

[1] Никоненко Д. В. Переселенческая политика в российском законодательстве. 1861–1889 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 2006. С. 19, 23.
[2] Баскакова И. В. Миграционные процессы второй половины XIX – начала XX в. на юге Западной Сибири в контексте правительственной переселенческой политики : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Горно-Алтайск, 2007. С. 21.

переселений в конце XIX в. состояла в неудовлетворительном состоянии отводимых участков. Приводимые автором цифры свидетельствуют об обратном. На плохое качество участков (сюда же относится упоминание о климате) как на причину обратных переселений указывало абсолютное меньшинство обратных переселенцев – лишь 2,8% возвращавшихся из Томского, Мариинского и Каинского уездов Томской губернии и 25,5% возвращавшихся из Алтайского округа. Некоторые вопросы автором остались вообще не затронутыми: организация правительственных осушительных работ, расширение правительственной помощи новоселам в пути и местах водворения в период деятельности КСЖД[1].

Еще одной тенденцией, характерной для современной историографии, можно считать использование историками новейших, в том числе и зарубежных, методологических концепций и теорий. Многие исследователи постсоветского этапа отказались от использования марксистской методологии, применяют иные научные методы исследования. Широкое распространение получил социокультурный подход, в рамках которого процесс освоения Сибири исследуется на основе теории фронтира. Теория фронтира стала разрабатываться сибирскими историками XX–XXI в.[2] Применение теории фронтира в трудах Д.Я. Резуна и М.В. Шиловского позволило в новом свете представить как вопрос колонизации Сибири, так и проблему взаимоотношения переселенцев и старожилов. В рамках применения теории фронтира исследователи смогли сравнить колонизационные процессы Сибири и Северной Америки,

---

[1] Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск : Изд-во ТГУ, 2009. С. 195–278; Он же. Обратное переселение из Сибири (конец XIX – начало XX в.) : природно-климатический аспект проблемы // Вестник ТГУ. 2008. № 309. С. 75–78; Он же. Развитие крестьянского землепользования в Западной Сибири во второй половине XIX века : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Томск, 2010. С. 21.

[2] Американский и сибирский фронтир : сб. ст. Томск : Изд-во ТГУ, 1997. Вып. 2. 304 с.; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII –XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 2001. Вып. 1. 113 с.; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII –XX вв. : общее и особенное : сб. ст. Новосибирск : Изд-во РИПЭЛ плюс, 2002. Вып. 2. 94 с.; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII –XX вв.: общее и особенное : сб. ст. Новосибирск : Изд-во РИПЭЛ плюс, 2003. Вып. 3. 128 с.

выделить в них общие черты и особенности[1]. Отдельные положения теории фронтира применила историк И.Л. Дамешек в рамках исследования проблемы имперского регионализма[2]. Заслуживает внимание коллективная монография томских историков, посвященная новым подходам в изучении процессов освоения Северной Азии. В этой работе авторы проанализировали возможности и перспективы применения теории фронтира для исследования истории колонизации русскими Сибири, отметили, что ее применение может дать ответы на отдельные малоисследованные и неисследованные вопросы[3].

В целом для современной отечественной историографии характерно стремление на основе новейших и зарубежных научных концепций обобщить и переосмыслить материал, накопленный предшествующими поколениями историков, а также исследовать малоизученные и не изученные аспекты темы аграрно-крестьянской колонизации Сибири.

---

[1] Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск : ИД «Сова», 2005. 196 с.; Резун Д. Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск : РИПЭЛ, 2005. 127 с.; Шиловский М. В. Особенности поведенческих стереотипов сибирских крестьян во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирская деревня: проблемы истории : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2004. С. 66–74.

[2] Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск : Оттиск, 2002. 389 с.

[3] «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 106–125.

1.4. Основные направления зарубежной историографии

Среди зарубежных публикаций второй половины XIX – начала XX в. следует отметить работу немецкого исследователя А. Гакстгаузена, который одним из первых описал нравы и обычаи земельных переделов в русских общинах. Он с нескрываемым восторгом писал о крепкой силе русской передельной общины, которая является преградой для образования пролетариата в России, но при этом отмечал, что в ежегодных переделах земли нет условий для прогресса сельского хозяйства и хлебопашество может остаться на низкой ступени развития[1]. Если утверждение Гакстгаузена о невозможности образования пролетариата в общинной России было опровергнуто ходом истории, то агрикультурный кризис автор предсказал достаточно прозорливо.

Тематика аграрной колонизации Сибири затрагивалась в нескольких трудах зарубежных исследователей. Из работ второй половины XIX – начала XX в. следует выделить книгу французского экономиста К. Оланьона. Этот исследователь основной причиной переселенческого движения считал сокращение земельных наделов вследствие естественного прироста населения. Он акцентировал внимание на основных направлениях государственной помощи переселенцам: медицинской помощи, выдаче пособий и питания в пути, производстве мелиоративных, осушительных и обводнительных работ на переселенческих участках, организации Комитетом Сибирской железной дороги ходаческого движения и т.п.[2] Вместе с тем Оланьон не совсем верно оценивал задачи и направление переселенческой политики. Он писал, что посредством переселений предотвращается нищета внутри Европейской России, тогда как в период деятельности КСЖД государство ставило задачу колонизации Сибири и разрешало переселяться крестьянам среднего или значительного достатка.

---

[1] Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1870. Т. 1. С. 77–78, 81.
[2] Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб. : Просвещение, 1903. С. 77–79.

Американский исследователь А. Глейнер, использовавший в качестве источника записки журналиста Д. Фразера, характеризовал процесс аграрной колонизации Сибири в значительной степени поверхностно и необъективно. Он отметил, что государство прилагало значительные усилия для поддержки переселенцев и оказания им помощи, но сами переселенцы были плохими колонизаторами и все правительственные меры не давали результатов. В труде Глейнера русские крестьяне показаны людьми флегматичными, равнодушными, безынициативными, с примитивными интересами: наесться и отложить на воскресенье несколько копеек, чтобы напиться. Эти черты, по мнению автора, были следствием того, что все переселенцы – потомки крепостных, которые веками подвергались унижениям[1]. Если оценка автором правительственных мер по поддержке переселенцев еще может быть признана верной, то характеристика переселенцев представляется более чем сомнительной. Известно, что результатом политики массовых переселений на рубеже XIX–XX вв. стало освоение миллионов десятин земли, развитие товарно-денежных отношений, применение усовершенствованных орудий труда и т.п. Все это никак не соотносится с теми уничижительными характеристиками, которыми Глейнер охарактеризовал русских переселенцев. Утверждение же этого автора, что все переселенцы – потомки крепостных, просто не соответствует действительности – среди переселенцев была высокой доля бывших государственных крестьян, а в отдельные годы они даже составляли большинство.

В XX в. представители западной исторической науки попытались теоретически осмыслить процесс аграрной колонизации Сибири. Исследователями было сформировано несколько концепций, в рамках которых рассматривался вопрос крестьянских переселений в Сибирь. Наибольшее распространение в западной историографии получила концепция «русской восточной экспансии», разработанная американскими историками Ф.А. Голдером и

[1] Глейнер А. Сибирь, Америка будущего. По сочинению Джона Фостера Фразера «The Real Siberia». Киев : Тип. П. Барского, 1906. С. 15–17, 19–20.

Р.Дж. Кернером. Оба автора испытали на себе влияние классиков русской исторической мысли С.М. Соловьева и В.О. Ключевского[1].

Британский журналист А.С. Краузе в работе «Россия в Азии. Хроника и исследование (1588–1899)» писал об экспанисии России в Азию, но при этом не пытался представить Россию исключительно агрессором, довольно высоко оценивая достижения русских. К сочинению А.С. Краузе близка по духу работа немецкого автора К. фон Цеппелина, вышедшая в Берлине в 1909 г. под названием «Дальний Восток, его история, его развитие в новейшее время и его положение после русско-японской войны». В годы холодной войны западные историки охотно писали о сходстве методов русских и западноевропейских колонизаторов, а идеи Ф.А. Голдера об имперских целях «русской восточной экспансии» получили развитие в трудах англо- и германоязычных советологов[2]. Нередко в этих трудах процесс заселения русскими Сибири характеризовался терминами империализма и колониализма[3].

В русло концепции «русской восточной экспансии» вписывается работа современных американских исследователей из Брукингского университета К. Гэдди и Ф. Хилл «Сибирское проклятье». Основное внимание они сосредоточили на истории освоения Сибири русскими в послереволюционный период, но затронули также и проблему колонизации этого региона до 1917 г. Авторы постарались доказать весьма спорный тезис, что колонизация Сибири проводилась исключительно с позиций геополитических интересов России, подневольно и вопреки желанию населения, что в итоге Сибирь оказалась заселена без учета экономических затрат на проживание в холодном и суровом климате. Гэдди и Хилл настаивали, что Сибирь заселялась и осваивалась без учета экономической рациональности и преимущественно ссыльными. Общий вывод авторов сводился к утверждению о необходимости уменьшения

---

[1] Ананьев Д. А. История Сибири конца XVI–XIX вв. в англо- и германоязычной историографии. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. С. 69–71, 77.
[2] Там же. С. 72–76.
[3] Russian Colonial Expansion to 1917. L.; N.Y. : Mansell Publishing Ltd., 1988. XVI, 257 p.; Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, New Jersey : Rutgers Univ. Press, 1974. 274 p.

количества населения Сибири, ликвидации многих современных промышленных центров, что должно, по их мысли, уменьшить бюджетные затраты и издержки государства[1].

Утверждение К. Гэдди и Ф. Хилл о преимущественно подневольной колонизации Сибири представляются просто не соответствующими фактам, поскольку уже в пореформенный период Сибирь заселялась и осваивалась по преимуществу не ссыльными, а свободными крестьянами. Причем на рубеже XIX–XX вв. ссылка крестьян в Сибирь вообще была прекращена и самый массовый этап аграрно-крестьянской колонизации Сибирского региона, связанный со Столыпинскими переселениями, проходил исключительно под знаком свободных переселений. Не говоря уже о том, что ссыльные переселенцы в основной своей массе не занимались сельским хозяйством, имели альтернативные (часто криминальные) источники дохода и просто не могли решить государственную задачу по аграрному освоению Сибирского края. Причем значительное место в масштабе крестьянских переселений играли самовольные переселения, совершавшиеся вопреки желанию правительства. Процесс самовольного переселения тысяч крестьян, ежегодно приезжавших за Урал вопреки бюрократическим барьерам, опровергает мнение Гэдди и Хилл о заселении Сибири вопреки желаниям населения и свидетельствует о наличии объективных предпосылок переселенческого движения.

В середине – второй половине XX в. в западной историографии получила распространение концепция «колонизации» Сибири. Одним из сторонников этой концепции был американский историк С. Маркс. В ряде работ этот автор рассматривал массовые аграрные переселения в Азиатскую Россию на рубеже XIX–XX вв. в контексте процессов колонизации, имевших место в странах Европы. При этом он считал, что для европейских стран колонизация была проявлением экономической и военной мощи, тогда как для России – следствием ее геополитической слабости. Вместе с тем Маркс оце-

[1] Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners left Russia in the Cold. Washington D.C. : Brooking Institution Press, 2003. 240 p.

нил результаты политики крестьянских переселений в Сибирь в 1890-х – начале 1900-х гг. как успешные, отметив, что немногие страны могут похвастаться аналогичными успехами в вопросе колонизации[1]. Англоязычные историки Н.Б. Брейфогле, А. Шрэдер, У. Сандерленд также высоко оценили результаты крестьянских переселений в Сибирь, назвав русский народ одним из величайших «колонизаторов» в истории. Перемещение десятков миллионов поселенцев, представителей славянских народов, служило главной составляющей процесса «империостроительства» в России. Историки верно отметили, что колонизационный процесс одновременно направлялся государством и получал народную поддержку снизу. Этот процесс характеризовался сотрудничеством разных социальных сил и народным энтузиазмом[2].

В чиле работ этого направления следует отметить монографию французского историка Ф.-К. Кокена «Сибирь. Заселение и крестьянская иммиграция в XX веке». Эта работа отличалась хорошей источниковой базой – автор использовал документы РГИА, периодическую печать, опубликованные источники и статистические сборники. В монографии Кокена основное внимание уделено крестьянским переселениям после 1861 г. В отличие от многих англоязычных авторов, Кокен не считал, что аграрная колонизация Сибири была частью миграционных процессов, проходивших в других европейских странах и США.

Автор отметил в качестве предпосылок крестьянских переселений маленькие земельные наделы и высокие платежи, а главным фактором крестьянской мобильности он считал агротехнический кризис трехпольной системы. В числе факторов автор также отметил демографический, связанный с увеличением численности населения, а также психологический, основанный на идеализации крестьянским сознанием сибирского края как «сказочной»

---

[1] Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. Ithaca (N.Y.) : Cornell Univ. Press, 1991. XXI, 240 p.; Marks S. G. Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and Russian Far East. N.Y.; L. : M.E. Sharpe, 1995. P. 23–39.

[2] Ананьев Д. А. История Сибири конца XVI–XIX вв. в англо- и германоязычной историографии. Новосибирск, 2012. С. 83–84.

страны. Кокен справедливо отмечал, что переселенческая политика носила управляемый государством характер. Однако выводы автора носят амбивалентный характер. С одной стороны, Кокен высоко оценил итоги переселенческой политики правительства, отметив, что в результате массовых крестьянских переселений Россия превратилась в евроазиатскую державу. Но некоторые выводы автора представляются более чем спорными. Малоубедительным выглядит утверждение Кокена, что аграрная колонизация Сибири в начале XX в. зашла в тупик ввиду большого количества обратных переселенцев[1].

В начале XXI в. направление, связанное с историей колонизации, испытало на себе влияние таких направлений исторической науки, как социальная история и культурная история. Узконаправленное изучение колонизационной политики сменилось исследованиями политической культуры, которые были основаны на более глубоких представлениях о территории, населении, его классовой и гендерной структуре, прогрессе, механизмах и содержании власти, тех представлениях, которые формировали правительственный подход к колонизации как государственному проекту[2].

С середины XX в. в западной историографии получила распространение концепция фронтира, разработанная Ф.Дж. Тернером применительно к истории колонизации США. В числе историков, применявших концепцию фронтира к истории заселения Сибири, следует выделить американского исследователя, сотрудника департамента истории Вашингтонского университета Д. Тредголда. Этот автор не скрывал, что на него оказали существенное влияние труды дореволюционных российских историков В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова[3]. В своей основной работе по этому вопросу «The Great Siberian Migration» Тредголд акцентировал внимание на истории крестьян-

---

[1] Coquin F.-V. La Siberie peuplement immigration pausanne an XIX siecle. Paris : Institut detudes slaves, 1969. P. 391–392, 394, 403, 411–435, 703, 709–710, 741, 743–744.

[2] Ананьев Д. А. История Сибири конца XVI–XIX вв. в англо- и германоязычной историографии. Новосибирск, 2012. С. 82.

[3] Treadgold D. Russian Expansion in the Light Turners Study of American Frontier // Agricultural History. 1952 (October). Vol. 26, № 4. P. 147.

ской колонизации Сибири в 1880–1814 гг. Основными причинами крестьянских переселений автор считал отсталую агротехнику и рост народонаселения. Масштабные крестьянские переселения представлялись ему одним из методов борьбы с избыточным крестьянским населением и, по оценке автора, давали крестьянам шанс для улучшения своего экономического положения. Автор положительно оценил государственную политику, нацеленную на оказание помощи переселенцам, сделал вывод, что переселения частично нивелировали социальную дифференциацию среди крестьян-переселенцев по сравнению с их экономическим положением на родине[1]. Исследователь Дж.А. Харрисон соглашался с утверждением, что Сибирь выполняла функцию региона, поглощавшего избыточное крестьянское население, что было методом ослабления социальной напряженности в Европейской России[2].

Во второй половине XX в. в западной историографии получил развитие постколониальный подход, теоретики которого основной акцент сделали на попытке переосмысления субъекта исторического познания. Из работ этого направления следует выделить монографию филолога и историка, профессора Кембриджского университета А. Эткинда «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России». В этой работе автор попытался с позиций филологии и психологии анализировать колонизационные процессы в России и оценки этих процессов российскими историками. А. Эткинд особое внимание уделил текстологическому, лингвистическому и смысловому анализу известного тезиса С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и его учеников об истории России как страны, которая колонизуется[3]. Однако некоторые выводы Эткинда представляются более чем сомнительными. Так, автор провел параллели между внутренней колонизацией России и британской колонизацией Америки,

---

[1] Treadgold D. The Great Siberian Migration: Goverment and Peasant in Resettlement from Emansipation to the First World War. Princeton, New Jersey : Princeton Univ. Press, 1957. P. 44, 62, 173.

[2] Harrison J. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. Coral Gables, Florida : Univ. of Miami Press, 1971. P. 63.

[3] Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд : авториз. пер. с англ. В. Макарова. М. : Новое лит. обозрение, 2013. С. 90–108.

утверждая, что в основе этих процессов лежало порабощение, эксплуатация, просвещение и освобождение населявших эти страны «полудьяволов, полудетей». Еще более сомнительным выглядит утверждение, что Россию и Британию на колонизацию «толкало Бремя белого человека»[1].

Таким образом, в западной историографии тема аграрной колонизации Сибири разрабатывалась на основе нескольких концепций, которые возникли и развились под влиянием традиционной русской исторической школы и западных теорий колонизации. При этом если сторонники концепции «русской восточной экспансии» акцентировали внимание на изучении объективных факторов, то сторонники концепции «колонизации» отмечали главенствующую роль Российского государства в этом процессе, а сторонники теории «фронтира» считали, что главную роль в процессе колонизации Сибири играли внешние условия.

Значительно большее внимание зарубежная историография уделила проблеме модернизации сельского хозяйства России в пореформенный период. В рамках этой проблемы некоторыми исследователями затрагивались факторы, влиявшие на миграционную активность и социальную мобильность крестьян. В целом западная историография отмечает, что в пореформенный период в сельском хозяйстве России наблюдались черты капитализма, но при этом выбранный правительством в 1861 г. вектор аграрного развития привел Россию к кризису. Противоречащим этим выводам и историческим фактам выглядит спорное утверждение некоторых западных исследователей, что реформа 1861 г. была эффективной и позволила достичь социальной и политической стабильности[2].

Таким образом, в целом отечественными и зарубежными историками накоплен, проанализирован, обобщен и опубликован огромный пласт фактического материала по проблеме крестьянских переселений. Изучены вопросы

---

[1] Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд : авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2013. С. 386, 393.

[2] Селунская Н. Б. Россия на рубеже XIX–XX веков (в трудах западных историков). М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. С. 50–55.

социальных конфликтов между переселенцами и старожилами, районы выхода переселенцев и влияние крестьянских переселений на хозяйственное развитие Сибири. Современными историками немало сделано для преодоления сложившихся стереотипов, необъективных оценок, доминировавших в советской историографии. При этом на современном этапе отсутствуют крупные обобщающие труды, охватывающие весь комплекс вопросов, связанных с крестьянским переселением. Поэтому становятся актуальными обобщение накопленного историками материала и дальнейшее изучение слабоизученных и дискуссионных вопросов. Недостаточно исследован вклад государства в процесс аграрной колонизации Западной Сибири. Мало исследован вопрос об эволюции правительственной концепции колонизации Сибири в 1861–1916 гг. Слабо изучен социальный аспект переселенческой политики, которая была ориентирована на помощь новоселам в адаптации на местах водворения. Эти вопросы должны стать объектом самого пристального внимания современных историков.

ГЛАВА 2. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В 1861 г. – НАЧАЛЕ 1900-х гг.

Массовые аграрно-крестьянские миграции в Азиатскую Россию после 1861 г. были явлением, затрагивавшим не только Сибирь, но и губернии Европейской России. Фактически переселения обусловливались социально-экономическими и политическими факторами, формировавшимися в Европейской России, поэтому колонизацию Сибири нельзя рассматривать вне контекста общероссийского исторического процесса. В связи с этим представляется оправданным в рамках настоящей главы решить следующие задачи: 1) определить периодизацию государственной переселенческой политики; 2) выявить социокультурные истоки переселенческого движения, сдерживающие и стимулирующие факторы, оказывавшие воздействие на динамику крестьянских переселений; 3) выявить цели, задачи, содержание, характер правительственной политики в отношении переселений и ее влияние на динамику крестьянских миграций в Западную Сибирь в 1861 г. – начале 1900-х гг.; 4) выявить направленность и характер правительственной помощи новоселам, определить динамику землеотводных работ в 1861 г. – начале 1900-х гг.

2.1. Этапы и факторы крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861 – 1917 гг.

Пореформенный период в российской истории стал этапом глубокой трансформации общества, экономики в целом и сельского хозяйства в частности. Одной из особенностей этого периода являлся постоянный рост крестьянских миграций из центральных губерний. Государственная политика в отношении крестьянских переселений в течение второй половины XIX – начала XX в. неоднократно менялась, поэтому представляется оправданным выделение нескольких периодов правительственной политики крестьянских

переселений. В отечественной историографии сформировалось несколько подходов к этой проблеме выделения этапов переселенческой политики.

Для работ дореволюционных и первых послереволюционных лет выделение этапов в правительственной переселенческой политике было скорее исключением. Отдельные исследователи предлагали периодизацию лишь в самом общем виде. Так, В.В. Кирьяков вообще весь пореформенный период вплоть до начала XX в. считал одним этапом (без обозначения критерия)[1]. А.А. Кауфман выделил следующие этапы: I. 1861 г. – начало 1890-х гг. II. Этап деятельности КСЖД (1893–1904 гг.); началом нового этапа он считал опубликование закона 6 июня 1904 г. Главным критерием выделения этапов Кауфман считал изменение содержания и характера переселенческого законодательства[2]. Большинство авторов, чьи труды носили обобщающий характер, не выделяли этапы вообще[3].

В советский период многие исследователи попытались обозначить собственную периодизацию крестьянских переселений. Историк М.С. Симонова, исходя из очерченных временных рамок своего исследования, обозначила 3 этапа: 1) 1880-е – 1893 г. – формирование общего переселенческого законодательства; 2) 1893–1904 гг. – деятельность КСЖД и стремление приспособить дворянско-крепостническую аграрную политику к потребностям экономического развития. Началом третьего этапа М.С. Симонова посчитала закон 6 июня 1904 г., не обозначив при этом дату его завершения. Сам третий этап автор охарактеризовала как «глубокий кризис и изживание дворянско-крепостнического варианта переселенческой политики»[4].

Отечественный историк Э.Э. Гешеле считал, что правительственная политика крестьянских переселений прошла 3 периода: I. 1861–1892 гг. – прове-

---

[1] Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902. С. V.
[2] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 1–128.
[3] Вощинин В. П., Ямзин И. Л. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. VI, 328 с; Чиркин Г. Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX и начала XX века. Пг., 1922. Вып. 2. С. 83–136.
[4] Симонова М. С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М. : Изд-во Моск. ун-та,, 1970. С. 425.

дение правительством лишь незначительных переселений в интересах помещиков. Закон о переселениях 1889 г. при этом был охарактеризован как полумера. II. 1892–1905 гг. – период, связанный с некоторыми облегчениями крестьянских переселений и наличием системы запретительных циркуляров. III. Период начался в 1906 г. и был связан с деятельностью П.А. Столыпина. Этот период Э.Э. Гешеле охарактеризовал как попытку разредить аграрную перенаселенность в Центральной России и сбыть в Сибирь побольше беспокойных крестьян[1].

Сибирский исследователь П.П. Вибе применительно к колонизации Тобольской губернии выделил три этапа: 1885–1894, 1895–1905 и 1906–1914 гг. Начало первого этапа он связал с ростом переселенческого движения, его окончание – со спадом. Хронологические рамки второго этапа он также связал с ростом и спадом потока переселенцев[2].

Экономист П.И. Малахинов считал, что в переселенческом движении в Сибирь следует выделять 3 периода: с 1861 г. до 1880-х гг., с 1880-х гг. – до революции 1905 г., 1905 – 1917 гг. Критериями периодизации автор считал отношение государства к переселениям, причем это отношение связывалось автором в основном с интересами дворянства[3].

Отличительной чертой подходов отечественных исследователей марксистского направления к проблеме периодизации крестьянских переселений являлся классовый подход. Считалось, что переселенческая политика проводилась исключительно в интересах дворянства, наличие у государства собственных интересов либо преуменьшалось, либо просто игнорировалось. В результате проблема формирования и эволюции государственной концепции колонизации Сибири в отечественной историографии советского периода оказалась фактически не раскрытой и даже в явном виде не была сформулирована.

---

[1] Гешеле Э. Э. Очерки развития сибирского земледелия. Омск : Обл. книж. изд-во, 1957. С. 50–52.

[2] Вибе П. П. Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1989. С. 13–14.

[3] Малахинов П. И. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962. С. 206–209.

В трудах многих историков советского периода, исследовавших крестьянские переселения начала XX в., четко выделенные этапы вообще отсутствуют. Как правило, исследователи обращали внимание лишь на ключевые даты – 1906 г. – начало Столыпинских переселений и 1910–1911 гг. – спад прямого движения переселенцев в Сибирь и увеличение обратного движения, что неизменно связывалось с утверждением о «крахе» правительственной политики[1].

Современные историки предложили несколько вариантов периодизации правительственной политики в отношении крестьянских переселений. Новосибирские исследователи выделили 2 этапа: 1861–1891 гг. и 1890-е гг. – февраль 1917 г. Главным критерием разделения этих этапов авторы посчитали строительство Транссиба[2].

Сибирский историк М.К. Чуркин в неявном виде обозначил следующие периоды: I. 1861 г. – начало 1880-х гг., когда правительство не рассматривало задачу колонизации Азиатской России в качестве приоритетной. II. Начало 1880-х – первая половина 1890-х гг., когда государство попыталось придать неконтролируемому и бессистемному движению крестьян за Урал некоторую упорядоченность и формы колонизационного освоения[3].

Историк И.Г. Силина (применительно к колонизации Алтайского горного округа) предложила 4 этапа: I. 1865–1876 гг. II. 1877–1888 гг. III. 1889–1896 гг. IV. 1897–1905 гг. Критериями выделения этапов стала политика Кабинета в отношении переселений и динамика переселенческого движения[4].

---

[1] См.: Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 401–402; Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 237. и др.

[2] Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVI–XX вв. Новосибирск, 2009. С. 85.

[3] Чуркин М. К. Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006. С. 165.

[4] Силина И. Г. Динамика и интенсивность миграционных процессов во второй половине XIX – начале XX в. на территории Алтайского округа. // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. : сб. науч. ст. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 4–5.

Применительно к Столыпинским переселениям на основе динамики переселенческого движения многие современные историки выделяют два периода: 1906–1909 и 1910–1914 гг.[1]

Сибирский историк М.В. Дорофеев предложил периодизацию, которая, на наш взгляд, близка к оптимальной: I. Середина XIX в. – 1880 г. II. 1880 – начало 1890-х гг. III. Деятельность КСЖД (1893–1905 гг.). Правда, эта периодизация относится не к переселенческой, а к аграрной политике, влиявшей на крестьянское землепользование в Западной Сибири. Однако в основу выделения периодов М.В. Дорофеев положил именно законодательные акты, так или иначе связанные с переселенческим процессом[2].

На наш взгляд, критерием выделения этапов политики крестьянских переселений в Сибирь в 1861 – феврале 1917 г. следует считать изменение правительственных взглядов на цели, характер и задачи переселенческой политики. Исходя из этого критерия, выделяются следующие периоды:

I. 1861–1880 гг. Этот период отличается отсутствием законов, регламентирующих крестьянские миграции. Переселения в Сибирь носили в основном самовольный характер. Но при этом в правительственных кругах шли дискуссии по вопросу о легализации переселений и необходимости разработки переселенческого законодательства.

II. 1881–1892 гг. Период отличается попыткой правительства выработать концепцию аграрной колонизации Сибири. Переселение стало пониматься как инструмент борьбы с аграрным перенаселением, которое отмечалось уже в 1880-е гг. в некоторых районах Европейской России. Основной задачей правительственного курса было регулирование переселенческого процесса.

III. 1893–1905 гг. Период связан с деятельностью Комитета Сибирской железной дороги, который взял курс на расширение крестьянских переселений. Отличительными чертами этого периода стали: а) увеличение финанси-

[1] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010. С. 72; Белянин Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Кемерово, 2003. С. 104–105.

[2] Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск, 2009. С. 318.

рования государством всех аспектов переселенческого дела (землеотводные и гидротехнические работы, ссудное кредитование, врачебная помощь и пр.); б) рост количества переселяющихся в связи со строительством Сибирской железной дороги и введением льготного тарифа для переселенцев, что значительно ускорило и удешевило процесс переезда в Сибирь. Задача регулирования переселенческого движения сохранялась, но государство отказалось от использования переселений для борьбы с аграрным перенаселением в Европейской России. Крестьянские переселения стали пониматься как инструмент колонизации.

IV. 1906–1910 гг. Период связан с началом Столыпинской переселенческой политики. Правительство обозначило две задачи: укрепить восточные рубежи России и решить проблему аграрного перенаселения в губерниях Европейской России. Сибири отводилась подчиненная роль региона, призванного поглотить излишек сельского населения Европейской России.

V. 1911–1914 гг. Период связан с изменением стратегических задач колонизационного процесса. После визита П.А. Столыпина в Сибирь переселение крестьян перестало восприниматься исключительно как инструмент борьбы с аграрным перенаселением. Колонизация Сибири превратилась в самостоятельную цель. Ее магистральной задачей являлось хозяйственное развитие Сибири, включение ее в единую социально-экономическую систему Российской империи и превращение в один из главных хлебопроизводящих районов страны с возможным выходом сибирского зерна на мировые рынки.

VI. 1914 – февраль 1917 г. Период связан с Первой мировой войной, когда масштабные переселения были прекращены. Произошло некоторое сокращение финансирования по многим направлениям деятельности переселенческих организаций (землеотводные работы, поиск новых колонизационных районов и пр.). Вместе с тем некоторые направления деятельности переселенческих структур даже получили дополнительное развитие (ссудное кредитование и помощь пособиями семьям переселенцев, призванных на фронт).

Таким образом, правительственную переселенческую политику в 1861–1917 гг. следует разделить на 6 периодов, каждый из которых характеризуется особенными задачами, определявшими характер и направленность государственного курса в отношении колонизации Сибири.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о причинах и факторах крестьянских переселений. Этот вопрос многократно затрагивался в трудах отечественных историков. Но при всей кажущейся изученности комплекса социально-политических причин крестьянских переселений этот вопрос, по признанию современных историков, нуждается в дополнительном изучении[1].

На наш взгляд, в комплексе факторов, влиявших на переселенческое движение, следует выделять как стимулирующие, так и сдерживающие. Эти факторы имели разную природу и оказывали свое воздействие на различных этапах переселенческой политики в разной степени. Многие историки отмечали, что после отмены крепостного права в 1861 г. на переселенческое движение существенное влияние оказывали тормозящие факторы. В советской историографии считалось, что главным сдерживающим фактором была правительственная политика, выраженная в условиях аграрной реформы 1861 г. и в фактическом запрете с 1866 г. переселяться государственным крестьянам[2]. Некоторые современные историки при этом указывают, что Положение 19 февраля 1861 г. совсем не упоминало о переселении как о возможности устройства на свободных казенных землях[3].

На наш взгляд, это утверждение верно лишь отчасти: в Положении от 19 февраля 1861 г. действительно нет упоминаний о переселении. Но этот документ в целом посвящен совершенно другой проблеме, поэтому отсутствие там норм, регламентирующих переселение, вполне объяснимо. Кроме того,

---

[1] Храмков А. А. Обзор современных дискурсов по истории столыпинских реформ в Сибири // Алтайская деревня в первой половине XX века : сб. науч. ст. Барнаул, 2007. С. 9.
[2] Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский округ (1865–1899 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1967. Вып. 3. С. 75–77; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 52.
[3] Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск, 2009. С. 197.

ряд статей Положений о крестьянах, выкупе и поземельном устройстве указывали на возможность крестьян увольняться из одного общества и приписываться к другому, что можно считать аналогом переселения. Манифест 1861 г. хотя и не имел особого раздела, посвященного переселенческой политике, тем не менее, содержал статьи, которые давали возможность для переселения и применялись на практике. Так, управляющий Томской казанной палатой в ноябре 1888 г. в письме начальнику Главного управления Алтайского округа предлагал упростить процедуру перечисления переселенцев в округе со ссылкой на ст. 147 Общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г.[1]

Правда, соответствующие статьи из Положений о крестьянах, выкупе и поземельном устройстве устанавливали множество фактических и формальных условий, затруднявших переход крестьянина в другое общество. Крестьянин должен был отказаться от участия в мирском наделе и сдать состоявший в его пользовании участок земли, на семье увольняемого не должно было быть никаких казенных, земских и мирских недоимок, никаких недоимок в повинностях за пользование помещичьей землей (если крестьянин этой землей пользовался). Крестьянин не должен был иметь частных взысканий и обязательств, предъявленных волостному правлению, не должен был состоять под судом и следствием, его родители должны были быть согласны на увольнение. Требовалось также, чтобы увольняемый представил приемный приговор от общества, куда он намерен был перечислиться[2].

Крестьянин мог выйти из общества, если вносил в мирской капитал сумму, равную капитализированному из 6% оброку, следующему по мирской раскладке с этого домохозяина в пользу помещика. Причем в этом случае ни общество, ни помещик не могли препятствовать его выходу[3]. Помимо этого, ст. 173 Положения о выкупе предусматривала возможность выхода крестьянина из общества, если он уплачивал половину выкупного долга, а общество

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 619. Л. 149–149об.
[2] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 147об–148.
[3] Высочайше утвержденное Местное Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских // ПСЗРИ. Собр-е 2-е. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36662.

принимало на себя ручательство по выплате оставшейся части[1]. Но такими возможностями мог воспользоваться только зажиточный домохозяин, а необходимость в переселении была гораздо острее у бедняцких хозяйств. Поэтому уже в 1875 г. ст. 173 практически была отменена[2].

Почти непреодолимую преграду в первые два десятилетия после отмены крепостного права для официального выхода крестьян из общества ставила ст. 174 Положения о выкупе. Эта статья предполагала, что в случае наличия недоимок по выкупным платежам или казенным податям крестьянин мог уволиться из общества с согласия Губернского присутствия[3]. Недоимки в первые два десятилетия после отмены крепостного права были явлением нередким. Факты свидетельствуют, что уже в начале 1870-х гг. крестьяне многих селений имели недоимки в десятки и сотни рублей[4].

Даже в 1890-е гг. были случаи, когда успешному перечислению крестьянина препятствовали недоимки по месту прежнего проживания. Так, крестьянин Т. Мешалкин с семьей в 1891 г. переселился из Тобольской губернии в Томскую, но его законному перечислению препятствовали недоимки по продовольственным ссудам и податям. Вопрос разбирался в Ишимском по крестьянским делам присутствии 23 декабря 1897 г. и был оставлен без удовлетворения[5]. В 1895 г. двум крестьянам Казанской губернии было отказано в перечислении в Томскую губернию, так как за ними числились недоимки. Мотивировался отказ ссылкой на ст. 130 Общего положения о крестья-

---

[1] Высочайше утвержденное Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости, и о содействии Правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий // ПСЗРИ. Собр-е 2-е. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36659.

[2] Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX века). Л., 1972. С. 165.

[3] Высочайше утвержденное Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости, и о содействии Правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий // ПСЗРИ. Собр-е 2-е. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36659.

[4] Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX века). Л., 1972. С. 165.

[5] ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 54. Л. 112–115.

нах[1]. Правда, в большинстве случаев в 1890-е гг. вопрос о перечислении крестьян при наличии недоимок решался положительно – их стали перечислять по месту нового водворения крестьянина[2].

В целом условия Положений о крестьянах, выкупе и поземельном устройстве вводили такое количество требований и формальностей, которое почти исключало возможность законных переселений бывших владельческих крестьян. Правда, следует оговориться, что эти положения не препятствовали самовольным переселениям. Как показала практика, никакие формальные запреты не могли воспрепятствовать крестьянам взять временный паспорт и под видом временных заработков уйти на переселение.

Существенным препятствием для крестьянских переселений была крестьянская территориальная община. Как верно заметила Н.Н. Родигина, после отмены крепостного права либеральные реформаторы придерживались взглядов о возможности развития в России особого варианта аграрного строя, исключавшего раскрестьянивание, и связанных с ним революционных потрясений. Защита общины и меры, охранявшие ее (в их числе и затруднение крестьянских миграций), рассматривались как путь, обеспечивающий создание такого строя[3].

Практическим препятствим для выхода крестьян на переселение являлась круговая порука, представлявшая собой форму коллективной ответственности всех членов общества за исправную уплату податей, повинностей и выкупных платежей. От круговой поруки по уплате государственной оброчной подати в 1869 г. были освобождены селения, насчитывавшие менее 40 ревизских душ, общинники же крупных селений сообща отвечали за все без исключения платежи[4]. При круговой поруке выдача паспортов для временного

---

[1] Сибирские переселения. Документы и материалы. Новосибирск, 2003. Вып. 1. С. 91.
[2] См., например: ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 95. Л. 2, 3об.–4, 6–7; Ф. И-335. Оп. 1. Д. 54. Л. 21, 24, 25, 93, 94, 96.
[3] Родигина Н. Н. Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1997.С. 13.
[4] Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904. М. : Наука, 1984. С. 96.

оставления сельского общества зависела от согласия членов общины. Общество имело право даже вызывать своих однообщинников этапным порядком на место постоянного проживания. Были случаи, когда переселившийся крестьянин успевал обзавестись хозяйством, а прежнее волостное правление потребовало его высылки «этапным порядком» из-за имевшейся за ним недоимки. Есть примеры, когда волостные правления губерний Европейской России отказывались высылать увольнительные документы на тех крестьян, за которыми числились недоимки по долгам еще их родителей[1].

В течение второй половины XIX в. государство последовательно проводило политику укрепления общины и искусственно старалось поставить преграды для выхода из нее крестьян. Так, законом 14 декабря 1893 г. «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель» была отменена ст. 165 Положения 19 февраля 1861 г. о досрочном выкупе наделов. Правительство было обеспокоено нарастанием таких выкупов, которые сокращали общинное землевладение. К 1893 г. в 46 губерниях было выкуплено 658 000 десятин из всех 90 млн десятин, причем за 60 000 десятин были внесены деньги на счета уездных казначейств в последний год. Эти сделки были расторгнуты, и крестьяне, уже уплатившие выкупные платежи за свой надел, по новому закону могли выйти из общины только с согласия схода[2].

Правда, на рубеже 1880–1890-х гг. отношение общины к выселению крестьян в некоторых губерниях изменилось. Когда А.А. Исаев лично опрашивал курских, воронежских, тамбовских, пензенских переселенцев об отношении их обществ к факту выселения, то получал один ответ: «с радостью отпускают»[3]. Но в архивных документах встречаются примеры, когда община в своих корыстных целях пользовалась правом не выдавать увольнительные свидетельства переселенцам. К примеру, крестьяне Макар и Павел Макаровы

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2177. Л. 1–2, 111–111об., 153–153об., 179–179об., 196–196об.; Д. 2210. Л. 142–142об.

[2] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 135–136.

[3] Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб. : Изд. А. Ф. Цинзерлинга, 1891. С. 39.

желали перечислиться в мещане г. Мариинска, их третий брат Филипп – в одно из обществ Тисульской волости, все получили соответствующие приемные приговоры, а Макар даже купил усадьбу в Мариинске. Но их прежнее общество в дер. Куриловке не желало выдавать увольнительное свидетельство. Дело разбиралось в 1900 г. в костромском губернском присутствии, которое выяснило, что Филипп Макаров специально ездил на родину за увольнительным приговором, общество взяло с него 10 рублей и ведро вина, после чего просимый приговор на него выдало, а двум другим братьям выдать отказалось[1]. Общество слободы Становой (Воронежская губерния) в 1894 г. также отказалось выдавать увольнительный приговор ушедшему на переселение Е. Глущенко, так как он свой земельный надел передал отцу, а не обществу[2].

Эти факты отнюдь не были единичными частными случаями, а являлись результатом привительственной политики. Государственный совет в 1894 г. подтвердил право сельских обществ запрещать выдачу паспортов. Обосновывалось это потребностью побуждать крестьян к исправному выполнению лежащих на них повинностей[3].

Существенно сдерживало миграционную мобильность крестьян общинное землепользование, препятствовавшее крестьянам свободно продавать земельные наделы. Формально крестьянин в общине являлся лишь временным пользователем своего надела. В случае выхода из общины крестьянин не имел права продать земельный надел, а должен был просто оставить его обществу. Это лишало переселенца возможности получить дополнительные средства, необходимые каждому новоселу на новом месте. Например, в середине 1880-х гг. в северной части Мценского уезда крестьяне выражали желание выселиться поголовно, если бы удалось более или менее выгодно сдать или продать надельную землю[4]. Военный губернатор Приморской области в 1893 г. отмечал, что переселенцы великорусских губерний при общинном ха-

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 658. Л. 3–4.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2163. Т. 1. Л. 400.
[3] Чернышев И. В. Задача Государственной думы в области реформы крестьянского права // Крестьянское право и община пред Государственной думой: К ликвидации законодательства по 87 статье. СПб. : Дело, 1907. С. 8–9.

рактере владения землей не могли продать свои наделы и поэтому не имели средств. В противоположность им переселенцы из малороссийских губерний (где преобладало подворное землевладение) выручали от продажи земли настолько значительные суммы, что были в состоянии не только прибыть в Приморье морским путем за свой счет, но и в большинстве случаев обзавестись хозяйством[1].

В результате, даже крестьяне, решившие уйти на переселение по официальному разрешению, были вынуждены просто бросать свои наделы или передавать их общине без всякой денежной компенсации. Из 7 904 семей, опрошенных томской переселенческой станцией на рубеже 1880–1890-х гг., 4 867 (61,67%) просто сдали свою землю обществу или же бросили. Лишь 811 семей (10,35%) выручили деньги от своих наделов за счет продажи или сдачи в аренду[2]. Опросы, проводимые исследователями переселенческого движения в 1880 – 1890-х гг., также подтверждали, что значительная часть переселенцев оставляла свои надельные земли без всякой компенсации[3].

Государство не ограничилось только запретом на продажу общинных земель, одно время по решению Сената даже была запрещена продажа усадеб. Не только усадебная земля, но и постройки на ней были признаны ценностью, обеспечивающей безостановочный и правильный взнос выкупной ссуды, поэтому крестьянам было запрещено продавать усадьбы при круговой поруке без согласия общества[4].

Запрет на продажу надельных земель оказывал свое сдерживающее влияние на крестьянские переселения до издания закона 6 июня 1904 г. и указа 9 ноября 1906 г. После официального разрешения крестьянам укреплять землю в собственность и продавать ее количество крестьян, просто оставив-

---

[4] Белоконский И. Переселение крестьян Орловской губернии в связи с экономическим их положением // Юрид. вестн. 1887. Т. 26. С. 153.

[1] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 35. Л. 8об.

[2] Марусин С. Переселенческое движение на Алтай // Северный вестник. 1891. № 7. С. 22. (подсчеты мои – *Д.Б.*)

[3] Остафьев В. Переселенцы в Сибири // Юрид. вестник. 1891. Т. 8. Кн. 1/2. С. 125.

[4] Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1980. С. 90.

ших землю обществу, резко сократилось. К примеру, в Черниговской губернии в 1905–1908 гг. 72,5% переселявшихся в Сибирь предпочли землю продать, еще 12,1% сдали в аренду и только 4,1% переселенцев свою землю передали обществу. В последующие годы доля семей, просто оставивших землю обществу, сокращалась: в 1906 г. – 15,2%, в 1907 г. – 4,4%, в 1908 г. – лишь 1,5%. Напротив, доля семей переселенцев, продававших землю, выросла с 51,1% в 1906 г. до 74,7% в 1907–1908 гг.[1]

При отсутствии системы государственной помощи переселенцам в 1861 г. – начале 1880-х гг. крестьяне могли переселяться лишь за свой счет. Однако нехватка собственных средств, порожденная, в том числе и невозможностью продать собственный надел и усадьбу, сдерживала миграционную мобильность крестьян. «И рады бы в Томскую губернию, да не с чем взяться», «средств не хватает», «если и все продадим, то не уплатить долгов с податями» – подобные ответы часто давали крестьяне Рязанской губернии в начале 1880-х гг.[2] Беседовавший с выходцами из различных губерний А. Дудоладов засвидетельствовал, что таких крестьян, которым недостаток средств мешает уйти на переселение, в губерниях выхода много[3].

В начале 1890-х гг. был проведен опрос крестьян, получавших в 1881–1891 гг. разрешение переселиться в Томскую и Тобольскую губернию, но отказавшихся от этого. Из 11 019 семей, отказавшихся переселяться в Сибирь, 9 400 (85,3%) сделали это из-за нехватки средств[4].

Таким образом, условия аграрной реформы 1861 г. и политика укрепления общины в пореформенный период оказывали серьезное сдерживающее влияние для законного ухода крестьян из общины. Эти условия сформировали комплекс факторов, препятствовавших развитию переселений. Вместе с

---

[1] Переселение в Сибирь из Черниговской губернии в 1906–1908 гг. Чернигов : Тип. губ. земства, 1910. С. 25–27.

[2] Григорьев В. Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М. : Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, 1884. С. 71.

[3] Дудоладов А. Очерк переселенческого в Сибирь движения // Зап. Зап.-Сиб. отд. имп. рус. геогр. об-ва. 1886. Кн. 8, вып. 1/2. С. 25.

[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 214. Л. 3об., 5об., 8–8об. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

тем ни община с круговой порукой, ни Положение о выкупе, ни решения Сената не могли остановить крестьянина, твердо решившего бросить «надел-разоритель» и переселиться по паспорту под видом отъезда на заработки. Подобные самовольные переселения были рискованными. Риск заключался не только в вероятности быть административно возвращенным в прежнее общество, но и в полной неопределенности своего будущего и недостаточности средств у потенциальных мигрантов для обустройства на новом месте. Несмотря на риск, самовольные переселения не только имели место, но и были достаточно широко распространены. Так, в 1876–1880 гг. из Трубчевского уезда (Орловская губерния) переселилось официально всего 35 человек, неофициальные переселения за тот же период составили 245 мужчин, 198 женщин и 363 ребенка. Таким образом, фактическое переселение было в 24 раза больше, чем данные казенной палаты. Обыкновенно такие переселенцы отправлялись по полугодовым паспортам или билетам как бы на отхожие полевые работы и обратно уже не возвращались. Если не было возможности официально перечислиться, то они жили в губернии вселения с семьями по паспортам[1]. Такие самовольные переселенцы прибывали нелегально, пользуясь слабостью местной администрации, селились тайно на пустующих землях, где иногда спустя годы или даже десятилетия их обнаруживали чиновники[2].

Несмотря на запреты и ограничения, вопреки сдерживающим факторам во второй половине XIX – начале XX в. имел место рост крестьянских переселений. Переход от традиционного общества к индустриальному во всех странах сопровождался ростом крестьянских миграций. Правда, в странах Западной Европы происходили миграции из деревни в город, тогда как в российских условиях наряду с миграциями в города имели место массовые крестьянские переселения из густонаселенных районов в малозаселенные. Фактически в России темпы крестьянских переселений в течение второй полови-

---

[1] Белоконский И. Переселение крестьян Орловской губернии в связи с экономическим их положением // Юрид. вестн. 1887. Т. 26. С. 152 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[2] Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. хроника и историография / сост. Л. М. Горюшкин [и др.]. Новосибирск : Наука, 1985. С. 157.

ны XIX в. стабильно возрастали. Перепись 1897 г. зафиксировала перераспределение населения внутри Европейской России в размере 6 617,8 млн человек. Данные переписи 1897 г. показывают, что в 1861–1880-е гг. аграрные миграции имели несколько векторов: южный (Новороссия и Кубань), юго-восточный (Заволжье) и восточный (Сибирь)[1]. Такие переселения предпринимались крестьянами с целью восстановления своей хозяйственной состоятельности. Основным мотивом крестьян было стремление избежать раскрестьянивания и разорения. В российских условиях модернизационные процессы в социально-экономической сфере имели свою специфику, состоявшую в возможности внутренней колонизации. Эта специфика определялась наличием в Российской империи значительного резерва пригодных для сельского хозяйства, но малозаселенных земель. Не подлежит сомнению, что массовые крестьянские переселения на окраины России были вызваны комплексом причин, причем некоторые из них были сформированы условиями аграрной реформы 1861 г.

Первой причиной крестьянских переселений в 1861–1870-х гг. был отказ крестьян от земельных наделов по итогам реформы 1861 г. Земельные наделы были обложены тяжелыми повинностями и выкупными платежами, которые становились непосильным бременем для многих крестьян. Платежи бывших помещичьих крестьян в 1861–1870-х гг. по отношению к чистому доходу с их земли составляли 198,25%, т.е. крестьяне не только отдавали весь свой доход, но и должны были еще приплачивать столько же из сторонних заработков. Государственные и удельные крестьяне в 37 губерниях Европейской России платили 92,75% от суммы чистого дохода, даваемого землей[2]. В отдельных губерниях разница между платежами за надел и доходностью этого надела была еще больше. В Тверской губернии для бывших владельческих

---

[1] Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М. Наука, 1980. С. 16–17, 19.

[2] Скворцов П. Распределение крестьянской поземельной собственности в Европейской России и падающие на землю платежи // Юрид. вестн.. 1892. Т. 9, кн. 4. С. 605.

крестьян платежи по отношению к доходности земли составляли 252%, а во Владимирской – даже 276%[1].

В результате такого несоответствия между платежами и доходностью надел стали называть «разорителем». Этот термин нередко встречается в трудах исследователей второй половины XIX в. и даже в работах современных историков[2]. Тяжесть выкупных платежей вызывала у крестьян опасение, что накопление недоимок может привести к восстановлению крепостного права. Поэтому многие крестьяне предпочитали путь «хоть с крестом, да на волю»[3]. Начался процесс отказа крестьян от таких «наделов-разорителей». Нередко крестьяне просто бросали свои наделы и самовольно уходили на переселения. Тенденция обезземеливания крестьянства за счет «сдачи душек» (душевых наделов) и готовности уйти на переселение отмечена в трудах советских и современных историков[4].

Отказ крестьян от причитавшихся им земельных наделов был достаточно распространен, а в Самарской губернии даже отмечался как всеобщее явление[5]. Подобные случаи забрасывания крестьянами полученных наделов имели место и в Московской губернии[6]. В Кашинском уезде (Тверская губер-

---

[1] Янсон, Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Изд-е 2. СПб. : Изд-е М. Стасюлевича, 1881. С.36.

[2] См., например: Вениаминов П. Крестьянская община. СПб. : Тип. Д. П. Вайсбрута, 1908. С. 66; Миславский Н. Поземельная община в России : опыт историко-критического очерка взглядов на происхождение, развитие и типы русской поземельной общины. Изд. 2-е, испр. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. С. 81; Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1903; Украинский В. Крестьянская община и аграрная реформа. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1907. С. 62, 64.

[3] Чернышев И. В. Откуда пошла крестьянская бедность в России (к аграрному вопросу). Пг. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1917. С. 39.

[4] См., например: Анфимов А. М., Зырянов П. Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4. С. 31; Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М. : Наука, 1992. С. 44; Котова Е. А. Надельное землевладение крестьян различных разрядов Центрального Черноземья во второй половине XIX века // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия : История. Политология. Социология. 2007. № 2. С. 100.

[5] Пешехонов А. В. Земельные нужды деревни (по работам сельскохозяйственных комитетов) // Рус. богатство. 1903. № 11. С. 120.

[6] Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М. : Наука, 1978. С. 126–127.

ния) в 88,5% общин крестьяне забросили наделы вследствие их крайнего обременения платежами[1].

Отказы крестьян от земельных наделов после реформы 1861 г. были обусловлены не только высокими платежами, но и плохим качеством земельных угодий. Так, 84 домохозяина д. Ямной (Калужская губерния) после перехода на выкуп в 1866 г. получили настолько недоброкачественную землю, что отказались от полевых наделов, не пожелали их распахивать и платить выкупные платежи. Даже после ввода в деревню воинской команды сопротивление не прекратилось, и выкупная сделка осталась фактически нереализованной[2].

Вследствие отказов крестьян от земли общинных наделов было больше, чем желавших взять на себя эти наделы, поэтому брошенную землю очень часто «наваливали» на состоятельных крестьян даже силой[3]. Отказы крестьян от «наделов-разорителей» были явлением массовым, и в некоторых районах страны отмечалась даже тенденция сокращения посевных площадей. Так, в Нечерноземье в 1860 г. площадь посевов составляла 33,5 млн десятин, в 1881 г. она сократилась до 28,8 млн[4]. Иногда заброшенные крестьянами земли затем вообще превращались в пустоши[5].

Отказывавшиеся от земельных наделов крестьяне нередко уходили на переселение. Например, в Сергиево-Шереметьевской волости (Рязанская губерния) бывшие помещичьи крестьяне в 1863 г. в количестве 630 ревизских душ после получения уставных грамот решили, что они «землей обижены», получают не то, на что рассчитывали, отказались от наделов, распродали

---

[1] Качоровский К. Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб. : Тип. т-ва «Народная польза», 1900. С. 344.

[2] Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX века). Л. : Наука, 1972. С. 178.

[3] Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1892. Т. 1 : Крестьянская община. С. 67.

[4] Огановский Н. П. Аграрная эволюция в России после 1905 г. М. : Тип. т-ва Рябушинских, 1917. С. 14.

[5] Мертваго А. П. О разработке пустошей во Франции и у нас. СПб. : Тип. В. Демакова, 1888. С. 6.

имущество и ушли на переселение[1]. В одном из селений Ковровского уезда (Владимирская губерния) крестьяне получили крайне плохую землю – песчаную, щебнистую, изрытую оврагами, за которую к тому же необходимо было вносить слишком высокие платежи. С первого дня освобождения крестьяне от этой земли отказались и платить за нее выкуп не пожелали. Борьба продолжалась не одно десятилетие, крестьяне упорно отказывались принимать наделы, а предоставленную им землю бросили. Дело дошло до столкновений с полицией и до суда, но в итоге в 1889 г. администрация вынуждена была сдаться, и по положению Комитета министров 18 семей с 47 ревизскими душами были переселены в Сибирь и в 1890 г. уже образовали отдельный поселок с отводом на каждую наличную душу мужского пола (д.м.п.) 15 десятин земли[2]. Подобные примеры нередко встречаются в источниках и научной литературе[3].

Следует заметить, что самовольный отказ крестьян от земельных наделов имел место в основном в 1860–1870-е гг. В первой половине 1880-х гг. государство понизило выкупные платежи, отменило подушную подать и стало практиковать отсрочку от недоимок по выкупным платежам. В результате повысилась рентабельность и надел из «разорителя» превратился в «кормителя». Новые условия привели к тому, что «бегство» от надельной земли сменилось массовым «обращением» к ней[4]. Поэтому этот фактор оказывал свое воздействие лишь в 1861–1880 гг.

Второй причиной развития крестьянских переселений являлся процесс обезземеливания крестьян, начавшийся в пореформенный период. Фактически этот процесс был заложен еще условиями реформы 1861 г. По Положе-

---

[1] Григорьев В. Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М. : Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, 1884. С. 11–12.

[2] Остафьев В. Переселенцы в Сибири // Юрид. вестник. 1891. Т. 8, кн. 1/2. С. 119.

[3] Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904. М. : Наука, 1984. С. 114; РГИА. Ф. 707. Оп. 1. Д. 137. Л. 15–15об.

[4] Качоровский К. Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб. : Тип. т-ва «Народная польза», 1900. С. 345, 347–348; Вениаминов П. Крестьянская община. СПб. : Тип. Д. П. Вайсбрута, 1908. С. 67.

нию 19 февраля 1861 г. за норму наделения землей была взята не наличная душа, а ревизская по материалам последней ревизии 1857 г. В результате естественного прироста в 1857–1861 гг. почти $^{1}/_{20}$ помещичьих крестьян оказались в числе «заревизского» населения, не подлежащего наделению землей. В дальнейшем количество безземельных дворов только увеличивалось.

Процесс обезземеливания крестьян затронул практически все регионы Европейской России, имел место как районах с подворным землевладением, так и в районах с общинным землепользованием. Примечательно, что среди подворников процент безземельных был даже меньше, чем среди общинников. Так, в начале XX в. в губерниях с подворным владением безземельных насчитывалось 20,6%, в губерниях с общинным владением – 23,7%[1]. В «белорусских» губерниях, где абсолютно преобладали подворное землевладение и беспередельные общины, безземельные дворы составляли 7,7%[2]. Появление безземельных среди подворников или в беспередельных общинах (близких к подворному землевладению) понятно и объяснимо – в таких районах земля передавалась по наследству и некоторые члены семьи могли быть исключены из числа наследников. Такие крестьяне потом нередко уходили на переселение. К примеру, из Щигровского и Фатежского уездов (Курская губерния) соответственно 12,1% и 14,5% хозяйств подворников были вынуждены уйти на переселение[3]. Однако появление безземельных крестьян в общинах, где действовал передельно-уравнительный аппарат, требует отдельного рассмотрения.

В народнической и либеральной литературе второй половины XIX в. господствовала точка зрения, что русская передельная община гарантировала каждому члену земельный надел и не позволяла полностью разориться[4]. Эту

---

[1] Гурко В. И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1906. С. 44.

[2] Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978. С. 15.

[3] Карышев Н. А. Подворное и общинное хозяйство // Рус. богатство. 1894. № 1. С. 65.

[4] См.: Вениаминов П. Крестьянская община. СПб. : Тип. Д. П. Вайсбрута, 1908. С. 4–5; Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М. : Тип. И. Н. Кушнерева и К°, 1888. С. 13–14.

же точку зрения разделяли и многие исследователи официального направления[1]. Считалось, что община была гарантом от «язвы пролетариатства» и оказывала поддержку каждому домохозяину. Этот тезис имеет своих сторонников и среди современных исследователей[2].

Между тем многочисленные факты показывают, что в действительности передельная община не всегда гарантировала получение земельных наделов, а нередко и отнимала их у крестьян, создавая категорию безземельных. Современными историками на большом фактическом материале был исследован механизм функционирования общинных переделов и выявлена тесная связь между переделами и уплатой повинностей. Эта связь закреплялась круговой порукой, которая была необходимым условием для исправного производства крестьянских платежей за землю. Фактически из Положения 19 февраля логически вытекала необходимость отбирать землю у нерадивого работника и передавать ее как источник платежа тому, кто за нее обязывался вносить причитающиеся деньги[3].

В условиях круговой поруки многие передельные общины начали вести борьбу с накоплением недоимок на маломощных хозяевах. При этом земля распределялась в соответствии с хозяйственной состоятельностью крестьянских дворов (наличие рабочего скота или инвентаря) либо в соответствии с числом рабочих рук в семье. В Самарской и Саратовской губерниях нередко практиковалось исключение из процесса наделения землей недоимщиков и заведомо «маломочных», «упалых хозяев». Безнадежным неплательщикам вовсе не давали землю, а иные из-за боязни не осилить лежавшие на земле

---

[1] Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Изд-е 2. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1881. Т. 2. С. 150–151.

[2] Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1870. Т. 1. С. 81; Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы междунар. конф. М. : РОССПЭН, 1996. С. 25, 29; Островский И. В. П. А. Столыпин и его время. Новосибирск : Наука, 1992. С. 72.

[3] Крестовников Г. А. Могут ли быть переделы надельной земли крестьян после окончания выкупной операции? М. : Тип. Д. Черышев и Н. Кобельков, 1908. С. 4–5.

повинности сами от нее отказывались[1]. Так, в 1883 г. в Кирилловской общине (Ставропольский уезд) сельский сход решил отобрать земельные наделы у 35 неплательщиков податей, в д. Богдашкино (Озерская волость) при переделе планировалось исключить недоимщиков из числа наделяемых, в д. Татарское Урайкино (Помряскинская волость) при будущем переделе также подлежали исключению из числа наделяемых недоимщики и неисправные плательщики. В 14 общинах Самарской губернии в 1880-х гг. недоимщикам совсем не нарезали земельные наделы, вследствие чего эти крестьяне должны были навсегда перейти в разряд безземельных пролетариев[2].

Такая практика «свалок-навалок» земельных наделов и лежащих на них платежей не была порождением реформы 19 февраля 1861 г., а уходила корнями в XVIII в. Исследователь истории российской общины В.А. Александров, основываясь на большом фактическом материале, сделал вывод, что именно в XVIII в. ответственность за состояние крестьянского хозяйства и его тягловую платежеспособность была возложена на общину. При этом внутри общин нередко происходило перераспределение тягла с соответствующим перераспределением земельных наделов между частновладельческими крестьянами. Иногда такое перераспределение происходило по указанию «мира», иногда – по заявлению отказавшихся от земли крестьян[3].

Подобные примеры перекладывания земельных наделов с «несостоятельных душ» на общество посредством переделов в пореформенный период были отмечены и в нечерноземных губерниях. Получался замкнутый круг: переделы, вызванные отказом от наделов разорившихся крестьян, увеличивали налоговое бремя для односельчан, приводили к новым разорениям, новым отказам от земли и переделам. Историками была выявлена зависимость между увеличением безлошадных и бесхозяйных членов общины и учащением

---

[1] Соловьев В. Ю. Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы. Саратов : Сарат. гос. соц.-экон. ун-т, 2008. С. 155–157.

[2] Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. С. 113, 118.

[3] Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XX в.). М. : Наука, 1976. С. 95, 220–225.

общих переделов[1]. В результате действия передельного аппарата в 1894 г. в Салтыковской волости (Московская губерния) собственно земледелием занималось только 22% крестьян, а в Жирошкинской – лишь 13%. Остальные относились к числу безземельных и бесхозяйных[2]. Таким образом, функционирование общинно-передельного механизма с целью «навалки» наделов на более состоятельных домохозяев создавало в российской деревне категорию обезземеленных крестьян.

В условиях прогрессирующего аграрного перенаселения передельный механизм, который, по мысли защитников общины имел «целью равномерно распределить мирскую землю между всеми наличными членами общины»[3], становился инструментом обезземеливания. На практике община обеспечивала землей только тех, кто был с ней потомственно связан, и нередко выталкивала из своей среды даже старожилов, увлекавшихся отхожими промыслами[4].

Нуждается в некотором уточнении и тезис о том, что община наделяла землей своих членов «по справедливости». В передельных общинах Европейской России после отмены крепостного права использовались разные схемы разверстки земли. Некоторые из этих схем не имели ничего общего ни с принципом «справедливости», ни с принципом «уравнительности». Иногда в общинах в качестве разверсточной единицы использовались «ревизские души». Такая форма передела не только не обеспечивали какого-то равенства или справедливости, но была инструментом концентрации земель в руках состоятельных крестьян. Подобные переделы «по ревизским душам» были нередки – из 4 переделов, произошедших в Богородском уезде в 1913–1914 гг., в 3 разверстка проводилась по ревизским душам. Подобный же характер носи-

---

[1] Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М. : Наука, 1992. С. 44.

[2] П. Д. Русский социализм и общинное землевладение. М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1899. С .88–90.

[3] Посников А. Общинное землевладение. 2-е изд. Одесса : Тип. Ульриха и Шульце, 1878. Вып. 1. С. 197.

[4] Чуркин М. К. Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 107.

ли переделы по «старым» (или «владельным») душам, когда следующий передел производился по душам старого передела. Общин с переделами по «ревизским» или «владельным» душам в Богородском уезде насчитывалось 19,9%[1]. При такой разверстке крестьяне, не попавшие в последнюю ревизию, в число наделяемых не включались. По мере вымирания мужских ревизских душ их наделы не оставались наследственно в их семьях, а перераспределялись между остальными живыми ревизскими мужскими душами. Еще более распространенной была форма переделов по «ревизско-наличной» разверстке, когда ревизские души неприкосновенно владели своими наделами до смерти и только потом выморочные наделы распределялись между молодыми неревизскими душами. Причем поскольку последних рождалось больше, чем было в наличии выморочных наделов, то либо неревизские души наделялись уменьшенными наделами, либо наделялись не все, а лишь часть их, обычно старшие по возрасту. Последняя схема разверстки по «ревизско-наличным душам» была характерна для Ярославской, Тверской, Саратовской и Нижегородской губерний и области Войска Донского[2]. В результате подобного распределения земли в общинах «заревизское» поколение получало землю в уменьшенном количестве или не получало вовсе. Некоторые из представителей такого «заревизского» поколения были вынуждены уйти на переселение. Беседовавший лично с переселенцами из Екатеринославской губернии и области Войска Донского А. Дудоладов отмечал, что у части крестьян именно неимение земли из-за непопадания в ревизские списки было причиной для переселения[3].

Отечественные историки середины – второй половины XX в. доказали, что фактически земельное равенство внутри передельных общин было иллюзией, а зажиточные хозяева манипулировали сельским сходом и концентриро-

---

[1] Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М. : Наука, 1992. С. 188–191.

[2] Соловьев В. Ю. Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы. Саратов : Сарат. гос. соц.-экон. ун-т, 2008. С. 146–149.

[3] Дудоладов А. Очерк переселенческого в Сибирь движения // Зап. Зап.-Сиб. отд. имп. рус. геогр. об-ва. 1886. Кн. 8, вып. 1/2. С. 35.

вали в своих руках земельные излишки[1]. Случаи, когда сельские сходы находились под влиянием зажиточных крестьян, кулаков и принимали решения по земельным переделам именно в их интересах, не были редкими. Опубликованные историками документы свидетельствуют, что сельские сходы нередко принимали решения о передаче земельных наделов за материальное вознаграждение в виде алкогольных напитков (вино и водка)[2].

Статистика свидетельствует, что процесс обезземеливания крестьянства шел по нарастающей. По данным Н.Х. Бунге, на 1895 г. в 46 губерниях Европейской России было 726 388 безземельных дворов[3]. В 1905 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 14,7 млн крестьянских дворов, из них количество безземельных составляло уже 2,2 млн (14,9%)[4]. По отдельным губерниям ситуация была еще более катастрофичной. Например, в 1903 г. в Полтавской губернии 17% домохозяев совершенно не имели земли[5]. Прогрессирующее обезземеливание толкало крестьян на переселение. При этом доля безземельных в переселенческом движении стабильно возрастала. По опросам, в Томске в 1889–1892 гг. из 14 311 семей переселенцев земли не имели у себя на родине 1 767 семей (12,3%)[6], а в 1907–1911 гг. из числа переселившихся за Урал 338 665 семей надельной земли на родине не имели 82 923 двора (24,5%). Доля безземельных дворов среди переселенцев выросла практически вдвое[7]. Таким образом, обезземеливание крестьянства как фактор, стимулирующий миграционную активность крестьян, было характерено для всего рассматриваемого периода, но в наибольшей степени для начала XX в.

Третьей причиной крестьянских переселений было измельчание крестьянских наделов. В исследовательской литературе XIX – начала XX в. про-

[1] Островский И. В. П.А. Столыпин и его время. Новосибирск : Наука, 1992. С. 83–84.
[2] Тихонов Б. В. Переселение в России во второй половине XIX в. : по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М. : Наука, 1978. С. 117–134.
[3] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 437. Л. 39.
[4] Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб. : «Центральная» типо-литогр. М. Я. Минкова, 1907. С. 197.
[5] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 437. Л. 3–3об.
[6] Качоровский К. Крестьянское хозяйство и переселение // Рус. мысль. Кн. 3. 1894. С. 28.
[7] Турчанинов Н. Земельное обеспечение переселенцев и ликвидация ими надельной земли на родине // Вопр. колонизации. 1913. № 12. С. 263.

грессировавший в пореформенную эпоху процесс сокращения площади семейного крестьянского землепользования было принято называть «малоземельем». В источниках сохранилось множество свидетельств, когда крестьяне обосновывали свое переселение ссылкой на незначительность своих наделов[1]. На вопрос о причинах, побудивших к переселению, нередкими были ответы «от безземелья», «мало земли было», «землей наголодались», «тесно стало», «под деревнями больше места было, чем под пашнями» и т.п.[2]

Между тем еще в начале XX в. российский аграрник Б.Д. Бруцкус обратил внимание на некорректность термина «малоземелье». Он считал, что этот термин не может объяснять неудовлетворительное экономическое положение крестьян, поскольку доходность крестьянского хозяйства зависела не столько от размеров надела, сколько от уровня развития народного хозяйства, форм землевладения и землепользования, организации кредита и общего уровня культуры населения[3]. Поэтому исследователи в начале XX в. ввели в оборот термины «абсолютное малоземелье» и «относительное малоземелье»[4]. Под «относительным малоземельем» понималась неэффективность существующей сельскохозяйственной системы, связанная с плохим использованием имеющегося земельного фонда. Под «абсолютным» – объективная невозможность вести рентабельное хозяйство при мизерном наделе.

Факты абсолютного малоземелья в отдельных местностях, конечно, имели место[5], однако в подавляющем большинстве районов существовало относительное малоземелье. Фактически жалобы крестьян на земельную тесно-

---

[1] См.: ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221. Л. 15об.; КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 907. Л. 58, 184, 185–185об.; Ф. Д-2. Оп. 1. Д. 9506. Л. 155; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 2. Л. 85–85об., 111–112, 119; Ф. 1620. Оп. 1. Д. 6. Л. 14об.; Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 87–89, 147–148; Ядринцев Н. М. Судьба русских переселений за Урал // Отечеств. записки. 1879. № 6. Т. 264. С. 144. (Отд. 2).

[2] Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб. : Гос. тип., 1896. С. 1; Качоровский К. Р. Крестьянское хозяйство и переселение // Рус. мысль. Кн. 3. 1894.С. 71.

[3] Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг. : Право, 1922. С. 55–59.

[4] См.: Огановский Н. П. Очерки по аграрному вопросу. Очерк 1 : малоземелье. Рост городов и сел. Переселенческое движение // Вестн. Европы. 1913. Кн. 9. С. 300.

[5] См., например: Извлечение из Всеподданнейшего отчета сенатора Половцова по ревизии Киевской губернии. [Б.м. : б.и., б.г.], С. 23–24.

ту означали в большинстве случаев не наступление абсолютного малоземелья, а тенденцию к сокращению земельных наделов или кризис агрикультурной системы.

Начало процессу измельчания крестьянских наделов было положено условиями реформы 1861 г., по результатам которой размеры фактического крестьянского землепользования существенно сократились. Так, в Нечерноземном районе (15 губерний) отрезки в пользу помещиков составили 9,9% от прежнего крестьянского землепользования, в Черноземной полосе (21 губерния) – 26,2%. Причем в отдельных губерниях отрезки были еще более значительными: в Самарской губернии – 44%, а в даже Полтавской – 40%[1]. Можно встретить примеры, когда размеры полученных по реформе 1861 г. наделов относились к абсолютно малоземельным. Например, в Орловской губернии крестьяне с. Шаблыкино по реформе 1861 г. на 545 ревизских душ (875 наличных д.м.п.) получили всего 450 десятин (по ¾ десятины на ревизскую душу). Вести сколько-нибудь эффективное хозяйство на таких наделах не представлялось возможным, поэтому крестьяне этого селения неоднократно поднимали вопрос о переселении в Сибирь[2]. Были случаи, когда крестьяне при наделении землей сами отказывались от полных наделов, рассчитывая, что земля вскоре «царем-батюшкой» будет отобрана у помещиков и передана крестьянам даром[3].

В итоге по условиям реформы 1861 г. 2,3 млн ревизских душ получили меньше, чем по десятине каждая, а 1,2 млн вышли на незначительный дарственный надел[4]. Не лучше было положение бывших дворцовых и удельных крестьян. 39 893 крестьянина этих категорий из Пермской губернии получили всего 2¼ десятины надела на душу[5]. Уже в первое пореформенное десятиле-

---

[1] Егиазарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 24–25.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 5. Л. 22.
[3] Беляков И. Е. Переселенец о Сибири. // Рус. богатство. 1899. № 3. С. 2.
[4] Огановский Н. П. Очерки по аграрному вопросу. Очерк 1 : малоземелье. Рост городов и сел. Переселенческое движение // Вестн. Европы. 1913. Кн. 9. С. 280.
[5] Ядринцев Н. М. Наши выселения и колонизация // Вестн. Европы. 1880. №. 6. С. 457.

тие получившие такие мизерные наделы крестьяне нередко подавали ходатайства о переселении[1].

В последующий период процесс сокращения крестьянских наделов продолжился и был связан уже не столько с правительственной аграрной политикой, сколько с особенностями развития российской деревни. Фактически после реформы 1861 г. в России был налицо демографический бум среди крестьянского населения. Если в дореформенную эпоху число крепостных крестьян шло на убыль – с 11,4 млн д.м.п. в 1836 г. до 9,8 млн в 1856 г., то уже за 1858–1867 гг. численность бывших помещичьих крестьян увеличилась на 15%. За 50 лет все сельское население Европейской России выросло с 54,8 млн в 1858 г. до 104,8 млн в 1910 г.[2] Причем прирост населения шел по нарастающей динамике. По данным отечественного специалиста-демографа А.Г. Рашина, в 1866–1870 гг. естественный прирост составлял 796 300 человек в год, в 1876–1880 гг. – 995 500, в 1886–1890 гг. – уже 1 292 300[3], а в 1897–1910 гг. средний ежегодный естественный прирост достиг уже отметки в 2 312 000 человек[4].

В условиях демографического роста даже не маленькие по положениям реформы 1861 г. земельные наделы спустя 2–3 десятилетия оказывались уже недостаточными. Например, бывшие крепостные графини Н.П. Строгановой в Пермской губернии получили в 1870 г. надел в $7^1/_8$ десятин на душу, но через 25 лет начали ощущать земельную тесноту и обратились с ходатайством о

---

[1] См., например: Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 83–84; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 53; Чудновский С. Л. Переселенческое дело на Алтае (статистико-экономический очерк) // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Иркутск : Тип. газ. «Восточное обозрение», 1889. Т. 1, вып. 1. С. 29–30.

[2] Огановский Н. П. Аграрная эволюция в России после 1905 г. М. : Тип. т-ва Рябушинских, 1917.С. 4.

[3] Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М. : Госстатиздат, 1956. С. 162–163 (таблица 20).

[4] Огановский Н. П. Очерки по аграрному вопросу. Очерк 1 : малоземелье. Рост городов и сел. Переселенческое движение // Вестн. Европы. 1913. Кн. 9. С. 293.

переселении в Томскую губернию[1]. Примечательно, что и сами крестьяне прямо связывали земельную тесноту с естественным приростом[2].

Тенденция сокращения наделов была характерна не только для бывших владельческих, но и для государственных крестьян. По реформе 1866 г. государственные крестьяне получили от правительства определенную площадь, навсегда закрепленную за каждым сельским обществом, при этом было отменено право крестьян ходатайствовать о прирезках на «прибылые души». В результате прироста населения уже к концу 1870-х гг. произошло фактическое сокращение средних душевых наделов во всех без исключения губерниях, что было зафиксировано поземельной переписью 1877–1878 гг.[3]

Прирост крестьянского населения шел быстрее, чем расширение посевных площадей и увеличение урожайности. За 1863–1886 гг. площадь пахотных земель выросла на 16,7%, сбор зерна – на 16,6%, а население выросло на 21,8%. Об истощении центрально-черноземных губерний свидетельствовало то, что в них средняя урожайность озимых была практически такой же, что и в северо-восточных губерниях Европейской России, где природно-климатические условия были хуже[4].

Компенсировать прирост населения за счет аренды тоже не представлялось возможным, так как при постоянно растущем спросе на землю арендные цены за 10 лет вырастали на 200 или даже 400%[5]. Например, крестьяне Бобруйского уезда жаловались, что арендные цены настолько высоки, что обработка арендованных земель дает одни убытки[6]. Нередкими были случаи, когда рост арендных цен стимулировал даже не бедных крестьян переселять-

[1] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 85–86.

[2] Дорофеев М. В. Влияние столыпинской аграрной реформы на крестьянское землепользование в Сибири // Вестн. НГУ. Серия : История, филология. 2007. Т. 6, вып. 1 : История. С. 164.

[3] Дружинин Н. М. Аграрная реформа 1866 г. и ее последствия // Славяне и Россия. М. : Наука, 1972. С. 160.

[4] Чуркин М. К. Об особенностях аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях Европейской России и возможных путях его преодоления во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 1. Серия : Гуманитарные науки (история). С. 30.

[5] Тернер Ф. Г. Переселенческое дело // Вестн. Европы. 1897. Кн. 3, т. 2. С. 95.

ся. Так, про переселявшегося из селения Анненковского не бедного крестьянина его односельчане говорили: «Хорошо жил, да опускаться стал от дорогой аренды, – захотелось устроиться попрочней». Еще про одного переселенца из с. Требунок односельчане говорили, что он был «первым жителем» (т.е. самым богатым на селе!), да аренда земли стала дорога, а со своего надела не прожить[1]. Сторонняя аренда не позволяла компенсировать потери от сокращения земельных наделов. Общая прибавка арендованных земель в среднем на душу была невелика. К примеру, в Курской и Воронежской губерниях в середине 1870-х гг. с учетом аренды на душу в среднем прибавлялось 1,9 десятины, в Тамбовской и Черниговской – 2,8 десятины[2].

Покупка земли крестьянами также не могла компенсировать естественный прирост. Так, в 1877–1905 гг. в 50 губерниях Европейской России купленная в собственность обществами и товариществами земля увеличилась с 5 787 570 до 11 383 358 десятин плюс отдельные лица из числа крестьян имели в собственности в 1905 г. 13 214 025 десятин. Но при этом из 135 958 общин бывших владельческих, удельных и государственных крестьян в 26 123 (19,2%) общинах на двор приходилось 5 и менее десятин земли[3].

Индикатором аграрного перенаселения был массовый уход крестьян на сторонние заработки. По подсчетам В.Г. Тюкавкина, в 1906–1910 гг. ежегодно отходничеством занималось 12–13 млн человек[4]. Эти миллионы крестьян не могли найти применения своему труду в деревне. Причем динамика выхода крестьян на отхожие промыслы во второй половине XIX в. имела тенденцию к неуклонному росту. В 9 малороссийских губерниях в 1861–1870 гг. было

---

[6] Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978. С. 22.

[1] Григорьев В. Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М. : Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, 1884. С. 41.

[2] Воронов Ф. Вопрос о крестьянских переселениях // Вестн. Европы. 1876. № 1. С. 185.

[3] Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб. : «Центральная» типо-литогр. М. Я. Минкова, 1907. С. 12–16, 128. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[4] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 54, 63.

продано билетов и паспортных бланков 1 164 000, в 1871–1880-гг. – 4 137 000, в 1881–1890 гг. – 7 974 000, а в 1891–1900 гг. – 11 899 000[1].

По другим подсчетам, к 1900 г. избыток рабочих рук в сельском хозяйстве определялся даже в 23 млн человек, что составляло более половины всего взрослого рабочего населения деревни[2]. В отдельных районах переизбыток рабочей силы был особенно значительным. М.К. Чуркин по материалам обследования МВД в 1899 г. в 12 губерниях, определил, что в Белгородском и Грайворонском уездах Курской губернии 31,5 и 27,6% крестьян соответственно представляли собой «лишние» рабочие руки. В количественном отношении это составляло 43 463 человека. В Павловском и Бирюченском уездах Воронежской губернии 30,7 и 38,9% крестьян также представляли собой переизбыток рабочей силы[3]. Аграрное перенаселение находило свое отражение и в обыденном сознании крестьян, проявляясь иногда в суждениях наподобие: «Хоть бы война – народу поубавилось бы…»[4].

Измельчанию наделов способствовал усиливающийся процесс семейных разделов внутри крестьянских общин. Раздел больших и средних семей на мелкие способствовал снижению экономических возможностей крестьянских дворов. В результате разделов шел процесс постоянного ослабления численного состава крестьянских дворов, появлялось множество новых семей, не обладавших необходимой для правильного ведения хозяйства рабочей силой и материальными средствами, что в итоге приводило к обеднению крестьянства. По Положению 19 февраля 1861 г. семейные разделы были возможны лишь с разрешения сельских сходов, но в действительности большинство разделов совершалось самовольно. В 1861–1882 гг. в 46 губер-

---

[1] Якименко Н. А. Переселенческая политика царизма на Украине и ее последствия (1861–1917 гг.). Полтава : РВВ ПДАА, 2011. С. 77.

[2] Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 30–31.

[3] Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 91.

[4] Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2009. С. 90.

ниях Европейской России разделилось 2 371 248 крестьянских семей, и лишь 12,8% этих разделов было разрешено сельскими сходами[1].

Еще в 1876 г. одно из губернских земств, сознавая вред от неограниченного права крестьянских семей делиться, ходатайствовало о введении некоторых ограничительных правил. Вред от семейных разделов был настолько очевиден, что министр внутренних дел граф Д. Толстой 28 августа 1882 г. издал циркуляр, где констатировал, что в крестьянских хозяйствах вместо ожидавшегося после 1861 г. развития налицо очевидный упадок экономического быта. Семейные разделы постоянно ослабляли рабочие силы крестьянских семей, лишали их возможности применять к своим участкам должную обработку, от этого истощившаяся почва, требовавшая тщательной обработки и усиленного удобрения, давала скудные урожаи[2]. В циркуляре 4 марта 1886 г. министр МВД добавил, что вследствие семейных разделов большая часть крестьянских семей принадлежит к однорабочим, а в некоторых губерниях число однорабочих дворов превышает 70%[3].

Примечательно, что в 1861–1882 гг. в 43 губерниях Европейской России в среднем происходило ежегодно 116 000 семейных разделов, при этом в 1874–1884 гг. ежегодный средний показатель составил 140 000. Это означало, что процесс ускорялся. Большие семьи (из 12–15 человек) становились редким явлением. «Нормальные неразделенные семьи» (с 3–4 работниками-мужчинами) составляли к концу века около 10% в промышленном районе и 17% в губерниях земледельческого типа. Пытаясь препятствовать этому процессу, 18 марта 1886 г. правительство издало закон об ограничении семейных разделов: с этого времени они разрешались с согласия ⅔ всех домохозяев, имевших право голоса на сходе[4]. Но многие губернские совещания впоследствии признали, что закон не смог повлиять на уменьшение количества семейных

---

[1] Тернер Ф. Государство и землевладение. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1896. Ч. 1. С. 232–236.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 2. Д. 3. Л. 1а–1аоб.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 143. Л. 61.
[4] Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М. : Наука, 1992. С. 32.

разделов[1]. Статистика показывает, что количество семейных разделов после издания закона 1886 г. не только не уменьшилось, но и возросло. К примеру, в Архангельской, Витебской, Пензенской и Ярославской губерниях общее количество разделов выросло с 2 235 в 1886 г. до 2 965 в 1894 г.[2] В 1877 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 8 450 782 двора, а в 1905 г. – 12 019 255 дворов. Положительную динамику увеличения количества дворов показывали все районы страны за исключением Прибалтийского, где существовало подворное землевладение. При этом, хотя общая площадь крестьянского землепользования за тот же период возросла со 111 628 506 до 124 078 089 десятин, но в среднем на двор землепользование сократилось с 13,2 до 10,2 десятин[3]. В итоге 5 октября 1906 г. закон о семейных разделах ввиду своей нежизнеспособности был отменен. Дробление крестьянских дворов подрывало их хозяйственную устойчивость, но молодое крестьянское поколение сознательно шло на это, лишь бы выйти из-под гнета патриархальной семьи[4].

Рост семейных разделов приводил к тому, что любые наделы через несколько поколений должны были стать недостаточными[5]. А хозяйства малых семей семейные разделы вообще нередко ставили на грань выживания[6].

В результате постоянного прироста крестьянского населения и возрастающего процесса дробления семейных наделов в пореформенный период шел процесс постоянного сокращения средних размеров душевых наделов. Созданная в начале XX в. особая Комиссия констатировала: в 50 губерниях

---

[1] Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1897. Т. 2. С. 204, 208, 211, 220, 225, 232, 250–251.

[2] Брусникин Е. М. Крестьянский вопрос в период политической реакции (80–90-е годы XIX века) // Вопр. истории. 1970. № 2. С. 38.

[3] Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб. : «Центральная» типо-литогр. М. Я. Минкова, 1907. С. 178–179.

[4] Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М. : Наука, 1992. С. 32.

[5] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 62.

[6] Бирюков А. В. Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период (1861–1900) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Самара, 1999. С. 18.

Европейской России с 1860 по 1900 г. средние душевые наделы крестьян уменьшились с 3,5 до 2,6 десятин на двор. При этом в Черноземье в 1878 г. насчитывалось 580 000 д.м.п. с наделом менее 1 десятины и 1,6 млн д.м.п. с наделом 1–2 десятины[1]. Налицо была и тенденция увеличения абсолютно малоземельных дворов. Так, в 1877–1878 гг. в Калужской, Владимирской, Московской и Ярославской губерниях насчитывалось 27 172 крестьянина с наделом в 1 и менее десятины на ревизскую душу. В 1892–1893 гг. число таких крестьян в этих губерниях выросло до 30 008[2]. При этом, по подсчетам С.А. Короленко, для нормального ведения хозяйства был необходим надел в 5 десятин на 1 д.м.п., а для семьи из 6 человек было необходимо 7 десятин посева, не считая пара[3].

Фактически надежды консервативной бюрократии, либералов и народников, что община будет гарантом защиты от обеднения крестьянства, не оправдались. Советскими историками на большом фактическом материале было доказано, что в пореформенный период шел процесс расслоения крестьянства, выделялся слой зажиточного кулачества, которое концентрировало в своих руках надельные земли[4]. Вопреки расчетам правительства и утверждениям народников переделы в общинах не стали инструментом уравнительного наделения землей, а в большинстве общин вообще не практиковались. За 1861–1910 гг. в 39 губерниях Европейской России из 213 619 обществ и селений передельно-уравнительный механизм не функционировал в 124 965 (58,5%)[5]. Но и в тех общинах, где переделы производились, процесс

---

[1] Рогалина Н. Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопр. истории. 2004. № 7. С. 14.

[2] Предисловие к своду статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб. : Гос. тип., 1894. С. 32. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[3] Короленко С. А. Обзор экономического положения России в сельскохозяйственном и промышленном отношении. СПб. : Типо-литогр. И. В. Цветкова, 1895. С. 8–9.

[4] Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904. М. : Наука, 1984. С. 101; Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М. : Наука, 1975. С. 186; Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство : этапы духовного освобождения. М. : Мысль, 1988. С. 45–49 и др.

[5] Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб. : БЛИЦ, 1995. С. 67–68.

наделения землей далеко не всегда был уравнительным и справедливым. Во многих общинах сельские сходы находились под влиянием зажиточных крестьян, решавших земельные вопросы в свою пользу. В результате переделы из инструмента равного и справедливого наделения землей превратились в инструмент концентрации земли в руках кулаков. Исследователями неоднократно отмечались факты подкупа сельских сходов кулаками. Во многих общинах имела место клановость и сельские сходы решали поземельные вопросы в интересах нескольких семей, составлявших большинство[1].

По верному замечанию М.К. Чуркина, одной из традиционных черт, характеризующих крестьянскую ментальность, было представление крестьян о справедливости. Принцип справедливости реализовывался через земельное обеспечение и свободный труд[2]. Нарушение этого принципа в результате «несправедливого» или «неправильного» передела могло стать сильным побудительным мотивом для ухода крестьян на переселение. Неоднократно отмечались случаи, когда получение именно после передела недостаточного земельного надела толкало крестьян на переселение[3].

Земельная теснота распространялись по разным районам в неодинаковой степени. К началу 1880-х гг. крестьян, имевших половину и менее установленного надела, в Полтавской губернии было 23,9%, Саратовской – 19,

---

[1] Бржеский Н. Сельские и волостные сходы // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1906. № 14. С. 6; Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М. : Наука, 1992. С. 47–48, 234–236, 238; История земельных отношений и землеустройства. М. : Гос. изд-во сельскохоз. лит-ры, 1956. С. 69; Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство : этапы духовного освобождения. М. : Мысль, 1988. С. 47; Риттих А. А. Крестьянский правопорядок. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. С. 129–130, 135.

[2] Чуркин М. К. Архетипические черты психологии русского крестьянства и их роль в формировании миграционных настроений в традиционном обществе (вторая половина XIX – начало XX века) // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. Вып. 2. С. 196–198.

[3] См.: Исаев А. А. Переселение русских крестьян // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 5; Ус Л. Б. Проблема влияния переселений на изменение ментальности крестьянства // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Новосибирск : НГУ, 2003. С. 93.

Черниговской – 16,7, тогда как во Владимирской губернии – лишь 5%, Костромской – 2,9, Тверской – 2,4%[1].

Примечательно, что тенденция постоянного измельчания крестьянских наделов толкала на переселение не только крестьян, чьи наделы уже уменьшились, но и тех, кого этот процесс пока не затронул. В 1861–1880-х гг. в переселенческом движении преобладали состоятельные и среднесостоятельные крестьяне, многие из которых имели возможность даже покупать на новых местах десятки, а то и сотни десятин. Основным мотивом переселения таких крестьян было опасение «малоземелья в будущем». В ситуации, когда у крестьянина было 3 сына и 30 десятин земли, измельчание земельных наделов должно было наступить достаточно скоро. Одним из наиболее частых объяснений переселений зажиточных крестьян была боязнь земельной тесноты для детей[2]. Одно из волостных правлений Щигровского уезда на рубеже 1870–1880-х гг. сообщало, что крестьяне переселяются, чтобы приобрести побольше земли для будущего поколения[3].

В начале XX в. в общей массе переселенцев доля дворов, имевших недостаточные земельные наделы, выросла до 38,6%. Так, в 1907–1911 гг. из 338 665 семей, переселившихся за Урал, 130 718 дворов имели 1–3 десятины надельной земли на хозяйство[4].

Четвертой причиной, стимулировавшей крестьянские переселения, следует считать аграрный кризис, наметившийся к концу XIX в. в губерниях Европейской России. Концентрированным выражением этого кризиса стали участившиеся неурожаи и голод 1891 г. Это был своего рода суммарный индекс, который говорил о неэффективности той модели развития народного хозяйства, которая установилась после 1861 г., и о том, что его пореформенная

---

[1] Кабузан В. Русские в мире. СПб. : БЛИЦ, 1996. С. 321.
[2] Григорьев В. Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М. : Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, 1884. С. 40.
[3] Марков Е. Обетованные земли (к вопросу о крестьянских переселений) // Русская речь. 1882. Кн. 3. С. 234–239, 241–242.
[4] Турчанинов Н. Земельное обеспечение переселенцев и ликвидация ими надельной земли на родине // Вопр. колонизации. 1913. № 12. С. 263.

эволюция заводит и отчасти уже завела сельское хозяйство в тупик[1]. В 1867–1869 и 1871–1872 гг. неурожаи повторялись в Смоленской губернии. В 1867–1868 и 1870 гг. неурожаи были зафиксированы в Псковской губернии[2].

Показателем аграрного кризиса было и накопление недоимок у крестьян. Пострадавшим от неурожая правительство из общеимперского капитала оказывало продовольственную помощь, которая засчитывалась крестьянам в долг с обязательством погашения, но уже в конце XIX в. государство признало неспособность крестьян к погашению этого долга. В 1894 г. вышел манифест, по которому все долги в казну и в общий продовольственный капитал слагались полностью или частично. Всего на основании манифеста 1894 г. было сложено с населения продовольственных долгов на сумму около 50 млн рублей, а на основании указов 1892–1893 гг. – еще свыше 51 млн рублей. Однако к 1900 г. за населением еще числился долг по ссудам 1891–1892 гг. около 30 млн рублей, и лишь незначительная часть этой суммы была возвращена, а остальное было сложено с крестьян-должников позднейшими актами[3].

У государственных крестьян также шел процесс накопление недоимок, хотя годовой оклад оброчной и лесной подати был у них почти неизменным. В 1868 г. недоимка составляла 15% к окладу, в 1873 г. – 28,2, в 1878 г. – 31,6, а в 1882 г. – даже 51,5%. И это притом, что за указанные годы с крестьян было сложено 6 620 000 рублей. В 1883 г. правительство было вынуждено пойти на очередное сложение безнадежных к поступлению недоимок в еще большем размере – 8,6 млн рублей[4].

Недоимки накапливались не только по ссудным долгам, но и по окладным сборам. По данным Н.А. Карышева, из 730 уездов Европейской России

---

[1] Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика . СПб. : Алетейя, 2010. С. 708–709.
[2] Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1909. Ч. 1 : Продовольственное дело в прошлом и настоящем. С. 86.
[3] Там же. С. 142–143.
[4] Дружинин Н. М. Аграрная реформа 1866 г. и ее последствия // Славяне и Россия. М. : Наука, 1972. С. 163.

безнедоимочными числились в 1888 г. – 56, в 1891 г. – 36, в 1894 г. – лишь 19[1]. К 1900 г. недоимки по стране достигли полутора годовых окладов[2]. Заметим, что рост недоимок происходил, во-первых, на фоне сложения этих самых недоимок, что было отмечено выше; а во-вторых – на фоне понижения выкупных платежей. Законом 28 декабря 1881 г. выкупные платежи были понижены, а в 1880-х гг. была отменена подушная подать[3].

В отечественной историографии марксистского направления аграрный кризис трактовался в упрощенной форме, и связывался лишь с наличием помещичьего землевладения[4]. При этом использование крестьянами архаичных методов хозяйства и устаревших сельскохозяйственных орудий понималось как что-то само собой разумеющееся. Категорично утверждалось, что в условиях существования дворянского землевладения не могло быть и речи о какой-то интенсификации крестьянских хозяйств[5].

В немарксистской отечественной историографии вопрос об аграрном кризисе исследовался более широко. По оценке отечественных специалистов-аграрников начала XX в., этот кризис был связан с упадком существовавшей в России экстенсивной системы хозяйства[6]. Фактически переселенческое движение охватило не только районы, где была очевидная земельная теснота, но и где такой тесноты еще не было, и даже те губернии, которые во второй по-

---

[1] Карышев Н. А. Недоимки окладных сборов в 1888–1894 годах. М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. С. 5.

[2] Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2009. С. 86.

[3] Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX века). Л. : Наука, 1972. С. 120–121.

[4] Ленин В. И. Столыпин и революция // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 325; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 113. и др.

[5] Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 77; Якименко Н. А. Переселение крестьян Украины на окраины России в период капитализма (1861–1917 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Киев, 1989. С. 14–15.

[6] Бар Ф. Крестьянское общинное землевладение в аграрном и социально-политическом отношениях. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. С. 8; Ермолов А. С. Наш земельный вопрос. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1906. С. 2–5, 38, 41, 53; Кауфман А. А. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1898. С. 8–13.

ловине XIX в. сами были колонизуемыми. Причиной переселений из недавно еще колонизуемых районов был кризис агрикультурной системы[1].

В начале XX в. преобладающей агрикультурной системой в Европейской России было трехполье. Эту систему практиковали 78,4% крестьянских хозяйств. Еще 1,3% хозяйств вели совсем архаичное двуполье хозяйство, а 1,1% вообще практиковали залежь[2]. На преобладание трехполья ясно указывает доля земель, находившихся под паром. В Тульской и Орловской губерниях в начале XX в. под паром находилось 33% пашни, в Рязанской – 32%. А всего под паром в трехпольном хозяйстве пустовало около 30 млн десятин[3]. Основные недостатки трехполья выражались в следующем: 1) большие потери земли от значительного распространения пара; 2) слишком большое производство соломы и кормление ею скота, слишком малое количество и плохое качество получаемого навоза; 3) одичалость, затвердение и высыхание почвы при беспрерывном возделывании хлебов, что вызывало потребности в больших затратах труда, удобрения и капиталов; 4) сильное истощение верхнего слоя почвы вследствие постоянного разведения узколиственных растений (хлебов) с мелкими корнями, отчего урожаи скоро уменьшались, возрастала потребность в применении удобрений; 5) нерациональный севооборот (хлеба после хлебов); 6) ограниченный круг выращиваемых растений, отчего увеличивалась опасность неурожаев даже при непродолжительном влиянии неблагоприятных атмосферных явлений (засуха, избыток влаги и др.)[4].

Недостатки трехпольной системы усиливались тем, что крестьянство не желало вводить даже доступные им агротехнические нововведения. Земская агрономия, появившаяся во второй половине XIX в., не смогла поднять крестьянскую агротехнику и изменить крестьянские стереотипы. Агрономы

---

[1] Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов : Электро-типо-литогр. Б. Л. Рабинович, 1914. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. С. 71–72, 77.

[2] Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М. : Наука, 1980. С. 177.

[3] Вронский О. Г. Крестьянство и власть (1900–1923). Тула : Рарус, 1993. С. 7, 10.

[4] Бар Ф. Общинное землевладение, малоземелье, переселение и земледельческий, экономический и торговый кризис в России. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1886. С. 9.

даже сталкивались непониманием важности своей работы и откровенным недоброжелательством[1].

Российская деревня оказалась неспособна перейти к правильному плодосмену сельскохозяйственных культур, что хоть как-то могло препятствовать одностороннему истощению почвы. Правильный плодосмен культур не требовал больших затрат, что было особенно важно в условиях стабильно нищавшей российской деревни и в отсутствие широкого мелкого кредита. Однако даже такая простая интенсификация хозяйства оказалась невозможной. Большинство крестьянских хозяйств производили почти одни зерновые, что просто исключало правильный плодосмен культур. В 1890-х гг. в Черноземье и Поволжье на 100 десятин пашни приходилось зерновых хлебов 91,51%, кормовых трав – 0,89, стручковых, корнеплодных и торговых культур – 7,59%. [2]. В центрально-черноземных губерниях 75–80% всего посева принадлежало двум хлебам – ржи и овсу, в южных степных – пшенице и ячменю[3]. Такой нерациональный севооборот приводил к истощению верхних слоев почвы и понижению урожайности.

Слабо развивалось травосеяние. В центрально-земледельческих губерниях Черноземья в начале XX в. оно имело место лишь в виде исключения, а во многих местах было просто неизвестно. В отдельных случаях статистика фиксировала даже случаи агротехнического регресса: в нижневолжских и новороссийских губерниях в 1881–1901 гг. площадь, занятая под кормовые травы, не только не увеличилась, но даже сократилась[4].

Мало применялись удобрения. Так, в Курской губернии в XIX в. были обнаружены богатые залежи фосфоритов и был построен завод по производству удобрений. Этот завод вскоре был закрыт, так как его продукция не

---

[1] Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 96.

[2] Вернер К. Неурожаи и наше сельское хозяйство // Вестн. Европы. 1893. Кн. 1, т. 1. С.123.

[3] В. В. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. С. 182.

[4] Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1905. Вып. 12 : Состояние травосеяния в России. С. 2, 5.

нашла сбыта[1]. Данные сельскохозяйственной статистики неопровержимо доказывали, что применение удобрений в российской деревне носило нерегулярный и единичный характер. К примеру, в Орловской губернии навоз вывозился в основном на огороды и коноплянники. То же и в Рязанской губернии[2]. В Тамбовской губернии в крестьянских хозяйствах удобрения применялись редко, навоз либо использовался как топливо, либо вообще сваливался в овраги[3].

Широкому применению удобрений в крестьянских хозяйствах препятствовали объективные и субъективные причины. Основной субъективной причиной было нежелание самих крестьян применять удобрения. Исследователи второй половины XIX в. неоднократно отмечали, что крестьяне применяли хищнические, экстенсивные методы хозяйства, не заботились о восстановлении плодородия почвы, были невежественны в вопросах агротехники и не желали никаких прогрессивных нововведений[4]. В своей массе они не были готово к более интенсивному ведению хозяйства, боялись нововведений, предпочитали традиционные методы ведения хозяйства. Сказывался и низкий уровень образования, и господствовавшие религиозно-моральные установки[5]. Местные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности не без тревоги констатировали, что в крестьянских хозяйствах на фоне увеличения численности населения и сокращения душевых наделов имеет место застой в

---

[1] Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 102.

[2] Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1901. Вып. 10 : Распространенность навозного удобрения в России. С. 5–6, 9.

[3] Тафинцев Д. Ю. Социально-экономическое положение крестьянского сословия во второй половине XIX в. // Российское крестьянство : от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.) : сб. научн. ст. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. Вып. 1. С. 38.

[4] В. В. Крестьянская община. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1892. С. 412; Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1892. С. 6; Украинский В. Крестьянская община и аграрная реформа. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1907. С. 87–88.

[5] Есикова М. М. Аграрная культура крестьянских хозяйств России в конце XIX – начале XX вв. : факторы и динамика эволюции // Гуманитар. науки в Сибири. 2013. № 4. С. 5–6.

сфере агротехники. При этом крестьянство в основной массе упрямо держалось за «дедовские» агротехнические приемы приемы и никак не могло приспособиться к ситуации, требующей качественно новых, более интенсивных приемов агротехники. В некоторых комитетах даже поднимался вопрос о введении в школьную программу для детей крестьян курсов по сельскому хозяйству в целях распространения современных знаний по агротехнике[1].

Основными объективными причинами, мешавшими крестьянам вывозить удобрения на поля, были дальноземелье, мелкополосица, многополосица и чересполосица. Дальноземелье, или «длинноземелье», было связано с удаленностью отдельных земельных участков от крестьянских усадеб на 5–10 и более верст. В Воронежской губернии в начале XX в. были селения, где наделы располагались на расстоянии 20–25 верст от крестьянских усадеб. В Тульской и Тамбовской губерниях навоз не вывозился далее 2–3 верст от усадеб, в результате «запольные земли» сильно тощали[2]. Дальноземелье делало нерентабельным вывоз удобрений на поля, отстоящие от усадьбы на 3–5 верст или более. Удаленность крестьянских наделов от усадеб была характерна как для общинных хозяйств, так и для подворных, поэтому была достаточно распространенным явлением. Так, в Курской губернии в 1902 г. из 4 030 общин в 1 851 (46%) пашни находились на расстоянии от 3 до 10 верст от усадеб[3]. Не удобрявшаяся на дальних пашнях почва выпахивалась, что приводило к учащающимся неурожаям. Исследования начала XX в. выявили закономерность между дальноземельем и частотой повторения неурожаев. Так, в селениях площадью 2–4 кв. версты неурожаи повторялись раз в 20 лет, в селениях пло-

---

[1] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб. : Тип. т-ва «Нар. польза», 1903. Т. 19 : Курская губерния. С. 528–530, 609, 746; Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб. : Тип. т-ва «Нар. польза», 1903. Т. 35 : Самарская губерния. С. 99, 365–366.

[2] Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1901. Вып. 10 : Распространенность навозного удобрения в России. С. 6–7, 10.

[3] Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 98.

щадью 4–6 кв. верст – раз в 5 лет, в селениях с площадью 6–13 верст – неурожаи повторялись через каждый год[1].

Дальноземелье, чересполосица и многополосица имели и еще одно последствие, негативно сказывавшееся на развитии российской деревни. Когда крестьянин имел много удаленных от усадьбы полос земли, разбросанных в разных частях надела, он был вынужден непроизводительно тратить драгоценное время. На этот недостаток нередко указывали и сами крестьяне[2]. Один крестьянин Новгородской губернии в записке, представленной в совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, подсчитал, что при расстоянии в 3 версты от дома до пашни ему приходится за лето проехать в обе стороны 1 548 верст[3].

Мелкополосица, многополосица и дальноземелье к началу XX в. были широко распространенным явлением. В Шадринском уезде (Пермская губерния) в 80 общинах более 80% всей надельной земли было разбито на многочисленные мелкие участки. Каждый надел состоял из 30 отдельных участков, удаленных иногда на 20 и более верст. В Курской губернии наделы были разделены в среднем на 20 полос, в Вятской – на 27, в Орловской и Московской – на 33[4]. В Саратовской губернии встречались наделы, разбитые на 100 и более узких аршинных полос. В Пермской губернии было селение, где надел в 2 десятины был разбит на 20 и более полос шириной в 4, а длиной в 120 сажен. В 1913 г. по инициативе ГУЗиЗ было проведено специальное обследование, охватившее 17 567 надельных хозяйств в 12 уездах, подвергшихся землеустройству. Результаты обследования показали, что до землеустройства 1,5% хозяйств имели более 100 полос; 4,4% – от 66 до 100; 6,6% – от 41 до 60;

---

[1] Карабанов Н. Переселение и расселение крестьян. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1912. С. 15–16.
[2] Чернышев И. В. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. СПб. : Северная печатня, 1911. С. 13.
[3] Ермолов А. С. Наш земельный вопрос. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1906. С. 34.
[4] Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 19.

16,1% – от 21 до 40 и 20,2% хозяйств имели 11–20 полос[1]. Были губернии, где даже двухдесятинные полевые наделы разбивались на 100 и более полос. Ширина их измерялась аршинами, ступнями, лаптями, а длина и расстояние между ними – верстами. Из-за узости надельных полос применение плуга или бороны становилось проблематичным, а крестьяне были вынуждены обрабатывать землю при помощи рала или заступа[2]. В итоге сами крестьяне в начале XX в. пришли к пониманию вреда от дальноземелья, узкополосицы и многополосицы, что отразилось в их приговорах и наказах в 1905–1906 гг.[3]

В передельных общинах дополнительным препятствием для применения удобрений были регулярные общие переделы или частные «свалки-навалки». В процессе переделов удобренные крестьянами земельные полосы могли перейти к другим домохозяевам, причем без всякой компенсации[4]. Даже общинники, применявшие удобрения, прекращали удобрять землю за несколько лет до очередного передела и вели настолько хищническое хозяйство, что оно вконец истощало общинный надел и надолго понижало его производительность. В Тульской, Курской, Саратовской, Симбирской губерниях крестьяне предпочитали не удобрять землю, а продавать навоз на сторону или просто сваливать его в овраги, лишь бы не отдавать при переделе удобренную землю[5]. Эти факты усиленно отрицались сторонниками общинного землепользования второй половины XIX в. из числа либералов и народников. Причем даже когда крестьяне прямо говорили земским статистикам, что не удобряют поля по причине частых переверсток земельных наделов, исследо-

---

[1] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. С. 175, 207–208.

[2] Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 19.

[3] Приговоры и наказы крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. : сб. документов / под ред. В. П. Данилова, А. П. Корелина. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 32–33, 35, 55, 60, 62, 108, 151, 163, 165–167.

[4] Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1892. С. 102–103.

[5] Риттих А. А. Крестьянское землепользование. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1903. С. 17, 21.

ватели пытались объяснить ответы крестьян лишь их недостаточной убежденностью в необходимости удобрять поля[1].

Во второй половине XX – начале XXI в. даже историки, положительно характеризовавшие общину и считавшие ее устойчивым социальным институтом, в итоге признали, что передельно-уравнительный аппарат был препятствием для развития земледельческой культуры[2].

Несмотря на то, что признаки аграрного кризиса имели место повсеместно, в районах с подворным землевладением кризис проявлялся менее остро. Губернии с подворным землевладением значительно реже страдали от неурожаев. К примеру, «белорусские» губернии Минская и Гродненская, где существовало подворное землевладение, за 1867–1908 гг. ни разу не потребовали государственной помощи от неурожаев. Для сравнения: Воронежской губернии (66,2% передельных общин) государственная помощь оказывалась в 1891–1892, 1898, 1901–1903 и 1905–1908 гг. Пензенской губернии (72% передельных общин) такая же помощь оказывалась в 1867, 1869–1870, 1878, 1881, 1883–1885, 1887, 1889–1891, 1902–1903 и 1906 гг. Саратовская губерния (75,6% передельных общин) полностью или частично пострадала в 1872, 1879, 1880–1881, 1891–1892, 1898–1899, 1901–1903 и 1906–1907 гг. И это при том, что «белорусские» губернии относились к числу нечерноземных, почти треть пространства (32,6%) в них была занята лесом, 17,92% земель были вообще неудобными, а на долю пашни приходился лишь 31% земель. В Минской губернии под лесом было 38,3% земель, а неудобных земель и пашен было примерно поровну – 23% и 24,2% соответственно. Из почв преоб-

[1] См.: В. В. Крестьянская община. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1892. С. 411–412; Он же. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1892. С. 109–111, 133–137; Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 176; Общинное землевладение в сельскохозяйственном отношении // Труды Императорского Московского общества сельского хозяйства. 1893. Вып. 37. С. 2; Посников А. Общинное землевладение. 2-е изд. Одесса : Тип. Ульриха и Шульце, 1878. Вып. 1. С. 71–75; Украинский В. Крестьянская община и аграрная реформа. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1907. С. 87–93 и др.

[2] Анфимов А. М., Зырянов П. Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4. С. 29; Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М. : Наука, 1992. С. 58–59, 196–197.

ладали дерново-подзолистые суглинки и супеси, пашня требовала тщательной обработки и удобрения[1]. Несмотря на столь неблагоприятные почвенные характеристики, Минской губернии ни разу не потребовалась правительственная помощь вследствие неурожаев.

На рубеже XIX–XX вв. исследователи отмечали, что наиболее «жизненные» формы передельной общины географически совпадают с районом все учащающихся голодовок, а в районах постоянного применения удобрений и более интенсивной техники крестьянского хозяйства переделов почти не бывает и крестьяне владеют землей на семейно-участковом праве[2].

В районах, где передельных общин не существовало, степень интенсификации крестьянских хозяйств была выше. Статистика свидетельствует, что в районах с подворным землевладением значительно больше развивалось травосеяние. Так, в 1881–1901 гг. площади под кормовыми культурами выросли в белорусских губерниях в 6,6 раза, в литовских губерниях – в 5,1 раза, юго-западных – в 3 раза, тогда как в общинных нижневолжских губерниях эта площадь даже сократилась[3].

В конце XIX в. С.А. Короленко выявил зависимость степени интенсификации крестьянских хозяйств от форм землепользования. Самые лучшие результаты были характерны для подворных хозяйств с площадью не ниже 15 десятин. На втором месте шли подворные хозяйства с пределами дробимости, на последнем месте – все остальные хозяйства. В западных губерниях, где не было передельных общин, было сильно развито применение искусственных удобрений (фосфатов и суперфосфатов). В результате, несмотря на плохую

---

[1] Введенский И. По новому пути // Вопр. колонизации. 1911. № 8. С. 60; Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1909. – Ч. 1 : Продовольственное дело в прошлом и настоящем. С. 86–589; Россия. 1913 г. : статистико-документальный справочник. СПб. : БЛИЦ, 1995. С. 67–68 (подсчеты мои – *Д.Б.*).

[2] Чернышев И., Лосицкий А., Маслов П. Крестьянское право и община перед Государственной думой. К ликвидации законодательства по 87 статье. СПб. : Дело, 1907. С. 51–55.

[3] Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1905. Вып. 12 : Состояние травосеяния в России. С. 2.

почву, средний урожай хлебов в этих губерниях оказывался выше, чем в черноземных[1].

В итоге вред излишне частых переделов в общинах к началу 1890-х гг. стал настолько очевиден, что был признан даже некоторыми сторонниками общинно-уравнительного землепользования[2]. Был признан этот вред и на государственном уровне. 8 июня 1893 г. был опубликован закон, устанавливавший минимальный срок передела на 12 лет. При этом крестьяне, вводившие какие-либо агротехнические улучшения на своих полосах (включая удобрения), при очередном переделе имели право на получение денежного вознаграждения за свои затраты[3].

В целом агрикультурный кризис имел место и в губерниях с подворным землевладением, и в губерниях с беспередельными общинами, и в губерниях, где преобладали передельные общины. Но в районах, где существовавли передельные общины, этот кризис проявлялся глубже и острее. В Европейской России увеличение численности крестьянства происходило на фоне непропорционально малого увеличения продуктивности земельных угодий. Следствием этого было уменьшение заработка всех лиц, участвовавших в производстве, и крестьянское население беднело. В Европейской России в среднем урожайность основных зерновых культур составляла всего 46 пудов с десятины, тогда как в Великобритании – 126 пудов. При этом в Европейской России в среднем на каждые 100 десятин приходилось 136 крестьян, а в Великобритании – 79 крестьян[4]. Эти данные показывают, что в обработке одной и той же площади в России принимало участие большее число крестьян, а отдача от их труда была меньше, чем в Великобритании. Даже в Норвегии,

---

[1] Короленко С. А. Обзор экономического положения России в сельскохозяйственном и промышленном отношении. СПб. : Типо-литогр. И. В. Цветкова, 1895. С. 4, 10.

[2] Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1881. С. 112–113; Посников А. Общинное землевладение. 2-е изд. Одесса : Тип. Ульриха и Шульце, 1878. Вып. 1. С. 101–102.

[3] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об утверждении правил о переделах мирской земли // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1897. Т. 13. Отд. 1. № 9754.

[4] Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов : Электро-типо-литогр. Б. Л. Рабинович, 1914. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. С. 8–9.

где климатические и почвенные условия были хуже, чем в России, средний сбор хлебов с десятины достигал 110 пудов. При этом ни в одной стране мира не было такой большой площади, занятой под паром, как в России. Во Франции под паром оставалось лишь 6% пахотной площади, в Германии – 13%, в России же на крестьянских землях – до 40%[1].

Под воздействием аграрного перенаселения крестьяне увеличивали затраты труда, чтобы получить с той же площади земли большее количество продуктов. Но так как при этом сохранялась в основе старая экстенсивная система хозяйства, то каждая новая затрата труда давала все меньший экономический эффект. Распаханная вдоль и поперек земля истощилась, наступил кризис экстенсивной системы, и доходы крестьян от земельных наделов упали[2]. Таким образом, агрикультурный кризис центра России выражался в недостаточности средств существования, получаемых крестьянами от земли[3].

Данные статистики свидетельствуют, что в пореформенный период наблюдалась устойчивая тенденция сокращения среднего потребления продуктов питания среди крестьянства. В 1856–1871 гг. крестьянское население увеличилось на 6,6%, посевы при этом в 13 нечерноземных губерниях уменьшились на 14,6%, а урожайность снизилась на 27,8%. В результате население оказалось хуже обеспечено хлебом, чем раньше, и имело на человека 2,25 четверти вместо прежних 3,06 четвертей[4]. Из 49 губерний Европейской России в 27 уже в конце 1870-х гг. наблюдался явный недостаток продовольствия, производимого в расчете на крестьянское хозяйство при средней урожайности[5].

---

[1] Гурко В. И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1906. С. 25–26.

[2] Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов : Электро-типо-литогр. Б. Л. Рабинович, 1914. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. С. 10.

[3] Он же. Революция наоборот (разрушение общины). Пг. : Задруга, 1917. С. 5.

[4] Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. 2-е изд. СПб. : Изд-во М. Стасюлевича, 1881. С. 37.

[5] Шелгунов Н. В. Переселение и наше земледелие // Дело. 1878. № 9–10. С. 158–159.

Комиссия по оскудению центра в начале XX в. выявила, что при среднем урожае и норме потребления в 20 пудов хлеба на человека и 40 пудов овса на лошадь недостаток хлеба составлял 3,4 пуда, или 17% от продовольственной нормы, а недостаток овса определялся в 16,4 пуда, или 41% от кормовой нормы. Недостаток продовольствия и кормов был отмечен в абсолютном большинстве районов Европейской России. При этом в северо-западных губерниях центрально-земледельческого района недостаток продовольствия определялся в 40%, недостаток кормов – в 29%, в малороссийских губерниях этот недостаток составлял соответственно 32,5 и 70%[1].

Однако обострение аграрного кризиса не стало стимулом для массового внедрения крестьянами более интенсивных приемов агротехники. Экстенсивные формы земледелия, утвердившиеся в сельском хозяйстве России, вылились в слепое требование крестьянством большего количества земли[2]. Связанные с общинными порядками землепользования шаблонность и застой в производстве направляли внимание крестьян исключительно на количество земли, а не на способы ее использования[3]. Даже исследователи, относившиеся с большим пиететом к передельно-уравнительной общине, фактически признавали, что община была ориентирована на экстенсивное развитие. Так, В.С. Пругавин, восторженно писавший об «обаятельной силе» «тихого, молчаливого мира крестьянских общин», одновременно констатировал, что когда соотношение между населением и землей в общине достигало предела и появлялась необходимость перехода к более интенсивной системе полеводства, из общины происходили выселения в те местности, где условия земельной жизни еще позволяли вести хозяйство на старых основаниях[4]. Тем самым он фактически признал, что община не способствует переходу к более интенсив-

---

[1] Ржевский В. А. Крестьянский вопрос и аграрная реформа. М. : Тип. И. Д. Сытина, 1906. С. 30.

[2] Чуркин М. К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX – начале XX вв.) : учеб. пособие. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 30.

[3] Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг. : Право, 1922. С. 25.

[4] Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. Изд. 2. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. С. 270–271.

ным и передовым методам хозяйствования, а при наличии земельной тесноты стремится решить эту проблему посредством переселений, т.е. сугубо экстенсивным способом.

Особенности крестьянского мышления и привычка вести хозяйство традиционными «дедовскими» методами нацеливали крестьян на борьбу с аграрным перенаселением чисто экстенсивными методами. Во второй половине XIX в. общинное землепользование развивалось за счет обращения под пашню все новых и новых земель, включая неудобные и малоудобные. В итоге к началу 1880-х гг. в крестьянских хозяйствах пашни и усадьбы составляли в Симбирской губернии 82,5% всех удобных земель, в Тульской – 81,5%, в Орловской – 81,2%, в Тамбовской – 79,3%. Все, что можно было распахать, поступило под плуг еще в начале 1880-х гг. Известный статистик В.И. Орлов в 1880 г. описал ситуацию в Борисоглебском уезде такими словами: «Проходя по крестьянским владениям, приходится удивляться тому, что даже неудобные для обработки косогоры, узенькие полоски около дорог, отдельные клочки земли в оврагах, буераки – все это обработано и засеяно хлебом». Позднее земская статистика признала это явление типичным[1].

По мере увеличения численности населения крестьянство стремилось обратить под пашню все, что было возможно, в том числе выгоны и лесные наделы. Уполномоченный по сельскохозяйственной части Курской губернии А.И. Шахназаров в начале XX в. отмечал, что Курская губерния давно превратилась в сплошную пашню, распахано все, леса и выгоны уничтожены[2]. Значительных масштабов достигло лесоистребление. В 1862–1888 гг. ежегодно в губерниях Европейской России истреблялось до 900 000 гектаров леса. М.К. Чуркин опубликовал документ, в котором крестьяне Воронежской

---

[1] Вернер К. Неурожаи и наше сельское хозяйство. // Вестн. Европы. 1893. Кн.1, т. 1. С. 124.

[2] Приводится по: Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 71.

губернии в 1888 г. ходатайствовали о разрешении обратить под пашню до 400 десятин леса, обосновывая свою просьбу недоимками и неурожаями[1].

Однако такое расширение посевных площадей за счет других угодий быстро давало эффект, обратный ожидаемому. Например, в Воронежской и Черниговской губерниях после вырубки лесов, росших на легкой песчаной почве, образовались летучие пески. Эти пески стали постепенно заносить соседние надельные крестьянские земли. Помимо этого, для нормального эффективного ведения хозяйства необходимо правильное соотношение между пашней, лугами и выгонами, между посевной и кормовой площадью. Нарушение этого баланса в пользу пашни приводит к тому, что уменьшается кормовая площадь и крестьянин теряет возможность прокормить скот и рабочих лошадей, необходимых для обработки земли. Сокращение скота и лошадей ведет, помимо прочего, к уменьшению удобрений, без которых пашня быстро тощает, что в итоге дает постепенный упадок крестьянского хозяйства. Этот процесс особенно отмечался в Черноземье и некоторых других губерниях, где под распашкой было более 80% земель. Так, в Воронежской под пашней находилось 82%, в Тамбовской – 84,1, в Орловской – 84,2, в Тульской – 85,1, в Харьковской – 86,4, в Курской – 88,8, в Подольской – 89, в Самарской – более 84% земель. В результате в губерниях северо-восточной группы средне-черноземной полосы произошло сокращение численности скота на 3,8–3,9%, а в новороссийских губерниях даже на 16,6%[2]. По военно-конской переписи 1888 г. в 41 исследованной губернии безлошадные дворы составили 29,4%[3]. В Таврической губернии во второй половине 1880-х гг. земство ежегодно часть земель, значившихся ранее «удобными», перечисляло в «неудобные». В одном обществе в 1872 г. удобных земель числилось 4 000 десятин, к 1887 г. – лишь 800 десятин. Остальные превратились в пески[4].

---

[1] Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 78.
[2] Ермолов А. С. Наш земельный вопрос. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1906. С. 71, 73–74.
[3] Качоровский К. Крестьянское хозяйство и переселение // Рус. мысль. Кн. 3. 1894. С. 22.
[4] Внутренне обозрение // Русское богатство. 1887. № 10. С. 216.

Обращение под пашню остальных угодий вело к обострению кризиса трехпольной системы. Эта система могла держаться без истощения почвы, пока на десятину пашни приходилось 1,5 десятины лугов и выгонов. В начале XX в. эта пропорция не соблюдалась почти нигде. В некоторых районах на десятину пашни приходилось 0,5 десятины лугов и выгонов, в некоторых районах ¼, а в Курской губернии даже $^{1}/_{30}$ десятины[1]. В итоге это приводило к невозможности вести сколько-нибудь рациональное хозяйство, что нередко становилось причиной ходатайств о переселении. Объясняя причины роста переселений в 1880–1882 гг., воронежский губернатор среди прочих назвал дефицит выгонов и пастбищных мест. Крестьяне Тамбовской губернии в своих ходатайствах о переселении практически всегда указывали на отсутствие выгонов и пастбищ[2].

Нерасчетливое стремление крестьян увеличить пашню за счет сенокосов и пастбищ приводило к ухудшению кормовых площадей. Уменьшилось количество скота, сократилось удобрение посевной площади и ухудшилась ее обработка. Хозяйство на выпаханной земле стало невыгодным. В особенности это отмечалось в отношении отдаленных от селения пашен, скудный урожай которых еле покрывал затрату времени и труда по обработке. Крестьяне начали такие пашни забрасывать, и периферия надела постепенно покрывалась пустырями, бывшими прежде пашней. Таким образом, после усиленного роста посевных площадей пошел процесс их постепенного уменьшения, а на месте покосов и пашен возникли истощенные и непригодные для сельского хозяйства пустыри[3]. Уже в 1880–1890-х гг. стала отмечаться тенденция сокращения посевных площадей в центральных областях России. В 1887–1905 гг.

---

[1] Чупров А. И. Мелкое землевладение в России и его основные нужды. М. : Тип. «Русских Ведомостей», 1904. С. 15.

[2] Приводится по: Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 81.

[3] Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб. : Алетейя, 2010. С. 710.

площадь посева сократилась в промышленном районе на 3,6%, в средневолжском и центрально-земледельческом – на 4,6%[1].

Таким образом, ориентация крестьян на экстенсивное расширение посевных площадей за счет других угодий лишь усугубляла аграрный кризис. Фактически кризис трехпольной системы и аграрное перенаселение могли быть преодолены двумя путями: экстенсивным и интенсивным. В основе интенсивного пути лежала коренная перестройка системы обработки земли, связанная с переходом к многополью, правильному севообороту, применению удобрений, рациональному использованию всех земельных ресурсов, находящихся в пользовании крестьян. Экстенсивный путь был связан с переселением крестьян в отдаленные районы и механическим отселением части «излишнего» населения. После отмены крепостного права основная масса крестьян решала проблемы агрикультурного кризиса и аграрного перенаселения экстенсивным способом – за счет переселений. При аграрном перенаселении для перехода к более интенсивной форме земледелия требовались время, знания, капиталы и ментальная готовность к инновациям. Однако крестьянство к интенсификации производства обращалось только тогда, когда отсутствовала возможность переселяться. При этом население России почти всегда имело возможность для колонизации, поэтому чаще обращалось именно к переселению, а не к интенсификации земледелия[2]. Подтверждение этому тезису мы находим в ответах крестьян, которых спрашивали о причинах переселений. Так, многие из опрошенных жаловались на то, что земля была плоха, и ее надо было удобрять[3]. Когда встал вопрос выбора: перейти к более интенсивной системе землепользования с применением удобрений или переселиться, крестьяне выбрали последнее.

---

[1] Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 40.
[2] Миронов Б. Н. Социальная история России периода империализма (XVIII – начало XX вв.) : в 2-х т. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Булавин, 2000. Т. 1. С. 27.
[3] Чудновский С. Л. Переселенческое дело на Алтае (статистико-экономический очерк) // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Иркутск : Тип. газ. «Восточное обозрение», 1889. Т. 1, вып. 1. С. 32–33, 45.

Возможность решения агрикультурного кризиса и проблемы аграрного перенаселения за счет внедрения инноваций и современных методов ведения хозяйства серьезно сдерживалась и господствовавшим в менталитете крестьян традиционализмом. Последние исследования показывают, что в сознании крестьян второй половины XIX – начала XX в. имел место прочный традиционно-консервативный фундамент, базировавшийся в том числе на низком уровне образования, широком распостранении древних суеверий и общинном укладе жизни[1].

Ответом на невозможность дальнейшего расширения надельного землепользования стало стабильное и постоянно растущее во второй половине XIX – начале XX в. крестьянское переселение. Нацеленность миллионов крестьян на решение проблем земельной тесноты и перенаселения за счет переселений лежала в области ментальности и психологии. Готовность к переселениям была отличительной чертой российских крестьян на протяжении столетий. Классики русской исторической мысли XIX – начала XX в. отмечали тесную связь истории России с колонизационными процессами в течение всего периода развития Российского государства. По глубокому убеждению С.М. Соловьева, главным явлением в русской истории было расширение государством его владений; государственная область расширялась преимущественно посредством колонизации[2]. На главенствующее значение переселений и колонизации как основного факта нашей истории указывал В.О. Ключевский. Непрерывная колонизация понималась Ключевским как отличительная черта, характеризующая национальное своеобразие процесса развития российской цивилизации. История России есть история страны, которая колонизуется, отмечал В.О. Ключевский на рубеже XIX–XX вв., констатировав этим одновременно и значимость колонизации в историческом прошлом России, и незавершенность этого процесса, его перспективность в настоящем и ближайшем бу-

---

[1] Назаров А. А. Массовое сознание русского крестьянства в 1905–1917 гг. (на материалах Северо-Запада России) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2009. С. 21.
[2] Соловьев С. М. Сочинения : 18 кн. М. : Мысль, 1988. Кн. 1. С. 58.

дущем[1]. Эту же точку зрения разделял ученик Ключевского русский историк М.К. Любавский[2].

На стремление русского народа к колонизации указывали и другие исследователи второй половины XIX в., лично наблюдавшие, как сотни тысяч крестьян ежегодно уезжали осваивать малозаселенные районы страны. Исследователь Е. Марков, пытавшийся выявить побудительные мотивы, толкавшие крестьян на переселение, отмечал, что в русской истории переселения составляли обычное явление народной жизни[3]. Известный сибирский общественный деятель, представитель направления областников Н.М. Ядринцев констатировал факт вольной колонизации Сибири, не останавливавшейся даже под воздействием правительственных запретов, и потому предрекал бесперспективность административных мер, ограничивающих стремление русских крестьян к переселению в Сибирь[4]. Готовность крестьян к переселению многократно подтверждалась: в 1870–1880-х гг. были случаи, когда по распоряжению правительства крестьян информировали о наличии свободных земель и возможности переселяться, что сразу же вызывало ажиотаж. Причем количество желающих переселиться было больше, чем того желало бы правительство[5].

Во второй половине XIX в. под воздействием нарастающего агрикультурного кризиса и аграрного перенаселения все большее количество крестьян приходило к мысли о необходимости переселения. Современные историки отмечают, что в основе этой тяги к переселению лежала патриархальная традиция хозяйствования крестьян, стремившихся решить проблему аграрного перенаселения за счет экстенсивного фактора, сохраняя низкий уровень

---

[1] Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1987. Т. 1. Курс русской истории, ч. 1. С. 49–51.

[2] Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб. : Лань, 2000. С. 21–23, 282.

[3] Марков Е. Обетованные земли (к вопросу о крестьянских переселений) // Русская речь. 1882. Кн. 3. С. 232.

[4] Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. С. 126–154.

[5] Гурвич И. А. Переселение крестьян в Сибирь. М. : Тип. А. Левенсон и К°, 1889. С. 100; Ядринцев Н. М. Наши выселения и колонизация // Вестн. Европы. 1880. №. 6. С. 449.

агротехнической культуры своего хозяйства[1]. С этим мнением трудно не согласиться. Показательный пример описан в исследовании Е. Маркова. Одно из волостных правлений Щигровского уезда на рубеже 1870–1880-х гг. сообщало, что крестьяне переселяются, чтобы приобрести побольше земли для будущего поколения. При этом бывшие государственные крестьяне заявляли, что их предки тоже были переселенцами[2]. Таким образом, опыт предков способствовал формированию у крестьян миграционного сознания, ориентировал их на решение проблемы земельной тесноты проверенным способом – переселением в многоземельные губернии.

Нельзя обойти вниманием и то, что безземелье, земельная теснота и агрикультурный кризис прогрессировали на фоне распространявшихся в крестьянской среде слухов и мифов о вольных сибирских землях, где нет малоземелья. В результате в крестьянском сознании формировался в значительной степени искаженный и идеализированный образ Сибирского региона[3].

В 1860–1880-е гг. крестьяне довольно смутно себе представляли условия сибирской жизни, и при отсутствии достоверных сведений этот информативный вакуум заполнялся слухами и небылицами о «сказочной» жизни в Сибири. Крестьяне нередко характеризовали ее терминами «земля обетованная», «вольные земли», говорили будто «там диких кабанов ловят таких, что 12 пудов сала на них, а леса страшные такие, из четырех дерев и хата»[4]. Были и совершенно фантастические рассказы о трех урожаях в год или пшенице выше человеческого роста[5].

---

[1] Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. С. 14; Родигина Н. Н. Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1997. С. 21.

[2] Марков Е. Обетованные земли (к вопросу о крестьянских переселений) // Русская речь. 1882. Кн. 3. С. 234–239, 241–242.

[3] Чуркин М. К. Архетипические черты психологии русского крестьянства и их роль в формировании миграционных настроений в традиционном обществе (вторая половина XIX – начало XX века) // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. Вып. 2. С. 196–198.

[4] Родигина Н. Н. «Другая Россия» : образ Сибири в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начала XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. С. 195–196.

Определенную роль в распространении таких слухов играли письма удачно устроившихся в Сибири бывших однообщественников, которые, возможно где-то приукрашивая, описывали рост своего благосостояния. Так, один переселенец из пос. Новоразинского (Барнаульский округ) в 1893 г. в письме своему брату описывал, как хорошо он устроился на новом месте: завел 4 лошади, 3 дойных коровы, сена можно косить, сколько пожелаешь, пахать хлеба – сколько угодно и сколько силы хватит[1]. Еще один переселенец, устроившийся в д. Шубенке (Бийский уезд) писал своим односельчанам: «Слава богу, от картошки убег… Пшеницу ем, а дома ржи не хватало». Другой переселенец из Раненбургского уезда, уехавший в 1878 г. в Томскую губернию, писал своим бывшим односельчанам: «Удовольствие, какое сено! Я наставил на душу 400 копен, кроме вольных местов. Церковь 2 версты, лесбор 3 версты; всякие ягоды и хмеля возле деревни. Земли пахать – сколько угодно; земля и леса никогда не делятся, и объездчиков нету. Потом наемка очень дорога – за десятину 20 пудов хлеба дают; нету косцов косить хлеб… Еще реки очень хороши; озера рыбные… Хлеба всякие родятся: рожь, пшеница, ярица, гречуха, просо, овес, ячмень и горох. У нас в деревне ржаная мука 30 копеек пуд»[2]. В последнем письме перечислено почти все, о чем мечтал каждый крестьянин, выходящий на переселение: изобилие леса, покосов и пашен, низкие цены на продукты, высокие цены на рабочие руки.

Отчасти появлению слухов и легенд о сибирской «сказочной» жизни способствовали мемуары и периодика[3], а отчасти и действительность. На Алтае при отсутствии практики удобрения полей урожаи пшеницы и ржи в 70 пудов с десятины во второй половине XIX в. считались средними. Богатые

---

[5] Цит. по: Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 151.

[1] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 151–152.

[2] Григорьев В. Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М. : Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, 1884. С. 41, 100.

[3] Родигина Н. Н. «Другая Россия» : образ Сибири в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начала XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. С. 81.

травами пастбища позволяли алтайским крестьянам в среднем на хозяйство иметь около 18 голов рогатого скота[1]. Подобная действительность резко контрастировала с привычными для крестьян Европейской России неурожаями, отсутствием покосов и выгонов и невозможностью содержать большое количество скота. Такие преувеличенные слухи способствовали созданию у населения Европейской России привлекательного образа Сибири. У крестьян формировалось, по выражению М.К. Чуркина, «миграционное сознание», которое находило свою реализацию в росте крестьянских миграций за Урал после 1861 г.[2]

Таким образом, условия аграрной реформы создавали комплекс факторов, как для сдерживания крестьянских переселений, так и для их стимулирования. В роли сдерживающих факторов выступали условия отмены крепостного права, изложенные в Положении о крестьянах, выкупе и поземельном устройстве. Для официального переселения требовалась уплата всех недоимок, что препятствовало переселению крестьян вплоть до конца XIX в. Сдерживали крестьянскую мобильность круговая порука и община, которая не только затрудняла законный выход из своих рядов отдельным домохозяевам, но и лишала их возможности продавать свои наделы.

Несмотря на наличие сдерживающих факторов, после реформы 1861 г. в России процесс модернизации и формирование индустриального общества происходили на фоне массовых крестьянских миграций в малоосвоенные и многоземельные районы. Эти миграции были вызваны комплексом причин. Основными причинами, стимулирующими крестьянские переселения в 1861–1917 гг., были обезземеливание крестьянства, аграрное перенаселение и агрикультурный кризис.

---

[1] Паклин М. И. Производственно-хозяйственная деятельность русского крестьянства Алтайского горного округа в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Горно-Алтайск, 1999. С. 20.

[2] Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 140

Рост крестьянского населения и агрикультурный кризис ставили перед российским крестьянством задачу интенсификации сельского хозяйства, перехода от экстенсивного устаревшего трехполья к многополью, травосеянию, правильному севообороту, применению удобрений и т.п. Однако в основной массе крестьянство в силу ментальных установок и приверженности традициям было ориентировано на экстенсивные приемы борьбы с растущей земельной теснотой и агрикультурным кризисом. Крестьянство искало выход не в интенсификации сельскохозяйственного производства, а в массовых переселениях. Такая модель поведения основывалась на социокультурных традициях, сформировавших у российских крестьян миграционное сознание. В основе массовых переселений были ментальные установки сознания, ориентировавшие крестьян на колонизацию свободных земель в малозаселенных районах страны.

2.2. Характер и особенности правительственной переселенческой политики в 1861–1905 гг. Динамика крестьянских переселений в Западную Сибирь

Вопрос о переселенческой политике правительства в Сибирь был предметом исследования многих современников и неоднократно затрагивался в работах историков XX – начала XXI в. В отечественной историографии советского периода процесс роста крестьянских переселений на окраины тесно связывался с понятием «развитие капитализма вширь». Традиция такой оценки процесса колонизации Сибири восходит к трудам В.И. Ленина[1]. Советские историки придерживались именно его трактовки[2].

Разумеется, попытки представить правительственную политику колонизации Сибири, исключительно как содействие процессу развития капитализма вширь вряд ли можно считать верными. По замечанию Л.М. Горюшкина, развитие капитализма вширь было скорее результатом переселенческой политики правительства, но не целью[3]. Переселение было призвано решать совершенно иные задачи, которые неоднократно менялись. Смена задач была не только следствием изменения правительственных взглядов на переселение, но и отражала этапы эволюции концепции государственной политики в отношении крестьянских переселений.

Отечественные исследователи XX–XXI вв. неоднократно отмечали, что за счет аграрных переселений государство пыталось решить проблему зе-

---

[1] Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 595–596; Он же. Еще к вопросу о теории реализации // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 85–86.

[2] См.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1976. С. 6; Он же. Развитие капитализма вширь в сибирской деревне периода империализма (1900–1917 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1975. С. 57; Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. С. 119; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 513 и др.

[3] Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1976. С. 78–79.

мельной тесноты в Европейской России. Это так, и задача выселения «излишних» рабочих рук из Европейской России за Урал действительно обозначалась многими чиновниками самого высокого ранга в отдельные периоды переселенческой политики. Но при этом в тени оставалась другая задача правительства – укрепление геополитических позиций России в Азии. Эта задача была поставлена еще в середине XIX в. генерал-адъютантом Анненковым, который во Всеподданнейшей записке писал о необходимости колонизации Сибири в целях усиления политического значения России в Азии[1]. Правда, в дальнейшем Н.Н. Анненков отмечал, что переселение за государственный счет будет для казны обременительным и предлагал поощрять самостоятельное переселение крестьян за Урал[2].

Во многих работах, где затрагивался вопрос о крестьянских переселениях, отмечалось, что правительство сдерживало процесс крестьянских миграций, поскольку было заинтересовано в сохранении рабочей силы для развития аренды на помещичьих землях[3]. Такая точка зрения верна лишь отчасти и, на наш взгляд, нуждается в корректировке. Действительно, известны случаи, когда местная администрация в интересах богатых землевладельцев для недопущения переселений распускала среди крестьян слухи о трудностях в пути для переселенцев, повышала плату за выдачу паспортов или даже подкупала ходоков, чтобы те пугали односельчан разными ужасами о сибирской жизни[4]. Но несомненно и то, что правительственная точка зрения по переселенческому вопросу во второй половине XIX в. не сводилась к одним лишь запретам в интересах дворянства, а неоднократно менялась. Представляется

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 45–46об.

[2] Волчек В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск : Сибнаучкнига, 2006. С. 101.

[3] См.: Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. С. 197; Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. С. 125.; Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия периода империализма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 23; Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский округ (1865–1899 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1970. С. 76–77.

[4] Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйсте. СПб. : Изд-е А. Ф. Цинзерлинга, 1891. С. 39–41; Лыкошин Н. С. Переселение и переселенцы. Самарканд : Типо-литогр. Н. В. Полторанова, 1892. С. 30–31.

обоснованным проследить развитие взглядов правительства на крестьянские переселения, исходя из выделенных нами в предыдущем разделе периодов.

В течение периода 1861–1880 гг. государство относилось к легальному переселению в целом безразлично. В правительстве преобладало мнение, что свободные крестьяне должны сами о себе заботиться, самостоятельно решать проблему естественного прироста в своей среде за счет расширения аренды или покупки земли, за счет отхожих промыслов, сезонных работ, интенсификации своих хозяйств[1]. Также либеральные реформаторы 1860-х гг. считали, что в России возможно развитие особого варианта аграрного строя, который исключал раскрестьянивание и связанные с ним революционные потрясения. Кроме того, в правительстве было распространено опасение, что провозглашение принципа свободы переселений повлечет за собой развитие «вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении», будет представлять угрозу экономической и социальной стабильности[2].

Однако при отсутствии общего переселенческого закона государство не вводило полного запрета на переселение. В первые пореформенные годы допускалось переселение для некоторых (немногочисленных) категорий: половников Вологодской губернии, горнозаводских мастеровых, однодворцев, крестьян мелкопоместных имений и батраков Инфляндских уездов Витебской губернии. Разрешение переселяться для этих групп населения подразумевало не борьбу с густотой населения и не заселение окраин, а исключительно оказание помощи нуждающимся[3].

Допускались также переселения на Дальний Восток, которые после подписания соглашений с Японией и Китаем имели государственное значение в целях усиления позиций России в этом регионе. В 1861 г. вышли особые правила о поселении в Приамурском крае. По этим правилам всем желающим разрешалось селиться в Амурской и Приморской областях, переселен-

[1] Тернер Ф. Государство и землевладение. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1901. Ч. 2. С. 113–114.
[2] Родигина Н. Н. Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1997. С. 13.
[3] Риттих А. Ф. Переселения. Харьков : Типо-литогр. окружного штаба, 1882. С. 46.

цам предоставлялись по 100 десятин на семью, льготы по отбытию воинской повинности (освобождение от рекрутских наборов на 10 лет) и податные льготы (на 20 лет освобождение от всяких платежей казне). Правда, переселение осуществлялось за собственный счет и без денежного пособия от казны. В 1866 г. для переселявшихся в Южно-Уссурийский край была установлена выдача ссуд (до 100 рублей на семью) и запаса продовольствия на год. Из политических соображений в середине 1870-х гг. было издано особое положение о колонизации киргизской степи. По этому положению помимо различных льгот переселенцы получали безвозвратное пособие в 20 рублей на семью и лесной материал для построек[1].

30 июля 1865 г. вышел закон, разрешавший крестьянские переселения в Алтайский горный округ. Поводом для его издания стало прибытие в Алтайский округ 30 семей переселенцев, которых алтайская администрация намеревалась выдворить из округа. Переселенцы обратились в Кабинет с просьбой о разрешении приписаться в алтайские волости. Одновременно Алтайское горное правление обратилось в Кабинет с запросом относительно живших без причисления в округе 4 368 новоселов[2]. Инициативу издания переселенческого закона поддержал и генерал-губернатор Западной Сибири, который отмечал, что переселяющиеся в Западную Сибирь часто просят водворить их именно в Алтайском горном округе. Речь шла только о государственных крестьянах. Правда, заселение округа представлялось выгодным лишь для увеличения рабочих рук на кабинетских заводах[3]. Но с 1879 г. переселенцам было запрещено селиться в горнозаводских волостях Алтайского горного округа[4], после чего переселения стали пониматься как инструмент аграрной колонизации округа.

---

[1] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 20.

[2] Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск : Изд. В. А. Грава, 1890. С. 330.

[3] Высочайше утвержденное положение Комитета Министров о водворении в Алтайском округе государственных крестьян // ПСЗРИ. Собр-е 2-е. СПб., 1867. Т. 40. Ч. 1. № 42353.

[4] Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск : Изд. В. А. Грава, 1890. С. 32.

В 1868 г. вышел циркуляр, который потенциально мог заложить основы нового курса в переселенческой политике. Этот документ разрешал крестьянам получать казенную землю в Самарской, Уфимской и Оренбургской губерниях, открывал широкие возможности для развития переселений, но действовал всего несколько месяцев и был отменен в том же 1868 г. Причиной его отмены стало стремление предотвратить усиление переселенческого движения[1].

Несмотря на достаточно безразличное отношение государства к переселениям, не подлежит также сомнению, что уже с 1861 г. стали действовать факторы, стимулировавшие переселение крестьян. Действие этих факторов приводило к неуклонному росту переселенческого движения. Подсчеты исследователей показывают, что в 1861–1880-е гг. крестьянские переселения имели значительные размеры, правда, большая часть этих переселений происходила внутри губерний Европейской России[2]. Основными колонизуемыми районами были Предкавказье, Заволжье и Новороссия, и только на четвертом месте находилась Сибирь[3]. Лишь крестьяне Вятской губернии были в значительной степени ориентированы на переселение в Сибирь. По данным Вятской казенной палаты, в 1859–1879 гг. из губернии выселилось 17 506 ревизских душ, из них в Уфимскую и Оренбургскую губернии направилось 6 009 (34,3%), в Сибирь – 8 079 (46,1%), на Дальний Восток – 628 (3,6%)[4]. Предпочтения переселенцев из Вятской губернии обусловливались географической близостью Сибири и идентичностью сибирских климатических и природных условий с условиями губерний выхода.

---

[1] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 23.

[2] Абрамов Я. Переселение и частная инициатива // Путь-дорога. СПб. : Типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1883. С. 363–364; Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М. : Наука, 1980. С. 15–17.

[3] Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 109.

[4] Романов Н. Переселение крестьян Вятской губернии. Вятка : Тип. Куклина, 1880. С. 20, 31, 36, 42, 51, 58, 71, 78, 86, 92 (подсчеты мои – *Д.Б.*).

Система учета переселенцев в 1860–1881 гг. отсутствовала, поэтому определить точное число переселившихся в Западную Сибирь не представляется возможным. По примерным оценкам А.М. Анфимова, в 1861-е – 1884 гг. за Урал и на восточные окраины прибыло около 300 000 душ или около 10 000 в среднем в год[1]. Эти данные носят весьма приблизительных характер, так как Анфимов использовал сводные данные по ходокам и переселенцам, между тем ходоки после поездки в Сибирь, как правило, возвращались в свою губернию, улаживали дела с продажей имущества и потом уже окончательно переселялись вместе с семьей. В результате одни и те же крестьяне статистикой регистрировались дважды: в первый раз как ходоки, второй раз как переселенцы. Таким образом, сводные данные по ходокам и переселенцам дают нам искаженную картину и могут рассматриваться лишь как ориентировочные.

Более достоверная информация содержится в отчетных данных казенных палат о количестве причисленных переселенцев. Но и эти данные не дают полной картины, так как из статистики выпадают непричисленные переселенцы. При этом дополнительную путаницу вносит то, что в отчетных документах по одним волостям учитывались ревизские и неревизские души, по другим – только ревизские, а в некоторых волостях были учтены отдельно души мужского и женского пола, но не указано ревизские это души или фактические[2]. Более достоверными являются данные комиссии Н.А. Ваганова, которая учла и причисленных и непричисленных: к 1 июля 1882 г. на Алтае находилось 17 860 человек, причисленных переселенцев, 17 942 проживающих без причисления и 8 824 приписанных к городам[3]. Правда, данные комиссии Ваганова дают статистику по переселениям лишь на кабинетские земли Томской губернии.

---

[1] Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М. : Наука, 1980. С. 19.

[2] См.: КГУ ГААК. Ф. Д-2. Оп. 1. Д. 9554. Л. 9–12, 21, 23–23об., 25об., 30–30об., 42–58, 81–81об., 98–98об., 115–115об.

[3] Ядринцев Н. М. Десятилетие переселенческого дела // Вестн. Европы. 1891. Кн. 8. С. 799, 812.

Несмотря на такую специфику источниковой базы, историками была выявлена тенденция постепенного увеличения численности переселяющихся в Сибирь к началу 1880-х гг. Так, сибирские историки В.Н. Владимиров и И.Г. Силина, сгруппировав данные по 6-летним временным отрезкам, выявили неуклонный рост переселявшихся на Алтай. В 1866–1871 гг. в Алтайский округ переселилось 3 691 человек, 1872–1878 гг. – 4 288, 1879–1884 гг. – 9 727 человек[1]. Динамика количества перечисленных томской казенной палатой переселенцев по годам тоже подтверждает тенденцию роста переселений. В 1878 г. было перечислено 1 645 ревизских душ, в 1880 г. – 1 962, в 1881 г. – 2 197, в 1882 г. – 2 205, в 1883 г. – 2 644[2].

По данным Н.М. Ядринцева, в 1868–1879 гг. количество переселяющихся в Томскую губернию не превышало 1 600 человек в год. В 1879 г. оно достигло 2 900 человек, в 1883 г. – 9 000, а в 1884 г. через Томскую губернию прошло даже 21 774 человека[3]. В итоге за 20 лет от освобождения крестьян в Сибирь формально перечислилось не менее 100 000 душ[4].

Как видно из справки, представленной министрам внутренних дел и госимуществ, к началу 1880-х гг. общее число переселяющихся крестьян по всем направлениям достигло 40 000 в год. Переселение предпринималось в абсолютном большинстве по срочным паспортам под видом отправки на заработки. На новых местах новоселы либо приписывались к старожильческим обществам, либо жили без всякой приписки вообще[5].

Практика показала, что правительственный расчет на возможность «самоустройства» крестьян после реформы 1861 г. себя не оправдал, а факто-

---

[1] Владимиров В. Н., Силина И. Г. Демографические и хозяйственные процессы в Томском округе Алтайского горного округа Томской губернии во второй половине XIX в. // Российское крестьянство : от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.) : Сб. науч. ст. Тамбов : изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. Вып. 1. С. 60.

[2] Чудновский С. Л. Переселенческое дело на Алтае (статистико-экономический очерк) // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Иркутск : Тип. газ. «Восточное обозрение», 1889. Т. 1, вып. 1. С. 25.

[3] Ядринцев Н. М. Из наблюдений над переселенцами в Западной Сибири летом 1892 г. // Землеведение. М. : Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1895. Кн. 4. С. 71.

[4] Он же. Наши выселения и колонизация // Вестн. Европы. 1880. №. 6. С. 470–471.

[5] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 26.

ры, сдерживавшие крестьянские переселения, могли на практике ограничить только законные переселения. Но никакие ограничения не могли прекратить процесс самовольного ухода крестьян из деревень. Ничто не мешало крестьянину бросить «надел-разоритель» и переселиться по паспорту, под видом ухода на временные заработки. Именно так поступил, к примеру, крестьянин Воронежской губернии Д. Ялфимов, который взял паспорт и тайно ушел на переселение («убегом, воровски, чтоб волостные не поймали»)[1]. Похожим образом поступили 8 домохозяев из Симбирской губернии – земельные наделы у них были по 25 сажен на душу, покосов мало, леса не было совсем. Крестьяне просто побросали свои дома, продали имущество и ушли в Сибирь (один домохозяин в 1866 г., остальные в 1878 г.)[2].

Отчасти самовольные переселения были обусловлены еще и значительными затратами, которые необходимо было сделать для законного переселения. Например, в Вятской губернии МГИ имело в своем распоряжении значительный резерв свободных земель и всегда удовлетворяло просьбы крестьян о переселении. Но крестьяне чаще предпочитали переселяться самовольно, без всяких разрешений, находя такой способ менее затратным. При законном переселении крестьянам приходилось оплачивать каждый шаг – платить обществу за увольнение, за скорейшее движение дела и за перечисление казенной палатой. Общая сумма расходов с одного селения в 40–50 душ составляла в итоге 700 – 1 000 рублей[3].

Однако основная причина самовольных переселений была связана с правительственной политикой. Некоторые крестьяне пытались переселиться на законных основаниях и подавали соответствующие прошения. В 1876–1881 гг. в МГИ поступило более 1 000 таких прошений от 11 000 душ с

---

[1] Дудоладов А. Очерк переселенческого в Сибирь движения // Зап. Зап.-Сиб. отд. имп. рус. геогр. об-ва. 1886. Кн. 8, вып. 1/2. С. 27–28.

[2] Чудновский С. Л. Переселенческое дело на Алтае (статистико-экономический очерк) // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Иркутск : Тип. газ. «Восточное обозрение», 1889. Т. 1, вып. 1. С. 39–40.

[3] Ядринцев Н. М. Наши выселения и колонизация // Вестн. Европы. 1880. №. 6. С. 453.

просьбами о разрешении переселиться и об отводе казенной земли. Эти прошения оставались без удовлетворения, поскольку в правительстве имело место опасение, что предоставление крестьянам права на переселение может вызвать надежды на дополнительное наделение их землей. Считалось, что раз правительство уже устроило поземельный быт сельского населения, то не должно «раздавать ценные казенные земли для удовлетворения временных случайных надобностей»[1].

Нередкими были случаи, когда шедшие на Дальний Восток переселенцы останавливались в Западной Сибири и водворялись либо с согласия местной администрации, либо самовольно[2].

Пытаясь бороться с самовольными переселениями, в некоторых европейских губерниях администрация ограничивала выдачу паспортов[3]. В 1871–1884 гг. вышла целая серия циркуляров, предписывавшая следить, чтобы переселенцы имели все нужные документы для перечисления, иначе им не разрешалось водворение и обзаведение хозяйством. В результате они были вынуждены скрываться, живя иногда по 15–17 лет с просроченными паспортами. Таких непричисленных переселенцев иногда обнаруживали сотнями[4], а их количество постоянно увеличивалось. К 1885 г. в Бийском, Барнаульском, Кузнецком и Томском округах Томской губернии проживало без причисления 17 942 ревизских души[5]. К концу 1870 г. число переселенцев в Уфимской и Оренбургской губерниях достигло 100 000 душ[6].

Нередко самовольные переселенцы образовывали целые поселки без ведома администрации. Так, «пришедшими по собственной инициативе» крестьянами из Пензенской губернии в 1862 г. образована д. Александровка (Го-

---

[1] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 23–24.
[2] РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 627. Л. 1; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. С. 137–140.
[3] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 437. Л. 148–148об.
[4] Ядринцев Н. М. Десятилетие переселенческого дела // Вестн. Европы. 1891. Кн. 8. С. 812.
[5] Ваганов Н. А. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. СПб. : [Б.и.], 1885. Таблица XXXV.
[6] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 148об.

топутовская волость), переселенцы из Харьковской губернии (53 двора, 355 душ обоего пола) были причислены к д. Шулындиной[1]. В Бельагачской степи до середины XIX в. русских поселений вообще не было, а к 1880-м гг. сформировался уже постоянный контингент из русских, в основном воронежских крестьян[2].

По приказу губернатора от 30 декабря 1883 г. прошла перепись непричисленных крестьян великороссийских губерний. Анализ ведомостей волостных правлений с именными списками непричисленных переселенцев позволяет сделать заключение, что часть переселенцев к моменту переписи проживали в статусе «непричисленных» продолжительный период времени. Например, в Колыванской волости значилось 33 «непричисленных» домохозяина, из которых 7 прибыли в 1881 г., и по одному – в 1876 и 1867 гг., а у отдельных переселенцев дата прибытия была еще более ранняя. Так, крестьяне Московской губернии Е. Собакин, Г. Меднов, Иван и Ларион Афонины прибыли соответственно в 1859, 1854 г, 1842 и 1838 гг.[3]

Реакцией правительства на самовольные переселения стало издание законодательных актов, разрешавших самовольным переселенцам официальное причисление в местах нового водворения. Это разрешение сначала коснулось крестьян, самовольно поселившихся в Оренбургской и Уфимской губерниях[4], затем в Тобольской и Томской. Все недоимки в прежних обществах перечислялись по месту нового водворения, а для переселенцев Тобольской и Томской губерний выплата недоимок осуществлялась в рассрочку на 4 года[5].

---

[1] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : в 20 кн. Вып. 1–22. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб. : Альфарет, 2010. Кн. 3. Вып. 3. Ч. 1. С. 16.

[2] Итоги статистического обследования Бельагачской степи Змеиногорского уезда Томской губернии, произведенного в 1908 году чинами Алтайского переселенческого отряда. Барнаул : Паровая тип. П. В. Орнатского, В. А. Шпунтовича и К°, 1909. С. 11.

[3] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 592. Л. 2–4об., 95, 193.

[4] О распространении Высочайше утвержденного 9 апреля 1869 года положения Главного Комитета о переселенцах Оренбургской губернии на губернию Уфимскую и на проживающих в сих губерниях горнозаводских мастеровых казенных и частных заводов и бывших удельных крестьян // ПСЗРИ. Собр-е 2-е. СПб., 1874. Т. 46. Отд. 1. № 49230.

[5] О переселенцах Тобольской и Томской губерний, водворившихся там с давнего времени // ПСЗРИ. Собр-е 2-е. СПб., 1878. Т. 51. Отд. 1. № 56571.

После переписи 1883 г. последовало распоряжение Кабинета о причислении новоселов к старожильческим селениям без приемных приговоров вне зависимости от размеров среднедушевых наделов старожильческих селений[1].

Государство мирилось со стихийными переселениями не только от беспомощности, но и потому, что понимало их полезность. Практика вольной колонизации показала, что переселения могут иметь положительный эффект, если будут направляться властями[2]. В результате в правительственных кругах на рубеже 1870–1880-х гг. наметился переход от пассивно-безразличного отношения к переселениям к их узаконению и регулированию. Отчасти это произошло под влиянием роста самовольного переселенческого движения, которому было необходимо придать упорядоченный характер в рамках правового поля. Многие чиновники, включая губернаторов и генерал-губернаторов, указывали на ненормальность существующего положения в переселенческом вопросе, предлагали развивать крестьянские переселения, создать специальное учреждение по переселенческим делам, выделять деньги на переселенческие нужды[3].

Местные земские учреждения ряда черноземных губерний (Тамбовской, Курской, Воронежской) также выступили с инициативой принять меры по облегчению переселений на свободные казенные земли для малоземельных и безземельных крестьян[4]. Активно обсуждался переселенческий вопрос в прессе и публицистике. Причем отдельные исследователи были достаточно осторожны в переселенческом вопросе и считали, что переселять

---

[1] Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX века : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1970. С. 20.

[2] Никоненко Д. В. Переселенческая политика в российском законодательстве 1861–1889 гг. : автореф. дис…канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 2006. С. 18.

[3] Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1876 г. [Б.м. : б.и, б.г.] С. 2–3; РГИА. Ф. 707. Оп. 1. Д. 137. Л. 16об.–17об., 19; ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 369. Л. 4об.–5, 13; Д. 1221. Л. 16–16об.

[4] Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX века : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1970. С.17.

необходимо лишь тех, кто испытывает «недостаток земли и труда», а свободные переселения являются злом, которое лишь приучит крестьян к шатанию[1].

Однако большинство исследователей переселенческого вопроса указывали на прямые выгоды от развития крестьянских переселений. Некоторые современники указывали на пользу переселений с точки зрения фискальных интересов казны[2].

Активно включились в обсуждение переселенческой проблемы с начала 1880-х гг. либералы и народники[3], призывавшие в периодической печати и публицистических работах в 1880-х гг. к либерализации переселенческой политики. Наиболее аргументированно в пользу развития переселений высказался Н.М. Ядринцев. Необходимость развития крестьянских переселений он тесно связывал с растущим крестьянским малоземельем, которое уравновешивалось наличием свободных пустующих земель в Сибири. В развитии колонизации Ядринцев видел немалые выгоды и для государства: освоение естественных природных богатств Сибири, создание предпосылок для развития промышленности, увеличение государственных доходов, усиление в Сибири русского элемента и усиление позиций России в Азии. Последнее понималось уже как необходимость ввиду потенциальной угрозы со стороны Японии и Китая. Он отмечал, что Россия далеко еще не воспользовалась всеми выгодами своих территориальных приобретений, которые можно будет извлечь только при условии заселения пустынных пространств[4]. Н.М. Ядринцев отмечал слабую заселенность Сибири, констатировал, что «колонии наши слабы, бессильны и бедны». Перевес русского населения на востоке, добавлял Ядринцев, окажет значительное влияние на наше политическое положе-

---

[1] Берг И. Н. По вопросу о переселении крестьян. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1882. С. 2–6, 10.

[2] Лыкошин Н. С. Переселение и переселенцы. Самарканд : Типо-литогр. Н. В. Полторанова, 1892. С. 64; Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 98.

[3] Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начале XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. С. 114.

[4] Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. С. 147–150, 160–162.

ние в Азии. Н.М. Ядринцев связывал процесс колонизации с необходимостью противостоять выходящим из «застоя» Японии и Китаю[1]. В похожем ключе высказывался Ф.М. Уманец, открыто писавший, что российская колонизация на востоке имеет военное значение и что всякое завоевание, не опирающееся на надежный этнографический материал, непрочно. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами, а хорошо проведенная колонизация не только оградит нашу границу в случае столкновения с Китаем, но и предупредит само столкновение[2].

Переход правительства в переселенческом вопросе от пассивного и безразличного отношения к признанию его значимости и важности с государственной точки зрения не был простым. Некоторые чиновники высокого ранга даже на рубеже 1870–1880-х гг. считали государственную поддержку переселений невозможной. Так, в 1879 г. черниговское губернское земство подало ходатайство об изменении для крестьян этой губернии общего порядка переселений. Свое ходатайство они обосновывали необходимостью улучшить экономическое положение крестьян, страдавших от малоземелья, высоких арендных цен, истощения почвы и пр.[3] Возглавлявший в конце 1870-х гг. МГИ Валуев рекомендовал отклонять ходатайства о переселении на казенные земли. Свое мнение он обосновывал тем, что правительство уже устроило быт крестьян и не обязано более заниматься этим вопросом и раздавать ценные казенные земли[4].

Однако в правительстве существовало и иное мнение по переселенческому вопросу. Сторонниками легализации и развития крестьянских переселений были глава Верховной распорядительной комиссии М.Т. Лорис-Мели-

---

[1] Ядринцев Н. М. Наши выселения и колонизация // Вестн. Европы. 1880. №. 6. С. 483, 485.

[2] Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1884. С. 33–34.

[3] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 104–105.

[4] Розенберг В. Из хроники крестьянского дела // Очерки по крестьянскому вопросу. М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1904. Вып. 1. С. 178.

ков[1] и министр финансов Н.Х. Бунге. В записке «О финансовом положении России», представленной Александру II 20 сентября 1880 г., Бунге отмечал факт аграрного перенаселения, указывал на растущее малоземелье, неурожаи, сокращение поголовья скота, в результате чего прекратилось исправное поступление налогов и выкупных платежей. Главным средством решения этих проблем Н.Х. Бунге считал переселение излишнего, не могущего прокормиться населения. Он предлагал в качестве колонизационного фонда использовать государственные земли Западной Сибири и Средней Азии, предоставлять переселенцам льготы и пособия от казны, а также устранить препятствия, мешающие переселению крестьян. Речь шла о законодательных нормах, стесняющих увольнение крестьян из прежних обществ и причисление их к новым. Идеи Н.Х. Бунге нашли поддержку у А.А. Абазы, М.Т. Лорис-Меликова, а также министра госимуществ Н.П. Игнатьева. В начале 1881 г. в недрах МГИ при участии Куломзина и Ермолова началась разработка переселенческого закона. Правда, после отставки либеральных министров разработка переселенческого закона пошла по менее радикальному пути[2].

Возглавивший при Александре III МВД граф Толстой был более осторожен в переселенческом вопросе. Он считал, что потребность в выселении части крестьян есть только в 7 губерниях Черноземья (Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Курской и Орловской), в 3 малороссийских (Черниговская, Харьковская, Полтавская) и двух волжских (Симбирская и Казанская). В других губерниях имелись свободные земли, и Толстой считал, что крестьян из этих губерний следует расселять в пределах губерний их проживания[3]. Для западных губерний Д. Толстой считал переселение недопустимым по геополитическим соображениям: чтобы не уменьшить в этом районе влияние русского элемента. Для поселения наиболее нуждаю-

---

[1] Никоненко Д. В. Переселенческая политика в российском законодательстве 1861–1889 гг. : автореф. дис…канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 2006. С. 19.

[2] Степанов В. Л. Н. Х. Бунге и вопросы переселенческой политики в 80–90-е годы XIX века // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск : Иркут. гос. пед. ин-т, 1987. С. 108–111.

[3] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 161об.

щихся крестьян Д.А. Толстой предлагал предоставлять широкие льготы в денежных платежах, отбывании воинской повинности, а также путевые и домообзаводственные ссуды с рассрочкой их уплаты. При этом глава МВД хотя и выступал за широкую и планомерную постановку переселений, но решительно отвергал принцип свободы переселений как нежелательный и невозможный по недостатку годных для поселения казенных земель. По его мнению, переселения должны были полностью подчиняться руководящей роли правительства, которое могло бы останавливать переселение, если оно предпринималось недостаточно осмотрительно, без необходимых средств и ясно намеченной цели[1].

Французский историк Ф.-К. Кокен отмечал, что колонизация Сибири развивалась под знаком «дирижизма»[2]. На наш взгляд, понятие «дирижизм» (под которым мы понимаем управляемые государством регулируемые переселения) полностью отражает суть переселенческой политики в последующий период. Термин «дирижизм» очень точно характеризует не только предложения главы МВД графа Д.А. Толстого, но и всю переселенческую политику правительства как минимум до 1906 г. Именно задача регулировать переселенческое движение была приоритетной. Фактически она была «высочайше утверждена», когда император 17 мая 1884 г. выразил мнение, что «переселение всецело должно быть направляемо правительством»[3].

Однако даже достаточно осторожные предложения Д.А. Толстого были восприняты отрицательно в правительственных кругах. Так, на совещании министров в присутствии Александра III в предложения Д.А. Толстого были внесены некоторые изменения. Было отвергнуто предложение образовать переселенческие конторы и особое центральное переселенческое учрежде-

---

[1] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 26–27.

[2] Шелегина О. Н. Ф.-К. Кокен о проблемах миграций и адаптации крестьянского населения в Западной Сибири в XIX в. // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 81.

[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 27об.

ние. Решено было ограничиться командированием отдельных чиновников и возложить общее руководство переселенческим процессом на МВД. Госсовет, при обсуждении предложений Д.А. Толстого, не пожелал отойти от недоброжелательного отношения к переселению. Свою позицию члены Госсовета обосновали тем, что причины, побуждавшие крестьян выселяться, исчезли: снизились арендные цены, крестьянский банк теперь облегчает крестьянам покупку земель. Эти меры, по мнению представителей Госсовета, должны были способствовать ликвидации малоземелья и в значительной степени ликвидировать саму причину переселений. Поскольку правила о переселении первоначально предполагалось опубликовать, Госсовет признал необходимым придать им такой вид, который не мог бы служить пищей для преувеличенных надежд и неосновательных ожиданий дополнительных наделов[1].

Необходимо заметить, что опасение вызвать неконтролируемый рост переселений и стремление правительства оставить переселенческое движение в определенных рамках имели под собой некоторые основания. В 1870–1880-х гг. были случаи, когда по распоряжению правительства крестьян информировали о наличии свободных земель и возможности переселяться, что сразу же вызывало ажиотаж. Причем количество желающих переселиться было больше, чем того желало бы правительство[2].

В итоге правительство 10 июля 1881 г. приняло временные правила, которые не подлежали обнародованию. По этим правилам главы МГИ и МВД могли разрешать переселение крестьянам, имевшим недостаточные земельные наделы (менее ⅓ от нормы, установленной Положением 19 февраля 1861 г.)[3].

Выдача разрешений должна была осуществляться на основе результатов обследования экономического быта просителей, производимого местны-

---

[1] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 27–28.

[2] См.: Гурвич И. А. Переселение крестьян в Сибирь. М. : Тип. Левенсон и К°, 1889. С. 100; Ядринцев Н. М. Наши выселения и колонизация // Вестн. Европы. 1880. №. 6. С. 449.

[3] Чиркин Г. Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX – начала XX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг. : 28-ая гос. тип., 1922. Вып. 2. С. 88.

ми крестьянскими учреждениями. Получение такого разрешения освобождало крестьян от двух условий, ранее существенно затруднявших переселение: от предоставления приемных приговоров от общества, куда крестьяне намеревались приселиться, и от обязательной уплаты переселяющимися всех казенных и мирских недоимок и податей. Уплата последних могла быть рассрочена по местам нового водворения на несколько лет в зависимости от платежеспособности новоселов. Предполагалось водворять переселенцев на участках, образованных Министерством госимуществ[1]. Казенная земля переселяющимся в Сибирь передавалась в постоянное или бессрочное пользование[2]. Положением Комитета министров 12 июля 1881 г. для содействия крестьянам, направлявшимся в Западную Сибирь, «в виде опыта» было решено образовать особую контору в с. Батраки у переправы через Волгу[3].

Дальнейшая разработка переселенческого законодательства была возложена на образованную при МВД комиссию под председательством фон Плеве, куда вошли представители МВД, МГИ и минфина. Комиссия предполагала, что разрешать переселение следует только тем, кто ведет самостоятельное хозяйство, и тем, кто имел наделы неудовлетворительного качества. Для организации переселений предполагалось создать особое совещание при Земском отделе МВД, в компетенцию которого входило бы определение числа крестьян, могущих быть допущенными к переселению. Эти предложения комиссии в дальнейшем вызвали замечание глав МГИ и Минфина в части отбора контингента переселенцев администрацией[4].

Закон о переселении, принятый 13 июля 1889 г., стал логическим продолжением правил 1881 г. Этот закон также отражал идею государственного регулирования переселений, что было закреплено в первых двух его пунктах. Переселение было возможно только с разрешения глав МВД и МГИ, разреше-

---

[1] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 107–108.
[2] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 28.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 26–26об.
[4] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 162об.–163об., 165.

ние выдавалось в случае признания заслуживающими удовлетворения причин, вызвавших ходатайство о переселении. Переселявшиеся без упомянутого разрешения подлежали возвращению на места прежней приписки. Для облегчения переселения крестьян закон 1889 г. несколько ослабил давление общины на желавших переселиться – получившие разрешение на переселение не обязаны были испрашивать увольнительный приговор от своего общества. Новизна закона 1889 г. заключалась в предоставлении переселенцам определенных льгот – освобождение переселяющихся в Сибирь на 3 года от любых казенных сборов и арендных платежей за отведенные земли, а в последующие 3 года новоселы платили сборы в половинном размере. Переселенцы могли воспользоваться ссудами на продовольствие и семена, а также освобождались от недоимок по уплате выкупных платежей, казенных, земских и мирских сборов. Все эти недоимки перекладывались на общество, которое покидал переселенец. Продовольственные недоимки не более четверти ржи или пшеницы и половины четверти овса или ячменя на каждую ревизскую душу слагались со счетов. Одновременно закон 1889 г. придавал легальный статус самовольным переселенцам, прибывшим ранее в Западную Сибирь, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области. Таким крестьянам должны были высылать по месту нового проживания увольнительные свидетельства, причем выдача последних для обществ была обязательной. Все недоимки переводились по месту нового водворения[1].

В отличие от правил 1881 г. закон 13 июля 1889 г. не только был опубликован в Полном собрании законов, но и государство позаботилось, чтобы льготы, содержащиеся в этом законе стали известны переселяющимся. Министр внутренних дел Дурново 22 февраля 1890 г. разослал губернаторам циркуляр, где обязал разъяснять переселенцам все условия, льготы, а также указывать переселяющимся направление пути до избранной местности с

[1] О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1891. Т. 9. Отд. 1. № 6198.

предоставлением информации о продолжительности пути и стоимости проезда[1].

Закон 1889 г. имел немало общего с дореформенным законодательством времен переселений, организованных графом П.Д. Киселевым. В 1840–1850-е гг. государство предоставляло переселенцам податные льготы на 8 лет (4 года – полное освобождение, в последующие 4 года оброчная подать платилась в половинном размере), льготы по рекрутской повинности на 3 года, а также безвозвратные пособия (35 рублей на семью) и отпуск земледельческих орудий с необходимым числом рогатого скота (в пределах до 20 рублей)[2]. По сути льготы для «киселевских» переселенцев были даже более обширными, чем для переселяющихся по закону 1889 г. Это можно объяснить тем, что закон 1889 г. принимался для регулирования переселенческого движения, но не поощрения. Кроме того, можно предположить, что правительство опасалось расширенными льготами вызвать неконтролируемый рост переселений.

На практике вышло, что закон 1889 г., с одной стороны, содержал положения, нацеленные на поддержку переселений, с другой – создавал некоторые препятствия для переселяющихся. Так, п. 13 содержал положение о том, что не выкупленные окончательно сельские наделы оставались в обществе[3]. На практике применение этого требования означало, что переселенцы лишались права на денежную компенсацию за оставляемые в общине не выкупленные наделы. Это правило соблюдалось даже в начале XX в. Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют, что ходатайства переселенцев получить какие-то деньги за оставленную на родине землю завершались отказами, причем со ссылкой именно на п. 13 закона 1889 г.[4]

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 12. Л. 1аоб.
[2] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 74–75.
[3] О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1891. Т. 9. Отд. 1. № 6198.
[4] ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 759. Л. 263, 493, 675, 797.

Собственно п. 13 не содержал в себе прямого указания оставлять не выкупленные наделы общине именно безвозмездно, но на практике люди, от которых зависло исполнение этого закона, толковали его именно таким образом. Это можно объяснить доминировавшим на тот момент в сознании чиновников стереотипом о необходимости поддержки и укрепления общины и невозможности уступки надельной земли за деньги. В дальнейшем в начале XX в. ряд губернских совещаний инициировали отмену пункта о безвозмездной передаче обществам наделов переселяющихся. На основании заключений губернских совещаний был сделан вывод, что «жизнь совершенно разошлась с началом, поставленным законом 13 июля 1889 г.»[1].

Временные правила 1881 г. и закон 1889 г. преследовали 2 основные задачи: противодействие земельной тесноте в Европейской России (именно эту задачу имел в виду граф Д.А. Толстой, предлагавший ограничить переселения крестьян только из губерний, где была земельная теснота) и регулирование переселенческого движения.

На практике переселение проводилось в столь скромных размерах, что просто не могло решать проблему растущего аграрного перенаселения в масштабах губерний и районов. В этом смысле поставленные правительством задачи были взаимоисключающими. Стремление регулировать переселенческое движение неизбежно вело к тому, что задача борьбы с аграрным перенаселением отходила на второй план. Со времени издания временных правил 1881 г. официальное разрешение на переселение получили: в 1881 г. – 15 семей, в 1882 г. – 33, в 1883 г. – 377, в 1884 г. – 550, в 1885 г. – 1 277, в 1886 г. – 5 490, в 1887 г. – 9 094, в 1888 г. – 13 109 семей. С изданием закона 1889 г. количество выданных разрешений не только не возросло, но даже уменьшилось: в 1889 г. разрешения получили 2 102 семьи, в 1890 г. – 7 594 и в 1891 г. – 7 593 семьи[2].

---

[1] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 437. Л. 150–150об., 249об., 260об., 477об.–478.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 28об.

Отличительной чертой второго периода переселенческой политики (1881–1892 гг.) стала тенденция к увеличению переселенческого движения в Сибирь не только абсолютно, но и относительно. Если в 1861–1880 гг. переселенцы в основном стремились на Северный Кавказ, в Новороссиию и Заволжье, то в 1881–1892 гг. вектор крестьянских миграций явно смещается с юга на восток. Отчасти это было связано с постепенным истощением свободных земель в колонизуемых губерниях Европейской России. В 1881–1882 гг., по оценкам МГИ, в губерниях Европейской России под переселение можно было выделить лишь 1 500 000 десятин[1]. На Северном Кавказе с 1882 г. образование новых селений на казенных землях было вообще прекращено и отвод земель для новоселов производился в исключительных случаях[2].

Фактически восточное направление переселений становится для крестьян черноземных губерний главным. Крестьяне уходили «в самару», подразумевая под этим термином все заволжские земли. Причем большинство ушедших «в самару» оседали в Уфимской, Оренбургской губерниях и в Сибири[3]. Тенденция роста переселяющихся в Сибирь очевидна: если в 1877–1881 гг. в Сибирь направлялось лишь 2,2% переселявшихся из Полтавской губернии, то в 1887–1891 гг. уже 17,3%, а в 1892–1893 гг. вообще 70,6%[4]. Статистические материалы Рязанской губернской земской управы показывают, что в 1877–1881 гг. из Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии выселилось 1 078 семей, из них 988 направились в Томскую губернию (Бийский уезд)[5].

---

[1] Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1884. С. 10–11.

[2] Абрамов Я. Переселение и частная инициатива // Путь-дорога. СПб. : Типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1883. С. 364.

[3] Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1881. С. 128, 134.

[4] Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. С. 10.

[5] Доклад Рязанской губернской земской управы о переселениях на юг губернии Рязанскому губернскому земскому собрания XVII очередного созыва. Рязань : Тип. наследников З. П. Позняковой, 1881. С. 10, 13.

Количество переселяющихся в Западную Сибирь в 1885–1892 гг. также возросло (см. таблицу 1). Учет переселяющихся в Сибирь был налажен только с 1885 г. Представленные в табл. 1 данные следует рассматривать как ориентировочные, так как они учитывают только тех переселенцев, которые были зарегистрированы при прохождении через Тобольскую губернию.

Таблица 1 – Динамика прямого и обратного движения переселенцев в Азиатскую Россию через Тобольскую губернию в 1885–1892 гг.[1]

Год	Проследовало в прямом направлении (человек)	Водворилось (человек)		Проследовало из Азиатской России	
		в Томской губернии (казенные земли)	в Тобольской губернии	человек	в %% к прямому движению
1885	9 542	–	–	–	–
1886	11 084	–	–	–	–
1887	14 089	3 811	2 337	350	2,5%
1888	25 735	12 496	2 320	1 920	7,5%
1889	27 527	19 763	1 005	1 116	4,1%
1890	32 787	21 255	2 006	1 848	5,6%
1891	64 248	15 990	5 653	1 414	2,2%
1892	75 102	10 064	4 843	888	1,2%
1885–1892	260 114	83 379	18 164	7 536	2,9%

Как видно из табл. 1, налицо не только тенденция роста количества прямых переселенцев за Урал в 1885–1892 гг., но и тенденция роста числа водворяемых. Обращает на себя внимание резкое увеличение переселенцев, прошедших через Тобольскую губернию в 1891–1892 гг. Фактически за эти полтора года прошло больше переселяющихся, чем за 1885–1890 гг. Столь резкий всплеск переселенцев современники связывали в основном с неурожаями 1891–1892 гг., поразившими многие губернии Европейской России. Нельзя не отметить и то, что количество водворенных в Томской губернии было значительно больше, чем в Тобольской. В итоге из общего количества семей, проехавших через Тобольскую губернию в 1887–1892 гг., водворилось в ней лишь 7,4%, тогда как в Томской губернии доля водворенных составила 77%.

[1] РГИА. Ф.560. Оп.27. Д.37. Л.189об.–190, 191об.; Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и на других пунктах) в 1885–1895 гг. Тюмень : Тип. Л. К. Высоцкой, 1899. Вып. 1. С.352–353 (примечание: данные по водворенным и обратным переселенцам за 1892 г. представлены по 1 июля)

Эти данные говорят о том, что для переселяющихся в Западную Сибирь в 1887–1892 гг. Тобольская губерния была в основном транзитным регионом.

Общую тенденцию увеличения количества переселяющихся в Азиатскую Россию в 1885–1892 гг. можно объяснить несколькими причинами. Первой причиной следует считать издание правил о переселении в 1881 г. и закона в 1889 г. Правила 1881 г. хотя и не были опубликованы, но в общих чертах стали известны крестьянам. Всякие правила и законодательные акты крестьяне были склонны преувеличивать и толковать в свою пользу. Сам факт выхода норм, регулирующих переселенческое движение, порождал массу слухов о якобы имевших место широких льготах для переселяющихся, что оказывало стимулирующее влияние на рост переселений. Вторая причина состояла в том, что в 1880-х – начале 1890-х гг. возросло воздействие факторов, способствовавших росту переселений: увеличилось аграрное перенаселение, и обострился агрикультурный кризис, что выразилось в росте переселений из губерний, которые еще в 1860–1870-х гг. имели обширный фонд свободных земель и сами являлись колонизуемыми районами. Так, в 1885 г. из Саратовской, Самарской, Уфимской, Оренбургской и Ставропольской губерний выселилось всего 32 человека. Причем из Саратовской, Оренбургской и Ставропольской выселений в Сибирь зафиксировано не было. В 1890 г. из этих же губерний выселилось 990 человек, а в 1892 г. – 3 825 человек[1]. Третьей причиной следует считать истощение колонизационного фонда в районах, привлекавших переселенцев в 1860–1870-х гг. (Новороссия, Северный Кавказ, Заволжье). В результате произошло перераспределение переселенческих потоков в пользу Сибири.

Статистика по обратным переселенцам показывает, что абсолютное большинство переселенцев осталось в Сибири, доля обратных переселенцев была невелика и не превышала 7,5%, а в отдельные годы вообще снижалась

[1] Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и на других пунктах) в 1885–1895 гг. Тюмень : Тип. Л. К. Высоцкой, 1899. Вып. 1. С. 250–251. (подсчеты мои – *Д.Б.*)

до малозначимых величин (2,2 и 2,5%). Обращает на себя внимание также некоторая волнообразность динамики обратных переселений. По отдельным годам колебания в движении возвращающихся из Сибири крестьян хоть и не очень значительны, но заметны: в 1887 г. – 2,5%, в 1888 г. – 7,5, в 1889 г. – 4,1, в 1890 г. – 5,6, в 1891 г. – 2,2, в первом полугодии 1892 г. – 1,2%. Особенно заметной выглядит тенденция падения количества и доли обратных переселенцев в 1891–1892 гг. Это можно объяснить общим неурожаем в губерниях Европейской России.

Переселения в 1880-х – начале 1890-х гг. в основной массе были самовольными. К примеру, в 1889 г. правительство выдало разрешения на переселение для 2 102 семей (включая планировавших переселяться в пределах Европейской России). При этом за Урал через пункты Тобольской губернии проследовали 4 492 семьи. В 1891 г. разрешение переселиться получили 7 593 семьи, а за Урал проследовало 11 213 семей[1]. Часто самовольно переселяющиеся крестьяне даже образовывали поселки. К примеру, в Тургайской степи возле г. Кустанай образовалась большая группа крестьянских поселков, население которых к 1896 г. достигло 9 000 человек. Во второй половине 1880-х гг. в Сыр-Дарьинской области было основано 13 крестьянских поселков, а в 1891–1892 гг. в этот край нахлынуло до 12 000 переселенцев, образовавших 23 новых поселения[2]. Поток переселенцев в Сибирь, особенно в 1891–1892 гг. был настолько большим, что 6 марта 1892 г. специальным циркуляром правительство временно приостановило выдачу разрешений на казенные и кабинетские земли[3].

Самовольные переселения противоречили задаче правительства по контролю и регулированию переселенческого движения. Поэтому в губерни-

---

[1] Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и на других пунктах) в 1885–1895 гг. Тюмень : Тип. Л. К. Высоцкой, 1899. Вып. 1. С. 352–353; РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 28об.

[2] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 31.

[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 29.

ях выхода администрация пыталась бороться против самовольного ухода крестьян на переселение, и сам факт самовольных переселений вызывал резкую реакцию центральных ведомств. Так, 20 июля 1892 г. глава МВД направил одному из губернаторов в Европейской России циркуляр, где требовал предупреждать самовольное выселение крестьян, воспрещать выдачу паспортов для тех, кто под видом отлучек на заработки идет на переселение. Обосновывал такую политику глава МВД тем, что предпринимающие недозволенное переселение крестьяне в большинстве случаев полностью разоряются, и в предупреждение этого разорения следует самовольные переселения пресечь. Далее глава МВД сослался на случаи, когда земские начальники «обнадеживали» переселяющихся с надлежащего распоряжения возможностью получения различного рода пособий по прибытии на новое место жительства. Далее министр приказал губернатору разъяснить должностным лицам и учреждениям, что на основании закона 1889 г. переселение на казенные земли производится исключительно за собственный счет без всякого пособия со стороны казны[1].

Попытка противодействия самовольным переселениям в губерниях выхода административными методами нередко вызывала даже волнения среди крестьянства. За 1880-е – первую половину 1890-х гг. 21,8% всех крестьянских выступлений в Полтавской губернии было связано с требованиями переселения на казенные земли. В Черниговской губернии этот показатель был еще выше – 28,9%[2].

Административные меры не давали положительного эффекта. В Акмолинской области несмотря на то, что в 1884–1888 гг. администрация неоднократно заявляла об отсутствии в области свободных земель, к лету 1890 г. скопилось до 18 000 переселенцев[3]. После неурожаев 1891–1892 гг. их количество в Степном генерал-губернаторстве увеличилось. Часть из них блужда-

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 13. Л. 39об.–40.
[2] Якименко Н. А. Переселение крестьян Украины на окраины России в период капитализма (1861–1917 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Киев, 1989. С. 16.
[3] С. Ф. Очерк колонизационного движения в Акмолинскую область // Рус. богатство. 1894. № 2. С. 191, 201.

ли по различным местностям, другие временно где-нибудь пристраивались в ожидании законного водворения. Ввиду значительного и все возрастающего количества таких переселенцев, как отмечал степной генерал-губернатор, их административная высылка была мерой невыполнимой[1].

Правительство понимало, что бороться с самовольными переселениями путем высылки таких переселенцев обратно в губернии выхода невозможно. В 1880-х гг. было выпущено несколько циркуляров, которые предоставляли легальный статус самовольным переселенцам. Так, секретным циркуляром МГИ от 15 мая 1882 г. переселенцам, прибывшим без установленных документов, разрешалось арендовать свободную казенную землю. Этот циркуляр исполнялся на практике. Так, прибывшим в 1886 г. переселенцам из Пермской губернии было разрешено арендовать свободные казенные земли у дер. Митрофановки (Томская губерния)[2].

После выхода закона 1889 г. практика устройства самовольных переселенцев сохранялась. Хотя закон 1889 г. формально требовал применять по отношению к ним административные меры, но де-факто уже в самом начале 1890-х гг. это требование не выполнялось, а главы МВД и МГИ подняли перед императором вопрос о водворении самовольных переселенцев в местах прибытия. Сначала было получено Высочайшее соизволение на водворение 4 218 душ самовольных переселенцев в степных областях. За этим последовали распоряжения о водворении всех самовольных переселенцев, прибывших в Западную Сибирь до 1 января 1892 г. и в течение всего 1892 г. К таким самовольным переселенцам было решено применять закон 1889 г.[3]

Аналогичную инициативу проявила и администрация Алтайского округа. 17 января 1890 г. начальник округа направил в Кабинет предложение распространить на самовольных переселенцев закон 1889 г. Обоснованием этого было массовое скопление непричисленных переселенцев, многие из которых проживали в старожильческих селениях и подвергались поборам и эксплуата-

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 7–7об.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 253. Л. 5–6.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 29.

ции со стороны местного населения. Указав на ненормальность такой ситуации, начальник Алтайского округа выступил также с инициативой установить единообразие переселенческих правил на казенные и кабинетские земли. В письме к губернатору Томской губернии ровно через год – 17 января 1891 г. начальник Алтайского округа выступил с предложением причислять непричисленных переселенцев в административном порядке даже без приемных приговоров от старожилов[1].

В итоге было решено и в Алтайском округе применить закон 1889 г. для устройства самовольных переселенцев, прибывших до его издания. В феврале 1890 г. глава МВД направил томскому губернатору циркуляр, в котором распорядился собрать сведения обо всех переселенцах, прибывших в губернию до издания правил 13 июля 1889 г., с последующим их перечислением. Причем в примечании упоминалось о переселенцах, проживавших по ежегодно возобновляемым паспортам. Таких переселенцев следовало вносить в списки только по их собственной просьбе. При этом министр внутренних дел подчеркнул необходимость скорейшего устройства таких самовольных переселенцев[2].

В дальнейшем правительственное отношение к самовольным переселенцам отличалось крайней непоследовательностью. В циркуляре 6 марта 1892 г. глава МВД потребовал возвращать этапным порядком всех переселенцев, направляющихся в Сибирь без надлежащих документов. 8 мая 1892 г. это требование было разослано от имени тобольского губернатора чиновникам по крестьянским делам, окружным исправникам и тобольскому полицмейстеру как приказ на исполнение. Но уже 19 мая того же года тот же губернатор разослал другой циркуляр, где сообщил о Высочайшем повелении устраивать таких самовольных переселенцев на казенных землях Томской и Тобольской губерний, перечислять их на основании закона 13 июля 1889 г. и требование возвращать этапным порядком самовольных переселенцев было отменено[3].

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2239. Л. 7–8об., 27–28об.
[2] Там же. Л. 6–6об.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–19.

Подобная же практика продолжилась и в последующие годы. Командированный в Сибирь в 1892 г. кн. Голицын обнаружил в Тобольской губернии многочисленных самовольных переселенцев, которые находились в бедственном положении. Выселение их (как того требовал закон 1889 г.) кн. Голицын счел неудобным. Аналогичные сообщения поступали из других местностей Сибири в МВД и МГИ[1]. На устраиваемых в 1893 г. переселенцев, самовольно прибывших в Томскую и Тобольскую губернии в 1892 г., распространялись льготы, положенные п. 11–14 закона 13 июля 1889 г. По этому поводу товарищ министра внутренних дел Плеве даже направил специальное разъяснение тобольскому губернатору[2].

При всех недостатках и противоречиях переселенческого законодательства нельзя не отметить и явно положительные сдвиги в правительственной политике. До издания закона 13 июля 1889 г. в распоряжение МВД отпускался кредит на ведение переселенческого дела в Европейской России и Сибири всего в размере 20 000 рублей в год (не считая расходов на содержание учреждений). В 1890 г. этот кредит был увеличен до 80 000 рублей, причем 60 000 из них предполагалось тратить на выдачу домообзаводственных ссуд переселенцам. В этом же объеме кредиты выдавались в 1891–1893 гг.[3] 15 сентября 1890 г. на Втором общетарифном съезде представителей русских железных дорог был принят льготный тариф[4]. Эти меры способствовали улучшению общей постановки переселенческого дела, свидетельствовали о трансформации правительственных взглядов на переселение.

С 1893 г. начинается особый этап колонизации Сибири, связанный с деятельностью Комитета Сибирской железной дороги (1893–1905 гг.). Создание этого правительственного органа, равно как и само строительство Транссиба, сыграло колоссальную роль в развитии крестьянских переселений в Сибирь

---

[1] Тихонов Б. В. Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. // История СССР. 1977. № 1. С. 110.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 14. Л.3–3об., 8.
[3] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 301. Л. 2–2об.
[4] Родигина Н. Н. Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1997. С. 14.

на рубеже XIX–XX вв. На этом этапе правительство окончательно признало государственную значимость крестьянских переселений в Сибирь. Это видно хотя бы из общего количества законодательных актов, вышедших в это время. С 1890 по 1902 г. вышло около 125 различных законодательных актов о переселенческом деле, тогда как за предшествующее десятилетие – всего 5 законодательных актов аналогичного характера[1].

Один из инициаторов строительства Сибирской железной дороги С.Ю. Витте 1 февраля 1893 г. составил для КСЖД записку, где изложил свои взгляды на будущую постановку переселенческого дела. Этот документ в значительной степени отличался новизной подходов к вопросу о переселениях. Так, Витте одним из первых признал полезным принятие мер не только для облегчения, но и для поощрения крестьянских переселений в Сибирь. Было предложено из сумм, выделяемых на строительство железной дороги, часть средств выделять на пособия для переселенцев и организацию самих переселений. С.Ю. Витте считал, что крестьянские переселения должны решить сразу несколько задач: прочно обеспечить быт малоземельных и безземельных крестьян, которые пожелают переселиться, заселить пустующие районы Сибири, удобные для ведения сельского хозяйства. Была обозначена и причина, по которой следовало развивать и поощрять переселения: переселенцы дадут строящейся железной дороге массу грузов и соответствующее число пассажиров. Правда, С.Ю. Витте сделал оговорку о необходимости в переселенческом вопросе соблюдать надлежащую осторожность[2].

При всей внешней убедительности аргументов, изложенных Витте, не все в правительстве считали эти предложения правильными. В своих мемуарах Витте позднее писал, что идея развивать крестьянские переселения вызвала скрытое противодействие со стороны части бюрократии, в том числе главы МВД И.Н. Дурново, которые хотели бы эту идею вообще похоронить[3].

---

[1] Беркенгейм А. М. Переселенческое дело в Сибири : (по личным наблюдениям и официальным данным). М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. С. 7.
[2] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 2–3, 4–4об.
[3] Витте С. Ю. Воспоминания. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1960. Т. 1. С. 411–412.

Записка С.Ю. Витте обсуждалась на заседании КСЖД 10, 24 и 25 февраля 1893 г. Действительно, не все министры и не со всеми предложениями Витте были согласны. Особые возражения вызвало предложение Витте поощрять переселение малоземельных и безземельных крестьян. Министр МВД считал, что привлечение такого контингента переселенцев даст неудовлетворительные результаты. Сославшись на опыт колонизации Уссурийского края, глава МВД заметил, что его освоение малоземельными и безземельными шло медленно, но после привлечения лиц более состоятельных колонизация пошла успешнее[1].

В ноябре 1893 г. Земский отдел МВД составил предложения по вопросам колонизации Сибири. В этом документе ставился вопрос о значимости переселенческого движения не с точки зрения борьбы с малоземельем в Европейской России, а с точки зрения успешности колонизации Сибири. Авторы документа отметили, что имущественное положение участников переселенческого движения не способствует успешному достижению целей колонизации. Далее была высказана мысль о государственной значимости колонизации Сибири и о необходимости искать людей, могущих решить эту задачу, «в среде имущественно состоятельного населения Европейской России»[2].

Мысль о переселении в интересах колонизации состоятельных крестьян вызвала возражения у многих губернаторов. К примеру, во время работы Особого совещания, образованного при МВД для обсуждения некоторых вопросов по переселенческому делу в феврале–марте 1894 г., харьковский, полтавский и орловский губернаторы высказались против подбора колонизационного элемента по имущественному принципу[3].

Несмотря на эти возражения, в дальнейшем именно мысль о необходимости привлекать на переселение крестьян определенного достатка стала для правительства главной. Это в корне противоречило не только идее С.Ю. Вит-

---

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 11.
[2] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 75–83.
[3] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 266об., 268.

те, но и той задаче, что была поставлена правительством в 1880-е гг. Переселение перестало пониматься как средство борьбы с малоземельем и безземельем. Одной из приоритетных задач стала колонизация Сибири.

В 1894 г. глава МВД разослал циркуляр, в котором фактически были заложены основы нового переселенческого курса. В циркуляре были обозначены 2 главнейшие задачи: необходимость удерживать переселенческое движение в определенных рамках, так как широкое развитие переселенческого движения могло бы поколебать установившиеся хозяйственные условия целых районов и вызвать нежелательные осложнения, и ориентироваться на переселение состоятельных и многорабочих семей. На местные власти была возложена функция тщательно обследовать экономическое положение семьи просителя, сельского общества и даже волости, к которым он приписан. Чиновники должны были выяснять сведения о размере и качестве наделов желающих переселиться, количестве скота, степени их материального благосостояния и о размере недоимок. Все эти сведения местные чиновники должны были вместе со своим заключением представлять в губернское присутствие, которое затем передавало вопрос на рассмотрение в МВД. В этом же циркуляре министр писал, что переселение должно совершаться за счет переселенцев, без пособий от казны. И лишь находящимся в особо неблагоприятных условиях можно будет оказывать некоторую помощь от казны. При этом предполагалось, что переселение будет разрешаться только в случае крайней необходимости, когда будет признано, что у крестьян нет иной возможности поправить свое положение. Количество переселяемых из конкретного селения не должно быть излишне большим – наделы остающихся в обществе после отъезда переселенцев не могли превысить высшей или указанной для данной местности Положением 19 февраля 1861 г. нормы на д.м.п. За МВД и Министерством земледелия и госимуществ (МЗиГИ) сохранялось право отклонять прошения о переселении в случае истощения запаса переселенче-

ских участков в местности, избранной просителями. До получения официального разрешения просителям запрещалось распродавать свое имущество[1].

Переселенец должен иметь средства на дорогу (около 25 рублей на каждого члена семьи старше 5 лет), а также не менее 300 рублей на обзаведение хозяйством[2]. В Черниговской губернии в 1894 г. земский начальник 1 участка Новозыбковского уезда объявлял, что переселенцы должны иметь для переезда семьи из 6 душ не менее 275 рублей, а по прибытии на место для обзаведения хозяйством по 100 рублей на семью[3]. Эти требования местные чиновники старались выполнять. Так, в 1896 г. могилевский губернатор сообщал в МВД, что было подано 27 058 ходатайств о переселении, но число удовлетворенных или подлежащих удовлетворению ходатайств было относительно небольшим – 4 717, еще 125 семей получили разрешение от МВД. Большое число отказов губернатор объяснил тем, что большая часть ходатайств была подана крестьянами, не имевшими достаточных средств на переселение. Аналогичным образом действовали и другие губернаторы[4].

Попытка правительства ограничить контингент переселенцев крестьянами среднего или большого достатка была нелогичной, поскольку к переселению во многом стремились именно крестьяне, не имевшие средств. Показательным можно считать пример с прошением казака хутора Ячного (Полтавская губерния), который в 1899 г. подал прошение о переселении в Алтайский округ. Прошение начиналось с фразы: «Находясь в бедственном положении по неимении средств к жизни…». И именно эта фраза стала причиной для отказа в удовлетворении прошения – «Недостаток у просителя необходимых для устройства в Сибири денежных средств»[5].

Не менее показателен и пример крестьян Бессарабской губернии, которые подали прошение о переселении. Свою просьбу мотивировали малоземе-

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 39об.–40об.
[2] Пешехонов А. В. Земельные нужды деревни (по работам сельскохозяйственных комитетов) // Рус. богатство. 1903. № 11. С. 116–117.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 907. Л. 132.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 20. Л. 8–9, 74, 82–83об.
[5] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 110. Л. 125–125об, 128.

льем и безземельем, добавив, что желающих пойти на переселение в их местности (Сорокский и Белецкий уезды) 1 400 душ. Не добившись результата от местной администрации, они в 1901 г. обратились к губернатору, от которого тоже получили отказ. В ответе губернатора говорилось, что каждый переселяющийся должен иметь 150–200 рублей на переезд и первоначальное обзаведение. На это крестьяне заметили, что если бы имели 150–200 рублей, то и не думали бы переселяться[1].

Помимо малоимущих крестьян, местная администрация не разрешала переселение и малосемейным домохозяевам. Считалось, что таким семьям будет трудно устроиться в Сибири, поэтому они тоже получали отказы в ответ на просьбы о переселении. Администрация требовала от крестьян иметь в семье не менее 2 работников. Это требование на практике не всегда соблюдалось, поскольку крестьяне обходили его искусственным соединением семей[2]. Были и случаи волнений среди крестьян на почве применения этих правил. К примеру, в 1897 г. в Витебской губернии местная администрация из 130 поданных ходатайств о переселении удовлетворила лишь 20. Одним из мотивов отказа стала «малосемейность» крестьян. Следствием этого стало возмущение крестьян, получивших отказы, при этом крестьяне кричали, что «… их нечего жалеть, когда они сами себя не жалеют и хотят непременно переселиться в Сибирь». Накал достиг такого предела, что непременный член Городокского уездного по крестьянским делам присутствия Руденко был вынужден скрыться в помещении волостного правления, а разъяренная толпа стала выбивать двери и угрожать, что они «убьют Руденко за невыдачу им проходных свидетельств». В итоге Руденко был вынужден объявить, что выдаст проходные свидетельства всем желающим без исключения[3].

Таким образом, в период деятельности КСЖД задача борьбы с малоземельем в Европейской России посредством переселений была фактически снята, задача колонизации Сибири стала превалирующей.

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 723. Л. 1, 13–13об.
[2] Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 437. Л. 31об.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 104. Л. 3–5.

В действительности практика искусственного подбора переселенцев по размерам семьи или имущественному положению давала весьма скромный результат. Крестьяне находили способы обходить требования правительства. Тобольский губернатор во Всеподданнейшем отчете за 1896 г., имея ввиду имущественное положение, констатировал, что «далеко не все переселенцы представляют из себя элемент, желательный для колонизации»[1].

Другой приоритетной задачей было регулирование переселенческой политики в заданных рамках. Последовательная реализация этой задачи прослеживается на всем протяжения периода деятельности КСЖД.

Как следует из анализа журналов подготовительной комиссии при КСЖД, вопрос о регулировании переселенческой политики обсуждался на самом высшем уровне. Например, на заседаниях 10 и 31 января, 14 и 21 февраля 1897 г. первым пунктом среди обсуждаемых проблем значилось «По вопросу о мерах, направленных к уменьшению случайных переселений». Одним из замечаний подготовительной комиссии было: «… переселение требует от Правительства бдительного наблюдения и постоянного законодательного и административного воздействия». На это замечание последовала Высочайшая резолюция «Несомненно». Далее комиссия выразила мнение, что необходимо допускать заселение постепенно, чтобы число прибывающих «не превышало известного процентного отношения к местному населению». На это предложение последовала резолюция «Верно»[2].

Попытка совместить задачи колонизации Сибири и регулирования крестьянских переселений была изначально невыполнимой. Обе задачи были взаимоисключающими, противоречили одна другой. Но отчасти каждая из них была по-своему логически обоснована. Стремление переселять крестьян с определенным достатком было обусловлено колонизационным значением переселенческой политики. В 1890-х гг. в правительственных кругах одним из приоритетных направлений внешней политики было дальневосточное,

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-479. Оп. 5. Д. 1. Л. 11.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 25, 26об., 27об.

следствием чего стала экспансия России в Китай. В этой ситуации Дальнему Востоку и Сибири отводилась роль тыла, быстрая колонизация которого имела уже не экономическое или социальное, а геополитическое значение. По образному выражению И.Л. Дамешек, активизация переселенческой политики в конце XIX – начале XX в. была связана с реализацией стратегической задачи превращения Сибири в Россию[1].

И дальневосточный вектор колонизации был обозначен достаточно четко введением с 1 марта 1898 г. нового тарифа на перевозку переселенцев и их багажа. Старый тариф $^{3}/_{10}$ копейки с человека за версту заменялся на новый стоимостью в $^{1}/_{4}$ от цены пассажирского билета III класса. В результате вводился принцип постепенного понижения платы в зависимости от увеличения расстояния. Изменился тариф на перевозку имущества переселенцев: вместо $^{1}/_{75}$ копейки с пуда вводилась пониженная ставка в $^{1}/_{100}$. Уменьшая путевые издержки, правительство подразумевало перемещение районов колонизации именно по направлению к Дальнему Востоку[2]. Как видно из материалов журнала заседаний КСЖД, колонизация Амурской области и Уссурийского края была предметом особой заботы правительства[3]. И для ускоренного освоения этого периферийного региона, удаленного от центра страны, с неразвитой инфраструктурой объективно был предпочтительнее контингент колонизаторов с некоторым начальным капиталом. Логика правительства понятна. Но в условиях прогрессирующего аграрного перенаселения, агрикультурного кризиса и регулярно повторяющихся неурожаев ежегодно на переселение стремились по большей части не имущественно состоятельные крестьяне, а те, которые видели в переселении возможность улучшить свое благосостояние. Поэтому фактически правительственная логика входила в противоречие с желаниями самих крестьян.

---

[1] Дамешек И. Л. Политика государственной колонизации и этнодемографические процессы в Сибири XIX – начала XX вв. // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. С. 93.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 393. Л. 12.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 4. Л. 19, 22, 62об.–64.

Была своя логика и в стремлении государства регулировать переселенческое движение в определенных рамках. В правительстве более всего опасались (и не безосновательно) неконтролируемого роста количества переселенцев, которых трудно будет устроить в Сибири. При ограниченности межевых сил и отсутствии точных знаний о размерах колонизационного фонда Сибири правительство должно было установить некоторый максимальный предел переселенческому потоку. Отсюда – боязнь каким-то образом «спровоцировать» крестьян на переселение. Было опасение, что свобода переселений повлечет развитие «вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении», будет представлять угрозу экономической и социальной стабильности[1]. Мнение, что обнародование закона о переселении с предоставлением льгот поднимет массы крестьян, вовсе не нуждающихся в переселении, в середине 1890-х гг. разделяли главы МВД, МИДв и С.Ю. Витте[2].

Практика показывала, что среди переселяющихся был определенный (хотя и не очень большой) процент крестьян, ехавших без четко поставленной цели. О таких крестьянах писал в своем отчете А.Н. Куломзин, констатировавший, что среди переселенцев имелись такие, которые переселялись по причине «народ пошел, ну и мы пошли»[3].

Государство использовало три регулирующих механизма: 1) сокрытие от переселенцев законодательных актов, где обозначались положенные новоселам льготы, 2) административные меры, связанные с временными запретами на переселение и посылку ходоков, 3) распространение среди крестьян правильных сведений о Сибири.

Практика содержания в тайне всех нормативных актов, касавшихся переселенческого дела, была характерной для всего периода деятельности КСЖД. Разработанные правительством льготы на проезд, правила о ссудах или по устройству самовольных переселенцев часто не публиковались, а вы-

[1] Родигина Н. Н. Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1997. С. 13.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 21. Л. 1; Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 4–4об.
[3] Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб. : Гос. тип., 1896. С. 5–6, 14.

ходили лишь в виде ведомственных циркуляров с пометками «конфиденциально» или «секретно». Так, Подготовительная комиссия при КСЖД в 1896 г. предложила установить в виде опыта на 1 год даровой проезд по железным дорогам при следовании из Сибири в Европейскую Россию в виде временной меры разрешить ходокам выдачу путевых ссуд и льготный проезд по железным дорогам. При этом та же Подготовительная комиссия предлагала «настоящее положение во всеобщее сведение не публиковать»[1].

Высокий уровень секретности был характерен и для документов, лишь косвенно касавшихся переселенческого дела. Даже документы, регламентировавшие деятельность учреждений по крестьянским делам в губерниях Западной Сибири, могли иметь гриф «секретно», хотя в них не упоминалось о льготах для переселяющихся, а был лишь обозначен круг вопросов, находящихся в компетенции отдельных местных госучреждений[2]. Архивные документы свидетельствуют, что местные чиновники стремились выполнять установку правительства на содержание в секрете всех вопросов, связанных с переселением, чтобы лишний раз не провоцировать крестьян на переселение[3]. Стремление не допустить среди крестьян «толки» о переселении было таково, что была запрещена даже переписка между крестьянскими начальниками сибирских губерний и волостных старшин в губерниях Европейской России по переселенческим вопросам. Когда в 1893 г. обнаружился факт такой переписки между одним из чиновников по крестьянским делам в Тобольской губернии с туровским волостным старшиной в Полтавской губернии на тему о высылке увольнительного свидетельства для переселенца, полтавский губернатор просил своего тобольского коллегу, чтобы тот запретил чиновникам по крестьянским делам впредь связываться с волостными правлениями «ввиду того, что подобного рода сношения могут порождать в народе

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–13об.
[2] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 88–90.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 393. Л. 12–12об.; Ф. И-335. Оп. 1. Д. 53. Л. 167; Ф. И-580. Оп. 1. Д. 6. Л. 164; Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 33–34; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–1об., 45об.

превратные понятия о переселении, приостановленном по распоряжению министра внутренних дел»[1].

Лишь после получения официального разрешения из МВД крестьянам объявляли о льготах и условиях переселений. При этом губернатор должен был вступить в соответствующую переписку с губернскими чиновниками той местности, куда желал переехать переселенец, на предмет отвода для новосела казенных земель. Право выбора участка оставалось за самим переселенцем либо предварительно через ходока, либо по факту прибытия на место[2].

Однако многие высшие чиновники в 1880–1890-х гг. понимали бесперспективность попыток сохранить в тайне законодательные акты, касавшиеся льгот для переселенцев. Не вызывает сомнений, что содержание и общий смысл любых засекреченных правил о льготах для переселенцев после применения их на практике становился известен крестьянам. Переселенцы, к которым эти льготы применялись, писали об этом в письмах своим родственникам и односельчанам. Д.А. Толстой констатировал, что временные правила 10 июля 1881 г. нигде не были обнародованы, но стали известны большой массе крестьянства[3].

Не подлежали опубликованию и данные о содействии переселенцам в выдаче ссуд и о водворении в Сибири самовольных переселенцев. Но в действительности о том и о другом переселенцы были прекрасно осведомлены. Беседовавший с переселенцами А.Н. Куломзин отмечал, что на вопрос, знали ли они о ссудах, большинство переселенцев честно отвечали утвердительно. Стремление сохранить льготы для переселенцев в тайне давало даже обратный эффект, так как недостаток информации крестьяне компенсировали слухами, которые значительно преувеличивали те льготы, что были законодательно предусмотрены. Ходили слухи о приготовленных для переселенцев казной домах, о сделанных посевах всякого хлеба, бесплатном продоволь-

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.
[2] Там же. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 40об.
[3] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 165.

ствии, отсутствии в Сибири податей, предоставлении для переселенцев разного скота и пр.[1]

Подобные слухи существенно преувеличивали реально полагавшиеся переселенцам по закону льготы. Распространение слухов приводило к результату, противоположному тому, которого добивалось правительство, – росту переселений. В отдельные годы доля крестьян, вышедших на переселение под влиянием слухов, была очень высока. Так, в 1896 г. из 28 631 семьи «по слухам» шли 11 957 семей (41,8%), 7 493 – по письмам (26,1%)[2]. Преувеличенные слухи «о сказочной Сибири» также вели к разочарованиям крестьян, которые в Сибири находили совсем не то, что ожидали. Следствием этого нередко становилось обратное переселение, что тоже не могло не тревожить правительство. В борьбе с этими слухами правительство в середине 1890-х гг. перешло к практике распространения среди крестьян истинных сведений об условиях жизни в Сибири. Подготовительная комиссия при КСЖД в 1896 г. предложила МВД принять все меры по предоставлению желающим переселиться в Сибирь максимально подробных сведений о действительных условиях и сущности переселения[3].

Во многом целью справочной литературы была борьба с укоренившимися в сознании многих крестьян мифами о «сказочной» жизни в Сибири. Так, в справочной книжке для ходоков 1899 г. ее составители обращали внимание на трудности, которые ждут новоселов в Сибири: работать на земле в Сибири труднее, чем в европейской части страны, лето короткое, зимы холоднее, «устроиться в Сибири трудно». Некоторые фразы в этой справочной книжке явно были нацелены на то, чтобы сдержать поток переселенцев: «Кто идет в Сибирь необдуманно, лишь бы куда-нибудь на новое место кинуться,

---

[1] Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб. : Гос. тип., 1896. С. 14; Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начале XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. С. 195–196.

[2] Омельченко А. В Сибирь за землей и счастьем // Мир божий. 1900. № 8. С. 7. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

тот в Сибири, можно сказать, гибнет…». Акмолинская область была охарактеризована как район, где много непригодных для хлебопашества подсолонков, воды мало, леса нет, а урожаи часто страдают от засухи и кобылки. На стр. 23 авторы-составители дали совет всем ходокам: «не бежать зря на сказочную легкую сибирскую жизнь. Не легка она»[1]. В аналогичной книжке для ходоков на 1900 г. Сибирь тоже рисовалась суровым краем: «Хозяйствовать в Сибири труднее, чем в Европейской России», «Сибирская земля для разделки тяжела»[2].

В результате уже в 1897 г. томский губернатор отмечал, что распространение точных сведений об условиях переселения в дешевых (1½ копейки) изданиях вкупе с ходачеством придало переселению значительно более осмысленный характер. Случаи переселения с преувеличенными расчетами на правительственную помощь стали редкостью[3]. Сохранились даже прошения желавших переселиться крестьян, выслать для них справочные книжки об условиях переселения в Сибирь[4].

В качестве еще одной меры правительство признало необходимым поощрять ходачество. Это должно было стать важным компонентом для развития среди крестьян серьезного отношения к переселению. Глава МЗиГИ, посетивший Сибирь в 1896 г., отмечал многочисленные случаи, когда переселение предпринималось необдуманно, следствием чего становилось обратное переселение. Бывали случаи, когда переселенцы уходили обратно, прожив на участке всего одну зиму или несколько недель, иногда даже несколько дней. Уходили, испугавшись кто изобилия мошки и комаров, кто лютых морозов[5].

---

[1] Сибирское переселение в 1899 г. : (что нужно знать каждому ходоку). СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1899. Вып. 2. С. 1–3, 9, 23.
[2] Сибирское переселение в 1900 г. : (что нужно знать каждому ходоку). СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1900. Вып. 4. С. 1–2.
[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 37. Л. 169об.–170.
[4] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 84.
[5] Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1896. С. 25.

Ходачество было слабо распространено до конца 1880-х гг. В частности, в 1884 г. чиновник, заведовавший переселенческим делом в Томске, зафиксировал лишь 40 ходоков из разных губерний[1]. До 1894 г. ходоки действовали преимущественно в среде самовольных переселенцев, ускользали от надзора местных властей, считались элементом крайне вредным. Но в 1894 г. министр внутренних дел поставил вопрос о правильной постановке ходачества, которое под контролем государства было способно «принести немалую пользу». Было признано, что ходокам следует оказывать всякое законное содействие выдачей свидетельств на удешевленный проезд в оба конца пути и даже путевых пособий[2]. Правильная постановка ходачества должна была стоять на первом месте в деле урегулирования переселенческого дела[3].

На роль ходоков чаще всего выбирались крестьяне серьезные, неглупые, обладающие хозяйственной сметкой, которые могли все обстоятельно разузнать, не склонные к выдумкам или пьянству. С. Марусин описывал этих людей так: дельный, умный, знает по памяти едва ли не все станции и переселенческие участки того или иного округа, особенности каждого из них, знает, есть ли сторонние заработки и какие, и пр.[4] Обстоятельные рассказы таких ходоков о реальной жизни в Сибири способствовали разрушению мифов о «сказочности» Сибири. Но эти же рассказы ходоков иногда давали импульс для выхода крестьян на переселение. К примеру, в 1882 г. зажиточный крестьянин П. Иванов из Чулковских выселок (Скопинский уезд), прослышав «об изобилии Томской губернии», пошел лично убедиться в достоверности этих слухов. Вернувшись на родину, он распродал имущество и забрал семью, чтобы окончательно перебраться в Томскую губернию. Рассказы этого умного и хозяйственного крестьянина произвели на всех сильное впечатле-

---

[1] Дудоладов А. Очерк переселенческого в Сибирь движения. // Зап. Зап.-Сиб. отд. имп. рус. геогр. об-ва. 1886. Кн. 8, вып. 1/2. С. 25.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 39; Ф. И-335. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–5; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 83. Л. 2–5.
[3] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1898 г. СПб. : Канцелярия комитета министров, 1900. С. V.
[4] Марусин С. Переселенческое движение на Алтай // Северный вестник. 1891. № 7. С. 30.

ние, и в результате вместе с ним вышли на переселение не один десяток семей не только из Чулковских выселок, но и из других селений[1].

Если до середины 1890-х гг. ходоки воспринимались как опасные агитаторы и всячески преследовались, то затем они стали считаться очень желательными разведчиками, способными предохранять переселенцев от неосторожных шагов. Сначала посылку ходоков только рекомендовали, а затем сделали чуть ли не обязательной: без предварительной посылки ходока губернским присутствиям запрещалось выдавать разрешения на переселение[2]. В итоге ходачество получило значительное распространение. Так, за 1896–1898 гг. в Сибирь прошло соответственно 11 910, 16 172 и 54 753 ходока[3].

В период Столыпинских переселений ходачество, как фактор распространения среди крестьян достоверных сведений о Сибири, стало играть значительную роль. Так, в 1906–1908 гг. 55,4% переселенцев из Черниговской губернии информацию о Сибири взяли из рассказов ходоков[4]. Поэтому официальное правительственное издание «Вопросы колонизации» имело все основания писать «о вдумчивом и вполне сознательном отношении современного крестьянства к делу переселения»[5]. Причем, если в 1861–1880-х гг. ходоки самостоятельно искали участки для будущего поселения, то в период Столыпинских переселений функцию опеки над ходоками взяло на себя государство. ГУЗиЗ разослало специальный циркуляр, где предписывало заведующим районами повсеместно оказывать возможное содействие ходокам к осмотру свободных участков, предоставлять в случае необходимости путевые ссуды, а также маршрутные карты до участков или проводников[6].

---

[1] Григорьев В. Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М. : Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, 1884. С. 17.
[2] Беркенгейм А. М. Переселенческое дело в Сибири : (по личным наблюдениям и официальным данным). М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. С. 14.
[3] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1898 г. СПб. : Канцелярия комитета министров, 1900.С. VI.
[4] Переселение в Сибирь из Черниговской губернии в 1906–1908 гг. Чернигов : Тип. губ. земства, 1910.С. 29.
[5] Современное положение переселенческого дела и его нужды // Вопр. колонизации. 1908. № 2. С. 148.
[6] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 8. Л. 246.

Помимо распространения среди крестьян правдивых сведений о Сибири, государство широко использовало и административные методы регулирования переселенческого движения. Основным таким методом было введение временных запретов на выдачу разрешений переселяться. Весной 1892 г. обнаружился недостаток переселенческих участков как на казенных, так и на кабинетских землях, ввиду этого глава МВД распорядился временно приостановить выдачу разрешений на переселение. 6 марта 1892 г. вышел циркуляр о приостановлении выдачи разрешений на переселение ходокам и переселенцам. Действие этого циркуляра было распространено и на кабинетские земли. Так, в 1893 г. земельная часть Главного управления Алтайского округа попросила Остаповское волостное правление Полтавской губернии объявить крестьянам, ранее просившим о переселении, что их ходатайство не может быть удовлетворено. В качестве причины значились распоряжение Кабинета и циркуляр министра двора от 6 марта 1892 г., по которым выдача разрешений ходокам и переселенцам приостановлена. Аналогичный отказ был дан крестьянам с. Бахмича (Черниговская губерния) в ноябре 1893 г.[1]

Циркуляр 1892 г. в правительстве рассматривался как мера временная, и параллельно с запретами правительство продолжало разрабатывать меры для улучшения общей постановки переселенческого дела. В частности в 1893 г. были разработаны правила по оказанию льгот переселенцам[2]. К июлю 1894 г. в Степном крае, Западной и Восточной Сибири был заготовлен достаточный запас переселенческих участков, поэтому министр МВД принял решение отменить действие циркуляра 1892 г. и оповестил об этом губернаторов[3].

Анализ динамики крестьянских переселений показывает, что спады в переселенческом движении в целом совпадали с принятием очередных циркуляров, запрещавших или ограничивавших выдачу разрешений на переселение. В 1892 г. переселенческое движение достигло своего максимума с мо-

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 907. Л. 3, 5.
[2] Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. С. 249–250.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 38.

мента отмены крепостного права – за Урал направилось 75 102 переселенца и 5 381 ходок. Для снижения потока переселенцев государство в 1892 г. временно приостановило переселенческое движение. Хотя полной остановки переселенческого движения не произошло и переселенцы продолжали идти в Сибирь самовольно, но циркуляр 1892 г. в итоге достиг своей цели и привел к сокращению переселенцев. В 1893 г. в Сибирь через Тобольскую губернию проследовало 54 607 переселенцев и 3 750 ходоков, в 1894 г. – соответственно 55 196 и 2 107, а в 1895 г. – количество переселенцев снизилось до 16 233, а ходоков до 1 578 человек[1].

В 1894 г. циркуляром МВД запрет на переселение был снят, о чем стало известно крестьянам, и в 1896 г. последовал новый подъем переселенческого движения. По данным Челябинской регистрации, за Урал в 1896 г. проследовало 178 400 переселенцев и 11 910 ходоков[2]. Правительство было вынуждено реагировать на этот всплеск переселенческого движения и вновь задействовало административные рычаги воздействия. Уже в 1896 г., когда стало очевидно, что количество переселенцев явно превышает площадь заготовленных для них участков, 15 июня, а затем и 14 июля глава МВД Горемыкин разослал губернаторам циркуляры, где потребовал принять меры к прекращению дальнейшей выдачи проходных свидетельств. Причем это касалось даже тех крестьян, которые уже получили разрешение на переселение, но не успели еще к нему приготовиться. Одновременно министр потребовал запретить выдачу срочных паспортов тем, кто получает их явно с целью ухода на переселение. Правда, запреты не касались тех домохозяев, что отправлялись по приемным приговорам в старожильческие общества, и тех, которые шли на

---

[1] Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и на других пунктах) в 1885–1895 гг. Тюмень : Тип. Л. К. Высоцкой, 1899. Вып. 1. С. 352–353.

[2] Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. С. 72–85.

уже зачисленные за собой земли. Циркуляр также допускал посылку «заслуживающих доверия» ходоков от крестьян[1].

Как видно из отчетов губернаторов, циркуляр 15 июля был выполнен. Новгородский губернатор в ноябре 1896 г. сообщил, что после получения циркуляра 15 июля поступили ходатайства о переселении от 17 семей, и всем им было отказано. Также отчитались об исполнении циркуляра 15 июля рязанский, пензенский и вятский губернаторы[2]. В дополнение к циркулярам 1896 г. Переселенческим управлением 20 января 1897 г. был разослан циркуляр № 1. Этот документ был нацелен на снижение количества переселяющихся ввиду недостаточности заготовленных переселенческих участков[3]. Его опубликование имело положительный эффект уже в 1897 г., когда численность переселенцев сократилась со 178 400 до 68 896 человек (см. таблицу 2).

В дальнейшем правительству также удавалось сокращать переселенческое движение через введение запретов и ограничений. В 1900–1901 гг. в связи с осложнениями политической ситуации в Китае была объявлена мобилизация войск Приамурского края, шел усиленный поток военных грузов на восток. В связи с этим глава МВД распорядился приостановить выдачу ходаческих и переселенческих свидетельств, отменить действие льготного тарифа и приказал губернаторам принять все меры к прекращению самовольного движения[4]. Эта мера повлияла на сокращение численности переселяющихся практически вдвое: со 166 248 человек в 1900 г. до 88 964 в 1901 г. В 1904–1905 гг. в связи с Русско-японской войной правительство вновь распорядилось прекратить выдачу ходаческих и переселенческих документов, что привело к сокращению переселенческого движения более чем вдвое: с 94 289 человек в 1903 г. до 40 001 в 1904 г. и 38 760 в 1905 г. (таблица 2)

---

[1] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 135–136.
[2] РГИА. Ф.391. Оп.2. Д.20. Л.6, 28, 30, 35.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–5; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 83. Л. 2–5.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 689. Л. 11–12, 43–44об., 67об.

Таблица 2 – Движение ходоков и переселенцев через Челябинск и Сызрань в 1896–1914 гг.[5]

Годы	Прошло в прямом направлении		Прошло в обратном направлении		% обратных переселенцев
	переселенцев	ходоков	переселенцев	ходоков	
1896	178 400	11 910	22 906	7 009	12,8
1897	68 896	17 780	21 555	14 435	31,3
1898	148 317	54 403	18 317	37 736	12,3
1899	170 136	53 073	21 311	44 294	12,5
1900	166 248	53 017	42 582	47 084	25,6
1901	88 964	31 161	33 255	21 541	37,4
1902	81 921	29 009	25 716	22 154	31,3
1903	94 289	31 211	21 027	23 014	22,3
1904	40 001	6 731	9 901	5 696	24,8
1905	38 760	5 269	8 066	3 458	20,8
1896–1905	1 075 932	293 564	224 636	226 421	20,9
1906	139 064	77 584	13 659	32 603	9,8
1907	427 339	149 640	27 195	90 323	6,4
1908	664 777	94 035	45 102	76 102	6,8
1909	619 320	88 143	82 287	57 620	13,2
1910	316 163	36 787	114 893	32 052	36,3
1911	189 791	36 271	116 308	26 644	61,3
1912	201 027	58 558	57 319	41 069	28,5
1913	240 978	96 271	45 478	71 048	18,9
1914	241 874	94 535	27 594	69 377	11,4
1906–1914	3 040 333	731 824	529 835	496 838	17,4
1896–1914	4 116 296	1 025 388	754 471	723 259	18,3

Таким образом, на этапе деятельности КСЖД правительству в целом удавалось регулировать переселенческое движение посредством мер административного воздействия. Использование таких мер снижало численность законных переселенцев, хотя движение самовольных при этом не прекращалось. При общем курсе на развитие и поддержку переселений за Урал правительственная политика в 1890-х гг. отличалась противоречивостью и непоследовательностью. Этот факт неоднократно отмечался в современной отечественной историографии[2]. Одним из самых противоречивых аспектов переселенческой политики было отношение государства к самовольным переселениям. Противодействие самовольным переселениям представлялось необхо-

[5] Турчанинов, Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. С. 62–63; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг. : Изд. Переселен. упр., 1916. С. 72–82 (обобщенные данные за 1896–1905, 1906–1914, 1896–1914 гг. и процентные показатели подсчитаны мной – *Д.Б.*)

[2] Баскакова И. В. Миграционные процессы второй половины XIX – начала XX вв. в контексте правительственной переселенческой политики : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Горно-Алтайск, 2007. С. 20; Белянин Д. Н. Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитар. науки в Сибири. 2011. №. 1. С. 27–30.

димым по двум причинам. Во-первых, в отдельные годы поток самовольных переселенцев был очень высок. К примеру, в 1894 г. 78% переселяющихся в Сибирь не имели официального разрешения[1]. Во вторых, самовольное переселение отличалось преобладанием в его составе неимущих и малоимущих, а такой состав переселенцев признавался непригодным для успешной колонизации Сибири[2]. В правительстве не желали появления масс крестьян, разорившихся в результате переселения и возвращавшихся обратно в губернии выхода.

Правительство многократно рассылало циркуляры в губернии Европейской России с требованием пресечь самовольные выселения. Министр МВД в одном из циркуляров писал, что с 1895 г. самовольных переселенцев предполагалось возвращать с пути следования в места прежней оседлости по этапу. Эту функцию предполагалось возложить на чинов жандармских управлений при железных дорогах. После возвращения в губернию выхода такие самовольные переселенцы подлежали привлечению к судебной ответственности[3].

В 1894–1895 гг. вышло несколько аналогичных по содержанию циркуляров. Причем МВД неоднократно пыталось привлечь к задержанию самовольных переселенцев структуры Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ). В марте 1897 г. чинам жандармских полицейских управлений железных дорог была разослана инструкция, требовавшая выявлять в числе пассажиров поездов крестьян, следующих в Челябинск или другие станции Сибирской железной дороги. Следовало выявлять среди крестьян тех, кто не имел законных видов для отлучки из постоянного места жительства[4].

На практике эти предписания выполнялись плохо или же не выполнялись вообще. Нам удалось обнаружить только несколько случаев, когда жандармы задерживали в пути переселенцев и возвращали их обратно: на ст. Рти-

---

[1] Шевченко Н. П. К вопросу о переселенческой политике государства во второй половине XIX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2009. № 4. С. 28.
[2] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 78.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 41об.–42.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–1об., 22–23об.

щево 20–21 марта 1898 г. были задержаны 12 семей из Тамбовской губернии и 1 семья из Черниговской губернии, направлявшиеся самовольно в Сибирь. Эти крестьяне были даже подвергнуты аресту. Правда, саратовский губернатор 29 марта не только распорядился освободить задержанных из тюрьмы ввиду их бедственного положения, но и направил на действия жандармских чинов жалобу министру внутренних дел. В результате дальнейшего разбирательства решено было выплатить задержанным крестьянам часть денег за непроследованное расстояние[1].

О плохом выполнении жандармами возложенных на них задач по выявлению самовольных переселенцев свидетельствует и большое количество последних. Так, в 1896–1898 гг. в Азиатскую Россию проследовало 388 798 семейных и одиноких переселенцев, из них 150 527 (38,7%) не имели проходных документов. Самовольное движение то увеличивалось (относительно и абсолютно), то затихало, но полностью ликвидировать это явление не удалось. А в 1904–1905 гг. самовольные вообще составили большинство в переселенческом движении за Урал: из 58 810 переселенцев этих лет лишь 3 119 имели проходные свидетельства, остальные 55 691 (94,7%) ехали самовольно[2]. Главное противоречие заключалось в том, что одновременно с циркулярами, запрещавшими самовольные переселения, выходили распоряжения, разрешавшие устройство таких переселенцев. Так, тобольский губернатор Н.М. Богданович в 1894 г. издал циркуляр, где предлагал чиновникам безотлагательно начать водворение всех самовольных на переселенческих участках[3]. Это распоряжение касалось не только тех, что уже прибыли в губернию, но и тех, кто еще прибудет до 1 января 1895 г. Далее губернатор добавил, что водворению на свободном участке подлежали все выбравшие его переселенцы, «раз он по соответствию природных своих условий их желаниям подходит». Причем чиновникам предписывалось водворять переселенцев

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 13. Л. 29–30, 31об.–32, 35.

[2] Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. С. 62 (подсчеты мои. – *Д. Б.*)

[3] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 93.

безотлагательно и наблюдать, чтобы они имели на месте поселения воду и вообще были поставлены в возможно лучшие природные условия водворения. Самовольным переселенцам разрешалось также получать пособия.[1].

15 апреля 1896 г. был опубликован закон, допускавший устройство на казенных землях Томской и Тобольской губерний, а также в Степном крае самовольно прибывших в Сибирь крестьян[2]. Как свидетельствуют многочисленные архивные документы, причисление самовольных переселенцев, прибывших в Сибирь по паспортам в 1890-е – начале 1900-х гг., было явлением массовым. Причем нередко губернаторы (томский, тобольский, акмолинский) отправляли с личной подписью соответствующие ходатайства в МВД о причислении конкретных крестьян по новому месту жительства[3]. Как правило, сибирская администрация делала запрос в губернию выхода самовольных переселенцев о возможности причисления на новом месте. Едва ли не в каждом таком запросе содержалась фраза, что принудительное возвращение переселившихся на родину ввиду крайней бедности вызовет расход, который «может упасть на счет казны»[4].

27 апреля 1896 г. вышло положение КСЖД об устройстве переселенцев Алтайского округа. В п. 2 этого документа говорилось, что «все живущие в пределах округа переселенцы, по заявлении желания поселиться на особо образованных переселенческих участках, водворяются на них». В архивах сохранился значительный массив источников, связанных с причислением

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 6. Л. 162–163.

[2] О некоторых изменениях в действующих узаконениях, касающихся добровольного переселения сельских обывателей и мещан в губернии Тобольскую и Томскую (кроме Алтайского округа) и генерал-губернаторства Степное и Иркутское // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1899. Т. 26, Отд. 1. № 12777.

[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 629. Л. 36–37, 39–40, 195–195об.; Д. 802. Л. 3–5, 9, 23, 126, 172, 178, 181, 184, 188, 198–198об., 204, 206, 208–208об., 219–220, 222, 229; Д. 1206. Л. 10–10об.; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 92об., 95.

[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 54. Л. 1а–1аоб., 13–13об., 16–17, 26–26об., 28–28об., 30–31, 38, 42, 76–77.

самовольных переселенцев на Алтае на рубеже XIX–XX вв.[1] На основании положения 27 апреля только за 1896–1898 гг. было водворено 181 074 души[2].

Циркуляр № 1 от 20 января 1897 г. Переселенческого управления содержал жесткие требования в отношении самовольных переселенцев – прекращался отвод земель для тех, которые могли прибыть в 1897 г., а также не допускалось зачисление участков за самовольными ходоками[3], но почти сразу же после его выхода последовали распоряжения, смягчавшие категоричный характер этого циркуляра. Уже 23 января 1897 г. глава МВД разрешил тобольскому губернатору допускать водворение самовольных переселенцев в урманных местностях[4]. Далее было решено допустить устройство в Сибири тех самовольных переселенцев, которые выехали ранее опубликования циркуляра № 1[5]. Тобольский губернатор 30 мая 1897 г. распорядился устраивать в губернии не только тех переселенцев, которые выехали в Сибирь раньше циркуляра 20 января 1897 г., но и тех, которые прибыли до 1 марта 1897 г. Списки таких переселенцев следовало выслать в Переселенческое управление, потом оттуда в Тобольскую губернию должны были прислать увольнительные свидетельства на этих крестьян[6].

16 июля 1897 г. МВД затребовало у тобольского губернатора список самовольных переселенцев, прибывших в губернию и не наделенных землей. Этот список был составлен и отправлен в МВД, отуда 9 декабря 1897 г. пришло отношение, разрешавшее устройство перечисленных в этом списке крестьян на казенных землях[7].

12 апреля 1897 г. КСЖД постановил внести некоторые дополнения в правила о добровольном переселении крестьян на казенные земли, по кото-

---

[1] См.: КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2239. Л. 139–145 и др.
[2] Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1973. С. 144.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–5; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 83. Л. 2–5.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 53. Л. 19–19об.
[5] Там же. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 392. Л. 19–20.
[6] Там же. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 53. Л. 102–102об.
[7] ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 53. Л. 136, 159.

рым на водворяемых в старожильческие общества самовольных переселенцев распространялись некоторые правила, изложенные в законе 15 апреля 1896 г.[1]

В 1904–1905 гг. правительство ввело полный запрет на переселения в связи с Русско-японской войной, но крестьянские переселения, хотя и в небольших относительно размерах, имели место. В октябре 1904 г. тобольский губернатор разослал крестьянским начальникам и переселенческим чиновникам циркуляр, где отмечал, что, несмотря на отмену льготного тарифа, движение в Сибирь самовольных переселенцев не прекратилось, и МВД поручило губернатору озаботиться их устройством. Таких переселенцев предполагалось направлять в районы в урманных местностях Тарского и Туринского уездов. Тот же губернатор распорядился, чтобы переселенческие чиновники при составлении сметы на 1905 г. имели ввиду и самовольных переселенцев, которых будет признано необходимым водворить[2].

Особенным «либерализмом» в вопросе устройства самовольных переселенцев отличалась администрация Алтайского округа. Вопрос об устройстве непричисленных переселенцев инициировался администрацией Кабинета не единожды. Так, 18 марта 1894 г. министр Императорского Двора генерал-адъютант Воронцов-Дашков пмсал министру внутренних дел, что большинство прибывающих в округ оседает не на свободных участках, а в местах заселенных и попадает в зависимость от старожилов. При этом численность непричисленных переселенцев достигала 100 000 душ. Часть из них имела собственные постройки, приобретенные у старожилов. Считая перечисление таких переселенцев на свободные участки сопряженным с разорением их хозяйств, глава МИДв полагал правильным устройство их по месту проживания на равных со старожилами основаниях. Причем при причислении таких переселенцев к малоземельным селениям предполагалось осуществлять прирезки из свободных земель с тем расчетом, чтобы по возможности сохранить норму надела в 15 десятин. Тех переселенцев, кто не имел соб-

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 53. Л. 91–92.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 3. Л. 18, 30.

ственного домообзаводства, министр МИДв предлагал переводить на свободные переселенческие участки или причислять к волостям без счета[1].

5 мая 1894 г. кабинетская администрация с пометкой «конфиденциально» сообщила начальнику Алтайского округа, что МВД признало желательным при устройстве неприписанных переселенцев в Алтайском округе предоставить им льготы, которыми пользовались переселенцы, водворяющиеся на казенных землях. Кабинет в свою очередь не встречал препятствий к тому, чтобы даровать эти льготы вообще всем переселенцам, которые прибудут в Алтайский округ. Там же сообщалось, что МВД планировало командировать в г. Барнаул специального чиновника из Земского отдела для регистрации переселенцев и содействия им[2].

27 апреля 1896 г. было утверждено положение КСЖД, по которому непричисленные переселенцы, имевшие в селениях старожилов домообзаводство и занимавшиеся хлебопашеством, причислялись к старожильческим обществам по факту предоставления соответствующего ходатайства. Правда, для этого в пользовании старожильческого общества должно было находиться не менее 15 десятин удобной земли на наличную душу, включая причисляемых, или же имелась возможность прирезки в надел общества соответствующего количества угодий из смежных земель. Если же водворить непричисленных переселенцев не представлялось возможным, то начальнику Алтайского округа вменялось специальным распоряжением от 11 мая 1896 г. в обязанность «безотлагательно озаботиться водворением всех таких переселенцев на ближайших к месту их постоянного жительства свободных кабинетских землях». При этом начальник Алтайского округа должен был игнорировать предыдущее распоряжение Кабинета о временном приостановлении открытия новых переселенческих участков. Далее управляющий Кабинетом добавил, что водворяемым самовольным переселенцам следовало бы оказывать помощь различными пособиями для переноса их усадеб на новые места. Посо-

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2239. Л. 64–64аоб.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2239. Л. 62–63.

бия планировалось оказывать не только путем отпуска лесных материалов, но и деньгами и хлебом.

Управляющий Кабинетом с пометкой «конфиденциально» просил начальника округа В.К. Болдырева принять все зависящие меры к устройству в земельном отношении возможно большего числа переселенцев и главным образом тех, которые уже обзавелись домами и завели хозяйство. В случае, когда количество земель окажется недостаточным для принятия всех имеющих домообзаводство переселенцев то «необходимо безотлагательно озаботиться водворением всех таких переселенцев на ближайших к месту их постоянного жительства свободных кабинетских землях»[1].

Политика Кабинета, направленная на массовое устройство самовольных переселенцев, была не всегда понятна даже руководству Переселенческого управления, о чем свидетельствуют материалы Совещания по вопросу о порядке направления переселенческого дела в Алтайском округе. На этом совещании глава Переселенческого управления В.И. Гиппиус упрекнул начальника Алтайского округа в непоследовательности, заявив, что МВД пыталось остановить самовольное переселение в Алтайский округ, а в самом округе самовольных переселенцев устраивали с разрешения местного начальства. На это начальник округа генерал-майор Болдырев возразил, что в округ ежегодно прибывают тысячи самовольных переселенцев, и администрация округа вынуждена указывать им свободные земли. Делается это ввиду нежелательности бесцельного скитания таких переселенцев по округу. В итоге совещание приняло компромиссное решение: допускать водворение самовольных переселенцев в старожильческие села, а легальных переселенцев водворять на переселенческих участках. При этом легальным переселенцам для водворения требовалось разрешение министров МВД и МИДв, а самовольным нет[2].

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2239. Л. 132–133.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 21. Л. 93–93об., 94об.

Противоречивость ситуации подчеркивалась тем, что Кабинет устраивал прибывавших на Алтай самовольных переселенцев и одновременно просил МВД ужесточать борьбу с самовольными переселениями. К примеру, в 1897 г. министр Двора и уделов уведомил Переселенческое управление, что из-за отсутствия в Алтайском округе приведенных в известность свободных земель переселение туда крестьян, чьи семьи еще находятся на родине, нежелательно. МВД циркулярами 20 октября 1897 г. и 19 ноября 1898 г. запретило посылку ходоков для осмотра кабинетских земель. В ходаческих свидетельствах была даже сделана отметка, что они недействительны для избрания и зачисления переселенческих участков на Алтае. Далее в ведомственной переписке министр МВД укорял своего коллегу из МИДв в непоследовательности, поскольку водворение самовольных переселенцев в округе вслед за их прибытием происходило даже после издания циркуляров МВД от 20 октября 1897 г. и 19 ноября 1898 г. Допускалось даже зачисление участков за самовольными ходоками, прибывшими по паспортам. Подобная непоследовательность, по мнению главы МВД, укореняла в крестьянах недоверие к указаниям властей и убеждала их в возможности устройства на Алтае, несмотря на невыполнение установленных требований[1].

Дальнейшие действия главы МИДв также не отличались последовательностью. Одновременно с устройством непричисленных новоселов администрация Кабинета издает несколько документов, ужесточавших политику в отношении самовольных переселений. Глава МИДв в предложениях об организации переселений в Алтайский округ 16 июня 1899 г. писал, что самовольные переселенцы в будущем не будут получать разрешение на устройство без согласия глав МВД и МИДв[2]. В том же году начальник Алтайского округа запретил принимать самовольных переселенцев на переселенческих участках[3]. И, несмотря на эти распоряжения, устройство непричисленных в

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 21. Л. 61–62об.

[2] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 148.

[3] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 131.

округе продолжалось. Как видно из отчета начальника Алтайского округа за 1900 г., к 1 января 1901 г. по закону 1896 г. в округе было причислено к сельским обществам с земельным наделом 184 460 человек, «к волостям для счета» – 46 651 и к мещанским обществам – 7 081 человек. К 1 января 1903 г. численность непричисленных, устроенных по закону 27 апреля 1896 г., достигла уже 219 699 человек[1]. К 1899 г. непричисленные переселенцы были наделены 872 055 десятинами земли, причем малоземельным селениям (где проживали многие непричисленные) из оброчных статей и пустолежащих земель было прирезано 191 679 десятин удобной земли[2]. Причем в ходе устройства непричисленных администрация не ограничивалась только буквой закона, проявляя иногда настоящую заботу о крестьянах. Например, в 1898 г. непричисленные переселенцы должны были водвориться в заселке Лаптев Лог и покинуть место прежнего проживания, где у них были постройки. Ввиду того что устройство на новом месте было связано с материальными затратами, начальник Алтайского округа распорядился выдать им пособия, часть которых имела безвозвратный характер[3].

Такая двойственная политика вызывала непонимание и губернаторов из Европейской России. Саратовский губернатор в 1899 г. констатировал, что принимаемые меры по борьбе с самовольными переселениями не приводят к желаемым результатам, так как Управление Алтайского округа беспрепятственно зачисляет самовольных переселенцев. Далее губернатор с нескрываемым недоумением писал, что циркулярами 20 октября 1897 г. и 19 ноября 1898 г. посылка ходоков в Алтайский округ была запрещена, распоряжением 19 января 1899 г. запрет на переселение в Алтайский округ подтверждался, но начальство округа при этом взяло на себя устройство самовольных пересе-

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 180. Л. 10; Д. 224. Л. 30.
[2] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 114.
[3] Там же. С. 105–106.

ленцев, запрашивало на них увольнительные документы[1]. Доклады похожего содержания писали витебский и ставропольский губернаторы[2].

Непонимание губернаторами целей и характера правительственной политики в отношении переселений усиливалось от противоречивых указаний, получаемых из столицы. Так, в 1894 г. в одном из циркуляров глава МВД обозначил задачу правительства в деле урегулирования переселений как развитие у населения сознательного отношения к переезду на новое место, борьбу с легкомысленными настроениями в этом вопросе. С целью регулирования переселенческого движения министр счел нужным установить «известный промежуток между возбуждением ходатайств о переселении и действительным, в случае разрешения ходатайства, выходом переселенцев». Такой шаг обосновывался тем, что переселенцы получат достаточно времени для расчетливой ликвидации своего имущества. Но уже в ноябре 1894 г. он потребовал от губернатора одной из губерний Европейской России озаботиться в самое непродолжительное время рассмотрением всех ходатайств о переселении и добавил, что задержка в этом вопросе вызовет самовольное переселение[3]. Подобная противоречивость распоряжений могла породить на местах только непонимание относительно задач правительства в переселенческом вопросе. В августе 1894 г. глава МВД прислал тобольскому губернатору распоряжение с пометкой «конфиденциально», где потребовал к самовольным переселенцам применять меры административного воздействия, включая возвращение по этапу на родину для привлечения к законной ответственности. Одновременно (следующей фразой) он также настаивал на том, что по отношению к самовольным переселенцам не должно исключаться проявления заботливости, поскольку такая заботливость вызывается видами местного порядка и благоустройства[4].

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 21. Л. 134–135.
[2] Там же. Д. 20. Л. 63; Д. 689. Л. 103.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 38об., 77.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 58об.–59.

Менее чем через 3 недели после выхода циркуляра № 1, временно вводившего запрет на переселения, 6 февраля 1897 г. глава МВД Горемыкин разослал губернаторам другой циркуляр, где определял порядок выдачи разрешений на переселение в Сибирь и требовал оказывать предпочтение тем, кто принадлежал к числу отставных и запасных нижних чинов. Подобная противоречивость распоряжений могла породить на местах только непонимание относительно задач правительства в переселенческом вопросе. Непоследовательность правительственных действий подчеркивалась тем, что за неисполнение циркуляров по борьбе с самовольным переселением для чиновников могло последовать наказание[1].

Подобные распоряжения не только вносили путаницу, но и давали эффект, обратный ожидаемому, – крестьяне видели, что, невзирая на запреты, самовольных переселенцев фактически в Сибири устраивают. Уже только это препятствовало полному прекращению самовольного движения крестьян в Сибирь.

Попытка бороться с самовольными переселениями сугубо административными методами была изначально обречена на провал. Показательной можно считать ситуацию в Витебской губернии. 15 октября 1894 г. витебский губернатор просил министра МВД не распространять на Витебскую губернию действие циркуляра 2 июня 1894 г. о порядке применения правил о переселении на казенные земли Сибири. 15 ноября 1894 г. министр дал положительный ответ, таким образом, переселение из Витебской губернии не ожидалось. Но слухи об издании правил о переселении проникли из соседних губерний, в результате возникло массовое движение к переселению, а в Полоцком уезде даже имело место открытое возмущение, для противодействия которому была привлечена полиция. Разрешение на переселение никому из крестьян не было дано, но появились случаи тайного самовольного переселения. В июне 1896 г. губернатор распорядился принять все меры к прекращению самовольных переселений. Но в октябре 1896 г. заведующий переселенческим делом в Че-

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 53. Л. 18, 72–72об.

лябинске телеграммой сообщил, что самовольное переселение крестьян из Витебской губернии усилилось, крестьяне ехали «бессознательно» и не имели ни малейшего представления о новых местах[1].

В борьбе с самовольным переселением витебский губернатор возлагал особые надежды на возвращающихся из Сибири обратных переселенцев и на их рассказы о тяготах и сложностях устройства на новом месте. Эти меры не дали ожидаемого результата, а все распоряжения властей встречались полным недоверием. Со стороны крестьян даже появилась уверенность, что местные власти «закуплены помещиками, теряющими с переселением крестьян в Сибирь недорогих работников». Витебский губернатор видел 2 причины самовольных переселений: беспрепятственная продажа на станциях самовольным переселенцам билетов и политика администрации в Томской и Тобольской губерниях, которая зачисляла самовольно прибывших переселенцев на переселенческие участки и даже выдавали денежное пособие. Устроившиеся переселенцы извещали об этом в письмах своих односельчан и приглашали последних к себе. В заключение своего рапорта витебский губернатор прямо расписался в собственном бессилии прекратить самовольное переселение фразой: «Не находя в настоящее время никаких новых средств к пресечению самовольного переселения из вверенной мне губернии…»[2]. Глава МВД в письме министру Двора и уделов в 1899 г. также откровенно признавал, что сами по себе запреты на самовольные переселения «едва ли способны оказать сколько-нибудь заметное влияние на сокращение переселенческого движения в названный округ…»[3].

Отчасти такие противоречия объясняются наличием в правительстве разных мнений по переселенческому вопросу. В качестве примера можно привести столкновение разных точек зрения на заседании КСЖД 8 марта 1895 г. по вопросу о самовольных переселенцах: И.Н. Дурново, с одной стороны, и Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, А.С. Ермолова – с другой. Последние трое

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 20. Л. 53–56об.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 20. Л. 57–61, 62–62об., 65.
[3] Там же. Д. 21. Л. 61–62.

решительно высказывались против принудительного возвращения переселенцев, не имевших официального разрешения. В итоге им удалось повлиять на Николая II, который констатировал, что крестьянские переселения не представляют опасности, а правительственные меры должны сводиться к приданию переселениям более правильной постановки[1].

Имело место и столкновение ведомственных интересов. Если МВД во главу угла ставило регулирование переселенческого движения, то Кабинет был заинтересован в притоке населения и аграрном освоении алтайского региона. Глава Министерства императорского двора (МИДВ) Воронцов-Дашков в служебной записке императору 1 мая 1896 г. высказывался за то, чтобы на Алтайский горный округ не распространялись предполагаемые МВД меры по урегулированию переселенческого движения. Обосновывалось это тем, что Алтайский округ имеет особое местное управление по делам водворения переселенцев, и тем, что на его территории действует особое положение 30 июля 1865 г.[2]

Некоторые противоречия в переселенческой политике и практика административного регулирования переселенческим движением совсем не означали, что правительство отказалось от курса на колонизацию Сибири. Масштаб предпринимаемых государством мер по улучшению общей постановки переселенческого дела свидетельствует, что государство считало расширение переселенческого дела одним из магистральных направлений. До начала деятельности КСЖД переселения в лучшем случае терпелись, переселенцам предоставляли самостоятельно выпутываться из связанных с переселением затруднений, а деятельность нескольких чиновников по переселенческим делам и мизерные ассигнования на помощь переселенцам были паллиативом.

С 1893 г. правительство убедилось в необходимости решительных мер в упорядочении и организации переселенческого дела, осознало государствен-

---

[1] Степанов В. Л. Н. Х. Бунге и вопросы переселенческой политики в 80–90-е годы XIX века // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск : Иркут. гос. пед. ин-т, 1987. С. 115–116.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 21. Л. 2об.

ную важность такого упорядочения и увидело невозможность достичь результатов без значительных материальных затрат[1]. Так, КСЖД выделял средства на фрахтовку барж для перевозки переселенцев, где отмечалось их наибольшее скопление (Омск, Тюмень, Кривощеково), способствовал приобретению телег и лошадей для проезда к заготовленным участкам. Государство в 1893–1894 гг. вложило 2 949 632 рубля в создание медицинских пунктов по линии главных маршрутов движения переселенцев. Ассигновывались суммы на оказание продовольственной помощи переселенцам, предоставлении горячего питания и бесплатного обеспечения продовольствием детей до 10 лет[2]. Все циркуляры, запрещавшие переселенческое движение в 1890-х гг., носили временный характер и не отменяли главной цели – колонизацию Сибири. В 1897 г., несмотря на действие циркуляра от 20 января, на заседании КСЖД 10 декабря обсуждались вопросы о врачебной помощи переселенцам, ссудной помощи, устройстве лесных складов и складов сельскохозяйственных орудий и семян для переселенцев, о расходах по усилению состава лиц, ведавших переселенческим делом в районе Сибирской железной дороги[3].

Сибирь в 1890-х гг. в планах правительства по развитию переселенческого дела стала играть даже не ведущую, а едва ли не единственную роль. Остальные районы, куда ранее направлялись переселенцы, оказались фактически закрыты для переселений. 29 июля 1894 г. министр внутренних дел официально сообщил, что отвод казенных земель под водворение переселенцев в Самарской, Саратовской, Уфимской и Оренбургской губерниях прекращен за полным истощением запаса свободных казенных земель. Открытыми для переселения оставались только губернии и области Сибири и Степного края[4].

---

[1] Кауфман А. А. К вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и их отношениях к сибирякам-старожилам // Путь-дорога. СПб. : Типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1883. С.513.
[2] Ус Л. Б. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по организации переселений // Сибирский плавильный котел : социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начале XX в. : сб. науч. ст. Новосибирск : Сибирский Хронограф, 2004. С. 203–204.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 4. Л. 18об., 19об., 20об.–22, 24об.–25.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 47.

Материальным воплощением правительственной переселенческой политики в 1890-х – начале 1900-х гг. стало бурное железнодорожное строительство в восточных районах. Возникла принципиально новая организация переселенческого дела – переселенческие пункты стали опорными центрами регулирования движения аграрной миграции. Создается специальная переселенческая служба, возглавляемая Переселенческим управлением. В целом, несмотря на массу недостатков, был сделан заметный шаг в сторону улучшения условий и расширения возможностей для переезда переселенцев[1].

Предпринимались меры, облегчавшие выход крестьян на переселение. В 1895 г. было изменено паспортное законодательство. Для податных сословий (крестьян, мещан, ремесленников, приписанных к своим обществам) паспортные правила 1895 г. хотя и не вводили бессрочные паспорта, как для других сословий, но все же облегчали временный отъезд: по паспортной книжке – на 5 лет, по паспорту – на год, полгода или 3 месяца, по бесплатному билету на отлучку – до года. Крестьяне-общинники могли получить билет свободно при отсутствии недоимок по общественным сборам, а при их наличии – с согласия схода. Это был шаг вперед[2]. Департамент железных дорог 31 марта 1899 г. издал циркуляр, по которому переселенцы имели право на возвращение денег за оплаченное, но не проследованное по железной дороге расстояние. В дальнейшем Министерство путей сообщения подтвердило правомочность этого циркуляра, издав приказ «О порядке возврата переселенцам платы за непроследованное расстояние»[3]. Ситуация, когда переселенцы, имевшие документы для проезда на Дальний Восток или в Восточную Сибирь, останавливались в Томской или Тобольской губерниях, не была редкостью. Для таких крестьян возможность получить деньги за непроследованное расстояние была совсем не лишней.

---

[1] Смирнова В. Е. Организация перевозки переселенцев в России (1881–1914 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Челябинск, 1998. С. 12.
[2] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 137.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2об.

Государство не только старалось улучшить общую постановку переселенческого дела, но и стремилось корректировать проводимый курс с учетом практики. Так, в начале XX в. местные сельскохозяйственные комитеты единодушно признали, что требование имущественной состоятельности переселяющихся совершенно не соответствовало основным задачам переселения[1]. Полтавское губернское присутствие выступило с предложением о переселении в основном малоземельных крестьян[2]. То есть представители местной администрации вернулись к идее о борьбе с малоземельем посредством переселенческой политики.

В итоге в начале XX в. государство отказалось от мысли заселять Сибирь преимущественно обеспеченными крестьянами, что видно на конкретных примерах. Так, группа крестьян с. Оташева (Радомысльский уезд, Киевская губерния) подала ходатайство о переселении в Сибирь, и после рассмотрения их имущественного положения было решено удовлетворить 11 ходатайств наиболее малоимущих, а имевшим достаточные земельные наделы был дан отказ[3]. Фактически переселенцы с достаточными земельными наделами попали в категорию «нежелательных», и переселение снова стало пониматься как инструмент ликвидации аграрного перенаселения.

Эта задача была закреплена переселенческим законом 6 июня 1904 г., который продолжил курс на развитие переселенческого дела. Новизна закона 1904 г. состояла в нескольких пунктах. Во-первых, по новому закону общества, принявшие значительные меры к улучшению своего землепользования в связи с приобретением оставляемых переселяющимися наделов, могли освобождаться на срок до 3 лет от уплаты выкупных платежей и государственного поземельного налога со сложением этих сборов со счетов.

---

[1] Пешехонов А. В. Земельные нужды деревни (по работам сельскохозяйственных комитетов) // Рус. богатство. 1903. № 11. С. 116–117; Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. Т. 57 : Степной край. С. 22.
[2] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 437. Л. 3, 4–4об.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 2. Л. 289–289об.

Во-вторых, в п. 2 закона 1904 г. речь шла о добровольном переселении из тех местностей, откуда выселение «части населения признается желательным». Эта фраза свидетельствовала о том, что в правительстве отказались от идеи не выпускать на переселение малоземельных или безземельных крестьян. Предполагалось, что переселение желательно развивать в районах, испытывавших аграрное стеснение. Таким образом, правительство подтвердило курс на борьбу с агарным перенаселением посредством переселенческой политики, обозначенной в 1880-х гг. и отвергнутой в 1890-х гг.

В-третьих, п. 10 вводил право переселяющихся на получение денежной компенсации за оставляемый общине земельный надел. Это правило отличалось безусловной новизной и было явным шагом от неотчуждаемой общинной собственности на землю к частной. Право на получение денег за надельную землю позволяло переселенцам увеличивать суммы, вывозимые с родины на переселение, возрастали шансы на успешную адаптацию в Сибири.

Одновременно закон 1904 г. вобрал в себя многое из правительственного курса 1890-х гг. Поэтому имеет смысл говорить о преемственности правительственной политики в вопросе переселений.

Была законодательно подтверждена необходимость предварительной посылки ходоков для выбора и зачисления за крестьянами земель. Этим правительство признало положительный опыт ходачества 1890-х гг., а также было признано, что ходачество способствует более сознательному переселению и распространению среди крестьян истинных знаний о Сибири. Помимо этого, ходачество было инструментом, позволявшим правительству контролировать переселенческое движение – подсчет зачисленных за ходоками душевых наделов (в теории) позволял правительству хотя бы приблизительно составить представление о потоке переселенцев на следующий год. Это давало возможность структурам Переселенческого управления планировать переселенческую кампанию будущего года.

Был подтвержден дальневосточный вектор колонизации. Закон 6 июня 1904 г. предполагал возможность приселяться к мещанским обществам горо-

дов на Дальнем Востоке без согласия этих обществ. Был продолжен намеченный ранее курс на льготы для переселенцев. По новому закону состоявшие на переселенцах недоимки по казенным сборам и в общий по империи продовольственный капитал слагались со счетов. Переселенцы после водворения освобождались от казенных платежей и земских сборов на 5 лет (по закону 1889 г. – на 3 года), в последующие 5 лет указанные платежи платились в половинном размере. Подтверждались льгота по отсрочке отбытия воинской повинности на 3 года и право переселенцев на получение ссуд[1].

Таким образом, в течение второй половины XIX – начала XX в. правительственные задачи в отношении крестьянских переселений претерпевали существенные изменения, что находило отражение в законодательстве. На первом этапе правительство не считало возможным поощрять или даже разрешать крестьянские переселения. Большинство крестьян переселялись самовольно, без участия правительства. Самовольные переселения в 1860–1870-х гг. имели несколько направлений: Северный Кавказ, Новороссия, Заволжье и Сибирь. Сибирское направление являлось второстепенным, что объясняется не только удаленностью края, но и малосостоятельностью переселяющихся, для которых переезд в Сибирь был невозможен ввиду отсутствия собственных средств.

Рост самовольных переселений на рубеже 1870–1880-х гг., а также изменение правительственных взглядов на переселенческую политику привели к изданию правил 1881 г. и закона 1889 г., устанавливавших нормы переселения для крестьян. Эти законодательные акты не только придавали переселениям законный характер, но и предполагали определенные льготы для переселяющихся. Государство ставило задачу по противодействию крестьянскому малоземелью в губерниях Европейской России. Но основой курса правительства в 1880-х – начале 1890-х гг. стало стремление не допустить неконтролируемого роста крестьянских переселений. Попытка регулировать переселен-

[1] Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1907. Т. 24. Отд. 1. № 24701.

ческое движение путем ограниченной выдачи разрешений приводила к тому, что в отдельные годы количество самовольных переселений увеличивалось. В период 1880-х – начала 1890-х гг. поток переселяющихся в Сибирь крестьян вырос, что было связано с принятием законов о переселениях, а также с исчерпанием свободных земель в других районах, привлекавших ранее переселенцев.

В 1893–1905 гг. правительственный курс в сфере крестьянских переселений определялся двумя задачами: колонизацией Сибири и Дальнего Востока, а также регулированием переселений. Правительство перешло к практике подбора переселенцев на основе имущественного критерия и наличия в семье рабочих рук. Такая практика входила в противоречие с задачей колонизации, искусственно отсекая от возможности переселяться желавших того крестьян. Для решения задачи контроля над движением переселенцев правительство широко применяло практику сокрытия законодательных актов, в которых говорилось о льготах для переселяющихся и которые могли бы спровоцировать крестьян на переселение. Это придало переселенческой политике противоречивый характер.

Больший успех в плане достижения результата имело использование административных мер регулирования переселенческим движением. В 1893–1905 гг. правительство несколько раз вводило ограничения и запреты на выдачу разрешений переселяться и за счет этого добивалось общего снижения потока переселяющихся. При этом использование административных рычагов, основанных на ограничениях и запретах, было бессильно против самовольных переселений. Борьба с самовольными переселениями стала важным направлением правительственного курса в 1893–1905 гг. В этой борьбе правительство даже пыталось привлечь жандармские структуры, но самовольные переселения, хотя и затухая в отдельные годы, фактически не прекращались. Этому способствовала практика массового устройства самовольных переселенцев Сибири как местной администрацией, так и центральными ведомствами.

Практика ограничения переселений лишь кругом среднесостоятельных и многосемейных крестьян также не дала положительного результата. Это привело к фактическому возврату правительственного курса к политике поощрения переселений малоимущих крестьян, что отразилось в новом переселенческом законе 1904 г. Отмеченный закон, вобрал в себя немало из предыдущего переселенческого законодательства и одновременно заложил основу нового курса переселенческой политики, реализация которой пришлась на период деятельности правительства П.А. Столыпина.

2.3. Создание и развитие правительственной системы мер поддержки переселенцев в 1861–1905 гг.

Мероприятия государства по оказанию переселенцам помощи прямо зависели от общего отношения в правительстве к вопросу о колонизации Сибири. Это отношение не было постоянным, в течение второй половины XIX – начала XX в. оно трансформировалось от безразличного и сдержанного к поощрительному. Равным образом менялись и задачи: переселение понималось либо как инструмент борьбы с малоземельем в Европейской России, либо как средство колонизации пустующих восточных районов страны. Соответственно, претерпевал эволюцию и характер правительственной помощи.

После отмены крепостного права и до начала 1880-х гг. правительственная помощь новоселам практически не оказывалась, переселенцы в дороге были предоставлены сами себе, добирались до Сибири на свой страх и риск. В научной литературе упоминается лишь об одном случае выдачи ссуды переселенцам в Тобольской губернии в 1860-х гг., когда 261 семья получила пособие по 60 рублей[1]. Исключение составляли только те крестьяне, которые переселялись на Дальний Восток и Забайкалье, поскольку колонизация этих районов имела стратегическое значение.

Рост крестьянских переселений в Сибирь в 1880-х гг. актуализировал вопрос об оказании государственной помощи переселяющимся. В правительстве осознали необходимость контроля и регулирования переселенческого процесса, изменился взгляд на необходимость оказания переселенцам помощи в дороге. Это немедленно нашло отражение в законодательстве. В 1889 г. вышел закон, где впервые в пореформенный период были прописаны льготы для переселяющихся. Закон предусматривал содействие переселенцам по пути следования и в местах водворения. Для помощи переселенцам в пути

[1] Вибе П. П. Политика правительства по оказанию ссудной помощи переселенцам Тобольской губернии в эпоху капитализма // Аграрная политика царизма в Сибири : сб. науч. тр. Омск : Омск. пед. ин-т, 1988. С. 63.

при Земском отделе МВД было учреждено 6 должностей чиновников особых поручений[1]. В дополнение к этому закону в 1892 г. был установлен единый порядок выдачи и возврата путевых ссуд: ссуды должны были выдаваться в размере 20–30 рублей только нуждающимся переселенцам, выданные ссуды зачислялись за переселенцами в долг, выплата которого должна была осуществляться в течение 3 лет беспроцентно, а с 4-го года (если переселенец к тому времени ссудный долг не погасит) и до погашения – 3% в год с оставшейся к тому времени неуплаченной суммы. В случае невозможности взыскать с переселенцев выданную сумму, она могла быть сложена со счетов[2].

Однако ограниченность выделяемых на переселенческое дело кредитов привела к тому, что в 1881–1892 гг. помощь переселенцам в пути по линии МВД носила либо эпизодический, либо ограниченный характер. В Сызрань, Оренбург, Тюмень и Томск были командированы чиновники по переселенческой части, двум последним МВД выделяло всего от 4 000 до 6 000 рублей для раздачи пособий бедствующим переселенцам[3]. Однако положительный эффект от правительственной помощи был – в Тюмени был сооружен крупный переселенческий пункт, представлявший собой целый городок, в центре которого находилась больница с помещениями для инфекционных больных. Правда, в середине 1890-х гг. после пуска в эксплуатацию Западно-Сибирской дороги переселенцы стали направляться через Челябинск и Уфу, минуя Тюмень, и Тюменский пункт пришел в упадок[4].

Об ограниченности правительственной помощи в этот период свидетельствует и небольшое число новоселов, получивших право на бесплатный проезд в Сибирь. Хотя закон 1889 г. и предоставлял такую возможность, но

---

[1] О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц, означенных сословий, переселившихся в прежнее время // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1891. Т. 9. № 6198.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 13. Л. 36–38.
[3] Ядринцев Н. Десятилетие переселенческого дела // Вестн. Европы. 1891. Кн. 8. С. 793.
[4] Беркенгейм А. М. Переселенческое дело в Сибири : (по личным наблюдениям и официальным данным). М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. С. 24.

фактически в 1890–1894 гг. из числа поселившихся в Томской губернии этой льготой воспользовалось лишь 450 семей[1].

В середине 1890-х гг. в Тобольской губернии было проведено экономическое обследование переселенцев, которое охватило 100 поселков, возникших с конца 1870-х по 1893 г. Данные этого обследования дают общее представление о том, как менялся масштаб денежной помощи переселяющимся в пути. Переселенцы, водворенные в 1882 г. и ранее, такую помощь почти не получали – из 714 обследованных хозяйств этой группы лишь 2 семьи получили помощь в пути. Общий размер путевого пособия составил 40 рублей на 2 семьи. Не улучшилась ситуация в 1883–1885 гг. – из 401 семьи, водворенной в этот период, лишь 1 в дороге получала пособие в размере 9 рублей. Чуть лучше ситуация стала в последующие годы. Из 588 семей, водворившихся в 1886–1888 гг., пособия в пути получили 88 семей, общий размер выданных средств составил 1 536,6 рубля (в среднем 17,5 рубля на семью). Из 1 168 семей, водворенных за 1889–1891 гг., пособиями в пути смогли воспользоваться лишь 87, общий размер потраченных на эти нужды средств составил 2 048,8 рубля (23,6 рубля на одну выдачу). Из 1 293 семей, водворенных в 1892–1893 гг., пособие в дороге получали 119, общий размер суммы составил 3 198,7 рубля (26,9 рубля)[2].

На первый взгляд, положение с выдачей путевых ссуд в 1880–1890-е гг. постепенно улучшалось: увеличивались средние размеры пособия (9 рублей в 1883–1885 гг., 17,5 рубля в 1886–1888 гг., 23,6 рубля в 1889–1891 гг. и 26,9 рубля в 1891–1892 гг.). Однако детальный анализ показывает, что фактически помощь в этой сфере даже ухудшилась. В 1886–1888 гг. ссудами в пути воспользовались 14,9% переселенцев, в 1889–1891 гг. – только 7,5, а в 1892–1893 гг. – 9,2%.

---

[1] Ноздрин Г. А. Сроки и механизмы адаптации переселенцев в Сибири в конце XIX – начале XX века // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах : сб. науч. тр. Новосибирск : Сибнаучиздат, 2007. Вып. 2. С. 22.

[2] Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 1870-х годов до 1873 г.). М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. Т. 2. С. 2, 5, 6, 9, 10, 13, 14, 17, 18, 21. (Приложения) (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

Уменьшение доли семей, получивших денежное пособие в дороге, было следствием общего увеличения количества переселенцев при сохранении прежнего уровня финансирования. В 1885–1892 гг. динамика переселенческого движения представляла собой неуклонный рост: в 1885 г. – в Сибирь прошло 4 526 д.м.п., в 1886 г. – 5 454, в 1887 г. – 7 096, в 1888 г. – 13 130, в 1889 г. – 14 364, в 1890 г. – 14 364, в 1891 г. – 32 876, в 1892 г. – 38 115 д.м.п.[1] При этом до издания закона 1889 г. в распоряжение МВД отпускался кредит в 20 000 рублей. Эта сумма расходовалась не только на сибирские губернии, но и на ведение переселенческого дела в Европейской России[2].

По подсчетам статистика В. Остафьева, на рубеже 1880–1890-х гг. средней переселенческой семье при покупке 4 билетов и провозе 10 пудов багажа для проезда поездом и пароходом до Томска в среднем необходимо было затратить чуть более 129 рублей. Из опрошенных им 480 семей переселенцев пособие в пути получили 132 семьи (38%). Правда, эта помощь была оказана не только чиновниками МВД, но и местной сибирской администрацией (губернаторами) и частными благотворителями. Правительственная помощь, безусловно, помогала отдельно взятым семьям в пути, и, подчеркивая ее значимость, В. Остафьев отмечал, что без нее многие переселенцы буквально умерли бы с голоду. До 1888 г. суммы, выдаваемые на семью, были значительнее. В Томске выдавали по 30–40 рублей, в Тюмени – 20–30 рублей. С увеличением количества переселенцев и без соответствующего роста кредитных ассигнований на этот предмет помощь новоселам становилась все менее значительной. Так, в 1890 г. в Тюмени выдавалось по 2–5 рублей «с большой осторожностью» и только тем, кто не мог дальше следовать[3].

В целом же в масштабах переселенческого движения размеры выделяемых средств не могли удовлетворить все нужды переселения. Ввиду недоста-

---

[1] Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и на других пунктах) в 1885–1895 гг. Тюмень : Тип. Л. К. Высоцкой, 1899. Вып. 1. С. 338–339.

[2] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 301. Л. 2, 4.

[3] Остафьев В. Переселенцы в Сибири // Юрид. вестник. 1891. Т. 8, кн. 1/2. С. 132, 134.

точности врачебно-продовольственной, денежной помощи в пути нередкими были случаи инфекционных болезней, смертности, в том числе и детской. Бедствия переселенцев повторялись ежегодно и были настолько вопиющими, что получили широкое освещение в периодической печати[1]. Описывая бедствия переселенцев, увиденные в 1870-е гг., Н.М. Ядринцев поставил вопрос: почему русские переселенцы не имеют никакой помощи и поддержки со стороны правительства?[2] Не скрывались факты бедствий переселенцев и местной администрацией[3]. Так, тобольский губернатор во всеподданнейшем отчете за 1892 г. прямо писал о скудном питании большинства переселенцев, недостатке крова для них, развитии среди переселенцев инфекционных заболеваний и усиленной смертности. В 1892 г. в Тюмени от брюшного тифа и холеры умерло 1 050 переселенцев[4].

Правительство не осталось безучастным к судьбам новоселов. Для устранения этих недостатков в 1880-е гг. оно предпринимало меры по двум направлениям: 1) борьба с болезнями и смертностью среди переселенцев; 2) облегчение условий передвижения[5]. Однако ограниченность правительственных средств, выделяемых на нужды переселения, не позволяла решить эти проблемы, и функцию оказания помощи переселяющимся во многом взяли на себя благотворители. Содействие и поддержку переселенцам стали оказывать

[1] См.: Гурвич И. А. Переселение крестьян в Сибирь. М. : Тип. А. Левенсон и К°, 1889. С. 5; Дудоладов А. Очерк переселенческого в Сибирь движения // Зап. Зап.-Сиб. отд. имп. рус. геогр. об-ва. 1886. Кн. 8, вып. 1/2. С. 6–7, 19–21; Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб. : Изд-е А. Ф. Цинзерлинга, 1891. С. 50–51; Тернер Ф. Переселенческое дело // Вестн. Европы. 1897. Кн. 3, т. 2. С. 112; Ядринцев Н. М. Вопросы переселения и настоятельные нужды переселенческого дела // Путь-дорога. СПб. : Типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1883. С. 582–587; Ядринцев Н. М. Вопросы переселения и настоятельные нужды переселенческого дела // Путь-дорога. СПб. : Типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1883. С. 60–70. и др.

[2] Ядринцев Н. М. Судьба русских переселений за Урал // Отечеств. записки. 1879. № 6. Т. 264. С. 156–160.

[3] См.: Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 105.

[4] Приводится по: Коновалов В. В., Усольцев А. Г. Тюмень как перевалочный пункт крестьянских переселений в Сибирь в 80–90-е гг. XIX века // 400 лет Тюмени : история и современность : тез. докл. и сообщ. гор. науч. конф. Тюмень : Тюменский гос. ун-т, 1986. С. 24.

[5] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 179–180.

благотворительные комитеты, открывавшиеся в разное время по инициативе местной администрации или общественности. Такие комитеты возникли в Томске, Тюмени, Иркутске, Чите, Санкт-Петербурге. Время от времени на помощь переселенцам приходили частные лица, производившие сбор пожертвований на нужды переселенческого дела[1]. Весной 1889 г. в Перми местное благотворительное общество образовало особую комиссию, которая собрала 800 рублей пожертвований. Большая часть этой суммы была потрачена на оплату проезда неимущим переселенцам до Тюмени, остальные средства пошли на покупку хлеба и муки для переселенцев. 6 ноября 1890 г. был утвержден устав Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам[2]. За время своей деятельности это общество потратило на оказание помощи переселенцам около 60 000 рублей, т.е. немногим менее чем государство за то же время[3]. За счет местных благотворительных организаций были построены бараки для переселенцев по пути их следования на восток в Нижнем Новгороде, Казани, Самаре, Перми, Ряжске[4]. На Алтае путевые ссуды от казны до середины 1890-х гг. вообще не выдавались, и проходившим через Барнаул переселенцам ссудная помощь оказывалась Обществом любителей исследования Алтая[5].

Иногда помощь оказывалась местной администрацией из собственных источников. В. Остафьев привел очень интересный пример, когда 14 семей, доехав до Перми, не имели средств для дальнейшего движения и остановились прямо на городской площади «табором». Этот импровизированный лагерь простоял 2 недели, в течение которых площадь оказалась сильно загрязнена. Городская дума в итоге выделила из своих источников средства для от-

---

[1] Чиркин Г. Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX – начала XX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг. : 28-ая гос. тип., 1922. Вып. 2. С. 91.
[2] Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб. : Изд-е А. Ф. Цинзерлинга, 1891. С. 54, 182.
[3] Тернер Ф. Переселенческое дело // Вестн. Европы. 1897. Кн. 3, т. 2. С. 118.
[4] Беркенгейм А. М. Переселенческое дело в Сибири : (по личным наблюдениям и официальным данным). М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. С. 24.
[5] КГУ ГААК. Ф. Д-81. Оп. 1. Д. 7. Л. 15–16об.

правки этих переселенцев до Тюмени[1]. В 1883 г. в Томске ожидалось прибытие крупной партии переселенцев, и для их встречи и размещения был учрежден особый комитет, по распоряжению которого для новоселов был построен барак. Городом, генерал-губернатором и местными благотворителями были выделены средства, за счет которых переселенцам было роздано в качестве пособий более 6 615 рублей[2].

В 1883 г. в Тюмени по инициативе губернатора возник временный комитет для оказания помощи проходящим через город переселенцам. С 1 ноября 1888 г. по 1 ноября 1889 г. этот комитет израсходовал 3 418 рублей на оказание врачебной помощи переселенцам, на раздачу пособий деньгами и вещами[3]. Так, в 1893 г. председатель Томского общества вспомоществования нуждающимся переселенцам И.И. Игнатьев пожертвовал 1 000 рублей на исследование мест водворения переселенцев[4].

Не лучше обстояли дела и с выдачей ссуд на хозяйственное устройство. Кредиты для выдачи переселенцам ссуд и безвозвратных пособий стали выделяться по смете МВД с 1884 г. В 1884 г. размер ассигнований составил в 40 000 рублей, в 1885–1889 гг. – по 20 000 рублей ежегодно. Выдача ссуд и безвозвратных пособий возлагалась на переселенческих чиновников, командированных в города на пути следования переселенцев и на органы местной администрации. В 1891 г. МВД разослало местным учреждениям руководящие указания, по которым выдача домообзаводственных ссуд была поставлена в зависимость от разрешения МВД по представлению губернских и областных начальств. Высший размер ссуды был определен в 200 рублей[5].

---

[1] Остафьев В. Переселенцы в Сибири // Юрид. вестник. 1891. Т. 8, кн. 1/2. С. 132.
[2] Дудоладов А. Очерк переселенческого в Сибирь движения // Зап. Зап.-Сиб. отд. имп. рус. геогр. об-ва. 1886. Кн. 8, вып. 1/2. С. 40.
[3] Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб. : Изд-е А. Ф. Цинзерлинга, 1891. С. 58.
[4] Швецов С. П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округа : результаты статистического исследования в 1894 г. Барнаул : Типо-литогр. при Гл. упр. Алт. округа, 1899. Вып. 1. : Экономические таблицы. С. I.
[5] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 250–251.

Значимым событием с точки зрения льгот для переселенцев на местах водворения стал закон 13 июля 1889 г. Закон вводил налоговые льготы для переселенцев (3 года полное освобождение от казенных и арендных платежей, в последующие 3 года платежи должны были взиматься в половинном размере), устанавливалось право новоселов на получение продовольственных и семенных ссуд, вводилась трехгодичная отсрочка от призыва в армию[1].

Установленные законом 1889 г. льготы, несомненно, облегчали переселенцам устройство на новом месте, увеличивали шансы на прочное обзаведение хозяйством. Важность освобождения новоселов от уплаты податей на начальный период домообзаводства тоже не следует недооценивать. В период, когда налоговые льготы вообще отсутствовали, становление переселенческих хозяйств проходило медленно и тяжело: в первые после водворения годы отдельные хозяйства и даже целые переселенческие поселки быстро накапливали большие недоимки. Например, в заселке Малышев Лог Касмалинской волости (1885 г. образования) уже в 1887 г. недоимка на двор составляла почти 9 рублей[2]. Поэтому трудно согласиться с мнением некоторых отечественных историков, считавших этот закон «мертворожденным»[3].

Фактически положенные законом 1889 г. льготы распространялись и на приписывавшихся в старожильческие общества. Сохранившиеся документы казенных палат свидетельствуют, что налоговые льготы, положенные водворявшимся в старожильческих селениях, действительно применялись. На основании закона 19 января 1898 г. о замене подушных сборов государственной и поземельной податями при каждом причислении к старожильческим обществам казенные палаты должны были уменьшать эти оклады в соответ-

---

[1] О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц, означенных сословий, переселившихся в прежнее время // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1891. Т. 9. № 6198.

[2] Овсянкин И. Колонизация и переселенческое дело // Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск : типо-литог. Михайлова и Макушина, 1890. С. 347.

[3] Симонова М. С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 428.

ствии с количеством причисляемых душ. Уменьшение производилось сроком на 3 года полностью, а в последующие 3 года – наполовину[1]. Такая практика применялась и в последующие годы. После увеличения льготного срока освобождения от налогов до 5 лет казенные палаты тоже стали на 5 лет уменьшать причитающийся с общества оклад государственной оброчной подати по числу причисленных душ и соответствующего для них количества десятин. Это уменьшение происходило на 5 лет в размере полного оклада, на следующие 5 лет – в половинном размере[2].

Решением КСЖД в 1897 г. были распространены на приселявшихся в старожильческие общества и льготы по отбытию воинской повинности, уплате податей, а также правила по выдаче пособий[3].

Рост переселений на Алтай актуализировал вопрос льгот для водворявшихся на кабинетских землях. Закон 13 июля 1889 г. имел ввиду льготы только для переселяющихся на казенные земли, переселявшихся в Алтайский округ он не затронул. Вопрос о распространении закона 1889 г. на кабинетские земли был поднят некоторыми представителями кабинетской администрации еще в начале 1890-х гг. Ввиду усиленного наплыва переселенцев в Алтайский округ в декабре 1892 г. было решено применить закон 1889 г. для переселившихся на Алтай. Правда, речь шла только о ст. III этого закона (о перечислении прибывших самовольно с переводом по новому месту жительства недоимок в прежних обществах). Вопрос о льготах для переселенцев на Алтае в начале 1890-х гг. не был решен[4].

В 1890 г. ассигнования на переселенческие нужды были увеличены до 80 000 рублей, причем 60 000 из них предполагалось тратить на выдачу домообзаводственных ссуд. В таком же размере кредит ассигновывался в 1891–1893 гг. Размеры ссуд в 1891–1893 гг. составляли 5–15 рублей, ссуды больших размеров выдавались очень редко – в 1891 г. из 461 семьи, воспользовавшей-

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 364. Л. 28.
[2] Там же. Оп. 15. Д. 2262. Л. 51–51об.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 42об.–43, 44об.
[4] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2239. Л. 35–36об., 45–45об.

ся ссудами, только 1 (одна) получила более 50 рублей[1]. В 1893 г. в Тобольской губернии ссудами воспользовалось 55% от общего количества зарегистрированных хозяйств, в Томской – 46%[2].

Ассигнуемые в начале 1890-х гг. средства предназначались исключительно для путевых пособий, ссуд на домообзаводство, приобретение скота и земледельческих орудий. Ссуды на продовольствие и семена должны были выдаваться из местных продовольственных запасов или из общего по империи продовольственного капитала[3].

В 1891 г. МВД разослало местным учреждениям правила, по которым выдачи переселенцам домообзаводственных ссуд предполагались с разрешения министерства. Хотя высший размер ссуды был определен в 200 рублей на семью, ограниченность кредитов не позволяла обеспечить предоставление всем новоселам помощи в этом объеме. На этот факт обратил внимание КСЖД, на одном из своих первых заседаний признавший необходимым значительно расширить постановку ссудного кредитования переселенцев[4].

В 1889–1891 гг. ссуды на продовольствие выдавались с условием возврата в течение 10 лет равными частями. В первые 3 года выплаты должны были осуществляться без процентов, в последующие – с платежом 3%. Распоряжением МВД 21 ноября 1891 г. продовольственная ссуда должна была выдаваться с условием возврата из первого же по возможности урожая. Оба эти порядка предполагали начало ссудных выплат, когда переселенческое хозяйство еще не окрепло. Ссуды на домообзаводство в 1893 г. выдавались уже с условием возврата в течение 33 лет с уплатой 6% по истечении 5 льготных лет. В 1893 г. средний размер домообзаводственной ссуды в Томской губернии был чуть меньше 40 рублей, и не было случаев, чтобы такая ссуда была больше 60 рублей. Средняя продовольственная и семенная ссуда не превыша-

---

[1] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 301. Л. 2, 4.
[2] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 250–251.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 13. Л. 23.
[4] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 333.

ла 17,65 рубля на семью. Причем в Томской губернии эти ссуды выдавались только устроившимся на казенных землях, поселившимся на землях Кабинета ссуд не полагалось[1].

Об изменении характера и размеров домообзаводственных ссуд и пособий можно судить по данным исследования 100 переселенческих поселков Тобольской губернии, возникших в конце 1870-х – 1893 гг. Из числа опрошенных 714 домохозяев, водворившихся в 1882 г. и ранее, ссудами воспользовались 412 семей (57,7% от числа опрошенных). Общий размер выданных им средств составил 20 219 рублей, в среднем на одну выдачу – 49 рублей. Из водворившейся в 1883–1885 гг. 401 семьи ссудами воспользовались 192 (47,9%), общий размер выданных средств – 7 420,5 рубля. Средний размер ссуды по сравнению с предыдущим периодом понизился до 38,6 рубля. В дальнейшем ситуация со ссудами и пособиями оставалась неоднозначной: из водворенных в 1886–1888 гг. ссудами воспользовались 57,8% опрошенных, средний размер ссуды 38,9 рубля, в 1889–1891 гг. процент воспользовавшихся ссудой вырос до 63,5%, но средний размер ссудной выплаты уменьшился до 29,4 рубля. В 1892–1893 гг. процент получавших ссуду упал до 47,2%, но средняя ссуда возросла до 54,8 рубля[2]. Как видно из показаний крестьян, ссуды и пособия они получали даже тогда, когда МВД еще не выделяло на эти нужды кредиты. К сожалению, из данных статистического обследования не ясно, были это ссуды деньгами, семенами или каким-то инвентарем. Очевидно также, что в середине 1880-х – начале 1890-х гг. в условиях растущего переселенческого движения администрация была вынуждена решать дилемму: выдавать ссуды большему количеству семей, но в меньшем размере, или увеличивать размер ссуды, но сокращать количество семей, которым эти ссуды выдавать.

---

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 238–240, 246.

[2] Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 1870-х годов до 1873 г.). М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. Т. 2. С. 2, 5, 6, 9, 10, 13, 14, 17, 18, 21. (Приложения) (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

В целом в деле выдачи ссуд в начале 1890-х гг. имелось несколько существенных недостатков: большое число отказов, чрезмерная экономия в назначении ссуд и медлительность в рассмотрении ходатайств о ссуде. В Томской губернии были случаи, когда домообзаводственные ссуды выдавались через 11–13 месяцев, 16 месяцев и даже 36 месяцев. Были примеры, когда новосел получал семенную ссуду через 1–2 года после подачи ходатайства. В результате, по отзыву чиновника Земского отдела МВД Архипова в 1893 г., многие из обратных переселенцев в качестве причин возвращения называли недостаток средств и несвоевременность государственной помощи[1].

Недостатком было также отсутствие ссуд для переселяющихся на кабинетские земли Алтайского горного округа. Переселение в этот регион регламентировалось правилами 1865 г., по которым едва ли не единственным видом пособий для переселенцев было предоставление администрацией лесных материалов на первоначальное домообзаводство и топливо. Выдача этих материалов новоселам осуществлялась бесплатно[2]. При этом переселяющимся в Алтайский округ даже в 1890 г., т.е. после выхода закона 1889 г., объявлялось, что они не имеют прав ни на получение денежных пособий, ни на льготы в платеже податей и повинностей[3]. 28 декабря 1892 г. земельно-заводской отдел Кабинета уведомил и.о. начальника Алтайского округа, что правила 13 июля 1889 г. по Высочайшему соизволению распространяются на Алтайский округ[4]. Вопрос о необходимости распространить на Алтайский округ практику выдачи домообзаводственных ссуд неоднократно поднимался в начале 1890-х гг. чиновниками разного уровня, в том числе министрами МВД и финансов[5]. В результате в 1894 г. был решен вопрос о командировании в Барнаул

---

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 245об.–246, 293об.
[2] Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 гг. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. С. 14–16.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2239. Л. 17–18.
[4] Там же. Л. 45–45об.
[5] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 247об.; КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2239. Л. 65–66об.; Жидков Г. П. Переселенческая политика Кабинета в 1865–1905 гг. // Вопросы истории Сибири досоветского периода : Бахрушинские чтения, 1969 г. Новосибирск : Наука 1973. С. 373.

чиновника по переселенческому делу[1], с этого же года Главное управление округа по разрешению главы МИДв стало оказывать новоселам помощь в виде долгосрочных ссуд и безвозвратных пособий. По вышедшим 27 апреля 1896 г. правилам водворявшиеся на переселенческих участках Алтайского округа на 3 года освобождались от уплаты податей в казну и Кабинет, в последующие 3 года платили подати в половинном размере[2].

Помимо этого, водворявшиеся на Алтае получали положенные законом 1889 г. льготы по отбытию воинской повинности, право на получение пособий на продовольствие и семена[3]. По данным исследовавшего этот вопрос сибирского историка А.Ю. Карпинца, финансировалась ссудная помощь переселенцам Алтайского округа из средств Кабинета, и сохранялось такое положение до момента передачи кабинетских земель под переселение указом 19 сентября 1906 г., после чего финансирование ссудного кредитования на Алтае перешло в компетенцию Переселенческого управления[4].

С образованием КСЖД ситуация в вопросе оказания переселенцам помощи значительно улучшилась. Среди всех видов оказываемой переселенцам в пути помощи первое место стала занимать врачебно-продовольственная. Уже в 1893 г. в Томской и Тобольской губерниях были сооружены для переселенцев специальные врачебно-питательные пункты. Финансирование строительства этих пунктов осуществлялось из средств Особого комитета, председателем которого был сам император. В 1894 г. строительство подобных пунктов было продолжено из фонда КСЖД[5]. На эти нужды было выделено 2 949 632 рубля для устройства 36 врачебных и 20 фельдшерских пунктов вдоль основного пути движения переселенцев по Сибирской магистрали, а

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2239. Л. 65об.–66.

[2] Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 гг. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. С. 24, 10.

[3] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 345.

[4] Карпинец А. Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896–1916 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Кемерово, 2003. С. 16.

[5] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 184–185.

также до 15 врачебных и 10 фельдшерских пунктов по рекам и трактам, соединявшим рельсовый путь со сравнительно отдаленными районами. На этих пунктах имелись помещения для временного приюта и отдыха переселенцев, аптека, присутствовал врачебный персонал. Плата за лекарства и медицинскую помощь с новоселов не взималась. В местах наибольшего скопления переселенцев в Европейской России осуществлялся врачебный надзор за переселенцами, на некоторые станции Самаро-Златоустовской железной дороги для этой цели были командированы специалисты. В составе переселенческих поездов по линии этой дороги курсировали особые санитарные вагоны для помощи больным инфекционными болезнями. Продовольственная помощь оказывалась посредством продажи переселенцам по заготовительным ценам продуктов и горячей пищи, последняя бесплатно выдавалась детям до 10 лет, а в крайних случаях и взрослым. В 1894 г. была учреждена должность особого чиновника для заведывания переселенческим делом по линии Сибирской железной дороги. При нем появились хозяйственная, счетная и картографическая части, практиковались ежегодные командировки его помощников в места наибольшего скопления переселенцев. В 1895 г. таких помощников было 2, в 1902 г. – 14. Они заведовали врачебно-продовольственными пунктами по линии Сибирской железной дороги и выдавали нуждающимся путевые пособия[1].

Не оставалась в стороне и губернская администрация, много сделавшая для улучшения медицинского обслуживания следовавших через Тобольскую губернию переселенцев. Для оказания помощи новоселам, идущим по сухому пути, было приглашено 10 врачей, 18 студентов и 18 фельдшериц, ехавшим по водному пути медицинскую помощь оказывали 1 врач, 16 студентов и 30 фельдшериц. Кроме того, в Тюмени находился особый отряд из 14 студентов и 14 фельдшериц. Каждая пристань по Оби и Иртышу имела своего врача и фельдшера, которые должны были осматривать всякий пароход; для лечения

[1] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 307–309.

заболевших по водному пути Оби и Иртыша были устроены 12 бараков на пристанях, каждый пароход или баржу с переселенцами сопровождал фельдшер. По сухопутному тракту от Тюмени через Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск и далее было открыто 10 врачебно-продовольственных пунктов, устроены временные бараки для больных и здоровых переселенцев. Были отремонтированы барачные постройки в Тюмени. В нескольких верстах от Перми были построены платная и бесплатная столовые, на снабжение переселенцев горячей пищей и чаем было выделено 4 тыс. рублей. В результате такого улучшения организации врачебно-продовольственной помощи смертность среди переселенцев снизилась в 10 раз (в 1893 г. в Тюмени умерло до 100 человек, тогда как в 1892 г. – до 1 000 человек)[1].

Глава МВД признал принятые в 1894 г. меры по организации врачебно-продовольственной помощи переселенцам успешными и принял решение оказывать такую помощь постоянно. Решено было увеличить количество пунктов по главным маршрутам движения переселенцев. Расстояние между пунктами должно было составлять суточный переход по водным путям и полуторасуточный – по грунтовым дорогам. Хотя продовольственную помощь первоначально предполагалось оказывать в основном платно (по заготовительным ценам) и лишь в крайних случаях – бесплатно[2], но фактически большая часть выдававшихся порций были бесплатными. Так, с 1 января по 1 сентября 1897 г. в пунктовых и железнодорожных столовых на Петуховском, Курганском, Петропавловском, Омском, Каинском и Обском пунктах была выдана 83 831 порция пищи, из которых бесплатно – 77 536[3]. Решением КСЖД от 27 ноября 1896 г. на устройство пунктов для переселенцев и оказания им врачебно-продовольственной помощи на линии Сибирской железной дороги было выделено 217 856 рублей[4].

---

[1] Головачев Д. Переселенцы в 1893 году // Вестн. Европы. 1894. № 5. С. 349–351.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 51об.–52.
[3] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г. СПб. : Гос. тип., 1899. С. 9 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

К концу XIX в. были устроены переселенческие пункты по основным направлениям движения переселенцев. Узловым пунктом стал Челябинский, на содержание которого в 1899 г. было выделено до 40 000 рублей. По пути переселенцев в Акмолинскую область были построены пункты в Кургане, Петухове, Петропавловске, Омске. Для направляющихся в Юдинскую и Верхне-Каинскую волости Каинского уезда были сооружены пункты при станциях Каинске, Каргате и Татарской. Направляющиеся речным путем в Барнаул могли получить помощь на Обском пункте, а направляющиеся на участки по р. Чете – на Боготольском пункте. В Восточной Сибири были устроены пункты в Ачинске, Красноярске, Канске и Ольгине (Енисейская губерния), а для едущих в Иркутскую губернию – в Тайшете и Тулуне[1]. Некоторые из переселенческих пунктов были довольно крупными. На Челябинском пункте одновременно могло быть размещено до 4 000 человек, до 1898 г. для переселенцев бесплатно раздавалась горячая пища и была выстроена церковь. На Ольгинском пункте в 1898 г. находилась больница, аптека, осуществлялся амбулаторный прием. На Челябинском пункте за первое полугодие 1898 г. было принято 8 647 амбулаторных больных, на Ольгинском – до 6 000[2]

КСЖД не ограничился развитием медицинской помощи только на врачебно-продовольственных пунктах. Был приглашен медицинский персонал для сопровождения переселенческих поездов в особых санитарных вагонах и на баржах при следовании переселенцев по рекам. При этом врачебно-продовольственные пункты уже в 1890-е гг. расширили свою деятельность и стали оказывать помощь не только переселенцам, но и старожилам. В 1894–1901 гг. на 27 пунктах медицинскую помощь получили 519 274 больных (из них 170 718 – старожилы). За тот же период продовольственная помощь переселенцам была оказана в виде 3 946 747 порций горячей пищи, причем

[1] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 186–187.
[2] Прибавление к Всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 г. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1899. С. 37–38.

3 072 599 порций были розданы бесплатно, также было выдано 471 353 порции детям. Помимо этого, продовольственная помощь выразилась в снабжении переселенцев печеным хлебом в количестве 106 447 пудов, из которых 77 307 пудов были розданы бесплатно. Результаты этих мероприятий сказались довольно быстро в виде заметного уменьшения смертности среди переселенцев: в 1895 г. число умерших в пути сократилось до 1% от общего количества зарегистрированных переселенцев, в 1896 г. – 0,6, в 1898 г. – 0,23, а в 1901 г. – до 0,18%[1]. Тенденцию сокращения смертности среди переселенцев отмечали и некоторые историки советского периода[2].

Показательно, что развитию переселенческих пунктов уделялось большое внимание даже в те годы, когда происходил спад переселенческого движения. Так, в 1901–1902 гг. переселенческое движение упало почти в 2 раза, а ходаческое составило лишь 58,8 и 54,7% от 1900 г.,[3] но в 1901 г. Переселенческое управление командировало в места выезда переселенцев 39 человек для устройства переселенческих пунктов[4]. На 1902 г. на содержание и устройство становищ для переселенцев и оказание им врачебно-продовольственной помощи было ассигновано 407 654 рубля[5]. Этому вопросу уделялось значительное внимание и в последующие годы. Так, в 1903 г. было решено выделить для МВД 558 700 рублей на организацию врачебно-продовольственной помощи в Сибири, а также 7 000 рублей для переселенцев, направлявшихся в Приамурский край. Также предлагалось с 1904 г. выделить для МПС кредиты «на усиление станционных приспособлений для потребностей переселенческого движения»[6]. К концу 1908 г. в Томской губернии было 11 врачебно-продовольственных пунктов по пути движения переселенцев, в

---

[1] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 310.

[2] Степанов В. Л. Н. Х. Бунге и вопросы переселенческой политики в 80–90-е годы XIX века // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск : Иркут. гос. пед. ин-т, 1987. С. 119.

[3] См. приложение А (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[4] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 23.

[5] ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 842. Л. 80.

[6] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 49. Л. 24об.

Тобольской – 10, кроме того, пунктов в районах водворения переселенцев в Томской губернии – 18, в Тобольской – 28[1].

При КСЖД был создан благотворительный фонд, который тоже принимал участие в оказании переселенцам врачебной помощи. Из средств этого фонда А.Н. Куломзин в 1899 г. предложил снарядить медицинскую экспедицию в Сибирь в места наибольшего скопления новоселов для оказания помощи больным глазными болезнями[2].

Большое значение в деле облегчения переселенцам переезда в Сибирь имели скидки и льготы на проезд. Эти скидки до учреждения КСЖД предоставлялись некоторыми железнодорожными обществами и пароходными компаниями и были почти единственными правительственными мерами, существенно облегчавшими передвижение переселенцев в Сибирь. Так, с 15 сентября 1890 г. для получивших разрешение переселенцев был введен удешевленный тариф на перевозку новоселов и их имущества. Чтобы воспользоваться этим правом, нужно было предъявить начальнику станции переселенческое удостоверение. Информация о тарифе была опубликована в печати[3]. Выдача свидетельства для проезда по льготному тарифу была возложена на волостные правления, чиновников особых поручений при Земском отделе МВД, местные учреждения по крестьянским делам, а для лиц некрестьянских сословий – и на местную полицию[4]. С 1 марта 1894 г. был введен новый переселенческий тариф, по которому за проезд одной версты с каждого человека взималась плата 0,3 копейки. Дети до 10 лет перевозились бесплатно. Переселяющиеся могли также бесплатно везти 1 пуд багажа, за остальной багаж плата составляла $^{1}/_{75}$ копейки с пуда за версту. За лошадей и рогатый скот плата составляла 0,5 копейки с головы за версту[5]. В 1898 г. цена переселенческого билета понизилась до стоимости детского билета III класса. Если в 1890 г. затраты на проезд семьи из губерний средней полосы России до Томска со-

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 486. Л. 60об.–61.
[2] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 365. Л. 385.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 13. Л. 24об.–25.
[4] Там же. Д. 12. Л. 38.
[5] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 27.

ставляли 57 рублей, то к 1903 г. – 15 рублей[1]. В самом начале строительства Сибирской магистрали КСЖД предусматривал выделение средств на фрахтовку барж для эвакуации переселенцев из мест их наибольшего скопления (Тюмень, Омск, Кривощеково), способствовал приобретению телег и лошадей для переезда к заготовленным участкам[2]. В удаленные от станций железной дороги места водворения новоселы доставлялись бесплатно на пароходах по Иртышу, Шилке и Амуру[3].

В целом с образованием КСЖД обстановка с финансированием переселенческого дела улучшилась. Комитетом были поставлены вопросы о колонизации Сибири и об оказании целого комплекса мероприятий помощи переселенцам. Не последнее место в числе таких мероприятий занимала ссудная помощь. В Комитете начали с того, что решили выяснить размер необходимых для переселенцев ссуд. В 1893 г. был сделан запрос у сибирских губернаторов по этому вопросу. Томский губернатор, Иркутский и Степной генерал-губернаторы считали достаточным размер домообзаводственной ссуды до 200 рублей. Тобольский губернатор считал достаточным и 100 рублей[4]. В дальнейшем центральные ведомства делали подобные же запросы у сибирских губернаторов и генерал-губернаторов перед очередным изменением ссудных правил раз в 3 года[5].

В итоге 5 июня 1894 г. вышли временные правила о ссудах, по которым максимальный размер путевых ссуд был установлен в размере 50 рублей, для следовавших на Дальний Восток – до 100 рублей[6]. Эти же нормы действовали

---

[1] Шиловский М. В. Система льгот для переселяющихся в Сибирь (конец XIX – начало XX вв.) // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Новосибирск : НГУ, 2003. С. 82.

[2] Ус Л. Б. Комитет Сибирской железной дороги : комплексный подход к организации переселений // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв. : материалы VI Всерос. науч. конф. Новосибирск : НГУЭУ, 2006. С. 248–249.

[3] Пронин В. И. Роль государства в развитии переселенческого движения крестьян в Сибирь в кон. XIX – нач. XX в. // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Новосибирск : НГУ, 2003. С. 77.

[4] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 233, 234, 240, 242–242об.

[5] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 107. Л. 7–13.

в дальнейшем по правилам 10 марта 1906 г.[1] Путевые ссуды по правилам 1894 г. выдавались не более 50 рублей на семью, подлежали возврату через 3 года, должны были выплачиваться без процентов в течение 5 лет равными частями по полугодиям, в отдельных случаях возврат путевых ссуд мог быть отсрочен до 10 лет. Выдача путевых ссуд была возложена на переселенческих чиновников при Земском отделе МВД и при Иркутском генерал-губернаторе. Значительно выросли ассигнования: по утвержденному 5 июня 1894 г. положению КСЖД в распоряжение МВД на 1894 г. было дополнительно выделено 300 000 рублей на выдачу путевых и домообзаводственных ссуд[2].

Хотя формально право на путевые ссуды имели только «законные» переселенцы, фактически они в середине 1890-х гг. выдавались и тем переселенцам и ходокам, кто шел самовольно. Так, на железнодорожных пунктах в Челябинске, Кургане, Петухово, Петропавловске, Омске, Татарке, Каргате, Оби и Томске в 1896 г. ссуды получили 3 579 семей, имевших разрешение на переселение, и 2 263 семьи, такого разрешения не имевшие. Путевые ссуды и безвозвратные пособия выдавались также обратным переселенцам. В Тобольской губернии с 1 апреля 1896 г. по 1 января 1897 г. обратным переселенцам было выдано 7 259 рублей в виде путевых ссуд и 788 рублей в виде безвозвратных пособий[3]. В 1903–1904 гг. ежегодно на перевозку неимущих самовольных обратных переселенцев планировалось выделять по 5 000 рублей[4].

По правилам 5 июня 1894 г. выдача ссуд была ориентирована на «нуждающиеся семейства». После приезда в Сибирь переселенцы могли получать ссуду на домообзаводство, продовольственную ссуду и ссуду на семена, безвозмездно лесной материал для хозяйственных и усадебных построек. Хотя Иркутский и Степной генерал-губернаторы предлагали высший размер

---

[6] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 310–311.

[1] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 18.

[2] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 301. Л. 41об.–42, 132; ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 33–33об.

[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 407. Л. 1, 21об.

[4] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 49. Л. 24, 93.

ссуды в 200 рублей, по правилам 1894 г. был установлен предельный размер вдвое меньший – не более 100 рублей на семью (для переселявшихся в Приамурский край – не более 150 рублей). Правда, в исключительных случаях допускалась возможность губернской или областной администрации ходатайствовать перед МВД о выдаче усиленных ссуд. Разрешалось в счет ссуд выдавать лесные материалы, земледельческие орудия и другие предметы хозяйственного обихода (по заготовительным ценам). Сами ссуды носили беспроцентный характер. Местное начальство должно было наблюдать, чтобы ссуды расходовались по назначению, для этого была введена практика выдачи ссуд по частям[1]. В тех случаях, когда на участке не было строевого леса, из казенных дач безвозмездно на двор можно было получить до 200 деревьев, для строительства бань – по 20 и для гумен и риг – до 60 деревьев[2].

Выдача ссуд в 1890-х гг. производилась губернскими или областными учреждениями, ведавшими переселенческое дело, с 1903 г. эта функция была поручена уездным съездам крестьянских начальников. Правда, сначала крестьянские начальники или заведующие водворением переселенцев, должны были представить уездному съезду соответствующее представление о ссуде. С целью незамедлительного оказания помощи новоселам крестьянским начальникам было предоставлено право выдавать по своему усмотрению ссуды из отпускаемых им уездными съездами авансов, не дожидаясь решения съезда. Высший размер таких первоначальных пособий был равен 50 рублям[3]. При этом крестьянские начальники исходили из того, что часть переселенцев не нуждалась в ссудах совсем, другим нужны были суммы меньше 50 рублей, а третьим были необходимы ссуды в 100 рублей[4].

---

[1] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 188–189, 191, 193–195.
[2] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 334.
[3] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 334.
[4] ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 507. Л. 18об.

В дальнейшем правила 1894 г. изменялись и пересматривались через каждые 3 года, что позволяло гибко реагировать на меняющиеся требования к характеру и размерам домообзаводственных ссуд. 15 марта 1896 г. в ссудные правила было внесено дополнение: в целях своевременной выдачи ссуд крестьянские чиновники получили право выдавать крестьянам в счет ссуд до 30 рублей, не дожидаясь разрешения от губернских властей. Весной 1899 г. эти правила были пересмотрены с дополнениями: был увеличен льготный срок, после которого начиналась выплата ссуды (с 3 до 5 лет), допускалась выдача ссуд семьям, с момента водворения которых прошло более 3 лет[1].

По правилам 25 июня 1903 г. разные виды ссуд (на возведение жилищ, домообзаводство, обсеменение полей и продовольствие) были объединены в один вид ссуды под общим названием «на хозяйственное устройство». В результате такой унификации ссудная помощь стала носить комплексный характер. По предложению подготовительной комиссии, продовольственные и семенные пособия предполагалось выдавать только вновь прибывшим переселенцам до снятия ими первого урожая либо прожившим до 3 лет, чьи наделы ввиду трудности разработки не позволяли производить посевы в размере, достаточном для продовольствия семьи[2]. В целях ускорения оказания помощи переселенцам право выдачи ссуд свыше 100 рублей было передано уездным съездам крестьянских начальников[3].

В заслуживающих уважения случаях выплата ссудных долгов могла быть рассрочена, и конкретные примеры свидетельствуют, что этот пункт правил не был лишь пустой декларацией. Так, в 1903 г. вдова переселенца Степанина получила разрешение (за личной подписью Кривошеина) на отсрочку от уплаты домообзаводственной ссуды в 60 рублей, выданной ее мужу. В 1902 г. Министерство финансов поддержало ходатайство переселенцев д.

---

[1] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 246–247, 251–252.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1254. Л. 1–2об.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22.

Усть-Чарышской (Бийский уезд) о рассрочке на 7 лет уплаты недоимки в 292,75 рублей[1].

Несмотря на общее улучшение в сфере помощи новоселам на рубеже XIX–XX вв., в этом вопросе существовали определенные недочеты. Имелись сложности с оказанием помощи переселенцам лесными материалами. В 1894–1901 гг. местные управления госимуществ предоставили лесных материалов для переселенцев безлесной части Тобольской губернии на 1 037 рублей, Степного края – на 7 989 рублей, в Каинском уезде – на 2 039 рублей. Но в действительности правом получения бесплатного леса пользовались не все и не в полном объеме. При расстоянии в 80–100 и более верст от участка многие переселенцы не могли вывозить отпущенный им лес в полном объеме и вместо 60–70 бревен, необходимых для постройки избы, вывозили лишь 5–6 для строительства землянки. В Омском, Атбасарском и Петропавловском уездах в 1899–1901 гг. из 15 000 переселенцев выбрали билеты на бесплатную рубку леса лишь 5 000, а воспользовались этим правом не более 1 300. По правилам 29 июня 1899 г. ссуды на устройство жилищ предназначались для возмещения трудностей в доставке лесных материалов от мест заготовки к переселенческим участкам. Размер ссуды – 30 рублей (в исключительных случаях – 50 рублей). Однако в Степном районе этот размер был недостаточен ввиду удаленности делянок от переселенческих участков. Кроме того, большинство переселенцев, избиравших степные участки, были плохо знакомы с техникой рубки леса. Таким образом, ссуды на устройство жилищ своей роли фактически не сыграли[2].

Существовали недостатки и в сфере выдачи домообзаводственных ссуд. Ссуды выдавались часто мелкими суммами, что многими признавалось нецелесообразным[3]. Об этом свидетельствует и анализ делопроизводственных до-

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 803. Л. 45–45об., 106, 112.

[2] Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. СПб. : Тип. министерства внутренних дел, 1902. С. 20–25.

[3] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 135.

кументов крестьянских начальников[1]. Причем такая практика продолжала сохраняться и в начале XX в. Отчасти практика выдачи ссуд по частям мелкими суммами была мерой вынужденной, так как администрацией неоднократно фиксировались случаи использования ссуд не по назначению или факты, когда переселенец получал ссуду, а потом уезжал на родину и не возвращался на участок[2].

Выдача ссуд нередко осуществлялась инвентарем, продовольствием и семенами и возлагалась на уездную администрацию, которая рассматривала приобретение рабочего скота, телег, зерна и муки для переселенцев как «отвлечение» от выполнения прямых функций[3].

В 1890-х – начале 1900-х гг., по официальным данным, из 74 886 семей, водворенных на казенных землях Сибири (без Приморской и Семиреченской областей), ссуды получили 64 892 семьи (около 87% всех водворенных), средний размер ссуды был равен 90,8 рубля. Такой суммы было недостаточно для полного домообзаводства. Это подтверждается фактами, когда переселенцы получали ссуду в указанном (или даже большем размере), но не смогли устроиться, вернулись в губернию выхода, а недоимки за выданные ссуды с них потом были списаны по причине их хозяйственной несостоятельности[4].

Подобная ситуация была следствием правительственных подходов к имущественному положению переселенцев. В правительстве не считали, что переселенцы должны заводить хозяйство исключительно за счет государственных ссуд. При определении размеров ссуд по правилам 1894 г. в правительстве руководствовались логикой, что ссуда должна быть достаточной для оказания помощи среднесостоятельному переселенцу, но не настолько, чтобы новоселу за счет нее можно было полностью устроить свое хозяйство в Сибири[5]. Считалось, что на переселение должны выходить лишь обладавшие некоторыми средствами новоселы, для которых ссуда станет лишь дополнением.

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 842. Л. 13.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 53. Л. 135–135об.
[3] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 190.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 803. Л. 1, 19, 20–20об., 23, 24, 29, 32–33.

В 1898–1904 гг. средняя семья, получившая разрешение на переселение, имела в составе 9,5 человек (рабочие 2,5 д.м.п.) и имущество, оцененное в 639,5 рубля[1]. Считалось даже невозможным выдавать ссуды в размерах, покрывающих все без исключения нужды переселенцев, так как это может приучить их рассчитывать не на свои силы, а на казенную помощь[2]. В 1901 г. КСЖД подчеркнул, что ссуда в 100 рублей являлась высшей нормой, а средний размер ссуды должен составлять 50 или даже 30 рублей[3]. Подобные взгляды расходились с практикой жизни, поскольку малоимущие и неимущие крестьяне все равно находили способы переселиться в Сибирь, после чего такие крестьяне, конечно, нуждались в усиленных пособиях.

Можно утверждать, что система ссудной помощи в середине – второй половине 1890-х гг. была плохо отлажена. Разделение ссуд на продовольственные, семенные и домообзаводственные на практике было нецелесообразным, что в итоге было признано местной администрацией. Выдача дополнительных ссуд осуществлялась через губернские управления, которые были не в состоянии своевременно рассматривать ходатайства. В этом вопросе система ссудной помощи оказалась негибкой[4].

Нельзя не отметить и другие недостатки, существовавшие в деле выдачи ссуд в начале XX в. Так, крестьянский начальник 2-го участка Томского уезда в 1901 г. сообщал губернатору, что за первое полугодие ссуды переселенцам выдавались лишь на домообзаводство и в небольшом количестве на общественные надобности. При этом ссуда на устройство жилищ была выдана лишь один раз в размере 30 рублей[5]. Представляло также некоторые неудобства и разделение ссуд на продовольственные, семенные и домообза-

---

[5] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 334, 337.

[1] Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. С. 30–31.

[2] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 49. Л. 93.

[3] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 222–224.

[4] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 107. Л. 9–10об.

[5] ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д .842. Л. 13.

водственные. Общее присутствие тобольского губернского управления в 1899 г. признало, что такое разделение не отвечает требованиям жизни. Также было отмечено, что губернское управление не в состоянии своевременно разрешать ходатайства о дополнительных ссудах, было высказано предложение осуществить децентрализацию в этом вопросе[1].

Архивные документы подтверждают, что не все переселенцы из числа водворявшихся получали ссуды. Причем на кабинетских землях ситуация со ссудами была значительно хуже, чем на казенных. Если в Тобольской губернии из 1 977 семей, водворенных в 1897 г., ссуду получил 1 591 (80,5%)[2], то на кабинетских землях из водворившихся в округе в 1894–1898 гг. 25 173 семей ссуду получили лишь 1 332 (около 5,3%). Ассигнованные за этот период кабинетской администрацией суммы были мизерными – всего 21 922,5 рубля. При этом в 1895 г. ссуды переселенцам вообще не выдавались, в 1896 г. ссуды получили всего 50 семей, а в 1897 г. – 84. Средний размер ссуды для водворившихся на Алтае составил около 16,5 рубля. Причем в эти суммы входили пособия, выдававшиеся по случаю каких-либо стихийных бедствий (неурожай, нашествие саранчи, падеж скота и пр.). Отчасти такое слабое финансирование компенсировалось снабжением переселенцев в Алтайском округе лесным материалом на первоначальные постройки и отопление. Так, в 1889–1893 гг. переселенцы получили бесплатно лесных материалов на 48 962,7 рубля, а в 1894–1898 гг. – на 180 558 рублей[3].

В целях более объективного анализа ситуации со ссудным кредитованием в период деятельности КСЖД рассмотрим данные таблицы 3. Правда, следует оговориться, что данные по выданным ссудам до 1902 г. не совсем точны. Это связано с плохой постановкой системы учета выданных ссуд. Так, в Тобольской губернии дело по зачислению и регистрации ссуд было просто неудовлетворительным, многие выданные ссуды не были даже зачислены на

---

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 107. Л. 9–10об.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 392. Л. 26об (проценты подсчитаны мной. – *Д. Б.*).
[3] Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 гг. – Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. С. 24–25, 37 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

счета казенной палаты. Такая ситуация сохранялась, пока в 1902 г. в казенной палате не был открыт особый ссудный стол[1]. Таким образом, приведенные данные о количестве выданных переселенцам до 1902 г. ссуд преуменьшены, и действительная цифра должна быть выше.

Таблица 3 – Доля хозяйств переселенцев, получивших домообзаводственные ссуды по различным природно-климатическим поясам на рубеже XIX–XX вв.[2]

Районы и размер ссуды	Водворилось семей				
	до 1896 г.	в 1897–1899 гг.	в 1900–1901 гг.	в 1902 г.	в 1903 г.
Степной край					
Ссуду не получили	21,22	15,70	10,99	5,52	42,36
0–50 руб.	19,70	27,50	27,69	19,34	42,35
50–150 руб.	57,04	54,04	52,91	69,61	15,29
Св. 150 руб.	2,04	2,76	8,41	5,53	–
Лесостепь					
Ссуду не получили	5,95	9,09	6,07	20,14	29,37
0–50 руб.	7,30	6,84	12,34	23,74	58,74
50–150 руб.	69,09	69,97	71,82	54,68	11,90
Св. 150 руб.	17,66	14,10	9,77	1,44	–
Лесистый и подтаежный район					
Ссуду не получили	31,79	20,03	20,06	15,63	23,26
0–50 руб.	9,25	6,51	3,78	11,46	58,14
50–150 руб.	47,97	71,12	71,22	70,83	18,60
Св. 150 руб.	10,99	2,36	4,94	2,08	–
Таежный район					
Ссуду не получили	13,52	7,46	5,82	4,86	31,09
0–50 руб.	9,24	5,70	6,71	13,45	57,99
50–150 руб.	61,62	61,98	82,78	76,64	10,64
Св. 150 руб.	14,72	24,86	4,69	5,05	0,28

Обращает внимание, что не все новоселы получали ссуды. Однако не все из них и подавали ходатайства о ссудах. Если же сравнить данные по количеству переселенцев, подававших прошения о ссудах, с количеством выданных ссуд, то выяснится, что подавляющее большинство ходатайств удовлетворялось. Так, в 1897 г. в Тобольской, Томской, Енисейской губерниях и Акмолинской области подали прошения о ссуде на домообзаводство 12 325 семей, из которых 11 228 (91%) были удовлетворены в том же году[3].

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 316. Л. 185–186.

[2] Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. С. 37.

[3] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г. СПб. : Гос. тип., 1899. С. 90 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

Низкая доля переселенческих хозяйств, получивших ссуду в 1903 г. И.Л. Ямзин объяснил тем, что это были едва водворившиеся переселенцы, не все они успели (к моменту сбора статистических данных) получить первую, тем более, вторую ссуду[1]. В Степном крае до 1896 г. была высока доля хозяйств, вообще не получивших ссуду, этот показатель последовательно снижался с 21,22 до 5,52% в 1902 г. Точно так же снижалась доля хозяйств, не получавших ссуду в лесном, подтаежном и таежном районах, тогда как в лесостепи этот показатель имел тенденцию обратной динамики: до 1896 г. в этой зоне не получили ссуду лишь 5,95% хозяйств, а в 1902 г. – 20,4%. Ямзин объяснил это тем фактом, что в лесостепной район был большой наплыв новоселов и это заставляло местную администрацию очень осторожно подходить к выдаче ссуд.

Наибольшая часть хозяйств во всех географических зонах получила ссуду 50–150 рублей. Ссуда свыше 150 рублей была редкостью в степной зоне и подтаежном районе, немного чаще выдавалась в лесостепи (особенно до 1899 г.). Больше всего ссуд выше 150 рублей было выдано в таежном районе в 1897–1899 гг., в период колонизации таежных участков Тобольской губернии.

В 1894–1903 гг. в сфере ссудного кредитования можно выделить две тенденции: первая – общее увеличение ассигнований. Так, в 1894 г. на нужды ссудной помощи было выделено 300 000 рублей, в 1895 г. – 546 000 рублей[2]. В 1896 г. ввиду усилившегося переселенческого движения КСЖД принял решение выделить в распоряжение МВД дополнительные средства. В дополнение к ассигнованным ранее 900 000 рублям нассудную и врачебно-продовольственную помощь было выделено еще 220 811 рублей[3]. В 1898 г. размер ассигнований на выдачу переселенцам ссуд достиг 1 млн рублей – в эту сумму входили все виды ссуд (путевые, на домообзаводство и устройство в Сиби-

---

[1] Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. С. 38.
[2] Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. С. 33.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

ри)[1]. Столько же было выделено и на 1901 г. Правда, в эту сумму входили 40 000 рублей на заготовку хлеба и предметов обихода для переселенцев таежно-урманных участков, 20 000 рублей на выдачу ссуд на постройку мельниц, 10 000 рублей на выдачу ссуд на рытье колодцев и 70 000 рублей для выдачи пособий на строительство хлебозапасных магазинов и семенных ссуд для образования продовольственных запасов[2]. Такой же размер ссудных ассигнований сохранился и в 1902 г.[3]

Другой тенденцией в 1894–1897 гг. стало последовательное возрастание среднего размера ссуд: в 1894 г. на семью приходилось 28,7 рублей ссуды, в 1895 г. – 35, в 1896 г. средняя ссуда на семью составила 65,1 рубля, а в 1897 г. – 112 рублей. В последующие несколько лет размер средней ссуды упал и составил в 1898–1900 гг. 49–42,7 рублей. Нельзя не отметить и то, что в 1893–1900 гг. средний размер ссуды заметно колебался по разным губерниям. В Томской губернии он составил 83 рубля, в Тобольской – 113, в Акмолинской области – 83, в Енисейской губернии – 77, в Иркутской – 92 рубля[4].

Местная администрация стремилась учитывать большие или меньшие трудности устройства в разных природных районах, что отражалась на размерах ссуд. Официально такая дифференциация была введена лишь законом 1912 г., но фактически чиновники уже в конце 1890-х гг. стремились за счет больших размеров ссуд компенсировать затраты переселенцам, водворявшимся в более трудных природных условиях. Так, в 1900 г. в Каинском уезде ссуду получили 95,1% семей переселенцев при среднем ее размере 100,6 рубля, тогда как в Мариинском и Томском уездах ссуду получили 81 и 85,1% семей, а средний ее размер был почти в 2 раза меньше – 51,5 и 53 рубля соответственно. Больший размер ссуд для водворявшихся в Каинском уезде был следствием более трудных условий домообзаводства в степных и безлесных условиях. В Акмолинской области разница в размерах ссуд между уездами

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 358. Л. 1.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 4. Л. 39.
[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 842. Л. 80.
[4] Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. С. 33, 35.

была еще более значительной: в Кокчетавском и Атбасарском уездах ссуда в среднем равнялась 49,3 и 50,5 рубля, а в Акмолинском уезде – 123,4 рубля. Такая разница объяснялась тем, что в Акмолинском уезде новоселы оседали вдали от населенных пунктов, следствием чего была дороговизна предметов первой необходимости[1].

На первый взгляд ситуация с ссудной помощью была очень плохой – средние размеры ссуд редко достигали 100 рублей, что подтверждается многочисленными примерами[2]. Лишь иногда встречались исключения, когда размер выдаваемой ссуды был даже больше, чем полагалось по нормам[3].

Однако даже среди обратных переселенцев нехватка средств, как причина обратного переселения, называлась нечасто. Так, в 1897 г. из 1 344 возвращавшихся через Челябинск обратных переселенцев в качестве причины возвращения назвали нехватку денег (в пути или на участке) всего 148 домохозяев (11%)[4].

При всех имевших место недостатках значимость ссудной помощи отрицать нельзя. Даже когда ссуды выдавались в размере меньше 100 рублей, это не означало, что у переселенцев нет шансов завести свое хозяйство. Многочисленные примеры свидетельствуют, что крестьяне вполне успешно использовали даже не очень большие ссуды для обустройства и приобретения рабочего скота. Так, в 1897 г. на 8 урманных участках Тарского округа было водворено 946 душ, и почти все они были крайне слабы в материальном отношении, но благодаря выданным им небольшим ссудам все уже в первый год водворения имели по лошади, а большинство – и по корове[5]. По отзывам самих переселенцев, ссуды и пособия, получаемые от правительства в

---

[1] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1899 и 1900 гг. СПб. : Гос. тип., 1903. С. XII–XIV.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 323. Л. 3–3об.; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 154. Л. 5–6об., 32–33.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1099. Л. 41–42.
[4] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г. СПб. : Гос. тип., 1899. С. 13. (проценты подсчитаны мной. – *Д.Б.*)
[5] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 79. Л. 7об.–8.

1890-х гг. стали важным фактором их устройства на новых местах[1]. Так, переселенцы пос. Петропавловского (Каинский округ) в 1892–1893 гг. получали домообзаводственные ссуды в размере 60 рублей на семью. По показаниям самих новоселов, ссуды для них имели большое значение, сильно помогли им «поправиться», обзавестись пашней[2].

Следует также учесть, что подсчет среднего размера ссуды путем деления общей суммы ссудной помощи на количество выданных ссуд не дает объективной картины о масштабах ссудных выплат. Такая методика подсчета не учитывает, что ссуды одним и тем же переселенцам выдавались частями в течение нескольких лет. Иногда размер разовой выдачи составлял 40 рублей, а иногда – 15 рублей[3]. Фактически переселенцы в первый год водворения могли получать 20–40 рублей, а в последующие год-два – еще ссуды в дополнение к уже полученным деньгам. Так, переселенец Г. Семенчиков в 1900–1902 гг. ссуду получал 4 раза: дважды по 30 и еще дважды по 20 рублей[4]. Переселенец И. Кучин (уч. Тимофеевский, Томская губерния) за 1897–1899 гг. получил несколько ссуд от правительства. Первая ссуда датирована 11 мая 1897 г. «на продовольствие» 3 рубля 90 копеек, тогда же выдано «на посев» 6 рублей 50 копеек и «на домообзаводство» 50 рублей. Этот же крестьянин 11 апреля 1898 г. получил 5 рублей «на посев», 23 декабря 1898 г. получил 10 рублей «на домообзаводство» и 30 рублей «на домоустройство». Кроме того, в том же 1898 г. он получил ссуду лесом на 36 рублей 22 копейки. Таким образом, ссуда выдавалась 7 раз, а ее итоговый размер составил 141 рубль 37 копеек[5]. В результате выдача домообзаводственных ссуд могла быть растянута на несколько лет.

---

[1] Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 275–276.
[2] Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. По данным произведенного в 1894 г. по поручению г. томского губернатора подворного исследования. Тип. В. Безобразова и Комп., 1896. Т. 1, ч. 3. С. 33.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 6. Л. 22–23, 84–85.
[4] ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 1102. Л. 106об.–107.
[5] ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 518. Л. 408.

Следует принять во внимание и то, что переселенцы нуждались в ссудах далеко не в одинаковой степени. В 1890-х гг. ссуды выдавались не только переселенцам первого года водворения, но и тем, кто водворился за несколько лет до этого и успевшим обзавестись кое-каким хозяйством. Нужда в ссуде новоселов, проживших несколько лет в Сибири, была меньше, чем переселенцев первого года водворения. Для примера рассмотрим отчетную ведомость крестьянского начальника 1-го участка Томского уезда за 1898 г. В этом году чиновник выдавал ссуды не только водворенным в 1898 г., но даже тем, кто водворился еще на рубеже 1880–1890-х гг. Средний размер, выданной в 1898 г., ссуды на домообзаводство составил: для водворившихся в 1889–1894 гг. – 25,4 рубля, для водворившихся в 1895–1897 гг. – 38,9, а для водворившихся в 1898 г. – 65,7 рубля. Средний размер ссуд на продовольствие и семена для водворенных в 1895–1897 гг. составил 3 и 19,4 рубля соответственно, для водворившихся в 1898 г. – 2,5 и 50 рублей[1]. В других губерниях и областях Сибири та же картина. В 1898 г. Тобольской губернии средняя ссуда для водворенных в 1898 г. составила 53,7 рубля, переселенцам более ранних лет – 36,9 рубля, в Акмолинской области аналогичные показатели составили 34,9 и 29,1 рубля соответственно. Для Восточной Сибири разница между ссудами для переселенцев первого года водворения и более ранних лет еще более заметная. В Енисейской и Иркутской губерниях в 1898 г. переселенцам первого года выдавалась ссуда в 40,4 и 62,3 рубля, а прежних лет водворения – 25,8 и 22,8 рубля соответственно[2].

Социальный состав переселенцев не был однороден, поэтому новоселы нуждались в ссудах в разной степени. Если беднякам ссуды были очень нужны, то для середняков они могли стать лишь дополнением к собственным средствам, а зажиточные в ссудах не нуждались вовсе, что отмечалось крестьянскими начальниками на рубеже XIX–XX вв.[3] При общем снижении

---

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 507. Л. 15 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[2] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1898 г. СПб. : Канцелярия комитета министров, 1900. С. XXXIII.
[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 507. Л. 18об.

уровня благосостояния переселяющихся в 1890-х гг., в среднем в 1898–1904 гг. семья, получившая разрешение на переселение, имела имущество на 639,5 рубля[1]. Проведенный рязанским земством опрос переселенцев показал, что 41% переселяющихся соответствовал установленному имущественному цензу в 300 рублей[2]. Для крестьян, выходивших на переселение с такой суммой, ссуда в 100 рублей была не очень нужна.

То, что не все переселенцы одинаково нуждались в ссудах, следует из официальных данных, опубликованных канцелярией Комитета министров в 1897 г. По этим данным, экономическое положение семей, не получавших ссуду в 1897 г., было сопоставимо с положением семей, которые ссуду получали. Дворы, не получавшие ссуду, имели площадь запашки 2,6 десятины, а 19% вообще не завели самостоятельного хозяйства. Показатели семей, получивших ссуду, были примерно сопоставимы: площадь запашки 2,8 десятины и 13% дворов не завели своего хозяйства[3].

Именно тем, что переселенцы в разной степени нуждались в ссудах, можно объяснить значительную разницу в размерах ссуд, выданных в пределах одного участка крестьянского начальника. Так, в 1898 г. на 10 участках Богородской волости (Томская губерния) средие размеры ссуд колебались в пределах от 14 рублей (уч. Черепановский) до 55,8 рублей (уч. Некрасовский). На участках Николаевском, Степановском и Турунгасском (Тарский уезд) средние суммы ссудных выплат варьировались от 50 рублей (уч. Николаевский) до 78,1 рубля (уч. Турунгасский) и 91,7 рубля (уч. Степанский)[4].

---

[1] Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. С. 30–31.

[2] Чуркин М. К. Переселенческое движение в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. : опыт альтернативного прочтения [электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета : гуманитарные науки. Электрон. науч. журн. Электрон. дан. 2006. Омск. url : http://www.omsk.edu/volume/2006/human/ [дата обращения 23.02.2014].

[3] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г. СПб. : Гос. тип., 1899. С. XXI.

[4] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1898 г. СПб. : Канцелярия комитета министров, 1900. С. 423, 442.

В 1903–1904 гг. Переселенческое управление провело подворное обследование переселенческих поселков, образованных в 1893–1903 гг., носившее выборочный характер. Обследовано было 233 наиболее типичных по хозяйственным признакам поселка (16% от общего числа, образованных в 1893–1903 гг.) с населением 87 454 душ обоего пола. По материалам этого обследования, абсолютное большинство переселенцев (из числа получивших ссуды) начинало обзаводиться хозяйством до получения первой ссуды. Так, в Акмолинской области из 2 969 дворов, получивших ссуду, начали обзаводиться имуществом до первой ссуды 1 666 хозяйств (56,1%). В числе прочего имущества эти семьи до получения ссуд приобрели 1 447 жилых изб. В лесостепной части Тобольской губернии из 3 796 получивших ссуду дворов начали приобретать имущество до первой ссуды 2 515 (66,3%). Причем ими было приобретено 2 001 жилая изба и 2 221 голова рабочего скота. В лесостепной части Томской губернии из 453 семей, получивших ссуды, 255 (56,3%) начали приобретать имущество до получения первой денежной помощи от правительства. Примечательно, что эти 255 дворов приобрели 307 голов рабочего скота, т.е. даже более 1 головы скота в среднем на двор. Для подтаежной и лесистой части Томской губернии эти показатели были еще выше: из получавших ссуду 414 дворов, начали обзаводиться хозяйством до получения ссуды 300 (72,5%), ими было приобретено 363 головы рабочего и 214 голов нерабочего скота, а также 82 единицы плугов и борон и 191 жилая изба. Таким образом, на каждую семью, начавшую обзаводиться хозяйством не дожидаясь правительственной ссуды, было приобретено 1,9 головы рабочего и нерабочего скота, 27% дворов самостоятельно обзавелись сельхозинвентарем и почти ⅔ – жилыми избами[1].

Эти данные показывают, что для многих переселенческих дворов правительственные ссуды были дополнением к собственным средствам. Опубликованные А.Н. Куломзиным материалы позволяют утверждать, что даже в по-

[1] Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Таблицы. СПб. : Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1905. Ч. 1, вып. 19. С. 386–387, 408–409, 412–413, 426–427 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

селках, где ссуды вообще не выдавались, переселенческие хозяйства динамично и успешно развивались. Так, в 9 поселках Акмолинской области и Тобольской губернии, которые заселялись в 1878–1896 гг. и не получали ссудной помощи, на 20 мая 1896 г. 88,2% дворов смогли завести собственное хозяйство. Деревянные жилища имели 86,9% дворов, еще 6,8% дворов жили в землянках. Из 365 семей в этих поселках 198 (54,2%) имели 2 и более лошади, 187 дворов (51,4%) – по 2 и более коровы. Средний размер посева на семью составлял 3,3 десятины[1]. С учетом того что А.Н. Куломзин представил обобщенные материалы, где были собраны данные и по хозяйствам, водворенным за 18 лет до обследования, и по дворам, водворенным менее чем за год до обследования, следует признать, что отсутствие ссуд не помешало, по крайней мере абсолютному большинству переселенцев начать обзаводиться собственным хозяйством.

Отдельно следует остановиться на социальной направленности ссудной помощи. В советской историографии этот вопрос получил несколько искаженное освещение, выдвигался тезис о ее «классовой» направленности, что значительная часть ссуд выдавалась зажиточным домохозяевам, что правительство оставило переселенческую бедноту без материальной помощи, а самовольные переселенцы вообще были лишены прав на ссуду[2].

Эта точка зрения нуждается в существенной корректировке. Вопрос о праве самовольных переселенцев на льготы поднимался местной администрацией неоднократно. Так, еще в 1892 г. товарищ министра МВД Плеве разъяснил, что самовольные переселенцы после водворения имели право на льготы, положенные по закону 1889 г.[3] Одновременно с выходом временных правил 1894 г. было еще раз подтверждено право самовольных на ссуды.

---

[1] Статистические данные по переселенческому делу, собранные статс-секретарем Куломзиным в поездку по Сибири в 1896 г. СПб. : Гос. тип., 1897. С. 138–139.

[2] Минжуренко А. В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1977. С. 9; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 358.

[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 14. Л. 3–3об.

Причем тобольский губернатор в циркуляре от 2 июля 1894 г., чтобы исключить всякое недопонимание в этом вопросе, особо подчеркивал, что к представлению о пособиях подлежат «все переселенцы вообще»[1]. Циркуляры и распоряжения начала XX в. также неоднократно подчеркивали, что самовольные переселенцы после водворения имели право на ссуду[2].

Многочисленные документы также свидетельствуют, что самовольные переселенцы получали домообзаводственные ссуды. Так, в течение 1892 г. в Акмолинской области скопилось до 4 390 человек непричисленных переселенцев, прибывших, когда официально переселения вообще были приостановлены. Администрация области добилась разрешения на водворение этих переселенцев с выдачей им ссуд и пособий из переселенческого кредита[3]. Положением КСЖД 27 апреля 1896 г. на самовольных переселенцев, водворяемых на казенных землях, было распространено действие правил о ссудах[4]. Эти циркуляры и распоряжения выполнялись на практике. Так, переселенец Я. Глинов прибыл из Тамбовской губернии в Сибирь по паспорту (т.е. самовольно), но, несмотря на это обстоятельство, в 1902–1903 гг. неоднократно получал ссуды на семена и продовольствие[5]. Переселенцы пос. Шадовский (Каинский округ) все прибыли без разрешения (17 семей из Ковенской губернии, 14 – из Витебской), но при этом в 1889 г. все получили хлебные ссуды из расчета 4 пуда на едока. Причем разрешение на ссуду было дано министерством[6]. Эти примеры не единичные[7].

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 14. Л. 162–163.

[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5. Л. 23; Д. 8. Л. 67–68; ГАОО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 9. Л. 100–100об.

[3] Обзор Акмолинской области за 1895 год. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1897. С. 10.

[4] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 247–248.

[5] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1099. Л. 221–224.

[6] Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным, произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора, подворного исследования. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1896. Т. 1, ч. 3. С. 44.

[7] См.: РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1408. Л. 2; Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 239; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 49. Л. 93; ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 13. Л. 183; ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 56. Л. 44об.–45об. и др.

Были даже факты, когда самовольным переселенцам местная администрация выдавала не только ссуды, но и безвозвратные пособия. Так, в 1898 г. при землеустройстве селения Лебяжьего (Шелковниковская волость) оказалось невозможно наделить землей всех непричисленных переселенцев по месту фактического проживания. 39 семей из числа непричисленных пожелали переехать в другое селение той же волости. Однако переезд для них сопровождался материальными затратами, которые были для них непосильными. Ввиду этого начальник Алтайского округа предполагал выдать семьям, не имевшим коров и лошадей, по 75 рублей на семью (из них 50 рублей были безвозвратными пособиями), семьям, не имевшим лошадей, выдать по 50 рублей (30 рублей безвозвратно) и семьям, не имевшим коров, выдать по 25 рублей (из них 15 безвозвратно). Это решение начальника округа было поддержано управляющим Кабинетом в Санкт-Петербурге, который распорядился выделить на эти нужды 1 000 рублей[1].

После выхода закона 1912 г. политика в отношении выдачи ссуд самовольным непричисленным переселенцам не изменилась. Циркулярами 19 января 1913 г. и 28 августа 1914 г. подчеркивалось, что неприписные переселенцы, прибывшие за Урал без установленных документов и получившие устройство в старожильческих селениях, имели право на получение домообзаводственных ссуд на общем основании[2].

Не совсем соответствует истине и утверждение о «классовом» характере ссудной помощи, об ориентации государства на выдачу ссуд зажиточным группам новоселов. В действительности ситуация была прямо противоположная – ссуды предполагалось выдавать «в размере действительной потребности» и только нуждающимся переселенцам. Еще с 1890-х гг. ссудная помощь была ориентирована на нуждающихся, а не на зажиточных или среднесостоятельных переселенцев, что не только прослеживается по циркулярам, распо-

---

[1] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 105–106.
[2] ГАОО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 9. Л. 100–100об.; ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

ряжениям, законодательным актам[1], но и подтверждается фактами. Так, при выдаче путевых ссуд в середине 1890-х гг. переселенческие чиновники осматривали имущество переселенцев, чтобы определить уровень состоятельности переселяющихся и выдавать пособия действительно нуждающимся[2].

В Алтайском округе подлежали удовлетворению просьбы тех домохозяев, которые либо совсем не имели скота, либо имели по 1 лошади и корове. Переселенцам, которых признавали более-менее обеспеченными, в ссудах отказывали. Размер ссуд на покупку лошади – 20 рублей, на покупку коровы – 12 рублей[3]. В начале XX в. ориентация кабинетской администрации на выдачу ссуд неимущим и малоимущим переселенцам сохранилась. В 1902 г. переселенцам, не имевшим средств на покупку лошади и молочного скота, выдавались на эти нужды ссуды в размере 15–35 рублей. Ими воспользовались 169 семей переселенцев, общий размер выданных ссуд составил 3 670 рублей[4]. Поэтому есть основания утверждать, что ссудная помощь переселенцам носила социальный характер, была ориентирована на поддержку малоимущих участников переселенческого движения.

В период Столыпинских переселений характер ссудной помощи не изменился. Правила 10 марта 1906 г. по-прежнему ориентировали местную администрацию на выдачу пособий лишь нуждающимся, не поровну, а в размере действительной потребности[5]. Так, путевые ссуды в Акмолинском районе в 1910 г. выдавались ходокам и переселенцам исключительно в случаях, когда они не имели своих средств[6]. Архивные документы также свидетельствуют, что местные переселенческие организации в деле ссудного кредито-

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 56. Л. 8–8об.; ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 393. Л. 13–14; Д. 396. Л. 70об.–71.
[2] Дедлов В. Л. Переселенцы и новые места : путевые заметки. СПб. : Изд. М. М. Ледерле и К°, 1894. С. 98–101.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2477. Л. 48.
[4] Там же. Д. 224. Л. 39.
[5] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 17.
[6] Обзор Акмолинской области за 1910 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1911. С. 28.

вания ставили целью именно поддержку экономически слабых, малосостоятельных переселенцев[1].

Правда, в 1907 г. сотрудники Переселенческого управления справедливо заметили, что достоверность сведений об имущественном положении только водворившихся крестьян сомнительна и потому логичнее удовлетворять если не все прошения о ссудах, то максимально возможное их количество[2]. Подобный подход был тем более оправдан, что абсолютное большинство новоселов, приехавших в Западную Сибирь в 1907–1910 гг., относились к числу малоимущих, очевидно нуждавшихся в ссуде.

Таким образом, можно утверждать, что в период деятельности КСЖД государство немало сделало для общего улучшения помощи переселенцам. Объемы ежегодно выделяемых средств на помощь переселенцам возрастали параллельно с ростом переселенческого движения. Было много сделано для расширения переселенческой инфраструктуры: по пути следования новоселов были построены десятки врачебных, продовольственных и переселенческих пунктов. Причем в значительной степени государственная помощь была бесплатной. Хотя недостатки в оказании новоселам помощи и имели место, но не подлежит сомнению, что государство стремилось эти недостатки исправить. Так, уже в середине 1890-х гг. ссуды стали выдаваться значительно быстрее. В Акмолинской области в 1896 г. 983 семьям (88,24% от общего числа получивших ссуду) ссуды были выданы менее чем через 2 недели после ходатайства. В Енисейской губернии все ссуды были выданы через 4–6 недель после подачи прошения. Правда, полностью решить вопрос по своевременности выдачи ссуды новоселам к 1896 г. не удалось[3]. В отдельных районах был значительно сокращен процент семей, не получивших ссуду: в Тобольской губернии в 1896 г. ссуды не были выданы лишь 13,9% семьям, тогда как в Акмолинской области этот показатель превышал 72%[4]. При общей ориентации

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 46об.; Д. 615. Л. 5об.–6.
[2] Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 28–29, 78–79.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 407. Л. 8.
[4] Там же. Л. 9–15, 16–16об.

государства на колонизацию Сибири относительно состоятельным крестьянством факты свидетельствуют, что ссудная помощь была нацелена на малоимущих и неимущих переселенцев. Не были оставлены без внимания правительства и самовольные переселенцы, которые также имели право на получение ссуды после водворения. Это позволяет сделать вывод о социальном характере ссудной помощи переселенцам.

Разумеется, оценивать характер правительственной помощи исключительно по домообзаводственным ссудам было бы неверно. Государственная помощь новоселам не сводилась лишь к выделению нескольких десятков рублей на первоначальное обзаведение хозяйством. Были и иные виды помощи. Так, кроме ссуд на домообзаводство, в середине 1890-х гг. МВД перевело сибирским губернаторам особые кредиты на выдачу пособий для сооружения «здоровых» жилищ. Размер такого дополнительного пособия был определен в 50 рублей на семью. Выдавать эти пособия предполагалось не только вновь прибывающим, но и тем, кто прожил в Сибири уже несколько лет. Сделано это было ввиду того, что переселенцы нередко получаемые пособия на обзаведение хозяйством расходовали не на строительство домов или изб и проживали в плохих землянках. На отчете томского губернатора за 1895 г. император даже оставил пометку: «Заботы о возведении переселенцами здоровых жилищ, с соблюдением строительного устава, возлагаю на особую ответственность губернатора»[1].

В итоге большинство переселенцев 1880 – 1890-х гг. в Западной Сибири смогли устроиться и обзавестись устойчивым хозяйством. Советскими историками было признано, что по мере увеличения срока проживания на новых местах среди переселенцев происходило увеличение средних и зажиточных хозяйств и уменьшение бедняцких дворов. Если в губерниях Европейской России доля бедняцких дворов составляла 50%, середняцких – 30, зажиточных – 20%, то среди переселенцев Алтайского округа, проживших 10 и более лет, доля бедняков составляла 19,5%, середняков – 24,5, зажиточных –

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 107. Л. 5–5об.

56%[1]. Этот вывод подтверждается данными многочисленных статистических обследований переселенческих хозяйств. Они свидетельствовали, что среди переселенцев, проживших на новых местах 3 и более лет, существенно снизилась доля беспосевных дворов, доля дворов без рабочего скота и коров, а также доля хозяйств с 1 коровой или 1 рабочей лошадью. Доля дворов с 2 и более лошадьми и коровами имела устойчивую тенденцию к росту в зависимости от давности водворения[2]. Уже в первый год водворения по сравнению с губернией выхода уменьшалась доля дворов, не имевших своего сельскохозяйственного инвентаря, снижалась доля дворов, которые не вели самостоятельного хозяйства[3].

Расширение землеотводных работ в 1890-х гг. в степные и таежные районы вызвало к необходимости нового вида ссуд для строительства обводнительных, осушительных, дорожных сооружений, постройку общественных зданий и т.п. В дальнейшем такой вид пособий стал называться ссудами на общеполезные надобности. Фактически ссуды на строительство общественно значимых зданий и сооружений выделялись еще с 1880-х гг., когда источником ссудной помощи была частная благотворительность: в 1883 г. был решен вопрос о привлечении благотворительности к церковному строительству[4]. В 1894 г. при КСЖД был создан благотворительный фонд им. Александра III для строительства школ и церквей в переселенческих поселках. Иногда пожертвования вносили частные лица – купцы, священники, дворяне и даже крестьяне. Иногда благотворители жертвовали значительные суммы анонимно: в 1898 г. неизвестными было пожертвовано 42 000 рублей на строитель-

[1] Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX века (1865–1899 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1970. С. 21–22.
[2] Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. По данным произведенного в 1894 г. по поручению г. томского губернатора подворного исследования. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1896. Т. 2, ч. 1. С. 237–238, 251, 336; Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 1870-х годов до 1893 г.). М. : т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. Т. 2. С. 2, 4–5, 10, 12–13, 18, 20–21 (Приложения).
[3] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г. СПб. : Гос. тип., 1899. С. 134–135; Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1898 г. СПб. : Канцелярия комитета министров, 1900. С. XIV–XV.
[4] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 2об.

ство в Сибири 10 церквей. На эти средства к началу 1901 г. были построены и освящены церкви в поселках Ивановском и Куликовском (Мариинский уезд)[1]. В качестве жертвователей могли выступать и официальные лица (чиновники разного ранга), например, томский губернатор на нужды церковно-школьного строительства в 1898 г. пожертвовал 25 рублей. Иногда пожертвования имели целевой характер – на строительство церкви или школы в конкретном селении. Так, в марте 1898 г. были сделаны пожертвования в размере 4 500 рублей на строительство церквей в пос. Куликовском (Мариинский округ) и двух поселках Каинского округа[2].

К 1 января 1897 г. размеры частных пожертвований в фонд им. Александра III достигли 225 000 рублей, на которые началось строительство 55 церквей и 21 школы на линии Сибирской железной дороги[3]. В 1894–1893 гг. в фонд поступило 1 653 443 рубля, из которых 378 781 рубль от КСЖД и 396 475 – от предпринимателей. За этот период на деньги фонда было построено 190 церквей и 184 школы[4]. В переселенческих поселках Акмолинской области на средства фонда к 1903 г. было построено 49 церквей[5].

Осуществлял отдельное финансирование ассигнований на общеполезные надобности и КСЖД. Так, в 1894 г. было выделено 23 500 рублей на постройку в переселенческих поселках школ, церквей, плотин, колодцев и прочие потребности[6]. В 1897 г. по распоряжению КСЖД для сооружения хлебозапасных магазинов в переселенческих поселках Сибири и Степного края МЗиГИ должно было выделить бесплатно лесные материалы[7]. 19 декабря 1899 г. решением КСЖД в распоряжение министра МВД было предоставлено

[1] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 13. Л. 7–8об.; Д. 14. Л. 8, 49; Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 6об., 7об., 11.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 7. Л. 17–17об.
[3] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 3об.
[4] Ноздрин Г. А. Ведомственная благотворительность в Сибири в XIX – начале XX в. (опыт взаимодействия государства и общества) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв. : материалы VI Всерос. науч. конф. Новосибирск : НГУЭУ, 2006. С. 182.
[5] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 324–325.
[6] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 301. Л. 134.
[7] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 46об.–47.

до 100 000 рублей для выдачи сельским обществам ссуд на строительство мельниц с обязательством возврата в течение 3 лет, выдачу ссуд и пособий на рытье колодцев, выдачу семенных ссуд для образования продовольственных запасов и строительства хлебозапасных магазинов в переселенческих поселках[1]. Эти ссуды по своему характеру соответствовали ссудам на общеполезные надобности.

На ассигнованные Комитетом средства до 1906 г. началось строительств в Тобольской губернии 4 церквей и 14 школ, в Томской губернии – 4 церквей и 4 школ, еще 6 церквей строились в Акмолинской области[2]. На территории Алтайского округа в финансировании церковно-школьного строительства в переселенческих поселках принимал участие Кабинет. Помощь осуществлялась выдачей лесных материалов и денег. Так, на постройку церквей в 10 переселенческих поселках на рубеже XIX–XX вв. кабинетская администрация выделила по 2 000 рублей на каждую. Этих средств не хватало для полного обустройства храма, так как постройка церкви с полной отделкой и всей утварью и внутренним убранством обходилась не менее 5 000 рублей, а то и 10 000. Поэтому к ассигнованиям со стороны Кабинета переселенцы должны были добавлять свои деньги или обращаться к частной благотворительности[3].

Однако финансирование церковного строительства осуществлялось медленнее, чем возникали новые переселенческие поселки. Так, к 1904 г. на средства фонда им. Александра III было построено всего 214 церквей по всей Сибири. При этом к весне 1904 г. из 400 переселенческих поселков Тобольской губернии церкви были построены только в 26. В 18 переселенческих поселках Туринского уезда вообще не было ни одной церкви[4].

---

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 507. Л. 136 (подсчеты мои – *Д.Б.*).
[2] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 2об.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 224. Л. 34–37об.
[4] Батурина Т. В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 1999. С. 16–17.

В 1897 г. в целях предотвращения голода в неурожайные годы было отдано распоряжение об устройстве хлебозапасных магазинов в Степном крае, причем местные отделения госимуществ должны были предоставить для этого лес бесплатно[1]. В 1898 г. по смете расходов КСЖД было выделено до 5 000 рублей на устройство мельниц в урманных участках в районе р. Шиша. В 1898–1899 г. было ассигновано 46 600 рублей на постройку мельниц в Томской и Тобольской губерниях[2].

15 июня 1902 г. были утверждены правила о выдаче ссуд на общеполезные надобности. Право выдачи таких ссуд (в размере до 300 рублей) имели областные или губернские по крестьянским делам учреждения, ссуды размером более 300 рублей должны были выдаваться с разрешения МВД. Для получения ссуды были необходимы приговор сельского схода или круговые ручательства от членов крестьянского товарищества. Ссуды носили беспроцентный характер, их возврат предполагался через год после получения в течение 10 лет равными частями. В особых случаях возврат ссуд рассрочен на 20 лет[3]. В рамках выдачи ссуд на общеполезные надобности практиковались выдачи безвозвратных пособий. В 1903 г. было выделено до 50 000 рублей на выдачу в виде безвозвратных пособий на общеполезные надобности[4].

Еще одним видом льгот для переселенцев было право пользоваться лесом из казенных дач для возведения жилищ. Законом 13 июля 1893 г. это было разрешено переселенцам бесплатно. Фактически же таким правом могли воспользоваться лишь те, кто проживал неподалеку от лесных дач. Поэтому распоряжением министра МЗиГИ была организована сеть лесных складов, а Лесному ведомству было приказано организовать хозяйственные заготовки лесных материалов для этих складов. В конце 1890-х гг. лесными заго-

---

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 107. Л. 6об.
[2] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 154.
[3] Инструкция о порядке водворения и устройства переселенцев в Сибири (кроме Алтайского округа) и Степном генерал-губернаторстве. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1902. С. 35–36.
[4] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 49. Л. 24.

товками начало заниматься также МВД, оба ведомства несколько лет действовали параллельно, открыли ряд лесных складов вдоль линии Сибирской железной дороги и по течению Иртыша. К концу 1902 г. Лесное ведомство отказалось от проведения лесозаготовительных операций для переселенцев, и все склады перешли в ведение Переселенческого управления[1]. В середине 1890-х гг. в Западной Сибири, помимо МВД и МЗиГИ, на участках некоторых крестьянских начальников Тобольской губернии стараниями самих чиновников были организованы небольшие склады[2].

Лесозаготовки для переселенцев безлесных частей Сибири были организованы КСЖД с 1896 г. в казенных дачах Томской и Тобольской губерний[3]. Государство за 1897–1899 гг. на эти нужды ассигновало 170 000 рублей. Кроме того, МВД из своих средств в 1899–1900 гг. выделило 42 750 рублей. Эти суммы были распределены между Тобольским, Томским, Омским и Енисейским управлениями госимуществами для заготовки лесных материалов переселенцам. В 1897–1901 гг. было заготовлено бревен 481 982, жердей – 302 520. Часть из них была продана переселенцам, часть передана в счет ссуды. Хотя эти меры были признаны недостаточными в деле обеспечения новоселов лесными материалами[4], но совершенно игнорировать этот вид правительственной помощи не следует.

После передачи складов в ведение Переселенческого управления их деятельность определялась следующими задачами: снабжать переселенцев дешевым и доброкачественным лесом, содействовать строительству школ, больниц, церквей и иных общественных зданий, организовывать лесорубоч-

---

[1] Труведлер Б. Лесные склады Переселенческого управления // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 300–301.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 34об.–35.
[3] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 339–340.
[4] Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. СПб. : Тип. министерства внутренних дел, 1902. С. 41–42, 44, 59–60.

ные работы на урманных переселенческих участках. Теперь склады занимались продажей леса всем желающим[1].

Нельзя обойти стороной деятельность сельскохозяйственных складов в вопросе оказания помощи переселенцам. Первые сельскохозяйственные склады были открыты в Сибири еще до начала деятельности КСЖД. К примеру, в 1888 г. был открыт подобный склад в Иркутске. Обороты таких складов в 1880-е – начале 1890-х гг. были невелики, в 1893 г. склад в Иркутске реализовал инвентаря лишь на сумму 3 027 рублей. В 1897 г. было открыто 9 отделений Иркутского склада в разных частях губернии, в том же году был создан Особый комитет для ознакомления населения с улучшенными приемами сельскохозяйственной культуры. Комитет организовал закупку орудий, машин и семян за пределами губернии, причем несложные машины закупались в виде отдельных металлических частей. Деревянные детали к этим машинам производились на месте, что снизило себестоимость орудий и машин: стоимость двуконных молотилок была снижена с 95 до 70 рублей, одноконных – с 70 до 50, сабанов – с 12–15 до 8–7 рублей. Благодаря деятельности комитета в 1898 г. Иркутский склад продал сельскохозяйственных машин, орудий и материалов на 18 000 рублей, заготовил на 11 000 рублей улучшенных семян, осуществлял продажу продовольственного зерна и муки[2].

В 1895 г. были организованы сельскохозяйственные склады МВД и МЗиГИ в Омске, Кургане и Петропавловске. Их задачами было снабжение переселенцев телегами, лошадьми, сельскохозяйственными орудиями и семенами. Финансировались они каждый своим ведомством: в 1896 г. было отпущено 30 000 рублей для складов МВД и 10 000 рублей – для складов МЗиГИ[3]. С декабря 1897 г. было решено все склады предметов домообзаводства, сель-

---

[1] Трувеллер Б. Лесные склады Переселенческого управления // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 303.

[2] Федорова Е. Д. Переселенческая политика царизма в конце XIX – начале XX вв. (К вопросу о правительственных мероприятиях по организации хозяйственной помощи новоселам Иркутской губернии) // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск : Иркутский гос. пед. ин-т, 1987. С. 135–137.

[3] Алтайский Б. Судьбы переселенческих складов в Сибири // Сибирские вопросы. 1907. № 31. С. 22–23.

скохозяйственных орудий и семян, устроенные вдоль линии Сибирской дороги, передать из ведения МЗиГИ под управление МВД[1]. В начале XX в. количество складов увеличилось – в 1904 г. их действовало уже 28, а в следующем году было открыто еще 4. Они действовали в 4 сибирских губерниях и в областях Степного края. В 1906 г. этими складами было реализовано товаров более чем на 3 млн рублей[2].

О социальном характере правительственной помощи свидетельствует то, что в отдельных районах и в отдельные годы переселенцы получали более значительную помощь, чем была положена правилами о ссудах. Например, в связи с реализацией проекта колонизации таежных пространств во второй половине 1890-х гг. новоселам таежно-урманных участков оказывалась усиленная помощь со стороны государства: из 266 350 рублей, выделенных для колонизации в 1898 г. таежных местностей, 79 200 рублей предназначалось для заготовки 158 400 пудов хлеба для продовольствия новоселам, 30 000 рублей – на закупку 60 000 пудов яровых и озимых семян[3]. Практика помощи переселенцам в урманных и таежных районах в дальнейшем была продолжена. 18 марта 1903 г. Переселенческое управление распорядилось заготовить в размере настоятельной необходимости не только хлеб, но и другие виды продовольствия (крупы, овощи), оказывать возможную помощь переселенцам в строительстве жилищ. В случае действительной нужды разрешалось выдавать дополнительные ссуды в необходимых размерах[4].

Помощь переселенцам оказывало не только государство, но и благотворительные организации. В 1890-х гг. под председательством жен местных губернаторов были открыты переселенческие благотворительные комитеты в Омске, Тобольске и Томске. Из средств открытого в 1897 г. благотворительного фонда были оказаны пособия многим обедневшим переселенцам. Так, на

---

[1] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С.250.
[2] Алтайский Б. Судьбы переселенческих складов в Сибири // Сибирские вопросы. 1907. № 31. С. 10, 12.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 358. Л. 12–13об.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–10об.

средства из этого фонда смогли приобрести лошадей переселенцы Д. Тарасов (уч. Короткий), С. Деревянко (уч. Поваренкинский), А. Чемоданов (уч. Яшкинский) и др.[1]

В 1904 г. вышел новый переселенческий закон «Временные правила о переселении сельских обывателей», который подвел черту под деятельностью КСЖД в сфере помощи переселенцам. Правительство учло недостатки предыдущего этапа переселений, отбросило или изменило нежизнеспособные положения прежнего переселенческого законодательства. Фактически закон 1904 г. заложил основу системы льгот для переселенцев в Столыпинский период.

Закон 1904 г. подтвердил положенные прежним законодательством льготы в части прав на удешевленный проезд, получение путевых и домообзаводственных ссуд, безвозмездное получение лесных материалов и прав на отсрочку отбытия воинской повинности. Изменению подвергся период, в течение которого переселенцы имели льготы по уплате налогов. По закону 1889 г. новоселы не платили казенные и земские денежные сборы в течение 3 лет и в течение последующих 3 платили в половинном размере. Теперь этот срок был увеличен до 5 лет[2]. Увеличение льготного срока означало не только дальнейшее расширение положенных переселенцам льгот, но и признание того, что 3 лет новоселам недостаточно, чтобы завести прочное платежеспособное хозяйство.

В годы Русско-японской войны крестьянские переселения были официально приостановлены ввиду загруженности Сибирской магистрали военными грузами. Уже с феврале 1904 г. выдача первоначальных и дополнительных ссуд на домообзаводство и общеполезные надобности была приостановлена[3]. Однако в дальнейшем выдача ссуд и пособий была восстановлена и в 1905 г. на эти нужды было ассигновано по всем районам Азиатской России

[1] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 365. Л. 165–166, 169, 412–414об.

[2] Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1907. Т. 24. Отд. 1. № 24701.

[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

675 000 рублей[1]. Еще до окончания войны (28 мая 1905 г.) тобольский губернатор распорядился крестьянским начальникам представить обоснованные соображения о необходимых кредитах на выдачу ссуд и пособий на следующий год. Предполагалось выдавать ссуды переселенцам прежних лет, переселенцам будущего года и самовольным переселенцам, которые получат разрешение водвориться на переселенческих участках[2]. На врачебно-продовольственную помощь переселенцам в 1905 г. было ассигновано 488 610 рублей[3].

Расширение системы льгот и ссудной помощи новоселам сыграло важную роль в их хозяйственном устройстве в Сибири. Так, в 1880-х – начале 1890-х гг. государственная помощь переселенцам оказывалась лишь спорадически и процесс становления переселенческих хозяйств происходил трудно и медленно. Среди хозяйств, водворявшихся в Западной Сибири в этот период и проживших на новом месте 1–2 года, доля дворов без запашки была вдвое выше, чем на родине. В Томской губернии 25% хозяйств новоселов первых лет водворения не имели запашки, тогда как до переселения этот показатель был равен лишь 12,7%[4]. В Тобольской губернии в самой «молодой» группе новоселов (проживших на новом месте 1–2 года) на родине к беспосевным относилось 14,3% дворов, а после переселения этот показатель вырос до 32,1%[5].

Среди хозяйств указанной возрастной группы 90,1% не могли обеспечить себя собственным хлебом и были вынуждены покупать его на стороне. Среди проживших в Сибири 3–4 года 54,8% дворов покупали хлеб. Даже сре-

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 312. Л. 2об.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
[3] Там же. Д. 312. Л. 2об.
[4] Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. По данным произведенного в 1894 г. по поручению г. томского губернатора подворного исследования. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1896. Т. 2, ч. 1. С. 237, 336 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[5] Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 1870-х годов до 1893 г.). М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. Т. 2. С. 2, 4–5, 10, 12–13, 18, 20–21. (Приложения) (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

ди проживших на новом месте 5–6 лет доля дворов, которые не могли полностью себя обеспечить хлебом, была относительно высока – 41,6%[1].

Эти данные свидетельствуют о том, что в отсутствие ссудной помощи со стороны правительства от четверти до трети дворов даже спустя 2 года после переселения не смогли приступить к разработке посевных площадей, а большинство хозяйств и через 4 года не могли полностью обеспечить себя хлебом.

Данные по обеспеченности новоселов 1880-х – начала 1890-х гг. рабочим и молочным скотом также показывают, что их хозяйства в первые год-два после переезда имели показатели худшие, чем в губернии выхода. На родине не имели коров и лошадей соответственно 28,6 и 21,8% дворов, в Сибири доля бескоровных хозяйств среди дворов, проживших на новом месте до 2 лет возросла до 31,6%, а безлошадных – до 22,3%. При этом доля дворов, имевших более двух коров, снизилась с 3,6% на родине до 1,3% в Сибири[2].

Эти данные показывают, что в 1880-х – начале 1890-х гг. переселенческие хозяйства, опиравшиеся в основном на собственные ресурсы, в первые несколько лет после водворения не могли достичь уровня благосостояния, который был до переезда. В первые год-два или три после переселения новоселы, не имевшие собственных средств, были вынуждены работать наемными работниками у старожилов или более зажиточных новоселов и только потом приступать к обзаведению собственным хозяйством[3]. Среди новоселов Алтайского округа, проживших на новом месте 1–3 года, отпускали наемных работников более 50%. По мере накопления средств переселенцы приступали к обзаведению собственным хозяйством и доля дворов, отпускавших своих

---

[1] Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. По данным произведенного в 1894 г. по поручению г. томского губернатора подворного исследования. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1896. Т. 2, ч. 1. С. 337.

[2] Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. По данным произведенного в 1894 г. по поручению г. томского губернатора подворного исследования. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1896. Т. 2, ч. 1. С. 237–238, 251, 336 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[3] Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 413.

членов семьи в наем, снижалась. Так, среди переселенцев Алтайского округа, проживших 10 и более лет, доля семей, члены которых нанимались в наемные работники, снижалась до 10,3%[1]. Эти данные подтверждают, что на начальном этапе становления хозяйства абсолютное большинство переселенцев было вынуждено в качестве источника для домообзаводства использовать свой труд в хозяйствах более состоятельных переселенцев или старожилов.

Развитие системы ссудной помощи новоселам в середине – второй половине 1890-х гг. происходило на фоне тенденции падения благосостояния переселяющихся: средняя обеспеченность семей, выходивших на переселение, была хуже, чем в 1870–1880-х гг. Это предопределило высокую степень значимости государственной помощи переселенцам. При всех недостатках в системе выдачи ссуд комплекс правительственных мероприятий по оказанию помощи новоселам дал положительный эффект. За счет получаемых ссуд переселенцы во второй половине 1890-х гг. быстрее начинали обзаводиться собственным хозяйством.

В 1897 г. Переселенческое управление обследовало 5 986 переселенческих семей, прибывших в Сибирь в 1896–1897 гг. Из этого количества на родине 1 078 (18%) не имели своих жилищ, 2 124 (35,5%) не имели лошадей, 2 211 (36,9%) не имели коров. После переезда в Сибирь количество дворов без собственных жилищ снизилось до 687 (11,5%), без лошадей сократилось до 1 021 (17,1%), без коров – до 1 129 (18,9%). На родине не имели собственного хозяйства 1 425 дворов (23,8%), в Сибири этот показатель снизился до 1 136 дворов (18,9%). Таким образом, по ключевым параметрам переселенцы через относительно небольшой отрезок времени после переселения улучшали свое экономическое положение. Уже за первый год жизни в Сибири часть крестьян, ранее не имевших своего жилья, коров и лошадей, смогли обзавестись имуществом. Доля дворов без собственных жилищ сократилась на 6,5%, доля безлошадных дворов снизилась более чем в 2 раза – с 35,5 до

[1] Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX века (1865–1899 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1970. С. 21–22.

17,1%, а доля хозяйств без коров сократилась с 36,9% до 18,9%. В итоге всего лишь за год и даже менее пребывания в Сибири доля дворов, не имевших своего хозяйства, после переезда снизилась почти на 5%.

В 1898 г. Переселенческое управление провело аналогичное обследование, репрезентативность которого не вызывает вопросов: было обследовано уже 93 352 переселенческих хозяйства, в том числе возникшие в Алтайском округе. И результаты этого обследования в целом подтвердили, что среди новоселов после переезда в Сибирь снижалась доля семей, не имевших скота, жилищ и своего хозяйства. Так, обследованием 1898 г. были охвачены 7 882 семьи, прибывшие в этом же году, и уже в первый год водворения доля дворов, имевших свои жилища, выросла с 89% в губернии выхода до 94% в Сибири; доля семей, имевших лошадей, увеличилась с 81% на родине до 93% в Сибири. Рогатым скотом на родине владели 81% семей, в Сибири уже в первый год этот показатель вырос до 88%. Земледельческими орудиями до переселения владели 76% дворов, после переселения – 78%, самостоятельное хозяйство вели на родине 81% дворов, в Сибири этот показатель вырос до 89%[1].

Эти результаты обследования подтверждаются результатами обследования, которое провел Н. Новомбергский по заданию тобольского губернатора во второй половине 1897 г. Это обследование носило локальный характер, охватило всего 82 поселка в 20 волостях Тюкалинского и Ишимского округов. Переселенческие поселки выбирались по принципу «типичности», исследование в каждом из них производилось по поселенной описи и подворным карточкам. Подобная подборка обследуемых поселков носила несколько субъективный характер, но обвинить автора в предвзятости и тенденциозности нет оснований. Исследование ставило сугубо практическую для правительства цель – выяснить, насколько выдаваемые ссуды соответствуют реальным потребностям переселенцев. Выводы Новомбергского совсем не рисовали благостную для правительства картину: автор сделал заключение, что все

[1] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1898 г. СПб. : Канцелярия комитета министров, 1900. С. XIV–XV.

существующие узаконения не позволяли крестьянам получить максимум от продажи своего имущества перед переселением, а высокие затраты на путевые расходы (от 38,5 до 82,2 рублей на семью) приводили к тому, что некоторые из переселенцев нуждались в помощи уже в Челябинске. Новомбергский отмечал, что необходимо снизить железнодорожный тариф для облегчения проезда переселяющихся. Автор также сделал вывод о неспособности переселенцев за свой счет создать самостоятельное хозяйство и раскритиковал существующую систему выдачи ссуд. Трехлетний льготный период по освобождению от податей Новомбергский признал недостаточным, так как за 3 года новоселы еще не успевали создать прочное хозяйство. Описание же автором процесса обустройства новоселов вообще выдержано в мрачных тонах: переселенческую землянку он сравнил с «сырой холодной могилой, где холод, голод, болезнь дружно ведут свою разрушительную работу»[1].

В целом Новомбергский достаточно критически оценил существующую помощь новоселам, выявив немало недостатков ее огранизации. Однако представленные им данные позволяют утверждать, что новоселы после переезда в Сибирь в среднем заметно улучшили свое положение по ключевых параметрам, характеризующим крестьянское хозяйство (посев, наличие лошадей и коров). Среднее переселенческое хозяйство в Ишимском округе увеличило после переезда в Сибирь площадь посевов, количество лошадей и коров на один двор. В Тюкалинском округе количество лошадей и коров в среднем на двор после переселения также возросло. Правда, новоселы Тюкалинского округа и в Сибири, и на родине имели одинаковую среднюю площадь посева. Но следует принять во внимание, что Новомбергский проводил исследование среди дворов, водворившихся за 2–3 года до этого[2]. Поэтому корректнее утверждать, что среднее переселенческое хозяйство Тюкалинско-

---

[1] Новомбергский Н. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии. Тобольск : Губ. тип., 1898. Вып. 1. С. X–XIII, XVIII, XX–XXI, XXXIX–XLII.

[2] Новомбергский Н. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии. Тобольск : Губ. тип., 1898. Вып. 1. С. IV.

го округа смогло по размерам посевной площади за 2–3 года достичь уровня, который был до переезда в Сибирь.

Исследование переселенческих хозяйств, проведенное Новомбергским, выявило, что на родине почти треть дворов не имели коров, около четверти – лошадей, а 13,6–17% не имели своих посевов. Показателем общей бедности крестьян на родине было то, что абсолютное большинство дворов не могло обходиться без покупного хлеба: наиболее исправным и многорабочим семьям хватало своего хлеба до Рождества, некоторым – до Пасхи, и редко кому на весь год[1]. Собранные Новомбергским данные не оставляют сомнений в том, что переселение позволило значительной части новоселов улучшить свое положение. Доля безлошадных дворов сократилась с 25,6–26,2 до 6,3–8,3%, доля дворов без коров – с 32,7–31,6 до 8,5–9,7%. Доля хозяйств без посева среди переселившихся в Ишимский округ уменьшилась с 13,6% до 3,9%, в Тюкалинском округе с 17% снизилась до малозаметной величины – всего 0,9%.

Можно утверждать, что при всех недостатках в организации правительственной помощи новоселам в период деятельности КСЖД эта помощь всё же была заметным подспорьем на начальном этапе становления переселенческих хозяйств. Фактически уже в первый год после прибытия в Сибирь абсолютное большинство дворов начинало обзаводиться собственным хозяйством, а спустя 2–3 года в среднем переселенческое хозяйство достигало уровня, который был до переезда в Сибирь. При этом снижалась доля дворов, которые на родине не имели посевов, лошадей и коров, поэтому можно утверждать, что переселение приводило к восстановлению хозяйственной состоятельности части крестьян.

Таким образом, характер и направленность правительственной помощи переселенцам в 1861–1905 гг. менялись в зависимости от отношений правительства к крестьянским переселениям и к задачам переселенческой полити-

[1] Новомбергский Н. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии. Тобольск : Губ. тип., 1898. Вып. 1. С. IV.

ки. На этапе 1861–1880 гг. государство в целом не имело четко сформулированной концепции переселенческой политики, и правительственная помощь как явление отсутствовала. В 1881–1893 гг. государство изменило свое отношение к крестьянским переселениям, законом 1889 г. предусматривалась правительственная помощь новоселам, началось выделение средств на оказание переселенцам помощи. Закон и прописанные в нем льготы имели важное значение для переселенцев., хотя льготы по закону 1889 г. носили ограниченный характер, а финансирование переселенческих мероприятий в течение второй половины 1880-х – начала 1890-х гг. оставалось на одном уровне и происходило на фоне постоянно растущего переселенческого движения, существенно отставало от него. Поэтому переселения в Сибирь для крестьян были сопряжены с большим риском и бедствиями. В дороге нередкими были болезни и высокая смертность переселенцев. Массовые публикации в прессе о страданиях переселяющихся привели к появлению благотворительных организаций и обществ, которые в меру своих возможностей стали оказывать переселенцам помощь как в пути, так и на местах водворения.

На этапе деятельности КСЖД государство изменило характер переселенческой политики, что положительно сказалось на расширении объемов помощи переселяющимся. Эта помощь стала оказываться практически по всем основным направлениям (врачебно-продовольственная, ссудно-кредитная, налоговая и т.п.). На осуществление этой помощи ежегодно выделялись значительные средства, причем рост ассигнований происходил одновременно с ростом переселенческого движения. В течение второй половины 1890-х – начала 1900-х гг. совершенствовалась нормативная база, определявшая направленность и масштабы правительственной помощи переселенцам. При общем улучшении постановки переселенческого движения в сфере помощи новоселам имелись существенные недостатки: нередко выдача ссуд происходила несвоевременно, ссуды выдавались хотя и большинству водворенных переселенцев, но не всем, размер ссудной помощи был недостаточен для полного домообзаводства. Отчасти это было следствием ориентации правитель-

ства на переселение в Сибирь относительно состоятельного элемента. Однако среди переселяющихся крестьян была высока доля самовольных, не обладавших значительными средствами. Таких переселенцев государство не бросало на произвол судьбы, после причисления они имели право на ссуды наравне с законными переселенцами. Наличие среди новоселов малоимущих крестьян заставляло администрацию выдавать ссуды в первую очередь именно этому контингенту переселенцев. Помощь новоселам в 1893–1905 гг. носила социальный характер. К концу деятельности КСЖД некоторые из имевшихся недостатков были преодолены. В 1904 г. вышел новый переселенческий закон, в котором были учтены все недочеты предшествующего переселенческого законодательства и расширены налоговые льготы для новоселов.

К началу Столыпинских переселений правительство накопило существенный опыт по оказанию переселенцам практической помощи, были составлены маршруты их движения, вдоль которых находились врачебно-продовольственные пункты, в Западной Сибири возникла сеть лесных и сельскохозяйственных складов, где новоселы могли получить в качестве ссуд или приобрести необходимые им материалы, семена и сельскохозяйственные орудия. Были выработаны основные виды ссудной и налоговой помощи переселенцам.

2.4. Динамика, характер и особенности заготовки переселенческих участков в Западной Сибири в 1861–1905 гг.

Масштабы и характер заготовки колонизационного фонда в Западной Сибири прямо зависели от общих задач и отношения правительства к крестьянским переселениям. На этапе 1861–1880 гг. государство не ставило задачи развивать и поддерживать крестьянские переселения в Сибирь. Отношение государства к колонизации восточных окраин колебалось в диапазоне от нейтрального и сдержанного к отрицательному. Официальные разрешения переселяться в Сибирь были скорее исключениями, поэтому динамика и масштабы землеотводных работ в этот период были незначительными.

Фактически землеотводные работы в пореформенный период носили ведомственный характер. На кабинетских землях переселенческие участки нарезались силами межевых чинов Алтайского горного округа, на казенных землях – структурами Министерства госимуществ: Сибирским межеванием и Западно-Сибирским съемочным отделением. Есть также косвенные указания на то, что переселенческие участки образовывали губернские землемеры[1]. Полными данными о масштабах землеотводных работ, произведенных губернскими землемерами, мы не располагаем, но качество их работ вызывает сомнение: из нарезанных ими для переселенцев до 1882 г. земель 32,2% относились к числу неудобных[2].

В нашем распоряжении имеются лишь общие данные о деятельности Сибирского межевания и сменившего его Западно-Сибирского съемочного отделения. Сибирское межевание действовало в 1839–1871 гг., после чего было упразднено, и за этот период сняло на план в Западной Сибири 12 229 171 десятину. Созданное взамен Сибирского межевания в 1871 г. Западно-Сибирское съемочное отделение имело те же задачи, просуществовало до 1888 г. и сняло на план на казенных землях Томской и Тобольской гу-

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 42. Д. 293. Л. 1–2.
[2] Там же. Л. 13об.

берний 5 229 968 десятин[1]. Эти данные включают в себя общие результаты плановых съемок, что нельзя считать синонимом землеотводных работ. Фактически заготовка переселенческих участков была даже не основной задачей Сибирского межевания и Съемочного отделения. Межевые работы в Сибири до 1884 г. мало имели отношение к устройству там переселенческих участков[2]. Но и те участки, что отводились, по качеству были неудовлетворительными. Работы по образованию переселенческих участков редко доводились до логического завершения[3], а их плохое качество было одной из причин постоянного передвижения переселенцев с места на место[4].

Точных данных о результатах землеотводных работ в 1861–1880 гг. по Западной Сибири нет. Достоверно известно, что в Томской губернии в этот период были образованы следующие селения: д. Феоктистова (Ишимская волость) в 1867 г., д. Воскресенская и с. Ижморское (Почитанская волость) в 1867 г., с. Благовещенское, д. Рубина и д. Богданова (все – Баимская волость) в 1865–1866 гг. и д. Тавлинская (Зыряновская волость) в 1864 г. По восточной части Томского округа есть данные о заселении переселенцами только одного селения в Семилужской волости – д. Песочной в 1880 г.[5] В юго-восточной части Мариинского округа переселенческие поселки образовывались преимущественно в первой половине 1860-х гг.: в Дмитриевской волости с. Тяжино Вершининское, д. Шестакова, д. Больше-Пичугина, д. Камышловка и д. Усть-Барандат, только д. Бирчикульская была образована в 1877 г.[6] В юго-западной

---

[1] Очерк работ по заготовлению переселенческих участков, 1893–1899. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. С. 5, 6.

[2] Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. С. 103.

[3] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 50–52.

[4] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 198.

[5] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : в 20 кн. Вып. 1–22. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб. : Альфарет, 2010. Кн. 13. Вып. 14. Т. 1. С. 28, 31–32.

[6] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : в 20 кн. Вып. 1–22. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб. : Альфарет, 2010. Кн. 17. Вып. 19. С. 86.

части Томского округа в Елгайской волости в 1850–1885 гг. переселенцами из Европейской России (418 дворов) было образовано 11 самостоятельных селений. В Богородской волости в 1860–1861 гг. выходцами из Тамбовской губернии было образовано с. Баткат, в Николаевской волости до начала 1880-х переселенческие участки вообще не нарезались и только в 1883 г. выходцами из Владимирской губернии (143 души) был образован заселок Ново-Александровский[1]. По Курганскому округу есть упоминания лишь о 3 переселенческих поселках: д. Ново-Байдарская образована в 1863–1866 гг., д. Немировка – в 1869 г. и д. Мало-Банникова – в 1881 г.[2]

Все эти данные носят отрывочный характер и не позволяют даже сделать вывод, каким образом проводились землеотводные работы: было ли это заселение готовых переселенческих участков, или чины Сибирского межевания отграничивали уже занятые переселенцами земли.

Более точные данные есть по землеотводным работам в Акмолинской области. В эту область до конца 1870-х гг. крестьянские переселения вообще не разрешались, соответственно, землеотводные работы в 1861–1870-е гг. не могли иметь место. Лишь в 1874 г. генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков инициировал вопрос о желательности развития переселений в регион. Эта мысль нашла поддержку в Санкт-Петербурге, и было начаты изыскания удобных мест в степи и съемочные работы, которые продолжались 4 года. На переселенческих участках планировалось водворять новоселов из Харьковской, Черниговской и Полтавской губерний как привыкших обходиться без леса. Колонизацию планировалось осуществлять постепенно, было нарезано 30 участков в Кокчетавском уезде. Первое водворение состоялось в 1879 г., когда на двух участках поселились 164 души. В последующие два года из 30 приготовленных участков постепенно были заселены 9. Причем

[1] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : в 20 кн. Вып. 1–22. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб. : Альфарет, 2010. Кн. 14. Вып. 15. С. 15–17.

[2] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : в 20 кн. Вып. 1–22. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб. : Альфарет, 2010. Кн. 19. Вып. 21. Т. 2. С. 29–30.

нормой душевого надела сначала считалось 30 десятин на душу, в дальнейшем в Санкт-Петербурге признали необходимым понизить душевую норму надела до 15 десятин. Качество этих участков было невысоким, сказывалось отсутствие у землемеров практического опыта. В результате из образованных 30 участков к 1894 г. 12 оставались незаселенными, а из 10 заселенных население после нескольких неурожайных лет было переселено, и дальнейшее заселение отведенных участков по настоянию администрации вообще было приостановлено[1].

В целом первый опыт землеотводных работ в Акмолинской области был неудачным. Переселенцы возбуждали ходатайства о дополнительных прирезках разных угодий, преимущественно сенокосных, и о разрешении перейти на другие места. Причем, получив отказ в переходе на другие места, переселенцы уходили самовольно и занимали понравившиеся им места уже без ведома администрации и образовывали там деревни. Администрация была вынуждена в дальнейшем мириться с этим фактом. Таким образом, например, возникла д. Явленная в Петропавловском уезде, открытая губернатором во время поездки по области, «словно Америка Колумбом»[2].

Официальными изданиями начала XX в. качество работ на казенных землях Западной Сибири до середины 1880-х гг. оценивалось как неудовлетворительное. После разграничения земель казны и крестьян (старожилов) в распоряжении казны оказывались либо совсем негодные для хозяйства земли, либо земли с одним преобладающим видом полевых угодий (пашня, лес, сенокос), причем на таких землях часто отсутствовали источники пресной воды, как правило, оставлявшиеся в наделах старожилов. В итоге оставляемые в казенном ведомстве земли давали мало участков, пригодных для нужд колонизации. Нередко такие участки вообще нельзя было использовать для переселенческих нужд. В результате местная администрация, ведавшая ка-

---

[1] С. Ф. Очерк колонизационного движения в Акмолинскую область // Рус. богатство. 1894. № 2. С. 194–197.
[2] Тихонов Т. Письма о переселенцах в Сибири. Письмо второе // Рус. Вестник. 1896. Т. 243. С. 325–326.

зенными землями, до водворения переселенцев должна была проводить предварительный осмотр образованных участков. Переселенцы от таких участков отказывались, и их претензии потом признавались администрацией справедливыми[1].

О землеотводных работах на кабинетских землях Алтайского горного округа в 1861–1880 гг. есть более достоверные сведения. В отличие от казенных земель Сибири на земли Алтайского округа после 1865 г. допускались законные переселения, что предполагало и заготовку для переселенцев специальных участков. Межевыми работами на землях Алтайского округа занималась особая экспедиция, действовавшая до своего упразднения 6 июня 1885 г.[2]

Основным источником по землеотводным работам в Алтайском горном округе является официальное издание «Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 гг.». Данные этого источника не претендуют на абсолютную точность. Например, не указаны даты возникновения некоторых переселенческих участков, даты других можно определить лишь приблизительно по фразе «образованы из заимок в силу закона 27 апреля 1896 г.»[3]. Этот источник указывает, что в 1863–1898 гг. было образовано 242 переселенческих участка, тогда как достоверные данные по количеству удобных и неудобных земель в составе участка имеются лишь по 212 участкам. Добавим, что некоторые архивные источники дают иные данные по количеству отведенных на Алтае земель в рассматриваемый период. Так, в письме и.д. управляющего Кабинетом П.А. Столыпину в апреле 1911 г. есть информация, что в 1865–1900 гг. в Алтайском округе было образовано 212 переселенческих участков и было водворено до 200 000 душ обоего пола переселенцев[4]. Еще в одном документе, подписанном управляющим делами МИДв 16 февраля 1899

---

[1] Очерк работ по заготовлению переселенческих участков, 1893–1899. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. С. 5–7.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 619. Л. 10.
[3] Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 гг. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. С. 12.
[4] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 409. Л. 5об.

г., упоминается, что Управлением округа для водворения переселенцев в 1865–1895 гг. было образовано 216 переселенческих участков общей площадью в 1 750 000 десятин[1]. Ввиду этого данные «Очерка переселенческого дела в Алтайском округе» следует рассматривать лишь как ориентировочные. Тем не менее они дают общее представление о масштабах и качестве работ Алтайской межевой экспедиции.

Таблица 4 – Динамика землеотводных работ в Алтайском округе в 1863–1880 гг.[2]

Год	Количество участков	В них удобной земли (десятин)	Неудобной земли (десятин)	Всей земли (десятин)	% неудобных земель
1863	1	1 338	24 565	25 903	94,8
1865	2	9 834	4 071	13 905	29,3
1870	1	2 821	414	3 235	12,8
1871	3	6 832	464	7 296	6,4
1872	2	15 369	1 157	16 526	7,0
1873	1	1 669	121	1 790	6,8
1874	2	7 009	640	7 649	8,4
1875	2	8 094	664	8 758	7,6
1876	17	91 762	51 492	143 254	35,9
1877	5	10 765	3 406	14 171	24,0
1878	8	40 981	11 387	52 368	21,7
1879	12	76 115	14 242	90 357	15,8
1880	14	81 115	20 835	101 950	20,4
Итого	70	353 704	133 458	487 162	27,4

Как видно из таблицы 4, землеотводные работы на кабинетских землях на первом этапе проводились медленными темпами. Так, в 1863, 1865, 1870–1875 гг. в год отводилось 1–3 переселенческих участка. В отдельные годы участки для новоселов не отводились вообще. Определенные подъемы в динамике землеотводных работ мы наблюдаем только в 1876, 1879–1880 гг. Отчасти такой всплеск активности в заготовке колонизационного фонда был связан с проектом колонизации Горного Алтая. Этот проект стал одним из первых примеров, когда администрация Алтайского округа планомерно проводила землеотводные работы. Заготовка переселенческих участков производилась в калмыцких стойбищах в середине 1870-х гг. В «Списке местностей, находящихся в калмыцких стойбищах Алтайского округа, предназначенных для заселения русскими» значится 26 участков, документ датирован 1875 г. и

[1] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 392. Л. 4.

[2] Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 г. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. С. 1–93 (подсчеты мои. – *Д.Б.*)

подписан губернатором А. Супруненко. Практически все эти участки имели небольшую колонизационную емкость. Так, в селении Семинском предполагалось поселить до 100 человек, в селении Теньгинском – до 80, в селении Туектинском – до 100, в селении Хабаров – до 60 и т.п. Всего на 26 участках предполагалось поселить до 1 466 человек. Часть этих участков образовывалась на местах, где уже существовали какие-то поселения. Например, селение Хабаров предполагалось образовать на месте заимки купца Хабарова, который должен был свою заимку снести или же приобрести право на пользование землей в установленном порядке. Селение Черный Ангуй должно было быть образовано на месте миссионерского стана, где также проживало до 170 крещеных инородцев[1].

В качестве обоснования колонизации Горного Алтая была названа необходимость обеспечения южной границы от возможных случайностей. Правила о водворении русских в Горном Алтае были утверждены 30 июня 1878 г. и должны были действовать в течение трех лет[2].

Опыт отвода земель для переселенцев в конце 1870-х гг. в Горном Алтае следует признать неоднозначным. Некоторые из участков не были заселены – в 1897 г. из 26 участков в 12 не оказалось даже и зачатков поселков. В некоторых участках к 1897 г. «жизнь только возникала», некоторые развились в настоящие селения, а из некоторых селений новоселы были вынуждены уйти отчасти из-за притеснений калмыков, отчасти из-за морозов и непригодности почвы для земледелия[3].

Землеотводные работы на казенных и кабинетских землях Западной Сибири осуществлялись на основании разных ведомственных инструкций. На казенных землях в 1858–1871 гг. характер работ Сибирского межевания определялся инструкцией генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта, которая предписывала отводить в год участки для переселенцев не более чем

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-2. Оп. 1. Д. 9436. Л .1–10об. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[2] Модоров Н. С. Горный Алтай в пореформенный период. Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. от-ние, 1990. С. 44–45.
[3] Горный Алтай и его население. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. Т. 3. Вып. 1. Переселенческие поселки, образованные в 1878 г. С. 2–3.

на 8 000 душ. Основной же целью межевания было определение удобных мест для постепенного водворения переселенцев, ввиду чего подробной инструментальной съемке подлежали лишь места, удобные для водворения, остальные пространства предполагалось только разведывать. По окончании обмежевания каждой волостной дачи данные о количестве свободной и удобной для поселения земли должны были предоставляться генерал-губернатору. После получения от него разрешения на водворение чинам межевания вменялось в обязанность указать переселенцам место для поселения[1].

Чертежники Алтайского горного округа действовали по особым предписаниям Алтайского горного правления. В основном они отводили переселенческие участки из «пустопорожних» земель, что прослеживается по отчетным документам[2]. Недостаток межевых сил приводил к тому, что некоторые переселенческие участки даже после своего заселения не имели строго очерченных границ. Так, дер. Узянка в 1871–1880 гг. по документам проходила как не наделенная землями «по малому числу душ» (на 1 января 1880 г. там числились только 24 ревизские души). Предполагалось, что до увеличения населения крестьяне должны были пользоваться не всеми свободными землями возле деревни, а только ближайшими к их селению и в количестве не более 15 десятин на одну ревизскую душу удобных земель[3]. Уч. Михайловка (Ануйская волость) был образован в 1876 г., а дата обмежевания его границ показана 1897 г. – 21 год спустя после возникновения участка! Этот случай не единичный. В качестве примеров можно привести участки Тюндралинский, Усть-Кан, Абай, Черный Ануй, Белый Ануй, Катанда – все они были образованы не позднее 1898 г.[4], но даже к июню 1904 г. их угодья все еще не были приведены в известность чинами кабинетской администрации[5]. Подобных

---

[1] Очерк работ по заготовлению переселенческих участков, 1893–1899. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. С. 5.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2169. Л. 12.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 545. Л. 69–69об.
[4] Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 гг. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. С. 40, 42.
[5] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп.1. Д. 2650. Л.100–102.

участков, с неотмежеванными границами, к 1898 г. в округе насчитывалось 26. Причем 15 из них были образованы в 1860–1883 гг.[1]

Еще одной отличительной чертой землеотводных работ на Алтае в пореформенный период было то, что администрация округа часто требовала от переселенцев указывать конкретное место, которое крестьяне желали бы получить под переселенческий участок. После указания потенциальными переселенцами конкретных мест для будущего поселения в эту местность направлялся чертежник, снимавший просимую территорию на план[2]. Подобная же практика сохранялась и в 1880-е, и даже в 1890-е гг.[3] В некоторых источниках есть ссылка на то, что новоселы должны были оплачивать командировку межевщика из своих средств[4].

Многочисленные примеры показывают, что положительный ответ на ходатайство о переселении крестьяне могли получить, только если указывали конкретное место, куда хотят переселиться. Двум домохозяевам из Полтавской губернии в ответ на ходатайство о переселении в округ было прямо сказано, что их перечисление станет возможным только, когда просители точно укажут участок, на который желают водвориться[5]. Примеров, когда новоселы, исполняя требование кабинетской администрации, указывали точное место, куда желали поселиться, достаточно много[6].

В случае если переселенцы в своем прошении конкретные земли не указывали, это становилось причиной для отказа в разрешении переселиться. Мотивировка отказа в переселении «за неуказанием пункта избранного для водворения» встречается в документах довольно часто[7]. Требование кабинетской администрации, чтобы переселенцы сами искали место для своего

---

[1] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 185.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-2. Оп. 1. Д. 9506. Л. 401, 404, 426, 433.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2184. Л. 1, 4об.–5, 7, 23.
[4] Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. Новосибирск : Параллель, 2009. С. 86–87.
[5] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 907. Л. 100, 102, 111, 112.
[6] См., например: КГУ ГААК. Ф. Д-2. Оп. 1. Д. 9506. Л. 435, 439; Д. 9250. Л. 1–2 и др.
[7] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 907. Л. 61, 62, 87, 98–98об.

участка, на наш взгляд, объяснимо тем, что управление округа не имело четкого представления о колонизационных возможностях региона. Кроме того, численность межевых чинов округа была невелика, и самостоятельно заниматься поиском удобных для поселения земель администрация округа не могла. По штатам межевых чинов Земельной части Главного управления Алтайского округа (по узаконениям 11 февраля 1883 г., 2 марта и 6 июня 1885 г.) межевые работы в округе должны были осуществлять 23 сотрудника, но лишь 7 из них фактически исполняли работы по обмежеванию переселенческих участков[1]. Ввиду этих обстоятельств округ переложил задачу отыскания земель под переселенческие участки на самих переселенцев.

В этом были свои плюсы и минусы. С одной стороны, новоселы имели возможность выбирать именно те земли, которые им подходили по хозяйственным привычкам, или земли, где не было (или почти не было) болот, песков и пр. С другой стороны, новоселы должны были тратить свое время и средства на поиск земель в абсолютно незнакомой для себя местности. В качестве примера можно привести историю переселенца Осипа Курнакина. В декабре 1863 г. он получил увольнительный приговор от общества дер. Острые Луки (Самарская губерния), с семьей (4 д.м.п.) выехал в Енисейскую губернию. Не обнаружив в Минусинском округе свободных участков, этот переселенец затем прибыл в Чумышскую волость Томской губернии, от местных крестьян узнал, что переселенцы из «российских» губерний заселяются близ дер. Казанцевой. Далее Курнакин обратился в волостное правление с соответствующей просьбой о разрешении поселиться в указанный заселок. В ответ ему было объявлено, что близ дер. Казанцевой свободных земель более нет, и был дан совет осмотреть местность в 5 верстах от дер. Казанцевой на р. Аламбей, где уже проживало несколько семей. В итоге только в 1866 г. (спустя 2 года после переезда в Сибирь) документы Осипа Курнакина были препровождены в Томскую казенную палату[2].

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 937. Л. 40–42.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-2. Оп. 1. Д. 9272. Л. 4–7, 8об.–9.

Самостоятельный поиск переселенцами земель для водворения мог приводить к трениям со старожилами, как это случилось между переселенцами заселка Пьянков и крестьянами с. Айского (Бийский округ). Переселенцы Пермской губернии М. Пьянков и Т. Малютин 28 июля 1879 г. подали прошение в Алтайское горное правление о разрешении им поселиться в пустолежащем месте в 60 верстах от д. Тайнинской и 40 верстах от д. Карагатки. Заведующим Барнаульской главной чертежной эта местность в том же году была снята на план, а 10 декабря 1879 г. Алтайское горное правление сообщило, что не имеет препятствий к образованию в этой местности нового поселения. В последующих документах это поселение по фамилии крестьянина Пьянкова стало фигурировать как «заселок Пьянков». Однако спустя несколько лет между жителями этого заселка и крестьянами с. Айского возник конфликт из-за претензий старожилов на часть земель, которыми пользовались новоселы. Старожилы с. Айского подали жалобу начальнику Алтайского горного округа, где обвиняли переселенцев в том, что те их стесняют в пользовании землей[1].

В целом до 1883 г. правильного отвода участков из свободных кабинетских земель не было. Он был организован лишь с назначением начальником земельной части Главного управления округа А.А. Ваганова[2].

Таким образом, землеотводные работы на казенных и кабинетских землях в 1861–1880 гг. характеризовались отсутствием планомерности и низким качеством. Многие участки оказались фактически непригодными для земледелия и не были заселены. Отчасти это было следствием незначительности межевых сил и отсутствия у них большого практического опыта. Во многом по причине некачественности землеотводных работ переселенцы в 1861–1870-х гг. предпочитали приселяться в старожильческие общества. Старожилы первоначально встречали новоселов не враждебно, так как увеличение на-

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2158. Л. 1–2, 11–11об., 25–26, 54, 56, 125–126об.
[2] Овсянкин И. Колонизация и переселенческое дело // Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск : Типо-литогр. Михайлова и Макушина, 1890. С. 345.

селения облегчало выполнение натуральных и денежных повинностей, кроме того, от уплаты приемных приговоров с переселенцев поступали некоторые доходы в мирскую кассу[1]. Однако в 1880-х гг. отношение к новоселам изменилось. Старожилы начали препятствовать приписке к их обществам переселенцев, даже если сами при этом пользовались землей в размере, превышающем свои возможности по обработке этой земли. Причем факты притеснений имели место и на казенных землях, и на кабинетских. Ввиду такой враждебности среди старожилов томский губернатор в отчете за 1883 г. предлагал начать селить новоселов отдельно, на специально заготовленных участках. В результате по распоряжению главы МВД Д.А. Толстого во второй половине 1880-х гг. был взят курс на расширение землеотводных работ с целью водворения переселенцев отдельно от старожилов на особых участках. Причем это касалось и казенных, и кабинетских земель[2].

Этот курс был намечен еще в начале 1880-х гг., когда в связи с общим измененим отношения государства к крестьянским переселениям, министр МВД граф Толстой предложил сотрудникам МГИ заняться изучением земель Западной Сибири и образовывать переселенческие участки в количестве, достаточном для удовлетворения постоянно растущих потребности[3].

После издания положения Комитета министров 12 июля 1881 г. о возможности ходатайствовать о переселении лицам, которых вынуждало к переселению их экономическое положение, возник усиленный спрос переселенцев на землю. А так как земельные запасы, которыми располагало государство для этих целей в пределах губерний Европейской России, были сравнительно небольшими, то было признано необходимым безотлагательно привести в известность годные для водворения переселенцев казенные земли в

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 33. Л. 59–60.

[2] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 23. Л. 5об., 10; Оп. 23. Д. 947. Л. 1–2; Паклин М. И. Производственно-хозяйственная деятельность русского крестьянства Алтайского горного округа в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Горно-Алтайск, 1999. С. 23; Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). М. : Тип. Об-ва распространения полезных книг, 1895. Т. 1. Историко-статистическое описание. С. 126.

[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 27.

Западной Сибири и образовать из них столько переселенческих участков, сколько необходимо для удовлетворения потребности растущего переселенческого движения. Для решения этой задачи 22 января 1885 г. был создан Западно-Сибирский отряд. Отряд должен был работать на казенных землях Западной Сибири, на его содержание выделялось 40 000 рублей в год[1].

Предполагалось, что заготовка переселенческих участков будет производиться в населенных старожилами районах. Считалось, что лесные районы для бедных и маломощных переселенцев отводить нельзя, а сплошных свободных пространств, годных для заселения в Тобольской и Томской губерниях, почти нет. Однако землеотводные работы в районах старожильческих селений были осложнены тем, что многие земли находились в постоянном или временном пользовании старожилов и для их выделения в колонизационный фонд необходимо было сначала спроектировать наделы для старожилов, только после этого должно было стать понятно, какие земли и в каком количестве можно отвести под переселенческие участки. Таким образом, Западно-Сибирский отряд должен был открыть работы в многоземельных местностях, снятых на планы, и одновременно с составлением проектов наделения землей старожилов образовывать переселенческие участки. Пространства, не вошедшие в состав старожильческих наделов, должны были либо включаться в состав переселенческих участков, либо оброчных статей, либо лесных дач. Переселенческие участки предполагалось образовывать из земель, удобных для водворения переселенцев и не представлявших интереса для старожилов в плане аренды. В состав переселенческих участков должны были включаться только те казенные пространства, которые соединяли в себе все условия, необходимые для их заселения и дальнейшего развития хозяйств переселенцев. Предполагалось избегать включения в состав переселенческих участков хозяйств заимочников. Размер участков должен был соответствовать наделу

[1] Очерк работ по заготовлению переселенческих участков, 1893–1899. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. С. 8–9.

поселка средней величины, не допуская (по возможности) удаленности полевых угодий от усадеб далее, чем 3–4 версты.

В результате деятельность отряда оказалась распылена по нескольким направлениям: собственно образование переселенческих участков, образование оброчных участков и лесных дач, а также составление проектов старожильческих наделов. Личный состав для решения всех этих задач был недостаточен: 3–4 производителя работ и менее 15 межевых чинов. Поэтому отряд оказался не в состоянии справляться с главной своей задачей – удовлетворить растущую потребность переселенцев в земле[1]. Кроме того, новоселы часто оседали на понравившихся им местах, не сообразуясь с возможностью создания в этих местностях переселенческих участков, что создавало чинам отряда массу затруднений[2].

Первоначально отряд производил работы только в Томской и Тобольской губерниях, но с 1891 г. распространил свою деятельность и на Степное генерал-губернаторство, где занимался устройством самовольных переселенцев. В Кокчетавском и Петропавловском уездах Акмолинской области было устроено 10 940 д.м.п. В 24 селениях им было отведено 250 000 десятин земли, кроме того, в Семипалатинской области было отведено 4 участка общей площадью в 33 000 десятин. Фактически землеотводные работы хотя и являлись важным компонентом деятельности отряда, но не были основным видом этой деятельности. За 1885–1893 гг. Западно-Сибирский отряд образовал 152 переселенческих участка (106 в Томской губернии, 46 в Тобольской) площадью 430 976 десятин. При этом в надел старожильческим селениям за то же время было отведено 862 974 десятина, выделено в оброчные статьи 278 480 десятин, обращено в лесные дачи 23 783 десятины. На этих участках было водворено 14 743 д.м.п. переселенцев[3].

---

[1] Очерк работ по заготовлению переселенческих участков, 1893–1899. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. С. 9–13.

[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. : отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 44.

[3] Очерк работ по заготовлению переселенческих участков, 1893–1899. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. С. 14.

Приведенные выше данные по масштабам землеотводных работ не бесспорны. Согласно данным, опубликованным Томской переселенческой организацией, в 1885–1892 гг. в Томской губернии было отведено для новоселов 112 участков общей площадью 370 747 десятин земли[1].

Имеются некоторые расхождения и по Тобольской губернии. Согласно «Исторической справке об образовании переселенческих участков», составленной для министров госимуществ и внутренних дел, в Тобольской губернии было образовано не 46, а 50 переселенческих участков, площадь которых была не 123 162 десятины, а несколько менее – 123 102 десятины[2]. Еще один документ «Список переселенческих поселков и приселений к деревням старожилов в Тобольской губернии, возникших с 1880 по 1893 г.» указывает, что в Тобольской губернии в 1880–1893 гг. было отведено 133 переселенческих участка и приселения для 13 597 д.м.п.[3]

Возможным объяснением этих статистических несоответствий может являться то, что в некоторых документах учтены не только переселенческие, но и запасные участки. Поскольку на рубеже XIX–XX вв. переселенческие участки иногда переводились в разряд запасных, а запасные – в категорию переселенческих, то некоторое несоответствие в разных документах можно объяснить различными методиками учета заготовленных участков.

В целом при всей противоречивости приведенных выше данных не вызывает сомнений, что масштабы землеотводных работ на казенных землях в 1881–1892 гг. имели тенденцию увеличения.

На кабинетских землях в 1881–1892 гг. также масштабы заготовки переселенческих участков увеличились (таблица 5). Если за 1863–1880 гг. было отведено для переселенцев 70 участков общей площадью 487 162 десятины, то в 1881–1892 гг. количество заготовленных участков составило 108, а общая площадь – 1 340 385 десятин. Темпы и интенсивность землеотводных

---

[1] Книга образования переселенческих участков. 1885–1912. Томск : Тип. Детского приюта и Дома трудолюбия, 1913. С. 1–817 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 28об., 41об.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 159. Л. 208–212об.

работ на кабинетских землях также возросли. Если в 1863–1880 гг. на Алтае отводилось в среднем в год менее 4 участков, то в 1881–1892 гг. – 9 участков (подсчеты мои по таблицам 4 и 5).

Таблица 5 – Динамика землеотводных работ в Алтайском округе в 1881–1892 гг.[1]

год	Количество участков	В них удобной земли (десятин)	Неудобной земли (десятин)	Всей земли (десятин)	% неудобных земель
1881	6	20 507	5 207	25 714	20,3
1882	4	18 502	2 433	20 935	11,6
1883	3	24 158	21 913	46 071	47,6
1884	10	59 015	15 083	74 098	20,4
1885	13	172 495	23 854	196 349	12,2
1886	17	157 628	18 443	176 071	10,5
1887	3	56 105	8 526	64 631	13,2
1888	16	175 785	92 466	268 251	34,5
1889	7	82 442	10 312	92 754	11,1
1890	10	90 492	25 976	116 468	22,3
1891	8	44 313	21 386	65 699	32,6
1892	11	123 316	70 028	193 344	36,2
Итого	108	1 024 758	315 627	1 340 385	23,6

При общей тенденции увеличения темпов землеотводных работ, очевидно, что масштабы этих работ могли быть большими, особенно на казенных землях. Так, в Тобольской и Томской губерниях Западно-Сибирским отрядом в 1885–1893 гг. было отведено 1 596 213 десятины, из которых менее 27% пришлось на переселенческие участки, 54% – на отвод наделов старожильческим селениям, около 17,5% – на отвод оброчных статей, остальное – на обмежеванные лесные дачи[2].

Из этих данных видно, что в деятельности Западно-Сибирского отряда наиболее значительным направлением было отмежевание наделов старожильческих селений, а не отвод переселенческих участков. Отчасти такое несоответствие объясняется изначальными посылками со стороны МГИ, которое считало, что сплошных пространств, свободных и годных для заселения в Томской и Тобольской, губерниях почти нет[3]. Такая установка представляется более чем странной, поскольку подавляющее большинство земель в Сибири

[1] Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 г. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. С. 1–93 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[2] Очерк работ по заготовлению переселенческих участков, 1893–1899. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. С. 14 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 38об.–39.

на тот момент не обрабатывалось, не использовалось и числилось в разряде «пустопорожних»[1].

Современные исследования показали, что в правительстве никто не знал об истинном колонизационном потенциале Сибири. Даже имевшийся в наличии плановый материал 1830–1840-х гг., по оценке главы МГИ А.С. Ермолова, был совершенно непригоден[2]. В результате землеотводные работы были направлены в районы, более-менее густо заселенные старожилами. И поскольку земли старожилов не были отмежеваны от казны, отряд был вынужден сначала проводить отвод наделов старожилам, а затем уже из оставшихся земель образовывать переселенческие участки или оброчные статьи.

В Томской губернии переселенцы оседали в основном на участках, образованных отрядом, в Тобольской – в оброчных статьях. Фактически землеотводные работы в Томской губернии участки отводились до водворения переселенцев, а в Тобольской – после. Причем к моменту открытия работ по отводу земель переселенцы успевали не только избрать места под усадьбы, но и построить хаты и даже распахать и засеять пашню. Именно таким образом возник поселок Уваровский (Аевская волость), когда в 1884 г. переселенцы заселились на казенно-оброчной статье, из которой лишь в 1888 г. им был нарезан надел. Поэтому в 1887 г. в Тобольской губернии работы чинов Западно-Сибирского отряда сводились к отграничению переселенцам тех земель, которые они желали получить из расчета 15 десятин на одну д.м.п. При этом земли, отведенные переселенцам в 1887 г., предоставлялись в их пользование на праве 12-летней аренды по контрактам. В 1888 г. такое предоставление земель на арендном праве на 12 лет практиковалось уже только для переселенцев, прибывших по паспортам. Тем, кто приходил с разрешения правительства, земля отводилась в постоянное пользование[3].

---

[1] Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983. С. 54.

[2] Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. С. 224.

[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 40–41; Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). М. : Тип. Об-ва распространения полезных книг, 1895. Т. 1. Историко-статистическое описание. С. 39.

География районов, охваченных землеотводными работами, показывает, что эти работы носили фрагментарный характер. В 1885 г. чины отряда вели свою деятельность только в Боготольской и Алчедатской волостях Мариинского округа Томской губернии. С 1886 г. их деятельность распространилась на Кулачинскую, Любинскую, Баженовскую и Сыропятскую волости Тюкалинского округа Тобольской губернии. В 1888 г. заготовка переселенческих участков производилась в Дмитриевской и Верхне-Омской волостях (Мариинский и Каинский округа), в 1889 г., помимо этих двух волостей, землеотводные работы распространились на Почитанскую волость (Мариинский округ). В Тобольской губернии в 1889 г. отвод переселенцам участков осуществлялся в Такмыкской волости (Тарский округ). В 1890 г. переселенческие участки нарезались в Баимской, Почитанской и Дмитриевской волостях (Мариинский округ), Ишимской волости (Томский округ), Верхне-Омской и Вознесенской волостях (Каинский округ)[1].

Также эпизодические работы велись в некоторых других волостях Томского округа: в Николаевской волости был образован 1 участок в 1887 г. (666 десятин всей земли), в Елгайской волости в том же году также был образован 1 участок (310 десятин всей земли). Помимо этого в Семилужской волости в 1888–1890 гг. было образовано 8 участков общей площадью 14 258,16 десятины, в Спасской волости в 1888–1892 гг. было отведено 3 участка площадью 8 583 десятины. Суммарная душевая емкость участков Николаевской, Елгайской, Семилужской и Спасской волостей составила 1 518 долей[2].

Фактически землеотводные работы Западно-Сибирского отряда в 1885–1891 гг. не затронули многие волости и округа. Так, вообще нет упоминаний об отводе переселенческих участков в Тюменском, Ишимском и Ялуторовском округах Тобольской губернии. Заготовка колонизационного фонда в 1881–1892 гг. носила не только фрагментарный, но и эпизодический характер. В Акмолинской области местная администрация в 1884–1888 гг. придержива-

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 39–41.
[2] ГАТО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–16 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

лась мнения, что в области нет свободных земель, и вообще прекратила землеотводные работы. При этом прибывавшие в область переселенцы оставались неустроенными, докучали администрации своими просьбами, наводнили крестьянские и казачьи поселки и блуждали в поисках пристанища. На ненормальность сложившейся ситуации обратил внимание Степной генерал-губернатор, по распоряжению которого в 1890 г. в Кокчетавском и Петропавловском уездах было образовано 11 новых поселков, в которых поселилось до 8,5 тыс. д.м.п. Однако уже в следующем 1891 г. Акмолинская область опять была закрыта для переселений. Это запрещение действовало до марта 1893 г.[1]

Характеристики участков на казенных и кабинетских землях существенно разнились. На казенных землях Томской и Тобольской губерний средняя площадь участка, отведенного чинами Западно-Сибирского отряда, составляла 2 835,7 десятины[2], а на кабинетских землях в 1863–1880 гг. средняя площадь переселенческого участка в Алтайском горном округе составляла 6 959,5 десятины, а в 1881–1892 гг. – почти 12 411 десятин. Причем если в 1881 г. в среднем площадь отведенного участка составляла 4 285,7 десятины, в 1882 г. – 5 233,75, то в 1886 г. достигла 10 357,1, в 1890 г. – 11 646,8, а в 1892 г. – даже 17 576,7 десятин (*подсчеты мои по табл. 4 и 5*). Такую разницу можно объяснить ростом переселенческого движения в округ, увеличением количества новоселов, желавших селиться на отдельных переселенческих участках и нехваткой межевых сил в Алтайском округе. Статистические материалы показывают, что до середины 1880-х гг. основная часть переселенцев предпочитала оседать не на переселенческих участках, а в старожильческих селениях. Так, в 1884 г. из 11 905 человек, прибывших в Алтайский округ, на переселенческих участках осело лишь 16,1%. Но в середине 1880-х – начале 1890-х гг. наблюдалась тенденция увеличения численности новоселов, водворявшихся на переселенческих участках: в 1885 г. – 38,6%, в 1886 г. – 42,5, в

[1] С. Ф. Очерк колонизационного движения в Акмолинскую область // Рус. богатство. 1894. № 2. С. 196, 201–203.

[2] Очерк работ по заготовлению переселенческих участков, 1893–1899. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. С. 14 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

1888 г. – 52,5, в 1890 г. – 75,9%[1]. Это было связано с возросшими трудностями устройства в старожилых обществах. Старожилы сначала ограничивают прием новоселов в свою среду, а с 1880–1890-х гг. многие и вовсе отказываются их принимать[2].

Межевые силы Алтайского округа имели слишком ограниченный штат сотрудников и не справлялись с возложенными на них функциями. Необходимость увеличения землеотводных работ совпала с ликвидацией в 1885 г. Алтайской межевой экспедиции, вместо которой в качестве временной меры было решено добавить к штатам в Алтайском округе 6 должностей младших межевщиков[3]. В условиях ограниченности кадрового ресурса и растущего спроса на переселенческие участки межевые чины Алтайского округа были вынуждены отводить более крупные участки.

В целом период 1881–1892 гг. характеризуется увеличением темпов заготовки колонизационного фонда. Это было следствием изменения правительственной политики в отношении крестьянских переселений. Государство приступило к формированию концепции крестьянских переселений, что предполагало проведение землеотводных работ. Для более эффективной заготовки переселенческих участков на казенных землях был создан Западно-Сибирский отряд. Темпы и масштабы землеотводных работ увеличились.

В период деятельности КСЖД переселенческое движение в Сибирь значительно возросло, что потребовало усиления заготовки колонизационного фонда. Помимо этого, произошло сокращение свободных «пустолежащих» земель в исследованной и заселенной части Западной Сибири, что предполагало необходимость изменения характера землеотводных работ. Поскольку значительная часть старожильческих селений пользовалась землей совместно с казной или Кабинетом, не имела отмежеванных границ, выделение пересе-

---

[1] Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888–92 годах // Алтайский сборник. Томск : Паровая типо-литогр. П. И. Макушина, 1894. Вып. 1. С. 252.

[2] Паклин М. И. Производственно-хозяйственная деятельность русского крестьянства Алтайского горного округа в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Горно-Алтайск, 1999. С. 23.

[3] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 619. Л. 10.

ленческих участков становилось проблематичным. Актуализировался вопрос о землеустройстве, в ходе которого старожильческие селения должны были получить строго очерченные наделы по количеству имеющегося населения, а излишки их землепользования могли быть использованы в качестве источника колонизационного фонда.

Еще 20 ноября 1890 г. начальник Алтайского округа сообщал в Кабинет, что площадь свободных земель, находящихся за гранями крестьянских селений, заметно сократилась. Для выделения новых переселенческих участков крайне необходимо произвести земельное наделение крестьян тех селений, которые не имеют планов и пользуются землей в неограниченном количестве. Причем это истощение свободных земель совпало с громадным притоком новых переселенцев, которых Управление округа было обязано в достаточном количестве наделить свободными землями[1]. В 1891–1892 гг. под влиянием неурожая в губерниях Европейской России приток переселенцев в Сибирь достиг самых высоких размеров с 1861 г., к чему местная администрация оказалась не готова. Имевшийся в наличии заготовленный колонизационный фонд был небольшим[2]. Возникшая диспропорция между наличным колонизационным фондом и численностью переселяющихся стала причиной введения циркуляра 6 марта 1892 г. о приостановлении выдачи разрешений на переселение, о чем упоминалось в предыдущем разделе.

В связи тем что КСЖД взял курс на массовые крестьянские переселения и в дальнейшем следовало ожидать еще большего притока переселенцев, возникла необходимость расширения землеотводных работ. Так, в Алтайском округе в 1893 г. планировалось обмежевать 16 участков из свободных земель площадью примерно на 160 000 десятин удобной земли[3]. При этом собственных межевых сил у Кабинета расширения землеотводных работ уже не хватало. Поэтому администрация округа подала ходатайство об увеличении штата

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2239. Л. 35, 36–36об.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 159. Л. 191–196.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 937. Л. 48–48об.

межевых чинов на 10 человек[1]. Решением КСЖД от 6 декабря 1893 г. в ведение Кабинета передавалась из министерства госимуществ одна из временных партий для образования переселенческих участков[2]. Поскольку съемка земель в 1820-х гг. была признана непригодной, в 1897 г. начальник Алтайского округа В.К. Болдырев предложил организовать особые переселенческие комиссии. Было образовано 11 таких комиссий, которые в 1897–1898 гг. зарегистрировали и устроили 100 тыс. переселенцев и пересмотрели планы прежнего межевания на площади 5,96 млн десятины[3].

Для заготовки переселенческих участков в дополнение к Западно-Сибирскому отряду были сформированы 4 временных партии (по одной на каждую сибирскую губернию). К 1902 г. число таких партий достигло 10. Неуклонно росли ассигнования на землеотводное дело: в 1893 г. – 229 550 рублей, в 1896 г. – 581 695, в 1900 г. – 941 703, в 1902 г. – 976 617 рублей. За 1893–1902 гг. на работы временных партий было ассигновано 6 606 826 рублей, на содержание Западно-Сибирского переселенческого отряда – 400 000 рублей. Численность сотрудников землеотводных партий за это же время значительно выросла. Если в 1893 г. в 4 партиях насчитывалось 100 человек, то затем по мере увеличения количества партий численность межевых чинов за Уралом выросла до 195 в 1897 г., и до 265 в 1900 г. Ареал землеотводных работ тоже расширился. До 1895 г. работы по образованию переселенческих участков велись в Томской, Енисейской, Тобольской губерниях и Акмолинской области. С 1896 г. аналогичные работы распространились на Иркутскую губернию, затем на Тургайскую, Приморскую, Амурскую, Семипалатинскую области и даже на Вологодскую и Пермскую губернии[4].

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 21. Л. 27–28.

[2] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2288. Л. 56–56об.

[3] Роль государства в освоении Сибири и верхнего Прииртышья в XVI–XX вв. Новосибирск : Параллель, 2009. С. 100.

[4] Кауфман А. А. Итоги землеустройства сибирских переселенцев за десятилетие 1893–1902 гг. // На Сибирские темы. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 145–147; Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В. Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. СПб. : Электро-типогр. Н. Я. Стойковой, 1906. Вып. 18. С. 4–5.

Необходимость перехода к масштабным землеотводным работам потребовала изменения нормативной базы. Встал вопрос о выработке новых правил по образованию переселенческих участков. При обсуждении этих правил на заседаниях КСЖД 2 и 4 июня 1893 г. было предложено допускать образование участков из оброчных статей. Управляющий МГИ не возражал против отвода под водворение переселенцев тех казенно-оброчных статей, которые не приносят дохода казне. Уже 30 июня 1893 г. глава МГИ А.С. Ермолов затребовал у Управления госимуществами Западной Сибири информацию о земельных оброчных статьях Курганского, Ишимского, Тюкалинского, Каинского, Томского и Мариинского округов, а также Омского и Петропавловского уездов «в видах обращения под переселенческие участки оброчных статей вдоль линии КСЖД»[1].

Непростым был вопрос о землеотводных работах в степных областях. Степной генерал-губернатор 20 июня 1893 г. сообщал министру госимуществ, что в Акмолинской области колонизационные работы могут быть сосредоточены только в киргизской степи, которая совсем не обмежевана. Сложность состояла в необходимости отводить участки так, чтобы не стеснить местное кочевое население[2].

В КСЖД понимали, что удобные для сельского хозяйства местности в Сибири не представляют собой абсолютно пустынные пространства. Земли эти были большей частью заселены, хотя и не густо, местными старожилами. Поэтому в Сибири предстояло устроить переселенцев, не нарушая хозяйственного быта старожилов. Подготовительная комиссия предполагала допустить водворение переселенцев лишь в тех местностях, где были действительные излишки земли. Исходя из этой посылки, Курганский и Ялуторовский уезды Тобольской губернии планировалось исключить из расчета при предстоящем устройстве переселенцев. Колонизационный фонд предполагалось выделять из земель единственного пользования казны в уездах

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 103–104, 131.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 145–147об.

Ишимском, Тюкалинском, Тарском (Тобольская губерния), Омском и Петропавловском (Акмолинская область), Каинском, Мариинском и Томском (Томская губерния), Ачинском, Красноярском и Канском (Енисейская губерния), Нижнеудинском, Балаганском и Иркутском (Иркутской губернии). Предвиделась только одна сложность – земли казны и старожилов в Сибири не были отграничены[1]. Таким образом, общее направление колонизационных работ в КСЖД в 1893 г. сводилось к следующим пунктам:

а) не нарушать хозяйственного быта старожилов;

б) отводить земли из казенных земель;

в) исключить проведение землеотводных работ в Тюменском и Тобольском округах Тобольской губернии, Семипалатинской и Забайкальской областях, Алтайском округе и Минусинском округе Енисейской губернии.

Далее комиссия рекомендовала избегать устройства участков в тех местностях, где земельное довольствие населения сравнительно невелико и направить работы временных партий лишь на те волости, где на наличную д.м.п. имелось более 15 десятин удобной земли. При этом комиссией было отмечено, что в пределах перечисленных уездов и округов многоземельные волости преобладали. Вместе с тем выделение земель для переселенческих участков неизбежно должно было встретить серьезное препятствие ввиду сильной разбросанности землепользования старожилов. Обычно сибирские крестьяне пользовались землей очень широко, их пашни и покосы часто были перемешаны с участками неокультуренных земель, а порой и окружены ими. Поэтому комиссия считала, что такой порядок не должен служить поводом к сохранению за коренным населением всего района, на который простирается его пользование. Оставление в руках старожилов всех земель «куда ходит топор» исключало возможность образования переселенческих участков. Ввиду этого было решено поставить беспорядочное и неправильное пользование землей старожилами в надлежащие границы. Поэтому комиссия постановила оставлять за старожилами земли, которыми они пользуются постоянно

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 6, 7об–8об.

(усадьбы, пашни, поскотины, сады и покосы). При этом разбросанные отдельными клочками среди неразработанных пространств мелкие пашни, покосы, лесные расчистки не следовало выделять из состава образуемых переселенческих участков, поскольку это затрудняло образование участков и могло создать чересполосицу. Образование переселенческих участков предполагалось возложить на чинов особых партий, образованных для этой цели на основании Высочайше утвержденного 4 марта 1893 г. положения КСЖД, и на отряд, состоявший при управлении госимуществами Западной Сибири[1].

Как видно из записки временно управляющего МГИ товарища министра статс-секретаря Вишнякова (записка датирована 1893 г.), в Ишимском, Тюкалинском и Тарском округах Тобольской губернии, в Каинском и Томском округах Томской губернии переселенцам могло быть предоставлено 6 287 676 десятин земли. Этот подсчет строился на вычислении разницы между землями, находившимися в общем пользовании казны и коренного населения, и землями, которые коренному населению необходимо отвести по существовавшим тогда нормам земельного обеспечения. Так, в общем пользовании состояло 8 818 733 десятины, а для наделения старожилов и инородцев было необходимо 4 011 405 десятин. Помимо этого, имелось 1 523 004 десятины казенно-оброчных статей, которые возможно было предоставить переселенцам. Таким образом, в 5 уездах Западной Сибири под переселение по предварительным подсчетам 1893 г. можно было выделить 6 287 676 десятин. На этих землях планировалось поселить в Ишимском уезде 69 811 д.м.п., в Тюкалинском – 130 805, в Тарском – 41 236, в Каинском – 143 788, в Томском – 33 536 д.м.п.[2]

Разумеется, эти данные были не более чем предварительными расчетами. В число потенциально колонизуемых районов даже не были включены Тюменский, Тобольский и Мариинский уезды. Кроме того, не ясно, о каких землях идет речь – только об удобных или же обо всех вообще. Записка статс-

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 9–10об., 16.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 370–384 (подсчеты мои – *Д.Б.*).

секретаря Вишнякова фактически намечала два основных источника формирования колонизационного фонда: земельные излишки старожилов (4 807 328 десятин) и казенно-оброчные статьи (1 523 004 десятины). Первые должны были стать основным источником, вторые – дополнительным. В действительности землеотводные работы пошли по несколько иному направлению. В 1893–1899 гг. абсолютное большинство переселенческих участков было образовано из свободных казенных земель[1]. Земли старожилов сыграли роль лишь дополнительного источника.

В качестве руководящих указаний была выпущена «Памятная записка о работах по образованию переселенческих и запасных участков вдоль линии железной дороги в Западной и Восточной (до Байкала) Сибири» от 15 мая 1893 г., предполагалось образовывать переселенческие участки не более чем на 100 д.м.п. (30–40 дворов) площадью не более 1 500 десятин. Это обосновывалось тем, что почва по мере истощения требует удобрений, а для этого наделы не должны отстоять далеко от селений. Тогда удобрение полей будет возможно, а кошение сена, возка хлеба и другие сельские работы будут укладываться в короткое лето, «не подтачивая благосостояние крестьян, несмотря на общинную форму владения и пользования пахотной землей и сенокосами»[2].

13 июня 1893 г. были утверждены правила по образованию переселенческих участков, которые предполагали начать землеотводные работы с волостей, прилегающих к железной дороге и ближайших к станциям. В Западной Сибири землеотводные работы направлялись в Ишимский, Тюкалинский, Тарский, Каинский, Томский и Мариинский округа, а также в Петропавловский и Омский уезды. В первую очередь подлежали включению в состав участков земли казны, а затем уже земли нераздельного пользования казны и крестьян. Образование участков из земель нераздельного пользования казны и старожилов допускалось лишь в тех волостях, где на каждую д.м.п. прихо-

[1] Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983. С. 58 (подсчеты мои – *Д.Б.*).
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 159–162.

дилось более 15 десятин удобной земли. При этом наличными душами м.п. признавались все проживающие в сельском обществе, в том числе и временно отсутствующие, и неприписанные к обществу, получившие приемный приговор к моменту образования участков. Землеотводные чины должны были также по возможности принимать во внимание заявления крестьян о тех местах, в которых старожилы предпочли бы выделить земли под переселенческие участки. Отдельно разбросанные клочки земли, разработанные крестьянами, могли включаться в состав переселенческих участков, правда, крестьяне получали право пользоваться этими возделанными участками в течение 2 лет, если участок старопахотный, или 5 лет, если это лесные расчистки. Подлежали включению в состав переселенческих участков и заимки, «если сие окажется по местным условиям неизбежным», правда, при этом заимщики сохраняли за собой право на пользование возделанными ими угодьями. Не подлежали включению в состав переселенческих участков земли коренного населения, находящиеся в постоянном пользовании.

Правилами предполагалось не включать в состав участков лесные дачи, прилегающие к линии железной дороги между станциями в полосе шириной 2–5 верст, особо ценные лесные дачи и вообще все лесные площади, составлявшие отдельные казенные дачи. Допускалось обращать под нужды колонизации только те лесные площади, которые находились ближе 5 верст от станций и разъездов. От 10 до 25% площади, предназначенной под колонизационные нужды, должно было выделяться для образования запасных участков. Нормой надела считалось не более 15 десятин на 1 д.м.п.[1]

В дополнение к этим правилам 17 сентября 1894 г. вышел циркуляр за № 5482, уточнявший характер и общее направление землеотводных работ. Документ предписывал образовывать переселенческие участки площадью не более 4 500 десятин удобной земли (по возможности), непременно с водой и необходимыми для ведения хозяйства угодьями. По каждому участку необхо-

[1] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 91–94.

димо было составлять характеристику, включавшую общее число душ, которые возможно водворить, свойства земельных угодий, наличие воды и леса, какие хлеба можно выращивать на участке, период начала и окончания полевых работ, а также рекомендацию, выходцами из какой полосы лучше заселять этот участок[1]. Переселенческим чиновникам вменялось в обязанность заблаговременно знакомиться с запроектированными участками путем личного осмотра участков и опроса местных жителей[2].

Фактически ведомственные инструкции по проведению землеотводных работ в середине 1890-х гг. недвусмысленно ориентировали межевых чинов и топографов на соблюдение интересов старожилов. 7 октября 1894 г. товарищ министра внутренних дел циркуляром напомнил о необходимости соблюдать интересы старожилов и не нарушать сложившееся у них землепользование. Чиновникам по крестьянским делам вменялось в обязанность безотлагательно давать законный ход всем жалобам и прошениям старожилов при образовании переселенческих участков[3]. Об этом же писал министр земледелия и госимуществ в циркуляре от 9 февраля 1895 г.[4]

На практике образование переселенческих участков и одновременное соблюдение интересов старожилов не всегда было возможно. Поэтому иногда чины переселенческих партий и Западно-Сибирского отряда допускали отступление от требования не нарушать сложившееся землепользование старожилов[5]. Глава МЗиГИ А.С. Ермолов 30 апреля 1896 г. даже выпустил специальный циркуляр, в котором не рекомендовал включать в переселенческие участки те статьи, где заведено земледельческое хозяйство, могущее служить образцом для окружающего населения. Следовало обращать под нужды коло-

---

[1] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб. : Тип. Переселен. упр., 1909. С. 13–14.
[2] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 82. Л. 31.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 73–74.
[4] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб. : Тип. Переселен. упр., 1909. С. 194.
[5] См., например: РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 164. Л. 2–2об., 7.

низации только те статьи, на которых производится исключительно сенокошение, или выпас скота, или где производится распашка обычным способом и орудиями[1].

Однако нельзя сказать, что интересы старожилов не учитывались вовсе. Есть немало свидетельств, доказывающих, что сотрудники землеотводных партий защищали земельные интересы старожилов. Так, переселенцы из Полтавской губернии (11 д.м.п.) ходатайствовали о водворении их на участке Борик (Почитанская волость), но это ходатайство было отклонено «ввиду недостатка земли у крестьян смежной деревни Нижнее-Почитанской»[2]. Крестьяне Мелехинского общества (Локтинская волость, Тобольская губерния) подали жалобу на факт отрезки от их селения в 1893 г. удобных земель под переселенческие участки. Под удобными землями имелся ввиду лесной участок, который общество растило более 100 лет, и увалы, которые крестьяне обратили под хлебопашество. Как видно из материалов дела, этот вопрос в итоге был решен в пользу жалобщиков[3].

В целом в первые два года после издания правил 13 июня 1893 г. о порядке образования переселенческих участков землеотводные работы концентрировались на землях казенных и землях, состоящих в нераздельном пользовании крестьян и казны. Ввиду признанной КСЖД желательности скорейшего заселения района, непосредственно прилегавшего к железной дороге, и наплыва переселенцев в степную и лесостепную части Сибири отграничение переселенческих участков производилось главным образом в прилегающих к линии железной дороги многоземельных старожильческих районах из казенно-крестьянских дач. Так как работы землеотводных чинов часто приобретали чисто землеустроительный характер, КСЖД принял решение отложить образование участков из земель общего владения казны и крестьян до времени завершения землеустройства старожилого населения. Работы по заготовке колонизационного фонда было решено направить в основном на сво-

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 372. Л. 20–23об.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1. Л. 56–56об.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 164. Л. 2–2об., 7.

бодные казенные земли. Уже в 1896 г. деятельность временных партий в Томской и Тобольской губерниях заключалась исключительно в обследовании обширных урманных пространств в северных уездах этих губерний[1].

Фактически в середине 1890-х гг. необходимость расширения полосы землеотводных работ заставила начать исследование пустующих пространств к северу и югу от Сибирской железной дороги. В связи с распространением землеотводных работ на Акмолинскую область выяснилось, что для образования переселенческих участков необходимо освобождать определенные площади от киргизского пользования. Чтобы не причинить непоправимого ущерба коренному населению, было необходимо иметь точные данные о размерах его землепользования и потребностях в земле. Поэтому в 1896 г. была учреждена под руководством Ф.А. Щербины особая экспедиция для естественно-исторического и хозяйственно-статистического исследования областей Степного края. Эта экспедиция в 1896–1901 гг. описала Акмолинскую и Семипалатинскую области и 2 северных уезда Тургайской[2].

В конце XIX в. некоторыми чинами землеотводных партий был актуализирован вопрос о колонизации таежных пространств. В 1895 г. старший производитель работ 2-й Енисейской партии Григорьев составил для КСЖД записку, где предлагал осваивать таежные пространства путем вольной колонизации, свободного захвата земель и поддержки заимок[3]. И.д. тобольского губернатора Н. Богданович также предлагал обратить в колонизационный фонд таежные пространства. В качестве конкретных районов были названы пространства возле рр. Уй и Шиш. По мнению Богдановича, этот район мог дать колонизационный фонд для 100 000 человек[4].

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 401. Л. 8–8об.

[2] Кауфман А. А. Итоги землеустройства сибирских переселенцев за десятилетие 1893–1902 гг. // На Сибирские темы. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 145–147.

[3] Ноздрин Г. А. Заселение Енисейской губернии в период капитализма // Социально-культурное развитие Сибири : Бахрушинские чтения, 1991 г. : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1990. С. 40–41.

[4] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 130об.–132.

Эти предложения соответствовали настроениям некоторых высших чинов в Санкт-Петербурге. В 1895 г. КСЖД командировал в Сибирь особую комиссию для выяснения вопроса о заселении прилегающих к железной дороге таежных местностей. Заключения комиссии послужили основанием для разработки положений о распространении колонизационных мероприятий на таежно-урманную полосу, примыкавшую с севера к линии железной дороги. Вопрос о колонизации тайги обсуждался весной 1896 г. в Подготовительной комиссии при КСЖД, которая предполагала, что колонизация тайги должна идти постепенно при помощи пионеров-одиночек. Планировалось, что эти одинокие колонисты будут самостоятельно разыскивать среди леса отдельные клочки земли, более-менее пригодные для хлебопашества, а затем уже обращать соседние площади в культурное состояние. Подготовительная комиссия рекомендовала организовать обследование лесных пространств в пределах Томской и Тобольской губерний, а также Иркутского генерал-губернаторства[1].

Сначала в правительстве воздерживались от излишне оптимистичных прогнозов о перспективах колонизации тайги. К примеру, глава МЗиГИ в 1896 г. писал, что таежные пространства непригодны для выходцев из средних и южных губерний России (именно эти районы давали наибольшее число переселенцев) и водворение переселенцев в тайге дело весьма рискованное. При этом министр указывал на проблему необходимости совместить колонизацию тайги с вопросом охраны сибирских лесов от дальнейшего истребления[2]. Последняя проблема, очевидно, была обозначена министром лишь в силу его ведомственных интересов, поскольку колонизация тайги прямо подразумевала истребление лесов в довольно значительных масштабах посредством вырубок и расчисток на таежных участках. Сказывался и определенный стереотип о трудности или даже «невозможности» колонизации лес-

[1] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 297, 314–315.

[2] Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1896. С. 14–15.

ной полосы Сибири. Этот стереотип оказался настолько живуч, что встречался даже в работах начала XX в., когда колонизация тайги стала уже свершившимся фактом[1].

27 апреля 1896 г. Комитетом Сибирской железной дороги были разработаны и утверждены особые правила с целью постепенной колонизации таежных пространств Сибири[2]. Правила предполагали, что заселять таежные пространства смогут как переселенцы, так и старожилы. Место для поселения новоселы должны были выбирать самостоятельно, причем они имели право переходить на другие участки, в том числе и не таежные. Переселенцы должны были освобождаться от казенных, земских и мирских повинностей на 10 лет, а также получать отсрочку по воинской повинности на 4 года[3].

Для старожилов была предусмотрена возможность после фактического водворения в таежных районах в течение 3 лет числиться в составе своих прежних обществ. При этом уплата недоимок, состоящих на старожилах при переселении последних на таежные участки, могла быть отсрочена по решению Общего присутствия губернского управления[4]. Причем предполагалось, что вольная колонизация тайги и урманов будет проходить медленными темпами, что колонизаторами будут «единичные пионеры», рассчитывавшие, прежде всего, на собственную энергию[5].

По решению КСЖД от 13 марта 1896 г. было решено командировать в Сибирь из Европейской России 5 лесных чинов для совместных с чинами межевых партий работ по исследованию прилегающих к линии железной дороги таежных пространств[6]. Практическим результатом исследований стало изучение двух таежных районов Тарского уезда: пустолежащего про-

---

[1] Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 26.
[2] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. С. 218.
[3] Вощинин В. П. Переселение и землеустройство в Азиатской России : сборник законов и распоряжений. Пг. : Тип. Петроградской тюрьмы, 1915. С. 117–119.
[4] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 29–30.
[5] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 358. Л. 57об.
[6] Там же. Оп. 1. Д. 277. Л. 3–3об., 5.

странства между волостными дачами Викульской, Каргалинской, Слободчиковой, Тевризской и Рыбинской – около 1 млн десятин; и незаселенных местностей южнее 58-й параллели на правом берегу Иртыша по его притокам рр. Шиш, Туи и Бечи (около 2 млн десятин). Первый район в итоге был признан почти бесперспективным для колонизации, обращение же второго под образование переселенческих участков было признано более целесообразным. В обоих районах можно было образовать до 50 участков площадью 120–150 тыс. десятин уже к 1 июня 1897 г. В Томской губернии были исследованы южная часть Верхнее-Чулымской дачи (около 2 млн десятин) и полоса в 260 000 десятин в Мариинско-Чулымской тайге. Эти обследования обнаружили обширные «елани», например, по рр. Тяжину и Албадату, где предполагалось выделить под колонизацию до 50 000 десятин. Общая площадь, намеченных для колонизации земель в Чулымской даче, составляла 45 000 десятин[1].

Значительная часть обследованных таежных пространств была забракована. В частности, глава МЗиГИ 6 мая 1899 г. сообщал министру внутренних дел, что из обследованных в 1896–1897 гг. обширных таежных пространств Томско-Чулымской и Мариинско-Чулымской тайги (900 000 и 950 000 десятин соответственно) свыше половины необходимо оставить под лесными насаждениями и лишь около 250 000 десятин признаны пригодными для образования переселенческих и запасных участков. При этом отмечалось, что Томско-Чулымская тайга предназначалась под свободное заселение и представляла собой пространство с преобладанием лесисто-болотистых площадей, неудобных для земледельческой культуры. Пригодные для сельского хозяйства угодья были разбросаны незначительными клочками и по почвенным условиям и недостатку сенокосов оказались пригодны скорее для крестьян не земледельческого, а промыслового типа. Предполагалось, что заселяться этот район будет слабо и медленно[2]. По итогам исследований таежных и урман-

[1] Тихеев И. И. Записка об исследовании таежных пространств в Сибири. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1897. С. 1–4, 15–16, 18, 21.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 358. Л. 105–106об.

ных пространств в Томской и Тобольской губерниях в конце 1897 г. было предназначено для обращения в переселенческие и запасные участки свыше 630 000 десятин. Министерство земледелия и государственных имуществ планировало в 1898 г. продолжить исследование урманов в Тарской округе Тобольской губернии по р. Урне и верхнему течению р. Тары. В Томской же губернии предполагалось дальнейшее обследование тайги прекратить впредь до обращения в участки намеченных уже земель[1].

Опасения некоторых чиновников о непригодности тайги для нужд колонизации не подтвердились. Фактически колонизация тайги в Западной Сибири к 1890-м гг. уже началась и без участия правительства. Этот факт зафиксировал в ходе поездки по Западной Сибири И.И. Тихеев. Он отмечал, что некоторые «гари» и «елани» в Чулымской даче (Томская губерния) заняты арендаторами и пасечниками (до 100 человек), некоторые из них прожили там уже по 30 лет, имели основательное домообзаводство, расчистили около 3 000 десятин и даже самостоятельно проложили к ближайшим селениям таежные дороги[2]. В Томско-Чулымской тайге в 1897 г. официально насчитывалось до 85 хозяйств таких заимщиков, которые по сведениям 1897 г. имели на двор 3,33 десятины запашки, что приближалось к запашке переселенцев, проживших на новых местах 3–4 года. Помимо этого, заимщики в тайге имели в среднем 4,09 рабочих лошадей на двор, 4,15 голов рогатого скота и 6,64 овец. Значительная часть таежных «бельников» площадью не в один миллион десятин представляла резерв для колонизации края, тогда как «черная тайга» воспринималась лишь как запас лесных материалов[3].

Постепенно проникали в тайгу и старожилы. А.Н. Куломзин, посетивший Тарские урманы в 1896 г., отметил, что в районе рр. Шиш и Туя есть несколько старожильческих деревень (Шиш-Тамакская, Туй, Изюк, Бичелинский, Ново-Ягодная), а одна из этих деревень (Атирка) не была даже нане-

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 4. Л. 87.
[2] Тихеев И. И. Записка об исследовании таежных пространств в Сибири. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1897. С. 21.
[3] Духович А. Сибирская тайга, научный интерес, вызываемый ею, и практическое значение для колонизации. М. : тип. О. Сомовой, 1901. С. 21–22, 27.

сена на карты. Жители этих деревень «в значительной степени питались от земли», Куломзин лично находил на таежных полянах засеянные пшеницей поля, что доказывало возможность ведения в этих районах земледелия[1]. В качестве примера успешной колонизации тайги без участия государства можно также привести пос. Ермаковский и пос. Мартюшов (оба – в Бутаковской волости). Первый был основан выходцами из Пермской, Казанской, Гродненской и Вятской губерний в 1892 г. в глухом урмане. Сначала о существовании этого поселения администрация даже не знала, пока между новоселами и старожилами не начались столкновения и споры. К 1 августа 1893 г. в этом поселении было 49 дворов и проживало 279 д.м.п. Примечательно, что в первый год новоселы подняли около 100 десятин пашни. Второй возник в 1880 г., когда 20 семей из Пермской губернии основали в урмане на правом берегу р. Уй поселение[2]. Некоторые новоселы основывали свои поселения в тех таежных районах, где даже не было «бельников». К примеру, д. Юдина (Тарский округ), образованная в 1862 г. выходцами из Пензенской губернии (44 семьи), возникла в местности, где, по выражению крестьян, «только в небо дыра была, а то все тайга»[3].

Е.Е. Дутчак на основе анализа характера хозяйственной деятельности таежных общин староверов-странников сделала вывод, что хозяйства в этих общинах постоянно увеличивали посевные площади и состав сельскохозяйственных культур (пшеница, рожь, овес). На основе анализа нескольких трудов независимых наблюдателей Е.Е. Дутчак сделала вывод, что степень культуры таежных хозяйств была не только не ниже, а часто и выше таковой же в притаежных зонах. Таежные урожаи ржи стояли почти наравне с урожаями на местах открытых и на почвах чисто черноземных; урожаи пшеницы

---

[1] Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб. : Гос. тип., 1896. С. 136–137.

[2] Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). М. : Тип. Об-ва распространения полезных книг, 1895. Т. 1. Историко-статистическое описание. С. 42, 45–46.

[3] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : в 20 кн. Вып. 1–22. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб. : Альфарет, 2010. Кн. 15. Вып. 14. С. 49, 84.

были сопоставимы с урожаями притаежными; только в урожаях овса, зерновой культуры, чувствительной к заморозкам, тайга уступала другим регионам. Эти данные позволили Е.Е. Дутчак сделать вывод, что таежная экономика была конкурентоспособной[1]. Похожие выводы делали также исследователи в начале XX в., отмечавшие, что урожайность хлебов в Мариинско-Чулымском и Томско-Чулымском районах более чем удовлетворительная: с десятины снимали 70–80 пудов ржи, 50–100 пудов овса, 62–100 пудов пшеницы[2]. Эти данные доказывали возможность земледельческой колонизации сибирской тайги. Следует подчеркнуть, что хозяйства раскольников в процессе колонизации таежных пространств развивались без всякой помощи или льгот от правительства. При условии же государственной поддержки возможность колонизации тайги была, безусловно, выше.

В 1896 г. была предпринята попытка организовать колонизацию таежного района в Тарском уезде (Тобольская губерния). Для этого в 1896 г. ранее исследованная местность в районе р. Шиш Тарского уезда была открыта для свободного переселения с соблюдением льгот, предусмотренных законом 27 апреля 1896 г. В дальнейшем выяснилось, что этот район оказался вполне пригодным для заселения на заранее заготовленных переселенческих участках. Исследования 1897 г. и работы 1898 г. показали возможность образования значительного числа переселенческих участков даже в районах верховьев р. Туя, расположенных еще дальше на север и еще глубже в урман[3]. Некоторые современники высказывали мнение, что исключительный характер местности не позволял ее заселять на тех же основаниях, которые приняты для земель в населенной полосе Сибири. Рекомендовалось заселение таежных пространств начинать с районов, ближайших к границе с населенной

---

[1] Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье» : адаптационные возможности таежных общин староверов-странников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 184–189.

[2] Духович А. Сибирская тайга, научный интерес, вызываемый ею, и практическое значение для колонизации. М. : Тип. О. Сомовой, 1901. С. 25.

[3] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб. : Тип. Переселен. упр., 1909. С. 202.

частью губернии[1]. С этим мнением был согласен тобольский губернатор, считавший, что переселенцам будет легче устраиваться, если они не будут сразу расселяться по всему колонизуемому району, а будут продвигаться в урман постепенно, не удаляясь значительно от уже существующих населенных пунктов[2]. Для свободного заселения была предназначена площадь в 100 000 десятин удобной земли, на которой можно было водворить до 6 500 д.м.п. Кроме того, особая партия по заготовке переселенческих участков образовала в Тарском округе 45 переселенческих и 9 запасных участков, расположенных за правым побережьем Иртыша по системе рр. Шиш и Уй. Эти участки имели площадь 113 333 десятины удобной земли и колонизационную емкость в 7 337 душевых долей[3].

В целях ускорения колонизации таежно-урманных районов разрешалось водворение на участках Тарского округа старожилов из других частей Сибири. Правда, их число не должно было превышать 15% от общего количества водворяемых на участке[4]. Такое разрешение нашло широкий отклик среди старожилов. Так, крестьяне различных селений Дубровной и Бегишевской волостей (Тобольский округ) в числе 34 семей подали ходатайство о разрешении им переселиться в Тарский округ на казенный участок Коксинский. В дальнейшем 17 семей из селений указанных волостей самовольно водворились на этом участке и Губернское управление даже одно время поднимало вопрос об их выдворении[5]. Как было отмечено в циркуляре Департамента государственных земельных имуществ 11 мая 1899 г., льготы, предусмотренные законом 27 апреля 1896 г., даже вызвали некоторые осложнения, связанные с массовым притоком старожилов в этот район «большими партиями». Приток старожилов в колонизуемые таежные районы был настолько значителен, что

---

[1] Волков В. Т. К вопросу о заселении таежных окраин Томской губернии. Томск : Тип. В. Г. Прейсман и Н. Я. Беляева, 1896. С. 31.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 4. Л. 67об.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 392. Л. 22об.–23.
[4] Инструкция о порядке водворения и устройства переселенцев в Сибири (кроме Алтайского округа) и Степном генерал-губернаторстве. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1902. С. 8.
[5] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 358. Л. 87–89.

начались земельные споры между ними и переселенцами. Возникла опасность, что район будет заполнен одними старожилами в ущерб задачам переселенческого дела[1]. Таежные участки оказались вполне пригодными, и в 1897 г. на них поселилось 3 223 человека и еще 3 374 душевые доли были зачислены за ходоками[2]. Некоторые из предположенных для колонизации местностей заселялись очень быстро. Были случаи, когда переселенцы образовывали поселения в местности, где еще только была проведена съемка или предварительный осмотр местности[3].

Выделение таежных пространств под «вольную» колонизацию должно было осуществляться по особой инструкции, утвержденной главой МЗиГИ 12 июня 1898 г. Под «вольную» колонизацию не могли обращаться пространства, прилегающие к полосе железной дороги ближе 20 верст (такие земли предполагалось использовать для образования переселенческих участков на общих основаниях), пространства, прилегающие к населенным местностям, и земли, пригодные по своим качествам для образования обычных переселенческих участков[4]. Однако после выделения под колонизацию урманных пространств в Тарском уезде выяснилось, что эти земли нисколько не отличаются от соседних частей уезда, предназначенных к заселению на общем основании. Ввиду этого было решено приступить к образованию в урманах переселенческих участков, предназначенных для заселения на общих основаниях[5]. Рядом законодательных актов (циркуляр министра земледелия от 27 февраля 1897 г., инструкция 12 июля 1898 г. и циркуляр 11 мая 1899 г.) область применения закона о свободном заселении таежных пространств

---

[1] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб. : Тип. Переселен. упр., 1909. С. 202.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 4. Л. 67об.
[3] Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 года. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1899. С. 21.
[4] Вощинин В. П. Переселение и землеустройство в Азиатской России : сборник законов и распоряжений. Пг. : Тип. Петроградской тюрьмы, 1915. С. 414–415.
[5] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 252.

была постепенно сужена[1]. Фактически же правила о вольном заселении тайги так и не получили широкого применения[2].

Несмотря на то что таежные районы были признаны пригодными для колонизации на равных основаниях с другими местностями, их заселение представляло собой значительно более трудоемкий и сложный процесс, чем освоение лесостепных участков. Таежные и урманные участки имели свои особенности. Так, командированный в район Тарских урманов переселенческий чиновник Архипов 17 сентября 1897 г. докладывал в своем отчете, что почва между рр. Шишом и Уем «слабая» и без удобрения давала 3–4 урожая. Старожилы после этого такую почву либо пускали в залежь на 6–20 лет, либо после каждого посева на год оставляли под пар. Средняя урожайность ржи составляла 40–60 пудов с десятины, ячменя и овса – 50–70 пудов. Плюсом таежных участков в этом районе можно считать отсутствие полных неурожаев. Это происходило потому, что клочки пашни были разбросаны между перелесками, защищавшими их в зной от засухи, а в холод от ранних инеев. Избыток леса приводил к крайней дешевизне лесных материалов. Из минусов чиновник отметил неудобство путей сообщения: дороги и тропы были негодны для движения обозов и требовали скорейшего строительства. Помимо этого, вследствие наплыва переселенцев цены поднялись: на лошадь с 15–30 до 20–40 рублей, на корову с 10–15 рублей до 15–20. Кроме батрачества у старожилов никаких заработков в округе не было, а цены на рабочие руки ввиду наплыва переселенцев сильно упали[3].

Исходя из описанных условий водворения, заселение урманных районов было возможно переселенцами из «лесных» губерний, знакомых с технологией расчистки площадей от леса, с большим числом рабочих в семье. Не подходили для колонизации урманов семьи с малым числом рабочих рук, выходцы из «черноземных» губерний, а также крестьяне, привыкшие к незем-

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 4об.–5.
[2] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 315.
[3] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 79. Л. 2–3, 4об.–5об.

ледельческим заработкам. Что касается высоких цен, то эта проблема должна была решаться государством за счет усиленных мер государственной помощи. О направлениях необходимой помощи можно судить исходя из записки чиновника, заведовавшего переселенческим делом в Тобольской губернии, «О мерах по устройству крестьянских переселений в урманных пространствах Тарского округа». Этот чиновник в числе мер назвал: 1) устройство проселочных дорог к пунктам будущих водворений (2 000 рублей), 2) расчистку р. Шиш (для нормализации речного сообщения – 1 000 рублей), 3) заготовку продовольственных запасов для новоселов (5 000 рублей), 4) дополнительную заготовку земледельческих орудий и сельскохозяйственного инвентаря на местном складе (1 000 рублей), 5) организацию медицинской помощи в течение года (9 280 рублей) и наем одного лица для регистрации переселенцев в пункте при дер. Шиш на полгода (150 рублей). Итоговая сумма – 18 430 рублей[1]. Правда, после начала заселения Тарских урманов сумма, необходимая на переселенческие нужды в этом районе была значительно увеличена. Как видно из «Ведомости о кредитах, необходимых в 1898 г. по заключению Особого совещания Тобольского губернского управления на надобности переселенческого управления в урманных местностях Тарского округа», предполагалось затратить 79 200 рублей на заготовку 158 400 пудов хлеба для продовольствия переселенцев, 30 000 рублей на приобретение 60 000 пудов семян, 6 300 рублей на устройство 9 мельниц в урманных поселках и 3 600 рублей на устройство путей сообщения[2].

Заметим, что в действительности суммы, необходимые для колонизации отдельных таежных районов, намеченных под заселение, могли быть и значительно большими. Увеличение сумм могло произойти за счет необходимости расчистки таежных районов, возможного строительства гидротехнических сооружений на переселенческих участках в случае необходимости, строительства церквей, школ и пр. Помимо этого, Тарское уездное совещание

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 79. Л. 23об.
[2] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 79. Л. 36.

о нуждах сельскохозяйственной промышленности рекомендовало отпускать переселенцам земледельческие орудия по умеренным ценам, а также предоставлять средства для удобрения почв и предупреждения неурожаев[1]. Чиновник по крестьянским делам 2-го участка Тарского уезда Л.Л. Оноре в 1898 г. отмечал, что новоселы на таежных участках в первый год водворения находились в очень тяжелом положении, испытывали недостаток продуктов, теплой одежды, не имели возможностей заниматься отхожими заработками. В качестве одной из мер помощи Л.Л. Оноре предлагал увеличить размеры денежных ссуд на домообзаводство. Тобольский губернатор предлагал также обеспечить водворяемых продовольствием путем заготовки хлеба и снабжать новоселов семенами при содействии Тарского сельскохозяйственного склада, а также предметами крестьянского домообзаведения и скотом через особого хозяйственного агента. В итоге Подготовительная при КСЖД комиссия признала необходимым отпустить особый кредит на устройство мельниц, а также приостановить водворение самовольных переселенцев в урманах, предоставив им земельные участки в неурманных местностях Тарского, Тюкалинского и Ишимского округов[2].

При всех трудностях колонизация таежных и урманных районов на рубеже XIX–XX вв. дала положительные результаты. Многие отведенные новоселам участки начали заселяться практически сразу. Чиновник Переселенческого управления Архипов 17 сентября 1897 г. отметил, что на 8 участках Тарского уезда водворилось 946 душ. Переселенцы начинали потихоньку обустраиваться, и благодаря выданным им небольшим ссудам все они имели уже по лошади, а большинство и по корове. Правда, переселенцы пришли на участки поздней весной, поэтому к осени не успели еще ничего посеять и почти все в материальном отношении были слабо обеспечены[3].

---

[1] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. Т. 53 : Тобольская губерния. С. 387.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 358. Л. 3–3об., 14–20.
[3] Там же. Ф. 560. Оп. 27. Д. 79. Л. 7об.–8 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

За период 1895–1903 гг. в Тарском урмане было заготовлено 194 участка (463 041 десятина) для 23 346 д.м.п., помимо этого, был заготовлен 41 запасной участок (83 253 десятины). На этих землях в 1903 г. проживало около 30 000 человек[1]. В 1905 г. (спустя 7 лет после водворения) было исследовано экономическое положение переселенцев в районе р. Шиш. Это исследование выявило постепенный рост посевных площадей у переселенцев, а также положительную динамику в обеспечении дворов рабочим и молочным скотом. Например, при водворении насчитывалось 21 двор безлошадных, 112 дворов с 1 лошадью, 41 двор с двумя лошадьми и 1 двор с тремя. По опросу 1905 г. число безлошадных дворов сократилось до 16, однолошадных – до 97, а число дворов, имеющих 2 и 3 лошади, увеличилось соответственно до 53 и 4. Число дворов, не имевших дойных коров, при водворении достигало 9, дворов с одной коровой – 79, с двумя – 69, с тремя – 16, с четырьмя – 2, с пятью – 0. По опросу 1905 г. число дворов без дойных коров сократилось до 1, имевших 1 корову уменьшилось до 13, имевших 2 коровы, напротив, увеличилось до 84, имевших 3 коровы возросло до 46, имевших 4 коровы увеличилось до 22, имевших 5 коров насчитывалось 4 двора. Эти данные показывают, что была положительная динамика роста обеспеченности переселенческих хозяйств в таежных районах. И это при том, что водворялись переселенцы при не самых благоприятных условиях. Почвы в районе были подзолистыми, имели ничтожный слой перегноя. Многие переселенцы не получили никаких пособий. 44,9% из числа опрошенных заявили, что пришли на участки совершенно без денег. У переселенцев, принесших с собой деньги, средний размер суммы на семью составлял 62,3 рубля. Пришедшим в 1899 г. и позднее переселенцам хотя и выдавались пособия, но только мелкими суммами по 5–20 рублей. Таким образом, переселенцам в районе урманов верховий р. Шиш на первом этапе приходилось рассчитывать в основном на собственные средства и силы. Но даже в не самых благоприятных условиях эти

[1] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. Т. 53 : Тобольская губерния. С. 379.

хозяйства имели положительную динамику увеличения количества скота на двор[1].

Примечательно, что некоторые из таежных участков заселялись совсем не выходцами из Пермской, Вятской или «лесных» белорусских губерний, а прибалтийскими и немецкими переселенцами. Ими были основаны поселки Александровский, Вишневский, Литковский, Федоровский, Романовский, Скерлинский. В 1915 г. в Тарских урманных поселках проживало 1 199 немецких семей[2].

Образованные в таежных и урманных местностях Тобольской губернии переселенческие участки условно можно было разделить на две группы. Первая располагалась в «южном» поясе (лесные пространства северной части Тюменского уезда, южной части Тобольского уезда и северной части Тарского уезда) с северной границей 58,25º с.ш. Вторая группа участков располагалась в «северном» поясе в диапазоне от 58,25º до 60º с.ш., включала в себя лесисто-болотистые пространства Туринского и северную часть Тобольского уездов. Как показала практика, колонизация южного пояса шла значительно быстрее, чем северного. Так, к 1 января 1910 г. на участках первого только 27% от общего числа заготовленных душевых долей не были заняты переселенцами. Для сравнения: на участках «северного» пояса в Туринском уезде к 1 января 1910 г. было занято только 47,3% душевых долей. Причинами медленного заселения северных участков были отдаленность от пунктов высадки, малочисленность населенных пунктов в районе колонизации и отсутствие постоянного транзитного пути, недостаточность правительственной помощи (мелиоративной и кредитной), отсутствие сторонних заработков, необеспеченность переселенческих участков церквями и школами. И, напротив, факторами успешного заселения южных участков стали близость к рекам (водным транспортным артериям), близость к городам и крупным старожильче-

---

[1] Юферов В. Переселенцы в Тарских урманах // Вопр. колонизации. 1908. № 2. С. 275, 279, 288–291.

[2] Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2010. С. 43.

ским селам[1]. Таким образом, в деле колонизации таежно-урманных пространств успех лишь частично зависел от действий правительства (помощь кредитами, мелиоративными работами, строительством дорог, школ, церквей). Не менее важным фактором освоения таежных пространств был временной фактор. Часть проблем могла быть решена лишь со временем по мере постепенного продвижения новоселов на север. Только по прошествии времени неподалеку от «северного» пояса могли возникнуть крупные села и города, где переселенцы могли получать сторонние заработки.

Колонизация таежных и урманных пространств в целом была вполне перспективным направлением переселенческой политики, тем более что с началом землеустроительной реформы в конце XIX в. выделение земельных излишков из состава старожильческих наделов было осложнено. Для иллюстрации этого тезиса рассмотрим содержание ст. 77 инструкции об отводе переселенческих участков от 24 июня 1899 г. Этот документ предписывал, во-первых, длительную процедуру рассмотрения вопроса передачи в колонизационный фонд отрезков землепользования старожилов. Предполагалось, что чины землеустройства будут составлять сведения о таких планируемых отрезках, которые затем будут предоставляться вместе с соображениями старших чиновников в МЗиГИ. И только после соответствующего решения в этом ведомстве чины землеустройства должны будут составлять проекты отграничения переселенческих участков. Во-вторых, инструкция предполагала, что передача отграниченных переселенческих участков крестьянским начальникам для водворения переселенцев будет производиться лишь после предъявления старожилам отводных записей и истечения установленных на их обжалование сроков[2]. Фактически, как признавал позднее начальник Переселенческого управления Г.В. Глинка, ко времени утверждения правил 4 июня 1898 г. о порядке поземельного устройства во всех 4 губерниях Сибири заготовка колонизационного фонда производилась всецело за счет пустопорожних про-

[1] Андроников И. А. Тобольская губерния, как район колонизации. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911. С. 14–15, 18–20, 31–32.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 368.

странств. Предполагалось, правда, что в старожильческих районах переселенческие участки будут образовываться землеустроителями попутно с устройством старожилов. На деле землеустроители не имели для этого ни сил, ни времени и не успевали даже выполнять свои непосредственные задачи[1].

Теперь рассмотрим динамику землеотводных работ в период деятельности КСЖД. О динамике и характере землеотводных работ на казенных землях Западной Сибири мы можем судить по данным, представленным в таблицах 6 и 7. В качестве источника нами взят «Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях». Данные этой работы не претендуют на абсолютную точность. В другом источнике – «Справке о готовности сибирских областей и губерний к приему переселенцев в 1894 г.» фигурируют совершенно иные данные. Так, по нашим подсчетам, в 1893 г. в Акмолинской области было образовано 27 участков площадью 280 658 десятин[2]. А по данным указанной «Справки», в Акмолинской области в 1893 г. был заготовлен 21 переселенческий участок на 260 769 десятин и 3 запасных участка на 22 500 десятин, кроме того, намечено без обмежевания еще 58 участков. По Тобольской губернии наблюдается такое же расхождение: в «Справке» упоминается, что в 1893 г. было образовано 52 переселенческих и 11 запасных участков[3], тогда как, по нашим подсчетам, было образовано 66 участков[4].

Помимо этого, в «Списке переселенческих и запасных участков» иногда встречаются опечатки, что видно из примеров, когда налицо несовпадения суммы удобных и неудобных земель в составе переселенческих участков

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 401. Л. 8об.–9.

[2] Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1903. Вып. 14. С. 1–27 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[3] Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С.154–155.

[4] Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1903. Вып. 14. С. 37–89 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

с общей площадью этих участков. Так, на участке Вилейском (Тарский уезд) удобной земли показано 681 десятина, неудобной – 187 десятин, а итоговая площадь участка 869 десятин. Встречаются расхождения в несколько сотен или даже тысяч десятин. К примеру, на участке Эстонский (Тарский уезд) удобной земли показано 3 206 десятин, неудобной – 381 десятина, а общая площадь участка при этом показана в 4 287 десятин. Разница между суммой удобных и неудобных земель и показанной общей площадью составляет 700 десятин[1]. Однако, несмотря на возможные неточности, данные таблиц 6 и 7 в целом отражают общую картину по динамике землеотводных работ в Западной Сибири за первые 10 лет деятельности КСЖД.

Таблица 6 – Динамика землеотводных работ на казенных землях Акмолинской области, Тобольской и Томской губерниях в 1893–1902 гг.[2]

Годы	Число заготовленных участков	Общая площадь участков (десятин)	Удобной земли (десятин)	Неудобной земли (десятин)	% неудобных земель
1893	119	675 270	547 788	127 482	18,9
1894	283	1 329 643	1 070 901	258 742	19,5
1895	119	390 906	316 020	74 886	19,2
1896	29	210 831	180 838	29 993	14,2
1897	141	536 042	448 169	87 873	16,4
1898	162	548 841	427 551	121 290	22,1
1899	127	508 279	397 156	111 123	21,9
1900	130	453 090	380 537	72 553	16,0
1901	82	375 482	310 865	64 607	17,2
1902	76	181 513	153 187	28 326	15,6
Итого	1 268	5 209 897	4 233 022	976 875	18,8

Сопоставление данных по масштабам заготовки переселенческих участков на казенных и кабинетских землях Западной Сибири показывает, что основной объем землеотводных работ пришелся на казенные земли. В 1893–1898 гг. на Алтае было отведено всего 34 участка общей площадью 521 298 десятин (440 456 десятин удобной) земли. Небольшие объемы землеотводных работ в 1894–1898 гг. в Алтайском округе могут быть объяснимы

[1] Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1903. Вып. 14. С. 37–89. С. 48, 51.

[2] Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1903. Вып. 14. С. 1–27, 37–89; Книга образования переселенческих участков. 1885–1912. Томск : Тип. Детского приюта и Дома трудолюбия, 1913. С. 1–817 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

тем, что часть участков, образованных на кабинетских землях, оставалась заселена не полностью, вследствие этого в 1894 г. Кабинет признал необходимым приостановить дальнейшее образование переселенческих участков до полного заселения тех, что были образованы прежде[1]. Помимо этого, приостановление землеотводных работ было вызвано желанием сохранить запас свободных земель для предстоящего земельного надела крестьян[2].

Таблица 7 – Динамика землеотводных работ в Алтайском округе в 1893–1898 гг.[3]

Год	Количество участков	Общая площадь участков (десятин)	Удобной земли (десятин)	Неудобной земли (десятин)	% неудобных земель
1893	7	173 260	157 495	15 765	9,1
1894	6	65 284	56 083	9 201	14,1
1895	7	159 132	126 007	33 125	20,8
1896	2	10 331	6 900	3 431	33,2
1897	4	53 930	44 684	9 246	17,1
1898	8	59 361	49 287	10 074	17,0
Итого	34	521 298	440 456	80 842	15,5

На казенных землях темпы заготовки колонизационного фонда были заметно выше. Фактически уже в первый год действия правил 1893 г. темпы землеотводных работ на казенных землях Сибири заметно возросли. В Акмолинской области, Тобольской, Томской и Енисейской губерниях в течение лета и осени 1893 г. было образовано 198 переселенческих и запасных участков, общей площадью свыше 800 000 десятин и колонизационной емкостью до 50 000 душевых долей[4].

При этом высокая интенсивность землеотводных работ не означала спешку. Участки на казенных землях были по площади в основном небольшими: в Томской губернии 2 500–3 800 десятин, в Тобольской губернии – 1 600–2 500 десятин. На кабинетских землях при невысоких темпах работ средние размеры переселенческих участков были довольно значительными, в 1893–1898 гг. составляли более 15 332 десятины, что было даже больше, чем

[1] Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества. СПб. : Тип. гл. упр. уделов, 1896. С. 32; КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 180. Л. 9об.

[2] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 177.

[3] Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 г. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. С. 1–93 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[4] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 154.

в 1881–1892 гг., когда средний размер участка на кабинетских землях был равен 12 410,9 десятины[1].

Как видно из таблицы 6, динамика землеотводных работ на казенных землях Западной Сибири была подвержена заметным колебаниям. В 1893–1895 гг. наблюдалось заметное увеличение темпов заготовки переселенческих участков, что нельзя не связать с массовым притоком переселенцев в Сибирь и острой нехваткой имевшегося в наличии колонизационного фонда в 1891–1892 гг. Развернутые в 1893–1895 гг. землеотводные работы должны были не только удовлетворить возникший спрос среди неустроенных переселенцев, но и создать определенный резерв на будущее. В 1893–1895 гг. было зафиксировано существенное сокращение численности переселенцев и ходоков: если в 1892 г. за Урал через Тобольскую губернию прошло 75 102 переселенца и 5 381 ходок, то уже в следующем году количество переселенцев сократилось до 54 607, а ходоков до 3 750 человек. В 1895 г. поток переселенцев упал до 16 233 человек, а ходоков до 1 578[2].

В 1896 г. наблюдается снижение темпов землеотводных работ в Западной Сибири: землеотводными чинами был отведен всего 31 участок, включая и кабинетские земли (*подсчитано по таблицам 6 и 7*). Причиной сокращения темпов заготовки переселенческих участков в 1896 г. можно считать смещение землеотводных работ в таежно-урманные районы. Для исследования этих районов на пригодность в колонизационном значении в 1896 г. были направлены основные усилия топографов.

Сокращение землеотводных работ в 1896 г. совпало с резким ростом переселенческого движения. Численность переселенцев выросла до 178 400,

---

[1] Подсчитано нами по: Книга образования переселенческих участков. 1885–1912. Томск : Тип. Детского приюта и Дома трудолюбия, 1913. С. 1–817; Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1903. Вып. 14. С. 37–89.

[2] Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и на других пунктах) в 1885–1895 гг. Тюмень : Тип. Л. К. Высоцкой, 1899. Вып. 1. С. 352–353.

а ходоков до 11 910 человек (см. табл. 2). Хотя в следующем 1897 г. под воздействием циркуляра № 1 Переселенческого управления количество переселенцев и ходоков значительно упало, но темпы землеотводных работ на казенных землях оставались высокими в течение 1898–1900 гг. Последовавшее в 1901–1902 гг. сокращение объемов отвода переселенческих участков совпало со снижением потока переселенцев и ходоков.

Заметим, что корректно сравнить численность переселенцев с количеством заготовленных участков нельзя, так как статистикой учитывались переселенцы обоего пола, тогда как землеотводные работы велись в расчете только на души мужского пола. Но в целом сопоставление общей динамики переселенческого движения с масштабами землеотводных работ на казенных землях Западной Сибири позволяет заключить, что заготовка переселенческих участков в 1893–1895 гг. была выше, чем движение переселенцев. В 1896 г. наблюдалась обратная ситуация, когда резкому подъему переселенческого движения соответствовало сокращение заготовки колонизационного фонда. В 1897–1900 гг. объемы заготовки переселенческих участков заметно выросли и совпали с новым подъемом переселенческого движения в 1898–1900 гг. В 1901–1902 гг. динамика спада землеотводных работ также совпадала с тенденцией сокращения переселенческого движения.

Снижение темпов землеотводных работ в Западной Сибири продолжилось и в 1904–1905 гг., что было связано с Русско-японской войной. Поток переселенцев в связи с приостановкой переселенческого движения заметно упал. Кроме того, в связи с военными действиями было мобилизовано 9 поземельно-устроительных и 27 межевых чинов. Также часть сотрудников землеотводных партий Сибири получили другие назначения. В результате в Тобольской партии вместо 6 межевых чинов в работах фактически принимали участие 2, в Енисейской партии вместо 11 – лишь 3. При таком малом составе Тобольская партия вообще была лишена возможности вести систематические работы по заготовке переселенческих участков и проводила землеотводные работы лишь в Туринском и Тарском уездах. Результатом этих работ стала за-

готовка в 1904 г. 30 переселенческих, 16 запасных и 5 хуторских участков общей площадью 108 257 десятин. Кроме того, в некоторых лесных дачах Тарского уезда производились осмотры местностей, пригодных для колонизации. Было намечено к выделу в переселенческие участки в Инцисской даче до 4 000 десятин, в Рыбинско-Каргалинской даче 4–5 небольших участков. В Мариинском уезде шли работы по образованию 4 переселенческих участков для самовольных переселенцев, а также в Каинском уезде шли работы по образованию 4 хуторских участков (240 десятин общей земли и 209 десятин удобной)[1]. Фактически в период Русско-японской войны темпы землеотводных работ на казенных землях Томской губернии упали до минимума. За два года (1904–1905) было заготовлено всего 26 участков (39 880 десятин), что было меньше, чем за 1903 г., когда в Томской губернии было отведено 36 участков (площадью 59 728 десятин)[2].

В итоге за период деятельности КСЖД и до начала Столыпинских переселений (1893–1905 гг.) в Сибири для переселенцев было отведено 630 200 душевых долей,[3] площадь этих участков составила 11 614 232 десятины[4]. Объем и масштабы произведенных землеотводных работ позволяют утверждать, что государство в период массовых крестьянских переселений смогло существенно расширить заготовку переселенческих участков. Темпы землеотводных работ были существенно выше, чем в 1880-е гг.

Расширив масштабы заготовки колонизационного фонда в 1890-х гг., государство не забывало и о качестве нарезаемых переселенцам участков. Как отмечалось выше, попытки землеотводных чинов самостоятельно производить нарезку переселенческих участков в 1861–1880-х гг. нередко были неудачными – качество участков оказывалось невысоким. Неудовлетвори-

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 913. Л. 1об.–4.

[2] Книга образования переселенческих участков. 1885–1912. Томск : Тип. Детского приюта и Дома трудолюбия, 1913. С. 1–817 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[3] Переселение и заготовка земель для переселенцев (важнейшие цифровые данные за последние годы). СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1907. С. 14.

[4] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. : отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 46.

тельное качество землеотводных работ на казенных землях Западной Сибири признавалось даже официальными изданиями на рубеже XIX–XX вв.[1] Этот вывод подтверждается и последними исследованиями современных историков[2]. Лишь когда участки нарезались по просьбе самих новоселов, качество землеотводных работ можно было признать приемлемым, так как крестьяне, по меткому замечанию Н.М. Ядринцева, могли усмотреть многие обстоятельства, не заметные межевщику, землемеру или агроному[3]. Очевидно, что в 1861–1880-х гг. землемеры и топографы, занимавшиеся изысканиями и межеванием, не обладали большим практическим опытом в вопросе заготовки переселенческих участков, поэтому качество колонизационного фонда часто не соответствовало требованиям переселенцев, а участки отводились из совершенно непригодных земель.

Однако в период деятельности КСЖД качество участков стало улучшаться. Как видно из сопоставления данных табл. 4, 5, и 6, доля неудобных земель в составе переселенческих участков на казенных землях Западной Сибири была относительно невелика и даже ниже, чем на землях Кабинета. Так, на участках, образованных в Алтайском округе в 1863–1880 гг., неудобные земли составляли 27,4%, в 1881–1892 гг. – 23,6%, а доля таких земель на казенных участках в 1893–1902 гг. составила всего 18,8%. Тенденцию понижения доли неудобных земель на кабинетских участках можно объяснить накоплением практического опыта землеотводных работ.

Как показывает анализ документов, правительство с 1890-х гг. стремилось к повышению качества переселенческих участков. Так, в циркуляре министра МЗиГИ от 9 февраля 1895 г. упоминались факты отвода в 1893 г. слишком больших или не очень пригодных переселенческих участков в одном из округов Томской губернии и содержалось распоряжение не допускать в будущем подобных ошибок. В циркуляре от 24 апреля 1895 г. глава МЗиГИ

[1] Очерк работ по заготовлению переселенческих участков, 1893–1899. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. С. 5–7.
[2] Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. С. 231.
[3] Ядринцев Н. М. Десятилетие переселенческого дела // Вестн. Европы. 1891. Кн. 8. С. 818.

еще раз указывал землеотводным чинам, чтобы под переселенческие участки избирались удобные для сельского хозяйства земли[1]. Содержание этих документов достаточно ясно показывает, что правительство ставило задачу отводить переселенцам только пригодные для водворения участки.

Губернская администрация тоже не оставалась в стороне и по мере возможностей следила за качеством отводимых переселенцам земель. 10 августа 1894 г. тобольский губернатор разослал крестьянским чиновникам циркуляр, где потребовал наблюдать, чтобы переселенцы получали не истощенные угодья. Для этой цели было необходимо следить, чтобы лес на переселенческих участках не подвергался порубкам, а переселенческие участки сдавать в аренду только для сенокошения или выпаса, но никак не для пахоты, могущей истощить почву[2]. Для недопущения эксплуатации старожилами предположенных для переселенцев земель была даже организована специальная охрана, на содержание которой в 1894–1899 гг. было выделено 109 000 рублей. Эти меры позволили прекратить самовольную порубку, распашку, сенокошение и другие способы незаконного пользования назначенными для водворения переселенцев землями[3].

Хотя в архивах сохранилось немало жалоб новоселов на качество земли или на повторяющиеся неурожаи, но анализ этих жалоб показывает, что они не всегда объективно свидетельствуют о непригодности участка. Чаще всего в них речь шла не об объективных недостатках (наличие оврагов, каменистость), а о субъективных причинах (лесистость, качество воды)[4]. Нередкими были случаи, когда лишь часть переселенцев жаловались на качество земли и просили о переводворении, тогда как другие новоселы того же участка эти жалобы не разделяли и переводворяться никуда не хотели. Так, в 1895 г. на

---

[1] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб. : Тип. Переселен. упр., 1909. С. 194–195, 197.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 50.
[3] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 313.
[4] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 259–261.

одном из участков Тобольской губернии поселились 184 семьи из селения Шаблыкино (Орловская губерния), и в том же году в июле (т.е. до первого урожая) 25 семей изъявили желание вернуться на родину. Среди причин фигурировала и жалоба на плохое качество земли: представители этих 25 семей уверяли, что большая часть участка представляла болота и лесные поросли, неудобные для разработки и земледелия. Но при этом остальные 159 семей на участке устроились, обратно переезжать не хотели и качество земли их устраивало. Уже это ставит под сомнение, что большая часть участка состояла из болот и лесных порослей. Кроме того, земли, включенные в состав переселенческого участка, ранее принадлежали старожилам, которые на этих землях успешно занимались сенокошением и без удобрения получали средние урожаи. Причем к моменту приезда переселенцев старожилами было засеяно около 600 десятин из земель переселенческого участка. И за эти засеянные земли старожилы обещали отдать переселенцам по 10 пудов с каждой десятины. Эти обстоятельства слабо стыкуются с жалобами на плохое качество земли, которая якобы была неудобна для разработки и земледелия[1]. Показательным можно считать пример переселенческого участка Бахта (Кузнецкий уезд), где жили черниговцы и пермяки. Пермяки жаловались на плохое качество земли, а черниговцы им иронично отвечали, что на плохой земле трава в рост человека расти не будет, и были своим участком довольны[2].

Нередко жалобы переселенцев на плохое, по их мнению, качество земли следовали спустя несколько лет после их водворения. Причем иногда от момента водворения до подачи жалобы проходило 3, 6 и более лет[3], хотя объективно плохое качество почвы должно было проявиться уже в первый год. На наш взгляд, по крайней мере, часть таких жалоб была связана исключительно с экстенсивными формами земледелия, а не с плохим качеством почвы. Так, переселенцы поселков Львовского и Яснополянского (первый на-

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 5. Л. 73, 92–92об., 105–106об., 132.
[2] Деятельность Черниговского губернского земства по переселению за 1909 г. Чернигов : Тип. губ. земства, 1910. С. 84–85.
[3] См., например: РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1300. Л. 26–27об., 31–31об.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3812. Л. 358.

чал заселяться в 1896 г., второй в 1895 г.) Тюкалинского уезда в 1908 г. пожаловались на плохое качество угодий. Переселенцы Львовского общества писали, что землю «через каждый год посева необходимо оставлять на год свободной», если же земля не пахана 10–15 лет (была в залежи), то можно снимать урожай 3 года подряд. Аналогичные аргументы и у переселенцев пос. Яснополянского: «земля такого качества, что если пропахать ее 3 или 4 года вряд, тогда нужно бросать не менее как на 20 лет»[1]. Из чего следует, что переселенцы обоих поселков вели сугубо экстенсивное хозяйство, основанное на залежно-паровой системе. И жалобы переселенцев на плохую почву, которую надо раз в два года или «не менее как на 20 лет» оставлять в залежь, есть следствие неэффективности привычного для переселенцев экстенсивного хозяйства. Эти жалобы объективно не отражали качество угодий.

Похожий пример с жалобой 10 домохозяев, переселившихся из Курской губернии в пос. Серебряковский (Мариинский уезд), которые жаловались на неурожаи и просили о переселении в Барнаульский уезд. В своем прошении они писали, что в первые годы после водворения урожаи у них были посредственные, а потом стали плохими («не оправдывающими наших трудов»)[2]. Как видно из характера жалобы переселенцев, речь в данном случае не идет об абсолютной непригодности почвы на отведенном участке. Это следует из того, что в первые годы, по отзывам самих новоселов, урожаи хотя и посредственные, но были. Неурожаи же были связаны с тем, что использованную в течение нескольких лет подряд землю нужно было либо обращать под пар, либо удобрять. О совершенной непригодности участка для сельского хозяйства тут речь не идет.

Примечательно, что некоторые жалобы переселенцев на плохое качество земли, собственно, с качеством почвы не были связаны никак. Этими жалобами переселенцы иногда могли обосновывать свои просьбы о повышенных ссудах[3]. О субъективности жалоб переселенцев свидетельствует и

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 719. Л. 19–20а, 23–23об.
[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3812. Л. 517–518.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 11. Л. 62–63.

тот факт, что многие земли, на плохое качество которых жаловались новоселы, ранее возделывались старожилами. И старожилы эти земли считали вполне пригодными для сельского хозяйства[1]. Современный историк М.К. Чуркин объясняет многие жалобы крестьян на неурожаи и качество почвы игнорированием (незнанием) местных условий ведения хозяйства[2]. С этим объяснением следует согласиться, так как переселенцы, как правило, были плохо осведомлены об особенностях обработки некоторых видов сибирских почв, что неизбежно должно было негативно сказаться на урожайности. Например, в Тобольской губернии (волости Антроповская, Еланская, Тавдинская и Липчинская) вспашка местной в большинстве случаев «тяжелой» почвы до 4 вершков требовала от крестьян много времени и усилий. Использовались при этом пермянка, колесянка и рогалюха[3]. В случае неглубокой вспашки земли или использования переселенцами более легких орудий (что не позволяло достичь нужной глубины вспашки) уровень урожайности мог значительно понизиться, после чего могли последовать жалобы на качество почвы. Но объективная причина была совсем не в «неудобности» земли, а в незнании местных условий и навыков.

Таким образом, неурожаи в переселенческих поселках нередко могли вообще не иметь какого-то отношения к качеству почвы, а объяснялись лишь незнанием некоторых природно-климатических особенностей Сибири. Прожившее в Сибири всю жизнь старожилое крестьянство, обладая знаниями о сроках начала зимы или глубине снежного покрова, могло составлять прогнозы погодных условий и планировать сроки посева[4]. Разумеется, новоселы, незнакомые со многими специфическими аспектами сибирского земледелия, в

---

[1] См.: РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1178. Л. 116; ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 236. Л. 31–32об., 35–35об., 40–40об.

[2] Чуркин М. К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX – начале XX вв.) : учеб. пособие. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 20–21.

[3] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : в 20 кн. Вып. 1–22. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб. : Альфарет, 2010. Кн. 2. Вып. 2. С. 52.

[4] Транквилицкая И. В. Развитие системы земледелия в Томской губернии в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Кемерово, 2006. С. 14.

начальный период могли сталкиваться с неурожаями, истолковывая их как результат плохого качества почвы.

Большая часть переселенцев, по данным исследования А.А. Кауфмана, быстро усваивала сибирские приемы земледелия, в частности начинала использовать сибирскую соху – колесянку. Однако имеется немало примеров, когда переселенцы стойко сохраняли усвоенные ими на родине методы ведения хозяйства. Так, малороссы дер. Метлишной (Ишимский округ) вели переложную систему хозяйства, к которой привыкли на родине, и пахали землю малороссийскими плугами. Сохраняли в бытовом отношении свою индивидуальность и переселенцы из Витебской губернии («панцырные бояре»), а частично и воронежские переселенцы, поселившиеся в Ишимском округе[1]. Именно такая приверженность традиции, нежелание усваивать сибирские методы ведения хозяйства, обработки земли могла стать препятствием для быстрой адаптации переселенцев на новом месте.

Разумеется, не всегда имеет смысл говорить о нежелании новоселов усваивать новые методы ведения хозяйства. Переселенцы, по меткому выражению омского исследователя М.К. Чуркина, прибывали в Сибирь с определенным набором эмпирических знаний, классифицируя земельные участки в Сибири по нормам, принятым в своей губернии выхода. К этим представлениям добавлялись смутные или вовсе ошибочные данные о природных особенностях мест будущего водворения. Переселенцы могли неверно выбирать сроки начала полевых работ или неправильно подбирать набор сельскохозяйственных культур, годных для выращивания. Так, выходцы из Курской губернии, поселившиеся в пос. Знаменском (Дмитриевская волость), на собственном опыте убедились, что распространенные у них дома гречиха и просо в сибирском климате не приживались. Переселенцы пос. Ильинский на начальном этапе знакомства с Сибирью также испытывали трудности: при чрезмер-

[1] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : в 20 кн. Вып. 1–22. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб. : Альфарет, 2010. Кн. 3. Вып. 3. Ч. 1. С. 25–26

ном вспахивании почвы была опасность, что хлеб поляжет, при недостаточном – что не уродится[1].

Для ознакомления переселенцев с особенностями сибирского земледелия нужно было время, часто – несколько лет. Очень интересный факт был описан сибирской исследовательницей Л.В. Котович. Уроженец Рязанской губернии И. Мирошкин, переселившийся в Сибирь в 1894 г., неудачно попытался посеять клевер и пришел к выводу, что почва и климат не благоприятствуют росту клевера. В 1911 г. он приобрел сельскохозяйственный календарь, где была статья о выращивании клевера. Прочитав ее, переселенец понял, что виноваты были не почва и климат, а отсутствие у него навыков. Далее этот крестьянин приобрел несколько сельскохозяйственных книг, что позволило ему в дальнейшем успешно выращивать клевер[2].

Как видно из этого примера, переселенец смог усвоить необходимые ему навыки только через 17 (!) лет после переезда в Сибирь. Для этого были необходимы терпение, упорство и желание. Но многие новоселы, как показала практика, этими чертами просто не обладали. Часть новоселов была склонна бросать отведенные им земли и возвращаться на родину уже при первой неудаче. Для примера рассмотрим ведомость о движении переселенцев по Томской губернии за 1895 г. Из числа обратных переселенцев 107 семей пробыли на новых местах менее года, 18 семей прожили в Сибири до 3 лет, 2 семьи прожили на новом месте до 5 лет и более 5 лет – 4 семьи. Таким образом, 81,7% семей обратных переселенцев не имели возможности или не захотели усвоить навыки ведения хозяйства в условиях Сибири[3].

---

[1] Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 227–228.

[2] Котович Л. В. «Природа не только существует, но и меняется»: к характеристике экологического сознания (по материалам сибирских сельскохозяйственных журналов начала XX века) // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках : сб. материалов междунар. науч. конф. Новосибирск : Параллель, 2011. С. 199.

[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1. Л. 1а–2а (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

Серьезный источниковедческий анализ жалоб крестьян показывает, что их желание покинуть свой участок далеко не всегда было обусловлено плохим качеством земли. Нередко в этих просьбах причины переводворения сформулированы нечетко и допускают двойные толкования. Например, переселенец из Витебской губернии С. Барон первоначально поселился на уч. Турунгасский (Тарский уезд), но «по некоторым обстоятельствам и неудобствам жить на оном не пожелал» и решил приискать себе более удобное место в Томской губернии. Дата – 1903 г.[1] С одной стороны, это пример ухода крестьянина с участка, с другой – фразу о «некоторых обстоятельствах и неудобствах» можно толковать как угодно. Связана ли причина ухода переселенца с неудобными землями, неясно.

Другой пример: в том же 1903 г. переселенцы Курской губернии подали прошение министру внутренних дел о переводворении. Они были водворены в с. Обояновку (Мариинский уезд), но «осмотревшись на новом месте жительства оказалось, что жизненные условия неподходящие». Далее по тексту названы конкретные причины: «холодность климата, вымерзание хлебов по случаю ранних морозов» и «местность неудобная для хлебопашества»[2]. Насколько фраза «местность неудобная для хлебопашества» может считаться синонимом фразы «непригодная для сельского хозяйства»? Эта местность неудобна по причине плохих земель или по причине неподходящего для выходцев из Курской губернии климата? Обратим внимание, что в числе причин названо «вымерзание хлебов», это означает, что крестьяне производили посевы, которые давали всходы, и эти всходы «вымерзали» по причине «холодного климата» и «ранних морозов». Значит, земля все же была в состоянии давать всходы? Можно ли такую землю признать непригодной для сельского хозяйства? Возможно, причина «вымерзания» хлебов в неподходящих для местного климата семенах?

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1099. Л. 39–40.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1099. Л. 215–215об.

Подобные примеры прошений крестьян, где присутствуют обороты речи с возможной двойной трактовкой, совсем не редкость. Например, 3 домохозяина из Курской губернии, желавшие в 1895 г. вернуться на родину, писали, что «по осмотре земельных участков» и «условий местности» они «нашли для себя крайне неудобным и невыгодным поселиться в Томской губернии»[1]. Подразумевается ли этой фразой наличие на участке негодных для хлебопашества земель? Или причина в неподходящем для курян климате? Или речь вообще шла об отсутствии сторонних заработков или промыслов?

Таким образом, рассмотренные выше примеры показывают, что жалобы новоселов на неурожаи или плохое качество земли далеко не всегда следует воспринимать буквально. Нередко эти жалобы были вызваны незнанием некоторых сибирских почвенно-климатических условий и неумением вести хозяйственную деятельность в условиях, отличных от губерний выхода. Конечно, со временем новоселы методом проб и ошибок могли найти более-менее оптимальный набор сельскохозяйственных культур, пригодных для Сибири, приобрести практический хозяйственный опыт и пр. Но для адаптации к новым условиям необходимо было время и терпение. Если новоселы не обладали терпением, то сразу же следовали жалобы на «плохую» землю с последующей просьбой о переводворении, либо вообще самовольный уход с участка или даже обратное переселение.

Разумеется, среди ежегодно заготавливаемых десятков или сотен переселенческих участков можно отыскать факты, когда действительно отводились малопригодные участки[2].

Однако следует признать и то, что отдельные примеры отвода участков с какими-либо изъянами и недочетами вовсе не означали, что эти изъяны и

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1. Л. 79–79об.

[2] См., например: РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1300. Л. 3–4, 22, 23–23об.; Оп. 2. Д. 1178. Л. 67–67об., 69; Кауфман А. А. К вопросу о влиянии переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Труды императорского Вольного экономического общества. 1891. № 4. С. 17; Сибирские переселения. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв. : сборник документов. Новосибирск : Параллель, 2010. Вып. 3. С. 201–202 и др.

недочеты не устранялись в дальнейшем. В качестве примера возьмем уч. Родина, отведенный в 1893 г. под заселение выходцам из Полтавской губернии. Он занимал громадную площадь в 68 169 десятин, отстоял от ближайшего леса на 200 верст и (по описаниям) был совершенно безводным. Хотя на плане этот участок был показан около речки Степной Кучук и озера, но речка летом пересыхала, а озеро давно исчезло[1]. Для решения вопроса с водоснабжением новоселов на этом участке затем были сооружены колодцы[2]. Командированный Полтавским губернским земством в Алтайский округ с целью выяснения колонизационной пригодности переселенческих участков агроном И.М. Морозов отмечал, что жители уч. Родина пользовались колодцами и на нехватку воды не жаловались[3].

В случаях отвода действительно непригодных участков, переселенческие чиновники изымали их из колонизационного фонда. Некоторые из подобных участков в дальнейшем были подвергнуты переформированию[4] или перечислены в запасные[5].

Как показывает статистика, даже обратные перселенцы очень нечасто указывали на плохое качество земель как на причину своего возвращения. Ходоки тоже редко жаловались на качество участков. Так, в 1897 г. из возвращавшихся через Челябинск 1 344 обратных переселенцев лишь 14 (1%) в качестве причины обратного переселения назвали неудобства почвы. Почти аналогичные данные и по ходокам: из 6 612 безрезультатных ходоков пожаловались на неудобства почвы лишь 124 (1,9%)[6].

В качестве дополнительного источника воспользуемся «Ведомостями» о водворенных и причисленных переселенцах за 1893–1903 гг. К сожалению,

---

[1] Приводится по: Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода типеризма. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. С. 49–50.
[2] Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 гг. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. С. 24–25.
[3] Морозов А. М. Алтайский округ в колонизационном отношении. Полтава : Электр. тип. Ф. Ф. Шиндлера, 1908. С. 42–43.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 335. Л. 25.
[5] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 439. Л. 2–3об.
[6] Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г. СПб. : Гос. тип., 1899. С. 12–13 (подсчет мой. – *Д.Б.*).

данные этих ведомостей носят отрывочный характер, сводных ведомостей по губерниям или хотя бы по отдельным уездам у нас нет. Имеются лишь данные по нескольким волостям и участкам крестьянских начальников. Так, в ведомости по III участку Каинского уезда значилось 14 участков, образованных в середине 1890-х гг. Все участки значились заселенными почти полностью. Ни с одного участка никто не покинул мест водворения. Аналогичная ведомость по переселенческим участкам Ново-Николаевский волости Томского уезда. В ведомости числилось 26 участков, занятыми значились 2 677 душевых долей. Только с одного участка были ушедшие переселенцы в количестве 2 д.м.п. В ведомости по Ермаковской и Сагайской волостям (Енисейская губерния) значилось 11 участков. Из общего числа 2 098 водворенных переселенцев ушло 26 д.м.п.[1] Разумеется, представленные в этих «Ведомостях» данные слишком фрагментарны, чтобы по ним можно было составлять общую картину. На основании таких отрывочных сведений нельзя делать общих выводов. Тем не менее эти данные свидетельствуют, что абсолютное большинство водворенных переселенцев в конкретных районах не покидали мест водворения.

Таким образом, результаты реформы 1861 г. создали комплекс факторов, как сдерживающих, так и стимулирующих крестьянские переселения. Сдерживающими факторами были условия отмены крепостного права, требовавшие уплату всех недоимок, круговая порука, когда право выдачи паспортов для временного оставления общества зависело от воли однообщественников, и община, которая затрудняла законный выход из своих рядов отдельным домохозяевам и лишала их возможности продавать свои наделы. Существенное сдерживающее влияние на миграционную мобильность крестьян оказывало отсутствие у них необходимых для переселения средств.

Основными стимулирующими факторами крестьянских переселений в 1861 – феврале 1917 г. выступали: обезземеливание крестьянства, аграрное перенаселение и обострение агрикультурного кризиса в российской деревне.

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1212. Л. 2об.–3, 25–26, 41–44 (подсчет мой. – *Д.Б.*).

Растиражированное в народнической, либеральной и консервативной литературе второй половины XIX в. утверждение, что община не давала крестьянам умереть с голоду и была оплотом взаимопомощи, не всегда соответствовало действительности. Община не могла обеспечить всех своих членов землей вследствие растущего аграрного перенаселения, показателем этого стал рост крестьян-отходников, вынужденных искать себе пропитание вне рамок общины. Другим показателем является рост крестьянских переселений. Фактически переселенцы были теми домохозяевами, которых община «выталкивала» из своих рядов, не будучи в состоянии их обеспечить.

В течение второй половины XIX в. действие сдерживающих факторов ослабевало, а стимулирующих, напротив, возрастало, что приводило к росту переселенческого движения в Сибирь. Важнейшим условием участия крестьян в переселенческом движении было миграционное сознание, основу которого составляло стремление крестьян восстановить эффективность экстенсивного трехполья за счет переселений в многоземельные районы страны. Определенным катализатором, определявшим вектор крестьянских миграций, могли быть слухи о сибирской «сказочной» жизни, мифы о сибирской «воле» и рассказы о пособиях для переселяющихся от государства. Правительство пыталось бороться с подобными мифами и слухами через распространение среди крестьян специальных книжек для ходоков и переселенцев. В справочной литературе в доступной для крестьян форме рассказывалось о реальных условиях жизни в Сибири, льготах и пособиях для переселенцев. Подобная литература была призвана содействовать распространению среди крестьян знаний и фактов об условиях переселения, водворения, о климате и природе Сибири и избавить переселенческое движение от участия в нем случайных людей.

В течение второй половины XIX – начала XX в. правительственные задачи в отношении крестьянских переселений существенно менялись, что находило отражение в законодательстве. На первом этапе правительство не считало возможным поощрять или даже разрешать крестьянские переселения.

Большинство крестьян переселялись самовольно, без участия правительства. Самовольные переселения в 1860–1870-х гг. имели несколько направлений: Северный Кавказ, Новороссия, Заволжье и Сибирь. Сибирское направление являлось второстепенным, что объясняется не только удаленностью края, но и необходимостью для крестьян существенных затрат на переезд в Сибирь.

Рост самовольных переселений на рубеже 1870–1880-х гг., а также изменение правительственных взглядов на переселенческую политику привели к изданию правил 1881 г. и закона 1889 г., устанавливавших нормы переселения для крестьян. Эти законодательные акты не только придавали переселениям законный характер, но и предполагали определенные льготы для переселяющихся. Переселения стали восприниматься как инструмент борьбы с наступающим аграрным перенаселением. Правительство ставило задачу по противодействию крестьянскому малоземелью в губерниях Европейской России. При этом основой курса правительства в 1880-х – начале 1890-х гг. стало стремление не допустить неконтролируемого роста крестьянских переселений. Попытка регулировать переселенческое движение путем ограниченной выдачи разрешений приводила к тому, что в отдельные годы количество самовольных переселений увеличивалось. В период 1880-х – начала 1890-х гг. поток переселяющихся в Сибирь крестьян растет, что связано с принятием законов о переселениях, а также с исчерпанием свободных земель в других районах, привлекавших ранее переселенцев.

В 1893–1905 гг. основа правительственного курса в сфере переселений определялась двумя задачами: регулирование крестьянских переселений и колонизации Сибири и Дальнего Востока. Правительство перешло к практике подбора переселенцев на основе имущественного критерия и наличия в семье рабочих рук. Такая практика искусственно отсекала от переселенческого процесса многих крестьян – потенциальных переселенцев. Для решения задачи регулирования переселенческого движения правительство широко применяло практику сокрытия законодательных актов, в которых говорилось о льготах

для переселяющихся и которые могли бы спровоцировать крестьян на переселение. Это придало переселенческой политике противоречивый характер.

Одной из главных задач правительства в 1890-х гг. стала борьба с самовольными крестьянскими переселениями. Правительство даже пыталось привлечь жандармские структуры, но самовольные переселения, хотя и уменьшались в отдельные годы, но не прекращались. Этому способствовала практика массового устройства самовольных переселенцев Сибири как местной администрацией, так и центральными ведомствами.

Практика ограничения контингента переселенцев лишь кругом среднесостоятельных и многосемейных крестьян также не дала положительных результатов. Это привело к отходу от нее и фактическому возврату правительственного курса к политике поощрения переселений малоимущих крестьян, ярко выраженной новым переселенческим законом 1904 г. Этот закон, вобрал в себя немало из предыдущего переселенческого законодательства и одновременно заложил основу нового правительственного курса в отношении переселений.

Важнейшей задачей правительства в деле колонизации Западной Сибири было формирование колонизационного фонда. Землеотводные работы в Западной Сибири в 1861–1905 гг. характеризовались ведомственной разобщенностью на казенных и кабинетских землях. В 1861–1880 гг. масштабы землеотводных работ были незначительными, заготовка колонизационного фонда на казенных и кабинетских землях характеризовалась отсутствием планомерности и низким качеством. Многие участки оказались фактически непригодными для земледелия и не были заселены. Отчасти это было следствием незначительности межевых сил и отсутствия у них большого практического опыта.

В 1881–1892 гг. происходит некоторый рост динамики землеотводных работ, что следует связывать с изменением государственной политики в отношении переселений. Значительно вырос спрос со стороны переселенцев на заготовленные участки, что объяснялось общим увеличением переселенче-

ского движения и усложнением приписки к старожильческим селениям. Межевые силы не справлялись с возросшим потоком переселенцев ввиду ограниченности ресурсов и наличия других задач, что не позволяло полностью сконцентрироваться на землеотводном процессе.

В 1893–1905 гг. землеотводные работы приобретают значительные масштабы, что было связано с курсом правительства на массовые переселения. Было сформировано несколько специальных отрядов по заготовке переселенческих участков на казенных землях, произошло увеличение кредитов на землеотводное дело и на исследование новых колонизационных пространств. Важным направлением землеотводных работ на этом этапе стала политика колонизации таежных и урманных пространств Западной Сибири. Это направление колонизации было перспективным, но требовало больших затрат.

Если на казенных землях в период деятельности КСЖД государству удалось достичь значительных успехов в вопросе заготовки колонизационного фонда, то на кабинетских землях темпы землеотводных работ в середине – второй половине 1890-х гг. были невысокими. Значительное внимание уделялось качеству переселенческих участков. Усиление темпов землеотводных работ в целом не сопровождалось падением качества колонизационного фонда. Доля неудобных земель в составе переселенческих участков в период деятельности КСЖД была даже ниже, чем в предшествующие периоды. Хорошее качество землеотводных работ подтверждается тем, что в целом обратные переселенцы нечасто называли плохие земли причиной своего возвращения.

Важнейшей задачей правительства было оказание переселенцам помощи. Характер и направленность этой помощи во второй половине XIX – начале XX в. менялись в зависимости от отношений правительства к крестьянским переселениям и к задачам переселенческой политики. На этапе 1861–1880 гг. государство в целом не имело четко сформулированной концепции переселенческой политики, и правительственная помощь как явление отсут-

ствовала, что приводило к бедствиям новоселов по пути в Сибирь и затрудняло процесс устройства на новых местах.

В 1881–1893 гг. государство изменило свое отношение к крестьянским переселениям, результатом чего становится опубликование закона 1889 г. и выделение средств на оказание переселенцам помощи. Закон и прописанные в нем льготы имели важное значение для переселенцев. Вместе с тем льготы по закону 1889 г. носили ограниченный характер по сравнению с льготами для «киселевских» переселенцев, а финансирование переселенческих мероприятий в течение второй половины 1880-х – начала 1890-х гг. оставалось на одном уровне и происходило на фоне постоянно растущего переселенческого движения, существенно отставая от него. Поэтому переселения в Сибирь для крестьян были сопряжены с большим риском и бедствиями. Нередкими были болезни и смертность переселенцев в дороге. Массовые публикации в прессе о страданиях переселяющихся привели к появлению благотворительных организаций и обществ, которые в меру своих возможностей стали оказывать переселенцам помощь как в пути, так и на местах водворения.

На этапе деятельности КСЖД государство изменило характер переселенческой политики, что положительно сказалось на расширении объемов помощи переселяющимся. Эта помощь стала оказываться практически по всем основным направлениям (врачебно-продовольственная, ссудно-кредитная, налоговая и т.п.). На осуществление этой помощи ежегодно выделялись значительные средства, причем рост ассигнований происходил одновременно с ростом переселенческого движения. В течение второй половины 1890-х – начала 1900-х гг. совершенствовалась нормативная база, определявшая направленность и масштабы правительственной помощи переселенцам. Однако при общем улучшении постановки переселенческого движения в сфере помощи новоселам имелись существенные недостатки: нередко выдача ссуд происходила несвоевременно, ссуды выдавались хотя и большинству водворенных переселенцев, но не всем, размер ссудной помощи был недостаточен для полного домообзаводства. Отчасти это было следствием ориентации пра-

вительства на переселение в Сибирь относительно состоятельного элемента. В действительности среди переселяющихся крестьян был высок процент самовольных, не обладавших значительными средствами. Таких самовольных переселенцев государство не оставляло на произвол судьбы, после причисления они имели право на ссуды наравне с законными переселенцами. Наличие среди новоселов малоимущих крестьян заставляло администрацию выдавать ссуды в первую очередь именно этому контингенту переселенцев. В целом помощь новоселам в 1893–1905 гг. носила социальный характер. К концу деятельности КСЖД некоторые из имевшихся недостатков были преодолены. В 1904 г. вышел новый переселенческий закон, в котором были учтены все недочеты предшествующего переселенческого законодательства и расширены налоговые льготы для новоселов.

К началу Столыпинских переселений правительство накопило существенный опыт по оказанию переселенцам практической помощи, были составлены маршруты движения переселенцев, вдоль которых находились врачебно-продовольственные пункты, в Западной Сибири возникла сеть лесных и сельскохозяйственных складов, где новоселы могли получить в качестве ссуд или приобрести необходимые им материалы, семена и сельскохозяйственные орудия. Были выработаны основные виды ссудной и налоговой помощи переселенцам.

ГЛАВА 3. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА МАССОВЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В 1906 – НАЧАЛЕ 1917 г.

Политика массовых крестьянских переселений, организованная и осуществленная правительством П.А. Столыпина, была важнейшим этапом в процессе колонизации и освоения Сибири. Столыпинская политика колонизации Сибири, с одной стороны, использовала опыт предшествующего периода, с другой – Столыпиным были поставлены новые задачи и разработана собственная концепция колонизации Сибирского региона. В связи с этим в рамках настоящей главы предполагается решить следующие задачи: 1) определить задачи, характер и динамику переселенческой политики в 1906 – начале 1917 г. 2) выявить характер и направленность правительственной помощи новоселам в дороге и местах водворения.

3.1. Задачи, характер и динамика Столыпинских переселений в Западную Сибирь в 1906 – феврале 1917 гг.

Тема Столыпинской переселенческой политики привлекала особое внимание исследователей в течение второй половины XX в. Несмотря на большое количество научных работ разного уровня и огромный комплекс источников, введенных в научный оборот, тема Столыпинских переселений исследована далеко не полностью. К числу дискуссионных относится проблема подъемов и спадов в переселенческом движении в 1910–1911 гг. Дискуссионным является также вопрос о характере, результатах и исторических итогах Столыпинской переселенческой политики.

В связи с этим в настоящем разделе представляется оправданной постановка следующих задач: во-первых, выявить задачи, характер, основные направления и результаты переселенческой политики, а также влияние прави-

тельственной политики на динамику крестьянских переселений в Сибирь. Во-вторых, на основе анализа количественных показателей прямых и обратных переселений выявить причины, влиявшие на рост и уменьшение количества ходоков и переселенцев.

Политика крестьянских переселений, проводившаяся правительством П.А. Столыпина, состояла из двух этапов, различных по содержанию и задачам: 1906–1910 гг. и 1911–1914 гг. В 1906–1910 гг. правительством были поставлены две главные задачи: во-первых, борьба с аграрным перенаселением в губерниях Европейской России. Правительство в начале XX в. вернулось к идее борьбы с аграрным перенаселением путем массовых переселений крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Глава ГУЗиЗ кн. Б.А. Васильчиков заявил, что переселение есть средство для борьбы с аграрным перенаселением[1]. В похожем контексте высказался Н.К. Шуман (в дальнейшем возглавлявший Томский переселенческий район)[2].

Во-вторых, переселения становились инструментом геополитики и должны были способствовать закреплению за Россией Сибири и Дальнего Востока. Публицисты, общественные и государственные деятели после Русско-японской войны с нескрываемой тревогой писали о «желтой опасности», отмечали угрозу со стороны Японии и «дремлющего» перенаселенного Китая. Угроза национальным интересам России усиливалась из-за слабой заселенности азиатских окраин, которые граничили с густонаселенными и агрессивными странами. Массовые крестьянские переселения понимались как инструмент закрепления за Россией ее восточных окраин[3]. Столыпин также

[1] Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием князя Б. А. Васильчикова в Комиссии Государственной Думы по Переселенческому делу 5 декабря 1907 г. // Вопр. колонизации. 1908. № 2. С. 418–419.

[2] Шуман Н. К. К вопросу о землеустройстве и колонизации Сибири // Вопр. колонизации. 1907. № 1. С. 4.

[3] См.: Вощинин В. П. Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва : итоги и перспективы. СПб. : Скл. изд. при юрид. кн. скл. «Право», 1912. С. 20–21; Головачев П. Неотложное решение // Сиб. вопросы. 1907. № 3. С. 3–8; Григорьев В. Ю. Современные условия экономического развития Сибири. Красноярск : Тип. М. И. Абалакова, 1914. С. 7; Муганский В. Вопросы колонизации в IV Государственной Думе // Вопр. колонизации. 1913. № 13. С. 1; Островский И. В. П. А. Столыпин и его время. Новосибирск : Наука, 1992. С. 93; Пестржецкий Д. Заселение окраин. СПб. : Тип. газеты «Россия», 1908. С. 8.

прекрасно понимал стратегическую необходимость колонизации Азиатской России[1]. Значимость стратегических задач в Азии и на Дальнем Востоке он неоднократно подчеркивал в своих выступлениях в Госдуме и Госсовете[2].

Огромное внимание к геополитическим целям четко прослеживалось в 1906–1910 и в 1911–1914 гг. Так, в 1907 г. после поездки в Сибирь главноуправляющий Б.А. Васильчиков во всеподданнейшей записке отметил, что «безлюдье» в восточных районах представляет опасность для русского государства и что Китай быстро заселяет приграничные с Россией территории[3]. В этом же документе Васильчиков писал, что увеличение населения на восточных окраинах есть главнейшая задача переселенческого дела[4]. В 1910 г. П.А. Столыпин подтвердил, что переселение есть «действительная мера к укреплению границ»[5].

Фактически поставленные правительством Столыпина основные задачи переселенческой политики носили преемственный характер. Идея геополитического утверждения в Сибири и на Дальнем Востоке путем широкой колонизации была исторически обоснованной. Еще в середине XIX в. генерал-адъютант Анненков во всеподданнейшей записке предложил облегчить свободный переход крестьян из внутренних губерний в Сибирь с целью расширения влияния России в Средней Азии и на всем Востоке[6].

Исследователь имперской системы управления Сибири А.В. Ремнев отмечал, что центральным компонентом имперской политики была крестьянская колонизация, а крестьянин – ее эффективным проводником[7]. В этом смысле задача укрепления геополитического положения России, решавшаяся

---

[1] Толочко А. П. Проблемы хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока в реформаторской деятельности П. А. Столыпина // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения Столыпина. Омск : Омск. гос. ун-т, 1997. С. 35–36.

[2] Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия… : Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М. : Мол. гвардия, 1991. С. 119–129, 160–167.

[3] Островский И. В. П. А. Столыпин и его время. Новосибирск : Наука, 1992. С. 92–93.

[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 661. Л. 30.

[5] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 18.

[6] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 45–46об.

в период Столыпинских переселений четко укладывалась в общеимперскую концепцию освоения восточных окраин.

Не была новой и идея использования переселений в качестве инструмента борьбы с земельной теснотой. В предыдущей главе отмечалась, что переселение в целях борьбы с аграрной перенаселенностью предлагалось использовать еще в 1880-е – начале 1890-х гг. В начале XX в. в связи с обострением агрикультурного кризиса и официальным признанием факта оскудения земледельческого центра Европейской России вопрос о необходимости массовых крестьянских переселений на окраины вновь актуализировался. Проект использования переселений для борьбы с малоземельем неоднократно обсуждался как в публицистике[1], так и в высшем звене госаппарата на рубеже XIX–XX вв.[2] С этой идеей были согласны и многие представители губернских и уездных администраций, указывавшие в конце XIX в. на тенденцию измельчания земельных наделов[3].

Не все современники считали, что массовые крестьянские переселения могут помочь в борьбе с аграрным перенаселением[4]. Некоторые достаточно авторитетные исследователи полагали, что крестьянские переселения являются лишь паллиативом в борьбе с аграрным перенаселением, так как естественный прирост определялся в 2 млн человек, а количество переселяющих-

---

[7] Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 39.

[1] Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Изд-е 2. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1881. Т. 2. С. 1002–1003; Качоровский К. Крестьянское хозяйство и переселение // Рус. мысль. Кн. 3. 1894. С. 24; Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. Изд. 2. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. С. 283, 288; Ядринцев Н. М. Наши выселения и колонизация // Вестн. Европы. 1880. №. 6. С. 457–461.

[2] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 2, 4об.; Хроника внутренней жизни. Комиссия «об оскудении центра», ее занятия и исход их // Рус. богатство. 1903. № 11. С. 193, 195, 199; Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 гг. XIX века). Л. : Наука, 1972. С. 22–23.

[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221. Л. 15об.–16об.; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 540. Л. 49–50; Ф. 1620. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–14об.; Из общественной хроники // Вестн. Европы. 1893. Кн. 1, т. 1. С. 455.

[4] Запрос, внесенный в Государственную Думу по инициативе сибирской группы депутатов // Сиб. вопросы. 1907. № 6. С. 30–34; Н-нъ. Опасности для переселенцев в Степном крае // Сиб. вопросы. 1907. № 8. С. 1–7; П. Г. Близкая опасность // Сиб. вопросы. 1907. № 6. С. 1–3.

ся крестьян не достигало и половины этой цифры[1]. В качестве инструмента борьбы с земельной теснотой они предлагали агротехническую модернизацию сельского хозяйства, а массовые переселения понимались даже как явление вредное, так как они притупляли аграрный кризис, необходимый для перехода к более прогрессивным методам хозяйства[2].

Доля переселенцев действительно серьезно уступала естественному приросту: в 1896–1900 гг. она составила 10,7% от общего естественного прироста, в 1901–1905 гг. – 4,2, в 1906–1910 гг. – 24,5%[3]. Однако общие показатели не дают нам объективной картины, так как переселенческое движение никогда равномерно не распределялось по разным районам. Если из одних губерний переселения были незначительными, то для других имели большое значение. Прирост сельского населения тоже был неодинаков по районам, поэтому степень аграрной тесноты в губерниях была разной. Например, в 1858–1897 гг. в Нечерноземной полосе рост населения шел медленнее, чем в Черноземной. В западной части Нечерноземья население выросло на 4,1 млн душ, в центральной части – на 2,3 млн, в северной и восточной частях – на 2,7 млн. Тогда как в западной части черноземной полосы за тот же период население возросло на 5,9 млн, в центральной части – на 5,5, в южной и восточной – на 6,1 млн душ[4]. Поэтому аграрное перенаселение в большей степени проявлялось в Черноземье.

---

[1] Кауфман А. А. Переселение : мечты и действительность. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. С. 3–4; Шкапский О. На рубеже переселенческого дела // Вопр. колонизации. 1907. № 1. С. 114–115.

[2] Бар Ф. Крестьянское общинное землевладение в аграрном и социально-политическом отношениях. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. С. 7–8, 27–30, 37; Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. IV–V; Он же. Община. Переселение. Статистика. М. : Изд-е Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. С. 163, 188–189, 245; Полторанин И. А. Аграрно-переселенческая концепция А. А. Кауфмана // Материалы X научной конференции профессорско-преподавательского состава. Усть-Каменогорск, 1969. С. 15–16.

[3] Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов : Электро-типо-литогр. Б. Л. Рабинович, 1914. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. С. 62–63.

[4] Огановский Н. П. Очерки по аграрному вопросу. Очерк 1 : малоземелье. Рост городов и сел. Переселенческое движение // Вестн. Европы. 1913. Кн. 9. С. 293–294.

Если проанализировать данные по губерниям выхода переселенцев за 1885–1909 гг., то выяснится, что для промышленных губерний страны переселение в Азиатскую Россию ни на одном временном отрезке этого периода не играло сколько-нибудь существенной роли – отмеченный район дал всего 2,2% переселенцев. Для восточных и юго-восточных губерний переселение тоже не имело большого значения – в 1885–1909 гг. этот район дал всего 9,2% переселенцев, примерно столько же переселенцев дали южно-степные губернии – 10,2%, еще меньше крестьян выселилось из юго-западных губерний – 7,1%. Тогда как для северной и средней части Черноземья переселение играло совсем иную роль: в указанный период из первых переселилось 30,1%, из вторых – 20,7%. Северо-Восточные и заволжские губернии в 1885–1889 гг. давали более 20% переселенцев, но в 1905–1909 гг. их место в общем потоке переселенцев снизилось до малозаметных показателей (2,7%). В промышленных губерниях за 1885–1909 гг. переселения не достигли даже и 5%[1].

Не одинаковое значение переселение имело и для отдельных губерний. Если за 1861–1902 гг. из Полтавской губернии выселилось вместе с нелегальными переселенцами не менее 70 000 семей (около 400 000 душ)[2], тогда как Ставропольская губерния принадлежала к числу многоземельных, и, по отзыву губернатора, имели место лишь редкие просьбы от крестьян о переселении[3]. Для примера рассмотрим сведения за 1906–1912 гг. об участии в переселенческом движении семейных крестьян из 8 губерний, входивших в земскую переселенческую организацию. Анализ погубернских и поуездных данных дает нам основание утверждать, что переселенческие потоки распределялись отнюдь не равномерно не только между губерниями, но и внутри губерний. Так, из Волынской губернии за указанный период переселилось 43 287 душ обоего пола, из Воронежской – 133 214 (т.е. почти в 3 раза больше), из Киевской – 148 157, а из Полтавской даже 198 459 душ. Еще большая неравномер-

---

[1] Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. С. 15.
[2] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 437. Л. 31.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 83. Л. 87.

ность по динамике выселений наблюдается внутри губерний. Статистика показывает, что в каждой губернии было 2–3 уезда, дававших наибольшее количество выселяющихся, тогда как другие уезды почти не принимали участие в переселенческом движении. В Саратовской губернии явными «лидерами» по количеству переселенцев были два уезда – Камышинский и Балашовский (12 715 и 11 588 переселившихся соответственно), тогда как из Царицынского уезда переселение исчислялось цифрой в 490 человек. В других губерниях картина аналогичная[1].

Примечательно, что и внутри уездов находились районы с интенсивным переселенческим движением, а были районы, откуда крестьяне почти не переселялись. Так, за время от X ревизии (1858 г.) до 1882 г. в некоторых волостях Раненбургского, Скопинского и Данковского уездов Рязанской губернии переселение вообще отсутствовало как явление, тогда как из других волостей выселялся значительный процент крестьян. В Раненбургском уезде из Колыбельской волости выселилось 21% крестьянских семей, из Путятинской – 16%, из Зенкинской и Головищенской – по 15%. То же и по Данковскому уезду: из Ивановской волости вообще никто не выселился, зато из Бигильдинской волости вышло на переселение 21% семей, из Долговской – 15%. Если же рассматривать не общеволостную статистику, а данные по отдельным общинам, то картина будет еще более показательная. В Раненбургском уезде насчитывалось 330 общин, но выходили на переселение крестьяне только из 143 общин, из 313 общин Данковского уезда крестьяне переселялись только из 100[2].

Эти статистические материалы показывают, что необходимость в переселении была неодинаковой не только в разных районах страны, но и даже в пределах одной губернии, уезда или волости. Внутри отдельных губерний и уездов переселенческое движение шло не сплошь, а отдельными гнездами,

[1] Новоселов П. М. Переселение в Сибирь из 8-ми губерний, входящих в состав Южно-Русской Областной Земской Переселенческой Организации. За 1906–1912 гг. Учет семейного переселения. Полтава : Бюро Ю.-О.Р.З.П. организации, 1913. Вып. 1. С. 13–14.

[2] Григорьев В. Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М. : Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, 1884. С. 17–20, 22.

захватывая единичные волости или даже села внутри волостей. Были районы (губернии, уезды, волости, общины), где переселения почти или совсем отсутствовали, тогда как в других районах количество переселяющихся превышало 20%, что уже трудно назвать паллиативом. Уход части крестьян на переселение не только способствовал уменьшению аграрного перенаселения за счет передачи своих наделов однообщественникам, но и уменьшал число арендаторов и батраков. Это, в свою очередь, приводило к снижению арендных цен. Чтобы такое снижение произошло, достаточно было выселить из волости 5–10% ее населения[1].

В краткосрочной перспективе переселения могли иметь положительный эффект для отдельно взятых районов. По подсчетам Полтавского губернского присутствия в 1903 г., переселение хотя бы ½ малоземельных домохозяев обеспечило бы спокойное развитие губернии на срок в 10–15 лет, необходимый для принятия мер по подъему благосостояния крестьянства через переход к более интенсивным системам полеводства[2]. Нам также близка позиция В.Г. Тюкавкина, считавшего, что массовые крестьянские переселения замедлили катастрофические для страны темпы роста малоземелья[3].

Конкретные факты доказывают, что после переселения значительного числа крестьян землепользование оставшихся могло заметно улучшаться. Земский начальник 5 участка Кирсановского уезда (Тамбовская губерния) в 1898 г. докладывал, что переселение все желающих приведет к тому, что земельный надел оставшихся превысит высший определенный для данной местности размер на душу[4]. В Тамбовской губернии после переселения крестьян в местах выхода земельная теснота стала менее ощутимой[5]. В Вятской

---

[1] Качоровский К. Крестьянское хозяйство и переселение. // Рус. мысль. Кн. 3. 1894. С. 28.
[2] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 473. Л. 4.
[3] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 253.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 83. Л. 200.
[5] Канищев В. В. Демографические и социально-экономические последствия переселения тамбовских крестьян на Алтай в 1880–1910-е гг. // Российское крестьянство : от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.) : сб. научных статей. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. Вып. 1. С. 86.

губернии (Котельнический уезд) были селения, где снимались с места и уходили на переселение вообще все жители до последнего человека[1]. Из Суражского уезда (Черниговская губерния) в 1907 г. ушло 60 человек на 1 000 жителей, что было в 3 раза больше естественного прироста[2]. При среднем по Харьковской губернии естественном приросте в 1,56% из Старобельского уезда в 1907 г. ушло на переселение 1,71%, т.е. переселение также превысило естественный прирост. В 1908 г. из Купянского и Изюмского уездов переселения тоже были выше естественного прироста[3]. Поэтому местное значение переселения, как фактора, снижающего аграрную перенаселенность, было достаточно важным явлением. Даже представители антиправительственного лагеря признали, что на время «разрежение» плотности крестьянского населения должно было произойти[4]. Разделяли это мнение и некоторые историки, считавшие Столыпинскую переселенческую политику в целом провалившейся[5].

Современные историки отмечают, что за счет массовых переселений удалось нейтрализовать негативное влияние роста населения, и расценивают это как положительный результат переселенческой политики[6].

Заметим, что теоретические споры о возможности или невозможности борьбы посредством переселений с аграрным перенаселением не имели никакого значения для самих крестьян, которые выходили на переселение именно по причине аграрной тесноты. В 1906–1910 гг. на переселение в абсолютном, подавляющем большинстве выходили именно малоземельные и безземельные крестьяне, и для них переселение было инструментом борьбы с земель-

---

[1] Дудоладов А. Очерк переселенческого в Сибирь движенияю // Зап. Зап.-Сиб. отд. имп. рус. геогр. об-ва. 1886. Кн. 8, вып. 1/2. С. 8–9.

[2] Огановский Н. П. Очерки по аграрному вопросу. Очерк 1 : малоземелье. Рост городов и сел. Переселенческое движение // Вестн. Европы. 1913. Кн. 9. С. 300.

[3] Переселение крестьян из Харьковской губернии. Харьков : Тип. «Печатное Дело», 1910. Вып. 3 : Переселение за 1904–1908 гг. по данным челябинской регистрации. С. 25–27.

[4] Ленин В. И. Значение переселенческого дела // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 103.

[5] Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 151.

[6] Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2009. С. 95–96.

ной теснотой. В региональных и центральных архивах сохранилось немало ходатайств крестьян о переселении в Сибирь, и свои просьбы они часто обосновывали «крайней нуждой» в землепользовании в губернии выхода[1]. Эта же причина называлась и многими современниками, тесно общавшимися с переселенцами[2]. Не скрывался этот факт и в записках и отчетах губернаторов[3]. Так, в 1906–1908 гг. среди переселенцев Черниговской губернии безземельные составляли 22,8%, имевшие до 3 десятин – 42,1%[4]. В целом из числа переселившихся за Урал в 1907–1911 гг. 24,5% (82 923 семьи) на родине земли не имели. Высоким был процент и малоземельных. Среди переселившихся в 1907–1911 гг. 130 718 семей (38,6%) имели 1–3 десятины надельной земли[5].

Очевидно, что само крестьянство использовало переселение, чтобы улучшить свое положение и восстановить хозяйство. Российское крестьянство было заинтересовано в расширении переселенческой политики, о чем свидетельствует последовательный рост крестьянский миграций за Урал в течение второй половины XIX в. Только за 1896–1905 гг. в Азиатскую Россию проследовало более 1 млн переселенцев, в 1906–1914 гг. – более 3 млн человек. При этом самовольные переселенцы, то есть те, кто ехал за свой счет, в 1906–1914 гг. составляли 43,9% (1 336 212 человек). Столь высокий процент самовольных переселений свидетельствует именно о желании крестьян переселиться[6].

В целом Столыпинская переселенческая политика была последовательным продолжением правительственного курса, намеченного еще во второй

---

[1] См., например: КГУ ГААК. Ф. Д-2. Оп. 1. Д. 9506. Л. 155; Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 907. Л. 58, 184, 185–185об.; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 2. Л. 85–85об, 111–112.

[2] См., например: Ядринцев Н. М. Судьба русских переселений за Урал // Отечеств. записки. 1879. № 6. Т. 264. С. 144. (Отд. 2).

[3] РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 6. Л. 14об.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221. Л. 15об.

[4] Деятельность Черниговского губернского земства по переселению за 1909 г. Чернигов : Тип. губ. земства, 1910. С. 163.

[5] Турчанинов Н. Земельное обеспечение переселенцев и ликвидация ими надельной земли на родине // Вопр. колонизации. 1913. № 12. С. 263.

[6] Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. С. 72–85; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг. : Изд. Переселен. упр., 1916. С. 72–81 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

половине XIX в. Фактически обозначенные в 1906 г. правительством задачи хотя и были актуальными для России, но были не новыми. Переселение как средство борьбы с аграрной теснотой использовалось задолго до Столыпинских реформ, колонизация тоже ранее применялась правительством для достижения внешнеполитических, геополитических и стратегических задач.

В соответствии с поставленными задачами правительство сняло ограничения на выдачу разрешений переселяться. Принято считать, что 1906 г. стал началом Столыпинской переселенческой политики. Фактически же вопрос о возобновлении массовых переселений был решен еще в декабре 1905 г., когда было решено вновь ввести льготный проезд переселенцев, имевших удостоверение о зачислении ими земель за Уралом, а также для тех, чьи семьи уже переселились ранее[1]. 10 марта 1906 г. вышли временные правила, дополнявшие закон 6 июня 1904 г., и именно реализация этих правил составила основу Столыпинских переселений. По правилам 1906 г. посылка ходоков для осмотра и зачисления земель в Азиатской России разрешалась беспрепятственно. Ходоки имели право на льготный железнодорожный проезд и беспрепятственное получение документов для такого проезда. При этом ГУЗиЗ оставляло за собой право прекратить выдавать ходокам документы на льготный или бесплатный проезд в местности, где обнаружится недостаток переселенческих участков[2].

Эти правила устанавливали полную свободу для желающих переселиться крестьян: получение ходаческих удостоверений больше не ставилось в зависимость от решений центральной или местной администрации, достаточно было желания самого крестьянина. При этом правительство не забывало и о рычагах для регулирования движения переселенцев, оставляло за собой право приостанавливать выдачу удостоверений для льготного проезда. Правительство учитывало опыт предыдущих лет, когда в отдельные годы количе-

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

[2] Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 22; Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 136–138.

ство переселенцев превышало возможности государства по их устройству на новых местах и для уменьшения численности переселяющихся использовались похожие методы.

Введение общедоступного порядка выдачи ходаческих свидетельств всем желающим безотносительно их экономического положения означало окончательный отказ от мысли об искусственном подборе переселенцев и предоставлении полной свободы переселяться всем желающим.

Разумеется, многие мероприятия Столыпинской переселенческой политики были подготовлены и осуществлены до того, как П.А. Столыпин стал председателем Совета министров. Так, до прихода Столыпина был решен вопрос о структурной перестройке и оптимизации переселенческих структур. 6 мая 1905 г. МЗиГИ было ликвидировано и создано Главное управление землеустройства и земледелия, составной частью которого стало Переселенческое управление[1]. 14 января 1906 г. главноуправляющим ГУЗиЗ был решен вопрос о вхождении в состав местных переселенческих организаций землеотводных и гидротехнических партий. Азиатская Россия была разделена на 10 переселенческих районов, в основном совпадавших с границами губерний или областей, за исключением Енисейско-Иркутского, объединявшего две губернии. Глава каждого переселенческого района должен был осуществлять общий контроль за процессом заготовки переселенческих участков, а также за строительством дорог в колонизуемых районах, ссудной и гидротехнической помощью новоселам. На заведующих районами возлагалась ответственность за успешный ход заселения районов. В их подчинение поступали чины землеотводных партий и гидротехнических отрядов, ранее входившие в состав иных структур. Каждый район структурно подразделялся на несколько подрайонов радиусом 75–100 верст, емкостью 5–7 тыс. душевых долей[2]. На железных дорогах было образовано 2 района передвижения: западный – от

[1] Об учреждении Комитета по земельным делам и о преобразовании Министерства Земледелия и Государственных Имуществ в Главное Управление Землеустройства и Земледелия // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1908. Т. 25. Отд. 1. № 26172.

[2] Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 28–30.

Европейской России до Иркутска, и восточный, включавший в себя район передвижения от Иркутска до Владивостока. В дальнейшем западный район стал включать все водные и железнодорожные пути от Челябинска до Новониколаевска, а восточный – от Новониколаевска до ст. Пограничная[1].

В состав губернских общих присутствий был включен заведующий переселенческим делом в губернии. В марте 1906 г. в компетенцию заведующего переселенческим делом были переданы: вопросы об устройстве законных и самовольных переселенцев на казенных и кабинетских землях, дела о переводворении переселенцев на другие участки и обратном перечислении их на родину. Также заведующий районом решал дела о бесплатном отпуске переселенцам леса, выдаче им дополнительных ссуд, свидетельств на проезд по льготному тарифу, дела о рассрочке и сложении недоимок и об устройстве переселенческих участков, вопросы о дорожных и гидротехнических сооружениях и церковно-школьном строительстве и имел право обращать запасные участки в переселенческие, решать вопросы о прирезках земель к переселенческим участкам, а также о подворном и хуторском размежевании. Одновременно на заведующего районом было возложено наблюдение за делопроизводством по переселенческим делам[2].

Эти факты свидетельствуют, что еще до назначения Столыпина председателем Совета министров была создана юридическая основа переселенческой политики и проведена реорганизация переселенческих структур. Но также не подлежит сомнению, что П.А. Столыпин не ограничивался только проведением курса, намеченного его предшественниками. Этот курс был им продолжен и расширен. 5 октября 1906 г. вышел Высочайший указ, отменивший некоторые ограничения в правах сельских обывателей: крестьяне получили право выбора места жительства и возможность свободно передвигаться[3].

---

[1] Сафронов С. А. Столыпинская аграрная реформа в Енисейской губернии (1906–1917 гг.) : автореф. дис. …. канд. ист. наук : 07.00.02. Иркутск, 1996. С. 17.

[2] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2701. Л. 24, 25об.

[3] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб. : Тип. Переселен. упр., 1909. С. 599–604.

Этот указ не только стимулировал массовые переселения, но и способствовал ликвидации сословного неполноправия крестьянства.

9 ноября 1906 г. вышел указ, разрешавший крестьянам в любое время требовать укрепления в собственность причитающуюся им землю[1]. Этот указ имел огромное значение в плане облегчения крестьянам выхода на переселение, давал возможность продавать надельные земли и использовать вырученные деньги на дорожные расходы и домообзаводство на новом месте. 19 сентября 1906 г. вышел указ о передаче казне для нужд переселения земель в Алтайском округе[2]. Этот указ фактически распространял правительственный курс массовых переселений на земли Кабинета.

К 1906 г. правительство имело значительный опыт по организации переселений и постаралось исправить некоторые недочеты, характерные для предшествующего периода. С 1906 г. значительно улучшилось информационное обеспечение переселенцев. Все врачебно-продовольственные пункты по пути следования переселенцев должны были снабжаться справочными материалами (картами, маршрутами, справочными книжками, списками участков, сведениями о количестве свободных долей и пр.). Снабжение этих пунктов перечисленными материалами и своевременное обновление последних составляло особую заботу заведующих районами. Для более успешной организации ходачества помощь крестьянам начали оказывать земства Европейской России. При Полтавской губернской земской управе действовало управление Южно-Русской областной земской переселенческой организации, куда входили земства Волынской, Воронежской, Киевской, Полтавской, Харьковской, Саратовской и Черниговской губерний. Эта организация располагала агентами на путях движения и в местах водворения переселенцев. Земства некоторых других губерний также имели своих агентов, содействовавших

---

[1] О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1. № 28528.

[2] О передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного Управления Землеустройства и Земледелия для образования переселенческих участков // ПСЗРИ. Соб-е 3-е. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1. № 28357.

устройству за Уралом крестьян. Было организовано сопровождение ходаческих партий земскими агентами[1].

К переселенческой деятельности были привлечены и уездные землеустроительные комиссии. В их компетенцию входили сбор сведений об имущественном положении переселявшихся и выяснение потребностей в мерах правительственного содействия переселению. В случаях, когда хозяйственное положение отдельных обществ вызывало необходимость в принятии особых мер со стороны правительства (бесплатный проезд, путевые пособия), комиссия направляла об этом соответствующие соображения губернаторам и далее – в Переселенческое управление. Кроме того, комиссии должны были распространять сведения об условиях переселения в Сибирь, а также содействовать переселенцам в вопросах продажи их имущества[2].

Таким образом, государством был осуществел комплекс практических мероприятий по улучшению организации и общей поставки переселенческого дела. Эти меры были нацелены на оптимизацию работы государственных структур по оказанию крестьянам практической помощи в пути и на местах водворения.

Теперь проанализируем динамику движения переселенцев за Урал в период Столыпинских переселений в контексте правительственной политики. Эта динамика представлена в таблице 2. Оговоримся, что данные официальной статистики не совсем точны. В этой статистике не учтены переселенцы, ехавшие в Сибирь с востока. В 1906 г. было приняло решение об устройстве бывших ссыльных с о. Сахалин на переселенческих участках во всех губерниях и областях Сибири и даже пользоваться наравне с переселенцами правительственной помощью для устройства своего хозяйства[3]. Также неточность официальной статистики является результатом того, что Переселенческое управление учитывало переселенцев только на двух основных пунктах – в

[1] Вощинин В. П. Переселение и землеустройство в Азиатской России : сборник законов и распоряжений. Пг. : Тип. Петроградской тюрьмы, 1915. С. 5, 35.
[2] Там же. С. 38–39.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–2об.

Челябинске и Сызрани. Шедшие по грунтовым дорогам и проезжавшие через ст. Кинель в официальную статистику не включались. Кроме того, некоторые крестьяне ехали в Сибирь по «дорогому» тарифу без переселенческих или ходаческих документов и тоже не попали в официальную статистику[1].

Отсутствие точных данных по прямым переселенцам означает, что и процентные данные по обратным переселенцам, фигурирующие в научной литературе, не отличаются достоверностью. Если в Сибирь некоторые крестьяне ехали по «дорогому» тарифу и не фиксировались службой регистрации, то обратные переселенцы практически всегда ехали по переселенческим документам и попадали в официальную статистику. В результате в официальной статистике численность прямых переселенцев оказалась меньше фактической, что увеличивает процентные показатели по обратным переселенцам. Кроме того, среди переселенцев и ходоков были люди, ехавшие с целью сезонной работы. Эти люди формально принадлежали к крестьянскому сословию и потому получали проходные переселенческие и ходаческие свидетельства для льготного проезда, что отмечалось многими современниками в начале XX в.[2] Такие «переселенцы» через год-два неизбежно возвращались обратно и за счет ехавших под видом переселенцев сезонных рабочих итоговые процентные показатели обратных переселенцев получились выше фактических.

Часть переселенцев (из числа следовавших на Дальний Восток) направлялась морем[3], а значит, не попала в данные челябинской регистрации. Но при обратном переселении по железной дороге такие переселенцы уже реги-

---

[1] Ноздрин Г. А. Материалы обследований переселенцев и переписи населения в Сибири в дооктябрьский период // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Новосибирск : Наука, 1988. С. 126.

[2] Введенский И. Переселение и аграрный вопрос // Вопр. колонизации. 1909. № 5. С. 67–68; Л. Ч. Невыгодность ходачества // Сиб. вопросы. 1908. № 2. С. 17.

[3] Макарчук С. В. Переселенческая политика П.А. Столыпина на Дальнем Востоке (1906–1910 гг.) // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения П. А. Столыпина. Омск : Омск. гос. ун-т, 1997. С. 184.

стрировались на челябинском пункте, что тоже повышало процентные показатели по обратным переселенцам.

Не было точного учета и самовольных переселенцев. Так как летом ежедневно на переселенческий пункт их приходило по 2 000–10 000 человек, то подсчеты делались «на глазок», по головам, по числу отпущенных обозов[1]. Многие семейные переселенцы приезжали по ходаческим свидетельствам, а остальных членов семьи везли за свой счет. 30% новоселов в первые 6 месяцев 1907 г. приехали именно так[2]. С учетом этого факта следует принять во внимание, что численность прямых переселенцев, фактически прибывших в Сибирь, должна быть подкорректирована в сторону увеличения. Одновременно процентные показатели по обратным переселенцам (и без того не очень большие) должны иметь тенденцию к уменьшению[3].

В целом комплекс правительственных мер по улучшению общей постановки переселенческого дела вкупе с введением полной свободы переселений должен был привести к подъему переселенческого движения. Этот подъем прогнозировался еще в 1905 г., когда не были опубликованы законодательные акты, нацеленные на поощрение и облегчение крестьянских переселений[4]. Как видно из таблицы 2, в 1906 г. в Азиатскую Россию отправилось более 130 000 переселенцев и 75 000 ходоков. В сравнении с предшествующими годами численность переселенцев была не самой большой – в 1896 и 1898–1900 гг. поток переселенцев был ощутимо больше, но по количеству ходоков 1906 г. заметно превзошел аналогичный показатель предшествующих лет. Фактически в переселенческом движени 1906 г. стал начальной точкой подъема, продолжавшегося до 1909 г.

Это увеличение некоторыми историками объяснялось лишь печатной пропагандой правительства, издаваемой справочной литературой, в которой

---

[1] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 225.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 4.
[3] Белянин Д. Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы // Рос. история. 2011. № 1. С. 88.
[4] ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 487. Л. 49.

рассказывалось об огромных запасах свободной земли в Сибири. И эти пропагандистские материалы будто бы «провоцировали крестьян на переселения»[1]. Радикально-либеральная оппозиция в начале XX в. также упрекала правительство в искусственном развитии переселенческого движения и излишней рекламе переселений[2].

Эта точка зрения нуждается в некотрой корректировке. Изучение и анализ справочной литературы не дают оснований считать, что она могла «спровоцировать» крестьян. К примеру, в справочной книжке за 1906 г. крестьянам объяснялось, что переселение дело нелегкое, в дорогах немало неудобств и лишений, многие переселенческие участки в безлюдных местностях, готовых участков для распашки мало и необходимы расчистка от леса, распашка твердой почвы из-под лесной гари или непаханой земли. Все это – на одной странице! Та же мысль о трудности возделывания сибирских почв, трудности проживания в Сибири и отсутствии сторонних заработков повторялась в этой книжке неоднократно[3]. Такая же информация содержалась и в справочном издании за 1907 г., где ходоки тоже предупреждались о трудностях переселения, неудобствах, лишениях и небольшом количестве готовых для распашки участков[4]. Эти справочные издания трудно считать пропагандой, поскольку содержащаяся в них информация о Сибири и условиях переселения была достаточно объективной. И представляется весьма сомнительным, что описания трудностей устройства в Сибири и нелегких сибирских условий могли спровоцировать крестьян на переселение. Заметим также, что попытка объяснить подъем переселенческого движения в 1906–1909 гг. лишь правительственной

---

[1] Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. С. 137.

[2] Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 85; Вощинин В. П. Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва : итоги и перспективы. СПб. : Скл. изд. при юрид. кн. скл. «Право», 1912. С. 17, 29.

[3] Справочная книжка о переселении за Урал в 1906 г. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. Вып. 30 : Сведения, необходимые знать каждому хозяину, задумавшему переселение в Сибирь, и каждому ходоку. С. 2, 11–12, 22–23.

[4] Справочная книжка о переселении за Урал в 1907 г. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. Вып. 36. С. 1.

пропагандой автоматически отрицает наличие объективных предпосылок массовых крестьянских переселений.

На наш взгляд, не подлежит сомнению, что само крестьянство проявляло заинтересованность в переселении за Урал. Это подтверждается не только увеличением численности переселенцев в рассматриваемый период, но и тем, что значительная часть переселенцев шла самовольно. Поэтому попытка объяснить рост переселенческого движения с 1906 г. лишь «пропагандистской литературой» представляется не совсем обоснованной. Наконец, система ходачества, усиленно внедрявшаяся правительством, предполагала, что переселяться должны только крестьяне, которые посетили Сибирь, ознакомились с местными условиями и зачислили за собой землю. Ходачество должно было способствовать тому, чтобы переселение стало для крестьян продуманным и взвешенным поступком.

Подъем переселенческого движения в 1906–1909 гг. не имел аналогов за предшествующий период и может быть объяснен несколькими причинами. В.Г. Тюкавкин объяснил подъем потока переселенцев в 1906–1909 гг. и последующий спад циклами в развитии капиталистического производства[1]. Авторы обобщающего исследования «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» подъем переселенческого движения в 1906–1909 гг. объяснили официальным разрешением переселений, ликвидацией иллюзий крестьянства на захват помещичьих земель, а также политикой разрушения общины[2].

Связь между выходом крестьян из общины в отдельных губерниях и ростом переселений из этих же губерний очевидна. Начальник Переселенческого управления в 1908 г. рост движения переселенцев из Витебской губернии объяснил быстро идущим развитием разделов на отруба и хутора. Крестьяне после размежевания продавали свои наделы и искали приложения своему труду[3]. Указ 9 ноября, разрешавший крестьянам закреплять землю в соб-

[1] Тюкавкин В. Г. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX в. // Ученые записки Иркутского государственного педагогического университета. 1961. Вып. 18. С. 27.
[2] Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983. С. 231–232.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 661. Л. 61.

ственность и продавать ее, начал реализовываться в конце 1906 г., поэтому свой эффект в плане стимулирования переселений мог дать не раньше весны 1907 г. Этим и объясняется столь значительное увеличение количества переселяющихся в 1907–1909 гг. по сравнению с 1906 г.

Неурожаи также очень сильно влияли на подъемы и спады переселенческого движения. Фактически подъем переселенческого движения в 1906 г. совпал с неурожаем, исключительным по размерам охваченной площади – пострадало 49 губерний и областей. В 1907 г. сплошного неурожая, охватившего губернии целиком, не было, но отдельные уезды или части уездов пострадали от неурожая в 37 губерниях. В 1908 г. помощь ввиду неурожаев оказывалась крестьянам 22 губерний и местностей Европейской России[1]. Либерально-оппозиционные публицисты также связывали рост переселений с неудовлетворительным сбором хлебов в Европейской России и слухами о хорошем урожае в Сибири[2].

Заметим также, что в годы, предшествовавшие Столыпинским переселениям, в связи с Русско-японской войной движение переселенцев было сведено к минимуму ввиду огромного потока военных грузов, направлявшихся на Дальний Восток. Уже 29 января 1904 г. министр внутренних дел Плеве информировал губернаторов о приостановлении переселенческого движения и об отмене действия льготного переселенческого тарифа на проезд по железной дороге за Урал[3]. Это ограничение сдерживало движение переселенцев и создало своеобразную плотину, накопившийся потенциал которой нашел выход в 1906–1909 гг. При этом некоторым чиновникам было понятно, что отмена ограничений приведет к росту переселенческого движения[4].

На наш взгляд, еще одной причиной, способствовавшей подъему переселенческого движения, была практика массового устройства самовольных

---

[1] Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1909. Ч. 1 : Продовольственное дело в прошлом и настоящем. С. 312, 535–536, 571–583, 589.
[2] Хроника // Сиб. вопросы. 1908. № 23. С. 89.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
[4] ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 487. Л. 49.

переселенцев в Сибири в старожильческих селениях. Положением от 26 апреля 1906 г. крестьяне и мещане, самовольно переселившиеся в Змеиногорский и Кузнецкий уезды Алтайского округа, подлежали причислению по местам их водворения[1]. Причисление носило принудительный для старожильческих обществ характер. Если в наделах обществ не хватало земель для причисления всех непричисленных, то Управлением округа решался вопрос о дополнительных прирезках за счет смежных кабинетских земель. В архивах сохранилось немало документов, свидетельствующих о выполнении этого распоряжения[2]. Причем администрация округа даже требовала от крестьянских начальников ускорить этот процесс[3]. С 1906 г. ускорился процесс землеустройства в старожильческих селениях, и это объясняет, почему в 1907–1910 гг. выросло число переселяющихся именно на Алтай. Если в 1896–1906 гг. на кабинетские земли Томской губернии направилось 22,3% от общего движения (252 911 переселенцев), то в 1907–1909 гг. этот показатель вырос до 33,4% (558 810 человек)[4]. Значительная часть переселяющихся шла на Алтай совершенно осознанно, с четким видением главной цели – устроиться в старожильческих селениях в процессе землеустройства.

Документы свидетельствуют, что прибывавшие по паспортам переселенцы могли свободно устраиваться и на переселенческих участках. К примеру, переселенец из Черниговской губернии М. Моргунов прибыл по паспорту в Томскую губернию и обратился с просьбой о причислении его на переселенческий участок Полуямок. Главное управление Алтайского округа не имело к этому никаких препятствий, и 21 сентября 1906 г. Моргунов получил разрешение поселиться на этом участке[5]. Широко распространенными были

---

[1] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 года). СПб. : Тип. Переселен. упр., 1909. С. 52.

[2] См.: КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2777. Л. 67–72, 76–77, 89–93; Д. 2778. Л. 4, 6, 8, 9, 10, 12, 15, 16, 17, 18, 25; Д. 2279. Л. 37–37об., 40–59, 129–129об.; Д. 2785. Л. 2–15, 17–20, 57–60, 206, 213–214, 301–313.

[3] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2806. Л. 8.

[4] Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. С. 54, 62–63 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[5] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2215. Л. 603–603об., 605–605об.

и случаи, когда переселенцы самовольно селились на понравившихся им землях, из которых потом нарезались переселенческие участки. Все это способствовало тому, что в общем потоке переселенцев в 1906–1910 гг. доля самовольных была очень высока.

Таким образом, на рост переселенческого движения в 1906–1909 гг. оказал влияние целый комплекс факторов. Выделить какой-то один из них в качестве ведущего не представляется возможным. Однако не вызывает сомнений, что в глазах крестьян переселение воспринималось как возможность восстановить свою хозяйственную состоятельность. Поэтому политика свободных переселений объективно отвечала интересам крестьян. Желание крестьян участвовать в переселенческом движении было настолько велико, что численность переселяющихся в 1907 г. значительно превысила не только правительственные расчеты, но и возможности их устройства на переселенческих участках. Этот факт либерально-оппозиционная пресса поставила правительству в вину, а наиболее критично настроенные публицисты поспешили объявить о «крахе» правительственной переселенческой политики[1].

Разумеется, заявление о «крахе» только начавшейся политики массовых крестьянских переселений было политически ангажированным, но в правительстве понимали, что ситуация требует скорейшего разрешения. Понимали это и некоторые чиновники на местах. Так, начальник Сибирской железной дороги предложил начать регулировать переселенческое движение через прекращение выдачи свидетельств на льготный проезд[2]. Такие же призывы к урегулированию переселенческого движения звучали и от оппозиционно настроенных политиков и публицистов. Причем некоторые из этих либералов-оппозиционеров советовали правительству широко задействовать командно-административный ресурс. Были даже предложения административным путем направлять переселенцев туда, где в них было больше потребности[3].

---

[1] L. Чиновничья логика // Сиб. вопросы. 1907. № 27. С. 2–3.

[2] Начальник Сибирской железной дороги о положении переселенцев // Сиб. вопросы. 1907. № 27. С. 26–28.

[3] Катунский С. Желательная будущность неземледельческих окраин Сибири // Сиб. вопросы. 1908. № 35. С. 6.

Вопрос о регулировании переселенческого движения был поставлен также губернаторами и заведующими переселенческими районами, так как для всех получивших проходные свидетельства без предварительного зачисления земли переселенцев и ходоков просто не было необходимого количества душевых долей[1].

В целом кампания 1907 г. выявила существенные недочеты в организации переселенческого процесса. С 1908 г. правительство попыталось эти недочеты исправить. Была ведена очередность проезда переселенцев, ходоки и переселенцы с 1908 г. ехали отдельно: весной и в начале лета – переселенцы, с 1 августа – ходоки. Это позволяло ликвидировать перегруженность железных дорог. Ходоки прибывали в Сибирь в конце сельскохозяйственного периода, имели возможность оценить качество урожая, кроме того, к их услугам был запас только что заготовленных душевых долей[2].

Для предотвращения перегрузки железных дорог была введена очередность перевозки переселенцев. Перевозка переселенцев осуществлялась в весенний период с 10 марта по 15 мая. Были введены 4 очереди, каждая из которых состояла из двух недель. Переселенцы из конкретных губерний должны были следовать в строго отведенную для их губернии очередь. При распределении очередей Переселенческое управление руководствовалось естественными условиями сибирских регионов (сроки посевов, время открытия навигации по рекам и т.п.), хозяйственным положением крестьян в губерниях выхода, а также пропускной способностью железных дорог. С 15 мая была установлена 5-я очередь для тех, кто не воспользовался предыдущими очередями. Прежние бессрочные свидетельства на льготный проезд заменялись срочными, действительными только в свою очередь[3].

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 4, 5–5об, 6об., 7–8об.; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 137.

[2] Куртеев-2-й К. Последние меры для упорядочения переселенческого движения // Сиб. вопросы. 1908. № 23. С. 11.

[3] РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 300. Л. 97–98об.

Массовый наплыв ходоков и переселенцев заставил правительство уже в 1907 г. отойти от практики бесконтрольных переселений и вернуться к регулированию переселенческого движения. 10 мая 1907 г. ГУЗиЗ распорядилось, чтобы земства в Европейской России прекратили выдавать свидетельства для ходоков[1]. Поскольку поток переселенцев и ходоков не ослабевал, а заготовленных участков для всех не хватало, то 5 июля 1907 г. главноуправляющий выступил с инициативой не выдавать ходаческие свидетельства, пока не будет заготовлено достаточное количество душевых долей, а допускать лишь отправку групповых партий ходоков с 15 августа 1907 г. Эти предложения были одобрены 13 июля 1907 г. Советом министров[2]. Образованное при ГУЗиЗ Совещание с участием представителей губернских крестьянских учреждений в ноябре 1907 г. пришло к заключению о необходимости запретить льготное ходачество в Азиатскую Россию до 15 июля 1908 г. ввиду недостатка земельного фонда для переселенцев[3].

Эти ограничения противоречили заявленной цели – борьбе с аграрным перенаселением. Фактически правительство вернулось к практике регулирования переселенческого движения, характерной для 1890-х гг. Эти меры регулирующего характера рассматривались в правительстве как временные, от которых в будущем планировалось отказаться[4].

В 1908 г. ожидался большой поток переселенцев, что прогнозировалось некоторыми чиновниками еще в конце 1907 г.[5] В качестве превентивной меры в марте 1908 г. глава ГУЗиЗ получил право прекращать выдачу льготных проездных документов для переселенцев и ходоков, причем это касалось не

---

[1] Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 137.

[2] Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина : учеб. пособие : сборник документов и материалов. М. : Изд-во МГУ, 1973. С. 193–199.

[3] Журнал образованного при Главном Управлении Землеустройства и Земледелия Совещания, с участием представителей губернских крестьянских учреждений, по вопросам, касающимся переселения // Вопр. колонизации. 1908. № 2. С. 445–492.

[4] Тюкавкин В. Г. Организация переселений крестьян в Восточную Сибирь в 1906–1910 гг. // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. 1958. Вып. 16. С. 126.

[5] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 46об.

только районов, где была нехватка переселенческих участков, но и любых других[1]. Это постановление вышло как циркуляр 14 марта 1908 г. ГУЗиЗ обратилось к землеустроительным комиссиям, крестьянским учреждениям с настойчивой просьбой объяснить крестьянам, что льготная отправка ходоков временно невозможна. Фактически формирование ходаческих партий было отложено до осени[2].

В качестве регулирующего инструмента правительство с весны 1908 г. перешло к распределению квот колонизационного фонда между губерниями выхода переселенцев. Отчасти к такому решению пришли спонтанно, поскольку землеустроительные и земские учреждения повсеместно стали обращаться в Переселенческое управление с просьбами о предоставлении для выходцев из их местностей необходимого количества душевых долей[3]. В начале каждого года при Губернских землеустроительных комиссиях созывались совещания для наиболее целесообразного распределения между отдельными уездами назначенных на каждую губернию переселенческих долей. При распределении последних землеустроительные учреждения стремились удовлетворить 2 основных требования: чтобы переселенцы попадали в привычные климатические условия и чтобы переселенцы из одного района имели возможность оседать в Сибири сплоченными поселками[4].

Практика разверстания колонизационного фонда между губерниями Европейской России имела как положительные, так и отрицательные стороны. Положительным представляется стремление поставить переселение под государственный контроль и привести в соответствие количество переселяющихся с размерами колонизационного фонда. Это должно было предотвратить или снизить безрезультатное ходачество, а также свести к минимуму появление новых непричисленных переселенцев. Недостатком было то, что вы-

---

[1] О порядке переселения за Урал в 1908 году // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1908. Т. 28. Отд. 1. № 30152.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 734. Л. 24–24об., 28; Ф. 1291. Оп. 54. Д. 47а. Л. 132–132об.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 734. Л. 125.
[4] Обзор деятельности землеустроительных комиссий со времени их открытия по 1 января 1911 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. С. 57.

деляемые для губерний квоты совершенно не соответствовали фактическим потребностям желавших переселиться крестьян. К примеру, в 1908 г. групповым ходокам из Витебской губернии было предоставлено 5 463 душевые доли, из Смоленской – 1 925. А по данным начальника Переселенческого управления, запросы со стороны желающих переселиться в этих губерниях были чуть ли не в 10 раз больше[1].

Существенным недостатком было и то, что предназначенные для выходцев из определенной губернии участки, если они не были востребованы, не могли потом передаваться выходцам из других губерний. В 1910 г. в Акмолинской области из 20 690 душевых долей, разверстанных для ходоков разных губерний, 8 492 доли не были зачислены за неявкой ходоков, еще от 1 839 долей ходоки отказались[2]. В случае отказа ходоков от предложенных душевых долей эти доли нельзя было передать ходокам из других губерний. Практика разверстания колонизационного фонда между губерниями выхода вела к появлению не зачисленного фонда и одновременно препятствовала передаче этого же фонда переселенцам и ходокам из других губерний, которые эти участки желали бы взять.

В качестве еще одного регулирующего инструмента правительство попыталось использовать справочную литературу для ходоков и переселенцев. Фактически в этой литературе 1908–1910 гг. издатели не столько поясняли общие правила переезда в Сибирь, сколько пытались *отговорить* крестьян от переселений, описывая различные трудности. В тех же изданиях неизменно присутствовала фраза: «Правительство никого не приглашает на переселение»[3]. Эти официальные издания для ходоков и переселенцев имели целью сократить численность переселяющихся.

Попытка правительства регулировать переселенческое движение административными методами имела одно неприятное последствие – рост само-

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 661. Л. 60.
[2] Обзор Акмолинской области за 1910 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1911. С. 20.
[3] Переселение за Урал в 1908 году. Справочная книжка с картою заселяемых переселенцами местностей и железных дорог Азиатской России. СПб. : Тип. «Слово», 1908. Вып. 41. С. 1–9; Переселение за Урал в 1910 г. СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1910. С. 3.

вольных переселений. Если в 1907 г. через Челябинск и Сызрань 80,2% переселенцев прошли по проходным свидетельствам, то в 1908 г. этот показатель снизился до 52,7% и почти не изменился в 1909 г. – 52,9%. Для сравнения: в 1913 и 1914 гг., когда была вновь введена свобода ходачества, доля крестьян, ехавших по проходным свидетельствам, поднялась до 65,6 и 69,2% соответственно[1]. В основном за счет движения самовольных в 1908–1909 гг. численность переселенцев и ходоков, прошедших за Урал, была очень высокой.

Заметим, что стремление правительства сократить переселенческое движение касалось лишь Западной Сибири. Применительно к Восточной Сибири и особенно Дальнему Востоку сохранялась задача максимально возможного их заселения. В 1910 г. вышло несколько циркуляров, которые продолжали политику поощрения переселений в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, что было особенно показательно на фоне попыток ограничить ходачество в Западную Сибирь и Степной край. Так, циркуляром Переселенческого управления, определявшим характер переселенческой политики на 1910 г., выдача свидетельств на бесплатный проезд для переселенцев в прямом направлении помимо льготников разрешалась только следующим на Дальний Восток. Циркуляр 16 февраля 1910 г. разрешал для всех желающих ходачество в Енисейскую и Иркутскую губернии и области Дальнего Востока. Причем эти ходоки должны были получать особые ходаческие свидетельства, не действительные в Западной Сибири и Степном крае[2].

В 1910–1911 гг. наступил временный спад переселенческого движения. Этот спад, сопровождавшийся одновременным увеличением количества обратных переселенцев, дал основание многим исследователям утверждать, что переселенческая политика в 1910–1911 гг. потерпела «крах», «провал» и т.п.[3] Однако следует заметить, что лавинообразные подъемы и такие же обвальные падения переселенческого движения на рубеже XIX–XX вв. имели

[1] Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. С. 80, 82, 84; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг. : Изд. Переселен. упр., 1916. С. 78, 80 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 7. Л. 1а, 15–15об., 25об.

место неоднократно. За 1885–1895 гг. можно выделить несколько скачкообразных изменений в динамике переселенческого движения. В 1885–1887 гг. отмечалась тенденция постепенного роста переселенческого движения (с 9 542 до 14 089 человек), затем произошло резкое увеличение в 1888 г. до 25 735 человек. Далее в 1889–1890 гг. опять тенденция постепенного роста до 32 787 человек, а затем опять последовал скачкообразный подъем более чем в 2 раза до 64 248 переселенцев в 1891 г. и 75 102 в 1892 г. Достигнув пика в 1892 г., в переселенческом движении начинается лавинообразный спад: в 1893 г. в Азиатскую Россию проследовало 54 607 человек, в 1894 г. – 55 196, а в 1895 г. – лишь 16 233 переселенца[1]. Таким образом, за 1893–1895 гг. численность переселяющихся снизилась в 4,6 раза. Такие же резкие колебания отмечались и в 1896–1903 гг. (см. таблицу 2).

Таким образом, динамика переселенческого движения за 1885–1914 гг. представлена чередой внезапных подъемов и лавинообразных спадов. Спад 1910–1911 гг. был очередным в числе подобных. Поэтому связывать один из таких очередных спадов с «разочарованием» крестьян или с «крахом» правительственной политики нет оснований. Обратим внимание, что даже в 1911 г. численность проследовавших в Сибирь крестьян все же была выше, чем в 1906 г.

Современные исследователи спад переселенческого движения в 1910–1911 гг. объясняют правительственными ограничениями, в частности отменой свободы ходачества[2]. Следует заметить, что нет точного совпадения по

---

[3] См.: Виноградов В. Итоги и перспективы (заметки по переселенческому делу) // Сиб. вопросы. 1910. № 4. С. 19; Ленин В. И. Значение переселенческого дела // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 103–104; Соловьева Е. И. Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1956. С. 11 и др.

[1] Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и на других пунктах) в 1885–1895 гг. Тюмень : Тип. Л. К. Высоцкой, 1899. Вып. 1. С. 352–353 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[2] Захарова Н. В. Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Воронеж, 2004. С. 13; Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинскаяаграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 251.

хронологии между ограничительными циркулярами и фактическим сокращением переселенческого движения. Циркуляры выходили в 1907–1908 гг., а спад имел место в 1910–1911 гг. Поэтому нами ранее высказывалось мнение, что правительственные ограничения в 1907–1908 гг. не сыграли своей роли[1], по крайней мере, в 1907–1908 гг. Вместе с тем можно предположить, что между выходом циркуляров и достижением ожидаемого эффекта был небольшой временной отрезок.

Другой причиной, повлиявшей на сокращение численности переселенцев и ходоков в 1911 г., было решение о предоставлении части колонизационного фонда самовольным переселенцам, приехавшим ранее в Сибирь без предварительной посылки ходоков. В частности, решением главноуправляющего весь имевшийся на начало августа 1910 г. фонд в Томской губернии был передан для самовольных переселенцев[2]. В 1911 г. распоряжением Переселенческого управления значительная часть колонизационного фонда была оставлена для самовольных переселенцев. Специальный циркуляр ГУЗиЗ требовал от всех заведующих переселенческим делом в Тобольском, Томском, Акмолинском, Тургайско-Уральском, Семипалатинском и Семиреченском районах выделить в первую очередь фонд, необходимый для водворения временно проживавших переселенцев. Также для водворения самовольных переселенцев были предоставлены все оставшиеся неиспользованными переселенческие участки. В наиболее привлекательных для переселенцев Томском, Акмолинском, Семипалатинском и Семиреченском районах из заготовленных 203 356 душевых долей для зачисления за ходоками было оставлено лишь 71 535 долей (35,2%)[3].

Заметим, что данные по Томскому району несколько разнятся. По одним данным, в Томском районе на 1911 г. для ходоков было предоставлено 20 000 душевых долей[4], по другим – для ходоков планировалось предоста-

[1] Белянин Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Кемерово, 2003. С. 129.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 93. Л. 7–8.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 10. Л. 46–46об., 49.
[4] КГУ ГААК. Ф. Д-194. Оп. 1. Д. 4. Л. 4об.

вить лишь 3 000 долей[1]. Однако эта нестыковка не меняет общей картины – большая часть колонизационного фонда Томской губернии в 1911 г. была предоставлена именно для непричисленных самовольных переселенцев. Это означало, что для ходоков из Европейской России и будущих переселенцев был оставлен лишь относительно небольшой фонд. Это не могло не сказаться на уменьшении количества прямых переселенцев в Сибирь.

В качестве еще одной причины сокращения движения прямых переселенцев можно назвать эпидемию чумы, занесенную в Сибирь с Дальнего Востока, а также холеры, свирепствовавшей в 1910–1911 гг.[2]

Все спады в переселенческом движении в 1885–1914 гг. имели временный характер, укладывались в относительно короткие временные отрезки 2–3 года. После каждого спада непременно наступал новый подъем в движении крестьян за Урал. Поэтому основная причина, вызывавшая эти спады, должна носить временный характер. На наш взгляд, такой причиной были неурожаи, периодически охватывавшие те губернии и области Сибири, где оседало большинство переселенцев. Эта причина неоднократно называлась в источниках[3] и научной литературе[4]. Когда Сибирь охватывали сильные неурожаи, численность прямых переселенцев снижалась, а обратных возрастала. Так, в начале XX в. во многих районах Западной Сибири тоже был отмечен сильный неурожай, одновременно с которым последовали всплеск движения обратных переселенцев и сокращение прямых переселений. Если в 1899 г. в Сибирь прошло 170 136 переселенцев и 53 073 ходока, то в 1902 г. количество прошедших в Сибирь снизилось в 2 раза до 81 921 переселенца и 29 009 ходоков. Доля обратных переселенцев в 1898–1899 гг. составляла 12,3–12,5%, в 1900 г. поднялась до 25,6, а в 1901 г. – даже до 37,4% (см. таблицу 2). Неурожай в Западной Сибири в 1910–1911 гг. был очень значительным по масштабам, а в Тобольской губернии вообще стал самым сильным за 20 лет. Сборы

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 47. Л. 3–3об. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[2] Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск : Сова, 2005. С. 103.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 180. Л. 10об.
[4] Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 391.

основных сельскохозяйственных культур в этой губернии в 1911 г. не только не покрыли нормальные потребности населения в продовольствии, но даже не вернули семена. В среднем в губернии высевалось до 14 млн пудов зерна и корнеплодов, недобор составил свыше 2 млн пудов[1]. В Томской губернии на оказание помощи пострадавшему от неурожая населению правительство выделило 236 810,68 рубля[2].

Переселенческое управление распорядилось оповестить ходоков и переселенцев, что в Тобольской губернии в 1911 г. недород, а потому крестьянам предпочтительнее переселяться в следующем, 1912 г.[3] Фактически, как только стали ясны масштабы неурожая в Западной Сибири (а это произошло в июне 1911 г.), были приняты меры к предупреждению наплыва новых переселенцев в Сибирь. Губернская администрация и земские начальники Европейской России были оповещены о неурожае и должны были распространять эти сведения среди крестьян, «всемерно склоняя намеревающихся двинуться в Сибирь» к отсрочке до следующего года[4]. Не будет преувеличением утверждать, что распространение этой информации также стало одной из причин резкого снижения численности прямых переселенцев в 1911 г.

Неурожай 1910–1911 гг. в Западной Сибири объясняет не только спад прямого движения переселенцев, но и рост обратых переселений в эти годы. Как видно из анализа динамики обратных переселений из Сибири в 1906–1909 гг. доля обратных переселений была невелика, в 1910–1911 гг. обратное переселение достигает своего пика (36,3 и 61,3%), а в 1912–1914 гг. резко снижается: если в 1911 г. обратных переселенцев было 61,3%, то в 1912 г. – 28,5, в 1913 г. – уже 18,9, а в 1914 г. – всего 11,4%. Отсюда следует, что увеличение доли обратных переселенцев в 1910–1911 гг. – не тенденция, а *временное, преходящее явление*. Фактически резкое обвальное снижение обратных переселений произошло уже в 1912 г., когда неурожай в Западной Сибири

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-348. Оп. 1. Д. 47а. Л. 94–94об.
[2] Обзор Томской губернии за 1911 год. Томск : Тип. губ. упр., 1912. С. 9.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 10. Л. 125.
[4] Общие итоги переселенческой кампании 1911 г. // Вопр. колонизации. 1912. № 10. С. 379.

прекратился. Если принять в качестве главного индикатора не проценты, а абсолютные показатели, то та же тенденция будет видна еще более отчетливо. В 1911 г. численность возвращающихся из Сибири крестьян составила 116 308 душ, но уже в 1912 г. это число сократилось более чем вдвое и достигло 57 319 душ. В 1913–1914 гг. произошло дальнейшее сокращение обратных переселенцев сначала до 45 478, а затем до 27 594 души. Это падение численности обратных мигрантов более чем в 4 раза в фундаментальных научных трудах отечественных историков не только не комментируется, но даже как тенденция явно не обозначается. Между тем абсолютные показатели по численности обратных в 1913–1914 гг. уже вполне сопоставимы с показателями 1907–1908 гг. В 1908 г. вернулись из Сибири 45 102 души (почти столько, сколько в 1913 г.), а в 1907 г. – 27 195 душ. Последняя цифра практически идентична данным за 1914 г.

Нельзя не упомянуть, что основной контингент обратных переселенцев давали самовольные переселенцы, приезжавшие в Сибирь без предварительной посылки ходоков. Для таких крестьян переселение носило характер авантюры, так как они не имели за собой заранее зачисленных земель и ехали иногда наудачу. Например, в 1906–1909 гг. из 1 368 972 человек, прошедших в Акмолинскую область, Тобольскую, Томскую и Енисейскую губернии, 615 242 (44,9%) шли по паспортам, самовольно[1]. Когда реальность оказывалась иной, чем рисовали слухи, переселенцы возвращались обратно. Именно такие самовольные переселенцы, прошедшие в Сибирь без проходных свидетельств, и дали основной контингент возвращающихся обратно. Так, в 1910–1911 гг. общее количество обратных переселенцев составило 231 201, из которых 125 943 (54,5%) прошли ранее в Сибирь по паспортам[2]. Факт, что абсо-

[1] Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. С. 48, 54–57 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[2] Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг. : Изд. Переселен. упр., 1916. С. 72–75 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

лютное большинство обратных переселенцев давали именно самовольные переселенцы, подтверждается и другими источниками[1].

Государство предостерегало крестьян от самовольных переселений всеми доступными способами. В 1908 г. ГУЗиЗ обратилось к землеустроительным комиссиям и крестьянским учреждениям с просьбой разъяснять крестьянам об опасности переселений семьями без предварительного зачисления земли[2]. В справочных книжках для ходоков в 1910 г. в предупреждение самовольного переселения и ходачества подчеркивалось, что переселенческие участки в Тобольской и Томской губерниях распределены между губерниями выхода без остатка[3]. И в дальнейшем правительство также регулярно напоминало крестьянам об опасностях самовольных переселений в районы, где почти нет свободных переселенческих участков[4].

Несмотря на эти предупреждения, значительная часть крестьян самовольно, часто наудачу и без оформления необходимых документов, иногда под влиянием каких-то слухов ехала в Сибирь. Многие из самовольных оседали в старожильческих селениях на правах непричисленных с рассчетом водвориться при землеустройстве. В неурожайные 1910–1911 гг. единственным выходом для многих таких самовольных переселенцев стало обратное возвращение.

Не следует также сбрасывать со счетов и контингент переселенцев. Отнюдь не все переселенцы в 1906–1914 гг. были готовы к трудностям, которые их ожидали. Некоторое представление об этом дает сравнение Столыпинских переселенцев и переселенцев прошлых лет, сделанное П. Демьяновой. В 1880–1890-х гг. переселенцы на Дальний Восток из Европейской России шли долго, в среднем 3 года, а бывали случаи, что в пути люди проводили и 10

---

[1] См., например: Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 6; Обзор Томской губернии за 1910 г. Томск : Тип. губ. упр., 1912. С. 44; ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 57. Л. 1аоб; РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 300. Л. 130–130об. и др.

[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 604. Л. 112.

[3] Переселение за Урал в 1910 г. СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1910. С. 6.

[4] Переселение за Урал в 1911 г. Краткая справочная книжка. СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1911. С. 6; Переселение за Урал в 1914 г. СПб. : Тип. Акц. общ. «Слово», 1914. С. 2.

лет. Добраться за 2 года считалось дойти быстро. Это были «исполины твердой воли», представлявшие себе масштабы связанных с переселением трудностей и готовые эти трудности преодолевать. Столыпинские переселенцы от них значительно отличались в худшую сторону. Часто это были люди, лишенные инициативы, шедшие без одушевления[1].

На то, что не все переселенцы одинаково готовы преодолевать трудности указывали многие современники. А.С. Ермолов в 1896 г. отмечал, что худшим элементом для колонизации являлись выходцы из некоторых центральных губерний России, особенно туляки, рязанцы, орловцы и пензенцы. Последние считались хуже всех: они подолгу жили, кто в шалаше, кто в избе у старожила, подолгу не заводили запашки, а когда принимались за хозяйство, то совершенно не считались с необходимостью применяться к местным естественным и хозяйственным условиям. Пензенцы при этом отличались особой притязательностью, и число обратных среди них в 1895 г. достигло 20%, тогда как общий процент обратных переселенцев не превысил 10%. Значительный процент обратных был и среди орловцев, в том числе среди тех, что были переселены со значительными пожертвованиями со стороны казны[2]. Посетивший Сибирь в середине 1890-х гг. Куломзин тоже отмечал, что большинство выходцев из Пензенской губернии на сибирском земельном просторе теряются. Объяснялось это тем, что у себя на родине пензенцы или не имели хозяйства или имели в крайне малых размерах[3].

Очевидно, что все переселенцы обладали разным адаптационным потенциалом. И для крестьян, плохо готовых к адаптации на новом месте, к тяжелому труду в суровых сибирских условиях любая временная неудача или стихийное бедствие, как, например, неурожай 1910–1911 гг., могли стать катализатором обратного переселения.

---

[1] Демьянова П. К колонизационным вопросам Дальнего Востока // Сиб. вопросы. 1912. № 13. С. 20–22.

[2] Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1899. С. 22–23.

[3] Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб. : Гос. тип., 1896. С. 4.

Правительство на снижение численности прямых переселенцев отреагировало достаточно спокойно, не считая, что переселенческая политика вообще переживает какой-то кризис. Г.В. Глинка в 1910 г. отметил, что сокращение переселенческого движения почти не отразилось на численности водворенных. Далее этот чиновник заметил, что если прямое движение сократится и в 1911 г. (что в реальности и произошло), то такое сокращение мало повлияет на количество переселенцев, которых реально можно устроить[1]. П.А. Столыпин снижение численности прямых переселенцев в 1910 г. охарактеризовал как временную передышку, чтобы устроить в Сибири ранее самовольно прибывших переселенцев[2].

После завершения неурожайного двухлетия (1910–1911 гг.) не только снизилась доля обратных переселенцев из Сибири, но и произошел новый подъем прямого движения переселенцев в Сибирь. Причем увеличение численности переселяющихся за Урал после 1911 г. происходило на фоне хороших урожаев в Европейской России. В 1912 г. в 50 губерниям Европейской России был зафиксирован урожай, превышавший средние показатели 1901–1910 гг. на 16,5%, а урожай 1913 г. вообще был исключительным, превысив средние показатели на 24,4%[3]. Поэтому нельзя утверждать, что подъем переселенческого движения в 1912–1914 гг. был вызван стихийными бедствиями (неурожаем, голодом и т.п.) в Европейской России. Рост переселенческого движения не был вынужденным для крестьян. Очевидно, что переселения в их глазах по-прежнему были возможностью для восстановления своей хозяйственной состоятельности.

Тенденция роста прямых переселенцев в Сибирь была стабильно устойчивой и имела место вплоть до начала мировой войны. Так, в 1913 г. в Сибирь прошло на 23% переселенцев и ходоков больше, чем в 1912 г., а в

---

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3006. Л. 178–178об.

[2] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 6.

[3] Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг. : [б.и.], 1917. С. 10–17, 20–21, 32–33 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

1914 г. численность ходоков и переселенцев осталось на том же уровне, что и в 1913 г., но при этом в 1914 г. переселенцы и ходоки свободно могли переехать в Сибирь фактически только в первое полугодие. Во втором полугодии в связи с мобилизацией и официальным объявлением о прекращении переселений переселенческое и ходаческое движение почти прекратилось.

В нашем распоряжении имеются документы, позволяющие предполагать, что при «нормальных» мирных условиях движение крестьян в Сибирь в 1914 г. могло бы превысить показатели 1913 г. В ноябре 1913 г. глава МВД Маклаков затребовал у губернаторов сведения о крестьянах, планировавших переселиться в 1914 г. и зачисливших за собой землю за Уралом. По присланным из 18 губерний данным, предполагали выехать 52 040 человек, что превышало аналогичный показатель по тем же губерниям за 1913 г., когда намерение выселиться высказывали лишь 35 063 человека[1]. Эти данные позволяют предположить, что в 1914 г. переселенческое движение вполне могло превзойти по численности переселенцев показатели 1913 г.

Таким образом, спад прямого и рост обратного движения переселенцев в 1910–1911 гг. носили временный характер. В 1912–1914 гг. последовал новый подъем прямого движения в Сибирь при одновременном снижении обратных переселений. Эти данные свидетельствуют, что крестьяне совсем не были разочарованы в Столыпинской переселенческой политике и часть из них по-прежнему воспринимала переселение как возможность поднять собственное благосостояние, восстановить хозяйство. Тенденция роста численности переселяющихся в Сибирь в 1912–1914 гг. показывает, что крестьянство Европейской России по-прежнему было заинтересовано в проведении переселенческой политики.

Временный спад в движении переселенцев совпал с разработкой в правительстве нового курса в отношении колонизации восточных окраин. Этот курс во многом стал результатом личной поездки в 1910 г. П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина в Сибирь. В ходе этой поездки они преодолели свыше 800

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 355. Л. 43–58.

верст на пароходах и лошадях, посетив плодородные районы Алтая, пострадавшие от засухи степи Павлодарского уезда, труднодоступную Мариинскую тайгу и губернский центр Томск. П.А. Столыпин встречался и лично беседовал с переселенцами, расспрашивал их об условиях жизни и нуждах, о местных урожаях, способах возделывания почвы и получил вполне основательное представление о Сибири[1].

По итогам рабочей поездки Столыпин составил «Записку», где намечал новые задачи и направления переселенческой политики. Выдающийся российский реформатор затронул вопросы развития в Сибири системы местного управления, строительства железных дорог, отметил возможность появления в регионе земств. Также он отметил большой экономический потенциал Сибири, связанный с появлением новых деревень, освоением миллионов пустовавших десятин земли и увеличением посевных площадей. Последнее в некоторых губерниях превосходило даже темпы прироста населения. По подсчетам Столыпина, Западная Сибирь и Степной край могли уже в ближайшей перспективе иметь значительные излишки производимой аграрной продукции (хлеба и масла), которым необходимо было дать выход на внешние рынки. Проанализировав конъюнктуру мирового хлебного рынка, П.А. Столыпин признал, что сложились благоприятные условия для увеличения российского экспорта за счет продажи сибирской пшеницы. Для продажи хлеба из степных районов были предложены проекты постройки железных дорог[2]. В целом планы П.А. Столыпина можно расценивать как вполне реалистичный перспективный национальный проект, имевший целью превратить Сибирь в развитый сельскохозяйственный регион.

---

[1] Пантелеев В. И. Столыпин ехал по Сибири: исторические очерки и заметки. Красноярск : Красноярский писатель, 2003. С. 20–21; Фоминых С. Ф. П. А. Столыпин в Томске // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2012. № 1. С. 19–24; Шиловский М. В. Аграрная реформа П. А. Столыпина и Сибирь. К 100-летию указа от 9 ноября 1906 г. // Гуманитар. науки в Сибири. 2006. № 2. С. 4.

[2] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 82–83, 93–94, 98, 104, 106, 111–113.

Важнейшим инструментом реализации этого проекта было дальнейшее развитие переселенческой политики. Переселение перестало восприниматься средством борьбы с аграрным перенаселением в Европейской России, оно стало главной движущей силой прилива рабочей силы, способствовавшей развитию в Сибири хозяйственной и культурной жизни. П.А. Столыпин отметил, что приоритетным становится колонизационное значение переселений для Сибири[1]. Был провозглашен лозунг, подхваченный правительственной печатью: «Заселение важнее переселения»[2]. В результате переселения перестали иметь подчиненное значение и стали пониматься как совершенно самодостаточное, самостоятельное направление государственной политики. Очевидно, что поездка по Сибири, ехидно названная в либеральной и радикальной прессе «буффонадной», многое дала П.А. Столыпину в плане расстановки приоритетов в переселенческой политике. Сибирь перестала быть в глазах Столыпина только «пустыней», куда можно было выселять миллионы крестьян для ликвидации малоземелья в Европейской России.

Таким образом, основной задачей переселенческой политики в период 1911–1914 гг. стала колонизация Сибири, ее освоение и развитие. Многие историки, считавшие в целом Столыпинскую переселенческую политику провалившейся, признавали значимость и перспективность намеченных правительством колонизационных мероприятий[3]. Современные историки неоднократно отмечали, что предложения П.А. Столыпина не были до конца реализованы в связи с начавшейся мировой войной[4]. Это замечание справедливое. Но также справедливо и то, что П.А. Столыпин выбрал перспективный путь развития

---

[1] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 1, 3, 114–125.

[2] Островский И. В. П. А. Столыпин и его время. Новосибирск : Наука, 1992. С. 100.

[3] См., например: Анфимов А. М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность : ежегодник, 1996. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 87; Островский И. В. П. А. Столыпин и его время. Новосибирск : Наука, 1992. С. 100.

[4] Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. С. 19; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века : фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск : Сова, 2005. С. 108.

Сибири, учел ее потенциал и правильно наметил практические шаги по реализации этого потенциала в общенациональных интересах.

Отличительной чертой этапа 1911–1914 гг. стало использование экономических рычагов для регулирования движения переселенцев. П.А. Столыпин считал правильным сделать более выгодным переселение в тех местностях, куда желательно привлечь переселенцев, чем в тех районах, откуда необходимо оттянуть часть переселенческого потока. Для управления переселенческими потоками Столыпин предлагал расширить систему льгот переселяющимся в приграничные и трудно заселяемые местности, а в лучших местностях Западной Сибири, переполненных переселенцами, перейти от даровой раздачи земель к ее продаже. Эта мера должна была способствовать перераспределению переселенческого движения[1].

Использование непрямых и неадминистративных методов регулирования переселенческими потоками с элементами свободного переселения вызвало нарекания со стороны оппозиционно настроенных сил, которые выступали за расширенное использование административного ресурса, а иногда и за прямое принуждение. Так, депутат-трудовик А.И. Шило предложил запретить беднякам переселяться и начать принудительно переселять зажиточных, чтобы они занялись разработкой природных богатств[2]. В более обтекаемой форме ту же мысль высказал представитель черниговского губернского земского собрания А.А. Свечин[3]. Фактически эти предложения перекликались с идеями, реализовывашимися в 1890-х гг., когда косударство вводило имущественный ценз для переселенцев.

Ошибочность предложений А.И. Шило и А.А. Свечина очевидна сразу по двум причинам. Во-первых, принудительно заставить людей с капиталом

---

[1] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 16–18.

[2] Барсуков В. Л. Сибирская парламентская группа и переселенческий вопрос // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск, 1980. Вып. 1. С. 85.

[3] Свечин А. А. Отчет о командировке в Сибирь для ознакомления с постановкой переселенческого дела Гласного Черниговского губернского земского собрания. СПб. : Тип. Ц. Крайце, 1910. С. 34.

разрабатывать природные богатства нельзя. Чтобы человек с капиталом стал колонизатором, он должен быть в этом материально заинтересован, а принуждение состоятельных (т.е. финансово независимых) людей в стране с преимущественно рыночной экономикой является неэффективным. Кроме того, такое принудительное переселение было нарушением юридических норм и законов Российской империи, в частности указа 5 октября 1906 г., по которому крестьяне получили право выбора места для проживания. Во-вторых, и Свечин, и сибирские депутаты допускали ошибку, абсолютизируя фактор денежных средств с точки зрения его значения для колонизации. Само по себе наличие денег еще не делало человека хорошим колонистом и не гарантировало успехов колонизации. Не менее значимыми условиями для достижения успехов в деле освоения новых земель являлись многосемейность (наличие большого количества рабочих рук в семье) и мотивированное желание самого крестьянина участвовать в колонизационном процессе, его трудолюбие и упорство в преодолении трудностей адаптации на новом месте.

В правительстве ясно понимали, что любые искусственные меры подбора переселенцев по какому бы то ни было принципу невозможны. По этому поводу однозначно высказался А.В. Кривошеин, считавший неприемлемыми всякие попытки планомерного выселения в Сибирь организованных переселенческих отрядов из местностей, где почему-либо разрежение населения является делом государственным. Такие приемы Кривошеин считал опасными, поскольку люди идут в Сибирь устраивать новую жизнь, и направлять их искусственно не туда, куда их тянет, – значит брать на себя слишком большую ответственность[1]. Позиция А.В. Кривошеина по этому вопросу отличалась последовательностью: еще в 1899 г. он выступал против введения мер административного запрещения ходачества, считал, что они не дадут положительного эффекта, а приведут к увеличению самовольного движения[2].

---

[1] Вощинин В. П. Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва. СПб. : Скл. изд. при юрид. кн. скл. «Право», 1912. С. 39.

[2] Отчет по командировке помощника начальника Переселенческого управления министра внутренних дел Кривошеина. СПб. : [б.и.], 1899. С. 21–22.

С А.В. Кривошеиным был солидарен П.А. Столыпин, высказавший практически ту же мысль в известной «Записке». Близкое знакомство с переселенческим делом на местах и общение с переселенцами дало Столыпину значительно больше в понимании сути переселенческого дела, чем изучение сухой статистики из казенных отчетов. Фактически он не только отказался от попыток расширить административные рычаги управления переселенческим процессом, но и признал уже используемые государством методы регламентации неэффективными. Так, он признал, что система организованного ходачества и практика разверстки колонизационного фонда между губерниями выхода переселенцев была стройной только в теории, а на практике имела отрицательный результат. Если раньше при свободном ходачестве заготовленные участки в итоге разбирались, то теперь участки, будучи выделенными для ходоков строго определенных губерний, выходцами из других губерний заниматься уже не могли. Появилось такое явление, как «неиспользованный фонд». Другим последствием организованного ходачества стала невозможность устраивать на пустующих участках самовольных переселенцев. Искаженной оказалась сама идея ходачества – поиск подходящей земли. Ходок оказался привязан к заранее назначенным ему районам. П.А. Столыпин признал систему организованного ходачества непрактичной и пришел к выводу, что ее не улучшить, что она тяготит крестьян и должна быть отменена, необходимо восстановить свободу ходаческого движения.

По выражению Столыпина, люди шли на переселение не для того, чтобы послужить оплотом государственности на окраинах и не для облегчения аграрного вопроса в стране. Их цель – выгоднее устроиться на новом месте, помочь им в достижении этой цели и есть лучший способ обеспечения всех государственных интересов. Любые попытки овладеть переселенческим процессом, подчинить его руководящей воле государства и нарушить тем самым хозяйственные расчеты переселяющихся Столыпин считал обреченными на неудачу. Он выступил за отказ от искусственных и насильственных мер управления переселением, считая, что свободное течение переселенческого

движения за Урал – это лучшее средство достижения успехов в деле колонизации окраин. Выступая за отмену системы организованного ходачества, П.А. Столыпин предвидел вероятную возможность скопления масс переселенцев в пути, что имело место в 1907 г. Но, видя перед собой магистральную цель – лучше обеспечить устройство переселенцев на месте, он считал возможным пренебречь временными неудобствами при их перевозке[1].

Предложение П.А. Столыпина о восстановлении свободы ходачества было выполнено – 4 марта 1911 г. положением Совета министров полная свобода ходачества была восстановлена, а предварительное распределение переселенческого фонда между губерниями выхода прекращено[2]. В августе 1912 г. ГУЗиЗ подтвердило право посылать ходоков для всех крестьянских обществ и отдельных крестьянских или мещанских семей. Ходокам предоставлялся льготный проезд в избранные местности и обратно. В целях устранения затруднений в получении надлежащих документов для ходоков 12 июля 1912 г. было утверждено положение о порядке переселения за Урал. Теперь ходаческие свидетельства должны были выдаваться всем крестьянам беспрепятственно как по месту причисления, так и по месту временного проживания[3].

Не была забыта и другая стратегически важная цель – увеличение населения Восточной Сибири и Дальнего Востока. Для решения этой цели правительство также предпочло использовать меры неадминистративного характера. Одной из таких мер стал закон 5 июля 1912 г., по которому переселенцы, водворявшиеся в местностях, заселение которых признавалось необходимым по государственным соображениям, часть домообзаводственной ссуды (не более ½) получали в безвозвратное пособие[4]. Другой мерой стало предоставление непричисленным переселенцам, проживавшим в Западной Сибири земель и льготного проезда в восточном направлении. Об этом свидетель-

---

[1] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 13–17, 19–20.
[2] Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. С. 49.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5. Л. 15; Д. 8. Л. 222.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5. Л. 115–115об.

ствует письмо заведующего землеустройством и переселенческим делом в Тобольской губернии от 26 июня 1912 г., где он напоминал о беспрепятственной выдаче ходаческих свидетельств и тарифных удостоверений на проезд для проживавших в губернии неустроенных переселенцев. Делалось это ввиду установленной правительством настоятельной нужды Дальнего Востока и Восточной Сибири «в приливе русских людей»[1].

Анализируя общую организацию переселений, П.А. Столыпин был достаточно критичен в ее оценке. Он не скрывал факт существования сотен тысяч непричисленных самовольных переселенцев, признав, что это признак неправильной постановки переселенческого дела[2]. За 1906–1910 гг. в Томскую, Тобольскую губернии и Акмолинскую область прибыло 646 805 человек без проходных свидетельств[3]. В отечественной историографии, особенно советского периода, наличие непричисленных переселенцев было одним из аргументов общего вывода о «крахе» переселенческой политики. Отдельные исследователи даже приравнивали непричисленных переселенцев чуть ли не к бродягам[4]. При этом в тени оставались мероприятия правительства по устройству непричисленных.

На наш взгляд, непричисленных переселенцев следует разделять на две категории. Первые селились на кабинетских землях в качестве арендаторов, образовывали особые арендаторские поселки. Такие переселенцы могли жить в статусе «непричисленных» десятилетиями. Неустойчивость их юридического положения (Кабинет теоретически мог не продлить арендный договор на следующий срок) отчасти компенсировалась тем, что арендаторы уплачи-

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 8. Л. 166.

[2] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 71.

[3] Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. С. 48, 54, 56; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг. : Изд. Переселен. упр., 1916. С. 48, 54, 56 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[4] Алферов М. С. Крестьянство Сибири в 1917 г. Новосибирск : Кн. изд-во, 1958. С. 9–10; Анфимов А. М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность : ежегодник, 1996. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 87 и др.

вали лишь арендную плату в пользу Кабинета, но не несли земских повинностей, так как не были причислены казенной палатой.

Вторые стремились устроиться в старожильческих селениях в качестве полетовщиков и ожидали, либо когда накопится необходимая сумма на приемный приговор, либо когда их причислят в порядке землеустройства. Крестьян не останавливало даже то, что со стороны старожилов они подвергались разнообразным поборам. Примеры таких поборов и жалоб со стороны переселенцев многократно описаны в трудах сибирских историков[1] и часто встречаются в архивных документах[2].

П.А. Столыпин скептически оценивал возможность устройства непричисленных переселенцев, так как на место водворившихся неизбежно должны были прийти другие: за первое полугодие 1910 г. было устроено или вернулось обратно в Европейскую Россию 50 000 неустроенных, а на их место явилось 49 000[3]. Но в дальнейшем самовольные переселенцы были объявлены наиболее ценным элементом для колонизации[4] и был взят курс на их устройство. Этот курс был продолжением политики 1870–1900-х гг., когда сибирская администрация регулярно давала официальное причисление десяткам тысяч самовольных переселенцев.

Широко практиковалось причисление в старожильческие селения в ходе землеустройства. Этот процесс начался еще до Столыпинских переселений[5], но наибольший размах (ввиду ускорения самого процесса землеустрой-

---

[1] См., например: Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск : Наука, 1967. С. 289; Минжуренко А. В. Непричисленные переселенцы Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1978. С. 55; Тютькин В. И. Социально-экономическое и правовое положение неприписанных переселенцев на Алтае в 1907–1914 гг. // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул: [б.и.], 1977. С. 74 и др.

[2] КГУ ГААК. Ф. Д-178. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–5; Ф. Д-4. Оп. 1 Д. 2939. Л. 287–287об.; Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 889. Л. 1–1об.; Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 99.

[3] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 71.

[4] Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 229.

[5] ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 272. Л. 375–375об.

ства) получил в 1906–1914 гг. В архивах сохранился массив документов, свидетельствующих о массовом причислении «полетовщиков» к старожильческим селениям в результате землеустройства[1]. В итоге за 1899–1915 гг. на Алтае было наделено землей 198 105 д.м.п. непричисленных переселенцев[2]. По оценке В.Г. Тюкавкина, переселенцы, получившие землю в ходе землеустройства, выгадали по сравнению с остальными, так как получили земли в более благодатном краю[3]. Если учесть высокое качество алтайских земель, то с этим мнением трудно не согласиться.

Хотя и в 1906–1910 гг. представители местной администрации немало делали для устройства непричисленных переселенцев[4], но в 1911–1913 гг. их устройство составляло особую заботу как центральных, так и местных властей[5]. Так, в 1911 г. зав. землеустройством и переселением в Тобольской губернии выступил с инициативой о разрешении самовольным переселенцам, ходатайствовавшим о зачислении их на лесных участках, водворяться наравне с ходоками. Это предложение было одобрено[6]. В 1912 г. также выходили циркуляры, которые предписывали местным властям озаботиться безотлагательным устройством прибывших по паспортам переселенцев[7].

Был взят курс на выделение значительной части колонизационного фонда для устройства непричисленных переселенцев. Уже в 1911 г. в районах

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 25. Л. 71; Оп. 1. Д. 61. Л. 5–6, 17–17об.; КГУ ГААК. Ф. Д-128. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–1об.; Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2530. Л. 2–2об., 9–9об., 18–22, 31–42, 47–47об., 82–84, 87–98, 134–134об., 177.

[2] Обзор деятельности Округа за пятилетие (1911–1915 гг.). Барнаул : Тип. упр. Алт. округа, 1916. С. 38.

[3] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 244.

[4] См.: ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 446а. Л. 148–148об.; Ф. И-335. Оп. 1. Д. 604. Л. 6, 112–112об.; Д. 614. Л. 52–52об.; Ф. И-580. Оп. 1. Д. 7. Л. 114; КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2777. Л. 2–4об., 9–10; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 734. Л. 104об.; Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 76 и др.

[5] См.: Белянин Д.Н. Мероприятия правительства по устройству «непричисленных» переселенцев Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2011. № 4. С. 7–9; ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 47. Л. 3об.; ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 622. Л. 1а об.–2, 7;

[6] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 10. Л. 66.

[7] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 8. Л. 112–112об., 192.

наибольшей концентрации непричисленных переселенцев (Томском, Акмолинском, Семиреченском) для их устройства была выделена 97 241 душевая доля, или 51,5% от общего количества заготовленных долей. Примечательно, что для зачисления за ходоками, которые должны были прибыть в 1911 г., было выделено в этих же районах лишь 66 529 долей из 188 943, или 35,2%[1]. Эти данные показывают, что правительство считало более важным устроить уже прибывших в Западную Сибирь крестьян, чем предоставить землю тем, кто еще только планировал переселиться.

Полностью устроить непричисленных переселенцев не удалось; как свидетельствуют архивные документы, даже в 1918–1919 гг. такие переселенцы все еще подавали прошения о наделении их землей[2]. Причиной этого во многом было их упорное нежелание покидать облюбованные районы и местности, что неоднократно отмечалось современниками[3].

Намеченный П.А. Столыпиным новый курс был подтвержден расширением финансирования мероприятий, связанных именно с колонизацией. В 1911–1915 гг. значительно выросли объемы ассигнований на развитие инфраструктуры заселяемых районов и на обустройство новоселов (см. таблицы 8 и 9). В 1906–1910 гг. 59,9% кредитов были выделены на 3 назначения: землеотводное дело, путевые и домообзаводственные ссуды. При этом на гидротехнические работы было выделено всего 5,7% от общего бюджета за тот же период, ссуды на общеполезные надобности составили лишь 3,5%. Ссуды на внутринадельное межевание стали выделяться только с 1908 г. и в размерах абсолютно мизерных, ссуды на агрономические мероприятия в 1906 и 1910 гг. не выделялись совершенно, а на ветеринарную помощь новоселам в 1906–1910 гг. вообще не было выделено ни одного рубля.

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 10. Л. 49 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-67. Оп. 1. Д. 19. Л. 131.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 622. Л. 2.

Таблица 8 – Ассигнование кредитов на переселенческое дело в Сибири в 1906–1910 гг. (тыс. руб.)[1]

Предназначение кредита	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1906–1910 гг.
Содержание центральных учреждений	86	86	112	122	114	520
Учреждения, заведующие движением и водворением	145	235	375	540	610	1 905
Землеотводное дело	886	1 890	2 605	2 976	3 687	12 044
Исследование новых колонизационных районов	–	–	110	400	378	888
Дорожное дело	638	1 600	1 909	2 512	2 543	9 202
Гидротехническое дело	461	680	919	1 336	1 411	4 807
Агрономическое дело	–	183	200	200	–	583
Поземельное устройство	–	–	518	547	648	1 713
Домообзаводственные ссуды	1 530	5 511	9 250	10 725	10 723	37 739
Ссуды на общеполезные надобности	250	380	745	745	855	2 975
Путевые ссуды	50	75	149	250	251	775
Ссуды на внутринадельное межевание	–	–	250	50	100	400
Раскорчевка леса на таежных переселенческих участках	–	–	–	–	–	–
Врачебно-продовольственная помощь	780	1 324	1 738	2 390	3 256	9 488
Ветеринарная помощь	–	–	–	–	–	–
Статистико-экономическое исследование	–	64	105	152	193	514
Прочие надобности	111	120	171	153	157	712
Итого	4 937	12 148	19 156	23 098	24 926	84 265

Во многом такое узконаправленное финансирование в 1906–1910 гг. было связано с тем, что Сибири отводилась подчиненная роль «пустыни», призванной поглотить излишек населения из Европейской России. При постоянно растущих крестьянских миграциях Переселенческое управление вынуждено было форсировать самые простые мероприятия по перевозке и водворению переселенцев – отвод участков и выдачу ссуд в дороге и на первоначальное устройство. Поэтому переселенческие структуры акцентировали внимание на организации передвижения переселенцев, их водворении, формировании колонизационного фонда и оборудовании переселенческих участков простейшими гидротехническими сооружениями[2].

[1] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1918. Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. С. 4–5 (обобщенные данные за 1906–1910 гг. подсчитаны мной – *Д.Б.*).

[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 19–20.

Таблица 9 – Ассигнование кредитов на переселенческое дело в Сибири в 1911–1915 гг. (тыс. руб.)[3]

Предназначение кредита	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1911–1915 гг.
Содержание центральных учреждений	114	134	134	163	144	689
Учреждения, заведующие движением и водворением	768	908	924	1 167	1 195	4 962
Землеотводное дело	3 846	2 980	2 552	3 012	2 967	15 357
Исследование новых колонизационных районов	241	436	340	247	111	1 375
Дорожное дело	3 557	4 958	4 758	4 559	4 342	22 174
Гидротехническое дело	1 571	2 345	1 794	1 820	1 985	9 515
Агрономическое дело	156	313	–	–	–	469
Поземельное устройство	982	982	982	966	966	4 878
Домообзаводственные ссуды	10 302	6 411	7 600	9 526	7 661	41 500
Ссуды на общеполезные надобности	800	1 300	1 676	982	1 223	5 981
Путевые ссуды	251	251	101	101	76	780
Ссуды на внутринадельное межевание	200	700	1 000	825	715	3 440
Раскорчевка леса на таежных переселенческих участках	–	160	160	186	186	692
Врачебно-продовольственная помощь	3 870	4 647	4 958	5 235	5 222	23 932
Ветеринарная помощь	–	86	86	126	126	424
Статистико-экономическое исследование	246	295	228	223	200	1 192
Прочие надобности	194	208	228	249	209	1 088
Итого	27 098	27 114	27 521	29 387	27 328	138 448

В 1911–1914 гг. ситуация с финансированием основных направлений переселенческого дела заметно изменилась в лучшую сторону. Хотя общее количество прошедших за Урал в 1911–1914 гг. переселенцев было меньше, чем в 1906–1914 гг., но ассигнования на ключевые направления переселенческого дела, напротив, заметно выросли. Эта тенденция неоднократно отмечалась современными сибирскими историками[2]. Подобное несоответствие объясняется тем, что кредиты в 1911–1914 гг. были нацелены на развитие социальной инфраструктуры в уже возникших ранее переселенческих поселках и являлись своеобразной компенсацией за недостаточное финансирование указанных нужд в течение 1906–1910 гг.

[3] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1918. Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. С. 4–5 (обобщенные данные за 1911–1915 гг. подсчитаны мной – *Д.Б.*).

[2] Карпинец А. Ю. Система государственного кредитования переселенческой политики в Западную Сибирь в начале XX в. (на примере Томской губернии) // Проблемы истории управления Сибирью конца XVI – начала XX века. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. С. 70–71; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века : фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск : Сова, 2005. С. 103.

Как видно из таблицы 9, ассигнования на землеотводное дело, домообзаводственные и путевые ссуды в 1911–1915 гг. увеличились абсолютно (в рублях), но относительно сократились до 41,6%. Ассигнования на гидротехнические работы выросли не только абсолютно, но и относительно – до 6,9%. Более чем в 2 раза выросли масштабы ссуд на общеполезные надобности, предназначенные в основном для церковно-школьного строительства: в 1906–1910 гг. на эти нужды было ассигновано 2 975 000 рублей, а в 1911–1915 гг. – 5 981 000, увеличившись в процентном отношении до 4,3%. Еще более значительным был относительный рост кредитования на дорожно-строительные работы – с 10,9% (9 202 000 рублей) в 1906–1910 гг. до 16% (22 174 000 рублей) в 1911–1915 гг. Значительный рост ассигнований можно отметить по врачебно-продовольственной помощи – с 11,3 до 17,3%.

Подобный рост кредитования в абсолютном и относительном выражениях осуществлялся в рамках предложений П.А. Столыпина по расширению колонизационных мероприятий – по подготовке колонизационного фонда: осушению заболоченных земель, строительству дорог, колодцев и иных гидротехнических сооружений, школ, церквей, больниц для переселенцев. В планах П.А. Столыпина было также расширение продовольственной помощи переселенцам в неурожайные годы[1].

Таким образом, постановка Столыпиным новых задач в 1910 г. привела к значительному перераспределению кредитов. Приоритетными направлениями стали мероприятия колонизационного характера, нацеленные на формирование в осваиваемых районах социальной инфраструктуры. Перераспределение финансирования было прямо связано с задачей колонизации и освоения Сибири российским крестьянством. Магистральной целью стало превращение Сибирского региона в один из основных сельскохозяйственных районов страны, а расширение государственного финансирования представляло собой капитальные вложения в экономику и инфрастуктуру Сибири. Выработанный

[1] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 33–34, 36–37, 39, 44–45, 50–54.

П.А. Столыпиным новый курс правительства, по сути, представлял собой один из первых национальных проектов в России в XX в.

Намеченный Столыпиным новый курс начал выполняться, но в полном объеме не был реализован из-за начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны. После начала боевых действий правительство рапорядилось приостановить выдачу ходаческих удостоверений[1]. Часть ходоков была вынуждена отказаться от осмотра земельных участков ввиду мобилизации, а часть из них даже вернулись из Сибири уже в составе воинских частей. Вместе с тем полного прекращения переселенческого и ходаческого движения не произошло – после начала войны за Урал прошло около 13 000 ходоков и переселенцев. При этом численность водворенных на переселенческих участках за последние 5 месяцев 1914 г. в сравнении с аналогичным периодом 1913 г. даже возросла. Это произошло благодаря устройству самовольных переселенцев, прибывших в предшествующие годы и проживавших в ранге непричисленных[2].

В 1915–1916 гг. переселенческое движение тоже имело место, хотя и в очень сокращенных, по сравнению с мирным периодом, размерах. В 1915 г. за Урал проследовал 27 651 человек переселенцев и 534 ходока[3], в 1916 г. через Омск в Сибирь – 1 291 переселенец и 15 ходоков, при этом обратное движение в том же году составило 1 506 переселенцев и 66 ходоков[4]. Таким образом, начало Первой мировой войны стимулировало обратное переселение. Часть новоселов из числа непрочно устроившихся или вообще не устроившихся в Сибири предпочли вернуться на родину.

Несмотря на общее сокращение переселенческого движения, переселенческие организации в 1914–1916 гг. продолжали выполнять свои прямые обязанности по водворению и обустройству переселенцев. Так, в 1915 г. в Иркутской губернии была водворена 531 семья (1 366 д.м.п.), за первые 10 месяцев 1916 г. – 232 семьи (562 д.м.п.). В Томской губернии за 11 месяцев

[1] Северный хозяин. 1914. № 19.
[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. Пг. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1914. С. VI–VII, 9.
[3] Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. Пг. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1916. С. 2.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 109. Л. 75об., 80.

1916 г. было водворено в поселковых участках 771 семья (1 800 душ), на единоличных – 47 семей (124 души), причислено к старожилам 100 семей. В Тобольской губернии за тот же период 1916 г. на поселенных участках водворилось 353 семьи (945 человек), на единоличных – 83 семьи[1].

Намеченный П.А. Столыпиным новый курс переселенческой политики подвергся существенной корректировке: в связи с возросшими военными расходами финансирование колонизационных мероприятий было сокращено. Уже во второй половине 1914 г. бюджетные ассигнования на основные колонизационные мероприятия подверглись сокращению более чем на 2 млн рублей[2]. В последующие годы минфин и госконтроль стремились максимально сокращать сметные предположения местных переселенческих организаций. Так, вместо просимых Томской переселенческой организацией на 1915 г. 8 368 768,41 рублей было рекомендовано ограничиться 5 149 834,25 рублями[3]. Серьезным сокращениям должна была подвергнуться смета Переселенческого управления на 1917 г. Министр финансов П.Л. Барок и государственный контролер Н.Н. Покровский разработали специальную инструкцию, которой надлежало придерживаться ведомствам при составлении сметы. При составлении инструкции министр финансов и государственный контролер исходили из того, что война продолжится в течение всего 1917 г., поэтому предполагалось максимально возможно сократить все расходы. Полному ограничению должны были подвергнуться кредиты на строительство, расходы на ремонт предполагалось ограничить лишь крайне необходимыми, всемерно должны были быть сокращены ассигнования на переселение и землеустройство[4].

В итоге колонизационные мероприятия, составлявшие основу намеченного П.А. Столыпиным курса, хотя и продолжали финансироваться, но в значительно сокращенных объемах.

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 109. Л. 11, 38–40, 87.
[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. Пг. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1914. С. V.
[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 714. Л. 15об.–19, 24об.
[4] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 785. Л. 2–2об.

Общим итогом правительственной переселенческой политики в 1906–1916 гг. стал не только количественный рост переселенческого движения, но и сокращение обратного переселения. За десятилетие 1896–1905 гг. численность прямых переселенцев была почти в 3 раза ниже, чем в 1906–1915 гг. Доля обратных переселенцев в годы Столыпинских переселений была несколько меньше, чем в предшествующее десятилетие (17,4% против 20,9%). Эти данные позволяют утверждать, что Столыпинская переселенческая политика нашла больший отклик со стороны крестьянства и была лучше организована, чем в предшествующий период.

Не подлежит сомнению, что абсолютное большинство переселенцев остались на новых местах. Если в 1906 г. в Томской губернии проживало 2,4 млн человек, то в 1911 г. уже 3,8, а в 1914 г. – более 4,1 млн человек[1]. Причем, по данным современных исследователей в сфере исторической демографии, именно переселения, а не естественный прирост, стали преобладающим фактором прироста населения Сибири на рубеже XIX–XX вв. При общем увеличении в 1897–1913 гг. численности сельского населения Сибири на 71,3%, на долю естественного прироста приходилось 31,9%, тогда как на долю механического прироста (за счет пришлого населения) – 39,4%. Доля аграрных мигрантов в росте численности населения, таким образом, составила 55,3%[2]. По отдельным районам Западной Сибири доля переселенцев в массе всего населения была даже преобладающей. Так, в Мариинском уезде переселенческие дворы к 1914 г. составляли 61% от общего количества всех дворов в уезде[3]. А в деревнях, входящих ныне в черту г. Кемерово, к 1918 г. старожилы полностью растворились среди новопоселенцев[4].

---

[1] Пронин В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск : НГУ, 1984. С. 90–91, 100.
[2] Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI века. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2012. С. 165 (таблица 3.1.3).
[3] Бродникова М. С. Дореволюционный период заселения Кемеровской области // Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири. Иркутск : [б. и.], 1975. С. 181.
[4] Усков И. Ю. Кемерово : формирование территории и населения областного центра. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. С. 40.

Переселенцами были заселены и освоены ранее пустынные районы Западной Сибири, были основаны тысячи населенных пунктов. В одной только Кулундинской степи переселенцами было основано до 600 поселений на площади около 1 млн десятин. А всего в Алтайском округе за 1907–1914 гг. новоселы основали 3 415 поселений с населением более 600 тыс. человек[1]. За 1898–1912 гг. число сельских обществ в Сибири и на Дальнем Востоке увеличилось на 6 000 или на 80%. В Томской губернии и Акмолинской области число сел удвоилось, а в Амурской области – утроилось[2]. Некоторые из переселенческих поселков развивались настолько динамично, что превращались в города. Так, 27 января 1911 г. статус города был присвоен поселениям при станциях Боготол, Татарск и Тайга[3].

В итоге царское правительство оставило в наследство для новой власти Сибирь с населением в 11 млн человек[4]. Освоение и заселение Сибири в 1906–1914 гг. значительно упрочили положение России на Дальнем Востоке. Поэтому можно считать, что поставленная в 1906 г. задача заселения Сибири в геополитических целях в целом была решена. Этот факт был признан даже историками, считавшими Столыпинские реформы провалившимися. Так, А.М. Анфимов связал успешность борьбы против интервентов в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке с решавшейся в период Столыпинских переселений стратегической задачей заселения Азиатской России[5].

Успешно решалась и другая магистральная задача, намеченная Столыпиным в 1910 г., – превращение Сибири в один из главных сельскохозяйственных районов страны. На огромном фактическом материале отечествен-

[1] Тютькин В. И. Освоение переселенцами земель Алтая в 1907–1914 гг. // Алтай в прошлом и настоящем. Барнаул : Арх. отд. Алт. крайисполкома, 1987. С. 93–94.
[2] История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 3. С. 310.
[3] Об обращении поселков при станциях Боготол, Тайга и Татарская Сибирской железной дороги в городские поселения с упрощенным городским общественным управлением // ПСЗРИ. Собр-е 3-е. СПб., 1914. Т. 31. Отд. 1. № 34686.
[4] Ефимкин М. М., Ламин В. А. Сибирское демографическое пространством : формирование, развитие, перспективы // Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. Новосибирск : Параллель, 2010. Вып. 1. С. 9.
[5] Анфимов А. М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность : ежегодник, 1996. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 87.

ными историками было доказано, что благодаря крестьянским переселениям в Сибири в начале XX в. стремительно увеличивались посевные площади, валовые сборы зерновых и неуклонно возрастал вывоз зерна из Сибири. Только за период Столыпинских переселений вывоз хлеба вырос в 3 раза. Причем возможности для дальнейшего роста торгового земледелия в районах интенсивной колонизации к 1914 г. далеко не были исчерпаны и содержали в себе значительные резервы. По инициативе Столыпина в 1911–1913 гг. был отменен Челябинский тариф, что придало дополнительный импульс для роста торгового земледелия. Если в 1901–1910 гг. по Сибири среднегодовой прирост посевных площадей зерновых культур составлял 84,4 га, то в 1913–1916 гг. – 188,2 тыс. га[1].

Не менее динамично развивалось в период массовых крестьянских переселений в Сибири и торговое мясное скотоводство. Среднегодовой вывоз мяса из Сибири накануне Первой мировой войны составлял 2,8 млн пудов. Сибирское мясо стремительно завевывало рынки Санкт-Петербурга и Москвы. Если в 1903–1907 гг. сибирское мясо на рынках этих городов состаляло 10–12%, то в 1908–1913 гг. уже 45–50%. Причем и в этой сфере имелись резервы для увеличения вывоза: сибирские крестьяне предлагали настолько много мяса, что не хватало холодильников и вагонов-ледников для его вывоза. На втором съезде представителей биржевой торговли и сельского хозяйств Сибири, Степного края и Зауралья в 1913 г. отмечалось, что из-за недостатка холодильников по железной дороге перевозилась только незначительная часть того мяса, которым могла располагать Сибирь с ее неограниченными пастбищами[2].

Еще больших успехов достигло производство в Сибири товарного масла. П.А. Столыпин в своей «Записке» отмечал тот колоссальный динамизм, с которой развивалась эта отрасль: в 1894 г. из Сибири было вывезено всего 400 пудов масла, а в 1907 г. – уже 3 413 640 пудов. Государственная значи-

[1] История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 3. С. 312–315.
[2] История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 3. С. 317–318.

мость развития в Сибири маслоделия подчеркивалась тем, что в 1907 г. было экспортировано сибирского масла на 47 млн рублей. По признанию П.А. Столыпина, сибирское маслоделие давало золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность[1]. Сибирское масло стремительно завоевывало внешние рынки, его стоимость выросла с 11 до 15 рублей за пуд. В 1911–1913 гг. в среднем в год из Сибири вывозилось масла более, чем на 66 млн рублей. Сибирское масло заняло четвертое место в списке всех экспортируемых из России сельскохозяйственных товаров. Накануне Первой мировой войны Сибирь по вывозу масла заняла ведущее место на международном рынке. Высокое качество сибирского масла было признано даже в Дании, которая являлась одним из основных экспортеров сливочного масла[2].

Таким образом, вопрос о возобновлении политики массовых крестьянских переселений был решен до прихода Столыпина в высшие эшелоны власти. До Столыпина была проведена реорганизация переселенческих структур и общие подготовительные мероприятия. Вместе с тем, он не только практически реализовал намеченный ранее курс, но и существенно его дополнил целым рядом циркуляров и указов, имевших принципиальное значение. Поэтому политика массовых крестьянских переселений, проводившаяся в 1906–1914 гг., имеет веские основания называться Столыпинской.

Проводившийся государством в 1906–1914 гг. курс распадается на два этапа: 1906–1910 и 1911–1914 гг. Эти этапы существенно различались по целям, задачам и характеру. В 1906–1910 гг. приоритетными целями стали борьба с аграрным перенаселением в Европейской России и заселение Азиатской России в стратегических целях. Эти цели носили преемственный характер, так как ставились еще предшественниками П.А. Столыпина. Взятый правительством курс на массовые переселения в Сибирь объективно отвечал интересам крестьянства, которое стремилось избавиться от аграрной тесноты и восстановить свою хозяйственную состоятельность. Поэтому провозглашен-

[1] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 108.
[2] История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 3. С. 318–319.

ная государством политика свободных переселений вызвала мощный отклик у крестьян. Движение крестьян в Сибирь в 1907–1909 гг. по своим размерам не имело аналогов в предшествующий период и даже превосходило имевшийся в наличии заготовленный колонизационный фонд. В целях предотвращения неудачных переселений государство использовало механизмы административного регулирования переселенческого движения. Но при этом переход к политике регулирования переселенческого движения не означал отказ государства от борьбы с аграрным перенаселением в Европейской России. Задачей правительства было привести в соответствие численность переселенцев и объем имевшегося в наличии колонизационного фонда. Эти меры привели к появлению большого числа самовольных переселенцев и были потом признаны П.А. Столыпиным малоэффективными.

Рубежом Столыпинских переселений стали 1910–1911 гг. На эти годы пришлись временный спад переселенческого движения в Сибирь и рост обратных переселений. Оба эти явления носили временный характер и были вызваны сильнейшим неурожаем, охватившим Западную Сибирь. С окончанием неурожайных лет начался новый подъем переселенческого движения, а динамика обратных переселений резко снизилась.

Временный спад переселенческого движения совпал с разработкой П.А. Столыпиным нового курса переселенческой политики. Цель борьбы с аграрной теснотой в Европейской России была снята. Посетив в 1910 г. Сибирь, Столыпин оценил ее экономический потенциал и наметил комплекс конкретных мероприятий по использованию этого потенциала в государственных интересах. В целом план П.А. Столыпина можно расценивать как реалистичный перспективный национальный проект, имевший целью превращения Сибири в развитый сельскохозяйственный регион.

Инструментом реализации этого проекта было дальнейшее развитие переселенческой политики. Переселение стало пониматься как средство прилива рабочей силы, способствовавшей развитию хозяйственной и культурной жизни Сибири. П.А. Столыпин отметил, что приоритетным становится коло-

низационное значение переселений для Сибири. В результате переселения перестали иметь подчиненное значение и стали пониматься как совершенно самодостаточное, самостоятельное направление государственной политики.

Поставленные Столыпиным в 1910 г. задачи не были реализованы в полном объеме, но промежуточные результаты за относительно короткий отрезок времени (до начала Первой мировой войны) имели положительный эффект. Не вызывает сомнений, что переселения способствовали более плотному заселению Азиатской России и укреплению российской государственности в регионе. В этом смысле можно считать, что геополитическая цель переселений, обозначенная государством в 1906 г., уже к 1914 г. была достигнута. Успешно реализовывалась и цель превращения Сибири в один из основных сельскохозяйственных районов страны. Хотя о реализации всех намеченных Столыпиным в этом направлении мероприятий говорить не приходится, были сделаны, по сути, лишь первые шаги, но и они дали положительный эффект. Фактически уже к 1914–1916 гг. благодаря массовым крестьянским переселениям Сибирь превратилась в динамично развивающийся сельскохозяйственный регион, имевший очень мощный потенциал для дальнейшего развития.

3.2. Правительственная помощь переселенцам в период Столыпинских переселений (1906 – февраль 1917 гг.)

Накануне Столыпинских переселений государство накопило значительный опыт проведения переселенческой политики. Была отработана система льгот для переселенцев начиная с проезда и до водворения, были выявлены маршруты движения переселенцев, и вдоль этих маршрутов были созданы переселенческие пункты. В зависимости от своего функционального назначения пункты делились на врачебные, фельдшерские, продовольственные и остановочные. В целом к 1906 г. была создана инфраструктура, позволявшая оказывать новоселам комплексную помощь на всех этапах переселения.

Вместе с тем, несмотря на имевшийся опыт, в период Столыпинских переселений возник ряд проблем, связанных с оказанием переселенцам и ходокам помощи в пути и на местах водворения. Имевшаяся переселенческая инфраструктура была приспособлена к движению переселенцев в прежних масштабах, но оказалась недостаточно подготовленной к колоссальным потокам переселенцев и ходоков, направившихся в Сибирь в 1907–1909 гг. Так, врачебно-продовольственные пункты по движению переселенцев не были в состоянии обслуживать весь громадный поток переселенцев и ходоков в 1907–1908 гг. Эти пункты не имели достаточного помещения для остановки переселенцев и хорошего водоснабжения. Многие здания на этих пунктах к началу Столыпинских переселений обветшали и пришли в негодность[1].

К началу Столыпинских переселений по линии движения переселенцев имелись врачебно-продовольственные пункты, но рост движения переселенцев и ходоков в 1906–1907 гг. значительно превысил ожидания и отчасти застал Переселенческое управление врасплох. Движение переселенцев в 1907 г. в Томской губернии иногда достигало 6 000–7 000 человек в сутки. Все переселенческие пункты были приспособлены для обычного движения в не-

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 103об.

больших размерах и не могли дать приют всей массе переселенцев и ходоков, которая хлынула в Сибирь весной и летом 1907 г. Ранее переселенческое движение на зимний период приостанавливалось, теперь же шло непрерывно всю зиму и на отопление бараков были необходимы дрова, а имевшийся дровяной запас был быстро израсходован. Перед правительством обозначился целый комплекс проблем, связанных с предоставлением переселенцам врачебно-продовольственной и ссудной помощи в пути и на местах водворения. И переселенческие организации отреагировали достаточно оперативно. Для помощи переселяющимся в зимнее время года началось спешное строительство теплых бараков, для нужд переселенцев были приспособлены другие строения, даже осуществлялся наем частных помещений. Была увеличена заготовка дров, расширены кухни и наняты дополнительные сотрудники (водовозы, санитары, сторожа) на переселенческие пункты, увеличены расходы на медикаменты и пр.[1]

Государство было вынуждено пойти на сверхсметные затраты на продовольственную и врачебную помощь для крестьян по пути в Сибирь. Были открыты не предусмотренные сметой остановочные пункты, увеличено число врачей и фельдшеров на железнодорожных станциях, организована перевозка переселенцев на пароходах. Были задействованы также ресурсы военного ведомства и министерства путей сообщения. Помимо этого, государству пришлось оказывать помощь и обратным самовольным ходокам и переселенцам, приехавшим в Сибирь без предварительного зачисления земли. Государство за счет казны (100 000 рублей) содействовало их перевозке на родину[2].

Уже в 1907 г. выявились и другие проблемы в организации помощи новоселам. Так, открытие кабинетских земель для колонизации привело к тому, что ходоки и переселенцы стали направляться в районы, где их раньше либо не было, либо было немного. Один такой мощный поток переселенцев направлялся в западную часть Барнаульского уезда и проходил через с. Ка-

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 49об., 84об.–85; Ф. 239. Оп. 1. Д. 29. Л. 17–20, 21, 22.
[2] Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 25–26.

мень. На пристани этого села не было никакой организации, прибывавшие переселенцы располагались либо по берегу под открытым небом, либо по всему селу. При составлении сметы на 1908 г. местные переселенческие структуры попытались учесть опыт 1907 г. и заложили в смету суммы на постройку новых бараков, инфекционных больниц на переселенческих пунктах и т.п. Так, на пристани упомянутого с. Камень предполагалось построить врачебный пункт[1].

Отмечались и сложности с финансированием. Зав. Томским районом в 1909 г. отмечал, что за 1906–1909 гг. на «продовольствие» никаких ассигнований не было, выделялись средства только на осуществление врачебных задач. Продовольствие же в 1906–1908 гг. финансировалось в Томском районе за счет ссудного кредитования. В 1909 г. брать средства из ассигнований на ссудное кредитование было запрещено, потому зав. районом вообще был вынужден закрыть поездные столовые, а в пунктовых кормить лишь детей до 10 лет[2].

Отчасти устранению всех недостатков в переселенческом деле препятствовали сокращения, которым подвергались сметы переселенческих организаций при составлении годовых бюджетов. Иногда сокращение против сметных предположений вообще превышало всякие разумные пределы. Так, на 1908 г. зав. Томским районом испрашивал 380 000 рублей, было же ассигновано всего 10 000, на 1909 г. испрашивалось 270 000 рублей, а было выделено лишь 20 000. На ремонт врачебно-продовольственных пунктов в Томском районе просимая по смете сумма в 1907 г. была сокращена на 58%, в 1908 г. – на 67, в 1909 г. – на 51%[3]. Налицо было некоторое отставание от реальных потребностей в финансировании врачебной помощи, и при составлении сметы в Томском районе на 1911 г. зав. переселенческим районом отмечал, что для

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 89об., 92об., 94об.–95.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 103.
[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 102об., 112.

нормализации в области медицинской помощи переселенцам просимую в смете сумму (63 999 рублей) следовало бы удвоить[1].

Формальное отношение центральных ведомств и Госдумы к вопросам финансирования переселенческого дела приводило к тому, что заведующие переселенческими районами сами стали сокращать свои притязания, ограничиваясь только минимальными суммами. Зав. Томским районом в объяснительной записке к смете на 1910 г. просил лишь 25 000 рублей на путевые ссуды, не без горечи отмечая, что эти деньги предполагалось потратить на выдачу наиболее нуждающимся групповым ходокам, а следовавшим до мест водворения переселенцам не предполагалось выдавать путевых ссуд вовсе[2].

Имели место и иные недостатки, связанные с плохой организацией врачебной и продовольственной помощи на конкретных пунктах, отсутствием горячей пищи или ее нехваткой. Эти факты широко были описаны в отечественной историографии советского и постсоветского периодов[3]. Вместе с тем нельзя не признать, что правительство и местные переселенческие организации немало сделали для преодоления всех имевшихся недостатков и оказания помощи переселенцам. Наличие недочетов в системе помощи новоселам не должно заслонять положительные результаты той огромной практической работы, которая была проделана правительственными структурами. Так, в Томском районе в 1908–1909 гг. на Каменском, Барнаульском, Мариинском и Томском пунктах переселенцы и ходоки провели в бараках в общей сумме 399 909 дней, принято амбулаторных больных 43 504, из них 15 260 на Каменском пункте только в 1909 г. В 1911 г. предполагалось открыть еще Турачакский и Баранаковский пункты для обслуживания переселенцев, направлявшихся к участкам Горного Алтая и Татош-Шегарского подрайона[4].

С 1 января по 1 октября 1908 г. на переселенческих пунктах Томского района останавливалось 205 319 человек, которые провели на этих пунктах

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 568. Л. 1об.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 102об.
[3] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 246.
[4] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 568. Л. 48–48об.

854 783 дня. За это время переселенцам и ходокам было выдано 125 675 бесплатных молочных порций пищи, 268 742 бесплатных мясных порции и всего 17 095 платных мясных порций. Медицинская помощь оказывалась на 27 пунктах (11 врачебных и 16 фельдшерских), на которых было принято 3 258 стационарных больных (из них 511 старожилов). Амбулаторная помощь была оказана 92 777 лицам[1]. В Тобольском районе в 1907 г. на 4 врачебно-продовольственных пунктах переселенцам было отпущено 37 005 порций, состоявших из хлеба и супа, больным и детям выдавалось молоко. Продовольственная помощь на 3 пунктах оказывалась бесплатно[2].

Конечно, работа врачебно-продовольственных пунктов не была идеальной, имели место и отдельные недостатки. К примеру, переселенческий агент, сопровождавший партию ходоков из Черниговской губернии на ст. Орел отметил, что ходокам вместо кипяченой воды предоставили некачественную. Агент стал добиваться, чтобы станционное начальство воду сменило, в итоге после разговора с помощником начальника станции и одним из жандармских чинов вода в кубе для ходоков оказалась чистой. Сам П.А. Столыпин, лично ознакомившийся с условиями перевозки переселенцев в 1910 г., не склонен был идеализировать санитарные условия передвижения переселенцев, назвав их лишь «сносными»[3].

Однако сохранилось и немало очень благоприятных отзывов о работе врачебно-продовольственных пунктов. Так, другой агент черниговской земской организации описал случай, когда партия ходоков прибыла на ст. Протопопово и в столовой не оказалось горячей пищи (дело было в 6 утра), но уже через полтора часа для ходоков были готовы горячие щи. Еще один агент того же земства прибыл с партией ходоков осенью 1908 г. в Иркутск, где по его просьбе ходоков 2 дня бесплатно кормили горячей пищей[4]. Подобных отзывов от непосредственных участников переселенческого процесса, где поло-

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 24–24об. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[2] Годовой отчет по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. [Б.м. : б.и., б.г.]. Вып. 45. С. 72.

[3] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 7.

жительно оценивалась организация медицинского обслуживания и питания переселенцев, в пути немало[1].

Ярким показателем качества работы врачебных пунктов служит следующий факт. В 1908 г. в Томской губернии были зафиксированы случаи заболевания холерой. Для предупреждения этой эпидемии Обскому пункту были отпущены деньги на приобретение дезинфекционных средств и противохолерной вакцины. В результате в переселенческие поселки эпидемия не распространилась, был зафиксирован только один случай заболевания в пос. Тотюшинском 4 переселенцев, из которых 3 выздоровели[2].

Вопрос об оказании врачебно-продовольственной помощи был предметом специального исследования современного историка В.Е. Смирновой, которая сделала вывод, что в период Столыпинских переселений эффективность врачебно-продовольственной помощи и ее постановка значительно выросли. Из 54 линейных переселенческих пунктов 45 могли оказывать амбулаторную помощь, а на 14 имелось оборудование для стационарного лечения. Массовые переселения в России совпали с появлением случаев заболевания холерой. Переселенческие пункты стали играть роль фильтров и препятствовали распространению эпидемий. Финансирование медицинской помощи переселенцам и ходокам осуществлялось и по линии Переселенческого управления, и за счет железнодорожного ведомства. За счет железных дорог была создана сеть обсервационных медицинских пунктов, состоявших из оборудованного санитарного вагона с фельдшерским персоналом. В составе некоторых переселенческих поездов имелись санитарные вагоны. Во время усиленного движения переселенцев при недостатке врачей и фельдшеров назначался за счет железных дорог дополнительный медицинский персонал. При этом лечение и питание больных осуществлялось за счет Переселенче-

---

[4] Деятельность Черниговского губернского земства по переселению в осенний сезон 1908 г. Чернигов : Тип. губ. земства, 1909. С. 21–25, 68.

[1] Деятельность Черниговского губернского земства по переселению за 1909 г. Чернигов : Тип. губ. земства, 1910. С. 15–16, 30–31; Деятельность Черниговского губернского земства по переселению в 1910 г. Чернигов : Тип. губернского земства, 1911. С. 26–27.

[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 62–63.

ского управления. Все виды медицинской помощи оказывались переселенцам бесплатно независимо от того, ехали они по проходным свидетельствам или самовольно[1]. Военное ведомство передало Переселенческому управлению специальные кухни-вагоны для питания переселенцев не только на станциях, но и в дороге[2].

В отдельных случаях чиновники проявляли даже большую заботу о переселенцах, чем было предписано законом. В 1908 г. зав. Томским районом по собственной инициативе решил рационально поставить дело снабжения молоком детей переселенцев в проходящих через переселенческие пункты поездах. Ранее переселенцы наливали молоко в свою посуду, которая часто была немытая, в грязной посуде молоко на жаре быстро прокисало, от чего заболеваемость детей только увеличивалась. Поэтому чиновник потратил часть средств на покупку бутылок и пробок, чтобы снабжать детей молоком в чистой посуде. Въезжая в пределы Томской губернии, переселенцы на Татарском пункте получали молоко в чистых бутылках совершенно бесплатно (на других пунктах плата составляла 2 копейки)[3].

Анализ смет Переселенческого управления и отдельных переселенческих районов Западной Сибири показывает, что в 1906–1910 гг. размеры испрашиваемых кредитов на врачебно-продовольственную помощь постоянно росли. Так, по смете Переселенческого управления на 1909 г. врачебно-продовольственный кредит был увеличен по сравнению с предшествующим годом на 628 800 рублей (на 37%) и достиг суммы в 2 300 000 рублей. Такое увеличение испрашиваемых по смете ассигнований объяснялось ожидаемым увеличением водворения новоселов, необходимостью распространения врачебно-продовольственной помощи на колонизуемые районы, а также необходимостью улучшить постановку этой отрасли переселенческого дела[4].

---

[1] Смирнова В. Е. Организация перевозки переселенцев в России (1881–1914 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Челябинск, 1998. С. 14–15.
[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 24.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 59–59об.
[4] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 486. Л. 36–36об.

В дальнейшем рост ассигнований на врачебно-продовольственную помощь шел безотносительно к потоку переселенцев. Так, в Томском районе в 1909 г. количество переселенцев и ходоков несколько уменьшилось по сравнению с 1908 г., но на врачебно-продовольственное дело по смете на 1910 г. испрашивалась сумма даже большая, чем в 1908 г., – на 290 054 рубля. При этом предполагалось открыть 16 новых врачебных пунктов. По первоначальной смете на 1910 г. предполагалось построить столовые на станциях Татарская, Каинск, Новониколаевск, Мариинск, Боготол, Тайга, Болотная и Чулым. Эти столовые предназначались для питания переселенцев, следовавших дальше на восток[1]. Примечательно, что в 1907–1914 гг. общее увеличение ассигнований на врачебно-продовольственную помощь в Азиатской России имело место не только абсолютно, но и относительно: в 1908 г. на эти нужды было выделено 1 738 000 рублей (9,1% от общей суммы, ассигнованной на 1908 г.). В 1909 г. размер ассигнований вырос до 2 390 000 рублей (10,5%), в 1910 г. – до 3 256 000 (13%), в 1911 г. – до 3 870 000 рублей (14,3%)[2]. Увеличение ассигнований на врачебно-продовольственную помощь в 1910–1911 гг. показательно тем, что именно на эти годы пришелся спад переселенческого движения.

В 1912 г. пунктов по пути движения переселенцев было 59, из них 33 в Западном районе. По своему назначению и персоналу они делились на остановочные, продовольственные, врачебно-продовольственные, фельдшерско-продовольственные[3]. К 1914 г. число врачебно-продовольственных пунктов увеличилось до 475. В 1906–1910 гг. количество амбулаторных посещений составило 767 779, штат персонала врачебно-продовольственных переселенческих пунктов вырос с 149 до 820 человек. Примечательно, что в одной только Томской губернии количество врачебно-продовольственных пунктов составляло 27, тогда как во всех губерниях Европейской России по маршру-

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 35–35об., 194.
[2] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1918. Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. С. 4–5.
[3] Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб. : Тип. Ю. Эрлих, 1913. С. 18.

там движения переселенцев количество пунктов равнялось 23[1]. Эти данные свидетельствуют о том, что в Западной Сибири в период Столыпинских переселений значительно расширилась инфраструктура и увеличился штат сотрудников, обслуживавших переселенческое движение.

Архивные документы свидетельствуют, что в 1906–1914 гг. местные переселенческие организации проделали большую работу по ремонту и поддержанию в исправном состоянии строений переселенческих и врачебно-продовольственных пунктов, их расширению и строительству новых зданий и сооружений в основном медицинского назначения[2]. Например, в январе–ноябре 1911 г. на врачебных пунктах Томского района были проведены ремонтно-строительные работы на 95 154,88 рубля. Были построены инфекционная и терапевтическая больницы на Тюхтетском пункте, амбулатории на Баимском и Буйдукском пунктах[3].

Часто ремонтно-строительные работы выполнялись подрядным способом[4]. Качество работ подрядчиков потом проверялось особыми комиссиями, в состав которых обязательно входил зав. переселенческим пунктом, на котором производились работы. Как человек, непосредственно отвечавший за работу вверенного ему переселенческого пункта, заведующий во время приемки ремонтно-строительных работ тщательно оценивал, насколько качественно были проведены работы[5]. Например, при осмотре работ на Каргатском переселенческом пункте приемочная комиссия придирчиво выискивала даже самые мелкие, незначительные недостатки[6].

---

[1] Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – середина XX в.). Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2010. С. 32, 34. Таблица 1 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[2] См.: ГАТО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 2. Л. 1, 25; Д. 5. Л. 18; Д. 29. Л. 38–38об.; Д. 105. Л. 9, 32–36, 49–55; Оп. 3. Д. 31. Л. 1–7; Д. 35. Л. 1–3, 4–4об., 39, 62; Д. 37. Л. 1; Д. 38. Л. 1, 163; Д. 39. Л. Титульный–1; Д. 40. Л. Титульный–1; Д. 41. Л. Титульный; Д. 44. Л. 172; Д. 80. Л. 63, 76–82; Годовой отчет по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. [Б.м. : б.и., б.г.]. Вып. 45. С. 72–73.

[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 28. Л. 21–28.

[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 6. Л. 51, 74; Д. 65. Л. 1, 4; Д. 68. Л. 5, 76, 77; Д. 69. Л. 4; Оп. 3. Д. 35. Л. 70, 95, 145; Д. 44. Л. 1, 152, 165.

[5] См.: ГАТО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 13. Л. 17; Д. 17. Л. 1–6; Д. 31. Л. 16; Д. 39. Л. 1; Д. 69. Л. 1, 2; Оп. 3. Д. 80. Л. 3 и др.

[6] ГАТО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 61. Л. 2–7.

В результате были не только обустроены новые переселенческие пункты, но и кардинально реконструированы прежние. Так, к 1910 г. Челябинский пункт превратился в целый городок площадью в 10 десятин, который мог обслуживать до 10 000 переселенцев в сутки[1]. В целях повышения санитарно-гигиенических требований и общего благоустройства больничных заведений в 1914 г. было решено организовать на Татарском и Славгородском пунктах теплицы для растений. Это делалось для устройства на врачебных пунктах садов и парков с клумбами-цветниками, а во внутренних помещениях больниц – комнатных растений и цветов. Считалось, что подобные меры оказывали благотворное и вспомогательно-лечебное действие на больных[2].

Практические результаты деятельности переселенческих пунктов можно признать впечатляющими. В 1908–1913 гг. на пунктах Западного района движения переселенцев было отпущено 7 323 706 порций пищи. Причем количество порций на одного переселенца возрастало: в 1908 г. в среднем на одного переселенца приходилось 1,2 порции, в 1909 г. – 1,4, в 1910–1911 гг. – 3, а в 1913 г. – 3,3 порции[3].

Даже некоторые историки советского периода, критически оценивавшие в целом результаты Столыпинских переселений, признавали, что с 1911 г. организация перевозки новоселов стала улучшаться[4]. Созданная государством система по оказанию новоселам врачебно-продовольственной помощи продолжала работать и в сложный период Первой мировой войны. Хотя начало войны обострило кадровую проблему на медицинских пунктах Переселенческого управления[5], но врачебная помощь населению продолжала оказываться на прежних основаниях. В 1915 г. в 36 медицинских пунктах и ле-

---

[1] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 241.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 65. Л. 8а–8б об.
[3] Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. Пг. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1914. С. 14.
[4] Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. С. 164–165.
[5] См: Белянин Д. Н. Основные направления деятельности переселенческих организаций Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Изв. Алт. гос. ун-та. 2009. №. 4/4. С. 16–17.

чебницах Переселенческого ведомства Томской губернии медицинскую помощь получили 202 578 человек. И в военное время продолжала осуществляться выдача молока и горячей пищи детям переселенцев, останавливавшихся на переселенческих пунктах[1].

Медицинские пункты Переселенческого управления принимали не только новоселов, но и старожилов. Зримым результатом качества медицинской помощи было сокращение смертности среди населения Сибири. Современные исследования показывают динамику снижения смертности в период массовых переселений. Если в 1900 г. в Сибири на 1 000 населения умирало 36 человек, то в 1907 г. – 32, в 1913 г. – 31 человек. Накануне Первой мировой войны в Сибири наметилась тенденция сокращения детской и младенческой смертности. Причем специалисты по исторической демографии связывают снижение смертности именно с успехами здравоохранения, которые существенно сократили смертность от инфекционных заболеваний[2].

В вопросе оказания переселенцам помощи правительство П.А. Столыпина не ограничилось лишь использованием опыта предшественников. Льготы для переселяющихся в 1906–1914 гг. были расширены. Особым видом помощи в период Столыпинских переселений стало право крестьян на бесплатный проезд в Сибирь. Это право было подтверждено меморией Совета министров от 7 марта 1906 г., по которой предоставление переселенцам бесплатного проезда зависело от главы ГУЗиЗ[3]. С 1 апреля 1907 г. по 20 июня 1909 г. государство выдало 49 733 удостоверения на бесплатный проезд на сумму в 354 357 рублей. В 1909 г. бесплатный тариф был отменен[4]. Однако в дальней-

---

[1] Статистико-экономические бюллетени. 1916. № 3. С. 108, 113.

[2] Ефимкин М. М., Ламин В. А. Сибирское демографическое пространство : формирование, развитие, перспективы // Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. Новосибирск : Параллель, 2010. Вып. 1. С. 9.; Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI века. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2012. С. 172.

[3] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 136–137.

[4] Ноздрин Г. А. Сроки и механизмы адаптации переселенцев в Сибири в конце XIX – начале XX века // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах : сб. науч. тр. Новосибирск : Сибнаучиздат, 2007. Вып. 2. С. 22.

шем Переселенческое управление также практиковало выдачу удостоверений на бесплатный проезд. Правом на бесплатный проезд могли пользоваться либо категории льготников, либо особенно нуждающиеся. В целях заселения труднодоступных мест Совет министров 4 марта 1911 г. постановил сделать бесплатным проезд по железным дорогам едущим туда переселенцам и их семьям, выдавать им ссуды в максимальном размере. Эта мера принималась на 1911 г., но затем ее действие было продлено[1]. В 1912 г. было выдано 1 359 удостоверений на бесплатный проезд[2]. Помимо бесплатного проезда в Сибирь, практиковалась выдача прав на бесплатный проезд и из Сибири. В 1907 г. (до 1 июня) только по Томскому району до 12 000 человек получили обратные билеты бесплатно[3].

Равным образом лишь тем крестьянам, кто, безусловно, нуждался, выдавались и путевые ссуды. Особенно показателен случай, когда Полтавское губернское присутствие ходатайствовало в 1907 г. о применении поощрительных мер в виде «дарового проезда и выдачи денежного путевого пособия в 15 рублей на семью» для крестьян деревень Лисичая, Левенцовка и Максимовка. Крестьяне этих деревень имели экономическое положение, «выдающееся по своей бедности и безземелью», первые две деревни совершенно не имели полевых земель, а в Максимовке к безземельным относилось большинство. Этот пример интересен тем, что предлагалось применить особые льготы для крестьян, принимавших активное участие в аграрных беспорядках 1902 г. Как видно из материалов архивного дела, жители этих деревень чуть ли не поголовно принимали участие в беспорядках[4].

Путевые ссуды выдавались ходокам и переселенцам не только на проезд от губерний выхода до Сибири, но и в самих сибирских губерниях на проезд от железнодорожных станций до районов водворения. Так, зав. Томским районом в смете на 1908 г. отмечал, что из 25 000 семей переселен-

---

[1] Островский И. В. П. А. Столыпин и его время. Новосибирск : Наука, 1992. С. 167.
[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб. : Тип. Ю. Эрлих, 1913. С. 20.
[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 78об.–79.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 540. Л. 3, 6–10, 14–14об., 30–31, 32, 35, 41–41об., 177–178.

цев, которые должны будут прибыть в губернию, до 30% отправится в Барнаульский уезд и 20% – в отдаленные районы казенной части губернии. Едущим на дальнее расстояние будет необходима ссуда в 30 рублей, на ближнее – 15 рублей. Из расчета, что ⅔ переселенцев будут нуждаться в путевых ссудах, необходимый кредит на выдачу путевых ссуд исчислялся в 360 000 рублей[1]. Как видно из таблицы 8, ассигнования на 1908 г. по всем переселенческим районам составили лишь 149 000 рублей, т.е. сумму, меньшую более чем в 2 раза против того, что просил один зав. Томским районом.

Прибывавшие в Сибирь ходоки и переселенцы в подавляющем большинстве были людьми бедными, многие ходоки вообще имели деньги только на проезд до Сибири и вынуждены были потом жить на переселенческих пунктах, пока не заработают денег на обратный проезд или пока зав. пунктом не получит возможность выдать им необходимые 5–6 рублей в виде путевой ссуды. Многие из переселенцев не имели даже средств доехать до участка, расположенного от станции или пристани иногда на 100–200 верст. В такой ситуации значимость путевых ссуд резко повышалась и заведующие районами нередко допускали превышение предполагавшихся сметами расходов на эти нужды. Так, в 1908 г. зав. Томским районом на путевые ссуды израсходовал 38 039 рублей, что было больше ассигнованных средств на 28 039 рублей. В 1907 г. тот же чиновник на выдачу путевых ссуд вообще потратил 103 741 рубль[2].

Нехватка средств на путевые ссуды компенсировалась широко практиковавшейся выдачей на врачебно-продовольственных пунктах бесплатного питания для переселенцев. В 1906–1910 гг. количество выданной переселенцам пищи без платы было значительно выше, чем количество проданной пищи. Так, переселенцам было выдано бесплатно 1 795 678 порций пищи, 1 513 002 фунта хлеба, 1 688 039 порций молочной пищи. За тот же период

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 79–79об.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 102.

платно было выдано 1 158 487 порций пищи и 312 650 фунтов хлеба[1]. Обращает на себя внимание, что в период, когда численность ходоков и переселенцев достигла своего максимального пика, абсолютное большинство порций пищи переселенцам выдавалось бесплатно.

В 1911–1914 гг. размеры ассигнований на путевые ссуды неизбежно должны были уменьшиться в связи сокращением количества переселенцев и ходоков. Помимо этого, в некоторых районах была организована доставка переселенцев и ходоков к отдаленным участкам на автомобилях[2], ввиду чего ссуды на проезд от станций до участков теряли свое значение.

Как следует из таблиц 8 и 9, ассигнования на путевые ссуды в 1906–1908 гг. выделялись в небольших объемах, но в дальнейшем постоянно увеличивались, достигнув своего пика в 1909–1912 гг. – 250–251 тыс. рублей. В 1913–1914 гг. размеры кредитов на выдачу путевых ссуд упали до 101 тыс. рублей, а в 1915 г. – даже до 76 тыс. рублей. Если сокращение ассигнований в 1915 г. вполне объяснимо общим снижением переселенческого и ходаческого движения, когда значительные ассигнования и не требовались, то снижение объемов финансирования в 1913–1914 гг., когда наметилась тенденция роста численности переселяющихся, требует иного объяснения. На наш взгляд, снижение ассигнований в 1913–1914 гг. на фоне подъема движения переселенцев объяснимо двумя причинами. Во-первых, правительство пошло на такое сокращение, увеличив одновременно ассигнования на другие виды помощи (общеполезные ссуды, врачебно-продовольственную помощь), т.е. произошло перераспределение кредитов с точки зрения их значимости для колонизации. Во-вторых, в 1911–1914 гг. уровень состоятельности переселенцев повысился, этот факт подтверждался увеличением имущества и багажа, перевозимого новоселами. В-третьих, в некоторых районах была организова-

[1] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 25.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 615. Л. 33об.–36об.

на доставка переселенцев и ходоков к отдаленным участкам на автомобилях[3], ввиду чего ссуды на проезд от станций до участков теряли свое значение.

Что касается ассигнований на врачебно-продовольственную помощь в 1906–1915 гг., то данные таблиц 8 и 9 подтверждают, что ассигнования в 1907–1909 гг. при несоответствии масштабам переселенческого движения имели тенденцию к росту. Показательно, что этот рост наблюдался и в годы спада переселенческого движения (1910–1911 гг.), и в годы последующего роста переселенческого движения (1912–1914 гг.), достигнув своего максимума в 1914–1915 гг. В итоге в числе всех расходных статей на переселенческие нужды в 1906–1915 гг. ассигнования на врачебно-продовольственную помощь переселенцам и ходокам составили 15% от общего числа всех ассигнований. Причем рост ассигнований на врачебно-продовольственную помощь происходил не только абсолютно, но и относительно: в 1906–1910 гг. кредиты на этот вид помощи составили 11,3% от общего числа всех ассигнований, то в 1911–1915 гг. – 17,3% (подсчеты мои. – *Д.Б.*). Во многом это было связано с тем, что медицинская помощь на врачебно-продовольственных пунктах оказывалась не только тем, кто ехал в Сибирь, но и тем, кто в Сибири уже устроился, и даже старожилам.

В сфере выдачи домообзаводственных ссуд правительство учло предыдущий опыт и попыталось исправить некоторые недостатки, имевшие место в 1890-е гг. В дополнение к закону 1904 г. 10 марта 1906 г. были опубликованы правила, по которым было определено 2 вида пособий от правительства, которые новоселы могли получить по прибытии на участок: 1) ссуды на хозяйственное устройство, 2) безвозмездное получение из казенных дач лесного материала для построек. Подтверждалось, что на эти ссуды никакие проценты и пени не могут насчитываться. Предельный размер ссуды на семью составлял 200 рублей для Амурской и Приморской областей, 165 рублей – для всех остальных местностей. В особых случаях, когда положение переселенцев признавалось исключительно бедственным, уездный съезд мог подавать

[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 615. Л. 33об.–36об.

представление в губернское или областное учреждение о выдаче повышенных ссуд. Возврат ссуд предполагался через 5 лет в течение последующих 10 лет равными частями, но в особых случаях срок начала выплаты мог быть увеличен до 10 лет. Губернским или областным учреждениям по крестьянским делам разрешалось также решать вопросы об отсрочке выплат отдельных взносов по ссудным выплатам[1].

Циркуляром 27 марта 1906 г. уездным съездам было дано право выдавать домообзаводственные ссуды до 165 рублей в течение не 3 лет со времени водворения, а 5 лет. Ссуды свыше 165 рублей предполагалось выдавать только семьям, прожившим более 5 лет и только в исключительных случаях (падеж скота, пожар, смерть работника и пр.)[2].

Ссуды на хозяйственное устройство условно делились на предварительные и дополнительные. Так, в Иркутской губернии в 1909 г. высший размер предварительной ссуды на семью составлял 100 рублей, средний – 68,5 рублей, низший – 17,5 рублей. Высший размер дополнительной ссуды – 50 рублей, низший – 42,5 рубля[3]. Распоряжением главноуправляющего ГУЗиЗ от 2 апреля 1908 г. выдача дополнительных сверх 100 рублей ссуд переселенцам могла быть допущена в первый год после водворения лишь при наличии каких-либо уважительных причин[4].

На практике в сфере выдачи домообзаводственных ссуд в период Столыпинских переселений было немало недостатков. Некоторые из них были обусловлены слишком большой площадью подрайонов и удаленностью многих переселенческих участков от места, где находился переселенческий чиновник. Разумеется, правительство пыталось решать эту проблему путем расширения штата переселенческих чиновников на местах, и на эти нужды в начале XX в. ежегодно ассигновывались средства[5], но эта проблема не была

---

[1] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 17–21.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1489. Л. 1.
[3] Обзор Иркутской губернии за 1909 г. Иркутск : Иркутск : Губ. тип., 1910. С. 41.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-345. Оп. 1. Д. 4. Л. 52об.–53.
[5] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 390. Л. 1, 17, 18об., 31, 48об.

решена до начала Первой мировой войны. Так, в Томской губернии в 1911 г. насчитывалось 20 подрайонов, и большинство подрайонных чиновников не имели заместителей, вынуждены были все текущие вопросы решать самостоятельно. При этом Томский подрайон насчитывал 205 переселенческих участков поселкового типа, Алтайский – 168, 2-й Золотоисковый – 142, Бийский – 196, Кузнецкий – 146 участков. В состав 1-го Кулундинского подрайона в 1910 г. были включены 72 переселенческих участка и 115 хуторов в Леньковской и Нижне-Кулундинской волостях, а эти волости располагались в 100 и более верстах от с. Славгород, где была резиденция заведующего подрайоном[1]. С 1903 г. в Тарском уезде в ведении заведующего переселенческим делом должно было состоять 122 переселенческих участка и 9 старожильческих селений, разбросанных по Атирской, Седельниковской и Аевской волостям[2]. В таких условиях переселенческие чиновники физически не всегда могли оперативно реагировать на просьбы и ходатайства о ссудах.

Однако губернская администрация вела решительную борьбу с несвоевременностью выдачи переселенцам ссуд. Так, тобольский губернатор в циркуляре крестьянским начальникам 4 октября 1913 г. назвал отдельные случаи медленной выдачи ссуд «непростительной, ничем не оправданной небрежностью». Далее он напомнил своим подчиненным, что оказание переселенцам своевременной ссудной помощи является «краеугольным камнем в деятельности заведующего переселенческим делом», и потребовал, чтобы крестьянские начальники и заведующие крестьянскими участками всегда имели некоторую сумму для удовлетворения острой нужды новоселов в ссуде[3]. В дальнейшем несвоевременность выдачи ссуд переселенцам стала признаком профессиональной некомпетентности для крестьянских начальников и даже могла привести к отстранению от службы. Такой случай имел место в Тобольской губернии, причем и.д. тобольского губернатора 6 февраля 1908 г. оповестил об этом факте всех крестьянских начальников специальным цирку-

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 56. Л. 4–5.
[2] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 390. Л. 17.
[3] ГАОО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

ляром. В этом документе он предупредил всех чиновников о возможности их увольнения и даже судебного преследования, если они будут неоправданно задерживать выдачу ссуд новоселам[1]. Аналогичным образом пытался бороться против несвоевременности выдачи ссуд на общеполезные надобности зав. землеустройством и переселением в Тобольском районе, требовавший от крестьянских начальников и переселенческих чиновников большей согласованности действий и расторопности в этом вопросе[2].

Одним из главных недостатков была нехватка ассигновавшихся средств. Например, в 1907 г. в Тобольском районе недостаток ассигнований заставил почти все имевшиеся кредиты использовать для выдачи домообзаводственных ссуд. Чтобы удовлетворить многочисленные просьбы всех переселенцев, чиновники выдавали ссуды в заведомо недостаточных размерах. По оценкам самих чиновников, эти ссуды расходовались переселенцами на покупку продовольствия и являлись фактически ссудами продовольственными, а не домообзаводственными[3].

Подобные факты не скрывались чиновниками и открыто публиковались в отчетах или сметах переселенческих структур. Вместе с тем следует принять во внимание, что чиновники нередко представляли ситуацию хуже, чем она была на самом деле. Широкую известность приобрела «Справка», составленная чиновниками Переселенческого управления для членов Госдумы, где констатировалось, что средний размер ссуды для водворявшихся за Уралом в 1907 г. не превышал 66 рублей, в 1906 г. составил 57 рублей, а значительному числу семей вовсе пришлось отказать в выдаче ссуды. Те же авторы справки писали, что получаемые переселенцами ссуды в минимальных размерах и по частям «совершенно утрачивают свое производственное значение», а переселенцы подолгу бедствуют, вконец разоряются и возвращаются в итоге на ро-

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 604. Л. 16.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 11. Л. 42–42об.
[3] Годовой отчет по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. [Б.м. : б.и., б.г.]. Вып. 45. С. 67–68.

дину[1]. Эта цитата была подхвачена либерально-радикальной прессой и растиражирована. В.И. Ленин также использовал ее для критики действий правительства[2], а в дальнейшем эта фраза стала широко цитироваться в советской историографии в качестве уже не подлежащего сомнению факта[3].

В действительности ни либерально-радикальная пресса, ни В.И. Ленин, ни последующие поколения историков, ссылавшиеся на эту ленинскую цитату, не обратили внимание, что цитируемый Лениным документ предназначался исключительно для членов Госдумы и был написан с целью получить для Переселенческого управления как можно более значительные ассигнования. Бюджет Переселенческого управления составлял на момент составления «Справки» 5 млн рублей, и требовалось обосновать его увеличение в 4 раза до 20 млн рублей. Таким образом, изложенные в этом документе оценки не столько отражали реальную картину, сколько были призваны добиться от Думы выделения усиленных кредитов на переселенческое дело, в чем один из составителей этой справки десятилетия спустя честно сознался в своих мемуарах[4].

Подобный прием намеренного искажения ситуации и попытки представить картину хуже, чем она была в действительности, для увеличения бюджетных ассигнований были характерными для начала XX в. Так, в смете на 1908 г. по Томскому переселенческому району составлявший этот документ чиновник писал, что переселенцы, которые должны будут прибыть из Европейской России в 1908 г., почти совсем не будут обладать своими средствами, поскольку их положение подорвано обширным неурожаем, и они потребуют значительных ссуд и пособий[5]. Слабость этого предположения очевидна: чи-

---

[1] Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 73–74.
[2] Ленин В. И. Переселенческий вопрос // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 333.
[3] Анфимов А. М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность : ежегодник, 1996. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 84, 94.
[4] Татищев А. А. Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М. : РУССКИЙ ПУТЬ, 2001. С. 41–43.
[5] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 46об.

новник не мог заранее знать, из каких конкретно районов прибудут переселенцы, охвачены ли эти районы неурожаями и действительно ли экономическое положение переселенцев будет настолько плачевным.

Вместе с тем ассигновавшихся на нужды ссудного кредитования средств не хватало, это подтверждается и последними исследованиями, и имеющимися у нас фактами[1]. Недостаточность ассигнуемых на нужды ссудного кредитования средств дала основание некоторым историкам утверждать, что правительственные ссуды не могли помочь беднейшим новоселам в деле становления их хозяйств[2]. Отдельные историки даже утверждали, что большинство переселенцев так и не получили домообзаводственных ссуд[3].

Недостаточность ассигнуемых на ссудное кредитование средств была обусловлена несколькими причинами. Первая причина – недостаточность сумм, которые испрашивались в сметах заведующими переселенческих районов. При определении этих сумм заведующие часто оперировали лишь предположениями о размерах притока переселенцев и ходоков на будущий год. Например, зав. Томским районом в объяснительной записке к смете на 1908 г. честно писал, что переселенческое движение резко колеблется и находится в зависимости от причин, трудно уловимых при составлении сметы. Ввиду этого точно рассчитать необходимый кредит на оказание врачебно-продовольственной и домообзаводственной помощи представлялось трудным. Подсчеты чиновника основывались на весьма шатком предположении, что в 1908 г. в район прибудет до 250 000 ходоков и переселенцев, будет водворено 20 000 семей на переселенческих участках и 5 000 в старожильческих селениях[4]. В действительности в Томскую губернию в 1908 г. направилось 317 757 пересе-

---

[1] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 273–274; Обзор Акмолинской области за 1911 г. Омск : Электротипогр. Акмолин. обл. правления, 1912. С. 10.

[2] См., например: Карпинец А. Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896–1916 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Кемерово, 2003. С. 18–19; Минжуренко А. В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1977. С. 9.

[3] Якименко Н. А. Переселенческое движение из Украины в годы столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Киев, 1977. С. 23.

[4] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 82, 84об., 85об.–86.

ленцев и 41 826 ходоков[1], т.е. на 100 000 с лишним человек больше, чем по предварительным расчетам. Помимо этого, смета по Томскому району на 1908 г. составлялась из расчета, что будет отведено для переселенцев к концу 1907 г. 40 000 долей, в действительности было отведено до 105 000 долей, а водворилось вместо ожидавшихся 20 000 не менее 31 000 человек[2]. Увеличение количества прибывших и водворившихся новоселов приводило к тому, что местные переселенческие структуры стояли перед дилеммой: либо выдавать ссуды всем, но в размерах совсем небольших, либо выдавать в полном объеме, но далеко не всем.

Другая причина состояла в том, что испрашиваемые районной переселенческой организацией кредиты редко ассигновались в полном объеме, причем этот недостаток сохранялся еще со времен КСЖД. Так, на 1897 г. Подготовительная комиссия предлагала выделить на ссудное кредитование 3 192 470,7 рубля, из них на домообзаводственные, посевные и продовольственные ссуды предполагалось потратить 2 353 798,7 рубля. При этом в Тобольской губернии на домообзаводство планировалось выдавать 70 рублей, в Томской – 85, в Акмолинской области – 100 рублей. Расчеты комиссии строились на предположении, что в 1897 г. будут водворены 84 689 д.м.п. Однако в КСЖД посчитали, что водворение будет в значительно меньшем числе (51 000 д.м.п.), 14% из них в ссудах нуждаться не будут, а еще около 6% вернутся обратно в Европейскую Россию. В итоге предполагавшуюся сумму сократили до 1 млн рублей, оставив еще 400 000 рублей на непредвиденные расходы в случае, если потребуются дополнительные средства на ссудное кредитование[3]. В 1898 г. Переселенческое управление просило 2 568 000 рублей на безвозвратные пособия и домообзаводственные ссуды, было же ассигновано по смете 1 400 000 рублей; в 1902 г. Переселенческое управление

---

[1] Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. С. 56.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 486. Л. 5об.–6.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 97об.–98об., 101.

просило выделить на те же нужды 1 800 000 рублей, было ассигновано – 1 300 000 рублей[1].

В период Столыпинских переселений этот недостаток также имел место. Томская переселенческая организация просила на 1911 г. на нужды ссудного кредитования 2 100 000 рублей, было ассигновано 2 011 000 рублей; на 1912 г. испрашивалось 3 000 000 рублей, было ассигновано 2 080 000; на 1913 г. испрашивалось 3 400 000 рублей, а в действительности было выделено лишь 1 310 000 рублей[2].

Отчасти нормализации ссудного кредитования препятствовало весьма странное требование столичных чиновников, чтобы в сметах, составляемых заведующими переселенческими районами, превышение кредитов (по сравнению с предыдущим годом) было не более чем на 30%. По этой причине, к примеру, зав. Томским районом вынужден был сократить предполагавшуюся сумму кредитов на домообзаводственные ссуды на 1910 г. с 2 957 000 до 2 307 000 рублей. Тот же чиновник отметил, что ежегодно просимая по смете сумма кредитов на домообзаводство уменьшается «в очень резкой степени». Кроме того, очевидным недостатком была выдача ассигнований в первом полугодии помесячно в размере $^{1}/_{12}$ от общей суммы[3].

Все указанные недостатки имели место, и упреки в адрес государства о недостаточности выделявшихся сумм следует признать обоснованными. Но констатация этого факта не должна и умалять тех усилий, которые были сделаны правительством для нормализации ссудного кредитования. Наличие проблем в сфере ссудного кредитования и недостаток выделенных по смете средств еще не означали, что государство не пыталось исправить сложившуюся ситуацию. В том же 1907 г. ГУЗиЗ для удовлетворения резко возросших потребностей было вынуждено выйти за пределы установленных сметой ассигнований. Например, для обеспечения ссудами 9 000 семей алтайских поле-товщиков, совершенно обессиленных долгим пребыванием в Сибири и

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 227об.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 714. Л. 17.
[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 95об.

большей частью пребывавших в положении батраков, было решено приравнять их в отношении размера выдаваемых ссуд к переселенцам. В итоге перерасход сверх сметы составил 600 000 рублей на выдачу ссуд и 200 000 на врачебно-продовольственную помощь[1].

Недостаточность ассигнований в предшествующие годы отчасти компенсировалась в дальнейшем. Так, зав. Томским районом в смете на 1910 г. закладывал 1 300 000 рублей (из общей суммы 2 307 000 рублей) на выдачу домообзаводственных ссуд переселенцам 1908–1909 гг. водворения, которым своевременно ссуды не выдавались[2].

Нельзя игнорировать и тот факт, что размеры ассигнований на ссудную помощь в 1906–1911 гг. стабильно возрастали, некоторое сокращение выделяемых средств произошло в 1912 г., что связано с новым ссудным законом и уменьшением количества водворенных в 1912 г. Однако в 1913–1914 гг. вновь наблюдается увеличение ассигнований на выдачу домообзаводственных ссуд, что вполне объяснимо новым подъемом переселенческой волны. Нельзя не отметить, что в 1911–1915 гг., когда общее количество переселенцев было меньшим, чем в 1906–1910 гг., на выдачу домообзаводственных ссуд было ассигновано больше средств. Так, в 1906–1910 гг. государство ассигновало 37 739 000 рублей на домообзаводственные ссуды, а в 1911–1915 гг. – 41 500 000 рублей. Обращает на себя внимание и то, что в масштабе всех ассигнований на переселенческие нужды кредиты на домообзаводственные ссуды составили в итоге 35,6% (подсчитано по таблицам 8 и 9).

Не подлежит сомнению, что ситуация с выдачей домообзаводственных ссуд постепенно выправлялась. Уже в 1909 г. ситуация с ассигнованиями значительно улучшилась. На 1909 г. по всем переселенческим районам Азиатской России на выдачу ссуд испрашивалось 11 620 000 рублей, что составляло до 50% всей переселенческой сметы и было больше на 1 426 000, чем смета предыдущего года. Причем из этой суммы 10 600 000 рублей составляли

[1] Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 29–30.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 96об.–97.

домообзаводственные ссуды, 250 000 рублей путевые ссуды и 670 000 рублей ссуды на общеполезные надобности[1]. Фактически просимая сумма была выделена полностью: кредиты на путевые ссуды были выделены в размере 250 000 рублей, а ассигнования на домообзаводственные и общеполезные ссуды даже превысили сметные предположения[2].

Постепенно росли и размеры выдаваемых ссуд. В Акмолинской области в 1906–1910 гг. процент ссудных выплат размером менее 50 рублей последовательно сокращался, тогда как количество выданных ссуд 50–100 и более рублей повышалось. Так, в 1906 г. 48,7% выданных ссуд было в 50 и менее рублей и лишь 0,8% ссуд были более 100 рублей. В 1908 г. доля ссуд в 50 и менее рублей сократилась до 22,1%, а доля ссуд в 100 и более рублей возросла до 31,7% от общего количества выдач. В 1910 г. ссуды в 50 и менее рублей составили 21%, а ссуды в 100 и более рублей – 42%. По замечанию акмолинского губернатора, ссуды выдавались даже большем в размере, чем 165 рублей, положенных по закону. Так, в 1909–1910 гг. ссуды свыше 165 рублей выдавались 972 семьям[3].

В 1913 г. средний размер выданной на семью ссуды в Акмолинской области составил 72,2 рубля[4]. Такой же рост размеров выдаваемых ссуд имел место и в других районах. В Тобольской губернии в 1914 г. средний размер ссуды составил 85,84 рубля, что было больше средней ссуды 1913 г. более чем на 28 рублей[5].

Практиковалась выдача ссуд не единовременной выплатой всей суммы, а по частям. Случаи, когда переселенец в течение года получал всю ссуду, хотя и имели место[6], но были скорее исключением. Как правило, практикова-

---

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 486. Л. 35об.

[2] Подсчитано по: Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1918. Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. С. 4–5.

[3] Обзор Акмолинской области за 1910 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1911. С. 27–28 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[4] Обзор Акмолинской области за 1913 г. Омск : Электротипогр. Акмолин. обл. правления, 1914. С. 11.

[5] Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск : Тип. губ. упр., 1916. С. 31.

[6] ГАОО. Ф. 386. Оп. 1. Д. 28. Л. 15–16.

лась выдача ссуд не только переселенцам текущего года водворения, но и прежних лет. Так, в 1911 г. в Иркутской губернии было выдано 5 492 ссуды (274 796,94 рубля), из них 1 923 – ссуды водворенным в 1911 г. (142 751 рубль), водворенным в 1910 г. – 1 343 ссуды (70 824,75 рубля), и водворенным до 1910 г. – 1 260 ссуд (61 220,61 рубля)[1]. В Томском районе сметой на 1908 г. предполагалось выдавать дополнительные ссуды водворенным в 1907 г. (до 50 рублей), а также водворенным в 1906 и даже 1903–1902 гг.: по подсчетам заведующего районом, семей, водворенных до 1907 г. и нуждавшихся в ссудах, насчитывалось 1 640. Размер домообзаводственных ссуд для переселенцев ранних лет водворения был исчислен в 40 рублей[2]. Сметой на 1909 г. предполагалось выдать 150 семьям переселенцев в Тобольском районе, водворившимся в 1907 г. и ранее, ссуды по 50 рублей, водворившимся в 1908 г. (700 семей) – также по 50 рублей, а тем, кто предположительно должен был водвориться в 1909 г. (5 000 семей) – ссуды в размере до 125 рублей. Аналогичная ситуация была и по Томскому району, где предполагалось выдать 500 семьям, водворившимся в 1907 г. и ранее, дополнительные ссуды по 50 рублей, такие же дополнительные ссуды в том же размере – 2 600 семьям, водворившимся в 1908 г., а тем, кто предположительно должен был водвориться в 1909 г., предполагалось выдавать ссуды в зависимости от района водворения. Водворяющимся на казенных землях предполагалось выдавать ссуды в среднем по 125 рублей, а водворяющимся на кабинетских – по 100 рублей[3].

При составлении сметы на 1910 г. зав. Томским районом не включил в число тех, кому планировалось выдавать ссуды, переселенцев, поселившихся до 1908 г. Свое решение он мотивировал тем, что эти переселенцы либо уже устроились настолько прочно, что в ссуде не нуждаются, либо вовсе покинули свои участки. Таким образом, предполагалось выдавать ссуды только водворенным в 1908–1910 гг.[4] В дальнейшем такой подход к определению по-

[1] Обзор Иркутской губернии за 1911 г. Иркутск : Губ. тип., 1913. С. 31.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 82–82об.
[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 486. Л. 59об.
[4] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 95об.

требностей в ссудах сохранялся: при составлении сметы на 1911 г. зав. Томским районом учитывал переселенцев будущего года водворения, текущего и прошедшего. Причем в расчет брались и те переселенцы, что должны были получать дополнительные ссуды, и те, что своевременно ссуды вообще не смогли получить[1].

Недостаток ассигновавшихся средств даже заставил ввести некоторые ограничения в выдаче ссуд – 2 апреля 1908 г. вышел циркуляр, предписывавший не выдавать ссуды в полном объеме в первый год водворения. 6 сентября распоряжением главноуправляющего действие этого циркуляра было отменено, а с 1912 г. практиковалась выдача ссуд в полном объеме для переселенцев первого года водворения[2]. Практика выдачи ссуды частями имела свою логику. Во-первых, это была вынужденная мера, обусловленная нехваткой ассигнованных средств, что заставляло местных чиновников максимально рачительно относиться к имевшимся средствам. В условиях недостатка кредитов и с учетом того, что некоторые переселенцы могли тратить ссуды не по назначению, администрации представлялось оправданным выдавать ссуды частями. Во-вторых, выдача ссуд по частям нацеливала переселенцев исключительно на целевые траты выданных ссуд, так как в случае нецелевого расходования денег выдача следующей части ссуды исключалась. Как свидетельствуют документы, администрация действительно пыталась всячески препятствовать нецелевому использованию новоселами выданных ссуд. В 1911 г. управляющий акцизными сборами Тобольской губернии и Акмолинской области по предписанию из Санкт-Петербурга даже распорядился, чтобы казенные винные лавки не производили торговли в дни выдачи населению продовольственных ссуд хлебом и деньгами[3]. Это было сделано, чтобы исключить для крестьян соблазн истратить полученную ссуду на продукцию винных лавок.

---

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 568. Л. 37–38.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 622. Л. 12.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

Даже с учетом имевшихся недостатков в сфере ссудного кредитования значимость домообзаводственных ссуд для переселенцев была велика. Обследование переселенческих хозяйств комиссией В.К. Кузнецова в 1911–1912 гг. показало, что выдаваемые правительством ссуды были больше, чем суммы, привезенные переселенцами на участок. Во всех природно-географических поясах и во всех посевных группах, кроме засевавших свыше 9 десятин, размеры ссуд были больше, иногда в 2 и более раз, чем суммы, привезенные переселенцами с собой. Так, переселенческие дворы, сеющие 1–3 десятины, в степной зоне на участок привезли в среднем 35 рублей на семью, а размер ссуды составил 82 рубля; в западносибирской лесостепи размер средств, привезенных с собой, составлял 59 рублей, а размер ссуды – 128 рублей, в урманных и таежных районах переселенцы привезли на участок 57 рублей, а размер ссуды составлял 114 рублей. В среднем во всех посевных группах и природно-географических зонах переселенцы привезли с собой 83 рубля на семью, а размер ссуды составил 103 рубля[1].

Переселенцы в Томской губернии были более состоятельными, чем новоселы в среднем по Сибири, но и для них ссуды являлись существенным дополнением. Так, приписные переселенцы степной полосы Томской губернии, приступая к обзаведению хозяйством, имели в среднем 313 рублей на двор, из которых 121 рубль (38,7% от общей суммы) приходился на долю ссуды. В лесостепной полосе средний размер ссуды был меньше – 102 рубля, но доля ссудных средств в общей сумме денег была даже выше, чем в степной полосе, и составляла почти 41%. В подтаежной и таежной полосах доля ссудных денег была еще выше – 42,7%[2]. Эти данные показывают, что ссуды для переселенцев были существенным дополнением к тем деньгам, которые новоселы привозили с собой, а для многих семей ссудная помощь была даже более значимой, чем имевшиеся у них в наличии средства.

---

[1] Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб. : Тип. «Экономия», 1913. Вып. 1. С. 44.

[2] Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб. : тип. «Экономия», [б. г.]. Вып. 5. С. 41.

5 июля 1912 г. был опубликован новый закон о выдаче домообзаводственных ссуд, вводивший дифференцированные нормы ссуд в зависимости от степени трудности освоения участков или стратегической значимости колонизуемых районов. Этот закон был принят по инициативе П.А. Столыпина, но фактически еще до его поездки в Сибирь мысль о необходимости дифференциации ссуд в зависимости от районов водворения, степени трудности и стоимости хозяйственного устройства высказывалась неоднократно [1].

Закон 1912 г. разделил колонизационный фонд на 7 разрядов: I разряд – без ссуд, II – ссуды в 100 рублей, III – ссуды в 150, IV – ссуды в 165, V – ссуды в 200 и VI – ссуды в 250 рублей. Был еще VII разряд с усиленными ссудами, половина которых шла в безвозвратное пособие, но земли Западной Сибири в этот разряд включены не были.

В I разряд в Западной Сибири были включены: центральная часть Томской губернии, значительная часть Каинского уезда, середина и юг Томского и заселенная центральная полоса Мариинского уездов Томской губернии, Курганский и Ялуторовский уезды Тобольской губернии, а также Ишимский, Тарский и Тюкалинский уезды южнее Ялуторовско-Ишимско-Тюкалинского и Тюкалинско-Еланского трактов. В Акмолинской области в число безссудных были включены участки северной части Омского уезда (до 54-й параллели), 4 волости Акмолинского уезда, частично Петропавловский и Кокчетавский уезды. Во II разряд попала степная часть Барнаульского уезда, в III разряд вошли частично Змеиногорский и Кузнецкий уезды, в IV разряд – лесостепная полоса Тобольской губернии. V разряд составили: подурманная полоса Тобольской губернии в Тюменском, Ялуторовском, Тарском и Тобольском уездах, северная часть Томского и Мариинского уездов Томской губернии, южная часть Омского уезда (ниже 54-й параллели), часть между 53 и 54-

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 615. Л. 47об.–48об.; Д. 545. Л. 96; ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 396. Л. 69об.; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1254. Л. 1–2; Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 226–227; Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 80.

й параллелями Петропавловского уезда, частично Атбасарский, Кокчетавский и Акмолинский уезды. В VI разряд были включены Нарымский край в Томской губернии (Тискинская волость по р. Чае), Петропавловский уезд южнее 53-й параллели, в Атбасарском уезде – земли западнее и южнее р. Ишим и часть Акмолинского уезда южнее 50-й параллели. В Тобольской губернии в этот же разряд попали земли урманной полосы в Тарском, Тобольском, Тюменском уездах и Туринский уезд полностью[1]. Приселявшиеся в старожильческие общества переселенцы по закону 1912 г. могли рассчитывать на домообзаводственную ссуду в размере 50% от нормы, установленной для данной местности[2]. Эта раскладка ссудных норм утверждалась на 3 года и была пересмотрена с некоторыми изменениями в 1915 г.[3]

Закон 5 июля 1912 г. впервые был применен в 1913 г., и на практике его применение носило гибкий характер в интересах переселенцев. Так, если переселенцы зачисляли землю до издания правил 1912 г., а водворялись после, и по новым правилам район водворения становился безссудным или размер ссуды был менее, чем по прежним правилам, то переселенцам помощь могла оказываться на прежних основаниях. Водворившимся до 1912 г. в последующие годы ссуды выдавались по старым правилам[4]. Но переселенцы, зачислившие за собой землю до издания закона 5 июля 1912 г. и водворившиеся затем в районах, которым по новым правилам присваивался выше, чем ранее, размер ссудной помощи, должны были пользоваться преимуществами нового закона[5].

После издания закона 1912 г. средний размер ссуд по уездам стал колебаться довольно значительно. Так, в 1914 г. в Тобольской губернии средний

---

[1] Вощинин В. П. Переселение и землеустройство в Азиатской России : сборник законов и распоряжений. Пг. : Тип. Петроградской тюрьмы, 1915. С. 461–470.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5. Л. 115–115об.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-348. Оп. 1. Д. 47а. Л. 66–75; Ф. И-580. Оп. 1. Д. 19. Л. 49–59об.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-348. Оп. 1. Д. 47а. Л. 77–77об.; Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. С. 32–33.
[5] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

размер ссуды составлял 85,84 рубля, но в Тюкалинском уезде средняя ссуда была лишь 53,58 рубля, а в Тобольском – 166,4 рубля[1].

Закон 1912 г. получил немало критических отзывов у современников и в позднейшей историографии[2]. На наш взгляд, трудно дать корректную оценку эффективности этого закона, поскольку в полном объеме он фактически не применялся. Но не подлежит сомнению, что повышение ссудных норм для водворявшихся на урманных и подурманных участках Западной Сибири по времени совпало со смещением вектора землеотводных работ в таежные районы Тобольской и Томской губерний. Фактически в безссудные районы Томской и Тобольской губерний попали местности, где землеотводные работы к началу 1913 г. уже почти не велись, и потому применение правил о лишении переселенцев ссуд в этих районам могло коснуться лишь водворявшихся в старожильческих селениях. Так, на 1 марта 1915 г. свободный колонизационный фонд Томской губернии в зависимости от ссудных норм делился на 4 группы: 1) безссудный район, где находилось 3 882 душевые доли на участках общего пользования и 230 хуторов; 2) район с ссудами в 150 рублей (1 149 долей на поселковых участках и 24 хутора); 3) район с ссудами в 200 рублей (10 229 долей на участках общего пользования и 587 хуторов); 4) район с ссудами в 250 рублей (12 062 душевые доли на участках общего пользования и 800 хуторов)[3]. Как можно видеть, в районах, где полагались ссуды в 200–250 рублей, находилось 81,2% душевых долей и 84,5% хуторов (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

Вопрос об эффективности ссудной помощи переселенцам можно назвать дискуссионным. В советской историографии ссудную помощь новоселам в годы Столыпинских переселений было принято оценивать отрицательно, упор делался на недостаточности домообзаводственных ссуд переселен-

---

[1] Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск : Тип. губ. упр., 1916. С. 31.
[2] Скалозубов Н. Л. Новые правила выдачи ссуд переселенцам // Сиб. вопросы. 1912. № 15. С. 79–83; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 352.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-184. Оп. 1. Д. 242. Л. 20–26об.

цам[1]. Автор фундаментальной монографии по Столыпинской переселенческой политике Л.Ф. Скляров в разделе о ссудной помощи переселенцам писал не столько о помощи, сколько о том, что эта помощь не оказывалась. В его работе практически отсутствует материал об итоговых суммах выданных ссуд по отдельным годам и отдельным переселенческим районам или в целом по Сибири за весь период. Нет ни слова о ссудной помощи, которая оказывалась населению по случаю неурожаев, ни одного примера, когда переселенческие чиновники *выдавали* переселенцам ссуды на домообзаводство и на общеполезные надобности, что явно указывает на тенденциозный подбор архивного материала. Между тем в архивохранилищах сохранился богатейший комплекс документов, относящихся к вопросу ссудного кредитования переселенцев. Прошения о ссудах и документы об их выдаче новоселам являются массовыми[2].

Как правило, при оценке эффективности правительственных ссуд историки широко используют методику «средних цифр». Подсчет среднего размера домообзаводственной ссуды производится посредством простого деления общего количества выданных средств на количество произведенных выплат. На наш взгляд, такой подсчет представляется не совсем корректным, чтобы делать общие выводы о достаточности или недостаточности выдаваемых переселенцам средств. В 1906–1914 гг. ссуды единовременной выплатой всей суммы сразу выдавались не часто (нам не удалось найти в архивах ни одного примера, когда положенная по закону сумма была бы выплачена новоселу полностью и сразу). Чиновники предпочитали выдавать ссуды двумя или даже более частями. Один из переселенцев пос. Костромского (Тарский уезд) до сентября 1909 г. успел получить ссуду даже 4 раза: в 45 рублей, 55, 50 и 15

---

[1] Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 260–262; Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск : Краснояр. гос. пед ин-т, 1962. С. 182, 184.

[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 15. Л. 27–28, 38–39, 40–41; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 760. Л. 6об.; Д. 759. Л. 23об.; Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 106–107.

рублей[1]. И не все новоселы получали вторую и третью часть своей ссуды, поскольку часть новоселов по каким-либо причинам переводворялась (иногда в пределах одной губернии, иногда в другой переселенческий район), часть новоселов возвращалась на родину, а какая-то часть новоселов тратила деньги нецелевым образом и лишалась права на получение дальнейших средств. Соответственно, средний размер ссуды включает в себя и данные по тем переселенцам, что получали вторую, третью, а то и четвертую часть положенной по закону ссуды, и данные по тем переселенцам, что получили только первую часть ссуды. Таким образом, механическое деление выданных в качестве ссуды средств на общее количество выдач дает в итоге среднее арифметическое, где включены данные о хозяйствах, оказавшихся нежизнеспособными, и данные о хозяйствах, которые свои ссуды использовали эффективно и динамично развивались. Такая методика подсчета, на наш взгляд, является некорректной.

В последние 20 лет некоторые историки предложили новый подход к этому вопросу. Отмечая тот факт, что правительство не смогло полностью материально удовлетворить всех переселенцев ссудами, некоторые современные историки подчеркивают, что ссуды были большим подспорьем для переселенцев[2]. В.Г. Тюкавкин отметил, что правительственные ссуды позволяли переселенцам дожить до первого своего урожая[3].

Неоднозначную оценку ссудной помощи давали и современники. Одни считали главной бедой малый размер ссуд, другие вообще оценивали ссуды, как развращающие переселенцев подачки и настаивали на полном отказе от выдачи ссуд[4]. В контексте последней оценки небезынтересно письмо-фелье-

---

[1] ГАОО. Ф. 386. Оп. 1. Д. 28. Л. 15–16.

[2] Сафронов С. А. Столыпинская аграрная реформа в Енисейской губернии (1906–1917 гг.) : автореф. дис. …. канд. ист. наук : 07.00.02. Иркутск, 1996. С. 18; Чуркин М. К. Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 275.

[3] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 274

[4] Жуковский В. Л. Статьи по переселенческому вопросу. Полтава : Т-во печ. дела (тип. Б. и А. Дохмана), 1913. Вып. 1. С. 7–9; Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 47.

тон И.Е. Белякова, опубликованное сибирскими историками Д.Я. Резуном и М.В. Шиловским. Это произведение описывало, как переселенцы в Казаткульской волости Томской губернии вместо покупки семян, лошадей, коров и хозяйственного инвентаря потратили ссуды на личные нужды: «каждый вечер с гармониями» водили хороводы, «веселились по всей ночи» и «не думали о будущей весне и посеве». Примечательно, что эти переселенцы получили ссуду по 62 рубля (т.е. даже не максимальный размер!), но рассчитывали, что к весне в Омске для них приготовят семена для посева или «прикажут богатому старожилу отворить амбары»[1].

На наш взгляд, вопрос о степени эффективности правительственных ссуд следует решать с точки зрения самих крестьян на эти ссуды. В архивах Западной Сибири сохранилось немало документов, связанных со ссудной помощью новоселам. Поскольку ссуды выдавались частями, то когда переселенец подавал прошение о выдаче ему следующей части ссуды, то волостной старшина или другой местный чиновник составлял особую ведомость. В этой ведомости содержались данные о том, какие ссуды и когда получал каждый домохозяин и какое имущество у него имеется. Анализ этих ведомостей дает основания для выводов о том, насколько эффективно расходовались полученные средства. Для примера проанализируем данные ведомости по переселенческому участку Орлиному (Судженская волость). В списке 17 домохозяев, все прибыли в 1908 г. и получили первоначальную ссуду в 100 рублей. На эти средства к 8 декабря 1908 г. 13 домохозяев успели обзавестись и хозяйственными постройками, и скотом, трое – скотом и лесом для постройки избы, еще один – только лесом для избы[2]. Эти данные свидетельствуют, что ссудная помощь уже в первый год позволила новоселам приступить к обзаведению хозяйством.

---

[1] Приводится по: Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск : Сова, 2005. С. 98.

[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 34б. Л. 18–24 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

Анализ этих документов также свидетельствует, что переселенцы воспринимали ссуды от правительства не как «жалкую подачку» или проявление «филантропии», а как реальную возможность приобрести нужные в хозяйстве орудия, скот и т.п. Например, переселенец В.П. Мокрушин (уч. Мало-Бородавский, Судженская волость) ходатайствовал о ссуде в 65 рублей «на покупку второй лошади, земледельческих орудий и возведение надворных построек». В ведомости было отмечено, что этот переселенец получал ссуды в 1907 г. 3 раза – 40 рублей и 2 раза по 30 рублей. Имущество этого переселенца состояло из избы (40 рублей), бани (10 рублей), лошади (30 рублей) и коровы (25 рублей). В заключение крестьянского начальника отмечено, что переселенец первоначальную ссуду употребил на хозяйственные нужды (т.е. по прямому назначению), ввиду чего этому новоселу следует выдать просимую им ссуду[1].

Переселенец В.Н. Маланин (уч. Крутой, Судженская волость) был водворен в 1906 г., ссуду в течение 1906 г. получал трижды в общей сумме 100 рублей. На выданные деньги построил дом и купил лошадь. Всего в списке переселенцев уч. Крутой было 38 домохозяев (все 1906 г. водворения), ходатайствовавших об очередной ссуде, и абсолютно каждый из них на полученные ранее ссуды уже к декабрю 1906 г. построил дом, купил лошадь, корову или телегу[2]. В том же деле имеются сведения об имущественном положении переселенцев этого же участка, датированные октябрем 1907 г. Как следует из этого документа, к октябрю 1907 г. абсолютное большинство из них получили ссуды в 125 рублей (некоторые в 130 или 155 рублей) и ходатайствовали о получении очередной ссуды. Из 43 домохозяев в списке напротив 33 стоят пометки чиновника о желательности выдачи просимой ссуды[3]. Сохранилось немало документов, где переселенцы ходатайствовали о выдаче второй, третьей или даже четвертой ссуды, и эти данные свидетельствуют, что для переселен-

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 15. Л. 38–39.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 11. Л. 32–41.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 11. Л. 110–121.

цев ссуды являлись реальной помощью[1]. Анализ данного комплекса документов показывает, что новоселы воспринимали ссуды как реальную возможность обзавестись собственным хозяйством.

Показательным можно считать прошение о ссуде переселенца Е. Кагученко. Из прошения следует, что этот крестьянин был бедняком: он водворился на переселенческом уч. Орлином (Судженская волость) в 1908 г., построил избу и из-за этого задолжал. Терпел крайнюю нужду, не имел ни лошади, ни коровы и просил о ссуде в 165 рублей[2]. Как видно из этого ходатайства, для переселенца-бедняка ссуда была едва ли не единственной возможностью начать домообзаводство.

Государство не ограничивалось лишь выдачей денег переселенцам. Была организована сеть складов для снабжения новоселов сельскохозяйственными орудиями по сравнительно невысоким ценам в счет домообзаводственных ссуд. Еще в 1895 г. КСЖД выделил средства министру МЗиГИ на постройку в Сибири сельскохозяйственных складов. По установленным правилам, деятельность складов не должна была приобретать торговый характер, а сводилась лишь к доставке переселенцам наиболее необходимых для их хозяйства предметов[3].

По правилам 10 марта 1906 г. переселенцы могли получить в счет ссуды лесные материалы, земледельческие орудия, продовольственный и семенной хлеб со складов Переселенческого управления с зачислением их в счет положенных ссуд. Причем указанные материалы и орудия продавались новоселам не по коммерческой, а по заготовительной цене[4].

В период массовых переселений сельскохозяйственные и лесные склады значительно расширили свою деятельность. Управление лесными склада-

---

[1] См.: ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 23. Л. 5–6; Оп. 8. Д. 171. Л. 1; Оп. 9. Д. 1. Л. 30–31, 45–46; Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 56, 186об. и др.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 34б. Л. 49.
[3] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 337–338.
[4] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 20.

ми находилось в Омске, всего в Западной Сибири на 1 января 1911 г. лесных складов насчитывалось 14, причем 8 из них были в Акмолинской области, 1 – в Томской губернии, 5 – в Тобольской. Деятельность лесных складов имела значение не только в плане предоставления лесных материалов, но и заработков для переселенцев. Так, в 1912 г. в Тарском уезде заготовкой леса были заняты переселенцы с 35 участков, их заработок колебался от 50 до 350 рублей на двор. За 1903–1912 гг. эти работы дали новоселам 771 000 рублей, причем Переселенческое управление иногда производило эти работы даже в убыток с единственной целью – поддержать заработками неокрепших еще новоселов[1]. В 1912–1913 гг. средний заработок переселенцев на лесозаготовках доходил до 136 рублей[2].

Сельскохозяйственные склады, помимо предоставления переселенцам инвентаря в виде ссуд, занимались продажей сельскохозяйственных орудий, машин и семян на льготных условиях. Количество складов и пунктов продаж сельскохозяйственных орудий постоянно росло, увеличивались и объемы продаж. Так, оборот склада в с. Тайга в 1905 г. составлял 35 000 рублей, в 1906 г. – 75 000, в 1907 г. – 200 000 рублей[3]. За 1898–1905 гг. сельскохозяйственные склады продали переселенцам товаров на 11,8 млн рублей, в 1906–1916 гг. объем продаж составил уже 68,6 млн рублей, в том числе за наличные деньги было приобретено машин на сумму в 21,5 млн рублей[4]. Число пунктов продаж сельскохозяйственных орудий в 1906–1910 гг. выросло с 48 до 113[5]. В 1912 г. число пунктов продаж увеличилось до 253, а годовой оборот вырос до 8 438 000 рублей[6].

---

[1] Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. С. 76–77.
[2] Гурьевский А. Десять лет деятельности лесных складов Переселенческого управления // Вопр. колонизации. 1914. № 15. С. 217.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2701. Л. 88.
[4] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 277.
[5] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 16–17, 33.
[6] Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. С. 61.

В отдельные годы в наиболее заселяемых районах объемы продукции, реализовывавшейся сельскохозяйственными складами, были очень значительными. Так, в 1907 г. в Акмолинской области казенными складами было продано семян, орудий и машин на 1 265 106,31 рублей. Кроме казенных в Западной Сибири действовали и частные склады, годовой оборот которых в 1907 г. составил 3 795 348,93 рубля[1].

Практический результат деятельности складов можно было отметить уже к 1910 г.: крестьянство Сибири оказалось лучше снабжено сельскохозяйственными орудиями, причем на 100 орудий и машин в Степном крае и Сибири приходилось усовершенствованных 76,6, а в Европейской России – только 57,1, и значительная роль в деле распространения в Сибири таких орудий принадлежала складам Переселенческого управления: ими было реализовано до ⅓ всех проданных за Уралом машин и орудий[2].

В целом комплекс мероприятий по оказанию помощи переселенцам (ссуды, организация лесных складов и т.п.) привел к тому, что процесс становления собственных хозяйств «столыпинских» новоселов происходил быстрее, чем у переселенцев предшествующих лет. По данным обследования, произведенного под руководством В.Я. Нагнибеды в 1911–1912 гг. среди новоселов Томской губернии, 82,8% переселенцев уже в первый год водворения на участке обеспечивали себя постройками, тогда как среди переселенцев, водворявшихся до деятельности КСЖД, лишь 56,7% смогли возвести постройки в первый год. То же обследование показало, что «столыпинские» переселенцы значительно чаще обзаводились земледельческим инвентарем в первый год прибытия на участок. Так, из водворенных в 1909–1910 гг. 76,1% дворов приобрели сельскохозяйственные орудия в первый год, из переселенцев 1908 г. – 81,7, а из переселенцев 1904–1907 гг. – 78,6%. У «достолыпинских» переселенцев этот показатель значительно ниже. Из числа водворившихся в 1893–1903 гг. 68,4% дворов смогли приобрести земледельческий инвентарь в

[1] Обзор Акмолинской области за 1907 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1908. С. 20.
[2] Азиатская Россия. СПб. : Т-во «А. Ф. Маркс», 1914. Т. II. Земля и хозяйство. С. 406–407.

первый год, а у водворившихся до 1893 г. этот показатель был еще ниже – 59,9%[1].

Объяснить ускорение процесса хозяйственного обустройства у «столыпинских» переселенцев большими средствами, привезенными с родины, нельзя. В отечественной историографии на огромном фактическом материале было доказано, что переселенцы 1861–1870-х гг. отличались относительной зажиточностью, в 1880–1890-е гг. началась тенденция постепенного обеднения состава переселенцев, а в годы Столыпинских переселений (по крайней мере, до 1910 г.) поток переселенцев еще больше «обеднел»[2]. Было доказано, что у переселенцев «столыпинского» периода возрос процент хозяйств, не имевших на родине земли и построек[3]. Источники подтверждают, что, по крайней мере, в 1906–1909 гг. безземельные и малоземельные крестьяне составляли ядро переселенцев[4].

Таким образом, «столыпинские» переселенцы, по сравнению с переселенцами предшествующих десятилетий, были беднее, но при этом быстрее обзаводились сельскохозяйственными орудиями и постройками. На наш взгляд, налицо явная причинно-следственная связь между расширением правительственной помощи и ускорением процесса домообзаводства у переселенцев: в годы, когда правительственная помощь оказывалась лишь от случая к случаю, несмотря общую относительную состоятельность переселенцев, лишь немногим более половины новоселов смогли обзавестись в первый год

---

[1] Нагнибеда В. Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. Томск : Тип. В. М. Перельман, 1913. Вып. 1. С. 100, 105.

[2] См., например: Соловьева Е. И. Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1956. С. 9; Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX в. (1865–1899 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1970. С. 21; Якименкко Н. А. Переселение крестьян Украины на окраины России в период капитализма (1861–1917 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Киев, 1989. С. 17–21; он же. Переселенческое движение из Украины в годы столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Киев, 1977. С. 12 и др.

[3] Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск : Краснояр. гос. пед ин-т, 1962. С. 309.

[4] Переселение крестьян из Харьковской губернии. Харьков : Тип. «Печатное Дело», 1910. Вып. 3 : Переселение за 1904–1908 гг. по данным челябинской регистрации. С. 102.

постройками и земледельческим инвентарем. В 1893–1903 гг. КСЖД значительно расширил характер и объемы правительственной помощи новоселам. Выросли ассигнования на выдачу домообзаводственных и семенных ссуд, появились сельскохозяйственные и лесные склады, снабжавшие новоселов строевым лесом и земледельческими орудиями. В результате доля дворов, которые приобрели сельхозинвентарь в первый год, возросла до 68,4%. В период Столыпинских переселений объемы правительственной помощи выросли еще больше. Поэтому, несмотря на абсолютное преобладание в переселенческом потоке неимущих и малоимущих, от 76,1 до 82,8% переселенцев смогли приобрести сельскохозяйственные орудия в первый год.

Особое место в сфере ссудного кредитования переселенцев занимали ссуды на общеполезные надобности. Этот вид ссуд был нацелен на формирование социально-экономической инфраструктуры в малообжитых районах Азиатской России. В период Столыпинских переселений произошло существенное увеличение ассигнований на общеполезные ссуды. В 1906 г. было выделено 250 000 рублей, в 1907 г. – 308 000, в 1908 г. – 745 000 рублей (см. таблицу 8). Рост ассигнований происходил на фоне усиления землеотводных работ. Возникновение новых переселенческих поселков, в том числе в малозаселенных районах, требовало все больше и больше кредитов на строительство школ, зданий волостных правлений, хлебозапасных магазинов, церквей, мельниц и пр. Объемы выделяемых на общеполезные надобности средств не соответствовали быстрым темпам заселения Сибири, отставали от них, что открыто признавалось официальными лицами[1].

Факты подтверждают это мнение. На 1908 г. были поданы ходатайства о строительстве в Томском районе 141 хлебозапасного магазина, 130 школ, 43 мельниц, 4 церквей, 2 костелов и 3 волостных правлений, на все это требовалось около 300 000 рублей. Зав. районом при составлении сметы посчитал, что построить все, о чем ходатайствуют переселенцы, будет вряд ли возмож-

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 82об.; Обзор Акмолинской области за 1910 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1911. С. 29; Обзор Акмолинской области за 1911 г. Омск : Электротипогр. Акмолин. обл. правления, 1912. С. 11.

но и счел нужным сократить указанную сумму до 100 000[1]. В итоге в Томском районе в 1908 г. на общеполезные надобности было ассигновано всего 41 677 рублей, а в 1907 г. на эти нужды было выделено еще меньше – всего 3 285 рублей[2]. Такой подход, конечно, не способствовал быстрому развитию социальной инфраструктуры в колонизуемых районах и скорой адаптации новоселов. В итоге зав. Томским районом позднее констатировал, что до 1908–1909 гг. помощь новоселам в плане церковно-школьного строительства имела случайный и непланомерный характер[3].

В некоторых губерниях количество ходатайств о ссудах на общеполезные надобности было невелико, что объяснялось нежеланием переселенцев обременять себя ссудными долгами и уверенностью крестьян, что школы, церкви, хлебозапасные магазины и прочее должно строить государство за казенный счет[4]. Вместе с тем очевидно, что выделяемые на общеполезные надобности ссуды далеко не полностью покрывали имевшиеся потребности.

19 апреля 1909 г. вышел особый закон о ссудах на общеполезные надобности. Такие ссуды теперь могли выдаваться не только на производство гидротехнических или дорожных работ, строительство школ и церквей, но и на постройку сельскохозяйственных предприятий (мельниц, кирпичных заводов и пр.). Общеполезные ссуды предполагалось выдавать сельским обществам, селениям и товариществам либо отдельным лицам по ходатайству и поручительству обществ и товариществ. Причем на сооружение обводнительно-осушительных сооружений, дорожные работы и на постройку общественных зданий с разрешения главы ГУЗиЗ допускалась выдача безвозвратных пособий. Ссуды были беспроцентными, их возврат предполагался уже на следующий после получения год в течение 10 лет равными частями. В осо-

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 83.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 97.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 56. Л. 48об.
[4] Обзор Иркутской губернии за 1909 г. Иркутск : Губ. тип., 1910. С. 41.

бых случаях выплата ссуд могла быть рассрочена до 20 лет, разрешались и отсрочки по отдельным взносам[1].

Для финансирования церковно-школьного строительства были привлечены Святейший синод и Министерство народного просвещения (МНП). В 1908 г. для строительства церквей в Томской губернии был учрежден епархиальный комитет, а для помощи новоселам в деле школьного строительства в 1909 г. – школьная комиссия[2]. В результате МНП и Синод стали осуществлять финансирование параллельно с Переселенческим управлением. В 1911 г. из средств Синода на указанные нужды было выделено 58 000 рублей. Часть средств на строительство школ выделило также МНП[3].

Большинство историков считают, что основную часть средств на общеполезные надобности государство тратило на удовлетворение религиозных нужд переселенцев. Современные алтайские историки объясняют это стремлением государства укрепить позиции православной церкви в колонизуемых местностях[4].

Иную точку зрения высказала Н.В. Захарова. По ее данным, ссуды на общеполезные надобности шли в основном на строительство общественных зданий и сооружений[5]. На наш взгляд, эта точка зрения более близка к истине и подтверждается имеющимися в нашем распоряжении данными. Так, по смете на 1911 г. в Томском районе предполагалось выделить в виде ссуд на общеполезные надобности на нужды школьного строительства 150 000 ру-

---

[1] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 80–82.

[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 56. Л. 48об.

[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 56. Л. 54; Обзор Акмолинской области за 1910 год. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1911. С. 30.

[4] Карпинец А. Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896–1916 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Кемерово, 2003. С. 105; Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 88–89; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 357; Софроненко К. А. Аграрное законодательство в России (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Изд-во МГУ, 1981. С. 148.

[5] Захарова Н. В. Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Воронеж, 2004. С. 18–19.

блей, на сооружение кузниц, мельниц, хлебозапасных магазинов 100 000 рублей и лишь 50 000 на церковное строительство[1]. Фактически же в 1908–1911 г. в Томском районе было выдано в виде ссуд на общеполезные надобности 174 474 рубля на строительство школ, 125 374,73 рубля на строительство хлебозапасных магазинов, мельниц, кузниц и пр. и лишь 122 136,82 рубля на церковное строительство[2]. В январе–сентябре 1908 г. в Томской губернии переселенческие общества получили 17 ссуд на общеполезные надобности на сумму 8 650 рублей. Из этой суммы лишь 1 ссуда (300 рублей) предназначалась для постройки молитвенного дома, тогда как на устройство мельниц было выдано 7 ссуд (2 300 рублей), на постройку зданий волостных правлений – 4 ссуды (4 400 рублей)[3].

Выделяемые МНП и Синодом ассигнования также были примерно сопоставимы: в 1912 г. Синод на церковные нужды в переселенческих поселках Азиатской России выделил 335 998 рублей, МНП на строительство школ – 325 932 рубля. В 1913 г. Синод ассигновал 354 700 рублей, МНП – 411 278 рублей. Однако количество строившихся в Азиатской России образовательных учреждений было больше, чем культовых сооружений: в 1909–1910 гг. за счет ассигнованных средств была обеспечена постройка 95 церквей, 25 молитвенных домов и 81 причтового дома, и одновременно только за 1910 г. было открыто 248 новых школ, из которых 212 принадлежали к ведомству МНП. В 1912 г. за счет всех ассигнованных средств (включая благотворительность) возводилось 55 церквей, 33 молитвенных дома, 141 причтовый дом, а также 41 приходская школа и 236 министерских школ. В 1913 г. строилось 195 причтовых домов, 169 церквей, 67 молитвенных домов, а также 83 церковно-приходские школы и 510 министерских школ[4].

---

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 568. Л. 40.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 615. Л. 53.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 24.
[4] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 39–40; Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. С. 7; Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. Пг. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1914. С. XI.

Заметим также, что инициатива церковного строительства исходила не столько от государства, сколько от самих переселенцев. Церковь на рубеже XIX–XX вв. выполняла весьма значимые социальные функции, занималась санитарно-просветительной, санитарно-профилактической, благотворительной деятельностью, вела борьбу с пьянством, а годы мировой войны приходские попечительства оказывали помощь семьям призванных на войну[1]. Кроме того, церковь играла заметную роль в повседневной жизни крестьян (венчание, отпевание, крещение новорожденных и т.п.), поэтому переселенцы сами поднимали вопрос о постройке храмов. Недостаток храмов и невозможность удовлетворения духовных нужд нередко были причинами обратных переселений, что отмечалось как источниками, так и некоторыми современными историками[2]. Сохранившиеся в архивах Западной Сибири документы свидетельствуют, что именно переселенцы проявляли инициативу в вопросе строительства церквей на заселяемых участках. Вопрос о ссуде на сооружение церкви или причта обсуждался на сельском сходе, на котором составлялся приговор с ходатайством о ссуде[3]. Далее ходатайства разбирались губернской (областной) администрацией и направлялось в столичные структуры с соответствующим заключением.

Государство не ограничивалось финансированием строительства православных храмов. В интересах неправославных новоселов выделялись средства на удовлетворение религиозных нужд представителей иных конфессий[4]. Например, в архивах сохранились прошения польских переселенцев о ссудах на постройку костелов[5], и правительство на подобные просьбы отвечало по-

---

[1] Зверев В. А., Караваева Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитар. науки в Сибири. 2012. № 1. С. 59–64.

[2] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 49. Л. 93; Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 108–111.

[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 14. Л. 9; Д. 28. Л. 4–6об.; Д. 51. Л. 3–4; Д. 77. Л. 6–7об.; Д. 103. Л. 2–2об. и др.

[4] См.: Белянин Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Кемерово, 2003. С. 237–238.

[5] Островский Л. К. Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитар. науки в Сибири. 2009. № 2. С. 39.

ложительно. В 1912 г. Переселенческое управление ассигновало 500 рублей на оплату разъездов католических священников в Тобольском районе для исполнения религиозных обрядов, еще 6 000 рублей было ассигновано на выдачу безвозвратного пособия для постройки костела в Пальменской волости (Туринский уезд)[1]. В 1910–1912 гг. в Енисейском, Томском и Иркутском районах было построено 7 костелов[2]. Иногда для удовлетворения духовных нужд не православных переселенцев ассигнования выделялись в виде безвозвратных пособий. Так, в 1914 г. на содержание разъездных католических причтов было выделено 980,73 рубля в виде безвозвратных пособий. Хотя ввиду начала войны кредиты на общеполезные надобности подверглись общему сокращению, но на содержание разъездных католических причтов сумма была выделена в запланированном объеме[3].

Об отношении государства к духовным нуждам не православных переселенцев свидетельствует пример с просьбой переселенцев-католиков пяти поселков (Малиновского, Маличевского, Мадоги, Петропавловского и Полозовского) о ссуде на строительство костела. По заключению заведующего Тотош-Шегарским подрайоном, эти переселенцы для строительства храма отдали все, что могли. При этом чиновник рекомендовал выдать переселенцам просимую ссуду, мотивируя это тем, что новоселы-католики хотя и бедны, но отличались трудолюбием. Фактически, переселенцы этих поселков ссуду получали даже дважды. В первый раз 3 000 рублей в 1908 г. в виде безвозвратного пособия, а вторично их ходатайство о ссуде в 4 600 рублей было поддержано решением Общего присутствия Томского губернского управления 4 марта 1911 г.[4] Сохранились документы, свидетельствующие о практике выдачи ссуд на строительство храмов и культовых сооружений для переселенцев-лютеран и даже старообрядцев[5].

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 622. Л. 14.
[2] Азиатская Россия. СПб. : Т-во «А. Ф. Маркс», 1914. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. С. 240.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 63. Л. 2.
[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 19. Л. 1–3, 4–7об.; Д. 114. Л. 1–1об.; 10–10об.
[5] ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 5. Л. 8–8об., 19–19об.

Отдельными историками ссуды на общеполезные надобности понимались даже как инструмент классовой политики, посредством которого казенные деньги попадали зажиточным переселенцам. Примером этого будто бы являлись случаи выдачи отдельным переселенцам средств на постройку мельниц, сукновален или кирпичных заводов[1]. Такое утверждение не соответствует действительности. Ссуды на общеполезные надобности могли выдаваться для строительства мельницы или кузницы только в случае, когда эти предприятия были полезны всему населению. При этом для получения ссуды у переселенцев должна ощущаться крайняя нужда в устраиваемом предприятии. Так, И. Никишков (с. Шимонаевское) просил ссуду на постройку мельницы, но в этом селе уже имелось несколько мельниц, потому крестьянину в получении ссуды было отказано[2].

Анализ архивных документов свидетельствует, что для инициирования вопроса о строительстве мельниц, дегтярных заводов и тому подобных предприятий было необходимо решение сельского схода, которое оформлялось в виде общественного приговора. Причем общество выступало в роли поручителя и ручалось круговой порукой за возврат ссуды[3]. Поэтому вопрос о ссуде на постройку мельницы или кузницы мог быть поддержан населением лишь тогда, когда в этом заведении была общественная надобность.

В случаях же, когда проситель ссуды преследовал коммерческую единоличную выгоду, ему в ссудах отказывали. Например, было отказано в ссуде переселенцу К. Калмакову (участок Казанколь) в 1913 г., просившему 2 000 рублей на расширение торговли. Основанием отказа стало то, что ссуда испрашивалась «на расширение его коммерческого предприятия, преследующего, прежде всего, единоличные выгоды просителя»[4].

Фактически в масштабе всех ассигнований на общеполезные надобности ссуды на постройку мельниц или заводиков составляли абсолютное мень-

[1] Якименко Н. А. Переселенческая политика царизма на Украине и ее последствия (1861–1917 гг.). Полтава : РВВ ПДАА, 2011. С. 240.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 25. Л. 143–143об.
[3] См.: ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 3. Л. 3, 5–5об.; Д. 102. Л.5–5об. и др.
[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 25. Л. 23–24об.

шинство. Большая часть ассигнований выделялась на строительство школ и церквей в колонизуемых районах. Так, в 1907 г. в Томском районе было выдано всего 10 ссуд на общеполезные надобности общей суммой в 2 685 рублей. Из них 1 ссуда (150 рублей) была выдана на постройку мельницы и еще 1 (200 рублей) – на кузнечную и столярную мастерскую. Остальные пошли на постройку 6 хлебозапасных магазинов и 2 зданий волостных правлений[1]. В Тобольском районе в 1912 г. на общеполезные надобности населению было выдано почти 65 190 рублей. Из этой суммы лишь 1 250 рублей (1,9%) было предназначено для строительства 3 мельниц, кузницы и дегтярно-смолокуренного завода. Для сравнения: на постройку 5 зданий волостных правлений в том же году было выделено 7 300 рублей, на сооружение 15 хлебозапасных магазинов – 2 320 рублей, а 22 499,75 рубля – на строительство школ в переселенческих поселках[2].

В 1916 г. из 984 145 рублей, ассигнованных на выдачу общеполезных ссуд во всех районах Азиатской России, лишь 26 786 рублей (2,7%) предназначалось для постройки мельниц и круподерок. Зато на школьное строительство было ассигновано 446 282 рубля (45,3%) и на нужды церковного строительства – 399 843 рубля (40,6%)[3]. Эти данные не оставляют сомнений, что целью ссуд на общеполезные надобности была не «классовая» поддержка зажиточных переселенцев, а создание в колонизуемых районах социально-экономической инфраструктуры и удовлетворение духовных потребностей новоселов.

Крайне важным для переселенцев было то, что часть кредитов на общеполезные надобности выделялась в виде безвозвратных пособий. Так, переселенцам пос. Ольгинского (Ояшинская волость) на устройство водохранилища было выдано безвозвратное пособие в 1 400 рублей[4]. В Акмолинской области в 1910 г. из 106 568,06 рубля, выданных на общеполезные надобности, 33 850

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 42.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 622. Л. 15об.–16об.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 44об.–45 (проценты подсчитаны мной. – *Д.Б.*).
[4] ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 1120. Л. 20–20об.

рублей относились к числу безвозвратных пособий. Указанная сумма была выделена на строительство 4 церковно-приходских школ, 4 причтовых домов, хлебозапасного магазина, молитвенного дома и церкви[1]. В отдельные годы по отдельным губерниям суммы безвозвратных пособий на общеполезные надобности были даже больше, чем суммы ссуд. Так, в 1911 г. в Иркутской губернии было выдано 11 ссуд на 8 300 рублей и 31 пособие на 48 166,06 рубля[2]. Сметой по Томскому району на 1910 г. испрашивалось 155 000 рублей, причем 55 000 из них на выдачу безвозвратных пособий, а 100 000 на выдачу общеполезных ссуд. Безвозвратные пособия планировалось выдать на постройку в с. Кулундинском здания волостного правления, почтово-телеграфного отделения, хлебозапасного магазина, на строительство такого же магазина в с. Купино (Каинский уезд) и пр.[3]

Помимо ссуд и пособий правительство в период массовых переселений практиковало и иные виды помощи, которые были ориентированы на поддержку переселенческих хозяйств. К таким видам помощи можно отнести ссуды и пособия по случаю неурожаев и стихийных бедствий и расширенные льготы, оказывавшиеся именными императорскими манифестами по случаю каких-либо торжественных событий в императорской семье. В советский период отечественная историография практически не уделяла внимание исследованию таких видов помощи, а отдельные исследователи вообще ставили под сомнение факт заботы государства о переселенцах[4]. Акцентировалось внимание на отдельных случаях голода или болезней среди переселенцев, а правительственная помощь страдавшим от этих бед новоселам оставалась вне рамок исследования. В результате к концу XX в. этот аспект переселенческой политики представлял собой лакуну.

---

[1] Обзор Акмолинской области за 1910 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1911. С. 30.
[2] Обзор Иркутской губернии за 1911 г. Иркутск : Губ. тип., 1913. С. 32.
[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 97об., 100–101об.
[4] Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М. : Политиздат, 1991. С. 89; Якименко Н. А. Переселенческое движение из Украины в годы столыпинской аграрной реформы (1906–1913 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Киев, 1977. С. 16.

Между тем опубликованные и неопубликованные документы свидетельствуют, что государство отнюдь не бросало переселенцев в неурожайные годы на произвол судьбы. Например, в 1906 г. в Акмолинской области был недород, урожайность составила 68,54% от среднего урожая за предыдущие 4 года, и на уч. Чубар-Агыр (Кокчетавский уезд) была обнаружена цинга из-за недостаточного питания. Областное правление через крестьянских начальников тут же затребовало информацию о количестве хозяйств и числе едоков, нуждавшихся в продовольственной и семенной помощи. Эти ссуды стали выдаваться в октябре–декабре 1906 г., размер ссуды был определен в 1 пуд в месяц на каждого едока безотносительно пола и возраста. Всего по области ссуду получили 57 282 хозяйства, причем они выдавались не только приписным крестьянам, но и тем, кто ожидал зачисления на доли и не успел по разным причинам получить земельные наделы. Ссуды выдавались бесперебойно, благодаря своевременно оказанной помощи не было случаев особенной нужды населения или употребления крестьянами за недостатком хлеба в пищу суррогатов[1].

Такая помощь новоселам оказывалась даже в конце 1870-х – начале 1880-х гг., когда официально переселения не поощрялись и никакие ссуды или пособия законодательно не были прописаны. Переселенцам, оседавшим в Кокчетавском уезде с 1879 г., ввиду неурожаев предшествовавших двух лет с 1880 г. было выдано до 6 000 рублей на семена в счет ссуды. Причем через год, вследствие недостаточно окрепшего экономического положения новоселов, было решено ссудные выплаты отсрочить[2]. В 1888 г. был решен вопрос об оказании помощи на продовольствие и обсеменение полей пострадавшим от неурожаев переселенцам Алтайского округа. Такая помощь должна была оказываться выдачей заимообразных ссуд из губернского продовольственного капитала[3]. В результате неурожая 1888 г. среди переселенцев Томской губер-

[1] Обзор Акмолинской области за 1906 год. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1907. С. 19–20.
[2] Обзор Акмолинской области за 1881 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1882. С. 8.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 619. Л. 138–138об.

нии был зафиксирован тиф. Администрация губернии пришла новоселам на помощь, организовав выдачу денег и хлеба. Эта помощь не только спасла переселенцев, но и позволила сразу сделать посев[1].

В период деятельности КСЖД государство также широко практиковало оказание переселенцам экстренной помощи в случае стихийных бедствий. В 1896 г. во многих переселенческих поселках Каинского округа обнаружились эпидемии скота и лошадей. Местная администрация пришла на помощь переселенцам, оказав им усиленную денежную помощь[2]. В 1900 г. в Тобольской губернии урожай был значительно меньше, чем в предыдущем году, пострадали озимые, яровые, урожай сена составил лишь 57% от урожая 1899 г. Для выдачи переселенцам Ишимского, Тарского, Тюкалинского уездов продовольственных ссуд было выделено 445 174 пуда хлеба[3]. В 1901 г. государство помогло ссудами и деньгами, нуждающимся было выдано 87 789 пудов зерна и 323 890 рублей. Для заработков беднейшим крестьянам были организованы общественные работы. Широкую помощь пострадавшим от неурожая 1900–1902 гг. продовольствием и семенными ссудами оказывала администрация Акмолинской области. Причем не были брошены на произвол судьбы и непричисленные переселенцы. Для них Степной генерал-губернатор лично ходатайствовал о выдаче продовольствия и семенных ссуд[4]. В Енисейской губернии пострадавшим от неурожая в 1901 г. также выдавались ссуды. Из губернского продовольственного капитала для проживших в губернии более 3 лет было выделено 125 000 рублей, для проживших менее – 151 000 рублей. Помимо этого, населению было разрешено бесплатно пользоваться покосами в казенных дачах Ачинского и Минусинского уездов[5]. Для пострадавших от неурожая в Томской губернии в 1901 г. было выделено свыше 7 000 000 рублей, причем предполагалось выдавать эти ссуды не старожилам, в целом бо-

---

[1] Остафьев В. Переселенцы в Сибири // Юрид. вестник. 1891. Т. 8, кн. 1/2. С. 407–408.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-479. Оп. 5. Д. 1. Л. 84об.
[3] Обзор Тобольской губернии за 1900 г. Тобольск : Губ. тип., 1901. С. 4–8.
[4] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 35. Л. 97, 113–113об.
[5] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 35. Л. 165–165об.

лее состоятельным, а именно новоселам и лицам, не причисленным к сельским обществам[1].

Целенаправленность государственной помощи новоселам подчеркивается характером ведомственных инструкций и циркуляров. Товарищ министра внутренних дел А. Стишинский в феврале 1902 г. в письме томскому губернатору указывал на необходимость обеспечения продовольственных нужд переселенцев, не успевших формально водвориться, и даже тех, что проживали в районах, непосредственно неурожаем не затронутых, но почему-либо требующих государственной поддержки[2].

В период Столыпинских переселений практика оказания государственной помощи переселенцам была продолжена. Пострадавшим от неурожаев новоселам практиковались выдачи дополнительных ссуд сверх установленных законом норм[3]. В 1911 г. в Иркутской губернии таким новоселам выдавались дополнительные ссуды 150–200 рублей на семью. Особенно пострадали переселенцы уч. Пушаковский, где померз весь озимый и яровой хлеб, который пришлось скосить на корм скоту. Местной администрацией было проведено обследование каждой семьи на этом участке для выяснения убытков от неурожая. Переселенцам этого участка было выдано 1 650 рублей для доведения размера ссуды до 150 рублей на семью, а семьям, которым ранее ссуда была выдана в предельном размере (150 рублей) и наиболее пострадавшим от неурожая, было выдано дополнительных ссуд в общей сумме 1 840 рублей. Помимо этого был инициирован вопрос о выдаче безвозвратного пособия из кредита на общеполезные надобности в сумме 2 475 рублей. За счет этого пособия предполагалось провести дорогу к удобным для пашни местам, расположенным вдали от уч. Пушаковского. Было также возбуждено ходатайство о выдаче пособия в 5 200 рублей для корчевальных работ на этом же участке. Кроме того, было подано ходатайство о выдаче из губернского продоволь-

[1] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 225.
[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 842. Л. 81.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 622. Л. 12–12об.

ственного капитала пострадавшим от неурожая переселенцам ссуды на приобретение семян для весеннего посева на сумму 1 482 рубля[1].

Одним из видов продовольственной помощи по случаю неурожаев была организация продаж хлеба по заготовительным ценам. Делалось это в том числе для того, чтобы понизить общие цены, чей рост был обусловлен стремлением зажиточных крестьян нажиться на неурожае. Практиковалась также выдача безвозвратных пособий. Последние предназначались для неимеющих средств или неспособных к труду[2]. В Тобольской губернии в 1911 г. на наиболее крупных станциях и пристанях были открыты пункты по продаже пострадавшим от неурожая хлеба по заготовительным ценам. Причем когда выяснилось, что открытых складов недостаточно, были открыты новые[3].

В случае стихийных бедствий практиковались и другие виды помощи, причем эта помощь носила явно социальный характер. Например, в 1901 г. сибирская администрация организовала закупку хлеба для перепродажи по низким ценам переселенцам в районах, пострадавших от неурожая. Такой шаг позволил уменьшить цены на хлеб и пресечь спекуляцию[4]. В 1898 г. енисейский губернатор сообщал в столицу, что среди переселенцев в Каннском уезде обнаружилась цинга из-за питания одним хлебом. Для улучшения питания новоселов он просил 5 000 рублей, эта просьба была выполнена[5]. В 1914 г. в Ачинском уезде Енисейской губернии среди переселенцев обнаружились болезни ввиду нехватки продовольствия. Губернатор при первых же известиях о бедствиях переселенцев лично выехал на место, чтобы организовать продовольственную и медицинскую помощь[6]. Месяц спустя он разослал циркуляр крестьянским начальникам и переселенческим чиновникам: «Нельзя счи-

---

[1] Обзор Иркутской губернии за 1911 г. Иркутск : Губ. тип., 1913. С. 51–53.
[2] ГАОО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–40об.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.
[4] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 339.
[5] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 365. Л. 261–262.
[6] Омский телеграф. 1914. 28 января. Л. 3.

тать терпимыми в дальнейшем заболевания населения по причине неурожая, при отсутствии заработков и вследствие неведения крестьянских начальников о постигшем население бедствии. Недопустимо, чтобы ближайшая к населению власть не была осведомлена о слагающейся в течение года продовольственной обеспеченности населения»[1].

В особых случаях чиновники даже предлагали такие меры переселенцам, которые выходили за рамки, установленные законом. К примеру, чиновник Переселенческого управления в марте 1902 г. сообщал томскому губернатору, что переселенческие участки вверенного ему района сильно пострадали от неурожая, а яровые посевы вообще погибли полностью, не возвратив даже семян. При этом для большинства переселенцев прошедший год был первым годом посева озимых и яровых, и в переселенческих поселках еще нет хлебозапасных магазинов. И хотя крестьянский начальник 1-го участка Томского уезда уже принял меры к оказанию необходимой правительственной помощи, переселенческий чиновник предложил в особых случаях выдавать дополнительные сверх положенных продовольственные ссуды[2].

Традиционным видом помощи пострадавшим от неурожаев были также общественные работы, имевшие целью: дать возможность бедствующим заработать, а также возвести какие-либо нужные общественные сооружения (дороги, мосты, гати и пр.)[3]. В качестве дополнительной меры практиковались отсрочки и рассрочки по ссудным платежам для пострадавших от неурожая переселенцев[4].

Следует добавить, что продовольственные ссуды, выдававшиеся по случаю неурожаев, в дальнейшем нередко просто списывались с крестьян. Например, в 1915 г. император утвердил решение о списании с переселенцев наравне с долгами по общему по империи продовольственному капиталу так-

---

[1] Омский телеграф. 1914. 22 февраля. Л. 3.
[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 842. Л. 87–88об.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 224. Л. 40–40об.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 622. Л. 13.

же и долги по губернскому продовольственному капиталу. Сложению подлежали все неуплаченные до 18 ноября 1915 г. долги[1].

Иногда списание долгов с переселенцев или расширение льгот осуществлялось по манифесту, издаваемому по особо торжественному случаю. Так, 11 августа 1904 г. был опубликован манифест в честь крещения наследника престола, по которому с переселенцев, водворившихся на казенных землях, сложению подлежали все недоимки по наемной и оброчной плате за эти земли, а также по казенным сборам. С населения Алтайского округа подлежали сложению в полном объеме недоимки по оброчной и подушной подати. Со всех переселенцев Степного, Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств, Томской и Тобольской губерний были сложены ссудные долги до 50 рублей по путевым ссудам и ссудам на хозяйственное устройство. Также подлежали полному списанию долги по продовольственным ссудам и ссудам на семена, выданным по случаю неурожая в 1900–1901 гг. на казенных землях Сибири и на Алтае. Текст этого манифеста с перечислением всех льгот был разослан местным губернаторам как циркуляр[2]. 15 мая 1883 г. по случаю коронации был издан манифест, по которому были сложены в Томской губернии недоимки в 264 288 рублей[3]. По манифесту 14 мая 1896 г. с переселенцев подлежали сложению ссудные недоимки[4].

В 1913 г. по случаю 300-летия царствования Романовых был издан манифест, по которому на всех непричисленных переселенцев, получивших поземельное устройство до 21 февраля 1913 г., распространялись все льготы, положенные легальным переселенцам, кроме льготы по отбытию воинской повинности. Выданные переселенческим обществам ссуды на общеполезные надобности были обращены в безвозвратные пособия. По выданным путевым и хозяйственным ссудам с каждой семьи списывалось по 75 рублей долга, а

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-184. Оп. 1. Д. 242. Л. 1–2.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–20об.; КГУ ГААК. Ф. Д-148. Оп. 1. Д. 2. Л. 89–91; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1373. Л. 63, 74–74об., 79об., 83.
[3] Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск : Изд. В. А. Грава, 1890. С. 168.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 323. Л. 10–10об.

для переселившихся в Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области – до 150 рублей[1]. Архивные документы свидетельствуют, что льготы, положенные по манифесту, действительно применялись на практике. Например, с крестьянина Петроковской губернии Я. Лахора был сложен долг по ходаческой ссуде в 4 рубля 95 копеек[2]. Выданные в 1909–1910 гг. общеполезные ссуды на постройку церкви (3 500 рублей) и школы (2 000 рублей) Ново-Михайловскому обществу (Казаткульская волость) также были сложены с долгов по манифесту 1913 г.[3]

Манифест 1913 г. продолжил политику расширения льгот для самовольных переселенцев. До указанного манифеста самовольные переселенцы не освобождались от уплаты недоимок, числившихся за ними в прежних обществах, после опубликования манифеста со всех самовольных, переселившихся за Урал до 21 февраля 1913 г., после водворения подлежали сложению недоимки по казенным сборам и в общий по империи продовольственный капитал. Выданные отдельным лицам общеполезные ссуды в некоторых случаях обращались в безвозвратные пособия. Например, была обращена в безвозвратное пособие ссуда, выданная переселенцу пос. Высоковского (Зыряновская волость) З. Степаненко в размере 300 рублей на постройку мельницы. Всего по Сибири таких обращенных в безвозвратное пособие ссуд на общеполезные надобности было около 3,5 млн. Общая сумма же сложенных с переселенцев ссудных долгов составила около 30 млн рублей[4].

Подобные списания с беднейших переселенцев долгов имели место не только по случаю празднования знаменательных событий. Так, в 1904 г. МВД признало возможным списать со счетов недоимки разных сборов с переселенцев Тургайской области И. Городчикова и Е. Борисова. Аналогичным образом было решено списать долги по земским и мирским сборам, общего по империи продовольственного капитала, ссудных долгов, выкупных платежей

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5. Л. 125–125об.; Ф. И-348. Оп. 1. Д. 47а. Л. 38–38об.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 25. Л. 75.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 350. Л. 55об., 56об., 219, 222, 287, 288.

и пр. в размере более 504 рублей с переселенцев Чернышева, Путилина, Пышминцева, Степанова, Дряхлова, Проскурнина, Аминева, Гаврилова, Назарова, Заворняева и др. Есть факты, когда списывались ссудные долги с обратных переселенцев. Так, обратный переселенец из Акмолинской области Г. Пруглов имел ссудный долг в 130 рублей, и Донская казенная палата ходатайствовала о сложении с него недоимок «по безнадежности к поступлению». Причем с этого переселенца 50 рублей были сложены на основании манифеста 11 августа 1904 г., а остальной неуплаченный долг решено было с него сложить ввиду невозможности уплаты[1].

В заслуживающих уважения случаях администрация признавала возможным отсрочить выплату ссудных долгов. Например, переселенцам пос. Гляденского (Ачинский уезд) в 1907 г. было решено рассрочить уплату ссудного долга в 250 рублей, так как эти новоселы не вполне окрепли на новом месте[2].

Однако в общей массе переселенцы Столыпинского периода достаточно успешно выплачивали ссудные долги. К 1917 г. переселенцы смогли почти полностью погасить задолженность перед сельскохозяйственными складами Переселенческого управления. За 1898–1916 гг. ими было приобретено в кредит товаров на общую сумму 38 100 973 рубля, из которой к 1917 г. было выплачено 36 098 569 рублей. Осталась непогашенной лишь сумма в 2 116 961 рубль, или 5,5%, от общей суммы задолженности. Причем из этой суммы, оставшейся невыплаченной к 1917 г., 805 011 рублей долга (38%) приходились на товары, купленные в кредит в военные годы (1914–1916 гг.)[3], а долги складам Переселенческого управления за предвоенный период были в абсолютном большинстве новоселами погашены. Эти данные не оставляют сомнений в том, что переселенческие хозяйства в значительной части представляли собой кредитоспособные хозяйственные единицы.

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1373. Л. 31, 36, 37, 62, 63; Оп. 3. Д. 76. Л. 5, 6, 8.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 76. Л. 55, 59.
[3] Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск : Наука, 1967. С. 394 (подсчет мой. – *Д.Б.*).

Абсолютное большинство переселенческих хозяйств погашало и денежные ссуды. В Тобольском районе в 1909 г. переселенцы выплатили 123 268 рублей, или 73,6%, срочных платежей[1]. Материалы обследований и текущей статистики также свидетельствовали, что переселенческие хозяйства имели незначительные недоимки по оброчной подати и ссудам на домообзаводство. В Тобольской губернии в 1905 г. годовой оклад оброчной подати составлял 76 020 рублей, из них в недоимке числилось 710,45 рубля (менее 1%), в Тургайской области по земским сборам к 1906 г. за переселенцами в недоимке числилось только 174,29 рубля из общего оклада 2 530,56 рубля. К 1906 г. домообзаводственных ссуд числилось в недоимке около 900 000 рублей, к 1907 г. эта цифра сократилась до 500 000[2] Эти данные свидетельствуют о достаточной платежеспособности преобладающей части переселенческих хозяйств.

Были случаи, когда администрация трактовала в интересах переселенцев налоговое законодательство. В Тобольской губернии в 1900 г. губернское управление распорядилось при исчислении оклада новоселов учитывать не только площадь и качество земельных наделов (что требовал закон 18 января 1898 г.), но и другие сведения, свидетельствующие о степени благосостояния переселенцев[3]. 18 октября 1901 г. Министерство финансов направило в сибирские казенные палаты циркуляр, где констатировало, что водворяющиеся в урманных и таежных участках переселенцы даже по прошествии льготного периода не могут сравниться в экономическом положении со старожилами. В таких случаях требовалось допускать понижение оброчной подати с переселенческих поселков против окладов со старожильческих селений[4].

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 316. Л. 187.
[2] Кузнецов В. Экономические результаты переселения в Сибирь и Степной край // Вопр. колонизации. № 2. 1907. С. 77–78.
[3] Ноздрин Г.А. Сроки и механизмы адаптации переселенцев в Сибири в конце XIX – начале XX века // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах : сб. науч. тр. Новосибирск : Сибнаучиздат, 2007. Вып. 2. С. 25.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 4. Л. 69–69об.

Можно встретить примеры, когда администрация предполагала для переселенцев такие льготы, которые даже не были законодательно прописаны. Так, в 1894 г. зав. переселением в Алтайском округе предполагал выдать 40 рублей для уплаты приемного приговора в старожильческое общество непричисленному самовольному переселенцу И. Теряеву[1]. В 1911 г. устраиваемым в Томском районе бывшим мастеровым закрывающихся пермских заводов в случае необходимости планировалось оказывать помощь денежными ссудами в усиленном размере[2].

Следует добавить, что в период Столыпинских переселений продолжали оказывать практическую помощь новоселам и благотворительные организации. Их деятельность не прекратилась даже на фоне общего расширения льгот для переселенцев и увеличения масштабов финансирования переселенческих мероприятий. В 1910 г. был утвержден устав общества попечения о нуждающихся переселенцах в Семиреченской области. Общество предоставляло малоимущим одежду, питание, выдавало денежные пособия, обеспечивало бесплатной врачебной помощью и лекарствами, осуществляло поиск работы, предоставляло справочные материалы и пр.[3] В 1912 г. благотворительные общества выделили на церковно-школьное строительство 19 775 рублей[4]. Конечно, в масштабах кредитов, ассигновывавшихся государством, суммы, поступавшие от благотворительных обществ, были небольшими, но не упоминать о помощи со стороны благотворителей нельзя.

В итоге комплекс правительственных мероприятий, связанных с оказанием переселенцам помощи, дал положительный эффект. Абсолютное большинство переселенцев смогло обзавестись собственным хозяйством. Дореволюционные исследователи как официального, так и оппозиционного либерально-народнического направления делали выводы, что причисленные переселенцы на новых местах уже через 5–7 лет обзаводились хозяйством,

[1] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 95–96.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 8. Л. 203–204об.
[4] Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. С. 7.

вдвое большим, чем в губернии выхода[1]. Новейшие исследования по этому вопросу тоже показывают, что у основной массы причисленных новоселов со временем увеличивалась хозяйственная состоятельность[2].

Данные экономических обследований переселенцев, проведенных в 1911–1912 гг., дают основание утверждать, что система мер по оказанию помощи новоселам в период Столыпинских переселений носила более комплексный и эффективный характер. Эти меры способствовали тому, что новоселы при общем преобладании среди них бедняцкого элемента достаточно быстро начинали обзаводиться хозяйством. По данным обследований переселенческих хозяйств Томской губернии, проведенных профессором В.Я. Нагнибедой, у новоселов в губерниях выхода доля беспосевных дворов составляла 23,5%, а после переезда в Сибирь уже в первые год-два снизилась фактически в 6,5 раза – до 3,2%. Примечательно, что доля беспосевных дворов даже в самой «молодой» возрастной группе (прожившие в Сибири менее 3 лет) составляла всего 6,7%. В остальных возрастных группах она варьировалась в диапазоне от 1,7 до 2%. Полученные В.Я. Нагнибедой данные показывают, что переселенцы в среднем до переселения на родине на двор имели 3,8 десятины посева. После переселения даже в самых «молодых» возрастных группах (прожившие в Сибири менее 3 лет) посевная площадь составляла 5,4 десятины на двор[3].

По материалам комиссии В.К. Кузнецова, которые носят более обобщенный характер, в среднем на родине переселенческое хозяйство имело 2,4 десятины посева и 0,6 десятины сенокоса. В Сибири эти показатели возросли

[1] Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Саратов : Электро-типо-литогр. Б. Л. Рабинович, 1914. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопросэ С. 128; Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. С. 116–117, 138.

[2] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе : переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул : АЗБУКА, 2013. С. 229, 280; Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 280.

[3] Нагнибеда В. Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. Томск : Тип. В. М. Перельман, 1913. Вып. 1. С. XIX, 86, 88–89.

до 5,4 десятины посева и 6,1 десятины сенокоса для среднего переселенческого хозяйства. При этом даже в самых молодых возрастных группах (прожившие в Сибири менее 3 лет) в степных и лесостепных районах посевная площадь была выше, чем в среднем в губернии выхода: в западно-сибирской лесостепи посев достигал 3,5 десятины, а в степи – даже 4,4 десятины[1]. К 1916 г. в переселенческих семьях Омского уезда на *едока* приходилось 8,8 десятины, Петропавловского – 11 десятин, тогда как у выходцев из Курской и Рязанской губерний на *двор* фактическое землепользование было 5,1 десятины, Тульской – 4,8, Орловской – 5,4 десятины[2].

Исследование, проведенное советскими историками Ф. Сластухиным и Г. Чешихиным по первичным материалам переписи 1911–1912 гг. в нескольких селах близ Славгорода, показало, что все группы переселенцев улучшили свое положение по сравнению с губернией выхода. По данным Сластухина и Чешихина, бедняцкие дворы на родине имели в среднем 2,4 десятины посева и 3,2 голов скота, в Сибири посевы этой группы выросли до 3,8 десятины, количество скота – до 6,3 голов. Середняцкие дворы на родине имели 4,6 десятины и 6,3 голов скота, в Сибири посев вырос до 7,8 десятины, а поголовье скота – до 23,2 голов; в кулацких хозяйствах рост посевов составил с 8,8 до 15,9 десятины, а поголовье скота выросло с 9,2 до 32,4 голов на двор. Не столь однозначным были результаты переселения для крупнокулацких хозяйств: посевная площадь у них не увеличилась, а сократилась с 37,4 до 30,3 десятины, но поголовье скота выросло с 27,6 до 59,1 голов[3]. Это можно объяснить молочно-маслодельческой специализацией зажиточных дворов, ориентировавшихся на увеличение поголовья стада, а не на расширение запашки.

Примечательно, что в Европейской России абсолютно преобладали безлошадные и однолошадные дворы. По материалам конской переписи 1893–

---

[1] Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб. : Тип. «Экономия», 1913. Вып. 1. С. XI, 32.

[2] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1918. Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. С. 79.

[3] Сластухин Ф., Чешихин Г. Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири до революции // Северная Азия. 1930. № 1/2. С. 61, 73.

1894 гг., в 23 губерниях насчитывалось 23,95% безлошадных дворов, 46,68% дворов с 1 лошадью, а в начале XX в. в связи общим агрикультурным кризисом, устойчивой тенденцией сокращения посевов, покосов и выгонов доля таких дворов должна была еще больше возрасти. Поэтому не будет ошибкой считать, что для Европейской России в период Столыпинских переселений типичными считались однолошадные дворы. После переселения среди новоселов стали преобладать дворы с 2 и 3–6 головами рабочего скота: первых насчитывалось 36,5%, вторых – 31,9%. В среднем на двор у переселенцев в губернии выхода приходилось 5,5 голов всякого скота, а 18,6% дворов вообще не имели скота. Среди переселившихся новоселов, по материалам Нагнибеды, доля дворов без скота сократилась до 3%, а среднее переселенческое хозяйство имело 2,2 лошади рабочего возраста, 3,6 голов крупного рогатого скота (КРС) и 5,7 голов мелкого скота. Фактически после переселения обеспеченность крестьянского хозяйства скотом возросла более чем в 2 раза – с 5,5 до 12,2 голов на двор[1].

Если на родине необеспеченность постройками для переселенцев была распространенным явлением, то после переселения доля бездомовых дворов заметно снизилась и составила незначительную часть даже среди недавно водворенных семей. Так, среди переселенцев, проживших в Томской губернии менее 3 лет, своих домов не имели в губернии выхода 21,9%, а после переселения этот показатель снизился до 2,8%. Среди новоселов, проживших на новом месте 3 года, доля бездомовых до переселения составляла 19,9% дворов, после переселения на момент проведения экономического обследования этот показатель снизился до малозначимой величины – 0,8%[2].

Не только увеличение посевов, покосов, скота, хозяйственных построек в среднем на двор и уменьшение бездомовых и безземельных семей свиде-

[1] Нагнибеда В. Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. Томск : Тип. В. М. Перельман, 1913. Вып. 1. С. 108–110.

[2] Нагнибеда В. Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. Томск : Тип. В. М. Перельман, 1913. Вып. 1. С. 99.

тельствовало об улучшении жизни новоселов по сравнению с губернией выхода. Заметно выросла доходность от промысловой деятельности после переселения. В губерниях выхода малоземелье вынуждало почти $^{9}/_{10}$ крестьян обращаться к промыслам – в них были задействованы 88,3% обследованных комиссией Кузнецова в Томской губернии дворов. После переселения доля дворов, вовлеченных в промысловую деятельность, снизилась до 71,2%, однако общая сумма доходов и заработков от промыслов в Сибири по сравнению с губернией выхода выросла с 604 666 до 1 451 891 рубля[1].

Общая стоимость имущества и наличные деньги у новоселов в губернии выхода равнялись 242,46 рубля в среднем на двор. При водворении на участок эта сумма сократилась до 231,4 рубля. А на момент переписи в 1911–1912 гг. стоимость всего имущества плюс сумма наличных денег (за вычетом долгов и недоимок) равнялась 363,91 рубля. В среднем увеличение суммы наличных денег и общей стоимости имущества произошло на 50,09% по сравнению с губернией выхода. При этом следует учесть, что для разных возрастных групп переселенческих хозяйств этот показатель был неодинаковым. У новоселов двух самых «молодых» возрастных групп (прожившие в Сибири 3 года и менее) разница между суммой наличности и стоимостью всего имущества на родине и в Сибири была отрицательной. Прожившие менее 3 лет на родине имели имущества и денег 484,57 рубля на двор, а в Сибири на момент переписи – 366,90 рубля, прожившие 3 года на родине имели имущества и денег на 302,28 рубля, а в Сибири – на 248,03 рубля. Эти данные свидетельствуют, что новоселы в период Столыпинских переселений в течение первых 3 лет в среднем не успевали достичь уровня благосостояния, который у них был на родине. А вот новоселы, прожившие более значительный срок, уже имели положительную разницу. Так, прожившие на новом месте в среднем 5 лет, в губернии выхода имели личных денег и имущества на 219,47 рубля, а в Сибири – 288,77 рубля. Для последующих возрастных групп эта разница

[1] Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб. : тип. «Экономия», [б. г.]. Вып. 5. С. 29.

только увеличивалась, что свидетельствует о среднем улучшении благосостояния переселенческих хозяйств в зависимости от давности водворения. Переселенцы, прожившие на новом месте в среднем 13 лет, имели на родине денег и имущества на 198,99 рубля, а в Сибири – 556,85 рубля. Новоселы самой «старшей» возрастной группы, прожившие в среднем 21 год, имели в губернии выхода имущества и личных денег на 151,60 рубля, а в Сибири – 542,72 рубля. Обращает на себя внимание и то, что самая значительная разница между суммой наличных денег и стоимостью всего имущества на родине и в Сибири была у непричисленных переселенцев: на родине в среднем на каждое хозяйство приходилось 277,07 рубля, а в Сибири – 695,26 рубля[1].

Эти данные свидетельствуют о динамичном развитии основной массы переселенческих хозяйств, постепенном улучшении их благосостояния. В самых «молодых» переселенческих группах средний уровень благосостояния был ниже, чем в губернии выхода. Однако хозяйства, просуществовавшие на новом месте 5 и более лет, имели уже значительно больше имущества и личных денег, чем у них было на родине. Это приводит нас к выводу, что в среднем переселенческие хозяйства в период Столыпинских переселений улучшали свое положение через 4–5 лет после переезда в Сибирь.

Экономическое обследование переселенческих хозяйств, произведенное комиссией В.К. Кузнецова, показало, что новоселы, водворившиеся в период Столыпинских переселений, к моменту обследования в основном динамично развивались и не достигли наивысшей точки своего развития. Так, во всех природно-географических поясах средний земельный надел переселенческого хозяйства был равен 38,3 десятины. В самой «молодой» возрастной группы (прожившие менее 3 лет) из этой площади новоселы обрабатывали 9,2 десятины, в группе дворов, проживших 3 года на новом месте, обрабатываемая площадь повышалась до 13 десятин. Чуть большей была обрабатываемая площадь у дворов, проживших в Сибири 4–7 лет – 13,9 десятины. И лишь

[1] Нагнибеда В. Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. Томск : Тип. В. М. Перельман, 1913. Вып. 1. С. 125, 127.

в самых давних по времени поселения возрастных группах размер обрабатываемой площади приближался к отметке, равной 50% надела. Новоселы, прожившие 8–18 лет, обрабатывали в среднем на двор 18,1 десятины, а прожившие более 18 лет – 20,6 десятины[1].

Эти средние данные заметно варьировались по разным природно-географическим поясам. В степной полосе даже самые «молодые» хозяйства, прожившие менее 3 лет, имели в среднем на двор 14,3 десятины обрабатываемой площади. Примечательно, что во всех остальных возрастных группах степной полосы (прожившие 3 года – прожившие более 18 лет) обрабатываемая площадь оставалась примерно на одном уровне – от 20,8 до 22,4 десятины. Таким образом, для хозяйств степной полосы выход на оптимальный уровень хозяйства осуществлялся за 3 года. В западно-сибирской лесостепи этот процесс шел значительно медленнее: лишь переселенцы, прожившие 8–18 лет, обрабатывали около 50% площади отведенного им надела – 19,9 десятины, а в более «молодых» возрастных группах эта площадь была заметно меньше. Еще медленнее шел процесс вовлечения надельной земли в обработку в таежно-урманной полосе, где новоселы 3 самых «молодых» групп (прожившие в Сибири до 3-х лет, 3 и 4–7 лет) обрабатывали в среднем на двор 5,2–6,8 десятины. И лишь в группе дворов, проживших на таежных и урманных участках 8–18 лет, средняя обрабатываемая на двор площадь поднималась до 11,5 десятин[2].

Эти данные свидетельствуют, что во всех природно-географических поясах новоселы не использовали полностью свой земельный надел, оставляя часть площади в резерве, возможно, на случай семейных разделов в будущем. Фактически новоселы периода Столыпинских переселений (водворившиеся менее 3 лет, за 3 года и 4–7 лет до проведения обследования) в лесостепи Западной Сибири и таежно-урманной полосе к моменту проведения экономи-

---

[1] Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб. : Тип. «Экономия», 1913. Вып. 1. С. 17, 20.

[2] Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб. : Тип. «Экономия», 1913. Вып. 1. С. 20.

ческого обследования еще не вовлекли в хозяйственный оборот и половины отведенного им надела и имели значительный потенциал для развития.

Абсолютное большинство переселенцев (63%), по итогам личных опросов, показало, что в Сибири живут лучше, чем в губернии выхода. Причем даже среди беспосевных новоселов абсолютное большинство (54,3%) заявили, что их положение после переселения улучшилось[1]. Среди переселенцев, приселившихся к старожилам, 62,7% опрошенных сообщили об улучшении своего положения по сравнению с губернией выхода. Примечательно, что даже среди непричисленных переселенцев абсолютное большинство (из числа давших показания) сообщили, что на новом месте живут лучше: 77% показали, что их положение улучшилось, и всего 6,4% показаний было об ухудшении экономического положения на новом месте[2]. Эти показания можно считать главной оценкой переселенческой политики правительства, данной самими переселенцами.

Конечно, процесс полной адаптации переселенцев Столыпинского периода не был завершен до революции 1917 г., что показывают последние исследования современных историков[3], но переселенческие хозяйства при этом прошли первую стадию адаптации и сравнились по экономическим показателям (обеспеченность посевом и орудиями пахаты) со старожилами и массой переселенцев, проживших до 15–17 лет[4]. В целом же основная масса хозяйств новоселов к началу Первой мировой войны еще не вышла на оптимальный уровень развития, находилась на стадии динамического роста, имела существенный резерв для дальнейшего прогресса и расширения производственной базы.

---

[1] Нагнибеда В. Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. Томск : Тип. В. М. Перельман, 1913. Вып. 1. С. 135.

[2] Нагнибеда В. Я. Переселенцы, приселившиеся к старожилам Алтайско-Томской части Сибири. Томск : Тип. Кр. знамя, 1927. С. 211 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[3] Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. С. 29.

[4] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация: монография. Барнаул : АЗБУКА, 2013. С. 280.

Начало Первой мировой войны внесло значительные изменения в характер и направленность правительственной помощи переселенцам в Западной Сибири. Война и последовавшая мобилизация врачебно-фельдшерского персонала обострили кадровую проблему на врачебно-продовольственных пунктах. Так, в Томском переселенческом районе была мобилизована большая часть медицинского персонала, что создало трудности и привело к необходимости повысить оклады медицинскому персоналу для привлечения специалистов на пустующие места[1]. Мобилизация медицинского персонала началась сразу же после начала военных действий. Уже 23 июля 1914 г. в телеграмме из г. Тары сообщалось, что призваны по мобилизации фельдшеры Ваулин, Кузнецов и Жвакин. Был призван на службу заведующий Коршайским фельдшерским пунктом[2]. В плане работ по врачебно-продовольственной помощи на 1916 г. в Тобольском районе констатировался факт наличия вакансий на амбулаторных фельдшерских пунктах и отмечалось, что ввиду отсутствия медицинского персонала эти вакансии закрыть невозможно. Тем не менее, несмотря на сложную обстановку, продолжалось строительство переселенческих больниц и фельдшерских пунктов. Главным образом, осуществлялась достройка ранее начатых больниц и амбулаторий. Например, в 1916 г. предполагалось достроить приемный покой с амбулаторией на Туринском фельдшерском пункте, была намечена постройка инфекционного отделения на Андреевском пункте[3].

Деятельность переселенческих пунктов с 1915 г. была переориентирована на прием беженцев и военнопленных. Первые партии беженцев появились в Томской губернии в конце июля 1915 г., причем сначала беженцы отдельно от переселенцев не регистрировались. С начала движения и до 1916 г. в пределы Томской губернии прошло около 56 000 беженцев обоего пола. Из них часть вернулась обратно на родину, часть выбыла в другие губернии Сибири. К началу июля 1916 г. в Томской губернии проживало 35 824 души

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 129. Л. 88.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 995. Л. 7, 47.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 831. Л. 12, 13, 19.

обоего пола беженцев. Из этого числа абсолютное большинство осело в уездах (т.е. в поселках или на переселенческих участках) – 25 927 человек[1]. В Акмолинской области к 1 января 1916 г. насчитывалось 32 786 человек беженцев. Было решено размещать их в переселенческих бараках, оказывать продовольственную помощь на переселенческих пунктах[2].

Наибольший поток беженцев, по данным А.Ю. Карпинца, пришелся на октябрь 1915 г., когда через Челябинский переселенческий пункт прошло 103 523 человека, причем многие из них оказались без теплых вещей. Поэтому на Челябинском и Иркутском переселенческих пунктах была организована выдача теплой одежды и обуви наиболее нуждавшимся беженцам[3].

В 1915 г. через Челябинск и Екатеринбург прошло 170 481 душ обоего пола беженцев, абсолютное большинство которых осело в Западной Сибири – до Иркутска дошло лишь 16 222 беженца. Появление беженцев заставило переселенческие организации взять на себя функции по оказанию помощи и устройству этой категории населения. Например, Челябинский пункт стал распределять беженцев по Сибири. Переселенческое управление 7 ноября 1915 г. направило телеграмму, в которой всем зав. переселенческими районами было предложено сообщать в Челябинск о том, какое число беженцев может быть размещено во вверенном им районе. Заведующие водворением взяли на себя функции расселения беженцев и оказания им всесторонней помощи. Переселенческие структуры широко оказывали медицинскую и продовольственную помощь. Например, в 1915 г. беженцы получили 1 178 808 порций пищи. Некоторые больницы и медицинские учреждения, находившиеся в ведении Переселенческого управления, взяли на себя функции военных госпиталей. Так, на Челябинском пункте под размещение легкораненых было

---

[1] Беженцы в Томской губернии. Список беженцев и адреса их. Томск : Изд. Том. губ. отд-ния Комитета ея имп. выс. вел кн. Татианы Николаевны, 1916. Вып. 1. С. I–III.

[2] Обзор Акмолинской области за 1915 г. Омск : Электротипогр. Акмолин. обл. правления, 1917. С. 10–12.

[3] Карпинец А. Ю. К вопросу о финансировании переселенческого процесса в Томской губернии в годы Первой мировой войны // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России : сб. науч. ст. Кемерово : «Кузбассвузиздат», 2008. С. 243–244.

передано 2 переселенческих барака, а всего в 1915 г. лазаретами Челябинского пункта было принято на излечение 4 615 солдат[1].

Помимо беженцев, в переселенческих бараках иногда размещались военнопленные и депортированные из числа мирного населения, к появлению которых местные власти оказались не готовы. В начале апреля 1915 г. в Тюмени скопилось около 9 тыс. военнопленных, часть которых пришлось разместить в переселенческом лагере[2]. Часть переселенческих бараков сдавалась в аредну военному ведомству. За годичную аренду 7 бывших переселенческих бараков (с августа 1915 г. по август 1916 г.), 3 из которых были жилыми и вмещали 600 человек, Тюменский уездный воинский начальник должен был уплатить 3 600 рублей. В дальнейшем переселенческие бараки были включены в состав лагеря для военнопленных[3].

Таким образом, сокращение потока переселенцев и ходоков, появление беженцев и военнопленных переориентировали деятельность переселенческих и врачебно-продовольственных пунктов. В 1915–1916 гг. инфраструктура переселенческих организаций Западной Сибири стала выполнять функции тыловых учреждений.

В вопросе ссудного кредитования с 1914 г. также произошли заметные изменения, вызванные следующими обстоятельствами. Во-первых, война вынудила государство максимально сокращать все статьи невоенных расходов. Сокращения последовали уже осенью 1914 г.: на домообзаводственные ссуды на 1915 г. по смете испрашивалось 2 700 000 рублей, а фактически было выделено 846 809 рублей[4]. В Томском районе переселенцам, водворяющимся с 1 апреля 1916 г. по 1 января 1918 г. предполагалось выдавать только половину

---

[1] Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. Пг. : Тип. Ю. Эрлих, 1916. С. 10–12.
[2] Загороднюк Н. И. Депортация населения в годы первой мировой войны // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея, 1996. Тюмень : Тюмен. обл. краеведч. музей им. И. Я. Словцова, 1998. С. 92.
[3] Бушаров Е. А. Военнопленные первой мировой войны в Тюмени (1914–1920 гг.) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1997. Тюмень : Тюмен. обл. краеведч. музей им. И. Я. Словцова, 1999. С. 62.
[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 115. Л. 10об., 11об.; Д. 123. Л. 6об., 7об.

причитающейся им домообзаводственной ссуды, а всего «на домообзаводство» на этот период испрашивался кредит в 725 075 рублей[1].

Во-вторых, значительно сократилось количество ходоков и водворяемых переселенцев. Это неизбежно вело к сокращению ассигнований на ссудное кредитование. Если по таким статьям, как «домообзаводственные ссуды» и «путевые ссуды» по всем переселенческим районам в 1914 г. было выделено 9 627 000 рублей, то в 1915 г. эта сумма сократилась до 7 737 000 рублей[2].

В-третьих, выдача ссуд стала носить в большей степени социальный характер. Ссуды на домообзаводство теперь стали выдаваться в первую очередь тем семьям, члены которых призваны на войну. Таким семьям предполагалось выдавать ссуды в большем объеме. Были предоставлены отсрочки по их выплате, а в некоторых районах ссуды были обращены в безвозвратные пособия[3].

В 1916 г. заведующий землеустройством в Тобольской губернии издал циркуляр, где отмечалось, что вследствие мобилизации значительного числа работников переселенческие семьи, водворенные в безссудных районах, лишились возможности без помощи от казны развивать и поддерживать свои хозяйства. Далее этот чиновник писал, что некоторые семьи, водворившиеся в 1915–1916 гг., не смогли даже приступить к устройству хозяйств и в особенно тяжелом положении оказались хозяйства, пострадавшие от неурожаев, падежа скота и т.п. Поэтому было решено некоторым переселенческим семьям выдавать ссуды на домообзаводство в районах, где по закону 1912 г. не полагались. Переселенческое управление 15 октября 1916 г. разослало заведующим переселенческими районами циркуляр, где разрешило выдавать ссуды на домообзаводство переселенцам в бессудных районах, если они лишились работников из-за мобилизации и нуждались в помощи. Эти ссуды должны

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 129. Л. 82–83.

[2] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1918. Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. С. 4–5 (подсчеты мои. – *Б. Д.*).

[3] Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. Пг. : Тип. Ю. Эрлих, 1915. С. II–III; ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 74. Л. 10.

были выдаваться помимо пособий семьям воинов на обработку полей и уборку урожая. Размер ссуды – до 100 рублей[1].

Особой поддержкой в плане выдачи ссуд пользовались семьи воинов-переселенцев. Сверх обычных им выдавались ссуды на производство посева и уборку полей. Общий размер всех выданных домообзаводственных ссуд составил 2,8 млн рублей[2]. Архивные документы свидетельствуют, что выдача домообзаводственных ссуд не прекратилась и после Февральской революции. Так, водворенные на уч. Морозовский (Тюменский уезд) С. Попок, Т. Стародубцев, Е. Бачерников получили по 100 рублей в течение мая–ноября 1917 г., а переселенец А. Новоселов – даже в феврале 1918 г.[3]

Интенсивно шла работа сельскохозяйственных и лесных складов Переселенческого управления, торгово-промышленных лавок в малообжитых районах, открытых с целью снабжения новоселов предметами первой необходимости. В связи с задачей борьбы с сокращением посевных площадей сельскохозяйственные склады были вынуждены взять на себя работу по обеспечению семей переселенцев, призванных в войска, необходимыми сельскохозяйственными орудиями на особо льготных и даже безвозмездных условиях. Задачей сельскохозяйственных складов было возместить семьям мобилизованных недостаток рабочих рук, который особенно остро ощущался в районах водворения в 1916 г. Предпринятые меры позволили обеспечить желательный с точки зрения государственных задач размер запашки. До 1916 г. семьям мобилизованных переселенцев оказывалась лишь денежная помощь[4].

Меры по оказанию помощи населению в годы войны дали положительные результаты в виде неуклонного увеличения поступления долгов с населения. Особенно повысилось поступление долгов в 1916 г. благодаря притоку денег в деревню в связи с повышением заработной платы рабочим, продажей крестьянами хлеба и других продуктов для нужд армии. Так, в 1914 г. общая

[1] ГУТО ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 13. Л. 27–27об.; КГУ ГААК. Ф. Д-184. Оп. 1. Д. 242. Л. 218–218об.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 6об.
[3] ГУТО ГАТО. Ф. И-49. Оп.1. Д. 66а. Л. 5об.–6, 7об.–10.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 6об.

задолженность по всем районам Азиатской России составляла 9 812 519 рублей, в 1916 г. снизилась до 7 208 722 рублей. При этом в 1915 г. населением было погашено 56,3% от общей суммы долга, а в 1916 г. – 70,7%. Для сравнения: в 1912–1913 гг. этот показатель находился на уровне 41,5–43%[1].

Значительным сокращениям подверглись ассигнования на выдачу общеполезных ссуд. В 1915–1916 гг. в ответ на ходатайство о выдаче таких ссуд нередко следовали отказы со ссылкой на обстоятельства военного времени[2]. Но при этом правительство не забывало о необходимости строительства церквей и школ. Причем количество средств, выдававшихся в форме ссуд, сократилось, а основная часть ассигнований на общеполезные надобности стала выдаваться в виде безвозвратных пособий. Так, в Томском районе в 1915 г. на церковно-школьное строительство было выдано 11 560 рублей, а в счет безвозвратных пособий на те же нужды – 125 482,28 рубля[3]. В 1916 г. во всех переселенческих районах была обеспечена постройка 155 церквей, молитвенных и причтовых домов, а также 230 школ[4]. На постройку школ, церквей, содержание причтовых домов на 1917 г. по смете Томского района запрашивался кредит в 106 270 рублей. Предполагалось, в частности, построить школы в поселках Тегульдетский (Мариинский уезд) и Гурьяновский (Бийский уезд), построить церкви в поселках Орловка, Казанский и Крутихинский (Каинский уезд). По-прежнему выделялись средства на содержание приютов для детей-сирот переселенцев. Таких приютов в Томском районе было 4: Томский, Славгородский и 2 в Барнауле (каждый на 50 детей). Предполагалось, что в 1917 г. начнет функционировать еще один приют в Мариинске главным образом для сирот тех переселенцев, которые были призваны на военную службу и погибли[5].

Таким образом, вопрос о возобновлении политики массовых крестьянских переселений был решен до прихода Столыпина в высшие эшелоны вла-

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 14об.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 53. Л. 6, 8, 13; Д. 57. Л. 1, 7.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 70. Л. 15–15об.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 6.
[5] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 129. Л. 84–86, 98.

сти. До Столыпина была проведена реорганизация переселенческих структур и общие подготовительные мероприятия. Вместе с тем Столыпин не только практически реализовал намеченный ранее курс, но и существенно его дополнил целым рядом циркуляров и указов, имевших принципиальное значение. Поэтому политика массовых крестьянских переселений, проводившаяся в 1906–1914 гг., имеет веские основания называться Столыпинской.

Проводившийся государством в 1906–1914 гг. курс распадается на два этапа: 1906–1910 и 1911–1914 гг. Эти этапы существенно различались по целям и содержанию. В 1906–1910 гг. приоритетными целями стали борьба с аграрным перенаселением в Европейской России и заселение Азиатской России в стратегических целях. Эти цели носили преемственный характер, так как ставились еще предшественниками П.А. Столыпина. Правительственный курс массовых переселений в Сибирь объективно отвечал интересам крестьянства, которое стремилось таким образом решить проблему земельной тесноты и восстановить свою хозяйственную состоятельность. Поэтому провозглашенная государством политика свободных переселений вызвала мощный отклик у крестьян. Движение переселенцев и ходоков в Сибирь в 1907–1909 гг. по своим размерам не имело аналогов в предшествующий период и даже превосходило имевшийся в наличии заготовленный колонизационный фонд. В целях предотвращения неудачных переселений государство использовало механизмы административного регулирования переселенческого движения. Но при этом переход к политике регулирования переселенческого движения не означал отказ государства от борьбы с аграрным перенаселением в Европейской России. Задачей правительства было привести в соответствие численность переселенцев и объем имевшегося в наличии колонизационного фонда. Эти меры привели к появлению большого числа самовольных переселенцев и были потом признаны П.А. Столыпиным малоэффективными.

Рубежом Столыпинских переселений стали 1910–1911 гг. На эти годы пришлись временный спад переселенческого движения в Сибирь и рост обратных переселений. Оба эти явления носили временный характер и совпа-

ли по времени с сильнейшим неурожаем в Западной Сибири. Этот неурожай стал основным фактором, вызвавшим спад прямого рост обратного движения переселенцев в Сибирь. С окончанием неурожайных лет начался новый подъем переселенческого движения, а динамика обратных переселений резко снизилась.

Временный спад переселенческого движения совпал с разработкой П.А. Столыпиным нового курса переселенческой политики. Цель борьбы с аграрной теснотой в Европейской России была снята. Посетив в 1910 г. Сибирь, Столыпин оценил ее экономический потенциал и наметил целый комплекс конкретных мероприятий по использованию этого потенциала в государственных интересах. В целом план П.А. Столыпина можно расценивать как вполне реалистичный перспективный национальный проект, имевший целью превращение Сибири в развитый сельскохозяйственный регион.

Важнейшим инструментом реализации этого проекта было дальнейшее развитие переселенческой политики. Переселение стало пониматься как средство прилива рабочей силы, способствовавшей развитию хозяйственной и культурной жизни Сибири. П.А. Столыпин отметил, что приоритетным становится колонизационное значение переселений для Сибири. В результате переселения перестали иметь подчиненное значение и стали пониматься как совершенно самодостаточное, самостоятельное направление государственной политики.

Поставленные Столыпиным в 1910 г. задачи не были реализованы в полном объеме, и можно говорить лишь о промежуточных результатах решения этих задач. Но и промежуточные результаты за относительно короткий отрезок времени (до начала Первой мировой войны) можно признать положительными. Не вызывает сомнений, что переселения способствовали более плотному заселению Азиатской России и укреплению российской государственности в этом регионе. В этом смысле можно считать, что геополитическая цель переселений, обозначенная государством в 1906 г., уже к 1914 г. была достигнута. Успешно реализовывалась и цель превращения Сибири в

один из основных сельскохозяйственных районов страны. Хотя о реализации всех намеченных Столыпиным в этом направлении мероприятий говорить не приходится – были сделаны, по сути, лишь первые шаги, но и они дали положительный эффект. Фактически уже к 1914–1916 гг. благодаря массовым крестьянским переселениям Сибирь превратилась в динамично развивающийся сельскохозяйственный регион, имевший очень мощный потенциал для дальнейшего развития.

Накануне Столыпинских переселений государство имело развитую инфраструктуру для оказания необходимой помощи пееселенцам в пути и на местах водворения, а также практический опыт в области оказания такой помощи. Несмотря на это, переселенческие структуры в 1907–1909 гг. столкнулись с определенными трудностями, так как оказались не полностью готовы к переселениям в столь значительных масштабах. Однако факты свидетельствуют, что государство стремилось исправить выявленные недостатки за счет расширения ассигнований на переселенческое дело и привести их в соответствие с растущим потоком переселяющихся. Был проделан огромный объем работ по ремонту старых и строительству новых врачебно-продовольственных пунктов и оказанию переселенцам в дороге медицинской помощи и питания. Причем нехватка ассигнований в сфере выдачи путевых ссуд была во многом компенсирована широко практиковавшейся выдачей переселенцам бесплатных порций пищи и бесплатным медицинским обслуживанием. При всех имевшихся недостатках переселенческие структуры в целом справились с задачей перевозки переселенцев в 1906–1910 гг. Рост ассигнований на врачебно-продовольственную помощь продолжался даже в 1910–1911 гг., когда произошел спад переселенческого движения.

Медицинские пункты Переселенческого управления оказывали помощь не только новоселам, но и старожилам. Их деятельность носила не коммерческий, а социальный характер. Результатом развития системы оказания медицинской помощи населению стало снижение смертности, в том числе детской и младенческой, накануне Первой мировой войны.

В целом в 1906–1915 гг. правительство значительно расширило объемы финансирования всех переселенческих мероприятий, увеличило масштабы помощи новоселам. При этом в 1906–1909 гг. темпы роста переселенческого движения были выше, чем рост ассигнований на переселенческие нужды. Это привело к недостатку денежных средств, в том числе в вопросах ссудного кредитования. Фактически масштабы правительственной помощи отставали от реальных потребностей. В 1906–1909 гг. наблюдалось значительное «обеднение» контингента переселенцев, что требовало от государства увеличения ассигнований. Нормализации ссудного кредитования препятствовали как объективные, так и субъективные причины. Были недостаточными и масштабы финансирования ссуд на общеполезные надобности, которые не соответствовали высоким темпам заселения Западной Сибири.

Однако при всех недочетах государством был проделан огромный объем работы по преодолению имевшихся недочетов и расширению помощи новоселам. Ежегодно увеличивались объемы финансирования ключевых направлений переселенческого дела, расширялись и углублялись масштабы ссудной помощи переселенцам. Тенденция увеличения объемов финансирования имела место независимо от подъемов и спадов переселенческого движения, в том числе в 1910–1911 гг. Увеличение ассигнований привело к заметному улучшению в сфере ссудного кредитования: средний размер выдававшихся в 1906–1914 гг. ссуд имел тенденцию к постоянному увеличению. Ссуды были хорошим подспорьем для переселенцев, которые стремились использовать любую возможность для обзаведения крепким хозяйством. Недостаток денежных средств государство стремилось компенсировать расширением деятельности сельскохозяйственных и лесных складов, выдававших переселенцам сельскохозяйственные машины и инвентарь в счет ссуд.

Введение нового закона о домообзаводственных ссудах, который повышал нормы ссуд для водворявшихся в удаленных от Сибирской железной дороги районах, совпало с углубление землеотводных работ в труднодоступные и малообжитые районы Сибири. Повышенные домообзаводственные ссуды

для новоселов в этих районах были призваны компенсировать сложности обустройства в них. Одновременно в 1910–1915 гг. правительство значительно увеличило объемы кредитования общественнополезных ссуд. Назначением этих ссуд было создание социально-экономической инфраструктуры в новых селениях, строительство общественно значимых зданий и сооружений, позволявших переселенцам быстрее пройти стадию адаптации на новом месте. Основная часть общеполезных ссуд шла на строительство церквей и школ в переселенческих поселках. В целях расширения масштабов церковно-школьного строительства государство привлекло Святейший Синод и Министерство народного просвещения, которые осуществляли выделение кредитов по своим каналам.

Государство учитывало, что многие переселенческие поселки были населены экономически еще не окрепшим населением, потому часть средств на общеполезные надобности выдавало в виде безвозвратных пособий. Социальная направленность ссуд и безвозвратных пособий не вызывает сомнений. В деле устройства новоселов большое значение имели и другие виды помощи, оказываемой государством: помощь при неурожаях или стихийных бедствиях, а также практика списания с переселенцев ссудных долгов специальными указами или манифестами. Эти законодательные акты публиковались по случаю каких-либо торжественных событий и были нацелены на расширение льгот для переселенцев. Наиболее значимые льготы были предоставлены манифестом 21 февраля 1913 г., по которому все ссуды на общеполезные надобности обращались в безвозвратные пособия.

После начала Первой мировой войны инфраструктура переселенческих организаций Западной Сибири была переориентирована на выполнение тыловых функций по приему беженцев и военнопленных, лечению раненных. Существенно сократились ассигнования на выдачу ссуд и пособий. Но одновременно выдача ссуд и безвозвратных пособий была распространена на семьи призванных в армию сибиряков, включая и тех, кто проживал в бессудных районах. Сельскохозяйственные склады взяли на себя функцию по обеспече-

нию семей фронтовиков необходимыми сельскохозяйственными орудиями на особо льготных и даже безвозмездных условиях. Весь комплекс мероприятий, нацеленных на поддержку переселенческих семей, где имелись призванные на фронт крестьяне, дал положительные результаты, что выразилось в заметном сокращении долгов переселенческих дворов.

Таким образом, при имевших место недостатках в 1906–1914 гг. правительство выработало и на практике реализовало целый комплекс мероприятий в сфере государственной поддержки новоселов. Этот комплекс носил социальный характер и был нацелен на оказание переселенцам практической помощи в процессе их успешной адаптации в Сибири. Практическим результатом государственной помощи стало обустройство абсолютного большинства новоселов на новых местах и улучшение их благосостояния по сравнению с губерниями выхода.

ГЛАВА 4. ЗЕМЛЕОТВОДНЫЕ, ГИДРОТЕХНИЧЕСКИЕ, ДОРОЖНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ И МЕЛИОРАТИВНЫЕ РАБОТЫ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.

Важнейшим аспектом в контексте задачи колонизации Сибири была заготовка переселенческих участков. Смещение землеотводных работ на север и юг от достаточно обжитой полосы, прилегавшей к Сибирской железной дороге, поставило перед правительством задачи по изысканию колонизационного фонда и развертыванию дорожных и гидротехнических работ. Эти задачи были обозначены еще на рубеже XIX–XX вв. Фактически начало мелиоративных, гидротехнических и дорожно-строительных работ в местностях интенсивной колонизации относится к 1890-м гг., хотя в полной мере за решение этих вопросов государство взялось лишь в период Столыпинских переселений. В связи с этим в рамках настоящей главы предполагается решить следующие задачи: 1) выявить источники для формирования колонизационного фонда, особенности, динамику и результаты землеотводных работ в Западной Сибири и 2) выявить основные мероприятия государства по улучшению колонизационного фонда.

4.1. Источники формирования колонизационного фонда, особенности, характер и результаты землеотводных работ в Западной Сибири в 1906 – феврале 1917 г.

Развитие массовых крестьянских переселений в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. актуализировало вопрос о колонизационном потенциале Азиатской России. В 1890-х гг. наметилось два вектора колонизационных работ: к северу от Сибирской железной дороги (таежные и урманные районы) и к югу (степные области). Отведенные в этих районах участки иногда нуждались в дорогах или гидротехнических сооружениях. Это дало основание некоторым

современникам Столыпинских переселений утверждать, что к началу XX в. удобные земли, пригодные для сельского хозяйства в Сибири, были исчерпаны, а среди старожилов даже появилось малоземелье[1].

Однако многие современники высказывали противоположную точку зрения. Лично посетившие Западную Сибирь политические и общественные деятели разных политических взглядов констатировали в начале XX в. слабую заселенность региона и обширность пустующих пространств[2]. Наиболее оптимистично настроенные исследователи даже считали, что наличных пригодных для сельскохозяйственного производства земель хватит для устройства нескольких десятков миллионов человек[3].

Отчасти подобный стереотип о «бескрайнем» и «неисчерпаемом» колонизационном фонде Сибири был рожден малокомпетентными в этом вопросе сотрудниками периодической печати второй половины XIX в. Этот стереотип периодически актуализировался и политической элитой XIX в. А в 1870–1880-е гг. народнической журнальной периодикой активно формировался мифический образ Сибири как «крестьянского Эльдорадо»[4]. Причем стереотип о неисчерпаемых земельных ресурсах Сибири настолько укоренился в массовом сознании, что даже в 1907 г. посылавшие ходоков сотрудники землеустроительных комиссий были уверены в наличии за Уралом огромных пустынных пространств. Ходоки, прибывавшие в Западную Сибирь, тоже ожидали найти обширные массивы свободных земель, на которых можно было

---

[1] См.: Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд-е А. Ф. Девриена, 1908. С. 128; он же. Итоги землеустройства сибирских переселенцев за десятилетие 1893–1902 гг. // На Сибирские темы. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 150.

[2] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 21; Ленин В. И. Переселенческий вопрос // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 326; Он же. Письмо М. А. Ульяновой 2 марта 1897 г. // Полн. собр. соч. Т. 55. С. 23.

[3] Бар Ф. Коренное преобразование крестьянского хозяйства и общинного землевладения М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. С. 4–5; Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири. Томск : Тип. Г. В. Прейсман и Н. Я. Беляева, 1899. С. 25; Ядринцев М. Н. Сибирь как колония СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. С. 4, 6.

[4] Родигина Н. Н. «Другая Россия» : образ Сибири в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начала XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. С. 57.

бы устраиваться большими партиями выходцев из одной местности и создавать однородные колонии[1].

После начала массовых переселений в 1906 г. вопрос о наличии в Сибири свободных пригодных для сельского хозяйства земель отчасти приобрел политическую окраску. Либерально-оппозиционная печать Сибири поспешила обрушить на правительство П.А. Столыпина вал критики. Отдельные публицисты писали, что в Сибири свободных земель нет, а в некоторых местностях у старожилов на д.м.п. имеется лишь 6–7 десятин[2].

Источники тоже дают противоречивую картину. Некоторые чиновники отмечали наличие значительного резерва для образования переселенческих участков[3]. Можно встретить немало примеров образования переселенческих участков на рубеже XIX–XX вв. из «пустопорожних» земель или междугранков[4]. Но есть источники, где чиновники писали об отсутствии свободных земель[5].

Противоречивость источниковой базы привела к тому, что среди историков второй половины XX – начала XXI в. тоже не сформировалось единой точки зрения по этому вопросу. Некоторые из них считают, что массовые переселения 1890-х гг., организованные КСЖД, совсем истощили удобный колонизационный фонд[6], тогда как другие придерживаются мнения, что колонизационный потенциал Сибири накануне 1906 г. не был исчерпан[7]. Причем,

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

[2] Иванов С. Заблуждение или фальсификация? // Сиб. вопросы. 1906. №.1. С. 49–5; П. Г. Близкая опасность // Сиб. вопросы. 1907. № 6. С. 1–3.

[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 364. Л. 1.

[4] См.: ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 241. Л. 99; ГАОО. Ф. 183. Оп. 3. Д. 377. Л. 13; КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2975. Л. 30об.–31 и др.

[5] ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 36. Л. 197–197об., 199, 200.

[6] Дорофеев М. В. Земельная реформа в Сибири 1896–1916 гг. (аспекты взаимоотношений власти и крестьянства) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 303. С. 70; Он же. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. С. 241–245; Он же. Обратное переселение из Сибири (конец XIX – начало XX в.) : природно-климатический аспект проблемы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 309. С. 77; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 221–225.

[7] История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 3. С. 198–199; Соловьева Е. И. Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1956. С. 3.

по подсчетам В.Г. Тюкавкина, в Томской, Тобольской, Иркутской, Енисейской губерниях, Акмолинской и Забайкальской областях в начале XX в. имелось около 50 млн десятин обследованной земли, пригодной для немедленного освоения[1].

На наш взгляд, противоречие источниковой базы объясняется тем, что в них речь идет не об абсолютном исчерпании колонизационного фонда, а лишь об истощении земельного запаса, непосредственно *заготовленного* для новоселов. Что касается оценок колонизационного потенциала Сибири, которые были даны на рубеже XIX–XX вв., то они основывались не на научных методиках, часто этот вопрос решался путем чисто кабинетных оценок, на что справедливо обратил внимание М.В. Дорофеев[2].

Фактически же данных для объективной оценки колонизационных возможностей Сибири в начале XX в. просто не было. Так, по официальным данным, в 1880-х – начале 1890-х гг. в Томской и Тобольской губерниях 88% земель даже не было снято на план и не было известно. В Тобольской губернии из 134 976 783 десятин в 191 волости не определено и не снималось на планы 114 238 807 десятин, в Томской губернии из 79 069 583 десятин в шести округах было снято на план только 6 834 349 десятин[3]. В масштабах всей Сибири к началу XX в. было учтено менее половины территории[4]. Даже сибирская администрация слабо представляла колонизационные возможности территорий, вверенной ей в управление. Так, в рапорте томских губернских землемеров от 1875 г. (табель о пространстве земель Томской губернии) в 6 уездах (без Змеиногорского) значилось 100 232 десятины солонцов, 1 739 143 десятины неудобных земель, 895 050 десятин «под водами» и 32 543 091 де-

[1] Тюкавкин В. Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху капитализма : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 1966. С. 14–15.

[2] Дорофеев М. В. Состояние земельного фонда Западной Сибири накануне Столыпинских переселений // Аграрное и демографическое развитие России и Сибири в условиях индустриального общества (середина XIX–XX вв.) : материалы Всерос. научн.-практ. конф. Кемерово: КузГТУ, 2012. С. 30.

[3] Остафьев В. Возможно ли при существующих знаниях и данных о Сибири определить количество свободных, годных и удобных земель для колонизации. Омск : [б.и.], 1895. С. 2–3, 24.

[4] Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983. С. 54.

сятина земли «без разделения качеств»[1]. Земли «без разделения качеств» – это неисследованные земли, о которых землемеры не могли сказать ничего определенного. Таким образом, большая часть Томской губернии накануне массовых крестянских переселений не была изучена в плане пригодности к сельскохозяйственной деятельности.

В Санкт-Петербурге тоже не представляли истинный колонизационный потенциал даже приблизительно. На заседаниях КСЖД 10, 24 и 25 февраля 1893 г., обсуждая предложение С.Ю. Витте развивать крестьянские переселения, министр внутренних дел был вынужден поставить вопрос о необходимости выяснить количество свободных земель казны и Кабинета, годных для заселения[2].

Попытки составить межевые планы Западной Сибири, предпринимавшиеся в XIX в., не дали положительного результата. Планы были составлены небрежно и давали объективной картины. При пересъемке в начале XX в. иногда выяснялось, что фактическая площадь целых волостей была в почти два раза больше, чем по планам прежней съемки[3]. Межевые планы, снятые в ходе съемок в середине XIX в. на кабинетских землях, тоже были признаны непригодными[4]. Так, в ходе размежевания Бийской арендной статьи в 1883 г. была обнаружена площадь в 29 721 десятину против 11 293 десятин, числившихся ранее[5]. Начальник Алтайского округа 22 января 1893 г. прямо сообщал в Кабинет, что из 382 тыс. кв. верст площади округа снято на площадь менее ⅓[6].

Таким образом, Сибирь в почвенно-ботаническом плане к началу XX в. была изучена очень слабо, что признавалось и многими официальными изда-

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1708. Л. 4, 5, 6об.–7.
[2] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 9–9об.
[3] ГУТО ГАТО. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 865. Л. 4об.–5об., 74.
[4] Алтай, будущая Калифорния России и царствующие на Алтае порядки. Лейпциг : Тип. Бера и Германна, 1882. С. 71, 74; Мукаева Л. Н. Земельная политика на Алтае в 60–90 гг. XIX в. // Горный Алтай : история, современность, перспективы : сб. науч. ст. Горно-Алтайск : РИО, 2003. С. 44.
[5] Юдина Н. В. Вненадельная аренда в Алтайском горном округе во II половине XIX века // Из истории Алтая. Томск : Изд-во ТГУ, 1978. С. 142.
[6] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 123. Л. 8.

ниями[1]. До конца XIX в. серьезное изучение сибирских почв фактически не проводилось. Организованные в течение XIX в. исследования с участием Гагемейстера, Ядринцева и Миддендорфа в Алтайский округ и Барабу скорее способствовали установлению некоего стереотипа об исключительной плодородности алтайских почв. Из достойных упоминания научных исследований можно отметить лишь исследование, проведенное почвоведом, профессором Санкт-Петербургского университета В.В. Докучаевым. Однако результатом его работ стал сбор отзывов о сибирских почвах и их критический анализ, но отнюдь не собственно изучение химического состава почв и степени их плодородия[2]. В итоге к 1893 г. строго научное исследование почв в Западной Сибири было сделано лишь в Барабинской степи Томской губернии; еще в нескольких округах Томской, Тобольской губерний имелись почвенные описания, сделанные на основе простых осмотров. Во многих же местностях почвенные условия не изучались совсем[3].

Отчасти выяснению точного ответа на вопрос о размерах земель, пригодных для образования переселенческих участков, препятствовали различные подходы к обозначению границ, в рамках которых возможно ведение земледелия. Считалось, что земледельческая полоса Сибири не поднималась севернее 60º с.ш. в Тобольской губернии и далее на восток опускалась в Томской губернии до 58º, в Енисейской – до 57º и в Иркутской – до 56º с.ш.[4] В других изданиях северной границей земледельческой полосы был обозначен 58,5º с.ш., причем к востоку эта граница опускалась даже до 57º с.ш.[5] Но находились исследователи, «поднимавшие» границу возможного ведения зем-

---

[1] Обзор Акмолинской области за 1907 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1908. С. 2; Обзор деятельности Кабинета Его Императорского Величества за 1906–1915 гг. Пг. : Тип. гл. упр. уделов, 1916. С. 79.

[2] Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск : Изд. В. А. Грава, 1890. С. 43–44.

[3] Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1893. С. 113.

[4] Сведения о земледельческой полосе Сибири. СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1901. Вып. 7. С. 8–9.

[5] Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. М. : Тип. т-ва И. Сытина, 1908. С. 28.

ледельческого хозяйства до 62º или даже до 70º с.ш.[1] Отдельные исследователи ставили вопрос о возможности земледелия в юго-западных уездах Якутской области[2] и Нарымском крае[3]. Более поздние исследования как будто даже доказали возможность выращивания земледельческих культур в зоне вечной мерзлоты[4].

Таким образом, несмотря на проводившиеся в XIX в. в Западной Сибири землеотводные, межевые и топографические работы, государство имело смутные представления о колонизационном потенциале региона и о землях, которые можно было использовать в качестве сельскохозяйственных угодий.

Провозглашенная правительством в 1906 г. задача борьбы с аграрным перенаселением в Европейской России посредством массовых крестьянских переселений автоматически предполагала наличие достаточного колонизационного фонда. Такого фонда в начале 1906 г. в распоряжении переселенческих организаций Западной Сибири не имелось. Этот факт отмечали переселенческие чиновники в Западной Сибири. Например, в юго-западной части Тарского, Тюкалинском и Ишимском уездов Тобольской губернии на начало 1906 г. имелось в наличии лишь 4 500 свободных душевых долей, да и те представляли остатки незаполненных участков по причине недостаточной обводненности и пригодности для хлебопашества[5]. Небольшой резерв имелся также в виде запасных участков. Такие участки на рубеже XIX–XX вв. об-

---

[1] Духович А. К вопросу о колонизации тайги. Очерк попыток переселений в южной части Мариинско-Чулымской тайги. Томск : Тип. Г. В. Прейсмана и Н. Я. Беляева, 1896. С. 2; Дунин-Горкавич А. А. К вопросу о возможности сельскохозяйственной культуры в Тобольском севере и о колонизации последнего. Тобольск : Губ. тип., 1907. С. 1–4; Он же. Опытное сельскохозяйственное дело на Тобольском севере. Тобольск : Губ. тип., 1911. С. 7–8; Он же. Современное состояние сельского хозяйства на Тобольском севере. Тобольск : губ. тип., 1908. С. 3–12.

[2] Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд-е А. Ф. Девриена, 1908. С. 86.

[3] Костров Н. Нарымский край. Томск : Тип. губ. правления, 1872. С. 13; Отрыганьев А. В. Краткое описание западной части Нарымского края. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. С.16; Соколов А. И. Земельный фонд сибирской тайги и значение его для колонизации. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. С. 9–10.

[4] Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание. Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2007. С. 277–279.

[5] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–1об.

разовывались вперемежку с переселенческими и старожильческими поселками с расчетом на будущее увеличения численности старожилого населения. Например, в 1906 г. в составе пяти подрайонов Томского переселенческого района (Мариинско-Зачулымского, Зачулымского, Алтайского, Золотоискового и Татош-Шегарского) числилось 160 запасных участков[1]. До 1895 г. в Ишимском и Тюкалинском округах было образовано 34 запасных участка на 6 070 душевых долей[2]. Этот резерв был недостаточен для решения поставленной правительством задачи – борьбы с аграрным перенаселением в Европейской России.

В связи с этим задача поиска колонизационного фонда превратилась в одну из приоритетных[3]. Для ее решения в 1906 г. Переселенческим управлением были организованы первые научные экспедиции. Хотя они и носили случайный характер, но их руководители в большинстве случаев представили отчеты, достаточно полно и удовлетворительно разработанные, а в 1908 г. результаты этих экспедиций заслужили положительный отзыв выдающегося российского почвоведа профессора К.Д. Глинки[4]. Во второй половине мая 1907 г. начались геоботанические исследования восточной части Тюкалинского уезда по правому берегу Иртыша. При этом были вырезаны даже целые почвенные пласты с сохранением их структуры, делалось описание морфологического состава почв и находящейся на ней растительности[5].

Либерально-оппозиционная пресса призвала представителей академической науки (специалистов-ботаников и почвоведов) активно участвовать в научных экспедициях в Сибири[6]. Зимой 1907–1908 гг. при Переселенческом управлении было созвано совещание при участии почвоведов профессоров

---

[1] ГАКО. Ф. Д-35. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–2об. (*подсчеты мои – Д.Б.*).
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 241. Л .1–56 (*подсчеты мои – Д.Б.*).
[3] Савицкий П. Сметы Переселенческого управления в период III Государственной Думы // Вопр. колонизации. 1916. № 19. С. 33–34.
[4] Журнал Совещания, образованного для выработки программы почвенных и ботанических исследований колонизационных пространств Зауралья // Вопр. колонизации. 1908. № 3. С. 259.
[5] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 367. Л. 35–35об.
[6] Скалозубов Н. Об агрономических исследованиях незаселенных пространств Сибири // Сиб. вопросы. 1908. № 3–4. С. 51–52.

К.Д. Глинки, П.В. Отоцкого, Н.И. Прохорова и ботаников Б.А. Федченко и А.Ф. Флерова. Совещание выработало программу почвенных и ботанических обследований, которые должны были начаться с весны 1908 г. Предполагалось организовать около 20 экспедиций и направить их в разные места заселяемой полосы Азиатской России[1].

Намечаемые исследования должны были носить систематический и научный характер. Так, профессор К.Д. Глинка предполагал в течение 5 лет провести почвенные исследования, по итогам которых для каждой области и губернии Сибири должна была быть составлена классификация встречающихся в сибирских губерниях и областях почвенных типов и разновидностей[2]. Помимо этого в задачу таких экспедиций входило изучение растительного покрова, определение естественных зон Азиатской России и составление ботанической карты заселяемых районов[3].

Руководили научными экспедициями, как правило, либо опытные почвоведы-практики, либо ученые, иногда даже профессора университетов. Так, в почвенных экспедициях 1909 г. принимали участие в качестве руководителей экспедиций бывшие почвоведы Саратовского земства И.А. Шульга и Н.В. Благовещенский. Помимо отечественных специалистов исследованием Сибири занимались и иностранные ученые. Например, на весну 1914 г. была намечена командировка на Алтай известного норвежского ученого О. Ользена, который, помимо прочего, должен был проводить исследование местной флоры[4].

Организуемые ежегодно научные экспедиции исследовали миллионы десятин Сибири. Так, в 1910 г. были организованы экспедиции в Змеиногор-

---

[1] Татищев А. А. Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М. : РУССКИЙ ПУТЬ, 2001.С. 53–54.
[2] Скалозубов Н. О почвенных исследованиях в Сибири // Сиб. вопросы. 1911. № 1. С. 16.
[3] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1918. Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. С. 26.
[4] Предварительный отчет об организации и исполнении работ по исследованию почв Азиатской России в 1909 году. СПб. : [б.и.], 1910. С. 3–4, 9; Омский вестник. 1914. 17 января. Л. 3.

ский уезд по системам рр. Убы, Ульбы и Бухтармы[1]. В 1911 г. 9 научных экспедиций обследовали около 10 млн десятин в Азиатской России и признали годными для сельского хозяйства около 2 млн[2]. В 1912 г. было организовано 16 почвенно-ботанических экспедиций, обследовавших около 25 млн десятин, из которых приблизительно 5 млн было признано пригодными для земледельческой культуры. При этом в Западной Сибири исследованиями были охвачены части Ялуторовского, Тюменского, Ишимского, Тюкалинского и Тарского уездов Тобольской губернии, а также пространство между Ново-Николаевском, Каинском и Мариинском в Томской губернии. Результаты этих экспедиций были изданы в нескольких серьезных научных трудах, составленных по материалам проведенных полевых исследований. По итогам проведенных экспедиций профессор К.Д. Глинка выступал на двух международных конференциях с докладами и демонстрациями результатов работ. Результаты научных исследований имели не только академическое, но и огромное практическое значение для землеотводных работ. Экспедиции 1912 г. в Западной Сибири дали ответ на вопрос о границах первичной и вторичной тайги[3] в Томской и Тобольской губерниях. Было доказано, что почвы вторичной тайги по своим достоинствам значительно выше почв первичной тайги. Экспедиции также исследовали луговые карбонатные солончаки в Томской и Тобольской губерниях, выяснили, что эти земли не содержали в верхних слоях вредных солей и могли использоваться в качестве сенокосов и пашен. Экспедиции также доказали, что западносибирский чернозем нисколько не отличался от среднерусского[4].

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 57. Л. 20.

[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб. : Тип. Ю. Эрлих, 1912. С. VI.

[3] Под вторичной тайгой понимались таежные районы, возникшие на месте бывших степных мест.

[4] Благовещенский Н. В. Описание почв Чуно-Ангарского водораздела в Енисейском районе. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. [4], 8 с.; Глинка К. Д. Краткая характеристика почвенных и растительных зон Азиатской России. Пояснения к схематической почвенной и ботанико-географической карте Азиатской России. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1912. 35 с; Драницын Д. Почвы западного Заангарья Енисейской губернии. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. 177 с.; Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. С. 81–82; Скалозубов Н. О почвенных исследованиях в Сибири // Сиб. вопросы. 1911. № 1. С. 17.

В 1913 г. было организовано 15 почвенно-ботанических экспедиций, обследовавших в Азиатской России около 25 млн десятин, из которых примерно 5 млн было признано пригодными для земледелия. При этом в Томской губернии подверглись обследованию западная часть Алтайского округа и средняя часть Обь-Иртышского водораздела. Экспедиции позволили определить южную границу полосы каштановых почв, а также выявить изменения степной растительности по мере продвижения на юг[1].

Помимо научных экспедиций в 1906–1914 гг. организовывались статистико-экономические обследования отдельных, наиболее перспективных в плане колонизации районов. В 1907 г. была организована экспедиция в Степной край под руководством статистика Кузнецова. Экспедиция исследовала более чем 106 млн десятин, причем до 30 млн десятин было отнесено к излишкам в землепользовании местного населения. Наибольшая часть этих излишков находилась в районах с черноземными и темнокаштановыми почвами[2]. В 1908 г. был обследован Горный Алтай на площади примерно 5,7 млн десятин, из них около 1,5 млн были признаны пригодными для колонизации[3].

В целом в период Столыпинских переселений правительство смогло организовать научное исследование колонизуемых районов, привлечь к участию в экспедициях представителей российской академической науки. На финансирование этих экспедиций выделялись немалые средства. Причем до 1910 г. размеры кредитов на изучение новых районов ставились в прямую зависимость от количества переселенцев, а в 1911–1912 гг. произошло значительное увеличение кредитов уже независимо от потока переселенцев. Это было связано с пожеланиями депутатов Государственной думы о планомерном научном исследовании Сибири[4]. В 1908 г. на исследование новых районов колони-

---

[1] Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. Пг. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1914. С. 143–145.

[2] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Екатерининская тип. Вайсберга, 1917. Вып. 1 : Степной край. С. 105–107, 113–116.

[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 90–91об., 115–117об.

[4] Савицкий П. Сметы Переселенческого управления в период III Государственной Думы // Вопр. колонизации. 1916. № 19. С. 33–34.

зации было выделено 110 тыс. рублей, в 1909 г. – 400 тыс., а всего за 1908–1915 гг. – 2 263 тыс. рублей[1].

Конечно, нельзя говорить, что в результате организованных в начале XX в. экспедиций Сибирь была полностью исследована. До февраля 1917 г. далеко не все районы Сибири были исследованы, картографированы и изучены в почвенном или ботаническом плане. Так, в начале 1920-х гг. только в Енисейской губернии свободные необследованные государственные земли составляли 36 849 467 десятин[2]. Однако не подлежит сомнению, что систематические научные исследования, проводившиеся до и в период Столыпинских переселений, позволили получить более полное представление о колонизационных возможностях Сибири и вовлечь пустовавшие земли в сельскохозяйственный оборот. В марте 1917 г. Переселенческое управление составило отчет для Временного правительства о почвенно-ботанических экспедициях за 1908–1914 гг. За этот период в районы Азиатской России было направлено 98 экспедиций, обследовано 1 400 кв. верст земли, то есть $^1/_5$ всей территории Сибири. Научная обработка материалов этих экспедиций помогла хозяйственному освоению огромных территорий[3].

В свете перечисленных фактов представляется малоубедительным обвинение, брошенное в адрес правительства лесным ревизором из Енисейской губернии А.И. Комаровым, в том, что отсутствовало предварительное обследование местностей будущих землеотводных работ[4]. Не соответствует истине и утверждение Л.Ф. Склярова, что правительство не желало помощи научной общественности[5]. Факты свидетельствуют, что представители академической науки не только принимали самое активное участие в почвенно-ботанических

---

[1] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1918. Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. С. 4–5.
[2] ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 114. Л. 85–86 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[3] Бобылева О. М. Деятельность переселенческих организаций в Восточной Сибири в 1906–1916 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Иркутск, 2000. С. 15.
[4] Комаров А. И. Правда о переселенческом деле. СПб. : Тип. Альтшулера, 1913. С. 137.
[5] Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 216.

исследованиях, но и представили вполне осязаемые результаты своей работы в виде научных публикаций и докладов на международных конференциях.

В результате научных экспедиций правительство смогло значительно увеличить земельные резервы для колонизационного фонда. Если в 1900 г. запас пригодных для колонизации земель определялся в 3 млн душевых долей, то в ноябре 1913 г. этот запас определялся уже в 49 млн десятин[1].

Помимо научных экспедиций Переселенческое управление организовывало рекогносцировочные экспедиции, проводившиеся силами землеотводных или поземельно-устроительных партий. Эти экспедиции выясняли пригодность конкретных районов для нужд колонизации и ежегодно обследовали миллионы десятин земли. Так, в Тобольском районе на 1910 г. намечалось рекогносцировочное обследование района по системе рр. Конды, Кумы, Носки, Большому и Малому Туртасам, а также лесных дач Тобольского уезда. Обследуемый район занимал площадь до 3 млн десятин и представлял собой малоизученное пространство. Для проведения там рекогносцировочных работ планировалось сформировать две особые партии из нескольких топографов под руководством агрономов[2].

Рекогносцировочные работы охватили не только казенные, но и кабинетские земли. Вопрос об исследовании колонизационного потенциала в некоторых малоизученных районах Алтайского округа в интересах переселенческой политики был решен на совещании 22 февраля 1907 г., где присутствовали генерал-майор Волков и Г.В. Глинка[3].

Значительная часть рекогносцировочных экспедиций в 1906–1916 гг. исследовала земли, значившиеся «пустопорожними». В 1910 г. в Томской губернии было исследовано до 500 000 десятин по рр. Улу-Юл, Чика-Юл и Чулым, из которых пригодными для колонизации было признано 110 000 деся-

---

[1] Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 218–219.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 182об.–183об.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 581. Л. 35об., 37–37об.

тин. В Змеиногорском уезде в том же году было исследовано 1 707 000 десятин, из которых оказались пригодны для колонизации 430 000[1].

Нередко рекогносцировочные экспедиции проводились в казенных лесных дачах или оброчных статьях. Целью экспедиций было выяснения степени пригодности этих дач и статей для нужд колонизации. Так, в 1907 г. В Тарском уезде было обследовано 255 632 десятины лесных дач и оброчных статей, в Тюменском уезде обследованием были затронуты 8 казенных лесных дач и 18 оброчных статей[2]. В Верх-Каргатской и Золотоприисковой дачах (Томская губерния) землеотводными чинами было исследовано 450 000 и 300 000 десятин соответственно, признано пригодными около 45 000 десятин по берегам р. Каргата в «Каргатской дубраве» и до 150 000 в Золотоприисковой даче[3]. В течение летнего периода 1908 г. сотрудниками Ялуторовско-Тюменской поземельно-устроительной партии были обследованы Сазоновская, Тахталинская, Кучаковская и частично Ишимбаевская и Тавдинская лесные дачи[4]. В 1909 г. в Тобольском районе было обследовано для колонизационных нужд 2 285 157 десятин[5].

Рекогносцировочные экспедиции по обследованию новых колонизационных районов не прекратились и после начала Первой мировой войны. К примеру, планами работ в Тобольском районе на 1915 г. предусматривалось исследовать земли для будущего колонизационного фонда в двух оброчных статьях Ишимского уезда на площади в 5 700 десятин[6]. В том же году в Томском районе предполагалось обследовать 950 000 десятин[7]. В Томском районе в 1917 г. предполагалось произвести рекогносцировочные изыскания с целью изыскания нового фонда в Верхнее-Омской казенной лесной даче на

---

[1] Обзор Томской губернии за 1910 год. Томск : Тип. губ. упр., 1912. С. 46.
[2] Годовой отчет по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. [Б.м. : б.и., б.г.]. Вып. 45. С. 7–11.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 25об.–26.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 61. Л. 68об–69.
[5] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 62. Л. 3.
[6] ГУТО ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.
[7] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 115. Л. 36об.

площади 100 000 десятин[1]. Как видно из архивных документов, рекогносцировочные экспедиции по исследованию и подготовке колонизационного фонда продолжали проводиться даже в сложный период революционных потрясений и хаоса гражданской войны[2].

Рекогносцировочные и научные экспедиции опровергли мнение об исчерпанности к началу XX в. колонизационного фонда в Сибири. Примечательно, что обследования выявили не только факт наличия «пустопорожних» земель и «междугранков», но и их пригодность для сельского хозяйства. Данные о наличии таких земель и их использовании в 1906–1914 гг. для нужд колонизации широко представлены в различных ведомственных документах[3]. Некоторая часть таких «пустопорожних» земель была использована для образования арендных статей[4]. Поясним, что термин «пустопорожние» земли не всегда означал пустующие лесные дачи или оброчные статьи. Иногда он использовался для обозначения не заселенных пространств, не входивших в состав этих дач и статей. Есть примеры, когда в ведомственных документах «пустопорожние пространства» упоминаются параллельно с оброчными статьями и лесными дачами[5].

К числу таких незаселенных пустующих земель относился район т.н. десятиверстной полосы, которая ранее разделяла казачьи станицы пограничной линии и чужые (тогда) степи инородцев. В 1904 г. эта полоса была присоединена к землям Сибирского казачьего войска, но ее остаток после отведения наделов станицам и участков войсковым чинам составлял 800 000 деся-

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 129. Л. 15.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 50. Л. 7–7об.
[3] См.: ГАКО. Ф. Д-57. Оп. 1. Д. 9, 10, 11, 12, 16, 24, 25, 46, 51, 52, 56, 70, 71; КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2975. Л. 1–4об., Л. 29об.–30; Д. 3188. Л. 78; Д. 5223. Л. 5; Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 604. Л. 49–50об.; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983. С. 54; Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. Пг. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1914. С. 171.
[4] ГАКО. Ф. Д-57. Оп. 1. Д. 21, 22, 30, 36, 40, 41.
[5] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 313. Л. 82об.–83.

тин. Эти земли, по свидетельству П.А. Столыпина, были слабо заселены, но там имелось еще много плодородной нераспаханной целины[1].

Свободные незаселенные земли имелись и в относительно густозаселенном Алтайском округе. В период Столыпинских переселений они широко использовались для образования переселенческих участков. По подсчетам современных алтайских историков, 47,04% колонизационного фонда в Алтайском округе (1 612 350,02 десятины) составили именно свободные земли[2].

Даже после массовых переселений 1906–1914 гг. в Западной Сибири продолжали оставаться «пустопорожние» пространства, которые могли быть выделены для нужд колонизации. Так, в объяснительной записке к плану землеотводных работ по Тобольскому переселенческому району на 1918 г. отмечалось, что в Ишимском уезде образование запасного земельного фонда планируется «из пустопорожней части казенного пространства, расположенного на севере от г. Ишима, площадью до 72 000 десятин»[3].

Некоторыми современниками высказывалось мнение, что колонизация Сибири в начале XX в. будет в основном связана с освоением таежных пространств[4], а землеотводные работы будут проводиться в основном к северу от Сибирской железной дороги. Условия таежной, подтаежной и приурманной колонизации считались даже более благоприятными, чем степных районов с их почти хроническими засухами и нашествиями кобылки[5]. Так, во время неурожая 1901 г., когда в Тобольской губернии в нескольких уездах погибли недозревшие яровые, «лесной» Тарский уезд составил исключение. Урожай в этом уезде достиг сам-6,2 и было накошено много сена[6]. Примером успешно-

[1] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 23.
[2] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 79. Таблица 3.5.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 49. Л. 56–57.
[4] См.: Тихеев И. И. Отчет председателя Высочайше утвержденной в 1895 году комиссии для изучения и общего направления работ по образованию переселенческих и запасных участков. СПб. : Типо-литогр. Бермал и К°, 1896. С. 50; Выдрин А. П. Земельный фонд и колонизация Томской губернии. Томск : [б.и.], 1918. С. 27–28.
[5] Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение. // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд-е А. Ф. Девриена, 1908. С. 135, 137.
[6] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 35. Л. 113.

го «наступления» человека на тайгу может служить Седельниковская волость (Тобольская губерния). В 1897 г. чиновник, командированный для заведывания переселенческим делом в Тобольской губернии, в своем докладе в Переселенческое управление упомянул, что 40 лет назад эта волость была непроходимым урманом, от которого к концу XIX в. остались лишь остатки в пределах Екатерининской лесной дачи. Это было следствием непрерывного антропогенного воздействия на тайгу, связанного с регулярной вырубкой старожилами лесов[1]. Заметим, что освоение старожилами тайги в этой волости происходило без какой бы то ни было поддержки правительства. Решающими факторами здесь были время и упорный труд.

Исследования, проведенные на рубеже XIX–XX вв., показали, что тайгу не следует понимать исключительно как район сплошных, непроходимых дремучих лесов, пригодных только для звероловства или орехового промысла. По данным ряда исследований, в тайге вперемешку с сосновыми борами и «черной» тайгой были обнаружены обширные пространства безлесных «еланей» и покрытых лиственным редколесьем «бельников», вполне пригодных для сельскохозяйственного пользования и не слишком трудных для разработки. Причиной образования таких «еланей» стали значительные лесные пожары, совершенно менявшие облик первобытной тайги. В результате пожаров происходила расчистка обширных пространств, почва освобождалась от избытка влажности, таежный бурьян сменился мягкой доброкачественной травой[2]. Подобные пожары в таежно-лесных районах не были редкостью и уничтожали иногда сотни или тысячи десятин леса. Главной причиной этих пожаров было небрежное обращение с огнем окрестного населения, посещающего дачу, а также т.н. «палы» – обычай сибирских крестьян перед запахиванием поля сжигать на нем прошлогодние травы[3].

---

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 19об.
[2] Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение. // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд-е А. Ф. Девриена, 1908. С. 135.
[3] ГАНО. Ф. Д-151. Оп. 1. Д. 12. Л. 8–9.

По степени легкости разработки «гари» были различны. Старые «гари» образовывались в результате давних пожаров и требовали небольшой затраты труда. Новые «гари» были покрыты молодой березовой порослью и старыми пнями, удаление которых не всегда было под силу переселенцам[1]. Правда, следует заметить, что сильные таежные пожары могли приводить к тому, что почва под воздействием высоких температур могла терять какие-то полезные свойства[2], но в целом колонизация таежных пространств представлялась достаточно перспективным направлением. Это направление было намечено еще в середине 1890-х гг., когда была предпринята попытка колонизации таежных районов Тобольской губернии.

Однако в 1907–1910 гг. землеотводные работы приобрели иной вектор, сосредоточившись к югу от Сибирской магистрали, в степных районах. Так, в 1907 г. в «степной» Акмолинской области было отведено для переселенцев 41 800 душевых долей, а в «лесной» Тобольской губернии – лишь 10 700[3], причем в Тобольской губернии значительная часть участков отводилась не в таежной и урманной, а в лесостепной зоне. Например, в 1908 г. в «лесных» уездах Тобольской губернии (Тарском и Туринском) было утверждено временными комиссиями 96 участков и 5 прирезок емкостью 13 142 душевые доли, тогда как в степных и лесостепных Тюменском, Тюкалинском и Ишимском уездах – 82 участка и 2 прирезки емкостью 16 861 душевая доля. В том же году в Акмолинской области временными комиссиями было принято 135 переселенческих участков и 62 прирезки на площади 927 753 десятины и емкостью 61 553 душевые доли. В том же году на кабинетских землях Томской губернии (преимущественно степь и лесостепь) было утверждено временными комиссиями 266 переселенческих участков на 54 918 душевых долей и 13 хуторов на 38 долей[4]. При этом фактический рост землеотводных работ в Ак-

---

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 79. Л. 3об.–4.

[2] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. Т. 53 : Тобольская губерния. С. 387.

[3] Переселение и заготовка земель для переселенцев (Важнейшие цифровые данные за последние годы). СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1907. С. 15.

молинской области был отмечен уже с 1906 г., когда было образовано 77 участков, в следующем году – уже 99 участков[1].

В условиях, когда вектор землеотводных работ был смещен в сторону степной зоны, заготовка колонизационного фонда в таежных районах была значительно сокращена. Так, уже в 1907 г. официальные издания отмечали тенденцию к сокращению заготовки земель в таежных районах и преимущественному отводу земель степного характера за счет Алтайского округа и Тургайской области[2]. А в 1908 г. в северной части Тобольского уезда дальнейшее исследование урманов вообще было временно приостановлено. Хотя в этом районе на площади в 7 млн десятин казенных лесов предположительно имелись площади, пригодные для заселения[3].

В Томской губернии смещение землеотводных работ на юг было обусловлено решением передать часть земель Алтайского округа под нужды колонизации. Вопрос о развертывании масштабных землеотводных работ на территории Алтайского округа был инициирован еще 12 января 1906 г. главноуправляющим ГУЗиЗ перед Министерством императорского двора. Глава ГУЗиЗ предлагал образовывать переселенческие участки как на землях, отошедших Кабинету при землеустройстве, так и в остальных частях округа. Министр двора 10 февраля 1906 г. дал принципиальное согласие на открытие земель округа для водворения переселенцев и даже пообещал добиться на это Высочайшего соизволения[4].

19 сентября 1906 г. вышел указ о передаче для нужд колонизации земель Алтайского округа, по которому предусматривалась передача казне пригодных для заселения земель по мере образования на них переселенческих участков. В колонизационный фонд можно было включать помимо свобод-

---

[4] Отчет о работах по образованию переселенческих участков в Азиатской России в 1908 г. СПб. : [б.и.], 1909. С. 5–7, 21 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[1] Обзор Акмолинской области за 1906 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1907. С. 9; Обзор Акмолинской области за 1907 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1908. С. 18.

[2] Переселение и заготовка земель для переселенцев (Важнейшие цифровые данные за последние годы). СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1907. С. 15.

[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 760. Л. 1–2об.

[4] КГУ ГААК. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 581. Л. 1–1об.

ных земель округа также отрезки, образовавшиеся после землеустройства старожилов, и оброчные статьи. Запрещалось передавать в колонизационный фонд ценные боры или дачи, выполнявшие защитные функции, а также земли, необходимые для кабинетской промышленности, и некоторые другие виды угодий[1]. Стремление кабинетской администрации оградить часть своих угодий от передачи крестьянам прослеживается и по документам более раннего периода[2]. Причем некоторые боры и лесные дачи считались настолько ценными, что начальник Алтайского округа В. Михайлов специальным циркуляром 12 июня 1910 г. предложил управляющим имениями принять меры даже к прекращению аренды в таких дачах[3].

Порядок передачи земель был установлен особыми правилами, изданными главой МИДв по соглашению с главой ГУЗиЗ. По этим правилам Главное управление округа должно было ежегодно составлять подробные описания пригодных для хлебопашества земель округа, предназначенных для передачи в колонизационный фонд. Этими правилами намечались 3 стадии в порядке уступки алтайских земель под колонизацию. Сначала земли намечались к передаче и обследовались, затем на основании результатов обследования предназначались к передаче, после чего по утверждении участков временными комиссиями передавались в собственность казны. Образование переселенческих участков на кабинетских землях будет было передано в руки Томской переселенческой организации[4]. Также переселенческая организация получила право обращать запасные участки в переселенческие, производить прирезки к переселенческим участкам и осуществлять дорожные и гидротехнические работы[5].

---

[1] О передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного Управления Землеустройства и Земледелия для образования переселенческих участков // ПСЗРИ. Соб-е 3-е. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1. № 28357.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-153. Оп. 1. Д. 1. Л. 139–139об., 140об.
[3] ГАТО Ф. 244. Оп. 1. Д. 12. Л. 213–231об.
[4] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 179–181.
[5] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2701. Л. 24–26.

Переселенческое управление предполагало образовать в Алтайском округе 6 переселенческих подрайонов: 4 для работ по заселению отрезков, отмежеванных от старожильческих селений в Томском уезде, и 2 в Томском, Бийском и Барнаульском уездах в целях выяснения фонда свободных земель, которые можно было использовать для нужд колонизации. Для исполнения работ в этих подрайонах было назначено 6 отрядов, куда входили 6 производителей работ и 34 топографа, на одного производителя работ приходилась площадь в 100 000–120 000 десятин, на топографа – 10 000–20 000 десятин. По подсчетам Переселенческого управления, в 1907 г. из кабинетских земель для нужд колонизации можно было обратить в 1907 г. в Томском уезде 66 000 десятин, которые уже были готовы, а также 250 000 десятин, которые предполагалось предварительно разбить на мелкие участки. Кроме того, было 130 000 десятин, не обеспеченных водой, не имевших планового материала и нуждавшихся в дополнительном обследовании. Помимо этого, в наличии было 35 незаселенных переселенческих участков суммарно на 12 420 душевых долей. Предполагалось также отводить переселенческие участки в Бийском уезде, где велись землеотводные работы, а также включать в колонизационный фонд в Барнаульском уезде арендные статьи по окончании срока аренды. На межведомственном совещании 22 февраля 1907 г. было предложено проводить землеотводные работы в тех районах, где землеустройство еще не закончено. Генерал-майор Волков согласился с этим предложением Г.В. Глинки и признал, что работы по межеванию в условиях передачи в казну свободных земель Алтайского округа теряют свое значение. Правда, была сделана оговорка, что работы надо организовать так, чтобы чины Кабинета и Переселенческого управления не стесняли в работе друг друга[1].

По очень приблизительным подсчетам начальника Алтайского округа в декабре 1906 г. запас земель, которые можно было передать под нужды колонизации, равнялся 7,5 млн десятин. Эта цифра была получена не за счет точных расчетов, а путем механического вычитания от количества земель, оста-

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 581. Л. 35–36об.

ющихся вне крестьянского землепользования (20 908 000 десятин), тех, которые необходимо по разным причинам оставить за Кабинетом (13 460 000 десятин)[1].

В реальности все оказалась значительно скромнее этих «кабинетных» подсчетов. По данным Г.П. Жидкова, в конце XIX в. в Алтайском округе значилось 7 998 921 десятина лесопокрытой площади, из которых эксплуатировалось кабинетской администрацией только 4 482 767 десятин[2]. Остальные лесные районы не занятые крестьянами и не эксплуатируемые Кабинетом, можно было причислить к разряду «пустопорожних» земель. Правда, колонизационное значение таких лесных районов определялось наличием среди них так называемых «еланей» (свободных от леса пространств), которые могли привлечь переселенцев относительной легкостью освоения. Поэтому далеко не все 3 516 154 десятины свободной лесопокрытой площади можно считать потенциально пригодными для образования переселенческих участков. Кроме того, далеко не все кабинетские оброчные участки были пригодны для колонизационных нужд. Так, в составе оброчного участка Золотой было 76% неудобных земель, в составе участка Рахваловский – 45, Фазиха – 70, Свиная Грива – 75%[3].

Все подсчеты земель, которые возможно было передать из ведомства Кабинета в колонизационный фонд, носили лишь ориентировочный характер. Ко времени издания указа 19 сентября 1906 г. оброчных статей, заснятых на план, было очень мало. Под термином «оброчная статья» понимались обширные земельные пространства, заключенные в тех или иных границах и сдававшиеся в аренду по частям за очень малым исключением без договоров[4].

Так как действительно свободных земель, годных для поселения, оказа-

---

[1] Пожарская К.А. Оценка колонизационных возможностей Алтайского округа экспертами конца XIX – начала XX в. // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века : материалы III Всерос. науч. конф. Барнаул : АКИПРО, 2012. Т. 1. С. 195.
[2] Жидков Г. П. Кабинетское землевладение. 1747–1917 гг. Новосибирск : Наука, 1973. С. 187.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 686. Л. 7.
[4] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 3313. Л. 24–25.

лось в округе не так много, как предполагали первоначально, то переселенческие партии были вынуждены устраивать арендаторов и даже инородцев, чтобы только извлечь хоть какой-нибудь колонизационный фонд[1].

Как показывают многочисленные примеры, в 1907–1910 гг. администрация Кабинета нередко шла на уступки в вопросе передачи земель под нужды колонизации. Так, с согласия начальника Алтайского округа в 1907 г. была передана местность в Узкой степи, где в том же году был образован уч. Кособулат. Заведующий водворением переселенцев в Змеиногорском подрайоне совершил ошибку, предоставив переселенцам производить постройки прежде, чем были намечены усадебные места. В результате переселенцы стали возводить постройки еще до приведения в известность границ участка, что привело к фактическому появлению поселка не в границах участка, а в 2–3 верстах от этой границы. Поселок быстро привлек массу новых переселенцев и в 1909 г. насчитывал уже 1 467 д.м.п., в том числе 376 д.м.п., прибывших в течение 1909 г. В целях урегулирования этой ситуации губернатор созвал особое совещание, на котором начальник Алтайского округа выразил согласие на дальнейшие уступки около 1 000 десятин из луговых пространств Больше-Гатского бора[2].

Помимо этого, Кабинет допускал передачу в колонизационный фонд оброчных статей, занятых арендаторами, в тех случаях, когда путем устройства последних на правах переселенцев освобождался более-менее значительный колонизационный фонд. Соглашалось Управление округа и на досрочное прекращение аренды[3]. Это позволяет сделать вывод, что на этапе 1906–1910 гг. интересы кабинетского хозяйства были подчинены нуждам переселенческой политики.

Этот вывод представляется тем более верным, что кабинетская администрация почти не препятствовала самовольным захватам кабинетских земель

[1] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 181.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 719. Л. 279–280, 296.
[3] Сибирские переселения : документы и материалы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 186.

в 1907–1909 гг. Подобные случаи самовольных захватов были широко распространенным явлением[1]. По оценкам некоторых советских историков, масштабы таких захватов были таковы, что Кабинет был близок к полной потере своих земельных угодий[2]. Примечательно, что случаев совершенного выселения переселенцев с захваченных земель не было[3]. В руководстве округа преобладало мнение, что после указа 19 сентября 1906 г. о самостоятельном земельно-арендном хозяйстве думать не приходится, поэтому не предпринималось никаких особых мер для борьбы с захватом переселенцами свободных земель. Немало таких самовольно захваченных участков в итоге перешло в колонизационный фонд[4].

По подсчетам Г.П. Жидкова, в 1907–1915 гг. администрация округа передала Переселенческому управлению 3 427 863 десятины земли. При этом 1 612 350 десятин было взято из числа свободных земель, 1 158 894 – из оброчных статей. На этих землях было образовано 3 415 участков, на которых заселилось 230 000 д.м.п.[5] Наиболее интенсивно динамика заготовки колонизационного фонда на Алтае проходила в 1907–1908 гг. В этот период, чтобы удовлетворить громадный спрос переселенцев на землю без особых формальностей, передавалось все, что было в наличии и что выбиралось самой переселенческой организацией[6].

Для формирования колонизационного фонда активно использовались малозаселенные или вообще незаселенные степные районы Алтайского округа. Уже 7 июля 1907 г. зав. переселенческим делом в Томском районе сообщал о начале работ по образованию переселенческих участков в северо-восточной

---

[1] Жидков Г. П. Кабинетское землевладение. 1747–1917 гг. Новосибирск : Наука, 1973. С. 197–198.
[2] Он же. Крестьяне Алтая от февраля к Октябрю (К истории краха Кабинетского землевладения) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1968. Вып. 2. С. 93.
[3] РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 645. Л. 46–46об., 75–75об.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 33. Л. 120.
[5] Жидков Г. П. Кабинетское землевладение. 1747–1917 гг. Новосибирск : Наука, 1973. С. 200.
[6] Обзор деятельности Округа за пятилетие (1911–1915 гг.). Барнаул : Тип. упр. Алт. округа, 1916. С. 44.

части Кулундинской степи, свободной от киргизов[1]. Из числа этих земель под переселенческие участки было взято 93 014 десятин[2]. В Кулундинской и Бельагачской степях в 1907–1908 гг. было образовано 703 переселенческих участка площадью более 1 млн десятин[3]. С 1913 г. участки свободных степных земель стали отводиться для культурного скотоводства, и до 1917 г. под них было отведено 859 000 десятин[4].

С 1910 г. кабинетская администрация изменила политику в отношении передачи своих земель в колонизационный фонд. На совещании 26 января 1910 г. Кабинет подверг критике Управление округа за неоправданное желание отдать для нужд переселения земли, которые могли понадобиться округу для хозяйственных нужд[5]. Глава МИДв 22 декабря 1910 г. писал председателю Совета министров, что колонизационный потенциал Алтая почти полностью исчерпан, и просил о временной приостановке работ по образованию переселенческих участков на всем пространстве Алтайского округа впредь до полного землеустройства и обследования Горного Алтая. В интересах Кабинета он просил приостановить дальнейшие работы немедленно или значительно их сократить[6].

Барнаульский исследователь К.А. Пожарская опубликовала переписку начальника Алтайского округа В. Михайлова с руководителем Кабинета Е.Н. Волковым, в которой Михайлов оценил указ 19 сентября 1906 г. как малообдуманный и предложил действие этого указа приостановить. В результате с

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 581. Л. 78.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 15об.
[3] Пожарская К. А. Землеустройство столыпинских переселенцев в алтайском округе и арендное хозяйство Кабинета // Алтайская деревня в первой половине XX века : сб. науч. ст. Барнаул : Азбука, 2007. С. 67.
[4] Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. С. 23.
[5] Афанасьев П. А., Пожарская К. А. Формирование колонизационного фонда Алтайского округа как фактор изменения земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в регионе // Экономическая история Сибири XX – начала XXI в. : материалы II Всерос. науч. конф. Барнаул : Академия развлечений, 2009. С.83.
[6] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 409. Л. 1–1об.

1911 г. был введен запрет на передачу для колонизации неиспользованных оброчных статей и отрезков от землеустройства[1].

Изменилось и отношение Кабинета к самовольным захватам переселенцами кабинетских земель. С 1911 г. в связи с введенными ограничениями в ответ на просьбы переселенцев или арендаторов о землеустройстве и выделении земель под переселенческие участки часто следовали отказы[2]. Примеры, когда администрация округа в 1911–1915 гг. шла навстречу новоселам в их просьбах об отводе под переселенческие участки кабинетских земель, хотя и встречаются, но являются скорее исключением[3]. Администрация округа взяла курс на сохранение за Кабинетом лучших земель для нужд арендного хозяйства фонда. Прекращается передача под колонизацию отрезков от землеустройства[4].

Другим мотивом смены курса кабинетской администрации было стремление защитить ценные лесные дачи и ленточные боры, хищническое и бездумное истребление которых могло нанести экологический вред. Так, начальник Алтайского округа циркуляром 12 июня 1910 г. предложил управляющим имениями принять меры к прекращению аренды, связанной с возведением жилых построек в ценных лесных дачах. Все заимки и хутора были признаны нежелательными, а арендные отношения рекомендовалось постепенно прекратить[5].

Конечно, новый курс кабинетской администрации не означал, что Кабинет вовсе отказался передавать земли в колонизационный фонд. Речь шла о значительном сокращении передаваемых в Переселенческое управление зе-

---

[1] Пожарская К. А. Землеустройство столыпинских переселенцев в алтайском округе и арендное хозяйство Кабинета // Алтайская деревня в первой половине XX века : сб. науч. ст. Барнаул : Азбука, 2007. С. 69.

[2] См.: КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 3157. Л. 10, 21; Д. 3188. Л. 78–79, 90; Д. 3234. Л. 187, 191–192, 240.

[3] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 3234. Л. 3, 5, 7, 8, 15–16.

[4] Афанасьев П. А., Пожарская К. А. Формирование колонизационного фонда Алтайского округа как фактор изменения земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в регионе // Экономическая история Сибири XX – начала XXI в. : материалы II Всерос. науч. конф. Барнаул : Академия развлечений, 2009. С. 83–84.

[5] ГАТО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12. Л. 213–213об.

мель. Так, в 1911 г. было передано под образование переселенческих участков 143 294,78 десятины удобной земли, в 1912 г. – 73 491,40 десятины[1]. Передача кабинетских земель под нужды колонизации продолжалась и в период Первой мировой войны. В 1916 г. по сметным предположениям землеотводные работы на землях Кабинета предполагалось ограничить только Крапивинской волостью Кузнецкого уезда, где планировалось провести съемку для заготовки участков единоличного пользования лишь на площади в 2 200 десятин[2]. В 1915 г. предполагалось произвести съемку и заготовку участков поселкового пользования в Кузнецком уезде по р. Антропу на площади 6 184 десятин, а в верхнем течении р. Кондомы – на площади 12 563 десятины[3]. При этом, по данным барнаульских историков, фактически в колонизационный фонд поступило 2 389,66 десятин земли[4]. По другим данным, в 1915 г. для образования переселенческих участков было передано около 70 000 десятин примерно на 4 400 душевых долей[5]. Можно даже обнаружить отдельные случаи, когда Переселенческое управление замежевывало в колонизационный фонд земли, передача которых под нужды колонизации была запрещена администрацией округа[6], но такие случаи были скорее единичными. Часто арендные статьи и земли, передаваемые Кабинетом Переселенческому управлению в 1911–1915 гг., были невысокого качества. Так, в 1914 г. Кабинетом предполагалось передать для нужд колонизации 77 650 десятин, из которых Переселенческое управление признало из них пригодными только 46 102,07 десятины[7].

В целом статистические данные показывают, что динамика землеотводных работ на кабинетских землях Алтая после 1910 г. значительно сократилась. Если в 1907–1910 гг. в среднем в год под нужды колонизации Пересе-

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 3047. Л. 110об., 124.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 123. Л. 13.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 129. Л. 15.
[4] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 79. Таблица 3.5.
[5] РГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 33. Л. 314.
[6] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 3291. Л. 1.
[7] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 446. Л. 139–139об.

ленческое управление использовало 750 984,14 десятины кабинетских земель, то в 1911–1915 гг. – лишь 84 785,4 десятины[1].

После значительного сокращения площадей, передаваемых Переселенческому управлению кабинетской администрацией, вопрос о колонизации таежных пространств был поднят вторично. В смете расходов на 1912 г. зав. Томским переселенческим районом прямо писал, о смещении землеотводных работ в северные и таежные районы Томской губернии[2]. В Тобольской губернии в смете расходов на 1912 г. также констатировалось, что поиск новых земель для колонизации смещается в «северный» Тобольский уезд, до того малоисследованный и почти не затронутый колонизационными работами[3].

Заметим, что смещение землеотводных работ в таежные районы не означало, что отводимые участки будут представлять собой сплошь непроходимую тайгу. По оценкам зав. Томским районом, предполагавшиеся к заготовке в Кузнецком уезде на 1912 г. участки хотя и будут в основной своей массе таежными, но на ⅔ не будут нуждаться в предварительной расчистке[4]. В обследованных комиссией В.К. Кузнецова переселенческих поселках таежной зоны Томской губернии доля леса к общей площади угодий составляла 46,7%[5]. Конечно, участки в таежных и урманных районах разбирались медленнее, чем в степи или лесостепи, тем не менее, колонизация таежных районов шла и не без успеха. Так, в 1906 г. преимущественно «таежный» Тарский уезд был заселен на 49%. В Атирской и Седельниковской волостях в 1907 г. на 15 обследованных участках было занято 60,2% земель. Ежегодно степень заселения Тарского уезда увеличивалась на 6%. В 1913–1915 гг. наиболее активно из таежных районов этого уезда осваивались Нагорно-Ивановская, Ново-Ягодинская, Логиновская, Крайчиковская, Бухарская, Кор-

---

[1] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 79. Таблица 3.5 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 57. Л. 1аоб.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 316. Л. 63–64.
[4] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 615. Л. 18об.
[5] Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб. : тип. «Экономия», [б. г.]. Вып. 5. С. 2.

синская, Бутаковская и Слободчиковая волости. К 1916 г. Атирская волость была заселена на 48%, Егоровская – на 85%, а Нагорно-Ивановская – полностью, а в целом Тарский уезд оказался заселен на 77,7%[1].

Фактически смещение вектора колонизационных работ в сторону тайги было намечено П.А. Столыпиным еще в 1910 г. Освоение таежных районов на тот момент шло трудно и медленно. Правительство не пыталось представить ситуацию лучше, чем она была на самом деле, и не скрывало проблем в вопросе колонизации таежных и урманных районов. Так, П.А. Столыпин в своей знаменитой «Записке» привел фразу из личных бесед с переселенцами таежных участков «И земля неплоха, да вот не сила наша – лес одолел». Столыпин также отметил отсутствие хороших корчевальных машин и что стоимость корчевальных работ дорога – десятина расчищенной из-под леса земли в Европейской России обходилась в 170 рублей. В целях ускорения колонизации тайги Столыпин предложил увеличить размеры ссуд и отводить участки каждому переселенцу отдельно в подворное владение. Последний шаг был предпринят под воздействием разговоров со многими новоселами, которые высказывали опасения, что расчищенные ими наделы перейдут другим в результате переделов. Эти же опасения удерживали многих от решимости приняться за корчевание своих наделов. Подворное устройство эту проблему решало. Еще одной предложенной мерой, хотя и очень затратной, должна была стать предварительная вырубка части леса с корчевкой до прихода переселенцев хотя бы одной десятины из надела в 40–50 десятин[2].

Одним из направлений колонизации тайги должна была стать правительственная помощь новоселам в расчистке таежных пространств. Эта помощь оказывалась по двум основным направлениям. Во-первых, государство проводило раскорчевку на таежных участках за казенный счет. Во-вторых, выдавались премии от государства новоселам за расчистку земель под паш-

[1] Попов Е. В. Особенности процессов заселения и освоения переселенцами Тарского уезда во второй половине XIX – начале XX века // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. Вып. 2. С. 98.

[2] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 36–37.

ню. Расчистки на средства казны производились в ограниченных размерах и только на таких участках, скорейшее заселение которых вызывалось особыми соображениями. Начало подобной практики совпало с мировой войной, что не могло не отразиться на масштабах деятельности в этом направлении. Так, в 1914 г. была начата расчистка усадебных мест центрального участка в Тутальско-Чулымском подрайоне Томского района. На 33 усадебных местах этого участка подлежали расчистке 24 десятины, из которых в 1914 г. было расчищено лишь 8, в 1915 г. предполагалось произвести раскорчевку на площади 10 десятин, оставшиеся 6 десятин подлежали расчистке в 1916 г. Расчистки за премии ставились преимущественно на таких таежных переселенческих участках, население которых перешло к единоличной форме землепользования. На участках поселенного пользования премирования за расчистки практиковались лишь в случаях, если не было оснований предполагать, что население этих участков в ближайшее время перейдет к хуторскому или отрубному землепользованию.

Каждый домохозяин, выразивший желание производить расчистку пахотных угодий из-под тайги и воспользоваться за это премией, получал площадь в 2 десятины или в дополнительном до 2 десятин размере в зависимости от наличной площади чистых пахотных угодий в наделе заинтересованного домохозяина. Отведенная площадь должна была быть расчищена в течение 2 лет, не считая года отвода. Премии выдавались частями по мере производства расчисток в течение указанного срока. В случае неокончания расчистки в этот срок выплата премий прекращалась, за исключением особо уважительных случаев. Как показала практика 1912–1915 гг., в первый год отвода предъявлялось к приемке около 5% отведенной площади, а в каждый последующий год – по 20%. Остальная площадь отвода оставалась нерасчищенной в назначенный срок. Лесоочистками за премии до 1916 г. в Томской губернии были охвачены таежная полоса Мариинского, северная часть Кузнецкого и южная часть Томского уездов. Расширению работ в этом направлении препятствовала нехватка кредитов, особенно после начала войны. В 1912 г.

было отведено под расчистку 460 десятин, в 1913 г. – 736,5, в 1914 г. – 1 402, а на 1915–1916 гг. предполагалось отводить по 600 десятин. Согласно правилам окончание срока расчисток для отводов 1912 г. истекло в 1914 г., но ввиду военного времени было продлено до окончания войны. Размер выдаваемых премий соответствовал 75% действительной стоимости расчистки[1]. Средняя сумма такой премии за 1 десятину составляла 90 рублей. Общие размеры ассигнованных на раскорчевку средств в годы войны были невелики. Так, в 1916 г. в Томском районе было выделено 22 000 рублей, аналогичная сумма испрашивалась и на 1917 г. Практическим итогом была оплата премий за раскорчевку 1 028,75 десятины из 3 828,5 отведенных под расчистку в Томском районе[2]. Заметим, что сметными предположениями испрашивались суммы несколько большие, чем выделялись в действительности. Так, по смете на 1916 г. речь шла о сумме в 30 000 рублей,[3] на практике же просимые ассигнования были сокращены фактически на ⅓. Как видно из некоторых документов, практика лесных расчисток была продолжена и в непростой период Гражданской войны[4]. К примеру, в Тобольском районе новоселам урманной полосы планировалось выдавать премии в виде безвозвратных пособий за расчистку 5 десятин из расчета 300 рублей за десятину. Помимо этого, было предложено выдавать премии и за 5 расчищенных под сенокосные угодья десятин в расчете по 100 рублей за десятину[5].

На наш взгляд, практика поощрительных премий за расчистку таежных участков была более перспективным направлением, чем раскорчевка участков за государственный счет. Такая оценка базируется на том, что государство расчищало участки, заселение которых было еще под вопросом, тогда как премии выдавались новоселам, уже окончательно водворившимся на своих участках. Фактически в плане помощи новоселам по расчистке таежных пространств государством были сделаны только первые шаги, дальнейшему раз-

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 123. Л. 34–35об.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 129. Л. 4об., 28–28об.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 123. Л. 4об.
[4] ГАКО. Ф. Р-768. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.
[5] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 338. Л. 50.

витию которых помешала Первая мировая война. Первые кредиты на раскорчевку леса на таежных участках стали выделяться в 1912 г. За 1912–1915 гг. на эти нужды по всем районам Азиатской России было выделено всего 692 000 рублей[1].

Колонизация таежных пространств в период Столыпинских переселений отличалась от заселения тайги и урманов в 1890-х гг. более лучшей организацией и носила системный характер. Накануне Первой мировой войны государство разработало проект планомерного заселения тайги. Предполагалось разбивать таежные пространства на правильные районы и подрайоны в виде квадрата со стороной в 40 верст площадью 160 000 десятин. На этой площади планировалось заселять до 6 500 человек. Каждый подрайон должен был иметь собственный центр с административными учреждениями, почтой, телеграфом телефоном, врачебным пунктом с больницей, церковью и школами[2]. Масштабной реализации этих планов помешала мировая война, но в целом правительство выбрало перспективный курс колонизации тайги.

Одним из основных источников формирования колонизационного фонда (наряду со свободными землями) в период Столыпинских переселений стали оброчные статьи и лесные дачи. В период переселений, организованных КСЖД, оброчные статьи казны и лесные дачи для образования переселенческих участков использовались мало. Хотя в циркуляре главы МЗиГИ от 30 апреля 1896 г. и рекомендовалось включать в состав переселенческих участков оброчные статьи, которые не сданы в аренду или арендуются для сенокосов и под выпасы[3], но на практике обращение оброчных статей в переселенческие участки в 1890-х гг. не носило массового характера. По правилам 13 июня 1893 г. лесные дачи «по возможности» не должны были включаться в состав образуемых переселенческих и запасных участков, а казенно-оброч-

---

[1] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1918. Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. С. 4–5.
[2] Соколов П. И. Переселение и его задачи // Отрезвление. 1914. № 1. Вып. 4. С. 4–5.
[3] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб. : Тип. Переселен. упр., 1909. С. 197–198.

ные статьи в качестве источника для колонизационного фонда даже не назывались[1]. По этим правилам в местах, богатых лесом, в переселенческие участки предполагалось не включать наиболее ценные лесные насаждения. В местах же бедных лесом предполагалось не включать в переселенческие участки все лесные площади, которые уже составляют или могут составлять казенные лесные дачи[2].

В период массовых крестьянских переселений 1906–1916 гг. правительство перешло к массовой передаче оброчных статей и лесных дач в колонизационный фонд. Устройство переселенцев было обозначено более приоритетной задачей, чем развитие арендного хозяйства или охрана лесных дач. Если передача кабинетских арендных статей в колонизационный фонд производилась по указу 19 сентября 1906 г., то вопрос о казенных статьях решался в ГУЗиЗ. В 1906 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием распорядился произвести исследование лесных дач для поиска земель, пригодных под переселенческие участки. На совещаниях управляющего госимуществами и зав. переселенческим делом в Тобольско-Верхотурском переселенческом районе в апреле и мае 1906 г. было принято решение, чтобы чины Переселенческого управления совместно с лесничими определили казенные дачи, которые возможно обратить в колонизационный фонд[3].

3 мая 1906 г. управляющему госимуществами Тобольской губернии пришел циркуляр, предлагавший по соглашению с зав. переселенческим делом в губернии отводить переселенческие участки из казенных лесных дач, которые расположены вдоль дорог, проложенных Переселенческим управлением, и в тех местностях, которые отделяют один колонизационный район от другого[4]. Оброчные статьи в местностях, где поземельное устройство закончено, можно было целиком обращать в колонизационный фонд. Управление

---

[1] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 91–96.
[2] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 312.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 4. Л. 23–23об.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 446а. Л. 106–106об.

госимуществами не имело препятствий к отчуждению в Тобольской губернии статей, находящихся в хозяйственном распоряжении лесничих (275 577 десятин удобной земли), статей, находящихся в арендном пользовании лиц некрестьянского сословия (54 629 десятин удобной земли). Разрешалось отчуждать для колонизационных нужд статьи, находившиеся в арендном пользовании отдельных крестьян (общая площадь статей данной группы в Тобольской губернии – 283 637 десятин удобной земли). А вот статьи, находившиеся в пользовании обществ и сдаваемые без торгов, могли отчуждаться только в виде исключения и по согласию с Управлением государственных имуществ. В результате только в Тобольской губернии в 1906 г. колонизационный фонд за счет передачи казенно-оброчных статей фактически был увеличен почти на 700 000 десятин удобной земли. Причем речь шла не о глухих таежных районах, а о таких хлебородных уездах, как Ялуторовский, Тюкалинский и Ишимский[1].

Площадь казенных оброчных статей и лесных дач в начале XX в. достоверно не была определена, а фигурировавшие в источниках данные являлись скорее «гадательными», чем реальными[2]. По разным подсчетам советских историков площадь казенно-оброчных статей и лесных дач в Сибири в начале XX в. варьировалась весьма существенно. По данным В.Г. Тюкавкина, оброчные статьи составляли площадь в 2,8 млн десятин, а казенные лесные дачи – 27 млн десятин[3]. По другим его подсчетам, в начале XX в. во владении казны было 40 млн десятин в составе оброчных статей, запасных участков и лесных дач[4]. По подсчетам В.Н. Худякова, казенно-лесное хозяйство в 4 сибирских губерниях в 1902 г. насчитывало 830 дач (118 358 848 десятин)[5]. Вопрос о

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–1об.

[2] Крестьянское землепользование и хозяйство в Томской и Тобольской губерниях. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1894. С. 6–7.

[3] Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. С. 22.

[4] Он же. Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху империализма : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 1966. С. 14–15.

[5] Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. С. 244.

точности этих данных нуждается в дополнительном исследовании, но очевидно, что именно оброчные статьи и лесные дачи могли дать наиболее значительный колонизационный фонд.

Разумеется, далеко не все из этих земель можно было обратить под переселенческие участки. Реальность показала, что площадей лесных дач и оброчных статей была непригодна для нужд колонизации. Например, в 1907 г. в Тюкалинском уезде оброчные статьи Карасукской волости были признаны негодными для колонизационных надобностей. В Тарском уезде в том же году после обследования 255 632 десятин лесных дач и оброчных статей в колонизационный фонд поступило 97 387 десятин (38,1%), а 77 387 (30,3%) десятин были признаны непригодными для колонизации[1].

В образованных до 1885 г. оброчных статьях и лесных дачах в Западной Сибири было немало неудобных земель. Так, в оброчных статьях Томской и Тобольской губерний было 3 037 688 десятин всей земли, из которых 1 923 797 десятин (63,3%) относились к числу удобных. В лесных дачах тех же губерний удобные земли составляли 68,2%[2]. Помимо этого, в составе многих оброчных статей не хватало земель, годных для пашни. Например, в Тобольской губернии на 1912 г. в составе оброчных статей преобладали сенокосы и выгоны, а пахотные земли занимали сравнительно небольшие площади, да и то в южной части губернии[3].

Другим препятствием к полному обращению оброчных статей и лесных дач была потребность сибирского крестьянства в аренде этих участков. Томский губернатор в 1906 г. вообще высказал сомнения в целесообразности использования оброчных статей в качестве резерва для колонизационного

---

[1] Годовой отчет по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. [Б.м. : б.и., б.г.]. Вып. 45. С. 10–11 (подсчет процентов мой. – *Б.Д.*).

[2] Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. Вып. 2. С. 53–54 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 1. Л. 101.

фонда. Он считал, что эти статьи будут нужны старожилам для аренды и прирезок при предстоящем поземельном устройстве[1].

Хотя точные размеры аренды установить не представляется возможным, известно, что в 1910 г. крестьяне арендовали у казны 2,1 млн десятин оброчных статей[2]. Поэтому следует признать, что, по крайней мере, в отдельных местностях обращение арендных статей в переселенческие участки не представлялось возможным из-за интересов старожилов. Прежде чем отводить лесные дачи и оброчные статьи под переселенческие участки, землеотводные партии должны были выяснять, необходимы эти земли для старожилого населения или нет. В случаях, когда признавалось, что местное население заинтересовано в казенных статьях или лесных дачах, последние в колонизационный фонд включаться не могли. Так, в 1907 г. в Тюменском уезде землеотводные партии вынуждены были обследовать дачи Девятковского, Решетниковского, Овчинниковского, Ушаковского и Аманатского обществ, претендовавших на земли, намеченные для обращения в колонизационный фонд. В ходе обследования Инжуринской и Южно-Супринской лесных дач в Тобольском уезде в 1907 г. выяснилось, что эти земли необходимы старожилам. Вследствие чего ходатайства переселенцев об устройстве в этих дачах пришлось отклонить[3]. Как показывают примеры, требование выяснять степень заинтересованности старожилов или инородцев в оброчных статьях и лесных дачах прежде обращения последних в колонизационный фонд не было пустой формальностью. Это требование выполнялось во всех переселенческих районах Западной Сибири. Например, прежде образования переселенческого участка из Карагай-Точкалинской казенно-оброчной статьи в 1909 г. производитель работ Иванов был вынужден удостовериться, что указанная статья не нужна соседним инородческим юртам и старожилам с. Богадинского[4].

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 367. Л. 131–132об.

[2] Тюкавкин В. Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху империализма : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 1966. С. 19.

[3] Годовой отчет по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. [Б.м. : б.и., б.г.]. Вып. 45. С. 7, 14.

[4] ГУТО ГАТО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 184а. Л. 3об.–4.

Даже в случаях, когда у администрации возникали всего лишь сомнения относительно возможной заинтересованности местного населения в оброчных статьях или дачах, эти дачи и статьи в колонизационный фонд не передавались. Так, переселенцы Платон, Семен и Герасим Фроловы, Емельян и Гаврила Шаховские и Афанасий Дорофеев возбудили ходатайство об устройстве их по р. Амут (Ялуторовский уезд). Зав. землеустройством и переселением в Тобольской губернии на это ответил отказом, заявив, что вопрос об образовании из просимой местности переселенческого участка может решиться не ранее окончательного поземельного устройства старожилов[1]. Аракчинская казенная дача (Тюменский уезд) не могла быть обращена в колонизационный фонд, поскольку являлась запасным фондом для устройства безземельных и малоземельных инородцев Кашегальской волости[2].

Фактически в колонизационный фонд замежевывались те казенно-оброчные статьи, в аренде которых не было заинтересовано окрестное население. В Тобольской губернии основная масса таких статей находилась в Тюкалинском и Тарском уездах. Эти статьи зачислялась за ходоками даже без утверждения участков временными комиссиями. В Тюкалинском уезде около 300 000 десятин из числа казенно-оброчных статей было обращено в колонизационный фонд[3]. Например, уч. Мичущинский № 9 (Тобольская губерния) в 1913 г. был запроектирован из земель Аниковской и Мичущинской статей Юрчинского лесничества[4]. В 1908 г. из Мисской казенной лесной дачи (Тарский уезд) было образовано сразу 6 переселенческих участков: Прокопьевский, Тайсинский, Атагасский, Петресаевский, Филатовский и Тулавринский[5]. Оброчная статья «Заливинская» (Тобольская губерния) в пол-

[1] ГУТО ГАТО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 184. Л. 64.
[2] ГУТО ГАТО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 25б. Л. 17об.
[3] Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. С. 63–64.
[4] ГУТО ГАТО. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 794. Л. 1.
[5] ГАОО. Ф. 183. Оп. 3. Д. 260. Л. 2–2об.

ном составе вошла в состав переселенческого участка Лавакульского, утвержденного временной комиссией 9 декабря 1910 г.[1]

Достаточно частыми были случаи, когда образование участка из казенно-оброчной статьи происходило по просьбе переселенцев. Так, в январе 1909 г. 11 семей переселенцев Подольской губернии ходатайствовали об образовании участка из состава Карагай-Точкалинской казенно-оброчной статьи Тюменского уезда[2]. Переселенческий участок Соколовский (Тобольская губерния) был образован из части Соколовской оброчной статьи на основании просьбы переселенцев[3]. В Тобольском уезде в 1907 г. по «заявке со стороны переселенцев» было проведено исследование урочищ в лесных дачах Царевской, Инжуринской и Южно-Супринской на предмет их пригодности для колонизации[4].

Частыми были и случаи самовольного поселения переселенцев в лесных дачах или казенных статьях. В таких случаях переселенцы подавали прошение об образовании переселенческого участка уже после фактического водворения и обустройства, а официальные документы, регистрирующие самовольное поселение как переселенческий поселок, могли составляться спустя несколько месяцев или даже лет после фактического водворения. Именно так были образованы переселенческие участки Граковский и Юланский, которые были выделены из состава Рыбинско-Каргалинской лесной дачи (Тобольская губерния)[5]. Чаще всего на такие захваты переселенческие организации смотрели сквозь пальцы, постфактум легализуя самовольные поселения. Например, переселенцы Курляндской губернии самовольно водворились на землях Поповско-Бобровской казенной лесной дачи. В результате из части этой дачи был вырезан переселенческий уч. Бобровский, где проживали эти переселен-

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.
[2] ГУТО ГАТО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 184а. Л. 3об.
[3] ГАОО. Ф. 183. Оп. 3. Д. 277. Л. 5–6.
[4] Годовой отчет по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. [Б.м. : б.и., б.г.]. Вып. 45. С. 14.
[5] ГАОО. Ф. 183. Оп. 3. Д. 277. Л. 7–10.

цы. Норма надела составила 15 десятин на 1 д.м.п.[1] В 1906 г. один переселенец возбудил ходатайство об образовании переселенческого поселка из казенных земель, ранее им арендованных. Хотя ходатайство об образовании переселенческого поселка исходило всего от одного человека, зав. переселенческим делом Томского района счел его заслуживающим удовлетворения[2]. Случаи таких самовольных захватов казенных земель с последующим образованием из этих захваченных земель переселенческих участков были явлением массовым[3].

Тобольский губернатор Д. Гагман 19 мая 1909 г. направил циркуляр уездным исправникам, где потребовал своевременно принудительно выселять самовольно водворяющихся на казенных землях переселенцев[4]. Однако такие случаи в 1906–1914 гг. хотя и имели место[5], но были нечастыми. Как показывают многочисленные факты, чиновники Переселенческого управления почти всегда были на стороне переселенцев, самовольно захватывавших казенные статьи или дачи, тогда как чины лесного ведомства и департамента госимуществ чаще выступали за сохранение лесных дач и оброчных статей за казной. К примеру, на оброчный участок Калиновский (1 417 десятин) в 1905–1906 гг. явилось несколько переселенцев. Они разбили усадьбы и приступили к постройке домов. Тавдинский лесничий в 1906 г. обратился в полицию с просьбой выдворить самовольных переселенцев, последние же обратились к переселенческому чиновнику с ходатайством о водворении их по месту проживания. Тот пошел им навстречу и зачислил их на фактически не существовавшем тогда уч. Калиновском. Позднее местные переселенческие чины ходатайствовали о «скорейшем образовании переселенческого участка из земель Калиновской оброчной статьи». В итоге уже в 1907 г. этот участок был

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 719. Л. 101.
[2] ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 550. Л. 119–119об.
[3] См.: ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 6; ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 7. Л. 20; Ф. И-580. Оп. 1. Д. 313. Л. 19–21 и др.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 446а. Л. 168–168об.
[5] И-ъ. «Великое переселение» и лесная неурядица // Сиб. вопросы. 1908. № 29. С. 38.

запроектирован площадью в 1 422,40 десятин удобной земли[1]. Пример совсем не единичный. Так, в отчете о колонизационных работах Ялуторовско-Тюменской поземельно-устроительной партии за 1908 г. автор документа отметил факт самовольного оседания переселенцев Мозырьского уезда в Тавдинской даче, но при этом и речи даже не заходило, что этих самовольных переселенцев следует выдворить. Напротив, автор далее предложил в этом месте образовать участок на 50 семей[2]. В других районах наблюдалась похожая картина: в 1906–1910 гг. в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях землеотводные работы по образованию колонизационного фонда вообще не проводились, но на самовольно занятых участках водворилось 18 742 и 3 560 д.м.п. соответственно[3].

Эти примеры показывают, что государство еще в 1906 г. четко обозначило приоритет переселенческой политики над фискальными интересами казны. Председатель Совета министров в телеграмме от 17 июля 1907 г. губернаторам сибирских губерний и степных областей подчеркнул государственное значение переселенческого дела и добавил, что при отводе переселенцам земель из лесных дач или оброчных статей в случае противоречия интересов фискальных и переселенческих, нельзя не отдавать преимущества последним[4]. Примечательно, что в годы, когда темпы переселений упали, государство по-прежнему считало заготовку колонизационного фонда более приоритетной задачей, чем сохранение за казной оброчных статей или лесных дач. Так, в 1910 г. товарищ главноуправляющего ГУЗиЗ распорядился о снятии запрета с части Катениско-Чаны-Соканской лесной дачи, из которой 40 384 десятины стало возможным передать под образование переселенческих участков[5].

В отдельные годы лесные дачи и казенно-оброчные статьи становились не только основным, но даже единственным источником формирования коло-

[1] ГУТО ГАТО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 83. Л. 9.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 61. Л. 69.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5. Л. 89об.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 446а. Л. 138–139.
[5] ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 515. Л. 205.

низационного фонда. Например, в 1907–1909 гг. в Тобольском районе именно казенно-оброчные статьи были основным источником для образования переселенческих участков[1]. В 1915 г. в Тобольском районе в переселенческие участки предполагалось обратить казенно-оброчные участки Щербакты, Очеп-Челманский, Нурке в Тюкалинском уезде (площадь 11 000 десятин), в Курганском уезде – казенные статьи Арагульскую и Калиновскую (1 200 десятин), в Ялуторовском уезде – Беловскую казенную лесную дачу (2 000 десятин). В Тарском и Тюменском уездах колонизационный фонд предполагалось формировать также исключительно из казенных статей или лесных дач. Общая емкость отводимых под переселение казенных земель в Тобольской губернии должна была составить 20 400 десятин[2]. Аналогичным образом исключительно из казенно-оброчных статей предполагалось сформировать колонизационный фонд в Тобольском районе в 1914 г.[3] В 1912 г. в Тобольском районе основным источником также стали казенные земли, и только 1 участок был образован из земель «совместного пользования казны и старожилов»[4]. По отдельным уездам на казенных землях Западной Сибири также можно отметить преобладание в структуре колонизационного фонда оброчных статей и казенных лесных дач[5].

К 1 января 1910 г. в Тобольской губернии казенно-оброчные статьи занимали площадь 1 539 977 десятин, к 1 января 1912 г. эта площадь сократилась до 1 415 530 десятин[6]. К 1 января 1917 г. площадь наличных казенно-оброчных статей уже составляла 1 041 231 десятину[7]. В Восточной Сибири объемы передаваемых под колонизационные нужды оброчных статей были несколько менее. В Енисейской губернии в 1905–1914 гг. из ведения местного управления земледелия и госимуществ было изъято 259 казенно-оброчных

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 174об.
[2] ГУТО ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 11. Л. 11–12.
[3] ГУТО ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 9. Л. 11–11об.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 68. Л. 18об.
[5] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 48. Л. 33; Годовой отчет по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. [Б.м. : б.и., б.г.]. Вып. 45. С. 7–10.
[6] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.
[7] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

статей площадью 52 572 десятины[1]. Эти данные показывают, насколько интенсивно шло обращение под переселенческие нужды оброчных статей.

На наш взгляд, казенно-оброчные статьи и лесные дачи в годы Столыпинских переселений могли дать значительно больше в колонизационный фонд. Расширению землеотводных работ в этом направлении препятствовало противодействие со стороны некоторых лесных чинов и отдельных представителей министерства госимуществ. Хотя 6 февраля 1907 г. глава ГУЗиЗ призвал местных управляющих госимуществами, старших чиновников по составлению отводных записей и заведующих переселенческим делом в сибирских губерниях «употребить все зависящие от них средства к объединению своей деятельности, так как они являются чинами одного и того же главного управления землеустройства и земледелия»[2], но в действительности единства интересов не было.

Показательным примером является письмо из Тобольского управления земледелия и госимуществ в Лесной департамент, где содержится жалоба на действия чинов переселенческого ведомства, зачислявших в колонизационный фонд ценные лесные дачи. В конце письма начальник Управления земледелия и госимуществ Тобольской губернии Грибанов предложил, чтобы в дальнейшем образование переселенческих участков из эксплуатируемых казенных лесных дач производилось лишь после утверждения представленного чинами лесного управления заключения о возможности в данной даче колонизационных работ[3]. При этом чины лесного ведомства нередко спекулировали необходимостью оставлять лесные дачи «для нужд старожилов». К примеру, в 1908 г. лесничий Успенского лесничества препятствовал включению в колонизационный фонд части Калачинской дачи, упирая именно на то, что эта дача крайне необходима старожильческим селениям в случае ходатайств о

---

[1] Пантелеев В. И. Влияние переселенческой и землеустроительной политики царизма на развитие земельно-лесного хозяйства казны в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск : Иркутский гос. пед. ин-т, 1987. С. 154.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 446а. Л. 112–112об.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 25. Л. 17–21об.

прирезках. Абсурдность подобных заявлений в данном случае очевидна – не лесничий должен был решать вопросы о прирезках, а сотрудники поземельно-устроительной партии, которым этот лесничий как раз и оказывал противодействие. В итоге своими действиями лесничий затормозил процесс образования переселенческого участка из состава указанной дачи, и проект этого участка мог быть представлен временной комиссии лишь к началу ноября, хотя вопрос об образовании переселенческого участка был поднят еще в начале весны[1].

Случаи препятствия администрацией включению в колонизационный фонд казенных дач или статей широко описаны в отечественной научной литературе[2] и подтверждаются источниками[3]. Наиболее непримиримую позицию в этом вопросе занимали руководившие Тобольским управлением госимуществ Фролов-Багреев и его преемник Грибанов, не желавшие поступаться интересами казны. Так, в 1903 г. управляющий госимуществами Тобольской губернии Фролов-Багреев потребовал от губернской администрации выдворения переселенцев, самовольно водворившихся в пределах Рыбинско-Каргалинской дачи. Его желание оставить за казной эти земли было настолько велико, что он использовал взаимоисключающие аргументы: 1) эта местность имеет значение с точки зрения будущего поземельного устройства старожилого населения; 2) эта местность непригодна для сельскохозяйственного пользования. В служебной записке, адресованной Департаменту государственных земельных имуществ, этот чиновник добавил, что на территории, занятой самовольными переселенцами, вообще отсутствуют удобные земли. В ответ на это и.о. главноуправляющего ГУЗиЗ Шванебах логично возразил, что ссылка на отсутствие удобных земель опровергается самим фактом образования самовольного поселения и упорным нежеланием переселенцев оставлять самовольно занятое место. В целом ответ Шванебаха был выдер-

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 61. Л. 63–63об.

[2] Пантелеев В. И. Столыпин ехал по Сибири : исторические очерки и заметки. Красноярск : Красноярский писатель, 2003. С. 42.

[3] См.: ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 515. Л. 122–125, 155, 235–235об.; Д. 919. Л. 198–198об.; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 760. Л. 3–3об.; ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 25. Л. 4, 6, 20–20об.

жан в достаточно резком тоне – он указал Фролову-Багрееву, что тот не должен был выяснять, удобна или нет земля, занятая переселенцами, поскольку это «вовсе не входило в задачу управления», и этот случай вообще свидетельствовал «о неправильном отношении» управляющего госимуществами к вопросам, касающимся переселенческого дела. Далее Шванебах указал, что подобные действия только подрывают авторитет управления госимуществами и тормозят правильных ход процесса образования переселенческих участков, затягивая устройство переселенцев на местах, хотя бы и самовольно ими занятых[1].

С 1909 г. был установлен новый порядок по образованию переселенческих участков, одобренный товарищем главноуправляющего ГУЗиЗ сенатором Иваницким. Теперь образование переселенческих участков допускалось из всех казенных лесных дач, причем в большей группе таких дач производитель мог осуществлять работы без предварительного согласия лесничего, лишь уведомляя его об открытии работ. Этот порядок привел к тому, что до 1914 г. выделение переселенческих участков шло помимо участия управления госимуществ и лесничих. В результате были факты образования переселенческих участков среди действительно ценных лесных дач, что вызвало крайнее неудовольствие начальника управления госимуществ в Тобольской губернии Грибанова. Он даже направил в Лесной департамент по этому поводу гневное письмо, где просил изменить порядок образования переселенческих участков, чтобы в дальнейшем передача в колонизационный фонд казенных лесных дач производилась лишь после совместного обследования переселенческих чинов и сотрудников лесного управления[2].

Более сдержанную позицию занимало Томское управление госимуществ. Для примера обратимся к циркуляру управляющего государственными имуществами в Томской губернии от 3 июня 1911 г., адресованному лесничим. В циркуляре от 3 июня 1911 г. управляющий госимуществами в Томской

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 446а. Л. 99об.–100.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 25. Л. 17–21об.

губернии писал, что сотрудники поземельно-устроительных и землеотводных отрядов производят отрезки от лесных дач в земельные наделы старожилов и переселенцев, но не сообщают об этом в управление госимуществ. В связи с этим управляющий рекомендовал лесничим посылать объездчиков, которые должны были фиксировать изменения в границах лесных дач, производимые в процессе образования переселенческих участков и при поземельно-устроительных работах, и своевременно докладывать об этом в Управление госимуществ[1]. Этот циркуляр свидетельствует, что Томское управление госимуществ даже не всегда знало о том, какие казенные земли отходили под нужды колонизации. Да и сам циркуляр сводился не к запретам на включение государственных земель в состав переселенческих участков, а лишь к рекомендациям отмечать, какие земли в состав таких участков отходили, и информировать об этом Управление госимуществ.

Сравнение содержания этого циркуляра с приведенным выше письмом Тобольского управляющего земледелием и госимуществами позволяет предположить, что в губерниях Западной Сибири чиновники, управляющие госимуществами, по-разному смотрели на процесс включения государственных земель и лесных дач в колонизационный фонд.

Интересный пример противодействия лесных чинов обращению лесных дач под переселенческие нужды приводится в воспоминаниях А.А. Татищева, который в 1906 г. вместе с Г.В. Глинкой прибыл в г. Омск, где на переселенческом пункте их обступила толпа переселенцев с жалобами, что в Омском уезде есть хорошая земля (несколько тысяч десятин), но чиновники не хотят ее отдавать переселенцам. Речь шла о лесной даче Большие Поляны, которая, по мнению чиновников, не могла быть отведена под переселение. Г.В. Глинка лично осмотрел дачу и выяснил, что собственно леса в этой даче мало, сохранять в виде лесной дачи все 16 000 десятин бессмысленно и подавляющую часть этой площади можно отдать под переселение. После возвращения в Омск Г.В. Глинка послал телеграмму в Лесной департамент, и тот

[1] ГАТО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 23. Л. 11–11об.

немедленно распорядился передать Большие Поляны в ведение Переселенческого управления. Четыре года спустя во время поездки П.А. Столыпина в Сибирь в этом районе уже был переселенческий поселок[1].

Процесс колонизации неизбежно сопровождался сокращением лесных площадей, что нередко вызывало возмущение чиновников[2]. Если радение о лесах в степных районах еще как-то может быть объяснено с точки зрения логики – в таких местностях лес действительно мог представлять ценность, то противодействие вырубкам леса в сугубо лесных районах доводами разума объяснить сложнее. К примеру, лесной ревизор Енисейской губернии А.И. Комаров, имевший чин статского советника,[3] в своей книге «Правда о переселенческом деле» гневно писал о «разгроме государственных земель и лесов» как о «жертве на алтарь аграрного Молоха Европейской России»[4], имея ввиду как раз именно таежные районы.

Несмотря на противодействие некоторых чиновников ведомства госимуществ, процесс передачи казенно-оброчных статей в колонизационный фонд был продолжен и в период Первой мировой войны. Так, в 1916 г. было исключено из оброчных книг 12 окладных и неокладных статей, из которых были образованы хуторские, переселенческие и запасные участки в Томской губернии[5].

В результате массового замежевания в колонизационный фонд статей и дач площадь последних существенно сократилась. Как установил сибирский историк В.И. Пантелеев, в 1907–1914 гг. площадь земельных оброчных статей департамента государственных земельных имуществ в Сибири уменьшилась с 2 801 000 до 2 186 000 десятин, а статей лесного департамента – с 163 000 до 81 000 десятин. В одной только Томской губернии в 1907 г. было выделено

---

[1] Татищев А. А. Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М. : РУССКИЙ ПУТЬ, 2001. С. 37–38.
[2] См., например: ГАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 102. Л. 4.
[3] ГАТО. Ф. 240. Оп. 2. Д. 17. Л. 3.
[4] Комаров А. И. Правда о переселенческом деле. СПб. : Тип. Альтшулера, 1913. С. 31, 34–36.
[5] ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 173. Л. 12–12об.

под переселенческие участки до 400 000 десятин удобной земли из казенно-оброчных статей (т.е. более половины удобной площади статей в губернии)[1]. Вероятно, подсчеты В.И. Пантелеева следует признать достаточно близкими к истине. Правда, следует оговориться, что оброчные статьи и лесные дачи включались не только в состав переселенческих участков, но и в наделы старожильческих селений в процессе землеустройства. Отмечая динамику сокращения арендных статей и лесных дач в 1907–1914 гг., следует заметить, что эта тенденция шла на фоне образования новых арендных статей и лесных дач. В этот период землеотводные партии занимались не только нарезкой участков для переселенцев, но и образованием новых арендных статей и лесных дач, источниками которых были отрезки от землеустройства старожилов и пустопорожние пространства в исследуемых районах.

Дополнительным источником формирования колонизационного фонда стали излишки землепользования старожилов и инородцев. В ходе землеустроительной реформы, начатой в Сибири на рубеже XIX–XX вв., все земли сверх 15 десятин на д.м.п. должны были отрезаться от крестьянских наделов. Значительная часть таких отрезков была включена в колонизационный фонд.

Некоторые современники высказывали сомнение в целесообразности передачи отрезков от землепользования под нужды колонизации, так как эти отрезки были небольшими, часто это были худшие земли, плохо снабженные водой и неудобные для хозяйства[2]. Другие исследователи указывали на то, что земельных излишков у старожилого населения немного[3], а некоторые даже утверждали, что среди старожилов имело место малоземелье[4].

---

[1] Пантелеев В. И. Земельно-лесное хозяйство казны в Сибири в период капитализма : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1987. С. 11.

[2] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб. : Тип. «Нар. польза», 1904. Т. 54 : Томская губерния. С. 125; ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 173–173об.

[3] Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд-е А. Ф. Девриена, 1908. С. 134.

[4] Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX в. (1865–1899 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1970. С. 12–13.

В архивах действительно сохранилось немало просьб старожилов о прирезках и жалоб на малоземелье[1]. Обследования старожильческих селений на предмет причисления к ним непричисленных переселенцев на рубеже XIX–XX вв. подтвердили, что некоторые из этих селений имели земельные наделы менее 15 десятин на д.м.п.[2] Однако многочисленные исследования на рубеже XIX–XX вв. показали, что в Западной Сибири имелось много селений, где фактическое землепользование было больше 15 десятин удобной земли на д.м.п.[3]

Что касается крестьянских жалоб на малоземелье, то они скорее были связаны с кризисом господствовавших в Западной Сибири экстенсивных форм землепользования[4], чем с реальным малоземельем. Экстенсивный характер землепользования старожилов Сибири на рубеже XIX–XX вв. неоднократно отмечался современниками, а в дальнейшем и историками[5]. В отдельных районах Сибири преобладало залежное хозяйство, в других господствовало двуполье[6]. Навоз в качестве удобрения почти не применялся, а нередко просто сваливался в ближайшем лесу и сжигался[7].

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-153. Оп. 1. Д. 2. Л. 19; Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2177. Л. 53; Д. 2247. Л. 1–1об.; ГУТО ГАТ. Ф. И-142. Оп. 1. Д. 15. Л. 5, 69об., 143, 162.

[2] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2245. Л. 1об.–5, 29об.–30, 32об.–33.

[3] Швецов С. П., Юхнев П. М. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округа. Барнаул : Типо-литогр. при Гл. упр. Алт. округа, 1898. Т. 2, вып. 2. : Землевладение и землепользование. С. 2–5, 8–9, 12–13.

[4] Гурвич И. А. Переселение крестьян в Сибирь. М. : Тип. А. Левенсон и К°, 1889. С. 56.

[5] См., например: ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 1. Л. 101об.; Кауфман А. А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Северный вестник. 1891. № 4. С. 31, 34, 38–39; Ноздрин Г. А. Хозяйственное и социокультурное развитие русской сибирской деревни в начале XX в. // Русский этнос в Сибири в XX веке : сб. науч. тр. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2004. С. 92–93; Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 189.

[6] Кауфман А. А. К вопросу о влиянии переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Труды императорского Вольного экономического общества. 1891. № 4. С. 18–19; Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1896 г. Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1896 г. Барнаул : Типо-литогр. при Гл. упр. Алт. округа, 1897. С. 34; Сибирская советская энциклопедия. М. : Тип. газ. «Правда», 1931. Т. 2. С. 114.

[7] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 2. Д. 70а. Л. 13–14.

Экстенсивные методы ведения хозяйства стали возможны лишь благодаря земельному простору, что неоднократно отмечали современники[1]. В условиях массового притока переселенцев на рубеже XIX–XX вв. прежний земельный простор имел устойчивую тенденцию к сокращению, что привело к кризису существовавших экстенсивных систем. Однако в подавляющем большинстве районов Сибири абсолютного малоземелья не было, и крестьяне пользовались земельными наделами, превышавшими 15 десятин на д.м.п.

Во многом эти излишки сверх нормы в 15 десятин возникли из-за самовольных захватов старожилами пустовавших казенных и кабинетских земель, что многократно отмечалось в источниках и научной литературе[2]. Другой причиной возникновения земельных излишков было то, что во многих старожильческих селениях значилось много приписанных ссыльнопоселенцев. Эти ссыльные формально числились в селениях, и на них была отведена земля, но фактически они в пунктах приписки часто не проживали[3]. В отдельных волостях отсутствовали от 50 до 77% ссыльнопоселенцев. Но даже те, что проживали в местах приписки, отнюдь не всегда занимались хлебопашеством, имея источниками дохода промыслы, кабацкое дело, нищенство и криминальную деятельность[4].

Таким образом, излишки землепользования старожилов могли стать дополнительным источником для формирования переселенческих участков. Понимая это, в декабре 1906 г. глава ГУЗиЗ направил циркуляр, предписывавший использовать для формирования переселенческих участков отрезки от

---

[1] Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд-е А. Ф. Девриена, 1908. С. 108; Голубев П. А. Земледелие // Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск : типо-литогр. Михайлова и Макушина, 1890. С. 48–49; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1874 год. [Б.м. : б.и, б.г.] С. 2.

[2] КГУ ГААК. Ф. Д-2. Оп. 1. Д. 9154. Л. 123–124; Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. С. 48.

[3] Прибавление к Всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 года. СПб. : Тип. Киршбаума, 1899. С. 24–25.

[4] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : в 20 кн. Вып. 1–22. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб. : Альфарет, 2010. Кн. 3. Вып. 3. Ч. 1. С. 28, 33; РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 50об.

земельных наделов после землеустройства старожилов и инородцев и предвидимые излишки в районах, где к землеустройству еще не приступили[1]. Некоторые чиновники даже высказывали предположение, что именно отрезки от землепользования старожилов должны составить основу для образования колонизационного фонда[2]. По признанию П.А. Столыпина, такие отрезки были лучшим для переселенцев колонизационным фондом. В отдельные годы и в отдельно взятых районах (Иркутская губерния, южная часть Тобольской губернии) более половины переселенческих участков образовывалось из числа отрезков землепользования. Именно такие участки заселялись переселенцами охотнее всего[3]. Правда, отрезки нередко состояли из угодий одного типа, вследствие чего из этих отрезков трудно было образовывать полноценные переселенческие участки. Для решения этой проблемы глава ГУЗиЗ в циркуляре 23 января 1908 г. рекомендовал добавлять к подобным отрезкам смежные казенные земли[4].

Для расширения колонизационного фонда в период Столыпинских переселений предполагалось также использовать земли инородцев, фактическое землепользование которых также должно было сократиться в результате землеустроительной реформы. Однако в этом вопросе правительство проявляло осторожность[5], а помощник управляющего Кабинетом полковник Половцов 21 декабря 1910 г. в своей записке, адресованной Переселенческому управлению, писал, что развертывание переселенческих работ в местах фактического пользования инородцев, хотя бы и с формального согласия последних, не должно иметь место[6].

---

[1] Скляров Л. Ф. Создание колонизационного земельного фонда на свободных государственных и Кабинетских землях Сибири в 1907–1914 гг. // Вопросы истории Сибири : Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1961. Т. 222. С. 9.

[2] Шуман Н. К. К вопросу о землеустройстве и колонизации Сибири // Вопр. колонизации. 1907. № 1. С. 3–18.

[3] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 28

[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 760. Л. 4.

[5] Сибирские переселения. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв. : сборник документов. Новосибирск : Параллель, 2010. Вып. 3. С. 147–149.

[6] Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета ЕИВ. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1913. Т. 2. С. 788.

Фактически масштабное включение в состав колонизационного фонда излишков от землепользования инородцев в Западной Сибири можно отметить только в Акмолинской области. В частности, в 1908 г. в структуре колонизационного фонда на долю казенных лесных дач приходилось 17 792 десятины, тогда как на долю излишков землепользования киргизов – 909 961 десятина[1].

В отечественной историографии советского периода процесс включения отрезков от землепользования инородцев в колонизационный фонд традиционно воспринимался как «колонизаторско-грабительский»[2]. Современные исследования позволяют пересмотреть эту оценку. По подкрепленным источниками оценкам сибирских историков М.В. Шиловского и Д.Я. Резуна, землеустроительные работы на землях инородцев проводились с особой осторожностью, была установлена сложная процедура отмежевания излишков, кроме того, правительство жестко ограничивало самовольные переселения крестьян на угодья скотоводов. Переселенческая организация поступалась интересами переселения в пользу кочевников, активно защищала интересы коренных народов Сибири и почти все судебные дела по спорам аборигенов и русских крестьян из-за рыболовецких или охотничьих угодий решались в пользу коренных народов[3].

Имеющиеся в нашем распоряжении данные подтверждают эту точку зрения. Во второй половине XIX в. переселенцам, желавшим поселиться на землях инородцев, администрация Алтайского округа часто давала категоричные отказы[4]. Еще в 1906 г. при обсуждении вопроса об открытии Алтайского округа для переселенцев министр Двора указывал на необходимость «надлежащего ограждения интересов коренного населения»[5].

---

[1] Отчет о работах по образованию переселенческих участков в Азиатской России в 1908 г. СПб. : [б.и.], 1909. С. 21.
[2] Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 399.
[3] Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск : Сова, 2005. С. 100–102.
[4] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 514. Л. 19–20.
[5] Переселение в Алтайский округ. Барнаул : Типо-литогр. упр. Алт. округа, 1912. С. 6.

В 1910 г. П.А. Столыпин отмечал, что во многих степных волостях киргизы еще не перешли к оседлости и ведут кочевой образ жизни. В таких районах, считал Столыпин, необходимо временно оставлять киргизам часть земель по скотоводческим и кочевым нормам. Сплошное землеустройство киргизов признавалось возможным только в отдельных частях киргизской степи, где произошел их переход к оседлости и земледелию. Применительно к таким районам считалась возможной немедленная передача освобождающихся земель в колонизационный фонд[1]. В результате излишки землепользования инородцев в годы Столыпинских переселений все же стали включаться в колонизационный фонд в Западной Сибири, хотя и составили, безусловно, далеко не основную его часть. Так, по планам на 1912 г. в Барнаульском уезде предполагалось передать отрезки от землепользования киргизов Кулундинской степи общей площадью всего до 40 000 десятин[2].

В некоторых районах, чтобы не допустить отрезков от своего фактического землепользования, инородцы подкупали землемеров, чтобы последние в процессе топографических работ удобные земли показывали как неудобные. К примеру, земли в Улагане по съемкам 1909–1913 гг. значились как голый камень, тогда как проведенные уже в советское время топографические работы обнаружили целый ряд богатых травой долин[3].

В масштабе общей картины отрезки землепользования старожилов и инородцев не были основным источником для образования переселенческих участков в Западной Сибири. Так, в Тобольской губернии в 1898–1907 гг. поземельно-устроительный отряд в Ялуторовском, Курганском и Ишимском уездах не отвел ни одного переселенческого участка из отрезков землепользования старожилов. Только с распространением поземельно-устроительных работ на многоземельные волости Тюкалинского уезда было заготовлено

---

[1] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 29.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 57. Л. 8об.
[3] Елбачева Г. А. Землеустройство в Горном Алтае (1911–1913 гг.) // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (кон. XIX в. – 1917 г.). Красноярск : Тип. «Красноярский рабочий», 1982. С. 62.

несколько тысяч долей из излишков крестьянских наделов[1]. В последующие годы отрезки от землепользования старожилов и инородцев в Тобольской губернии составляли незначительную долю от всего заготовленного фонда. Основным источником стали оброчные статьи или лесные дачи[2]. Причем в отдельные годы для образования переселенческих участков в Тобольском районе отрезки от землепользования старожилов и инородцев вообще не использовались[3].

На казенных землях Томской губернии отрезки от наделов старожилов тоже не были основным источником для формирования колонизационного фонда. Так, в проекте сметы расходов по Томскому переселенческому району на 1912 г. из казенных земель только в Каинском уезде предполагалось использовать излишки землепользования старожилов, но и они были очень незначительными[4]. Основным источником, как и в Тобольской губернии, стали казенно-оброчные статьи, пустующие пространства и лесные дачи[5].

Значительно шире отрезки от землепользования старожилов в качестве источника колонизационного фонда использовались на Алтае. Это было обусловлено тем, что на Алтае землеустройство проходило более ускоренными темпами и фактически Алтайский округ стал единственным регионом Сибири, где до 1917 г. было завершено землеустройство. Кроме того, на Алтае имелось больше многоземельных селений. К примеру, из отрезков, оставшихся от землеустройства старожил дер. Рассказовой (Черно-Курьинская волость, Барнаульский уезд) было образовано сразу 2 переселенческих участка: Уютный (90 душевых долей) и Кротова Ляга (285 долей). Из отрезков надела дер. Ново-Плотавы (Утянская волость, Барнаульский уезд) было образовано даже 5 переселенческих участков: Поперечный на 154 доли, Якунинский –

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 172об.
[2] ГУТО ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 2. Л. 10об.–11об.; Д. 10. Л. 26–27; ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 7. Л. 110–111об.
[3] ГУТО ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 12–13.
[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.
[5] ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 515. Л. 26–26об.

150 долей, Смолевский – 141 доля, Воски – 96 долей и Светлый на 80 долей[1]. Вместе с тем, как установили новейшие исследования алтайских историков, и в Алтайском округе отрезки от землеустройства в общем составе колонизационного фонда далеко не составляли большинства. Так, в 1907–1915 гг. всего администрацией округа было передано 3 427 863,71 десятины, из которых лишь 656 618,76 десятины (19,15%) было из отрезков от землеустройства. При этом в 1907–1908, 1911 и 1913–1915 гг. отрезки от землеустройства для заготовки переселенческих участков на Алтае вообще не использовались[2].

В итоге общая площадь отрезков от землепользования старожилов к 1915 г. составила в Тобольской губернии 287 262 десятины, на казенных землях Томской губернии – 308 529 десятин, на кабинетских землях той же губернии – 1 717 817, а всего по 4 сибирским губерниям и Забайкальской области – 4 930 511 десятин. Среди этих земель был высок процент пригодных для земледелия. Так, отрезки на казенных землях Томской губернии содержали в себе 81% удобных земель[3]. Но не все отрезки, возникавшие в ходе землеустройства, использовались для образования переселенческих участков. Часть отрезков перешла в ведение Кабинета или казны и стала использоваться в качестве арендных оброчных статей или лесных дач[4]. Часть отрезков была использована для прирезок другим, малоземельным селениям. В ходе землеустройства на Алтае крестьянским и инородческим селениям из отрезков других селений было прирезано 123 790 десятин[5].

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1321. Л. 5.

[2] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 79.

[3] Храмков А. А. Земельная реформа в Сибири (1896–1916) и ее влияние на положение крестьян : учеб. пособие. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 1994. С. 63, 67.

[4] Захарова Н. В. Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Воронеж, 2004. С. 15; Елбачева Г. А. Землеустройство в Горном Алтае (1911–1913 гг.) // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (кон. XIX в. – 1917 г.). Красноярск : Тип. «Красноярский рабочий», 1982. С. 57; Сухотина Л. Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Томской губернии) // Вопросы истории Сибири. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1965. Вып. 2. С. 66–67

[5] РГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 33. Л. 205.

Следует обратить внимание, что отрезки могли появиться не только в землеустроенных селениях, но и там, где землеустройство еще не начиналось. В 1906 г. циркуляром от 23 декабря князь Б.А. Васильчиков распорядился отводить под переселенческие участки «предвидимые с достаточной вероятностью излишки в землепользовании населения в тех районах, где к землеустройству еще не приступлено»[1].

Заметим, что отрезки были не единственной возможностью передачи излишков старожильческих земель переселенцам. Нередко старожилам при землеустройстве оставляли в наделах земельные излишки с обязательством принять определенное количество новоселов[2]. Были случаи, когда число допринимаемых д.м.п. было больше численности старожилов. Так, при землеустройстве с. Балахнинского (Тутальская волость, Томский уезд) 4 февраля 1906 г. этому обществу был запроектирован надел в 74 д.м.п. (32 наличные и 42 допринимаемые)[3].

Иногда такие излишки оставлялись по просьбам самих старожилов. Так, крестьяне селения Лебедовского Касьминской волости Кузнецкого уезда сами ходатайствовали о сохранении 372,26 десятины удобной земли с обязательством допринять на них 25 д.м.п.[4] Аналогичным образом крестьяне с. Верх-Коуракское (Кузнецкий уезд) просили о сохранении в своем наделе земельных излишков для допринятия 4 д.м.п.[5] Иногда причиной оставления излишков была невозможность произвести отрезки, не затронув при этом угодий постоянного пользования. Именно таким образом Общее присутствие Томского губернского управления 31 августа 1909 г. обосновало свое решение о сохранении в наделе одного из селений Алтайского округа излишков сверх нормы в размере около 6 542,69 десятины удобной земли. На эти земли необходимо было допринять 437 д.м.п. в течение 3 лет, в противном случае адми-

---

[1] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 262.
[2] ГАКО. Ф. Д-59. Оп. 1. Д. 28. Л. 43.
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 374. Л. 30.
[4] КГУ ГААК. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 391. Л. 29.
[5] КГУ ГААК. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 386. Л. 3.

нистрация обещала поселить там соответствующее число переселенцев по распоряжению крестьянского начальника. Как видно из журнала заседания Общего присутствия, определенную роль в принятии решения сыграло и то, что в селении уже проживало 200 д.м.п. переселенцев, не получивших наделы по формальным причинам[1].

В 1907 г. для лучшей организации переселенческого дела чиновники составили отдельный список многоземельных старожильческих селений Барнаульского, Кузнецкого и Змеиногорского уездов, где среди прочего было отмечено количество д.м.п. переселенцев, которых можно доприселить. Например, в 10 селениях Бащелакской волости, устроенных к 7 июля 1907 г., были оставлены душевые доли на допринятие для 533 д.м.п.[2] В д. Салаирскую (Бачатская волость) планировалось доприселить 192 д.м.п., в общество д. Индерская (Ярковская волость) при имевшихся уже 120 непричисленных д.м.п. планировалось допринять еще 1 400 д.м.п. Всего же по 3 уездам предполагалось допринять 143 894 д.м.п.[3]

По подсчетам А.А. Храмкова, по итогам землеустроительной политики только на землях Кабинета старожилам были отграничены излишки земель в расчете на 77 168 д.м.п., которых сельские общества должны были в обязательном порядке допринять в свои ряды[4].

В имеющихся в нашем распоряжении документах есть другие данные. Как видно из подписанного помощником начальника Алтайского округа А. Розановым «Списка многоземельных старожильческих селений Барнаульского, Кузнецкого и Змеиногорского уездов», только в 3 уездах (Барнаульском, Кузнецком и Змеиногорском) Алтайского округа к 1 июня 1907 г. имелись земельные излишки для допринятия 259 802 д.м.п.[5]

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1321. Л. 17–17об.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-182. Оп. 1. Д. 18. Л. 109, 112, 116об., 117об., 118об., 119об., 124об., 127, 129 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[3] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2853. Л. 1–2, 4, 6об., 10.
[4] Храмков А. .А. Поземельное устройство крестьян Томской губернии в 1908–1916 гг. // Труды Алтайского политехнического института им. А. А. Ползунова. Барнаул, 1972. Вып. 20 : Общественные науки. С. 157.
[5] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 4091. Л. 30–39.

Фактическое число допринимаемых переселенцев было меньше. Как видно из «Ведомости землеустроенных по закону 31-го мая 1899 г. селений», в Кузнецком уезде число допринимаемых д.м.п. равнялось 10 425, т.е. более чем в три раза меньше, чем показано в «Списке» многоземельных селений[1]. Подобное несоответствие можно объяснить тем, что список А. Розанова был составлен в 1907 г., а землеустройство во многих селениях Кузнецкого уезда продолжалось до 1913 г. и за этот период население старожильческих многоземельных селений могло увеличиться за счет естественного прироста, что привело к сокращению в них многоземелья. Не исключено также и то, что в «Ведомости» были учтены только те переселенцы, которые допринимались на момент проведения землеустройства и не учитывались те, которых можно было допринять в дальнейшем. Последнее предположение представляется тем более логичным, что общая площадь земель, отведенных селениям Кузнецкого уезда, по данным «Ведомости» составляла 2 550 486,71 десятины всей земли (2 208 464,70 – удобной), что более чем в 2 раза превышает площадь, показанную в «Списке» Розанова[2].

Заметим, что имевшиеся в наличии земельные излишки в наделах инородцев и старожилов не всегда и не везде использовались под колонизационные нужды, а иногда оставлялись в пользовании населения без обязательств допринятия на них переселенцев[3]. Кроме того, не все оставляемые на допринятие земли были использованы для причисления переселенцев. Заведующий землеустройством и переселением в Иркутской губернии 15 декабря 1911 г. отправил запрос о возможности старожилов принимать на излишние земли новых членов общества не из числа переселенцев, а из всех лиц, имеющих право причисления к сельским обществам и селениям. Этот вопрос вызвал переписку между ГУЗиЗ, МВД и Минфином. В итоге 20 декабря 1913 г. последовало разъяснение, что глава МВД не имеет возражений против того, чтобы старожилы принимали на оставляемые в их наделы излишки новых чле-

[1] ГАКО. Ф. Д-9. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 3–7, 9–12, 13–14, 15–30.
[2] ГАКО. Ф. Д-9. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
[3] ГАКО. Ф. Д-59. Оп. 1. Д. 4. Л. 93–94, 106–106об.

нов не только переселенцев из Европейской России, но также и местных старожилов. Примечательно, что это касалось всех старожилов безотносительно, получили они поземельное устройство или нет. 20 января 1914 г. Переселенческое управление разослало это решение как циркуляр для Тобольского, Томского, Енисейского, Иркутского губернаторов и военного губернатора Забайкальской области[1]. Это решение открывало возможность для старожилов не принимать переселенцев на оставляемые в их наделы излишки, а зачислять на них мальчиков, родившихся после землеустройства в их селении.

Таким образом, основными источниками для формирования колонизационного фонда в 1906–1916 гг. в Западной Сибири стали свободные земли, казенные лесные дачи и оброчные статьи казны и Кабинета, дополнительным источником были отрезки от землепользования инородцев и старожилов. Причем если массовое обращение кабинетских земель под нужды колонизации происходило в основном в 1907–1910 гг., то казенные оброчные статьи и лесные дачи широко использовались в качестве источника для переселенческих участков на протяжении всего периода Столыпинских переселений.

Уже в 1906 г. правительство приняло комплекс мер, позволивших приступить к масштабным землеотводным работам. Указ 19 сентября позволил развернуть масштабные землеотводные работы на кабинетских землях Алтайского округа, а распоряжение главы ГУЗиЗ о проведении широкомасштабных рекогносцировочных работ среди казенных дач дало возможность задействовать колонизационный потенциал казенных земель. Результаты исследования лесных дач и оброчных статей в Тобольской губернии показали, что на 1 января 1907 г. имелось 231 свободная лесная дача I разряда и 1 736 казенно-оброчных статей. Общая площадь оброчных статей составляла 1 758 611 десятин, а лесных дач – 7 009 275, из которых под лесом значилось 2 453 872,7[2].

Переселенческое управление выступило за необходимость ввести упрощенный порядок зачисления за ходоками земель из числа казенно-оброчных

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1237. Л. 1–3, 23.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 760. Л. 12.

статей. Такой порядок касался тех статей, относительно которых уже состоялось соглашение между переселенческими структурами и местным управляющим государственными имуществами. Местным переселенческим организациям в 4 сибирских губерниях 22 марта 1907 г. было дано распоряжение немедленно рассчитать по имевшимся плановым материалам количество удобных земель на казенно-оброчных статьях, предназначенных для заселения, и вычислить приблизительное число душевых долей. После этого предполагалось приступить к частичному зачислению этих земель за ходоками, не дожидаясь утверждения участков временными комиссиями. Окончательное зачисление долей и водворение на казенно-оброчных статьях следовало производить только после утверждения проектов переселенческих участков временными комиссиями. Переселенческое управление исходило из того, что основная масса казенно-оброчных статей находилась в Тарском и Тюкалинском уездах, где большинство старожильческих селений имело больше максимально положенных на д.м.п. 15 десятин земли и не нуждалась в дополнительных прирезках. Основной причиной введения такого упрощенного способа зачисления казенно-оброчных статей за переселенцами была необходимость увеличения колонизационного фонда в целях предотвращения безрезультатного ходачества[1].

Циркуляром 5 апреля 1907 г. производство землеотводных работ было направлено в многоземельные волости Тобольской губернии, где оброчные статьи составляли крупные массивы и землеотводные работы не должны были затронуть интересов старожилов. В интересах колонизации в 1907 г. было решено оброчные статьи сдавать в аренду лишь на годичный срок с правом казны на досрочное их отобрание. Причем в Томской губернии это вызвало неодобрение заведующего госимуществами, поскольку годичная аренда создавала крайнюю неустойчивость арендных отношений[2]. Однако прави-

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 367. Л. 6–7, 9–9об.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 367. Л. 2, 34–34об, 38–39, 185–185об.

тельство этим решением еще раз подчеркнуло: переселенческая политика более приоритетна, чем фискальные интересы.

Ввиду ожидавшегося увеличения численности переселенцев и ходоков в 1908 г. уже 23 января 1908 г. глава ГУЗиЗ кн. Васильчиков направил всем заведующим поземельно-устроительным и переселенческим делом в 4 сибирских губерниях и Забайкальской области циркуляр, наметивший основные направления землеотводных работ. В этом циркуляре он напоминал, что постановление от 13 ноября 1907 г. разрешило возобновить работы по образованию переселенческих участков на землях общего пользования казны и крестьян. После объединения землеустроительных и переселенческих чинов в одну организацию ставилась цель ускорить землеустройство местного населения, от чего зависело возможное выделение более-менее значительных площадей для колонизации. Состав землеотводных партий был недостаточен для сплошного землеустройства во всей Сибири, потому было решено сконцентрировать работы в многоземельных районах, где в ближайшем будущем можно было образовать значительное количество переселенческих участков. Главноуправляющий предписывал устранить процессуальные формальности, под которыми имел в виду правило, требовавшее не отводить в течение 3 месяцев отрезки от землепользования старожилов в переселенческие участки, так как этот срок полагался на обжалование старожилами решения об отрезках. Кроме того, он предписывал образовывать переселенческие участки, не дожидаясь отвода старожилам их наделов в тех районах, где излишки были заведомо значительны и могли быть точно определены. Но при этом, чтобы не нарушать интересов старожилов, глава ГУЗиЗ предполагал такие излишки использовать лишь в случаях, когда размеры землепользования старожилов были предварительно установлены либо на основании достаточно достоверных актов или пригодных планов прежнего межевания, либо инструментальным обходом границ фактического землепользования. И далее он дал следующее предписание землеотводным чинам: «следует к тому же тщательно наблюдать, чтобы отрезками не были нарушены ни в коем случае предоставлен-

ные населению законом права по сохранению в их пользовании постоянных угодий в установленных законом размерах»[1].

Перечисленные выше меры позволили значительно расширить масштабы землеотводных работ на казенных и кабинетских землях (см. таблицы 10 и 11). Особенно впечатляющими были результаты землеотводных работ на кабинетских землях в 1907–1908 гг., когда в колонизационный фонд поступило 1 761 647,56 десятин (51,3% от всех земель, переданных Кабинетом в 1906–1916 гг.). Всего же за 1906–1910 гг. в Алтайском округе в колонизационный фонд поступило 3 003 936,55 десятины (см. таблицу 10), причем Кабинет передал для формирования переселенческих участков 374 оброчных статьи[2].

Таблица 10 – Динамика землеотводных работ в Алтайском округе в 1907–1916 гг.[3]

Год	Передано Кабинетом в колонизационный фонд десятин
1907	898 128,57
1908	863 518,99
1909	559 948,83
1910	682 340,16
1911	193 374,35
1912	151 379,57
1913	30 681,51
1914	46 102,07
1915	2 389,66
1916	3 966,0
Итого	3 431 829,29

Более скромными были результаты в Тобольской губернии (см. таблицу 11). В 1907 г. в Тобольской губернии не удалось развернуть землеотводные работы в предполагавшихся масштабах. Серьезным препятствием стало отсутствие данных по учету земель отдельных селений и наличного населения в некоторых уездах. Ввиду этого землеотводные работы нельзя было развернуть на всей площади оброчных статей. Всего за полевой период 1907 г. в Тарском, Ишимском и Тюкалинском уездах было взято для нужд колонизации не более 150 000 десятин. В Томской губернии результаты были более значи-

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 734. Л. 3.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 3313. Л. 24об., 102об.
[3] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 79. Таблица 3.5; ГАТО. Ф. 239. Оп. 3. Д. 108. Л. 94–99.

тельными: под переселенческие участки было взято только на казенных землях в 1907 г. до 400 000 десятин[1].

Таблица 11 – Итоги землеотводных работ в сибирских губерниях и Акмолинской области в 1906–1910 гг.[2]

Районы	Количество участков	Отведено для переселенцев	
		душевых долей	десятин земли
Акмолинский	732	182 587	2 911 241
Тобольский	697	86 914	1 697 283
Томский	2 564	290 582	4 761 455
Енисейский	939	135 239	2 097 338
Иркутский	587	94 408	1 486 369
Всего	5 519	789 730	12 953 686

При этом обширных массивов свободных пространств в Томской губернии не было, свободные земли в 1907 г. выбирались небольшими площадями из отрезков землепользования, оброчных статей и лесных дач. Планировалось образовать в Томском районе до 40 000 душевых долей, фактически же было образовано 641 участок, 142 хутора и 27 прирезок на площади 1 840 898 десятин емкостью 106 828 долей. Чтобы оценить эти масштабы, можно вспомнить, что Западно-Сибирскому отряд смог заготовить в Томской губернии 527 участков на площади 1 619 186 десятин емкостью 106 885 душевых долей за 1890–1906 гг.[3] Таким образом, результаты землеотводных работ в Томской губернии за 1907 г. были вполне сопоставимы с итогами заготовок переселенческих участок за предшествующие 15 лет! И это при том, что топографы и производители работ помимо собственно землеотводных работ были вынуждены заниматься обследованием фактического землепользования старожилов и решать вопросы о прирезках к землепользованию старожильческих селений[4].

Приведенные в таблице 11 данные показывают, что масштабы землеотводных работ в Западной Сибири были значительно больше, чем в Восточной. При этом вектор землеотводных работ в 1906–1910 гг. был явно смещен в Томскую губернию и Акмолинскую область – именно в этих районах было

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 367. Л. 34об.–35об., 44–45.
[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. : отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 51.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 7, 12об., 18.
[4] См., например: ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 61. Л. 67.

отведено более 50% переселенческих участков, душевых долей и десятин земли от числа всех заготовок в представленных в таблице переселенческих районах. По размерам участки в разных районах существенно отличались. В Томской и Тобольской губерниях средняя площадь участка составляла 1 857 и 2 435,1 десятины соответственно, тогда как в Акмолинской области средний участок был чуть больше 3 977 десятин. Это было связано с тем, что в Акмолинской области участки отводились из сплошных массивов пустующих степных земель. В Тобольской и Томской губерниях таких обширных пустующих пространств не было, а удобные земли нередко чередовались с неудобными, с болотами, гранями старожильческих селений или пространствами, на которые не было планового материала и которые подлежали предварительному обследованию.

С 1910 г. характер и масштабы землеотводных работ существенно меняются. П.А. Столыпин в своей известной «Записке» отметил, что необходимо отводить часть колонизационного фонда в виде единоличных участков (хуторов и отрубов)[1].

Как видно из табл. 12, динамика землеотводных работ в 1911–1914 гг. при некотором колебании имела устойчивую тенденцию к сокращению, но происходила на фоне увеличения ассигнований (см. таблицы 8 и 9). Непропорциональное динамике переселенческого движения финансирование в 1911–1914 гг. объясняется смещением землеотводных работ в таежные и урманные районы, а также необходимостью заготавливать часть фонда в виде единоличных участков, что было более затратно и трудоемко, чем нарезка участков общего пользования.

[1] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 60.

Таблица 12 – Динамика землеотводных работ в губерниях Сибири и Акмолинской области в 1910–1915 гг.[1]

Районы	Количество участков	Душевых долей / семейных наделов	Удобной земли (десятин)	Всей земли (десятин)	% неудобной земли
1910 год					
Акмолинский	371	45 315	591 305	693 105	14,7
Тобольский	326	32 325	424 839	638 521	33,5
Томский	695	47 481	594 172	716 434	17,1
Енисейский	260	30 568	405 277	472 804	14,3
Иркутский	348	40 159	537 199	595 267	9,8
1911 год					
Акмолинский	1 262	7 663 / 5 281	320 791	360 116	10,9
Тобольский	201	7 671 / 1 831	165 623	242 846	31,8
Томский	1 732	11 936 / 1 749	233 860	321 881	27,4
Енисейский	779	9 117 / 729	173 310	205 717	15,8
Иркутский	504	19 668 / 596	292 255	326 398	10,5
1912 год					
Акмолинский	499	7 491 / 2 005	174 544	221 292	21,1
Тобольский	125	3 885 / 1 371	100 881	138 442	27,1
Томский	390	5 962 / 414	88 087	115 567	23,8
Енисейский	289	3 661 / 453	73 288	102 990	28,8
Иркутский	455	4 523 / 504	85 851	95 661	10,3
1913 год					
Акмолинский	337	5 885 / 1 665	161 059	190 785	15,6
Тобольский	175	1 406 / 475	33 262	41 637	20,1
Томский	75	3 828 / 326	59 100	72 207	18,2
Енисейский	10	529 / 99	12 034	15 485	22,3
Иркутский	524	2 601 / 808	73 330	87 327	16,1
1914 год					
Акмолинский	276	7 546 / 2 980	215 557	261 330	17,5
Тобольский	34	1 042 / 535	29 553	37 576	21,4
Томский	529	1 798 / 463	46 868	58 794	20,3
Енисейский	14	495 / 19	8 102	10 350	21,7
Иркутский	84	286 / 118	11 784	14 107	16,5
1915 год					
Акмолинский	98	4 090 / 913	95 728	119 163	19,7
Тобольский	18	1 290 / 146	23 930	36 563	34,6
Томский	200	835 / 273	23 895	35 966	33,6
Енисейский	37	1 757 / 294	40 692	53 924	24,5
Иркутский	84	2 433 / 553	50 332	57 798	12,9
Всего за 1910–1915 гг.	10 731	313 246 / 24 700	5 146 508	6 340 053	18,8

Заметим, что заготовка единоличных переселенческих участков практиковалась и в предыдущие годы. В виде единичных случаев отвод хуторов

[1] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. : отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Эрлих, 1911. С. 258–259, 266–273; Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб. : Тип. Ю. Эрлих, 1912. С. 166–167, 174–181; Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб. : Тип. Ю. Эрлих, 1913. С. 134–135, 142–149; Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. Пг. : Тип. Ю. Эрлих, 1914. С. 190–191, 198–205; Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. Пг. : Тип. Ю. Эрлих, 1915. С. 318–319, 328–335; Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. Пг. : Тип. Ю. Эрлих, 1916. С. 150–151, 160–167 (обобщенные показатели за 1910–1915 гг. и % неудобных земель подсчитаны мной – *Д.Б.*).

имел место даже до начала Столыпинских переселений. К примеру, в 1904 г. в Тобольской губернии было отведено 5 хуторских участков. Правда, доля этих участков в общем колонизационном фонде была невысока: общая площадь переселенческих участков поселкового типа составила 72 592 десятины, тогда как площадь 5 хуторов – лишь 323 десятины[1]. В 1907–1908 гг. нарезка единоличных участков широкого распространения не имела[2]. Эти заготовки представляли собой скорее эксперименты и практиковались не во всех районах. Помимо Томской губернии отвод участков единоличного пользования в 1908 г. был отмечен лишь в Акмолинской области, тогда как в Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниях отводились только участки поселкового пользования[3].

В 1911–1914 гг. заготовка единоличных переселенческих участков стала одним из приоритетных направлений землеотводных работ. Уже в 1911 г. были изданы указания об образовании переселенческих участков и инструкция, изданная в дополнение к этим руководящим указаниям[4].

Распоряжением Переселенческого управления было необходимо ⅓ переселенческих участков отводить в виде хуторов или отрубов. Вследствие этого местные переселенческие организации пошли на уменьшение общего объема землеотводных работ. Так, в Тобольском районе вместо планировавшихся 19 000 душевых долей решено было ограничиться отводом 14 000[5]. В результате по некоторым переселенческим районам доля единоличных участков в масштабе колонизационного фонда была значительной. К примеру, в Тобольской губернии в 1912 г. планировалось около 48% от колонизационного фонда разбить на единоличные участки. Под участки поселкового типа предполагалось выделить 140 533 десятины, единоличного – 129 722 де-

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 913. Л. 2–2об.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 18; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 27об.–28; Обзор Томской губернии за 1909 г. Томск : Тип. губ. упр., 1910. С. 52–53.
[3] Отчет о работах по образованию переселенческих участков в Азиатской России в 1908 г. СПб. : [Б.и.], 1909. С. 5–6, 9–13, 21–22.
[4] ГУТО ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–7об., 8–9об.
[5] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 6. Л. 76.

сятины[1]. В Томской губернии значительная часть хуторов и отрубов приходилась на северные уезды – Томский, Кузнецкий и Мариинский. Так, в 1911 г. в этих уездах было образовано 1 246 хуторов и 2 отруба[2], из 1 749 семейных наделов, отведенных в этом году во всей губернии (см. таблицу 12).

Как видно из таблицы 12, в 1911–1915 гг. явным «лидером» в процессе заготовки единоличных участков стал Акмолинский район, где было заготовлено 12 844 единоличных переселенческих участка, т.е. больше, чем в 4 сибирских губерниях вместе взятых. Очевидно, это было связано с тем, что участки Акмолинского района заселялись в значительной степени выходцами из «степных» малороссийских губерний, которые были привычны к подворному землевладению. А вот в Томской и Тобольской губерниях заготовка участков единоличного пользования приобрела не совсем то направление, которое намечал П.А. Столыпин. По его замыслу, такие участки не следовало отводить в отдаленных и глухих районах, он подчеркивал, что образование хуторов в безводных, лесистых или отдаленных местностях «едва ли возможно». Предполагалось, что единоличные переселенческие участки будут образовываться «в лучших районах заселения», а именно на Алтае и в северных частях киргизской степи, где переход к образованию хуторов и отрубов наиболее удобен[3].

На практике единоличные участки стали массово образовываться как раз в отдаленных, безводных и лесистых районах. Широкое применение получила разбивка не востребованных переселенцами и ходоками участков общего пользования. Так, в Тобольском районе в 1911 г. размежеванию подверглись незаселенные участки Сергиевский (Бергамакская волость), Клюквенный, Сборный и Юганские Вершины (все – в Самохваловской волости), из которых было образовано 132 хутора площадью 6 037 десятин. В 1912 г. были размежеваны участки Савинский, Михайловский (оба – в Тюменском уезде),

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 316. Л. 50–51.
[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб. : Тип. Ю. Эрлих, 1912. С. 146 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[3] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 67–68.

Агибаловский, Петровский и Образцовый (все – в Тюкалинском уезде). На месте этих участков было образовано 114 хуторов (5 010 десятин) и 57 отрубов (2 194 десятины)[1]. В Мариинском уезде в 1911 г. из не привлекавших переселенцев участков общего пользования было образовано 243 хутора[2]. В 1912 г. в Томском районе предполагалось начать нарезку единоличных участков из незаселенных участков общего пользования, образованных в 1908–1910 гг. В Томском, Кузнецком, Бийском и Мариинском уездах эти работы должны были охватить площадь в 231 978 десятин. Многие из этих участков, которые планировалось переформировать, относились к числу таежных, они заселялись медленно, так как имели мало еланей и открытых мест. Считалось, что общинное землевладение удерживает новоселов от расчистки таежно-урманных участков, так как новоселы опасались, что при возможном переделе расчищенные ими земли могут попасть в другие руки[3].

Определенная логика в таких рассуждениях, может, и присутствовала, но в действительности разбивка малопривлекательных участков поселкового пользования на хутора и отруба положительного эффекта не имела. По подсчетам современных алтайских историков к концу 1912 г., в Алтайском округе до 40% хуторских участков из числа образованных оставались незаселенными[4]. В 4 сибирских губерниях к 1916 г. было заготовлено 10 109 участков единоличного пользования, из которых заселили 5 508[5]. Сама по себе единоличная форма переселенческого участка, конечно, не могла превратить малопривлекательные из-за бездорожья или отсутствия близких водных источников земли в привлекательные для переселенцев. И тем не менее даже в период Гражданской войны планировалось продолжать разбивку незаселенных участков урманной полосы на единоличные[6].

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 68. Л. 17.
[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб. : Тип. Ю. Эрлих, 1912. С. 146.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 57. Л. 12–13об.
[4] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 116.
[5] Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. : материалы к монографии. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2007. С. 26.
[6] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 338. Л. 57.

В целом, в 1906–1914 гг. правительство смогло организовать и развернуть масштабные землеотводные работы в Западной Сибири, задействовав основные имевшиеся земельные резервы. Расширив колонизационные работы, государство не упускало из виду и вопрос о качестве отводимых переселенцам земель. Глава Переселенческого управления в специальном циркуляре в 1907 г. привел факты, когда временные комиссии отказывались рассматривать запроектированные участки из-за сомнений в их качестве, и далее предписывал всем заведующим землеустройством и переселенческим делом в 1908 г. согласовывать съемочные работы с прочими, чтобы все запроектированные участки были готовы к заселению. Рекомендовалось также в случаях, когда заготовка участков предположена из земель, о которых не имеется достаточных сведений, перед межевыми работами проводить особые изыскания с участием геоботаника и специалистов по дорожно-строительным и гидротехническим работам. В этом же циркуляре глава Переселенческого управления подчеркивал, что в состав колонизационного фонда следует включать лишь несомненно пригодные участки, обеспеченные в водном отношении и имеющие дороги[1].

Этот циркуляр интересен не только своими наставлениями и напоминаниями о необходимости проведения почвенных и иных изысканий перед образованием участков, но и примером, когда от включения переселенческих участков в колонизационный фонд отказались только из-за *сомнений* в пригодности их для хозяйства.

Интересная информация содержится в записке, поданной Переселенческим управлением в Совет министров 26 октября 1907 г. В этом документе упоминалось, что на обследование и изучение новых земель требовались средства и время, но при недостатке того и другого переселенческие организации были вынуждены судить о достоинствах земли по внешнему виду и *часто отказывались от включения в колонизационный фонд земель, в отноше-*

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 734. Л. 17–17об.

нии которых у них возникали сомнения[1]. Этот документ доказывает, что землеотводные чины не ставили цель отвести как можно больше земель для переселенцев, совершенно не считаясь с качеством почвы. Напротив, временные партии отказывались включать в состав переселенческих участков земли, которые даже не плохие, но в отношении которых есть хотя бы какие-то сомнения в их качестве.

Законодательно разрешалось включать в состав переселенческих участков до 20% неудобных земель[2]. В среднем соотношение удобных и неудобных земель в колонизационном фонде Томской, Тобольской губерний и Акмолинской области в 1906–1915 гг. составляло 72% удобных земель против 28% неудобных[3]. Причем в 1910–1915 гг. доля неудобных земель для тех же районов была ниже, чем в целом за период 1906–1915 гг., и составила 21,4% неудобных земель против 78,6% удобных (подсчитано по данным таблицы 12). Это позволяет сделать вывод, что в 1910–1915 гг. землеотводные работы были даже более тщательными и отличались более высоким качеством, чем в 1906–1909 гг.

Можно встретить немало примеров, когда неудобной земли было даже больше, чем 20%, положенных по закону[4], что как будто ставит под сомнение качество землеотводных работ. Однако вопрос о неудобных землях в составе переселенческих участков значительно сложнее и его нельзя сводить лишь к долям и процентам.

Следует внести ясность, какие земли считались «неудобными». В официальных документах начала XX в. такими землями признавались: 1) «непригодные ни к пашне, ни к сенокошению, ни вообще к возделыванию, пески, болота, солонцы, каменистые и глинистые овраги»; 2) «прогоны не превыша-

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 401. Л. 9–9об.

[2] Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. С. 144.

[3] См.: Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 228 (подсчеты мои. – *Д.Б.*)

[4] См.: ГАОО. Ф. 183. Оп. 3. Д. 257. Л. 16, 18; ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 16–17об.; Тобольская губерния : описание участков. Полтава : Тип. И. Л. Фришберта, 1912. С. 2.

ющие 12 сажен ширины, улицы, дороги, кладбище, воды и участки под церквами»[1]. Такое определение дано в проекте инструкции для землемеров и топографов, которые занимались заготовкой колонизационного фонда[2]. Из этого определения прямо следует, что некоторый процент неудобных земель обязательно *должен был присутствовать в составе каждого переселенческого участка*. Это касается прогонов, улиц, дорог, кладбища, без которых существование поселков просто невозможно, и участков для церквей. Это же касается и водоемов, которые по возможности должны были включаться в состав переселенческих участков для обеспечения переселенцев водой. Из вышесказанного можно сделать вывод, что наличие «неудобных» земель еще не превращало переселенческий участок в непригодный для сельского хозяйства.

В качестве еще одного источника можно взять объяснительную записку производителя работ по вопросу о неудобных землях в наделах селений Нижнее-Чулымской волости. В этом документе «неудобные» земли разделены на две категории. В одну попали овраги, болота и солонцы, в другую – улицы, воды, земли под кладбищем и церковью, бечевники и дороги[3]. Другие документы, относящиеся к истории межевания и землеустройства, подтверждают, что в разряд «неудобных» включались не только земли, непригодные для хозяйства, но и земли, необходимые для нормального существования любого селения[4]. Заметим также, что далеко не все земли, значившиеся «неудобными» были непригодны для хозяйственной деятельности. Одним из немногих историков, обративших на это внимание, был И.А. Асалханов, который заметил, что значительную часть неудобных земель составляли реки и мелкие озе-

---

[1] ГУТО ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 3. Л. 44–45.

[2] В более ранних документах имеются иные трактовки термина «неудобные земли». Например, в инструкции межевщикам чертежной земельной части Главного управления Алтайского горного округа земли под селением отнесены к числу «удобных», тогда как к «неудобным» помимо прочих отнесены белые солонцы, крутые лога и увалы (КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 619. Л. 91).

[3] КГУ ГААК. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 686. Л. 1.

[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 25. Л. 36об., 60, 74; ГУТО ГАТО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 268. Л. 22об.;

ра, которые были источником рыбы[1]. Документы свидетельствуют, что для крестьян имели ценность также лога, болота и даже солонцеватые земли[2]. Болотистые земли крестьяне нередко (особенно в засушливые годы) обращали под покосы или выгон скота[3], а иногда даже самостоятельно проводили осушение[4].

Не были совершенно бесполезны и солонцеватые земли. Солонцеватые почвы были особенно распространены в степных районах и подразделялись на несколько видов: луговые, структурные и мокрые. Луговые солонцы во влажные годы покрывались роскошной растительностью, а укосы на этих лугах получались очень высокими, достигая в дождливые годы до 250 пудов[5]. Причем в 1890-х гг. участки солонцеватого и смешанного типов заселялись новоселами не хуже, чем черноземные, а в Томской и Енисейской губерниях даже лучше. Да и в целом по 4-м сибирским губерниям и Акмолинской области процент заселенности солонцеватых и смешанных участков был выше, чем участков черноземных[6].

О ценности для крестьян солонцеватых земель свидетельствует случай в с. Усть-Склюихинском (Змеиногорский уезд), где при разделе земли на отруба солонцеватые земли шли с зачетом по 8 или 10 десятин за одну десятину удобной. И именно этот факт стал причиной недовольства нескольких кре-

---

[1] Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск : Наука, 1975. С. 53–54.

[2] См., например: ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 25. Л. 81; ГУТО ГАТО. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 190. Л. 47об.–48.

[3] ГУТО ГАТО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 433, Л. 33, 40об.; Д. 846. Л. 2–4; ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 25. Л. 74об., 125об.; Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : в 20 кн. Вып. 1–22. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб. : Альфарет, 2010. Кн. 1. Вып. 1. С. 10.

[4] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : в 20 кн. Вып. 1–22. Репринтное издание 1888–1898 гг. СПб. : Альфарет, 2010. Кн. 8. Вып. 9. Ч. 1. Отдел 1. С. 388.

[5] Материалы по земельному устройству Азиатской России. Пг. : Екатерининская тип. Вайсберга, 1917. Вып. 1 : Степной край. С. 11.

[6] Очерк работ по заготовлению переселенческих участков. 1893–1899. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. С. 308–309.

стьян, которые «завидовали соседям своим, получившим отруба солонцеватых земель с зачетом по 8 или даже 10 десятин за одну удобную»[1].

Факты свидетельствуют, что солонцеватые земли можно было успешно использовать под хлебопашество. Например, в черте земельного отвода крестьян дер. Гуселетовой (Касмалинская волость) находились принадлежащие Кабинету Мормышанские озера, где производилась добыча глауберовой соли. Озера были окаймлены полосой солонцеватых земель, не относящихся к числу удобных. Тем не менее, крестьяне дер. Гуселетовой распахивали под посев хлебов упомянутую береговую полосу. Этот факт даже вызвал неудовольствие кабинетской администрации[2].

Как показывают многочисленные конкретные примеры, крестьяне имели свои критерии оценок «удобности» и «неудобности» земли. Были отмечены факты, когда переселенцы по непонятным причинам отказывались заселяться на хорошие по характеристикам участки и не всегда могли даже назвать конкретные причины своего отказа. Иногда такое решение вообще носило иррациональный характер. Так, земский переселенческий агент Г. Дорошенко, сопровождавший ходоков из Черниговской губернии в сентябре 1908 г., отметил, что ходоки осмотрели несколько участков и от них отказались, заявив: «Ця земля нам не підходит». Почему – не объяснили никак. Хотя в Черниговской губернии эта же земля стоила бы за десятину до 200 рублей. Были и такие ходоки, которые приезжали с предубеждением и искали всякий повод отказаться от участка или уйти, даже не осмотрев его. Имело место иногда чувство некой стадности у ходоков: если начали записываться на участок, «то готовы разорвать конкурентов, а если уж нет, так нет, хотя бы это был и лучший участок»[3].

В 1910 г. часть ходоков также из Черниговской губернии, прибыв в Бердский подрайон Томской губернии позже других, отказались даже осмат-

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-67. Оп. 2. Д. 12. Л. 8, 113–113об.
[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 272. Л. 421, 424.
[3] Деятельность Черниговского губернского земства по переселению в осенний сезон 1908 г. Чернигов : Тип. губ. земства, 1909. С. 44–45.

ривать участки. Другие же осмотрели участки, но зачисляться также отказались, думая, что раз осматривавшие до них ходоки эти участки не заняли, значит, они, несомненно, плохие. Указать при этом определенную причину отказа от зачисления ходоки не смогли[1]. А в 1910 г. ходоки из Херсонской губернии забраковали участки, где не было открытых водоемов, хотя там имелись колодцы[2]. Наиболее требовательными к качеству земель были выходцы из некоторых черноземных губерний. Как видно из Ведомости о числе семейств крестьян европейских губерний России, не воспользовавшихся разрешенным им переселением в Томскую губернию в 1881–1891 гг., абсолютное большинство крестьян, отказавшихся от переселения из-за «неудобства отведенных земель», были из черноземной Курской губернии[3]. Привыкшие к хорошим черноземам, землю чуть худшего качества они считали негодной для хлебопашества. Поэтому следует согласиться с мнением А.А. Кауфмана, который отмечал, что речь надо вести не об абсолютной непригодности почвы, а о «ее несоответствии потребностям и хозяйственным привычкам переселенцев». Лесные земли и климатические условия таежных и подтаежных местностей не соответствовали тому, что искали ходоки и переселенцы, среди которых преобладали выходцы из черноземной полосы[4].

Фактически для крестьян, прибывавших из различных частей Российской империи, существовали свои стандарты определения степени «неудобности» земли. Например, земли, забракованные выходцами из Черноземья, могли быть признаны годными для земледелия выходцами из Прибалтики или Нечерноземья. Так, в 1911 г. в Змеиногорском уезде (Томская губерния) переселенцы из Прибалтики путем охотно селились на неудобных землях, забракованных старожилами, и посредством мелиоративных работ превращали

---

[1] Деятельность Черниговского губернского земства по переселению в 1910 г. Чернигов : Тип. губ. земства, 1911. С. 3–4.
[2] Обзор Акмолинской области за 1910 г. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1911. С. 20.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 214. Л. 8–8об. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[4] Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд-е А. Ф. Девриена, 1908. С. 137.

эти неудобные земли в удобные[1]. Не менее интересны и примеры приводимые Н.П. Огановским. Рассматривая особенности колонизации и развития земледелия на российском Дальнем Востоке, он отметил, что «желтые» иностранцы (китайцы и корейцы) во влажном климате Дальнего Востока чувствуют себя как дома, тогда как наши поселенцы (казаки и старожилы) напоминают рыбу, выброшенную на берег. Корейское и китайское население не знает «неудобных» земель: значащиеся по описаниям переселенческих агентов «непроходимые дебри», «сплошная тайга» охотно заселяются «желтыми» земледельцами. При этом работали они исключительно собственными руками, без применения рабочего скота и громоздких орудий[2].

Однако было и немало случаев, когда земли, значившиеся «неудобными» на планах, в действительности не только привлекали крестьян, но и успешно использовались ими в сельскохозяйственных целях. Имеются примеры, когда по планам земли значились в разряде «неудобных», а в действительности использовались крестьянами не только как сенокосы, но и как пашни[3]. Так, крестьяне пос. Новоалександровского (Томский уезд) просили прирезать к своему наделу запасной участок № 394. Лесным ревизором этот участок характеризовался как безводный, далеко отстоящий от речек, весь покрытый малоценным средневозрастным осинником, а местами заболоченный[4]. Несмотря на такие характеристики, крестьяне сами просили включить этот участок в состав их надела. Подобных случаев было немало. Крестьяне селения Сары-Чумышское Кузнецкого уезда в 1913 г. ходатайствовали о прирезке к их земельному наделу из свободных смежных кабинетских земель. В просимой ими прирезке неудобных земель значилось больше, чем удобных: около 209,15 десятины удобной земли и 234,73 десятины неудобной[5].

---

[1] Белянин Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.). Кемерово : КузГТУ, 2003. С. 155.
[2] Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Саратов : Электро-типо-литогр. Б. Л. Рабинович, 1914. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. С. 183–185.
[3] См., например: РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 626. Л. 3.
[4] ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 919. Л. 17–17об., 29–29об.
[5] КГУ ГААК. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 409. Л. 2.

Наличие на переселенческих участках «неудобных» земель далеко не всегда было препятствием к их полному заселению. Как показывают факты, участки, по описаниям явно не очень пригодные для сельского хозяйства, нередко с успехом заселялись переселенцами и в результате возникали новые селения. Так, уч. Ново-Макарьевский, образованный в 1909 г. из свободных земель Кузнецкого имения Алтайского округа, имел холмистый рельеф, был изрезан глубокими крутыми логами и оврагами, дно которых большей частью заболочено. Описание этого участка предполагает, что он был, на первый взгляд, не очень удобен для сельского хозяйства. Но на практике участок начал заселяться сразу же после образования в том же 1909 г., а его пригодность для сельского хозяйства была подтверждена тем, что до его отмежевания на нем уже проживало 11 семей (22 д.м.п.) арендаторов[1]. В наделе пос. Гляденский (Ишимский уезд) значилось всей земли 1 559,60 десятины, из которых как «удобные» проходили только 508,02. Несмотря на это, из 80 душевых долей, занято было 72, еще 8 числились в графе «зачисленные», свободных душевых долей не было[2]. Для примера рассмотрим историю заселения уч. Темирский и Быганский (Тарский уезд). Оба участка характеризовались как урманные, имели значительные пространства болот, много низких и сырых пространств, недостаточно покосов, а почвы требовали удобрений. Оба участка были образованы в 1897 г., в том же году начали заселяться, а в 1900 г. на уч. Темирском из 204 долей были заняты 163, на уч. Быганском из 108 долей были разобраны 77. Уч. Михайловский (Тарский уезд) из 5 468 десятин всей земли 2 309 десятин относилось к неудобным. Почва на участке характеризовалась как болотистая, весь участок значился под лесом, где пашню добывать трудно. Участок был образован в 1897 г. на 202 душевые доли, начал заселяться в 1898 г., а уже через год на этом участке было образовано общество и в 1903 г. 102 душевые доли были переселенцами разобраны[3].

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-194. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–1об.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 165. Л. 25об.–26.
[3] Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1903. Вып. 14. С. 52, 60 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

В дополнение к этим фактам приведем данные из ведомости о заселении отведенных в районе Сибирской железной дороги переселенческих участков. Документ был составлен канцелярией Комитета министров приблизительно в середине 1890-х гг. Согласно этому документу из числа не полностью заселенных и вообще незаселенных участков в Мариинском и Томском округах 46 значились как вполне удовлетворительные и хорошие, 26 числились в группе «посредственных» и 2 значились как «малоудовлетворительные». В категорию посредственных попали участки, которые было необходимо предварительно очищать от леса, болотистые, а также те, в которых недоставало пахотных угодий и воды. Но при этом на 16 участках, требовавших предварительной расчистки из-под леса, на момент составления ведомости поселилось 963 д.м.п., на 7 болотистых участках – 185 д.м.п., а на 2-х участках с недостатком пахотных земель – 64 д.м.п. Самое примечательное то, что даже на 2-х участках значившихся «малоудворительными» поселилось 268 д.м.п.[1] Подобных фактов немало[2].

Нередкими были случаи, когда переселенцы для поселения сами выбирали земли, на первый взгляд малоудобные для сельского хозяйства[3]. Например, в проекте уч. Граковского (Тобольская губерния) значилось 786 десятин удобной земли и 1 339,4 – неудобной. Тем не менее переселенцы из Вятской губернии самовольно поселились на этих землях и настояли на образовании переселенческого участка[4].

Бывало, что переселенцы под поселение выбирали безлесную местность, лишенную водных источников, годных для питья, с преобладающими солонцеватыми и супесчаными почвами[5]. Так, крестьяне, проживавшие

---

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 138об.–139.

[2] См., например: ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 165. Л. 28–28об., 34об.; КГУ ГААК. Ф. Д-2. Оп. 1. Д. 9436. Л. 13–14.

[3] См.: ГАОО. Ф. 183. Оп. 3. Д. 277. Л. 1, 9–10; ГУТО ГАТО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 184. Л. 2–4; Д. 184а. Л. 3об.–4об.; Д. 25а. Л. 2–2об.

[4] ГАОО. Ф. 183. Оп. 3. Д. 277. Л. 7–8.

[5] Швецов С. П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Результаты статистического исследования 1894 г. Барнаул : Типо-литогр. при Гл. упр. Алт. округа, 1899. Вып. 2. : Описание переселенческих поселков. С. 9, 12, 185, 231, 239, 267, 322.

на рр. Плитной и Ханхаре (Колыванская волость), в 1911 г. ходатайствовали об устройстве по месту проживания, при этом просимые земли (4 000 – 5 000 десятин) представляли собой в основном каменистый выпуск и камень, к удобным можно было отнести лишь 500 десятин сенокосов, 100 десятин пашни и 500 десятин леса[1]. В 1893 г. 19 семей переселенцев из Саратовской губернии ходатайствовали об устройстве их в местности Хрусталевская степь (между деревнями Усть-Склюиха и Оловянникова). Земельная часть Главного управления округа признала эти земли непригодными для поселения. Но новоселы продолжали настаивать на поселении именно в указанной местности, обосновывая это тем, что избранная ими местность вполне пригодна для образования заселка[2].

На основании приведенных примеров можно сделать заключение, что крестьяне в «неудобных» землях иногда видели что-то, что осталось скрытым за сухими строками переписки чиновников. Эти и многие другие примеры доказывают, что даже земли, официально признанные «неудобными», вполне могли использоваться выходцами из губерний, где сельскохозяйственные угодья были аналогичного качества. По замечанию дореволюционных и современных исследователей, для переселенцев имело большое значение соответствие между землями, к которым они привыкли на родине, с теми землями, что они искали в Сибири[3]. Именно поэтому сотрудники землеотводных партий при описании переселенческих участков рекомендовали заселять их выходцами только из определенных губерний. Данные об этом есть в протоколах заседаний временных комиссий по утверждению переселенческих участков, которые имеются во многих региональных архивах Сибири[4].

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 3234. Л. 3, 5, 7, 8, 15–16.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 937. Л. 66–66об.
[3] Вибе П. П. Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 1989. С. 14–15; Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Саратов : Электро-типо-литогр. Б. Л. Рабинович, 1914. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. С. 142.
[4] См.: ГУТО ГАТО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 770. Л. 2–2об.; Д. 797. Л. 1–1об.; Д. 536. Л. 1–1об.; Д. 780. Л. 2–3; Ф. И-48. Оп. 1. Д. 797. Л. 1–1об.

Приведенные выше факты позволяют нам сделать вывод, что официальный термин «неудобные» земли совсем не означал совершенную непригодность всех этих земель для сельского хозяйства. Крестьяне, при наличии соответствующих сельскохозяйственных навыков и желания вполне могли не только найти успешное применение многим «неудобным» землям, но и превратить их в «удобные» пашни и покосы. Можно также заключить, что простое сравнение доли удобных и неудобных земель в составе колонизационного фонда не позволяет сделать однозначного вывода о степени качества переселенческих участков. Переселенцы и ходоки могли отказываться от вполне хороших земель, а не очень пригодные по описаниям земли при этом пользовались спросом. Поэтому главным критерием оценки качества колонизационного фонда должна стать его оценка самими переселенцами.

Столыпинские переселенцы, как и переселенцы 1890-х гг., нечасто жаловались на плохое качество участков. Данные Южно-Русской областной земской переселенческой организации за 1912 г. показывают, что из числа возвращавшихся из Тобольской губернии лишь 4,2% жаловались на плохую землю, из Томской – всего 3,6%. К числу этих жалоб, видимо, следует добавить тех, кто жаловался на «камень и горы» (1,9% возвращавшихся из Томской губернии) и тех, кто жаловался на «болота» (из Томской губерниии – 1,2%, из Тобольской – 8,3%)[1]. Из этих данных следует, что плохое качество колонизационного фонда как причину обратного переселения назвали лишь 12,5% возвращавшихся из Тобольской губернии и всего 6,7% ехавших из Томской. Таким образом, подавляющее большинство даже обратных переселенцев на плохое качество участков не жаловались.

В.Г. Тюкавкин в 1950-х гг. лично опрашивал бывших переселенцев в Иркутской области, и все опрошенные отмечали высокое качество отведенных им земель и высокую урожайность. На материалах Восточной Сибири он сделал вывод, что большинство участков были хорошими по своим условиям,

[1] Новоселов П. М. Переселение в Сибирь из 8-ми губерний Южно-Русской областной земской переселенческой организации за 1912 год. Семейные переселенцы, ходоки, одиночные переселенцы. Полтава : Бюро Ю.-Р.О.З.П., 1917. Вып. 2. С. 34.

земли на них – высокоурожайными и переселенцы высоко оценивали качество этих земель. Этот вывод В.Г. Тюкавкин подтвердил тем, что в 1906–1914 гг. в Восточной Сибири было образовано и заселено более 1 500 переселенческих деревень, и большая часть их сохранилась до нашего времени[1].

Хотя в отечественной исторической науке советского периода настойчиво выдвигался тезис о «массовом бегстве переселенцев с новых мест жительства»[2] по причине непригодности переселенческих участков, фактических доказательств массовости этого явления нет. Отдельные случаи ухода новоселов с мест водворения по причине качества отведенных земель, конечно, имели место[3], но в общей массе они составляли незначительную долю. Фактически тезис советских историков о массовом бегстве переселенцев опровергается данными, опубликованными в их же трудах. Так, в 1911–1915 гг. в среднем в четырех сибирских губерниях лишь 10,5% переселенцев покинули свои участки, в Акмолинской области – 12,9%, а в целом по Азиатской России – 11,1%. В 1906–1910 гг. эти данные были еще ниже – 9,3%[4].

Эта статистика вполне стыкуется с данными, имеющимися в нашем распоряжении. Для примера возьмем материалы комиссии В.К. Кузнецова по урманным участкам Туринского уезда Тобольской губернии, отводившимся в период Столыпинских переселений. По данным исследования Кузнецова, количество домохозяев, покинувших свои участки, составляло 277 из общего числа 2 146 опрошенных в 86 поселках, что составляет 12,9%[5].

В качестве еще одного источника рассмотрим данные обследования экономического положения переселенцев, проведенного в 1911 г. профессо-

---

[1] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 259–261; Он же. Организация переселений крестьян в Восточную Сибирь в 1906–1910 гг. // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. 1958. Вып. 16. С. 124.

[2] См., например: Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980.и С. 237 и др.

[3] См, например: ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 13. Л. 46об.–47.

[4] Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина : учеб. пособие : сборник документов и материалов. М. : Изд-во МГУ, 1973. С. 229.

[5] Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Западная Сибирь. Урман. Туринский уезд, Тобольской губернии. СПб. : [Б.и.], 1912. Вып. 4. С. 9 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

ром В.Я. Нагнибедой. Это обследование проводилось в лесостепной полосе Томской губернии, охватило часть Каинского уезда. Из числа опрошенных 1 383 хозяйств в 17 поселках переселенцев Каргатской волости о желании уйти заявили лишь 50 домохозяев, что составило 3,7% зарегистрированных в волости хозяйств. Но при этом в качестве причины ухода только 5 домохозяев назвали «плохую землю». Таким образом, лишь 10% из числа желавших уйти, в качестве причины ухода назвали плохую землю. Если же сравнить долю домохозяев, желавших покинуть места водворения из-за плохой земли с общим числом опрошенных, то этот показатель упадет до совершенно малозначимой цифры – 0,4%[1].

Конечно, по отдельным районам или даже уездам доля новоселов, покидавших места водворения, могла быть относительно высокой. Тенденция переводворения переселенцев, их перехода с места на место не только выявлена отечественными историками[2], но и подтверждается имеющимися в нашем распоряжении документами[3] и примерами внутрирайонных миграций переселенцев[4]. Но такой переход новоселов с места на место, согласно последним исследованиям современных историков, был результатом влияния разнообразных факторов и стечения различных, часто совершенно индивидуальных, обстоятельств[5], и отнюдь не всегда был связан только лишь с качеством переселенческих участков. Сам по себе факт переводворения переселенца с одного участка на другой еще не доказывает непригодность для сельского хозяйства покинутого им земельного надела, и не может служить доказательством плохого качества землеотводных работ. Как видно из представленных выше данных, собранных В.Я. Нагнибедой, в общем комплексе при-

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 922. Л. 75–77об. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[2] Жидков Г. П. Кабинетское землевладение. (1747–1917). Новосибирск : Наука, 1973. С. 137; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983. С. 36–37.

[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 50об.–51; Ф. 383. Оп. 8. Д. 7091. Л. 2.

[4] См., например: КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2247. Л. 1–1об.; Д. 3802. Л. 70–71; Ф. Д-194. Оп. 1. Д. 215. Л. 7–7об.

[5] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 103.

чин, влиявших на переход переселенцев с одного участка на другой, плохое качество участков составляло незначительные проценты.

Как правило, даже в случае отвода некачественных участков переселенческие структуры стремились исправить этот недостаток. После обнаружения таких непригодных или малопригодных участков администрация принимала соответствующие меры, и такие участки либо изымались из колонизационного фонда, либо уменьшалась их колонизационная емкость. Так, переселенцы поселка Айлинского (Тарский уезд) заявили, что на их участке неудобных земель больше, чем значится по плану. Заявление было признано справедливым, поэтому Управление госимуществ в мае 1906 г. приняло решение сделать прирезку этому поселку в размере более 506 десятин[1]. На переселенческом участке Майнак (Акмолинская область) новоселы также обнаружили, что часть земель, считавшихся удобными, на самом деле представляют собой солонцы. Они ходатайствовали об исключении солонцов из состава участка. Примечательна реакция чиновников на это ходатайство: зав. 1 переселенческим подрайоном вообще приостановил заселение участка. Было проведено дополнительное изыскание, подтвердившее справедливость претензий переселенцев. В результате колонизационная емкость участка была сокращена[2]. В случаях нехватки на участках каких-либо ресурсов (лесных, водных) колонизационная емкость участков понижалась. Так, Омская временная комиссия в 1908 г. понизила колонизационную емкость участков Бастерек и Актрыльган из-за ограниченного запаса пресных грунтовых вод[3]. Также была понижена емкость участка Усть-Нарымского (Змеиногорский уезд). Этот участок был образован в 1908 г. общей площадью в 17 256, 75 десятин (9 209,41 – удобной) земли, на 605 душевых долей. Емкость этого участка была понижена на 60 долей, когда выяснилось, что производитель работ указал площадь больше, чем было в действительности[4].

---

[1] ГАОО. Ф. 183. Оп. 3. Д. 277. Л. 11–11об.
[2] ГАОО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 3. Л. 455–456об.
[3] ГАОО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 7. Л. 6–7об.
[4] КГУ ГААК. Ф. Д-67. Оп. 1. Д. 100. Л. 143.

В некоторых случаях допускалось и переводворение с малопригодных участков. Так, переселенцы пос. Казанского в Тобольской губернии подали жалобу на плохое качество своих наделов и попросили о разрешении переселиться в Акмолинскую область. Обоснованность этого ходатайства 1 марта 1901 г. подтвердил крестьянский начальник 1 участка Тюкалинского уезда. По качеству почва на этом участке была болотистой, с примесью солонца, а местами чистый солонец, годные для посевов земли были разбросаны клочками. При этом первопоселенцы захватили лучшие земли, последующим поселенцам достались совершенно негодные земли. Весной земля надолго покрывалась водой, так как местность находилась в низине, что делало невозможным ранний сев. Ввиду этого чиновник рекомендовал признать это ходатайство заслуживающим уважения. Эта рекомендация послужила основанием, чтобы губернатор подал соответствующий запрос в Переселенческое управление. В итоге переселенцам было разрешено переселиться в другую местность, а Переселенческое управление попросило губернатора принять все меры, чтобы в пос. Казанский не допускалось впредь водворения новых переселенцев[1].

Иногда практиковался обмен непригодных для сельского хозяйства земель, включенных в состав переселенческого участка, на смежные более удобные казенные земли. Так, в 1905 г. был решен вопрос об обмене части земель из надела переселенческого пос. Кирпичного (Тарский уезд). Обмениваемые переселенцами угодья оказались непригодны для использования по причине заболоченности и удаленности. Площадь обмениваемых угодий составила 538 десятин[2].

В случае необходимости практиковались прирезки к уже образованным участка. Например, с. Шадрухинское (Змеиногорский уезд) было образовано как переселенческий участок в 1890 г. и по планам того же года имело 7 798 десятин и 150 кв. сажен удобной земли. В 1906 г. общество этого селения воз-

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 376. Л. 3–3об., 20–22, 34.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 343. Л. 1а, 4.

будило ходатайство о прирезке пахотных и сенокосных земель. Летом 1907 г. председатель Комиссии по причислению переселенцев осмотрел плановую дачу и установил, что в числе удобных земель значится выгон (2 619 десятин 966 кв. сажен), причем северная часть выгона состояла из подсолонка с редкой растительностью, а южная – из глубокого песка. Указанные земли председатель комиссии перечислил в разряд неудобных, после чего составил план прирезки из части оброчной статьи Кабинета «Узкая степь»[1].

Этот пример совсем не единичен. К уч. Ольгино в 1910 г. была сделана прирезка в 4 165,05 десятин[2]. В 1908 г. в Тобольской губернии временные комиссии утвердили 7 прирезок к старым участкам на 427 душевых долей, в Томской губернии – 18 прирезок на 825 душевых долей, в Акмолинской области – 62 прирезки[3]. Была признана заслуживающей удовлетворения просьба переселенцев пос. Рождественского (Аевская волость, Тарский уезд) в 1908 г. о прирезке сенокосов из состава Соснинской казенной лесной дачи. Также было решено удовлетворить просьбу переселенцев общества д. Великорусской (Андреевская волость, Тюкалинский уезд) в 1908 г. о прирезке к их наделу казенных земель из урочища «Фабрикантка». Размер прирезки составлял 1 746,24 десятины удобной земли и 51,47 неудобной. Из того же урочища в 1908 г. была разрешена прирезка для переселенческого пос. Веселопривальского (Тюкалинский уезд) в размере 1 300,52 десятины удобной и 99,10 неудобной земли[4]. В том же 1908 г. в Томской губернии с 15 июля по 7 октября было образовано и утверждено временными комиссиями 13 прирезок[5].

Хотя в сентябре 1910 г. П.А. Столыпин в письме тобольскому губернатору Д.Ф. фон Гагману просил не допускать прирезок к уже образованным переселенческим поселкам, чтобы не укрупнять земельные наделы этих по-

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2785. Л. 57–57об.
[2] ГАОО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 8. Л. 9; Д. 11. Л. 3.
[3] Отчет о работах по образованию переселенческих участков в Азиатской России в 1908 г. СПб. : [Б.и.], 1909. С. 5–7, 21.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 719. Л. 113, 236, 237, 238, 248–249об., 252.
[5] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 27об.–28.

селков и избежать в будущем дальноземелья[1], но фактически прирезки все равно допускались. В 1911 г. во всех переселенческих районах Азиатской России было принято временными комиссиями 113 проектов прирезок к участкам прежних лет образования, в составе этих прирезок было 60 155 десятин удобной земли[2]. В 1910 г. такими же комиссиями за Уралом было утверждено 128 прирезок[3]. В Томской губернии в 1914 г. были запроектированы 3 прирезки к переселенческим участкам общей площадью 1 782 десятины[4].

Конечно, решения о прирезках к переселенческим участкам принимались отнюдь не всегда в пользу жалобщиков. К примеру, на ходатайство Беловского сельского общества (Бийский уезд) о расширении границ их надела зав. Восточно-Барнаульской партией в 1914 г. ответил отказом[5]. Однако в ситуациях, действительно того заслуживающих, переселенческие структуры шли навстречу новоселам и допускали прирезки к наделам их селений.

Вместе с тем, следует признать, что в период массового притока переселенцев, когда не хватало средств и землемеров, а циркуляры из Переселенческого управления и ГУЗиЗ требовали ускорить землеотводные работы[6], сотрудники землеотводных партий могли допускать какие-то недочеты, небрежности, проводить беглый осмотр земель и т.п. Результатом чего могло стать зачисление «неудобных» земель в разряд «удобных»[7]. Были и обратные примеры, когда удобные земли зачислялись в число неудобных, что тоже свидетельствовало о спешке в землеотводных работах[8]. Однако в целом степень халатности сотрудников землеотводных партий на рубеже XIX–XX вв. не стоит преувеличивать. Землеотводным работам предшествовали не только научные,

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 7. Л. 175–176.
[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1912. С. 162–163.
[3] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 254–255.
[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 131. Л. 143.
[5] КГУ ГААК. Ф. Д-194. Оп. 1. Д. 211. Л. 14, 15об.
[6] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 734. Л. 28.
[7] См., например: ГАОО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 3. Л. 455–456об.
[8] ГУТО ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 4. Л. 2, 4.

но и рекогносцировочные экспедиции, обследовавшие казенные оброчные статьи и лесные дачи[1]. Непригодные для колонизационных целей земли в основном отсеивались уже на стадии рекогносцировочных экспедиций. Так, по данным главы МЗиГИ, из обследованных в 1896–1897 гг. пространств Томско-Чулымской тайги (900 000 десятин) и Мариинско-Чулымской (950 000 десятин) командированные из Европейской России сотрудники лесного ведомства и чины межевых партий признали пригодными для колонизации только 250 000 десятин[2]. Из обследованных в период Столыпинских переселений 450 000 десятин в Верх-Каргатской даче и 300 000 десятин в Золотоприисковой даче в первой было признано пригодными для формирования колонизационного фонда 45 000 десятин, а во второй – до 150 000 десятин[3].

Все отводившиеся участки в обязательном порядке утверждались специальными временными комиссиями. И процедура утверждения совсем не была пустой формальностью. Так, в 1908 г. тобольской партией было запроектировано 195 участков на 31 873 душевые доли, утверждено же временными комиссиями было 176 участков емкостью 29 216 душевых долей. В Енисейском районе в том же году было запроектировано 268 участков, но утверждено 248. В Семиреченской же области из запроектированных 42 участков временная комиссия утвердила лишь 2 (два!)[4]. И это в год, когда спрос на переселенческие участки среди ходоков и переселенцев значительно превышал имевшийся в наличии колонизационный фонд! В 1912 г. в Томском районе было запроектировано 766 участков, но лишь 361 из них был внесен на рассмотрение временных комиссий, а утверждено – 359[5].

Конечно, не следует считать абсолютно все заготовленные участки пригодными. Были участки, которые не пользовались спросом среди переселен-

---

[1] См., например: ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 63. Л. 188об.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 277. Л. 3–3об., 5; Оп. 2. Д. 358. Л. 105–106об.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 25об.–26.
[4] Отчет о работах по образованию переселенческих участков в Азиатской России в 1908 г. СПб. : [Б.и.], 1909. С. 5, 9, 26.
[5] Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. С. 144–145.

цев в течение десятилетий. Такие участки по терминологии начала XX в. было принято именовать «мертвым фондом». Факт существования «мертвого фонда» сомнений не вызывает, но его размеры нуждаются в уточнении.

Сначала необходимо определиться, какие земли нужно относить к «мертвому фонду». В советской историографии под «мертвым фондом» было принято понимать абсолютно весь невостребованный переселенцами колонизационный фонд. Так, авторы фундаментального труда «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» утверждали, что на участках, образованных в 1885–1892 гг. можно было поселить до 48 000 д.м.п., а в действительности поселилось только 25 680. Оставшиеся незаселенными земли (46,5%) авторы сочли непригодными для освоения[1].

Большинство историков советского периода к «мертвому фонду» относили как объективно непригодные по почвенным или климатическим условиям участки, так и участки, не заселявшиеся по причинам отсутствия водных источников или дорог[2].

На наш взгляд, более корректным будет отнести к «мертвому фонду» лишь те участки, которые были объективно непригодными для сельского хозяйства даже при условии проведения мелиоративных, гидротехнических или дорожных работ и незанятые при этом новоселами. Участки, которые можно было сделать пригодными для колонизационных нужд после проведения соответствующих дорожно-строительных или гидротехнических работ, на наш взгляд, к «мертвому фонду» относить не следует.

Как видно из данных, представленных в таблице 13, на 1 января 1916 г. в 4-х сибирских губерниях было заготовлено 1 052 109 душевых долей и 10 109 наделов индивидуального пользования, из которых остались незанятыми 20,2% душевых долей на участках поселенного пользования и 45,5%

---

[1] Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983. С. 35 (проценты подсчитаны мной. – *Д.Б.*).

[2] Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 236; Якименко Н. А. Переселенческое движение из Украины в годы столыпинской аграрной реформы (1906–1913 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Киев, 1977. С. 11.

наделов на единоличных участках. Из этого следует, что абсолютное большинство участков, отведенных в период Столыпинских переселений, оказалось востребовано новоселами. Тогда как совершенно непригодные земли в Тобольской и Енисейской губерниях составили лишь 26 129 (5,8%) из общего количества заготовленных 451 747 душевых долей на участках поселенного пользования[1].

Таблица 13 – Размеры невостребованного переселенцами колонизационного фонда в Сибири к 1 января 1916 г.[2]

Губернии	Заготовлено на 1 января 1916 г.	Осталось незанятыми			В том числе		
		всего	%%	из них непригодных для заселения	требующих дорог, обводнения, осушения	требующих дополнительных исследований	совершенно непригодных
Тобольская							
душевые доли	205 414	38 764	18,8	27 969	12 399	1 120	14 450
единоличные участки	2 871	811	28,2	494	333	161	нет св.
Томская							
душевые доли	461 512	29 684	6,4	14 864	14 864	нет св.	нет св.
единоличные участки	4 201	1 795	42,7	1 313	1 313	нет св.	нет св.
Енисейская							
душевые доли	246 333	73 585	29,8	54 510	2 478	40 353	11 679
единоличные участки	1 296	776	59,8	406	нет св.	388	18
Иркутская							
душевые доли	138 850	70 999	51,1	30 955	30 313	641	нет св.
единоличные участки	1 741	1 219	70,0	220	220	нет св.	нет св.
Итого							
душевые доли	1 052 109	213 032	20,2	128 298	60 055	42 114	26 129
единоличные участки	10 109	4 601	45,5	2 433	1 866	549	18

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют произвести аналогичные подсчеты по Томской губернии. В качестве источника воспользуемся характеристикой Томской и Алтайской губерний, составленной в 1918 г. Автор документа, к сожалению, не известен, что ставит под вопрос степень

[1] Подсчитано мной по данным таблицы 13.

[2] Составлено по: Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 249. Таблица 5.

достоверности представленных им данных. В этом документе упоминается, что в 1885–1916 гг. в Томской губернии (вместе с Алтайским округом) было образовано 3 117 участков поселенного пользования на 465 845 душевых долей и 3 889 участков единоличного пользования[1]. К 1 декабря 1917 г. оставались незанятыми 32 677 душевых долей и 2 328 семейных наделов на участках единоличного пользования общей площадью 686 118 десятин земли. Около 50% этого количества было признано непригодным для заселения, так как этот фонд требовал предварительной расчистки из-под леса, строительства дорог и гидротехнических сооружений[2]. Исходя из этих данных получается, что в Томской губернии лишь около 3,5% душевых долей на участках поселенного пользования от числа заготовленных в 1885–1916 гг. были «мертвым фондом». Повторимся, что степень достоверности этих данных не ясна, но высчитанная нами доля «мертвого фонда» по Томской губернии вполне сопоставима с приведенными выше данными по Тобольской и Енисейской губерниям.

В качестве дополнительного источника рассмотрим данные, которые в ноябре 1908 г. представил сенатору Иваницкому чиновник особых поручений при Переселенческом управлении в своем докладе о поземельно-устроительных работах в Тобольской губернии. В 1893–1908 гг. колонизационные работы позволили заготовить 111 000 душевых долей. Из них на 1 января 1908 г. числились свободными и были вполне пригодными для заселения 7 404, еще 7 014 долей требовали дополнительных работ по проведению дорог и постройке колодцев, и лишь 5 525 долей признавались непригодными. Как видно, абсолютно непригодных участков в Тобольском районе было заготовлено менее 5%[3]. Эта цифра достаточно близка к данным, высчитанным нами выше по табл. 13.

---

[1] В другой части этого документа его автор приводит несколько иные данные землеотводных работ за тот же период – 3 096 участков поселенного пользования (466 161 доля) и 3 993 участка единоличного пользования (см.: ГАТО. Ф. 239. Оп. 3. Д. 106а. Л. 29.)
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 3. Д. 106а. Л. 24об.–25.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 760. Л. 11–11об.

Примерно похожие данные о размерах «мертвого фонда» и по областям Степного края. По данным В.А. Тресвятского, в Степном крае (Акмолинский, Семипалатинский и Тургайско-Уральский районы) в 1906–1916 гг. было заготовлено 4 254 переселенческих участка площадью 9 375 340 десятин емкостью 581 758 душевых долей. На этих участках могло быть водворено до 1 163 516 человек[1]. Было водворено фактически 1 161 174 человека, из которых ушло обратно с участков 110 000 человек. Следовательно, из заготовленных участков осталось невостребованными земли для примерно 112 000 человек или около 56 000 душевых долей. Доля незанятых новоселами участков по Степному району, таким образом, составила около 10% от числа заготовленных вообще. Подчеркнем, что в эти 10% вошли как совершенно непригодные участки, так и земли, которые можно было обратить в колонизационный фонд после обводнительных или дорожно-строительных работ[2]. За вычетом участков, которые после гидротехнических работ могли быть востребованы переселенцами, доля участков «мертвого фонда» должна быть менее 10%, что достаточно близко к высчитанным нами данным по Томской, Тобольской и Енисейской губерниям.

В качестве дополнительного источника воспользуемся данными по Амурской области. В этом районе из 305 переселенческих участков, пустовавших к 1917 г., 191 участок нуждался в постановке осушительных, дорожных и корчевальных работ. 53 участка требовали работ осушительных и корчевальных, 30 – дорожных и корчевальных, 9 – дорожных и осушительных[3]. Как видим, абсолютное большинство участков из числа невостребованных можно было обратить под нужды колонизации после соответствующих подготовительных работ.

---

[1] В. А. Тресвятский в своих расчетах исходил из равенства количества мужчин и женщин в составе переселенческих семей.

[2] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Екатерининская тип. Вайсберга, 1917. Вып. 1 : Степной край. С. 99.

[3] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Екатерининская тип. Вайсберга, 1917. Вып. 2. Приамурье. С. 79.

Новейшие исследования также показывают, что имевшийся в период мировой и гражданской войн колонизационный фонд хотя и требовал в значительной степени гидротехнических или дорожных работ, но состоял преимущественно из пригодных для немедленного заселения участков. По данным новосибирского исследователя В.М. Рынкова, в 1918–1919 гг. на примерном учете в составе колонизационного фонда находилось 329 841 свободная душевая доля (без учета Енисейского и Амурского переселенческих районов). Из этого числа только 37 722 доли требовали землеустройства и мелиорации, но более поздние данные выявили, что площадь непосредственно годных под заселение земель была еще значительнее[1].

Таким образом, приведенные выше данные позволяют утверждать, что в период массовых крестьянских переселений «мертвый фонд», состоявший из совершенно непригодных для сельскохозяйственной деятельности участков, был относительно невелик. Даже среди незанятых к 1 января 1916 г. переселенцами участков в 4-х сибирских губерниях для немедленного заселения были пригодны около 40% душевых долей на поселенных участках и около 47% наделов на единоличных[2].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. государство не имело достоверной информации о колонизационном потенциале Сибири. Фигурировавшие в официальной литературе данные не носили объективного характера и не были основаны на научных исследованиях. Поэтому следует признать частичную правоту некоторых советских историков, утверждавших, что политика массовых крестьянских переселений не была должным образом продумана.

Вместе с тем нельзя не признать, что в 1906–1914 гг. правительство проделало колоссальный объем работ по научному изучению колонизационных возможностей Сибири. Ежегодно Переселенческим управлением организовывались научные и рекогносцировочные экспедиции. На финансирование

---

[1] Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. С. 58.
[2] Подсчитано мной по данным таблицы 13.

этих экспедиций выделялись немалые средства. К участию в экспедициях государство привлекло ведущих специалистов-почвоведов России, представителей академической науки, исследования которых не только обогатили российскую науку обширными теоретическими знаниями, но и были использованы на практике в ходе колонизации. Правительство получило объективную, научно подтвержденную информацию о пригодности для колонизационных нужд миллионов десятин земли, что дало возможность развернуть землеотводные работы в ранее неисследованных районах. Пустовавшие ранее земли были использованы для заготовки переселенческих участков, освоены и вовлечены в сельскохозяйственный оборот.

Основным источником для формирования колонизационного фонда в период Столыпинских переселений стали оброчные статьи и лесные дачи. В качестве дополнительных источников использовались излишки землепользования старожилов и инородцев, правда, к вопросу об обращении под нужды колонизации земель инородцев государство подходило с долей осторожности. Фактически в 1906–1910 гг. казна и Кабинет в интересах колонизации принесли в жертву свои фискальные интересы, передав для образования переселенческих участков миллионы десятин земли. Часто переселенцы самовольно занимали земли, входившие в лесные дачи или оброчные статьи, и районные переселенческие организации шли навстречу интересам новоселов, добиваясь образования переселенческих участков из самовольно занятых земель. Масштабные землеотводные работы на казенных и кабинетских землях нередко вызывала противодействие со стороны местных управлений госимуществами и Кабинета, причем Кабинет смог добиться ограничения масштабов землеотводных работ на Алтае с 1911 г.

В 1911–1916 гг. вектор землеотводных работ в Томской и Тобольской губерниях смещается в таежную полосу. Правительством был разработан перспективный план колонизации тайги, предусматривавший поэтапное освоение урманных и таежных районов. Предполагалось также поощрять денежными премиями переселенцев, проводивших на своих участках лесорас-

чистки. Частично лесорасчистки планировалось осуществлять за государственный счет. Практической реализации этого проекта помешало начало Первой мировой войны.

Важным направлением землеотводных работ в 1911–1916 гг. стала заготовка колонизационного фонда в виде единоличных участков, что соответствовало общегосударственному курсу на поддержку и развитие в стране единоличных крестьянских хозяйств. По замыслу Столыпина, заготовка единоличных хозяйств должна была производиться в наиболее привлекательных для новоселов районах. Фактически же единоличные участки стали нарезаться либо в таежных районах, либо из числа незанятых новоселами участков прежних лет заготовки. Часто такие участки не имели подъездных дорог и источников водоснабжения и не пользовались у переселенцев спросом. Однако в целом в период Столыпинских переселений качество колонизационного фонда стало выше. Это было связано как с накоплением землемерами и топографами практического опыта землеотводных работ, так и с тем, что переселенческие структуры следили за качеством переселенческих участков. Сотрудники землеотводных партий проделали огромный объем работ по разведке и обмежеванию переселенческих участков. Абсолютное большинство заготовленных переселенческих участков было пригодно для сельского хозяйства и оказалось заселено к 1914 г., а «мертвый фонд», состоявший из совершенно непригодных для сельскохозяйственной деятельности участков, был относительно невелик. У абсолютного большинства переселенцев и ходоков качество переселенческих участков в 1906–1914 гг. нареканий не вызывало. Доля новоселов, покидавших переселенческие участки по причине непригодности почвы для сельского хозяйства, была невелика.

4.2. Основные направления правительственных мероприятий по улучшению качества колонизационного фонда в Западной Сибири в 1890-х – феврале 1917 гг.

В целом качество переселенческих участков с точки зрения пригодности почвы для сельского хозяйства в начале XX в. было на неплохом уровне. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что углубление землеотводных работ в малообжитые и удаленные от Сибирской дороги районы привело к необходимости проведения на переселенческих участках комплекса обводнительно-осушительных или дорожно-строительных мероприятий. В связи с этим представляется актуальным в настоящем разделе выявить характер, масштабы и итоги мелиоративных, гидротехнических и дорожно-строительных работ, организованных государством в конце XIX – начале XX вв.

Вопрос об огромном значении строительства дорог для нужд колонизации неоднократно поднимался чиновниками разного уровня еще в конце XIX в. Так, глава МЗиГИ в циркуляре от 11 мая 1899 г. отмечал, что пространства вполне пригодные для заселения не привлекают к себе переселенцев ввиду отрезанности от заселенных районов и отсутствию путей сообщения. Далее циркуляр возлагал на заведующего отрядом и заведующих временными партиями обязанность выяснять, насколько доступными являются намечаемые под колонизацию районы, а также представлять предварительные соображения по строительству в таких районах дорог с примерной оценкой расходов на дорожное строительство[1]. Посетивший Сибирь в 1902 г. С.Ю. Витте предложил расширять проведение сети грунтовых и проселочных дорог между Сибирской железной дорогой и заселяемыми районами[2].

В научной литературе, архивных или в опубликованных источниках нам не удалось обнаружить примеры организации таких работ до начала дея-

---

[1] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб. : Тип. Переселен. упр., 1909. С. 205.

[2] Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 298.

тельности КСЖД. Правда, есть данные, что на безводных или маловодных участках, образовывавшихся в Алтайском округе в 1870–1890-х гг., к концу XIX в. были построены искусственные источники водоснабжения. Так, на уч. Костин Лог (Барнаульский округ), образованном в 1879 г. была устроена запруда, возле уч. Закладной (тот же округ), образованном в 1888 г., также была сооружена запруда. А в переселенческих деревнях Северная и Марзакуль (обе – Барнаульский округ), образованных в 1879–1880 гг., водоснабжение частично осуществлялось из колодцев. Были и другие переселенческие участки, имевшие источниками водоснабжения запруды или колодцы[1]. Однако вопрос, были построены эти гидротехнические сооружения за счет администрации Алтайского округа или за счет самих новоселов, остается открытым. В 1898 г. в безводные переселенческие поселки (многие из которых возникли самовольно и даже не значились на планах администрации) был командирован и.о. помощника начальника округа статский советник Розанов, чтобы выяснить вопрос о возможности прирезки к этим селениям земель для устройства запруд или пресноводных колодцев. Розанов обнаружил, что некоторые переселенческие поселки уже самостоятельно решили вопрос своего водоснабжения. Так, 250 дворов переселенцев, проживавших в Микишином Логу (в границах надела селения Костин Лог) имели при каждой усадьбе колодец с хорошей пресной водой[2].

Таким образом, по нашим данным, впервые в колонизуемых районах дорожно-строительные и гидротехнические работы были организованы в период деятельности КСЖД. Практически на рубеже XIX–XX вв. гидротехнические работы осуществлялись по нескольким направлениям: гидротехнические изыскания на предмет присутствия на участке естественных водных источников и достаточности их для снабжения участка, мелкое или глубокое бурение для выяснения наличия грунтовых вод, исследования возможности строительства крупных искусственных гидротехнических объектов (дамб,

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2573. Л. 54об.–55, 58об.–61, 62об.–63, 71об.–73.
[2] КГУ ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2325. Л. 64–66об.

плотин, водохранилищ), а также проведение осушительных работ в заболоченных районах. Дорожно-строительные работы состояли из изысканий и строительно-ремонтных работ дорог, мостов, гатей, ведущих к переселенческим участкам.

Гидротехнические работы на переселенческих участках начались раньше, чем дорожно-строительные. В официальном издании Переселенческого управления есть упоминание, что гидротехнические работы были впервые организованы в Азиатской России в 1896 г.[1] По другим данным, организованная помощь новоселам в этой сфере начала оказываться уже с 1895 г., когда при ОЗУ были образованы первые гидротехнические партии в Сибири[2]. Так, в 1893 г. в Акмолинской области было признано безводными 60 поселков, в 1895 – начале 1896 гг. также заселялись участки, где вода была в недостатке, либо ее совсем не было. Для решения вопроса водоснабжения новоселов было необходимо устроить 440 колодцев из расчета 15 дворов на 1 колодец. Была командирована особая партия гидротехников, которая 1 сентября 1896 г. провели обводнительные работы на 33 участках, где соорудили более 100 колодцев. К 10 декабря 1897 г. необводненными оставались только 2 переселенческих поселка – Новороссийский и Исаевский, из признанных безводными в 1893 г.[3] В Тобольской губернии в 1895–1896 гг. в 24-х поселках был устроен 61 колодец, в 1897 г. – 79 колодцев. В Томской губернии в 1895–1896 гг. колодцев вообще не сооружали, в 1897 г. было сооружено 30 колодцев в 5 поселках, а в 1898 г. в Тобольской и Томской губерниях предполагалось сделать уже до 140 колодцев[4].

В 1895 г. начала работу Томская гидротехническая партия Отдела земельных улучшений (ОЗУ). Ее главной задачей было осушение болот в уже существующих селениях или только отведенных переселенческих участках.

---

[1] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 61.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 12об.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 4. Л. 67; Обзор Акмолинской области за 1895 г. Омск : Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1897. С. 12–13.
[4] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 40–42об., 44–46 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

Сначала партия работала только в узкой полосе, прилегающей к Сибирской дороге, затем распространила свою деятельность на заболоченные земли Барабинской степи[1]. В 1896–1905 гг. гидротехнические отряды ОЗУ провели изыскания на 722 переселенческих участках во всех районах Азиатской России, построили 1 308 колодцев и 17 искусственных водохранилищ[2]. В 1895–1899 гг. осушительные работы охватили 184 849 десятин, на которых было образовано 51 переселенческий участок[3].

В целях осушения заболоченных пространств сооружались водоотводные каналы. В 1896–1897 гг. в Барабинской степи было проведено 204 версты таких каналов для переселенческих участков общей емкостью в 3 100 долей[4]. По данным П.А. Столыпина, в 1895–1908 гг. в Барабинской степи было проложено около 1 800 верст каналов, осушено до 900 000 десятин[5].

Не только государство, но и сами крестьяне нередко посредством простейших мелиоративных работ обращали болотистые земли в удобные. К примеру, обращение небольших болот путем их выжигания, а иногда проведением сверх того водосточных канавок, сначала в сенокосы, а затем в пашни широко практиковалось на крестьянских землях Туринского уезда[6]. В 1897 г. было закончено осушение болот Карапузского и Кожурлинского, а также произведены работы по осушению болот в бассейнах рек Кондуслы и Каргата. Эти работы коснулись 12 заболоченных переселенческих участков (общая площадь 53 751 десятина), предназначенных для 2 712 переселенцев[7]. Были и другие примеры осушения болот, вовлечения болотистых земель в сельскохо-

---

[1] Современное крестьянское сельское хозяйство в районе осушительных работ томской гидротехнической партии. Томск : Скоропечатня «ЭНЕРГИЯ», 1916. С. 1–2.
[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С .61.
[3] Тернер Ф. Государство и землевладение. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1901. Ч. 2. С. 155.
[4] РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 47–51.
[5] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 23.
[6] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 48. Л. 35–35об.
[7] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 4. Л. 95об.–96об.

зяйственный оборот. В дер. Карачино осушенное болото было засеяно, и с него в дальнейшем был получен урожай[1].

Часть гидротехнических сооружений была возведена в ходе общественных работ, организованных для помощи пострадавшим от неурожаев. Такие работы были организованы в Акмолинской области в 1902 г. ввиду двух подряд неурожайных лет. В результате в области руками самих крестьян было сооружено 23 колодца, 29 плотин, дамб и запруд, а также проведены углубительные работы 19 естественных водоемов[2].

Однако имевшихся наличных сил было недостаточно для проведения гидротехнических работ в полном объеме. Чиновники честно констатировали, что ввиду недостатка сотрудников и средств не было возможности в полной мере решать задачи, которые ставило перед ними усиливающееся с каждым годом переселенческое движение[3]. Существенным недостатком была излишняя бюрократизация, порожденная негибкостью существовавшей системы. Проиллюстрируем это на конкретном примере. Для постройки колодцев в пос. Лебедковском и Носовском (Тобольская губерния) после ходатайства крестьян губернатор 25 января 1897 г. отправил соответствующую телеграмму в столицу, где вопрос решался с участием Переселенческого управления на уровне А.Н. Куломзина. При этом сумма, необходимая для устройства колодцев, была совершенно мизерная по сравнению с общим бюджетом вспомогательных предприятий КСЖД – всего 600 рублей[4]. Вынесение на правительственный кровень вопроса о предоставлении ассигнований в столь незначительном объеме показывает, насколько негибкой и излишне бюрократизированной была система выделения кредитов на гидротехнические нужды в конце XIX в. Для улучшения системы мелиоративной и гидротехнической помощи переселенцам необходимо было предоставить право решать вопросы о строительстве гидротехнических сооружений местным переселенческим

[1] ГУТО ГАТО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 433. Л. 33, 40об.
[2] Обзор Акмолинской области за 1902 год. Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1904. С. 12–13.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 12об.
[4] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 365. Л. 3.

структурам, не вовлекая столичные ведомства в ненужную излишнюю переписку по мелким вопросам.

В деле строительства гидротехнических сооружений на переселенческих участках иногда имела место некоторая ведомственная несогласованность. Так, в 1900 г. управляющий ОЗУ МЗиГИ генерал-лейтенант Жилинский отказался от производства работ по сооружению колодцев на участках Томско-Чулымской тайги на основании, что «означенные участки не входят в район работ гидротехнических партий»[1].

О несовершенстве существовавшей на рубеже XIX–XX вв. системы заготовки колонизационного фонда открыто писал Степной генерал-губернатор во всеподданнейшем отчете за 1901–1902 гг. Он отмечал, что заготовкой колонизационного фонда занимались разные ведомства, не объединенные руководством на месте, а подчинявшиеся своим министерства в Санкт-Петербурге. Ввиду этого, землеустроительные партии нарезали участки, недостаточно исследованные в водном отношении, а гидротехнические изыскания проводились позднее, с отставанием ввиду ограниченности средств. Далее Степной генерал-губернатор предложил включить гидротехников в штат временных партий по образованию переселенческих участков и подчинить всех командируемых из центральных учреждений лиц по переселенческому делу местной власти в крае. Это дало бы возможность все работы, связанные с образованием переселенческих участков вести по одному плану. Вопрос о включении гидротехников в штат межевых партий в 1901 г. обсуждался в Подготовительной комиссии при КСЖД и, хотя был решен положительно, но от этого пришлось отказаться ввиду нехватки гидротехников. Согласованности действий межевых партий и гидротехников предполагалось достичь установлением совместных работ в тех местностях, которые предназначались для образования участков и нуждались в предварительном общем гидротехническом обследовании. Для производства этих работ глава МЗиГИ издал особую инструкцию, а распределением гидротехников по межевым партиям для спе-

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 507. Л. 133.

циальных изысканий занимался Отдел земельных улучшений по соглашению с департаментом государственных земельных имуществ[1].

Были и другие недостатки в вопросе гидротехнической помощи переселенцам. Например, недостаток средств вынуждал гидротехнические партии перекладывать часть работ на плечи самих крестьян. Так, в 1897 г. 1 колодец устраивался на 16 дворов, в 1900 г. – уже на 45[2]. Недостаточность кредитования не позволяла охватить все участки гидротехническими работами сразу. Как видно из ведомости недостаточно обеспеченных водой и водопоем или безводных поселков Тобольской губернии в 1904 г. в гидротехнической помощи нуждалось 46 поселков[3].

Томский губернатор в 1901 г. отмечал, что отсутствие естественного водоснабжения на некоторых переселенческих участках Новокусковской и Семилужской волостей Томского уезда служит причиной их слабого заселения, а с уже заселенных участков часть переселенцев уходит. Переселенцы терпели крайнюю нужду в воде и не имели достаточно средств, чтобы без правительственной помощи устроить колодцы. К числу таких безводных и маловодных относилось 17 участков, на которых было необходимо устроить 45 колодцев. Например, на уч. Тягуновский (Семилужская волость), образованном в 1900 г., было необходимо устроить 2 колодца, на уч. Ломовицком (Новокусковская волость) того же года образования – 3. По расчетам губернатора, на строительство колодцев требовалась сумма в 6 750 рублей. Между тем, МВД на 1901 г. выделило всего 10 000 рублей на выдачу ссуд и пособий переселенцам на строительство колодцев во всех губерниях Сибири. Ввиду этого, 28 апреля 1901 г. Переселенческое управление отметило, что выделение всей просимой губернатором суммы из отпущенного МВД кредита вряд ли возможно. Но одновременно Переселенческое управление разрешило «в мере безотлагательной и необходимой на упомянутые нужды» выделить 3 000 ру-

[1] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 35. Л. 92, 209.
[2] Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 67–68.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1408. Л. 20–21.

блей из числа отпущенных на выдачу ссуд переселенцам в Томской губернии[1].

Таким образом, можно сделать вывод, что в период деятельности КСЖД государством были сделаны лишь первые шаги по организации гидротехнической и мелиоративной помощи населению в колонизуемых районах Западной Сибири. При этом наблюдалась ведомственная разобщенность и нехватка финансирования.

Положение с дорожными работами в период КСЖД было даже хуже, чем с гидротехнической помощью. Вопрос об актуальности дорожного строительства был поднят некоторыми чиновниками высокого ранга еще в середине 1890-х гг. в связи с колонизацией урманных пространств. Причем отсутствие дорог становилось препятствием для заселения заготовленных переселенческих участков. К 1900 г. в Тарских урманах было отведено 9 430 душевых долей, и из-за отсутствия дорог большинство отведенных участков остались незаселенными. Успешно заселялись лишь участки Седельниковской волости, где имелись дороги[2].

Как показывают многочисленные примеры, для переселенцев наличие к участкам дорог было иногда важнее, чем хорошие почвы. В качестве одного из таких примеров можно взять 23 участка Атирской волости Тарского уезда (Мало-Тайдымский, Трофимовский, Медведевский и пр.), которые были образованы в 1897 г., но даже и в 1903 г. их заселение не было даже начато. Причина – отсутствие дорог. И, напротив, наличие дорог могло быть фактором, способствовавшим заселению участка. Группа из 9 участков (Ак-Тугринский, Князевский, Кирилловский и др.) считались «глухо-урманными», не имевшими чистых мест для пашен, покосы были только по окраинам болот, но к этим участкам имелись дороги. Поэтому 5 участков из 9 начали заселяться, причем в двух из них к середине 1903 г. было разобрано более

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 716. Л. 64–64об., 66–67.
[2] Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – середина XX в.). Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2010. С. 64.

50% душевых долей: на уч. Князевском новоселы заняли 220 долей из 337, а на уч. Верхне-Васисском 106 из 151[1].

Об огромном значении строительства дорог для нужд колонизации неоднократно писали чиновники разного уровня еще в конце XIX в. Так, глава МЗиГИ в циркуляре от 11 мая 1899 г. отмечал, что пространства вполне пригодные для заселения не привлекают к себе переселенцев ввиду своей совершенной отрезанности от заселенных районов и отсутствию путей сообщения. Далее циркуляр возлагал на заведующего отрядом и заведующих временными партиями обязанность выяснять, насколько доступными являются намечаемые под колонизацию районы, а также представлять предварительные соображения по строительству в таких районах дорог с примерной оценкой расходов на дорожное строительство[2].

Начало дорожно-строительных работ в колонизуемых районах Сибири относится к 1898–1899 гг. или даже к 1897 г. Как следует из записки чиновников Переселенческого управления, составленной для членов Госдумы, в 1897–1902 гг. на дорожно-строительные работы было потрачено 25 700 рублей. В 1903–1905 гг. ассигнование на эти кредиты было увеличено до 475 000 рублей[3].

Сначала функция строительства дорог была возложена на крестьянских начальников, а ассигнуемые средства были из расчета 100 рублей на одну версту дороги. Нельзя не отметить и то, что в 1902 г. в Томской губернии были организованы общественные работы с целью помощи пострадавшему от неурожая населению, в ходе этих общественных работ осуществлялось строительство нескольких дорог. Строились 5 дорог в Мариинском уезде и 1 в Томском. Это были дороги простейшего типа, а мосты и гати носили вре-

---

[1] Книга образования переселенческих участков. 1885–1912. Томск : Тип. Детского приюта и Дома трудолюбия, 1913. С. 54–55. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

[2] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 года). СПб. : Тип. Переселен. упр., 1909. С. 205.

[3] Горбатовский Ю. Переселенческое дорожно-строительство // Сиб. вопросы. 1907. № 24. С. 11–12; Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 65.

менный характер. Верста такой дороги обходилась в 150–200 рублей. Дешевизна сказалась на их качестве – дороги быстро заболотились и лишь некоторые из них в дальнейшем продолжили функционировать[1].

С 1903 г. задача дорожного строительства была передана Переселенческому управлению[2]. В 1903 г. произошло увеличение финансирования мелиоративных и дорожно-строительных работ. Подготовительная комиссия при КСЖД предложила командировать в качестве чиновников Переселенческого управления МВД гидротехников и выделить на их нужды 21 500 рублей. Кроме структур МВД гидротехническими работами в Сибири должны были заниматься сотрудники МЗиГИ. Последние должны были проводить осушительные работы в Барабинской степи. На их содержание было выделено 16 000 рублей, плюс на их операционные расходы еще 120 000 рублей. Всего же на гидротехнические работы в Сибири и Степном крае на 1903 г. было выделено 263 690 рублей. Помимо этого, комиссия предложила отпустить на проведение урманных и таежных дорог к отдаленным участкам 86 000 рублей. Оба этих предложения были утверждены императором 15 января 1903 г. В 1904 г. на строительство дорог к переселенческим участкам в урманных и таежных районах в 4-х сибирских губерниях решено было выделить 130 000 рублей[3].

В 1903–1905 гг. в Томской губернии Переселенческим управлением было построено 10 дорог общей протяженностью 483 версты. Суммарные затраты на дорожно-строительные работы составили 75 779 рублей[4]. Во всех губерниях Азиатской России за 1903–1905 гг. было построено 1 470 верст дорог, приобщивших к культурной полосе Сибири земельный фонд площадью

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 9; Инструкция о порядке водворения и устройства переселенцев в Сибири (кроме Алтайского округа) и Степном генерал-губернаторстве. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1902. С. 45. Переселенческие дороги в Томской губернии : отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года чиновника особых поручений Н. П. Рахманова. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. С. 1.

[2] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 64.

[3] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 49. Л. 23об., 25, 26–26об., 93об.

[4] Переселенческие дороги в Томской губернии : отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года чиновника особых поручений Н. П. Рахманова. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. С. 3–4 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

до 500 000 десятин, колонизационной емкостью в 30 тыс. душевых долей[1]. Конечно, темпы дорожного строительства в 1903–1905 гг. далеко не полностью покрывали потребности колонизуемых районов Западной Сибири. По оценкам сибирского исследователя Е.А. Александровой, в Томской и Тобольской губерниях помимо уже построенных дорог в 1903–1905 гг. было необходимо провести в Томской губернии 657 верст, а в Тобольской – 1 244,5 версты дорог к переселенческим участкам[2].

Затраты на постройку версты дороги в 1903–1905 гг. обходились 150–200 рублей, и качество построенных дорог было не лучшим. Ширина просеки такой дороги составляла 6 сажен, что позволяло проехать однолошадной телеге с 12–15 пудами клади. Это были дорого временного характера, без боковых и отводных осушительных канав. Такие дороги требовали ежегодного ремонта и добавочных укладок гати, а проезд по ним был трудным. Причем в первый год делались работы, на которые имелись ассигнования, а в последующий год дорогу достраивали, чтобы сделать ее условно проезжей[3].

В целом, вопросам дорожного строительства в период КСЖД государство не уделяло достаточно внимания. Дорог к переселенческим участкам строилось недостаточно, а построенные были не лучшего качества. В сфере гидротехнической помощи при наличии заметных недостатков нельзя не отметить тенденцию постоянного увеличения ассигнований и увеличения штата сотрудников, занимавшихся гидротехническими работами. В 1901 г. помимо гидротехнической организации ОЗУ была образована особая гидротехническая партия при Переселенческом управлении. Эта партия в первые годы занималась надзором и ремонтом гидротехнических сооружений, построенных ранее ОЗУ. В дальнейшем на эту партию были возложены задачи по об-

---

[1] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 65.

[2] Александрова Е. А. Дорожно-строительные работы на переселенческих участках Сибири как источник для изучения сибирских переселенческих дорог // Вест. Том. гос. ун-та. История. 2009. № 4. С. 39.

[3] Переселенческие дороги в Томской губернии : отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года чиновника особых поручений Н. П. Рахманова. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. С. 2, 4–5.

воднению переселенческих участков в тех местностях, на которые не распространялась деятельность ОЗУ. В 1901–1905 гг. чины этой партии обследовали 156 заселенных участка, построили 41 колодец и 7 искусственных водохранилищ. Кроме того, в 1902 г. были учреждены должности чиновников особых поручений по гидротехнической части при Степном генерал-губернаторстве. Их обязанностью было осуществлять надзор за гидротехническими сооружениями, ремонтировать их и проводить водоснабжение нуждавшихся поселков[1].

С 1905–1906 гг. ситуация с гидротехнической и дорожно-строительной помощью стала несколько улучшаться. Переселенческие участки должны были обследоваться гидротехниками в смысле наличия водных источников и не подлежали заселению, пока заведующий изысканиями не признавал участок обеспеченным водой. Если же на участке не было обнаружено достаточного количества водных источников, то участок зачислялся в разряд запасных для дополнительных изысканий, как, например, участок Узун-Куль[2]. В случаях, когда имевшиеся на участках водоемы по каким-либо причинам признавались не совсем пригодными, вопрос снабжения участка водой должны были решать чины гидротехнических партий. Так, на участке Вавиловской (Тюкалинский уезд) было озеро, которое промерзало зимой, поэтому на участке было проведено бурение 38 скважин[3]. В районах, где встречались соленые воды, гидротехнические изыскания должны были сопровождаться химическим анализом воды[4]. Помимо химического анализа следовало осуществлять санитарный анализ воды, а полученные результаты, согласно распоряжения ОЗУ, следовало отправлять в столицу[5].

---

[1] Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 68–69; Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 61.
[2] ГАОО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 3. Л. 289, 290, 304.
[3] ГАОО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–4об.
[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 201. Л. 176–176об.; Оп. 19. Д. 66а. Л. 2об.
[5] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 222. Л. 56.

Накануне Столыпинских переселений произошли значительные структурные изменения, нацеленные на оптимизацию работы переселенческих организаций. В 1905 г. были введены должности гидротехников в состав землеотводных партий в тех местностях, на которые не распространялась деятельность ОЗУ (Семиречье и Сыр-Дарьинская область). Все гидротехнические организации, кроме тех, что осуществляли осушительные работы в Барабинской степи и гидротехнической части при Степном генерал-губернаторстве, в 1906 г. были объединены под началом Переселенческого управления. Теперь гидротехнические работы преследовали 2 цели: производство общих изысканий для выяснения пригодности в водном отношении предполагавшихся под заселение земель, и устройство на участках колодцев, запруд и небольших осушительных каналов[1]. В каждом переселенческом районе были созданы специальные гидротехнические отделы. Они занимались мелким бурением и шурфованием с целью поиска источников для водоснабжения участков, проводили осушение и орошение, ирригационные работы, строили шахтовые колодцы, осуществляли каптаж ключевых колодцев[2].

В Тобольской губернии из состоявших в гидротехническом отделе переселенческого района техников создавались особые уездные гидротехнические партии, приписанные к районам действий отдельных поземельно-устроительных партий[3].

В результате гидротехнические работы с 1906 г. стали более планомерными и организованными. Создававшиеся в переселенческих районах гидротехнические отделы имели четко обозначенные инструкции. Основным назначением этих отделов было обеспечение населения переселенческих поселков, хуторов и отрубов пресной водой. Отдел исполнял работы по сооруже-

---

[1] Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 68–69; Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 61.

[2] Бобылева О. М. Деятельность переселенческих организаций в Восточной Сибири в 1906–1916 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Иркутск, 2000. С. 15.

[3] ГАОО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

нию артезианских, трубчатых, абиссинских и обыкновенных деревянных колодцев, по устройству плотин, снежников, съездов к рекам и походов к озерам. В компетенции отдела было проведение рекогносцировочных, общих и специальных изысканий. Гидротехнические работы признавались необходимыми, если водные источники отсутствовали, либо были удалены от усадебных мест или для использования непригодны. Была установлена норма, определявшая степень достаточности обеспечения поселка имеющейся водой: в день на взрослого человека 5 ведер воды, на голову крупного рогатого скота – 8 ведер[1].

Практические масштабы гидротехнических работ в 1906–1916 гг. были очень значительными: работы охватили не только безводные степные районы, но и таежные. Сооружение колодцев на таежных участках было обусловлено плохим качеством воды в таежных ручьях, которая содержала в себе продукты разложения и вызывала у новоселов разного рода болезни[2].

В период Столыпинских переселений произошло значительное увеличение выделяемых на гидротехнические работы сумм. Заметно выросли объемы кредитования гидротехнических работ. В 1895–1906 гг. на гидротехнические работы было израсходовано до 3 млн рублей, в 1907 г. на эти же нужды было ассигновано 780 560 рублей. Значительно расширились и масштабы работ. На каждом участке, признававшемся пригодным для колонизации, с 1906 г. было решено ставить, по крайней мере, 1 колодец (в зависимости от силы притока воды) еще до прихода на участок переселенцев. Дальнейшее строительство колодцев предполагалось осуществлять по мере заселения поселка с отнесением издержек на самих крестьян (за счет ссуд на общеполезные надобности)[3].

В сфере дорожного строительства с 1906 г. также произошли существенные изменения, коснувшиеся в основном улучшения качества строив-

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 223. Л. 95–96.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 568. Л. 112.
[3] Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. С. 69–70.

шихся дорог. До 1906 г. дорожные работы проводились без предварительных изысканий, выделяемых ассигнований не хватало на постройку качественных дорог. С 1906 г. ассигнования на постройку одной версты дороги были увеличены до 300 рублей. В дальнейшем эта сумма увеличивалась в зависимости от типа дороги. Дороги стали строиться трех типов: магистральные, подъездные и хуторские. Магистральные дороги обходились в 1 200 рублей за версту, подъездные – в 900 рублей, хуторские – в 300 рублей. Дорожным работам с 1906 г. обязательно предшествовали изыскания. Например, в 1906–1914 гг. в Тобольском районе ежегодно в среднем осуществлялось до 500 верст изысканий[1].

Несмотря на общее улучшение в сфере дорожного строительства и гидротехнических работ ситуация не была идеальной. Так, в 1908 г. землеотводные работы с одной стороны, гидротехнические и дорожные с другой проводились не всегда согласованно. Это вело к тому, что не все запроектированные и отведенные участки могли поступать под зачисление ввиду бездорожья или вследствие не проведения гидротехнических изысканий. По этим причинам из 300 000 душевых долей запроектированных в 1908 г. в Азиатской России до 50 000 долей не могло быть принято даже к учету. В результате, такие участки могли рассматриваться лишь как резерв для колонизации в будущем[2]. Недостатком было и то, что гидротехнические работы всегда шли после нарезки участков, в результате были случаи, когда гидротехники в ходе изысканий получили неудовлетворительные результаты относительно водоснабжения и забраковывали нарезанные землемерами участки[3]. Помимо этого, в иногда проведение работ гидротехнический отдел поручал временным гидротехникам, которые ввиду недостатка опыта допускали грубые ошибки, неправильно освещали положение водообеспечения в поселках[4]. Были недостатки

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 9об.–10об.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 734. Л. 17–17об.
[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 760. Л. 7–7об.
[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 115. Л. 119.

с финансированием, ассигнования выделялись по частям, что вызывало неудобства[1].

Реализация правительством П.А. Столыпина политики массовых переселений поставила перед переселенческими организациями Западной Сибири целый комплекс проблем в области гидротехнической и дорожно-строительной помощи населению. К началу Столыпинских переселений в Западной Сибири имелся значительный фонд из участков, не обеспеченных дорогами и гидротехническими сооружениями. Например, в Тобольской губернии в 1904 г. в гидротехнической помощи нуждалось 46 поселков[2]. Требовалось осуществить комплекс работ по приведению таких участков в готовый вид. Планом гидротехнических работ на 1907 г. в Томском районе предполагалось строить колодцы на безводных участках, образованных за 3 предшествующие года. Планировалось также развернуть гидротехнические работы на участках, образованных до 1907 г. и расположенных, главным образом, в Томском и Мариинском уездах[3].

В сфере дорожного строительства дороги, построенные в 1903–1905 гг., пришлось достраивать и перестраивать. После 1906 г. для приведения этих дорог в действительно рабочее состояние выделялись дополнительные средства. Так, дорога от ст. Тайга до дер. Бородавки в 1906–1907 гг. потребовала дополнительных расходов в среднем 313 рублей за версту, а в 1909 г. на перестройку некоторых мостов этой дороги было еще потрачено 6 920 рублей. Строившаяся до 1906 г. Поваренкинская дорога (от дер. Тюхтет через уч. Поваренкинский до уч. Нечаевского с веткой на уч. Шишляниковский) имела стоимость в среднем около 200 за версту. Но с учетом дополнительных работ в 1906–1907 и 1909 гг. сумма затрат на постройку версты этой дороги достигла 900 рублей[4]. К 1907 г. в Томской губернии ввиду отвода в течение несколь-

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 187. Л. 61об., 63об.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1408. Л. 20–21.
[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 85.
[4] Переселенческие дороги в Томской губернии : отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года чиновника особых поручений Н. П. Рахманова. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. С. 2, 4–5.

ких предшествующих лет участков в таежных частях Каинского, Мариинского и Томского уездов, накопился обширный мертвый фонд в 40 тыс. долей. В течение 1907–1909 гг. были построены дороги для обслуживания этого фонда. Но одновременно в 1907–1909 гг. значительная часть землеотводных работ шла также в таежных районах и к концу 1909 г. вновь накопился незаселенный фонд, правда, частично уже предъявленный ходокам и переселенцам и зачисленный за ними[1].

Фактически гидротехнические и дорожно-строительные работы в 1906–1916 гг. отставали от темпов землеотводных работ. В результате в некоторых переселенческих районах имелись участки, к которым не были проведены дороги и которые не имели источников водоснабжения или даже не были обследованы в гидротехническом плане. Особенно заметным это отставание было в 1907–1908 гг., когда темпы землеотводных работ были очень высокими и количество отведенных переселенческих участков было намного большим, чем планировалось, а объемы дорожно-строительных и гидротехнических работ производились в соответствии со сметными нормами. Так, по смете на 1907 г. в Томском районе планировалось образовать до 40 000 душевых долей. Фактически же был образован фонд более чем в 106 000 долей. Причем 90% участков, образованных в Барнаульском уезде, требовали обводнения. Фонд 1907 г. требовал строительства более 300 колодцев. А гидротехнические работы, осуществлявшиеся строго в сметных ассигнованиях, позволяли провести изыскания на 65 участках на кабинетских землях и на 64 участках на казенных землях. Имелись кредиты лишь на постройку 100 колодцев на кабинетских землях в Томском уезде и 10 в Барнаульском; на казенных землях отпущенные ассигнования позволяли построить только 50 колодцев и 2 плотины[2]. Более высокие темпы землеотводных работ по сравнению с гидротехническими и дорожно-строительными имели место и в дальнейшем. Так, в 1913 г. объемы землеотводных работ в Томском районе превысили

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 29об.–30.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 12об., 16–16об., 20об.–21; Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 61.

сметные предположения на 15%, при этом к работам были привлечены не только сотрудники поземельно-устроительного отряда, но и частная землемерная компания[1].

Отставание гидротехнических работ от землеотводных имело место также на фоне некоторой нехватки кредитов по сравнению со сметными предположениями. Так, в 1908 г. в Томском районе предполагалось отвести 53 000 долей, а испрашиваемая сумма кредитов была 5 601 767 рублей. В действительности было отпущено 3 822 355 рублей, а заготовлено 76 692 доли. В результате на гидротехнические работы было отпущено почти на 2 млн рублей меньше, чем было расчитано. При этом по планам 1908 г. в Томском районе предполагалось, что гидротехники будут проводить изыскания и работы на переселенческих участках емкостью в 53 000 долей, а фактически землемеры и топографы значительно перевыполнили сметные предположения и заготовили 76 692 душевые доли[2]. В такой ситуации гидротехники физически не могли осуществить все необходимые работы, и часть колонизационного фонда 1908 г. осталась необследованной гидротехниками.

В результате за 1907–1908 гг. накопился значительных фонд, нуждавшийся как строительстве дорог, колодцев и даже в предварительных гидротехнических изысканиях. Такая ситуация имела место не только в Томском районе, что отметил начальник Переселенческого управления Г.В. Глинка, констатировавший к 1909 г. заметное отставание гидротехнических работ от землеотводных[3]. Вместе с тем, следует заметить, что в Тобольском районе, где землеотводные работы проводились с меньшей интенсивностью, гидротехники успевали выполнить необходимый объем работ на всех заготовленных в течение года переселенческих участках. Так, в течение января-ноября 1908 г. в Тюкалинском подрайоне гидротехники построили на переселенческих участках 32 колодца и до конца 1908 г. планировали соорудить еще 34,

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 714. Л. 6.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 41об.
[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 486. Л. 34.

что позволяло обводнить все занятые переселенцами в этом году участки[1]. В 1909 г. гидротехническим обследованием в Тобольском районе были охвачены абсолютно все участки, предложенные производителями работ. В итоге к 1 января 1910 г. было обводнено 81 участок и построено 207 колодцев[2].

Несмотря на имевшие место недочеты, нельзя отрицать положительные итоги гидротехнических и дорожно-строительных работ, которые позволили превратить сотни переселенческих участков из «мертвого фонда» в удобные для заселения. Целый комплекс опубликованных и неопубликованных документов свидетельствует о колоссальной работе, проделанной местными переселенческими структурами в 1906–1917 гг. в области строительства дорог и гидротехнических сооружений на переселенческих участках[3].

Нельзя не отметить, что масштабы гидротехнических работ в 1906–1908 гг. значительно выросли. Если в 1906 г. число обследованных гидротехниками переселенческих участков в Томском районе составляло 17, то в 1907 г. – 282, а в 1908 г. – 366. Было обводнено в 1906 г. 2 участка, в 1907 г. – 126, в 1908 г. – 177. Количество построенных колодцев в 1906 г. составляло 8, в 1907 г. – 214, в 1908 г. – 265, кроме того, в 1907–1908 гг. было сооружено 9 водохранилищ[4]. Налицо очевидная положительная динамика.

Тенденция расширения масштабов гидротехнических и дорожных работ прослеживается по всем районам Азиатской России. Если в 1906 г. гидротехники во всех переселенческих районах провели изыскания на 201 участке, то в 1907 г. количество обследованных участков составило 748, в 1908 г. – 1069, а в 1910 г. достигло 1 520. Ежегодно увеличивалось количество построенных колодцев: в 1906 г. за Уралом был построен 71 колодец, в 1908 г. – 460, в 1908 г. – 774, а в 1910 г. – 1 466. Таким же образом увеличивались темпы дорожно-строительных работ. В 1906 г. в Азиатской России было построе-

---

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 760. Л. 7–7об.
[2] ГУТО ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 128, 151.
[3] См., например: ГАОО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1а. Л. 47–47об.; ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 50. Л. 17; Д. 135. Л. 9, 11; ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 11–11об.; Итоги переселенческой кампании 1909 г. // Вопр. колонизации. 1910. № 6. С. 348.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 22об.; ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 35. Л. 21–22, 24–26об.

но 620 верст дорог для обслуживания переселенческих участков с 22 599 долями, в 1907 г. – 1450 верст для участков с 43 039 долями, в 1909 г. – 2 218 верст для участков емкостью 70 187 долей. Всего за 1906–1910 гг. было построено 7 592 версты к участкам общей емкостью 250 102 душевые доли[1].

Также выросли с 1906 г. и ассигнования на дорожное строительство, что, в первую очередь, отразилось на качестве строившихся дорог. Началось строительство дорог улучшенного типа с целью сделать их проездными в любое время года. С 1906 г. дороги строились с отводными канавами и укладкой труб. Стоимость дороги такого типа составляла 350 рублей. С 1909 г. просеки дорог расширялись до 15 сажен, полотно было лучшего качества, мосты строились капитальные, а вместо гатей сооружались насыпи. При этом полотно укатывалось конным катком весом в 100–120 пудов, что позволяло полотну хорошо сохранять форму и препятствовало образованию глубокой колеи. Стоимость версты такой дороги составляла 1 000 рублей[2].

Качество построенных Переселенческим управлением грунтовых дорог отметили в 1910 г. П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин во время поездки по Западной Сибири в осеннее дождливое время[3]. Стоит также добавить, что на строительстве дорог были заняты сами переселенцы, либо ходоки, планировавшие переселиться. Этот факт отмечался в отчете по дорожно-строительным работам Енисейско-Иркутского района за 1907 г. По данным этого отчета, работы по устройству дорог осуществляли небольшие артели по 10–20 человек, в составе которых ходоки составляли 40–45%, а переселенцы с участков, обслуживаемых строившимися дорогами – 40%[4]. И первые и вторые были заинтересованы не только в скорости постройки дорог, но и в их качестве.

---

[1] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 63, 66.
[2] Переселенческие дороги в Томской губернии : отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года чиновника особых поручений Н. П. Рахманова. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. С. 2–3, 20.
[3] Кривошеин А. В., Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 37.
[4] РГИА. Ф.391. Оп.3. Д.1078. Л.20об.

Помимо качественных улучшений выросли и темпы дорожно-строительных работ. В 1907 г. в Томском районе строилось 6 дорог протяженностью 200,5 верст, осуществлялись достройка и ремонт еще 5 дорог. Кредиты на дорожное строительство существенно выросли и составили в 1907 г. 248 425 рублей. В 1908 г. началась постройка новых еще 11 дорог, и осуществлялись достройка и ремонт 11 дорог прежних лет постройки. На строительство новых дорог было ассигновано более 147 443 рублей, а на ремонт прежних – более 114 352 рублей[1]. В числе дорог, построенных Переселенческим управлением нельзя не упомянуть Бельагачское шоссе. В 1908 г. урочище Бельагачская степь было передано для колонизационных нужд, при этом имевшаяся там дорога пришла в негодность. В 1912 г. Томский переселенческий район начал работы по строительству шоссейной дороги протяженностью 15 верст, на что было потрачено 125 000 рублей[2].

В целом после 1906 г. работы по дорожному строительству приобрели плановый характер. Ежегодно эти работы концентрировались в определенных подрайонах. По окончании основных работ в одном подрайоне работы переходили на следующий подрайон. Такая система имела свои плюсы и минусы[3]. Плюсом было то, что заведующий дорожным строительством непосредственно принимал участие и контролировал основные дорожные работы в подрайоне. Недостатком было то, что работы носили постепенный характер и пока работы проводились в одном подрайоне, в остальных участки оставались без дорог.

Как показывают документы, со временем гидротехнические и дорожно-строительные работы распространялись на необводненные и бездорожные

---

[1] Переселенческие дороги в Томской губернии : отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года чиновника особых поручений Н. П. Рахманова. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. С. 8, 11.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 3. Д. 15. Л. 84–84об.
[3] Переселенческие дороги в Томской губернии : отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года чиновника особых поручений Н. П. Рахманова. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. С. 15–16.

участки прежних лет образования[1]. К примеру, сметой 1910 г. в Томском районе предполагалось построить 200 верст дорог для обслуживания участков, образованных до 1907 г. и 128 верст дорог должны были проходить через участки более поздних лет образования[2]. Сметой на 1911 г. в Томском районе также предполагалось строить дороги частично для обслуживания фонда, образованного до 1907 г. (132 версты), частично, для обслуживания фонда последних лет (149 верст)[3]. В Тарском уезде в 1909 г. производилось строительство колодцев не только на участках образования этого года, но и на участках, где изыскания производились в 1908 г.[4] В Каинском уезде Томского района планами на 1913 г. гидротехнические работы должны были сосредоточиться только на 11 участках прежних лет, суммарная площадь – 45 505 десятин. Причем 5 из этих участков были образованы в 1897 г., а 3 – в 1898 г. В Барнаульском уезде в 1913 г. планировалось осуществлять гидротехнические работы на 234 участках, образованных в 1907–1910 гг. (общая площадь 624 823 десятины), на этих участках предполагалось соорудить 115 колодцев[5]. Участки Куторинский и Сержантов (Ишимский уезд) были образованы в 1910 г., а колодцы (2 – на первом и 5 – на втором) были сооружены в 1913 г.[6]

Планами на 1914 г. в Томском районе предполагалось обследовать на наличие грунтовой воды новый колонизационный фонд площадью 160 000 десятин, участки поселкового типа прежних лет – 295 000 десятин, единоличные участки прежних лет – 70 000 десятин[7]. Планами гидротехнических работ в Томском районе на 1916 г. предполагалось провести мелкое бурение на 122 участках общинного пользования и 130 групп хуторов, образованных в

---

[1] См., например: ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 21. Л. 3об.–4, 5об.–6, 15об.–17, 19об.–20, 43об.–44; Д. 37. Л. 1, 2–9, 28–29; Д. 135. Л. 1 и др.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 75.
[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 568. Л. 17.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 147.
[5] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 137. Л. 7об.–18об. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[6] ГУТО ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 4. Л. 2, 4, 10, 11.
[7] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 189. Л. 1об.–2.

прежние годы. Суммарная площадь первых была 290 747 десятин, вторых – 301 147 десятин[1].

В 1912 г. в Томском уезде планировалось построить дорогу между реками Обь и Чая, где находилась группа участков 1909 г. образования общей емкостью 2 359 долей. В Мариинском уезде в том же году планировалось строительство 5 дорог для обслуживания группы участков, образованных в 1909 г., емкостью 1 057 долей. А две дороги в Тюхтетском подрайоне в 1912 г. планировалось построить к участкам, нарезанным даже до 1906 г. (емкость 1 889 долей). Гидротехническими работами на 1912 г. планировалось не только соорудить новых 285 колодцев в 188 переселенческих участках, но и провести работы по углублению 75 колодцев, построенных ранее[2].

Одновременно с работами, направленными на обслуживание участков текущего года, и работами на участках прежних лет образования, гидротехнические и дорожные отделы должны были ежегодно осуществлять ремонт уже имевшихся дорог и гидротехнических сооружений. Построенные дороги требовали регулярного текущего ремонта. В первые 3 года обязательным был ремонт дорожного полотна, через 6–8 лет требовался ремонт и дорожных сооружений. Хотя первоначально предполагалось, что построенные дороги будут передаваться в ведение местного населения, но переселенцы в первые годы после водворения были не в силах поддерживать в порядке дороги и дорожные сооружения, поэтому процесс передачи дорог в ведение населения был приостановлен, а ремонтные работы стали проводиться за счет кредитов Переселенческого управления. Переселенческим управлением ежегодно на производство ремонтных работ выделялись целевые ассигнования[3]. Так, в 1906–1908 гг. на ремонт 158,5 верст старых дорог в Томском районе было потрачено 87 506 рублей[4]. Сметой на 1912 г. в Томском районе предполагалось

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 19. Д. 82. Л. 2–2об.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 615. Л. 28, 30–30об., 44.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 10об., 11об.; ГАТО. Ф. 239. Оп. 3. Д. 7. Л. 81–83.
[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 32.

не только построить 301 версту новых дорог, но и отремонтировать 1 300 верст дорог постройки прежних лет[1].

Увеличение количества людей и скота в результате заселения участка приводило к росту потребления воды и ставило перед гидротехниками задачу строительства новых дополнительных гидротехнических сооружений. Так, на уч. Львовском (Мариинский уезд), образованном в 1907 г. на 214 душевых долей, к концу 1911 г. было 50 дворов (230 человек, 140 голов крупного скота и 50 голов мелкого) и ввиду недостатка в округе надежных водных источников дальнейшее заселение участка замедлилось. Изыскания не обнаружили грунтовых вод с достаточными притоками в пределах участка, поэтому было решено построить плотину[2]. Планом работ на 1912 г. в 1-м и 2-м Кулундинском подрайонах предполагалось не только построить 21 новый колодец, но и углубить 10 построенных ранее с целью увеличения притока воды[3].

Конечно, не все участки, образованные в 1906–1916 гг. требовали строительства дорог или искусственных гидротехнических сооружений. Так, в 1910 г. предполагалось развернуть заготовку колонизационного фонда в тех местностях, которые в отличие от фонда двух предыдущих лет были лучше обеспечены наружными пресными водами[4]. В 1917 г. в Томской губернии пользовались водой из колодцев лишь 38,5% переселенческих поселков[5]. Остальные использовали естественные водные источники. Но, несмотря на это, потребность дорожно-строительных и гидротехнических работ на переселенческих участках постоянно возрастала. Так, в 1911–1916 гг. несмотря на сокращение площади отводимого колонизационного фонда значимость и масштабы этих работ не только не уменьшились, но и возросли. Это было обусловлено необходимостью строить дороги, колодцы и водохранилища на участках прежних лет, а также увеличением в составе колонизационного фон-

[1] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 615. Л. 28, 30–30об., 44.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 615. Л. 44об.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 135. Л. 1.
[4] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 86.
[5] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 94.

да единоличных участков. Каждый хуторской участок должен был быть обеспеченным дорогой и отдельным водным источником. Например, хуторские группы Наумовские, Бушмановские, Образцовые, Митины и отдельный хутор Медункин (Каинский уезд), образованные в 1911 г., требовали строительства колодцев[1]. Все это потребовало дополнительных усилий и расходов. При составлении сметы на 1912 г. зав. Томским районом отмечал, что для изысканий на планируемых к образованию переселенческих участков в виде хуторов и отрубов необходима работа не менее 12 партий, а для производства работ в селениях, от которых ожидаются просьбы о внутринадельном размежевании, необходимо еще 10 партий[2].

Усложнение дорожных работ было обусловлено не только необходимостью проведения отдельных дорог к каждому хуторскому участку, но и удалением от обжитых районов и углублением в таежно-урманные местности. В результате чего возрастала техническая трудность проведения магистралей, характер местности (изобилие оврагов, речек, заболоченная тайга) увеличивали объемы работ, требовалось строить дополнительные осушительные канавы и иные искусственные сооружения. Плюс увеличивались расходы на доставку инструментов, материалов и продовольствия для рабочих. Все это в совокупности вело не только к общему удорожанию работ (средняя стоимость версты дороги по сметным предположениям в 1910 г. составляла 1 200 рублей), но и объективно сдерживало скорость дорожно-строительных работ[3].

Налицо были и кадровые проблемы. К 1909 г. в составе гидротехнического отдела насчитывалось 22 постоянных гидротехника и 22 десятника, но этих сил не хватало, и штаты расширялись за счет приема на работу временных гидротехников. В 1909 г. в Томском гидротехническом отделе работало 15 временных гидротехников. Причем иногда гидротехнические работы проводили даже студенты. Так, в течение полевого периода 1909 г. студент К.Я.

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-67. Оп. 1. Д. 129. Л. 32об.–34.
[2] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 615. Л. 42.
[3] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 75об.–76.

Калабугин был включен в состав гидротехнической партии Томского района и самостоятельно проводил работы по разведке на воду, занимался шурфованием и бурением[1].

Не всегда запланированные работы выполнялись в полном объеме. В Томском районе в 1911 г. не было достроено 70 колодцев на переселенческих участках, что честно признавалось в годовом отчете по гидротехническим работам. Но этот факт не должен отменять признания того, что объем выполненных работ был значительным: мелким бурением было обследовано 295 переселенческих и 29 хуторских участков (общая площадь 457 870 десятин), гидротехнические сооружения были возведены на 219 участках. Суммарная емкость обводненных участков составляла 36 709 душевых долей. Было сооружено 305 колодцев, а еще 33 колодца постройки прежних лет были углублены[2].

При имевшемся комплексе объективных и субъективных трудностей гидротехнические партии и дорожные техники работали достаточно интенсивно. Так, в 1909 г. в Тобольском районе гидротехники провели обследование всех участков, даже тех, которые имели естественные водные источник. Причем изыскательские работы продолжались до второй половины ноября. По плану предполагалось обследовать 167 участков, площадью 599 526 десятин. Фактически объем выполненных работ превысил плановые показатели: был обследован 201 участок общей площадью 600 199 десятин. На 194 участках производились буровые работы, на 7 участках изыскания на предмет строительства искусственных водохранилищ. Причем интенсивность работ была такова, что строительство колодцев продолжалось даже в зимние месяцы: с 1 января по 1 марта 1910 г. в Тарском уезде предполагалось соорудить 38 колодцев. При этом в 1909 г. в Тарском уезде участки обводнялись одновременно с их отграничением топографами, а в некоторых случаях даже раньше[3].

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 244. Л. 1аоб., 2–2об., 21–21об.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 120. Л. 26–27об., 28об.–29.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 128, 135–136, 147.

О напряженности гидротехнических и дорожных работ свидетельствует тот факт, что с 1908 г. было запрещено в течение периода усиленного движения переселенцев и усиленных межевых работ отпускать соответствующих сотрудников районных переселенческих организаций в отпуска[1].

С 1 января по 1 августа 1913 г. в Томском районе были проведены буровые работы на воду в целях заготовки колонизационного фонда и постройки колодцев для улучшения водоснабжения на 307 переселенческих участках поселкового типа и 40 хуторского. Было построено 357 колодцев и 5 водохранилищ, одновременно выполнялись ремонтные работы на гидротехнических сооружениях прежних лет (на сумму 1 300 рублей). Изыскательские работы были проведены на 100 участках общего пользования и еще на 7 участках, подвергшихся размежеванию на хутора (суммарная площадь – 214 198 десятин). Строительные работы были проведены на площади 161 340 десятин[2]. Причем плановые показатели по сооружению колодцев были перевыполнены, так как планировалось построить 317 колодцев[3].

Помимо обводнительных работ, сотрудники гидротехнических отделов переселенческих районов Западной Сибири занимались также осушением болотных и орошением безводных пространств. Осушительные работы производились с целью улучшения качества уже отведенных переселенческих участков и с целью вовлечения в колонизационный фонд обширных пустующих заболоченных пространств. Так, 1 апреля 1914 г. в г. Омске была сформирована особая гидротехническая партия для производства работ по осушению Рыбинско-Каргалинского болотно-лесного пространства в Тарском уезде. Зав. гидротехническим отделом Тобольского переселенческого района в феврале 1917 г. предложил осушить Аллапное пространство (юго-восток Тарского уезда и частично Тюкалинский уезд Тобольской губернии). Заболоченная площадь этого пространства составляла около 3 млн десятин, из которых 157 520 было занято переселенческими участками. Следствием заболоченно-

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 49а. Л. 26.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 159. Л. 1–2.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 137. Л. 31–32об.

сти была слабая заселяемость данного района: переселенческие участки были заселены только на 30%[1]. В 1909 г. в Маслянской волости (Тобольская губерния) на предмет проведения осушительных работ была обследована площадь 49 оброчных статей (85 000 десятин)[2]. Был разработан проект строительства оросительных сооружений, позволявший вовлечь в сельскохозяйственный оборот площадь в более чем 800 000 десятин между р. Ишимом и границей Тургайской области в пределах Петропавловского и Атбасарского уездов[3].

Иногда крестьяне сами ходатайствовали о проведении осушительных работ на своих землях. Так, в 1912 г. поступили ходатайства о проведении осушительных работ от 41 переселенческого и 1 старожильческого поселков. Для осуществления этих работ был разработан план, по которому в 1913 г. предполагалось соорудить более 304 верст новых каналов, охватить осушительными работами площадь 74 301 десятину, причем 21 переселенческий участок осушить полностью, а остальные – в ходе дополнительных последующих работ. Осушительные работы в перспективе позволяли также подготовить на будущее колонизационный фонд площадью до 125 000 десятин[4].

Параллельно с гидротехническими отделами переселенческих организаций в 1906–1916 гг. работала и партия, входившая в состав ОЗУ. Основным районом, где она осуществляла осушительные работы, была Бараба. С 1913 г. эта партия направила свою деятельность на южную часть Нарымского края и в бассейн р. Чулым. Практический результат осушительных работ был достаточно ощутим. В 1916 г. было проведено экономическое обследование 171 селения в районе, где проводились осушительные работы. Из числа опрошенных селений 130 указали на положительное влияние осушительных работ для постройки дорог, 82 селения отметили, что после осушительных работ увеличились площади покосов, 98 селений констатировали увеличение площади выгона, 36 селений отметили увеличение пашни. Примечательно, что осуша-

[1] ГАОО. Ф. 183. Оп. 3. Д. 461. Л. 1–1об., 4–4об.
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 130–131.
[3] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Екатерининская тип. Вайсберга, 1917. Вып. 1 : Степной край. С. 20.
[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 155. Л. 41–42об.

емые площади оказались достаточно плодородными: с десятины обыкновенного покоса крестьяне снимали 23 копны, а с десятины осушенного – 24[1]. Помимо этого, в районах осушительных работ прекращалось гниение леса, вода становилась более здоровой, меньше болел скот, уменьшалось количество гнуса[2].

Гидротехническая и дорожно-строительная помощь переселенцам была продолжена и в сложное время Первой мировой войны. Документы свидетельствуют, что в результате мобилизации сотрудников гидротехнического и дорожного отделов обострилась кадровая проблема[3]. Вместе с тем, сокращение штатов по мобилизации не означало, что эти работы полностью прекратились. Как видно из плана гидротехнических работ на 1916 г. в Акмолинском переселенческом районе предполагалось провести изыскательские работы на площади в 250 000 десятин, предназначенной к поступлению в фонд в 1916–1917 гг. Помимо этого предполагалось провести дополнительные изыскания на переселенческих участках прежних лет (до 100 000 десятин), изыскания планировались на площади, подлежащей отводу киргизам, переселяющимся из отдаленных районов в скотоводческие (до 200 000 десятин). Таким образом, только мелким бурением предполагалось охватить площадь в 750 000 десятин. Помимо этого предполагалось устроить в 1916 г. 276 колодцев[4].

В 1915 г. была предпринята попытка решить кадровую проблему за счет привлечения к работам военнопленных. По этому поводу были императором утверждены особые правила, разосланные в виде циркуляра 28 апреля 1915 г. В соответствии с этими правилами Томское районное переселенческое управление затребовало у военного ведомства 75 военнопленных на гидротехнические и 420 на дорожные работы в 1915 г. в Кузнецком, Каинском, Мариинском и Томском уездах. Хотя в 1915 г. имели место случаи отказа пленных

[1] Современное крестьянское сельское хозяйство в районе осушительных работ томской гидротехнической партии. Томск : Скоропечатня «ЭНЕРГИЯ», 1916. С. 1–2, 43, 65–67.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 81. Л. 45.
[3] См.: ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 229. Л. 34, 39, 158, 165, 222 и др.
[4] ГАОО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 17. Л. 12–13.

от назначенных работ[1], но в 1916 г. эта практика была продолжена – к дорожным работам в Томском районе было вновь привлечено 315 военнопленных, а на 1917 г. зав. дорожным отделом района даже запрашивал до 3 000 человек. Были попытки привлечь военнопленных из числа офицеров с техническим образованием для выполнения чертежных и камеральных работ[2].

По предварительной смете на 1915 г. предполагалось провести работы мелким бурением в Томском районе на 170 участках общего пользования из старого фонда. При этом 18 участков были образованы до 1907 г., 96 – в 1907–1909 гг., а 56 – в 1910–1913 гг. Общая площадь этих участков составляла 470 238 десятин. Помимо этого, мелкое бурение предполагалось провести в 65 группах хуторов общей площадью в 166 350 десятин, а также на участках нового фонда совокупной площадью 297 500 десятин. Предполагалось построить 15 колодцев на участках, отведенных до 1907 г., 85 колодцев на участках 1907–1909 гг., 31 колодец на участках 1910–1913 гг., а также 361 колодец на участках единоличного пользования. В 1914 г. на гидротехнические работы в Томском районе было выделено 195 400 рублей, на 1915 г. испрашивалось более 527 895 рублей[3]. В 1915 г. на строительство дорог было выделено в Томском районе 383 953 рубля, на 1916 г. по смете испрашивалось 381 829 рублей. Сметой на 1916 г. предполагалось построить 192,89 верст новых дорог, среди которых значилась магистраль от с. Ново-Кусковского до уч. Митрофановского (Томской уезд, Зачулымский подрайон) протяженностью 27,3 версты. Эта дорога должна была обслуживать 5 больших участков емкостью 1 428 долей. В целом на 1916 г. предполагалось строительство 7 дорог, обслуживавших 5 339 душевых долей, из которых 3 750 долей были уже заняты новоселами[4]. На возведение и ремонт гидротехнических сооружений в 1916 г. в Томском районе было выделено 101 886 рублей, на 1917 г. испрашивалось 222 289 рублей. В том же районе на сооружение дорог в 1916 г. было

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 223. Л. 47–49, 61–62 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 3. Д. 11. Л. 10–10об., 191, 194, 282.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 115. Л. 9об.–10об., 115об., 116об., 120–120об. (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 123. Л. 4об., 56–59 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

выделено 218 885 рублей, на 1917 г. по смете было предположено выделить 317 382 рублей, планировалось построить 5 новых дорог общей протяженностью 127,6 верст. Эти дороги должны были обслуживать 45 участков емкостью 4 653 душевые доли и 51 хутор[1].

Как видно из приведенных выше данных, не все просимые по сметам суммы выделялись в полном объеме. Сметные предположения подвергались сокращению, иногда достаточно значительному. С учетом инфляции в 1915–1916 гг. была тенденция общего сокращения объемов гидротехнических и дорожных работ. К примеру, в Тобольском районе масштабы гидротехнических и дорожных работ сократились в 1916 г. на 60% по сравнению с довоенным периодом[2]. Однако и в условиях сметных сокращений работы по обслуживанию переселенческих участков продолжались. Так, в 1914–1916 гг. в Акмолинском районе гидротехниками было пробурено 4 728 мелких скважин на воду[3]. Нельзя не признать факт, что в условиях обостряющегося социально-экономического и политического кризиса в стране, в условиях нехватки средств и кадров, местные переселенческие организации старались выполнять возложенные на них функции по дорожным и гидротехническим работам. Об этом свидетельствуют документы, датированные февралем 1917 г.[4]

В итоге, несмотря на все усилия полностью обеспечить все переселенческие участки дорогами и гидротехническими сооружениями в Западной Сибири не удалось. К 1917 г. имелись участки, принятые временными комиссиями при условии их обводнения путем устройства водохранилищ. К числу таких участков относились Неверовский, Ипатьевский, Колмацкий, Кокшарский и Бересневский (все – Курганский уезд). Заселение этих участков не производилось ввиду отсутствия водохранилищ, а построить последние не было возможности ввиду недостатка кредитов. К 1918 г. в Тобольском районе существовала необходимость постройки 300 колодцев для поселенных и ху-

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 129. Л. 4об., 6об, 46об., 50–52 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[2] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 15об.
[3] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Екатерининская тип. Вайсберга, 1917. Вып. 1 : Степной край. С. 27 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).
[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 233. Л. 14.

торских участков. Остро стоял вопрос о постройке искусственных водохранилищ. Многие поселки, устроенные до 1900 г. на естественных водных источниках, вследствие высыхания, засоления или загрязнения этих водоемов начали испытывать нужду с питьевой водой или водопоями. Строительство колодцев на таких участках не всегда давало положительный результат из-за обильного залегания соленых грунтовых вод. Возникла потребность в строительстве на таких участках искусственных водохранилищ, но ввиду значительных затрат ежегодно строилось не более одного такого водохранилища. С течением времени в Тобольской губернии число переселенческих поселков, нуждавшихся в водоснабжении путем устройства плотин, каналов, искусственных прудов, дамб и пр. возрастало и к 1918 г. достигло 30. Многие общества начали ходатайствовать о ссуде (безвозвратной или возвратной) на оплату работ по устройству водохранилища. Одно общество даже обязалось выполнить своими силами часть земляных работ по рытью котлована[1]. В целом, переселенцы были хуже обеспечены водой, чем старожильческие селения. В среднем в переселенческих селениях 1 колодец приходился на 9 дворов, у старожилов – на 6[2].

Вместе с тем, нельзя не отметить тот колоссальный объем работ, который был выполнен сотрудниками гидротехнического и дорожно-строительного отделов в Западной Сибири. Только в 1906–1910 гг. за Уралом специалистами-гидротехниками было обследовано 4 629 участков, построено 4 041 колодец и 37 водохранилищ[3]. На гидротехнические работы в Тобольском районе было израсходовано к 1 января 1918 г.: на изыскания 535 433 рубля, из них до 1906 г. – 21 626 рублей; на постройку колодцев и водохранилищ 658 310 рублей, в том числе до 1906 г. – 47 271 рубль. На ремонт колодцев и водохранилищ – 15 187 рублей. За счет этих средств были проведены изыскания на площади в 4 929 821 десятину, построено 2 007 колодцев и 17 водохранилищ. Са-

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 13об.–14об.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 3. Д. 106а. Л. 18об.
[3] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 63.

мых широких размеров строительные работы достигли в 1913 г.[1] В Барабинской степи в 1896–1914 гг. было проложено 2,4 тыс. верст водоотводных каналов[2].

С 1903 по 1 января 1918 г. на дорожное строительство в Тобольском районе было израсходовано 3 793 316 рублей, из которых на содержание личного состава дорожного отдела лишь 414 907 рублей, а остальные деньги были потрачены непосредственно на ремонтно-строительные работы[3]. За этот же период было проведено изысканий на 3 999,12 верст и построено 3 544,74 версты дорог. Наиболее масштабными были дорожно-строительные работы в Туринском и Тарском уездах: в первом было построено 1 166 верст, во втором – 1 794 версты[4].

Заметим, что подсчет количества образованных переселенческими организациями дорог, колодцев и водохранилищ не даст нам полной и окончательной картины по числу устроенных в Сибири гидротехнических и дорожных сооружений. Часть гидротехнических и дорожно-строительных работ была выполнена самим населением за счет нужд на общеполезные надобности. Так, по смете на 1911 г. на строительство дорог и колодцев посредством ссуд предполагалось выдать в Томском районе до 10 000 рублей[5]. В 1909–1911 гг. в виде ссуд на общеполезные надобности для строительства дорог и колодцев было выделено в Томском районе 10 525 рублей[6]. Сохранившиеся приговоры сельских обществ свидетельствуют, что некоторые переселенческие общества имели возможность брать достаточно крупные суммы в счет ссуд на общеполезные надобности для самостоятельного устройства колодцев на участках[7].

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 15.
[2] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. С. 270.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 10об.
[4] ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 11.
[5] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 568. Л. 40.
[6] ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 615. Л. 53.
[7] ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 53. Л. 13–13об., 14–15.

Было немало случаев, когда отдельные крестьяне самостоятельно сооружали колодцы. Так, крестьянин И. Кретов в заявлении (датировано 9 марта 1919 г.) упоминал, что на своем отрубе он устроил колодец[1]. На уч. Шевелевском (Каинский уезд), образованном в 1894 г., к 1911 г. при каждой усадьбе имелись частные колодцы, сооруженные самими переселенцами. При этом Отделом земельных улучшений на этом участке было сооружено всего 3 колодца[2]. На уч. Зятькова речка (Томская губерния) в 1913 г. насчитывалось 200 частных колодцев[3].

В 1906–1915 гг. на дорожное дело в Азиатской России Переселенческим управлением было потрачено 31 675 тыс. рублей, на строительство гидротехнических сооружений – 14 322 тыс. рублей. В сумме ассигнования на эти две надобности составили более 20% от всех выделенных правительством кредитов на колонизационные нужды в 1906–1915 гг. Помимо этого, за счет ссуд на общеполезные надобности в тот же период переселенческим обществам было выделено 26 469 рублей на строительство дорог и мостов и 85 111 рублей на постройку колодцев и арыков. В итоге гидротехниками была обследована площадь в 51 035 тыс. десятин, построено 12 449 колодцев, 153 водохранилища и запруды, сооружено оросительных канав общей протяженностью в 941 версту, осушительных канав – 11 верст. Итогом дорожного строительства стало сооружение 17 075 верст дорог, которые обслуживали 713 409 душевых наделов на переселенческих участках[4]. Темпы дорожного строительства в разных районах Западной Сибири были неодинаковыми, что было обусловлено разницей в интенсивности землеотводных работ и колонизации. В результате в Томской губернии дорожная сеть на 1 января 1913 г. составляла 44 740,5 верст, а в Тобольской – лишь 4 620 верст[5].

---

[1] КГУ ГААК. Ф. Д-67. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–2об.
[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 124. Д. 71. Л. 77.
[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 159. Л. 63.
[4] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1918. Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. С. 4–5, 17, 32–33.
[5] Россия. 1913 г. : статистико-документальный справочник. СПб. : БЛИЦ, 1995. С. 121.

Стоит добавить, что доля не заселенных по причине бездорожья и необеспеченности гидротехническими сооружениями участков, составила абсолютное меньшинство в общем масштабе колонизационного фонда. Так, доля единоличных участков в Томской и Тобольской губерниях, незаселенных из-за необводнения и бездорожья к 1 января 1916 г., составляла 23,6%, а доля душевых долей на поселенных участках – всего 4,1%[1]. При этом участки, значившиеся бездорожными или безводными, на практике заселялись. В безводных районах население выработало определенные приемы, позволявшие решать проблему водоснабжения и без строительства колодцев или водохранилищ. Например, еще в начале 1880-х гг. в Бель-Агачской степи население, испытывавшее острую нужду в воде, привыкло сохранять снег и пить снежную воду. Для этого выкапывали яму 3–4 аршина в длину и ширину, глубиной 6 аршин, с южной стороны яму огораживали тыном высотой в рост человека. За зиму в этой яме скапливался снег, который покрывали слоем соломы и оставляли так на все лето. Этих запасов, по отзывам очевидцев, хватало на все лето[2]. КСЖД на заседании 10 декабря 1897 г. обсуждал вопрос о выделении кредита для переводворения переселенцев в Акмолинской области вследствие безводности селений, но сами переселенцы некоторых из этих селений (например, Новороссийского) совсем не желали никуда переселяться[3].

В Кулундинском районе на долю переселенцев, по отзывам некоторых периодических изданий, почти везде выпадали безводные места. Однако это не было препятствием для ведения переселенцами собственного хозяйства. На таких участках селились, главным образом, выходцы из южных губерний России, обладавших навыками занятия сельским хозяйством в маловодных и засушливых районах. Вспашку они почти всегда проводили осенью, что позволяло сберегать влагу и весной раньше начинать посев[4].

---

[1] Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 249. Таблица 5.
[2] Алтай, будущая Калифорния России и царствующие на Алтае порядки. Лейпциг : Тип. Бера и Германна, 1882. С. 14.
[3] ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 4. Л. 66об–67.

Имеется немало примеров, когда отсутствие дорог не было преградой для заселения переселенцами участков. Например, не имевшие дорог участки Кашеварский, Сеинский, Енгаринский, Усть-Лебединский (все – Томская губерния, образованы в 1910 г.) были заняты полностью, хотя дороги к ним планировалось провести только сметой на 1917 г. Примечательно, что на участках, к которым предполагалось проводить дороги в 1917 г., абсолютное большинство душевых долей было зачислено или занято – 3 736 долей из 4 653 (80,3%)[1].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. государство не имело достоверной информации о колонизационном потенциале Сибири, поэтому следует признать частичную правоту некоторых советских историков, утверждавших, что политика массовых крестьянских переселений не была должным образом продумана.

Вместе с тем нельзя не признать, что в 1906–1914 гг. правительство проделало колоссальный объем работ по научному изучению колонизационных возможностей Сибири. Ежегодно Переселенческим управлением организовывались научные и рекогносцировочные экспедиции. На финансирование этих экспедиций выделялись немалые средства. К участию в экспедициях государство привлекло ведущих специалистов-почвоведов России, представителей академической науки, исследования которых не только обогатили российскую науку обширными теоретическими знаниями, но и были использованы на практике в ходе колонизации. Правительство получило объективную, научно подтвержденную информацию о пригодности для колонизационных нужд миллионов десятин земли, что дало возможность развернуть землеотводные работы в ранее неисследованных районах. Пустовавшие ранее земли были использованы для заготовки переселенческих участков, освоены и вовлечены в сельскохозяйственный оборот.

---

[4] Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 270.

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 129. Л. 52 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

Основным источником для формирования колонизационного фонда в период Столыпинских переселений стали оброчные статьи и лесные дачи. В качестве дополнительных источников использовались излишки землепользования старожилов и инородцев, правда, к вопросу об обращении под нужды колонизации земель инородцев государство подходило с долей осторожности. Фактически в 1906–1910 гг. казна и Кабинет в интересах колонизации принесли в жертву свои фискальные интересы, передав для образования переселенческих участков миллионы десятин земли. Часто переселенцы самовольно занимали земли, входившие в лесные дачи или оброчные статьи, и районные переселенческие организации шли навстречу интересам новоселов, добиваясь образования переселенческих участков из самовольно занятых земель. Масштабные землеотводные работы на казенных и кабинетских землях нередко вызывала противодействие со стороны местных управлений госимуществами и Кабинета, причем Кабинет смог добиться ограничения масштабов землеотводных работ на Алтае с 1911 г.

В 1911–1916 гг. вектор землеотводных работ в Томской и Тобольской губерниях смещается в таежную полосу. Правительством был разработан перспективный план колонизации тайги, предусматривавший поэтапное освоение урманных и таежных районов. Предполагалось также поощрять денежными премиями переселенцев, проводивших на своих участках лесорасчистки. Частично лесорасчистки планировалось осуществлять за государственный счет. Практической реализации этого проекта помешало начало Первой мировой войны.

Важным направлением землеотводных работ в 1911–1916 гг. стала заготовка колонизационного фонда в виде единоличных участков. Эта политика проводилась в русле общегосударственного курса на поддержку и развитие в стране единоличных крестьянских хозяйств. По замыслу Столыпина, заготовка единоличных хозяйств должна была производиться в наиболее привлекательных для новоселов районах. Фактически же единоличные участки стали нарезаться либо в таежных районах, либо из числа незанятых новоселами

участков прежних лет заготовки. Часто такие участки не имели подъездных дорог и источников водоснабжения и не пользовались у переселенцев спросом. Однако в целом в период Столыпинских переселений качество колонизационного фонда стало выше. Это было связано как с накоплением землемерами и топографами практического опыта землеотводных работ, так и с тем, что переселенческие структуры следили за качеством переселенческих участков. Сотрудники землеотводных партий проделали огромный объем работ по разведке и обмежеванию переселенческих участков. Абсолютное большинство заготовленных переселенческих участков было пригодно для сельского хозяйства и оказалось заселено к 1914 г., а «мертвый фонд», состоявший из совершенно непригодных для сельскохозяйственной деятельности участков, был относительно невелик. Статистика свидетельствует, что у абсолютного большинства переселенцев и ходоков качество переселенческих участков в 1906–1914 гг. нареканий не вызывало. Доля новоселов, покидавших переселенческие участки по причине непригодности почвы для сельского хозяйства, была невелика.

На рубеже XIX–XX вв. государство не имело достоверной информации о колонизационном потенциале Сибири. Фигурировавшие в официальной литературе данные не носили объективного характера и не были основаны на научных исследованиях. Поэтому следует признать частичную правоту некоторых советских историков, утверждавших, что политика массовых крестьянских переселений не была должным образом продумана.

Вместе с тем, нельзя не признать, что в 1906–1914 гг. правительство проделало колоссальный объем работ по научному изучению колонизационных возможностей Сибири. Ежегодно Переселенческим управлением организовывались научные и рекогносцировочные экспедиции. На финансирование этих экспедиций выделялись немалые средства. К участию в экспедициях государство привлекло ведущих специалистов-почвоведов России, представителей академической науки, исследования которых не только обогатили российскую науку обширными теоретическими знаниями, но и были использова-

ны на практике в ходе колонизации. Правительство получило объективную, научно-подтвержденную информацию о пригодности для колонизационных нужд миллионов десятин земли, что дало возможность развернуть землеотводные работы в ранее неисследованных районах. Пустовавшие ранее земли были использованы для заготовки переселенческих участков, освоены и вовлечены в сельскохозяйственный оборот.

Основным источником для формирования колонизационного фонда в 1906–1910 гг. стали оброчные статьи и лесные дачи. Фактически казна и Кабинет в интересах колонизации принесли в жертву свои фискальные интересы, передав для образования переселенческих участков миллионы десятин земли. Часто переселенцы самовольно занимали земли, входившие в лесные дачи или оброчные статьи, и районные переселенческие организации шли навстречу интересам новоселов, добиваясь образования переселенческих участков из самовольно занятых земель. Масштабные землеотводные работы на казенных и кабинетских землях нередко вызывала противодействие со стороны управлений госимуществами и Кабинета. Причем Кабинет смог добиться ограничения масштабов землеотводных работ на Алтае с 1911 г. Во многом по этой причине в 1911–1916 гг. вектор землеотводных работ в Томской и Тобольской губерниях смещается в таежную полосу.

Правительством был разработан перспективный план колонизации тайги, предусматривавший поэтапное освоение урманных и таежных районов. Предполагалось также поощрять денежными премиями переселенцев, проводивших на своих участках лесорасчистки. Частично лесорасчистки планировалось осуществлять за государственный счет. Практической реализации этого проекта помешало начало Первой мировой войны.

Важным направлением землеотводных работ в 1911–1916 гг. стала заготовка колонизационного фонда в виде единоличных участков. Эта политика проводилась в русле общегосударственного курса на поддержку и развитие в стране единоличных крестьянских хозяйств. По замыслу Столыпина, заготовка единоличных хозяйств должна была производиться в наиболее привлека-

тельных для новоселов районах. Фактически же единоличные участки стали нарезаться либо в таежных районах, либо из числа незанятых новоселами участков прежних лет заготовки. Часто такие участки не имели подъездных дорог и источников водоснабжения и не пользовались у переселенцев спросом.

В целом, качество землеотводных работ в 1906–1916 гг. можно признать удовлетворительным. У абсолютного большинства переселенцев и ходоков качество переселенческих участков не вызывало нареканий. Анализ архивных документов показывает, что даже жалобы переселенцев на неудобные участки далеко не всегда являются признаком объективной непригодности участков. Часто эти жалобы были следствием разницы между ожиданиями крестьян и действительностью. Часть жалоб вообще носила чисто субъективный характер и являлась результатом невозможности (или неспособности) части крестьян адаптироваться к сибирским условиям.

Количество действительно непригодных переселенческих участков, относившихся к «мертвому фонду» было невелико. Основная масса заготовленных переселенческих участков была пригодна к заселению. Часть переселенческих участков нуждалась в проведении дорог, строительстве колодцев и водохранилищ, но доля объективно негодных участков в общем масштабе землеотводных работ была небольшой.

Факты показывают, что в целях улучшения качества переселенческих участков правительство смогло организовать и расширить масштабные работы, связанные со строительством дорожных и гидротехнических сооружений. В этом направлении правительством была проделана огромная работа. При переселенческих организациях были созданы особые гидротехнические и дорожно-строительные отделы, которые планомерно занимались обследованием колонизационного фонда на наличие водных источников, производили строительство и ремонт гидротехнических и дорожных сооружений. Эти работы носили постепенный характер, и они не прекращались даже в очень сложный период мировой войны, когда не хватало кредитов и многие специа-

листы были мобилизованы в действующую армию. Гидротехнические и дорожно-строительные работы постепенно превращали неудобные участки во вполне пригодные для заселения. Они имели огромное значение для колонизации Сибири, так как позволили в итоге позволили превратить миллионы десятин малопригодных земель в удобные для сельского хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пореформенные десятилетия и начало XX вв. были эпохой интенсивных модернизационных процессов в российском обществе. В российских условиях модернизация означала не только качественные изменения в экономике и социальной сфере, но и распространение модернизационных процессов в малозаселенные и экономически неразвитые регионы страны. Модернизация на окраинах была тесно связана с их колонизацией, освоением ресурсного потенциала, строительством дорог и вовлечением колонизуемых регионов в рыночные отношения. Колонизация традиционно являлась важнейшим компонентом российской цивилизации и российской истории. В условиях модернизации социальная мобильность населения повышалась, что проявилось в росте самовольных переселений в Сибирь. Одновременно с модернизационными процессами в социально-экономической сфере Россия активизировала азиатское направление внешней политики, вследствие этого возникла объективная необходимость разработки государственной политики в отношении крестьянских переселений.

Результаты аграрной реформы 1861 г. создали комплекс факторов, как сдерживающих, так и стимулирующих крестьянские переселения. Значимость сдерживающих факторов в течение второй половине XIX в. падала, а стимулирующие факторы оказывали все большее воздействие. Основными стимулирующими факторами крестьянских переселений в рассматриваемый период выступали: обезземеливание крестьянства, аграрное перенаселение и обострение агрикультурного кризиса в российской деревне. В условиях нарастающего влияния кризисных явлений в российской деревне у крестьян формировалось миграционное сознание. Основным побудительным мотивом переселений было стремление крестьян восстановить пошатнувшийся уровень своих хозяйств.

В условиях стихийного нарастания миграционных процессов правительство нуждалось в концепции крестьянских переселений, оформленной

законодательно. Осмысление концепции крестьянских переселений, их места и роли во внутренней политике прошло через несколько этапов. На рубеже 1870–1880-х гг. начинается подготовка переселенческого законодательства. В 1880-х гг. правительство выпустило правила 1881 г. и закон 1889 г., которые не только придавали крестьянским переселениям законный характер, но и предполагали определенные льготы для переселяющихся. При этом государство ставило две взаимоисключающие задачи: регулирование крестьянских переселений и борьбу с наступающим аграрным перенаселением. Первая задача носила приоритетный характер.

Существенный вклад в формирование концепции крестьянских переселений внес КСЖД. В 1893–1905 гг. основа правительственного курса в сфере переселений определялась двумя задачами: колонизация Сибири и Дальнего Востока, а также регулирование крестьянских переселений. Правительство перешло к практике подбора переселенцев на основе имущественного критерия и обеспеченности семей рабочими руками. Такой подход входил в противоречие с задачей колонизации, искусственно отсекая от возможности переселиться многих желавших переехать в Сибирь крестьян.

Одной из главных задач правительства в 1890-х гг. стала борьба с самовольными крестьянскими переселениями. Правительство даже пыталось привлечь жандармские структуры, но самовольные переселения, хотя и затухали в отдельные годы, фактически не прекращались. Этому способствовала практика массового устройства самовольных переселенцев в Сибири как местной администрацией, так и центральными ведомствами. Это придало переселенческой политике противоречивый характер. В итоге практика ограничения переселений лишь среднесостоятельными и многосемейными крестьянами была признана ошибочной, и в правительственных кругах было решено вернуться к политике поощрения переселений малоимущих крестьян. Это было отражено в переселенческом законе 1904 г., который вобрал в себя немало из предыдущего переселенческого законодательства и одновременно заложил основу нового правительственного курса в отношении переселений.

При всех противоречиях магистральным направлением деятельности КСЖД стало развитие крестьянских переселений и расширение государственной помощи переселяющимся. Если в 1861–1880 гг. правительственная помощь как явление отсутствовала, а в 1881–1893 гг. такая помощь носила ограниченный характер, то с 1893 г. помощь новоселам стала оказываться практически по всем основным направлениям (врачебно-продовольственная, ссудно-кредитная, налоговая и т.п.). На осуществление этой помощи ежегодно выделялись значительные средства, причем рост ассигнований происходил одновременно с ростом переселенческого движения. В течение второй половины 1890-х – начала 1900-х гг. совершенствовалась нормативная база, определявшая направленность и масштабы правительственной помощи переселенцам, а сама помощь приобрела комплексный и социальный характер. При имевших место недочетах, значимость этой помощи нельзя отрицать. К концу деятельности КСЖД некоторые недостатки были преодолены, а в новом переселенческом законе 6 июня 1904 г. были учтены все недочеты предшествующего переселенческого законодательства и расширены налоговые льготы для новоселов.

Государственная политика регулирования крестьянских переселений была в тесной связи с наличием заготовленных переселенческих участков. Поэтому масштабы и темпы землеотводных работ фактически оказывали влияние на динамику крестьянских переселений. Землеотводные работы в Западной Сибири в 1861–1905 гг. характеризовались ведомственной разобщенностью на казенных и кабинетских землях. В 1861–1880 гг. землеотводные работы характеризовались незначительными масштабами, отсутствием планомерности. Многие участки оказались непригодными для земледелия и не были заселены, что являлось следствием незначительности межевых сил и отсутствия у них практического опыта. В 1881–1892 гг. произошел некоторый рост динамики землеотводных работ, что следует связывать с изменением государственной политики в отношении переселений. Значительно вырос спрос со стороны переселенцев на заготовленные участки, что объяснялось

общим увеличением переселенческого движения и усложнением приписки к старожильческим селениям. Межевые силы не справлялись с возросшим потоком переселенцев ввиду ограниченности ресурсов и наличия других задач, что не позволяло полностью сконцентрироваться на землеотводном процессе. Чтобы удовлетворить возросший спрос на колонизационный фонд, межевые чины на казенных землях нередко нарезали большие участки площадью более 10 000 десятин. В 1893–1905 гг. землеотводные работы приобрели значительные масштабы, что было связано с курсом правительства на массовые переселения. Было сформировано несколько специальных отрядов по заготовке переселенческих участков на казенных землях, произошло увеличение кредитов на землеотводное дело и на исследование новых колонизационных пространств.

В целом к 1906 г. государство накопило огромный практический опыт по переселению крестьян, были отработаны система льгот и механизмы оказания практической помощи новоселам, в Сибири была создана инфраструктура, способная осуществлять заготовку колонизационного фонда и устраивать новоселов на новых местах. Накануне Столыпинских переселений была проведена реструктуризация переселенческих организаций с целью оптимизации их деятельности. Был создан штат сотрудников, задачей которых было проведение широкого комплекса переселенческих мероприятий – от выдачи переселенцам ссуд до производства дорожно-строительных и гидротехничких работ в районах интенсивной колонизации.

Столыпинская переселенческая политика опиралась на опыт предшественников, но не сводилась лишь к использованию их наработок. Эта политика состояла из двух разных по характеру, задачам и содержанию этапов. Переселения в 1906–1910 гг. преследовали цели ослабления аграрного перенаселения в густонаселенных губерниях Европейской России и укрепления национальных и геополитических интересов России в Сибири и на Дальнем Востоке. Эти цели были обозначены в 1906 г., но по сути являлись продолжением правительственного курса, намеченного во второй половине XIX в. Со-

циально-политическая и правовая основа Столыпинской переселенческой политики была заложена еще в достолыпинский период. Преемственность переселенческой политики П.А. Столыпина с курсом, проводившимся в 1880–1890-е гг., подчеркивается тем, что в 1906–1910 гг. государство использовало апробированные еще в 1890-х гг. методы административного регулирования потока переселенцев путем ограничения ходачества.

Не подлежит сомнению, что П.А. Столыпин не ограничивался проведением курса, намеченного его предшественниками. После поездки в Сибирь в 1910 г. Столыпин фактически сформировал новую концепцию крестьянской колонизации Сибири, изменив не только задачи переселений, но и их характер. Если задача укрепления позиций России в Азии продолжала реализовываться, то от использования переселений для борьбы с малоземельемправительство отказалось. В 1910 г. П.А. Столыпин наметил концептуально новый курс, нацеленный на экономическое и социокультурное освоение Сибирского региона. Принципиальным отличием Столыпинской переселенческой концепции от политики предшественников было то, что Столыпин учитывал объективные интересы Сибири. Переселение перестало рассматриваться как инструмент решения проблемы земельной тесноты в Европейской России, а Сибирь больше не выглядела в глазах правительства всего лишь «пустыней» с огромным резервом свободных земель. С 1910 г. крестьянские переселения стали пониматься как самодостаточный процесс, призванный содействовать освоению и развитию Сибири, превращению его в один из важнейших сельскохозяйственных регионов страны. Фактически предложения Столыпина представляли собой комплексный план, включавший в себя меры стимулирования сельскохозяйственного производства, строительство транспортных путей, освоение таежных пространств и т.п. Новизной отличался отказ правительства в 1911–1914 гг. от мер административного регулирования переселенческим процессом. В качестве регулятивных инструментов в 1910 г. Столыпин предложил меры непрямого управления миграционными потоками: продажа переселенческих участков в собственность в самых привлекательных

районах Сибири и даровая раздача земель в районах, мало привлекавших переселенцев. Еще одним рычагом перераспределения переселенческих потоков выступал закон о ссудах, предполагавший введение бессудных районов (для местностей, привлекавших большое число переселенцев) и введение районов с повышенными ссудами для мест, заселение которых признавалось важным.

Значимым фактом Столыпинских переселений стало временное сокращение движения прямых переселенцев и рост обратных переселений в 1910–1911 г. Как показал проведенный в настоящем исследовании анализ, основной причиной этих явлений являлся неурожай 1910–1911 гг. в Западной Сибири. С завершением неурожайных лет динамика прямых переселений в Сибирь изменилась в сторону роста, а картина обратных переселений – в сторону сокращения. При этом увеличение движения переселенцев и ходоков в Сибирь в 1912–1914 гг. происходило на фоне, когда средняя урожайность в Европейской России была значительно выше средней. Это свидетельствует о том, что российское крестьянство по-прежнему стремилось использовать переселение как средство повышения своего благосостояния.

В процессе практической реализации Столыпинской переселенческой политики, несмотря на имевшийся опыт, накопленный в период деятельности КСЖД, государство и переселенческие структуры в 1907–1909 гг. столкнулись с определенными трудностями. Переселенческие пункты не были рассчитаны на большие потоки переселенцев, недостаточно выделялось средств на путевые ссуды, в связи с открытием для массовых переселений кабинетских земель Алтайского округа появились новые маршруты движения переселенцев и ходоков, не обеспеченные инфраструктурой врачебно-продовольственных пунктов. Также в 1906–1909 гг. темпы роста переселенческого движения были выше, чем рост ассигнований на переселенческие нужды. Это привело к недостатку денежных средств, в том числе в вопросах ссудного кредитования. Фактически масштабы правительственной помощи отставали от реальных потребностей. В 1906–1909 гг. наблюдалось значительное «обед-

нение» контингента переселенцев, что требовало от государства увеличения ассигнований. Нормализации ссудного кредитования препятствовали как объективные, так и субъективные причины. Были недостаточными и масштабы финансирования ссуд на общеполезные надобности, которые не соответствовали высоким темпам заселения Западной Сибири. Государство, хотя и с опозданием, но отреагировало на выявившиеся недостатки. Произошло расширение ассигнований на переселенческое дело, был проделан огромный объем ремонтно-строительных работ на врачебно-продовольственных пунктах для оказания переселенцам в дороге продовольственной и медицинской помощи. Причем нехватка ассигнований в сфере выдачи путевых ссуд была во многом компенсирована широко практиковавшейся выдачей переселенцам бесплатных порций пищи и бесплатным медицинским обслуживанием. При всех имевшихся недостатках переселенческие структуры в целом справились с задачей перевозки переселенцев в 1906–1910 гг. Рост ассигнований на врачебно-продовольственную помощь продолжался даже в 1910–1911 гг., когда произошел спад переселенческого движения. Медицинские пункты Переселенческого управления оказывали помощь не только новоселам, но и старожилам. Их деятельность носила не коммерческий, а социальный характер. Результатом развития системы оказания медицинской помощи населению стало снижение смертности, в том числе детской и младенческой, накануне Первой мировой войны.

Государство ежегодно увеличивало объемы финансирования ключевых направлений переселенческого дела, расширяло и углубляло масштабы помощи новоселам. Увеличение ассигнований привело к заметному улучшению в сфере ссудного кредитования. Средний размер ссуд, выдававшихся в 1906–1914 гг., имел тенденцию к постоянному увеличению. Эти ссуды были хорошим подспорьем для переселенцев, которые стремились использовать любую возможность для обзаведения крепким хозяйством. Недостаток денежных средств государство стремилось компенсировать расширением деятельности сельскохозяйственных и лесных складов, выдававших переселенцам сельско-

хозяйственные машины и инвентарь в счет ссуд. Углубление землеотводных работ в труднодоступные и малообжитые районы Сибири совпало с введением нового закона о домообзаводственных ссудах, который вводил повышенные нормы ссуд для водворявшихся в удаленных от Сибирской железной дороги районах.

В 1910–1915 гг. правительство значительно увеличило объемы кредитования общественно полезных ссуд. Назначением этих ссуд было создание социально-экономической инфраструктуры в новых селениях, строительство общественно значимых зданий и сооружений, позволявших переселенцам быстрее пройти стадию адаптации на новом месте. Основная часть общеполезных ссуд шла на строительство церквей и школ в переселенческих поселках. В целях расширения масштабов церковно-школьного строительства государство привлекло Святейший синод и Министерство народного просвещения, которые осуществляли выделение кредитов по своим каналам.

Государство учитывало, что многие переселенческие поселки были населены экономически еще не окрепшим населением, потому часть средств на общеполезные надобности выдавало в виде безвозвратных пособий, социальная направленность которых не вызывает сомнений. В деле устройства новоселов большое значение имели и другие виды государственной поддержки новоселов: помощь при неурожаях или стихийных бедствиях, а также практика списания с переселенцев ссудных долгов специальными указами или манифестами. Эти законодательные акты публиковались по случаю каких-либо торжественных событий и были нацелены на расширение льгот для переселенцев, облегчение их адаптации на новых местах. Наиболее значимые льготы были предоставлены манифестом 21 февраля 1913 г., по которому все ссуды на общеполезные надобности, выданные сельским обществам переселенцев, обращались в безвозвратные пособия.

После начала Первой мировой войны инфраструктура переселенческих организаций Западной Сибири была переориентирована на выполнение тыловых функций по приему беженцев и военнопленных, лечению раненных.

Хотя ассигнования на выдачу ссуд и пособий подверглись сокращению, но социальный характер ссудной помощи был сохранен. Выдача ссуд и безвозвратных пособий была распространена на семьи призванных в армию сибиряков, включая и тех, кто проживал в бессудных районах. Сельскохозяйственные склады взяли на себя функцию по обеспечению семей фронтовиков необходимыми сельскохозяйственными орудиями на особо льготных и даже безвозмездных условиях. Весь комплекс мероприятий, нацеленных на поддержку переселенческих семей, где имелись призванные на фронт крестьяне, дал положительные результаты, что выразилось в заметном сокращении долгов переселенческих дворов.

Таким образом, при имевших место недостатках, в 1906–1914 гг. правительство выработало и на практике реализовало целый комплекс мероприятий в сфере государственной поддержки новоселов. Этот комплекс был нацелен на оказание переселенцам практической помощи в процессе их успешной адаптации в Сибири.

Важнейшим инструментом реализации правительственной политики массовых крестьянских переселений стали работы по заготовке колонизационного фонда. К началу XX в. государство не имело достоверной информации о колонизационном потенциале Сибири, поэтому в 1906–1914 гг. правительство проделало колоссальный труд по научному изучению колонизационных возможностей Сибири. Ежегодно Переселенческим управлением организовывались научные и рекогносцировочные экспедиции. На финансирование этих экспедиций выделялись немалые средства. К участию в экспедициях государство привлекло ведущих специалистов-почвоведов России, представителей академической науки, исследования которых не только были использованы на практике в ходе колонизации, но и обогатили российскую науку обширными теоретическими знаниями. Правительство получило объективную, научно подтвержденную информацию о пригодности для колонизационных нужд миллионов десятин земли, что дало возможность развернуть землеотводные работы в ранее не исследованных районах. Пустовавшие до этого

земли были использованы для заготовки переселенческих участков, освоены и вовлечены в сельскохозяйственный оборот.

Основным источником формирования колонизационного фонда в 1906–1910 гг. стали оброчные статьи и лесные дачи. Фактически казна и Кабинет в 1906–1910 гг. в интересах колонизации принесли в жертву свои фискальные интересы, передав для образования переселенческих участков миллионы десятин земли. Часто переселенцы самовольно занимали земли, входившие в лесные дачи или оброчные статьи, и районные переселенческие организации шли навстречу интересам новоселов, добиваясь образования переселенческих участков из самовольно занятых земель. Однако с 1911 г. кабинетская администрация изменила свою позицию и добилась ограничения землеотводных работ на Алтае. Во многом по этой причине в 1911–1916 гг. вектор землеотводных работ в Томской и Тобольской губерниях смещается в таежную полосу. В 1910–1911 гг. правительством был разработан перспективный план колонизации тайги, предусматривавший поэтапное освоение урманных и таежных районов. Предполагалось также поощрять денежными премиями переселенцев, проводивших на своих участках лесорасчистки. Частично лесорасчистки планировалось осуществлять за государственный счет. Практической реализации этого проекта помешало начало Первой мировой войны.

Расширив масштабы землеотводных работ, государство следило и за их качеством. В целом качество участков, отводимых переселенцам, было удовлетворительным. Статистика свидетельствует, что у абсолютного большинства переселенцев и ходоков качество переселенческих участков не вызывало нареканий. Основная масса заготовленных переселенческих участков была пригодна к заселению. Доля объективно негодных участков в общем масштабе землеотводных работ была невелика.

Вместе с тем многие участки на рубеже XIX–XX вв. нуждались в проведении к ним дорог, строительстве колодцев и водохранилищ. Факты свидетельствуют, что в этом направлении правительством была проделана огромная работа. Конечно, вопрос строительства дорог и гидротехнических соору-

жений к 1917 г. не был полностью решен. Однако правительство не ставило задач завершить все работы к началу 1917 г. Эти работы носили поэтапный характер, и не прекращались даже в очень сложный период мировой войны, когда не хватало кредитов и многие специалисты были мобилизованы в действующую армию. Эти работы постепенно превращали неудобные участки во вполне пригодные для заселения. Они имели огромное значение для колонизации Сибири, так как в итоге позволили превратить миллионы десятин непригодных и малопригодных земель в удобные для сельского хозяйства.

В целом результаты развития системы государственной поддержки переселенцев были положительными. Абсолютное большинство новоселов в итоге осело на местах водворения в Западной Сибири, смогло обзавестись хозяйством. Большая часть переселенческих хозяйств в 1906–1916 гг. могла выплачивать долги по ссудам и полагавшиеся подати. Материалы личных опросов переселенцев показали, что абсолютное большинство из них считал, что в Сибири устроились лучше, чем в губернии выхода. Данные этого опроса свидетельствовали не только об общем улучшении экономического положения новоселов, но также об успешности их социальной, культурной и психологической адаптации в Сибири.

Правительственная политика аграрно-крестьянских переселений прошла почти полувековой путь эволюции. Самый значимый период аграрно-крестьянской колонизации за 1861–1917 гг. приходится на время Столыпинских переселений. В пореформенный период и в начале XX в. государство отводило Сибири лишь подчиненную роль, но с 1910 г. взгляд правительства на Сибирский регион изменился. Произошло переосмысление не только роли переселенческой политики, но и места Сибири в составе Российской империи. Государство по-новому расставило приоритеты в переселенческой политике, что должно было способствовать экономической модернизации крестьянских хозяйств Сибирского региона, способствовать общему экономическому подъему Сибири и в конечном итоге укреплению российской государственности на восточных окраинах страны.

Поставленные в 1910 г. П.А. Столыпиным магистральные задачи по развитию Сибири решались достаточно успешно. Комплекс правительственных мероприятий по поддержке переселенческих хозяйств позволил государству уже к 1914 г. в целом решить задачу закрепления за Россией ее азиатских окраин. С 60-х гг. XIX в. по 1884 г. в Сибирь прошло около 300 000 человек, в 1885–1895 гг. – еще 386 168 человек, а 1896–1914 гг. в Сибири осело 3 663 684 человек ходоков и переселенцев[1]. Итого за рассматриваемый период в Сибирь переселилось более 4,3 млн человек. Для устройства этих крестьян правительство развернуло масштабные землеотводные работы[2]. Только в годы Столыпинских переселений новоселы хозяйственно освоили 16,5 млн десятин новых земель, в том числе распахали около 8 млн[3]. Плотность населения Сибири выросла. Ресурсный потенциал Сибири был вовлечен в хозяйственную жизнь страны. Переселенцы не просто освоили и ввели в сельскохозяйственный оборот новые земли, но и превратили Сибирь в один из основных зерновых районов страны. К 1914 г. освоенные новоселами земли производили около 100 млн пудов хлеба, из них около 50 млн пудов товарного зерна[4].

Об интенсивности развития сельского хозяйства Сибири свидетельствует тот факт, что население Сибири и Степного края к 1913 г. составляло 8,9% от общего числа жителей страны[5], но при этом удельный вес Сибири в общероссийском сборе зерновых в предреволюционный период составлял 17%. Сибирь превратилась в динамично развивающийся сельскохозяйственный регион, и резервы роста далеко не были исчерпаны: в 1917 г. сбор зерновых там достиг 600 млн пудов, а в 1920-е гг., по прогнозам Переселенческого

---

[1] См. приложение А.
[2] См. приложения Б и В.
[3] Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1976. С. 136.
[4] Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 493.
[5] Подсчитано по: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : статистические очерки. М. : Госстатиздат, 1956. С. 26–27.

управления, должен был возрасти до 1 млрд пудов[6]. В целом в процессе колонизации шел процесс социальной модернизации крестьянства Сибири, превращения его в современный класс ассоциированных товаропроизводителей.

Столыпинский проект модернизации Сибири достаточно быстро дал положительный эффект. Благодаря аграрно-крестьянским переселениям Сибирь из отсталой окраины превратилась в источник продовольствия для страдавших от неурожаев регионов центральной России. Колонизация Сибири сыграла важную роль в военно-стратегическом и геополитическом плане. В годы Первой мировой войны Западная Сибирь превратилась в тыловой район, обеспечивавший продовольствием армию и население центра страны. Созданная Переселенческим управлением инфраструктура и управленческий аппарат были привлечены для задач размещения беженцев и военнопленных.

В целом общие итоги государственной политики крестьянских переселений нельзя не признать успешными. Азиатская Россия накануне эпохи войн и революций смогла превратиться в один из самых экономически значимых районов страны.

[6] Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М. : Наука, 2004. С. 495.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Часть I. Источники.

Опубликованные официальные документы.

Законодательные акты Российской империи и документы по переселенческому делу.

1. Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание / ред. С. А. Красильников. – Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2007. – 358 с.
2. Вощинин, В. П. Переселение и землеустройство в Азиатской России : сборник законов и распоряжений / В. П. Вощинин. – Пг. : Тип. Петроградской тюрьмы, 1915. – XIV, 509 с.
3. Высочайше утвержденное Местное Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских // ПСЗРИ. – Собр-е 2-е. – СПб., 1863. – Т. 36. – Отд. 1. – № 36662.
4. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об утверждении правил о переделах мирской земли // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – СПб., 1897. – Т. 13. – Отд. 1. – № 9754.
5. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров о водворении в Алтайском округе государственных крестьян // ПСЗРИ. – Собр-е 2-е. – СПб., 1867. – Т. 40. – Ч. 1. – № 42353.
6. Высочайше утвержденное Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости, и о содействии Правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий // ПСЗРИ. – Собр-е 2-е. – СПб., 1863. – Т. 36. – Отд. 1. – № 36659.
7. Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – СПб., 1907. – Т. 24. – Отд. 1. – № 24701.

8. Доклад Рязанской губернской земской управы о переселениях на юг губернии Рязанскому губернскому земскому собрания XVII очередного созыва. – Рязань : Тип. наследников З. П. Позняковой, 1881. – 66 с.
9. Журнал образованного при Главном Управлении Землеустройства и Земледелия Совещания, с участием представителей губернских крестьянских учреждений, по вопросам, касающимся переселения // Вопр. колонизации. – 1908. – № 2. – С. 445–492.
10. Журнал Совещания, образованного для выработки программы почвенных и ботанических исследований колонизационных пространств Зауралья // Вопр. колонизации. – 1908. – № 3. – С. 252–272.
11. Инструкция о порядке водворения и устройства переселенцев в Сибири (кроме Алтайского округа) и Степном генерал-губернаторстве. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1902. – 81 с.
12. О водворении в Алтайском округе государственных крестьян // ПСЗРИ. – Собр-е 2-е. – СПб., 1867. – Т. 40. – № 42353.
13. О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – СПб., 1891. – Т. 9. – Отд. 1. – № 6198.
14. О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – СПб., 1909. – Т. 26. – Отд. 1. – № 28528.
15. О некоторых изменениях в действующих узаконениях, касающихся добровольного переселения сельских обывателей и мещан в губернии Тобольскую и Томскую (кроме Алтайского округа) и генерал-губернаторства Степное и Иркутское // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – СПб., 1899. – Т. 26. – Отд. 1. – № 12777.
16. О передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного Управления Землеустройства и Земледелия для образования

переселенческих участков // ПСЗРИ. – Соб-е 3-е. – СПб., 1909. – Т. 26. – Отд. 1. – № 28357.

17. О переселенцах Тобольской и Томской губерний, водворившихся там с давнего времени // ПСЗРИ. – Собр-е 2-е. – СПб., 1878. – Т. 51. – Отд. 1. – № 56571.
18. О порядке переселения за Урал в 1908 году // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – СПб., 1908. – Т. 28. – Отд. 1. – № 30152.
19. О распространении Высочайше утвержденного 9 апреля 1869 года положения Главного Комитета о переселенцах Оренбургской губернии на губернию Уфимскую и на проживающих в сих губерниях горнозаводских мастеровых казенных и частных заводов и бывших удельных крестьян // ПСЗРИ. – Собр-е 2-е. – СПб., 1874. – Т. 46. – Отд. 1. – № 49230.
20. Об обращении поселков при станциях Боготол, Тайга и Татарская Сибирской железной дороги в городские поселения с упрощенным городским общественным управлением // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – СПб., 1914. – Т. 31. – Отд. 1. – № 34686.
21. Об учреждении Комитета по земельным делам и о преобразовании Министерства Земледелия и Государственных Имуществ в Главное Управление Землеустройства и Земледелия // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – СПб., 1908. – Т. 25. – Отд. 1. – № 26172.
22. Речи А. И. Шило и А. Г. Мягкого в Государственной думе // Сиб. вопросы. – 1909. – № 14. – С .37–38.
23. Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием князя Б. А. Васильчикова в Комиссии Государственной Думы по Переселенческому делу 5 декабря 1907 г. // Вопр. колонизации. – 1908. – № 2. – С. 418–419.
24. Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). – СПб. : Тип. Переселен. упр., 1909. – 698 с.

25. Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета Его Императорского Величества. – Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1913. – Т. 2. – 1265 с.
26. Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков. – СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. – XII, 181 с.
27. Сибирские переселения : документы и материалы. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Вып. 1. – 198 с.
28. Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. – Новосибирск : ИД «Сова», 2006. – Вып. 2. – 263 с.
29. Сибирские переселения. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв. : сборник документов / отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск : Параллель, 2010. – Вып. 3. – 276 с.
30. Сидельников, С. М. Аграрная реформа Столыпина : учеб. пособие : сборник документов и материалов / С. М. Сидельников. – М. : Изд-во МГУ, 1973. – 335 с.
31. Софроненко, К. А. Аграрное законодательство в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / К. А. Софроненко. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 160 с.
32. Столыпин П. А. : Программа реформ : документы и материалы : в 2 т. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН, 2011. – Т. 1. – 764 с.
33. Столыпин П. А. : Программа реформ : документы и материалы : в 2 т. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН, 2011. – Т. 2. – 799 с.
34. Столыпин, П. А. Нам нужна Великая Россия… : Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / П. А. Столыпин. – М. : Мол. гвардия, 1991. – 411 с.
35. Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии : хрестоматия / сост., вступ. ст. и прим. Г. Н. Мокшина. – Воронеж : Истоки, 2013. – 272 с.

Отчетные документы

36. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1896. – 53 с.
37. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 года. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1899. – 59 с.
38. Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1874 г. – [Б.м. : б.и, б.г.] – 21 с.
39. Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1876 г. – [Б.м. : б.и, б.г.] – 45 с.
40. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. – СПб. : Гос. тип., 1896. – 2, IV, 187 с.
41. Годовой отчет по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. – [Б.м. : б.и., б.г.] – Вып. 45. – 108 с.
42. Извлечение из Всеподданнейшего отчета сенатора Половцова по ревизии Киевской губернии. – [Б.м. : б.и., б.г.] – 22, 10, 73, 3, 5, 11, 5 с.
43. Краткая выписка из отчетов Высочайше командированной комиссии в Алтайский округ в 1882 году. – СПб. : Тип. Департамента уделов, 1885. – 130 с.
44. Кривошеин, А. В. Поездка в Сибирь и Поволжье / А. В. Кривошеин, П. А. Столыпин. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. – 4, 170 с.
45. Отчет о работах по образованию переселенческих участков в Азиатской России в 1908 г. – СПб. : [б.и.], 1909. – 27 с.
46. Отчет по командировке помощника начальника переселенческого управления министра внутренних дел Кривошеина. – СПб. : [Б.и.], 1899. – 53 с.

47. Переселенческие дороги в Томской губернии : отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года чиновника особых поручений Н. П. Рахманова. – СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. – 23, 5 с.
48. Предварительный отчет об организации и исполнении работ по исследованию почв Азиатской России в 1909 г. – СПб. : [б.и.], 1910. – 88 с.
49. Предварительный отчет об организации и исполнении работ по исследованию почв азиатской России в 1914 г. – Пг. : Тип. А. Э. Коллинс, 1916. – 316 с.
50. Прибавление к Всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 года. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1899. – II, 154, 27 с.
51. Тихеев, И. И. Записка об исследовании таежных пространств в Сибири / И. И. Тихеев. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1897. – 40 с.
52. Тихеев, И. И. Отчет председателя Высочайше утвержденной в 1895 году комиссии для изучения и общего направления работ по образованию переселенческих и запасных участков / И. И. Тихеев. – СПб. : Типо-литогр. Бермал и К°, 1896. – 4, 140 с.

Справочные и статистическо-описательные материалы

53. Азиатская Россия. – СПб. : Т-во «А. Ф. Маркс», 1914. – Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – VIII, 306 с.
54. Азиатская Россия. – СПб. : Т-во «А. Ф. Маркс», 1914. – Т. II. Земля и хозяйство. – 638, II с.
55. Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. – Томск : Изд. В. А. Грава, 1890. – 436 с.
56. Беженцы в Томской губернии. Список беженцев и адреса их. – Томск : Изд. Том. губ. отд-ния Комитета ея имп. выс. вел кн. Татианы Николаевны, 1916. – Вып. 1. – VI, 469, XXIV с.

57. Благовещенский, Н. В. Описание почв Чуно-Ангарского водораздела в Енисейском районе / Н. В. Благовещенский. – СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. – [4], 8 с.
58. Ваганов, Н. А. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа / Н. А. Ваганов. – СПб. : [Б.и.], 1885. – 149, 74, 35, 205 с.
59. Глинка, К. Д. Краткая характеристика почвенных и растительных зон Азиатской России / К. Д. Глинка. – СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1912. – 35 с.
60. Горный Алтай и его население. – Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. – Т. 3. Вып. 1. Переселенческие поселки, образованные в 1878 г. – 97, 31 с.
61. Деятельность Черниговского губернского земства по переселению в осенний сезон 1908 г. – Чернигов : Тип. губ. земства, 1909. – 97, 28 с.
62. Деятельность Черниговского губернского земства по переселению за 1909 год. – Чернигов : Тип. губ. земства, 1910. – 228 с.
63. Деятельность Черниговского губернского земства по переселению в 1910 г. – Чернигов : Тип. губ. земства, 1911. – 81 с.
64. Долгоруков, В. А. Путеводитель по всей Сибири / В. А. Долгоруков. – Томск : Тип. Г. В. Прейсман и Н. Я. Беляева, 1899. – 6, 528, 7 с.
65. Драницын, Д. Почвы западного Заангарья Енисейской губернии / Д. Драницын. – СПб. : тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. – 177 с.
66. Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. – СПб. : Тип. министерства внутренних дел, 1902. – IV, 208 с.
67. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. – М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. – 205 с.
68. Итоги статистического обследования Бельагачской степи Змеиногорского уезда Томской губернии, произведенного в 1908 году чинами Алтайского переселенческого отряда. – Барнаул : Паровая тип. П. В. Орнатского, В. А. Шпунтовича и К°, 1909. – 142 с.

69. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1892. – Т. 1. Крестьянская община. – 650 с.

70. Кауфман, А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным, произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора, подворного исследования : в 2 т. / А. А. Кауфман. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1895. – Т. 1, ч. 1. – XXVI, 348, 177 с.

71. Кауфман, А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным, произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора, подворного исследования : в 2 т. / А. А. Кауфман. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1895. – Т. 1, ч. 2. – [6], 140, 81 с.

72. Кауфман, А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным, произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора, подворного исследования : в 2 т. / А. А. Кауфман. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1896. – Т. 2, ч. 1. – [6], IV, 150, 337 с.

73. Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. По данным произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора, подворного исследования : в 2 т. / А. А. Кауфман. – СПб. : – Тип. В. Безобразова и Комп., 1896. – Т. 1, ч. 3. – [6], IV, 150, 337 с.

74. Книга образования переселенческих участков. 1885–1912. – Томск : Тип. Детского приюта и Дома трудолюбия, 1913. – XVI, 955, 120 с.

75. Костров, Н. Нарымский край / Н. Костров. – Томск : Тип. губ. правления, 1872. – 96 с.

76. Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества / сост. М. И. Струков. – СПб. : Тип. гл. упр. уделов, 1896. – 78 с.

77. Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. : хроника и историография / сост. Л. М. Горюшкин [и др.] – Новосибирск : Наука, 1985. – 326 с.

78. Крестьянское землепользование и хозяйство в Томской и Тобольской губерниях. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1894. – III, 428 с.

79. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). – М. : Тип. Об-ва распространения полезных книг, 1895. – Т. 1. Историко-статистическое описание. – V, 541 с.

80. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 1870-х годов до 1873 г.). – М. : т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. – Т. 2. – V, 121, 29 с.

81. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : В 20 кн. : Вып. I–XXII. Репринтное издание 1888–1898 гг. – СПб. : Альфарет, 2010.

82. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. / сост. В. А. Тресвятский. – Пг. : Екатерининская тип. И. Ф. Вайсберга, 1917. – Вып. 1 : Степной край. – 135 с.

83. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. – Пг. : Екатерининская тип. И. Ф. Вайсберга, 1917. – Вып. 2. Приамурье. – 87 с.

84. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. – Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1918. – Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. – 41 с.

85. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Таблицы. – СПб. : Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1905. – Ч. 1, вып. 19. – IV, X, 549 с.

86. Морозов, А. М. Алтайский округ в колонизационном отношении / А. М. Морозов. – Полтава : Электр. тип. Ф. Ф. Шиндлера, 1908. – 62 с.

87. Нагнибеда, В. Я. Переселенцы, приселившиеся к старожилам Алтайско-Томской части Сибири / В. Я. Нагнибеда. – Томск : Тип. Кр. знамя, 1927. – VII, 615.
88. Нагнибеда, В. Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский / В. Я. Нагнибеда. – Томск : Тип. В. М. Перельман, 1913. – Вып. 1. – XXX, 281, 30 с.
89. Новомбергский, Н. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии / Н. Новомбергский. – Тобольск : Губ. тип., 1898. – Вып. 1. – XLVII, 318 с.
90. Новоселов, П. М. Переселение в Сибирь из 8-ми губерний, входящих в состав Южно-Русской Областной Земской Переселенческой Организации. За 1906–1912 гг. Учет семейного переселения / П. М. Новоселов. – Полтава : Бюро Ю.-О.Р.З.П. организации, 1913. – Вып. 1. – 191 с.
91. Новоселов, П. М. Переселение в Сибирь из 8-ми губерний Южно-Русской областной земской переселенческой организации за 1912 год. Семейные переселенцы, ходоки, одиночные переселенцы / П. М. Новоселов. – Полтава : Бюро Ю.-Р.О.З.П., 1917. – Вып. 2. – II, III 241 с.
92. Обзор Акмолинской области за 1881 год. – Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1882. – 34 с.
93. Обзор Акмолинской области за 1895 г. – Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1897. – 4, 90, 45 с.
94. Обзор Акмолинской области за 1902 год. – Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1904. – 41 с.
95. Обзор Акмолинской области за 1906 г. – Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1907. – 55 с.
96. Обзор Акмолинской области за 1907 год. – Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1908. – 45 с.
97. Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск : Тип. Акмолин. обл. правления, 1911. – 60 с.

98. Обзор Акмолинской области за 1911 г. – Омск : Электротипогр. Акмолин. обл. правления, 1912. – 73 с.
99. Обзор Акмолинской области за 1913 г. – Омск : Электротипогр. Акмолин. обл. правления, 1914. – 84 с.
100. Обзор Акмолинской области за 1915 г. – Омск : Электротипогр. Акмолин. обл. правления, 1917. – 78 с.
101. Обзор деятельности землеустроительных комиссий со времени их открытия по 1 января 1911 г. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. – IV, 81, 120 с.
102. Обзор деятельности Кабинета Его Императорского Величества за 1906–1915 гг. – Пг. : Тип. гл. упр. уделов, 1916. – 111 с.
103. Обзор деятельности Округа за пятилетие (1911–1915 гг.). – Барнаул : Тип. упр. Алт. округа, 1916. – 196 с.
104. Обзор Иркутской губернии за 1909 г. – Иркутск : Губ. тип., 1910. – 50, 28 с.
105. Обзор Иркутской губернии за 1911 г. – Иркутск : Губ. тип., 1913. – 91 с.
106. Обзор Тобольской губернии за 1900 г. – Тобольск : Губ. тип., 1901. – 26 с.
107. Обзор Тобольской губернии за 1914 г. – Тобольск : Тип. губ. упр., 1916. – 40 с.
108. Обзор Томской губернии за 1909 г. – Томск : Тип. губ. упр., 1910. – 64 с.
109. Обзор Томской губернии за 1910 г. – Томск : Тип. губ. упр., 1912. – 55 с.
110. Обзор Томской губернии за 1911 г. – Томск : Тип. губ. упр., 1912. – 64 с.
111. Описание Тобольского переселенческого района. Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 год. – СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1911. – 21 с.

112. Отрыганьев, А. В. Краткое описание западной части Нарымского края / А. В. Отрыганьев. – СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. – 40 с.

113. Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 г. – Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. – 39, 93 с.

114. Очерк работ по заготовлению переселенческих участков, 1893–1899. – СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. – 322, 145 с.

115. Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 год. – Тобольск : тип. губернского управления, 1908. – 134, 58, 87 с.

116. Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 год. – Тобольск : Тип. губ. упр., 1909. – 292, 7 с.

117. Переселение в Сибирь из Черниговской губернии в 1906–1908 гг. – Чернигов : Тип. губ. земства, 1910. – IX, 59, 239 с.

118. Переселение за Урал в 1908 году. Справочная книжка с картою заселяемых переселенцами местностей и железных дорог Азиатской России. – СПб. : Тип. «Слово», 1908. – Вып. 41. – 159 с.

119. Переселение за Урал в 1910 г. – СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1910. – 16 с.

120. Переселение за Урал в 1911 г. : краткая справочная книжка. – СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1911. – 32 с.

121. Переселение за Урал в 1914 г. – СПб. : Тип. Акц. общ. «Слово», 1914. – 24 с.

122. Переселение и заготовка земель для переселенцев (важнейшие цифровые данные за последние годы). – СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1907. – 18 с.

123. Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. : отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. – СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. – 501 с.

124. Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. – СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1912. – XIV, 325 с.

125. Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. – СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1913. – 331 с.
126. Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. – Пг. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1914. – XV, 402 с.
127. Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. – Пг. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1915. – IX, 391 с.
128. Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. – Пг. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1916. – IX, 398 с.
129. Переселение крестьян из Харьковской губернии. – Харьков : Тип. «Печатное Дело», 1910. – Вып. 3 : Переселение за 1904–1908 гг. по данным челябинской регистрации. – VIII, 127, II с.
130. Петр Аркадьевич Столыпин : Энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2011. – 735 с.
131. Предисловие к своду статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. – СПб. : Гос. тип., 1894. – 87 с.
132. Россия. 1913 г. : статистико-документальный справочник. – СПб. : БЛИЦ, 1995. – 415 с.
133. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год пятый. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1912. – XIV, 578 с.
134. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. – Пг. : [Б.и.], 1917. – XIV, 673 с.
135. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. – СПб. : Тип. «Экономия», 1913. – Вып. 1. – XII, 194 с.
136. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Западная Сибирь. Урман. Туринский уезд, Тобольской губернии. – СПб. : [Б.и.], 1912. – Вып. 4. – 121 с.

137. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. – СПб. : тип. «Экономия», [Б. г.] – Вып. 5. – V, 149, 21 с.

138. Сведения о земледельческой полосе Сибири. – СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1901. – Вып. 7. – III, 121, 46 с.

139. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. – СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1897. – Т. 2. – VII, 767 с.

140. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1892. – Вып. 5. – XX, 134, 562, 145 с.

141. Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1901. – Вып. 10 : Распространенность навозного удобрения в России. – XV, 100 с.

142. Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1905. – Вып. 12 : Состояние травосеяния в России. – VII, 252, 394 с.

143. Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1896 г. – Барнаул : Типо-литогр. при Гл. упр. Алт. округа, 1897. – 226, 113, 3 с.

144. Сибирская советская энциклопедия. – М. : Тип. газ. «Правда», 1931. – Т. 2. – 1152 с.

145. Сибирское переселение в 1899 г. : (что нужно знать каждому ходоку). – СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1899. – Вып. 2. – 27 с.

146. Сибирское переселение в 1900 г. : (что нужно знать каждому ходоку). – СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1900. – Вып. 4. – 37 с.

147. Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и на других пунктах) в 1885–1895 гг. – Тюмень : Тип. Л. К. Высоцкой, 1899. – Вып. 1. – 356 с.

148. Сибирь. – СПб. : Тип. МВД, 1897. – Вып. 1 : общие замечания о Сибири и переселении. Сведения о земледельческой полосе Сибири. Узаконения и распоряжения правительства. Пути следования в Сибирь и по Сибири. Карта Сибири. – 210 с.

149. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1893. – VIII, 309 с.

150. Современное крестьянское сельское хозяйство в районе осушительных работ томской гидротехнической партии. – Томск : Скоропечатня «ЭНЕРГИЯ», 1916. – [1], 71, 48, 32 с.

151. Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. – СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. – 96 с.

152. Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. – СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1903. – Вып. 14. – 199 с.

153. Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1910 год. – СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1910. – 114 с.

154. Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 год. – СПб. : Тип. «Сель. вестника», 1911. – 32 с.

155. Справочная книжка о переселении за Урал в 1906 г. – СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. – Вып. 30 : Сведения, необходимые знать каждому хозяину, задумавшему переселение в Сибирь, и каждому ходоку. – 137 с.

156. Справочная книжка о переселении за Урал в 1907 г. – СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. – Вып. 36. – 120 с.

157. Ставровский, Я. Ф. Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков / Я. Ф. Ставровский, В. В. Алексеев. – СПб. : Электро-типогр. Н. Я. Стойковой, 1906. – Вып. 18. – IV, 3, 48, 81 с.

158. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. – СПб. : «Центральная» типо-литогр. М. Я. Минкова, 1907. – 199, L, 7 с.

159. Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г. – СПб. : Гос. тип., 1899. – IV, XXIII, 144 с.

160. Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1898 г. – СПб. : Канцелярия комитета министров, 1900. – XXXV, 527 с.

161. Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1899 и 1900 гг. – СПб. : Гос. тип., 1903. – XVII, 423 с.

162. Статистические данные по переселенческому делу, собранные статс-секретарем Куломзиным в поездку по Сибири в 1896 г. – СПб. : Гос. тип., 1897. – XXII, 151 с.

163. Тобольская губерния : описание участков. – Полтава : Тип. И. Л. Фришберта, 1912. – 7 с.

164. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб. : Тип. т-ва «Нар. польза», 1903. – Т. 19 : Курская губерния. – VIII, 875 с.

165. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб. : Тип. т-ва «Нар. польза», 1903. – Т. 35 : Самарская губерния. – VI, 662 с.

166. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб. : Тип. т-ва «Нар. польза», 1903. – Т. 42 : Тверская губерния. – IV, 475 с.

167. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. – Т. 53 : Тобольская губерния. – IV, 426 с.

168. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб. : Тип. «Нар. польза», 1904. – Т. 54 : Томская губерния. – II, 296 с.

169. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. – Т. 57 : Степной край. – 4, 119 с.

170. Турчанинов, Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. / Н. Турчанинов. – СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. – VIII, 85 с.

171. Турчанинов, Н. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. / Н. Турчанинов, А. Домрачев. – Пг. : Изд. Переселен. упр., 1916. – 81 с.

172. Чудновский, С. Л. Переселенческое дело на Алтае (статистико-экономический очерк) / С. Л. Чудновский // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по отделению статистики. – Иркутск : Тип. газ. «Восточное обозрение», 1889. – Т. 1, вып. 1. – 154, III с.

173. Швецов, С. П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округа : результаты статистического исследования в 1894 г. / С. П. Швецов. – Барнаул : Типо-литогр. при Гл. упр. Алт. округа, 1899. – Вып. 1. : Экономические таблицы. – XI, 199, 33, 16, 7 с.

174. Швецов, С. П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе : результаты статистического исследования 1894 г. / С. П. Швецов. – Барнаул : Типо-литогр. при Гл. упр. Алт. округа, 1899. – Вып. 2. : Описание переселенческих поселков. – 559 с.

175. Швецов, С. П. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округа. / С. П. Швецов, П. М. Юхнев. – Барнаул : Типо-литогр. при Гл. упр. Алт. округа, 1898. – Т. 2, вып. 2. : Землевладение и землепользование. – 283, 15, 8, 4 с.

176. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : Энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2008. – Т. 1. – С. 40–42.

177. Юферов, В. И. Опыт исследования бюджетов переселенцев : материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, То-

больской Томской, Енисейской и Иркутской губерниям / В. И. Юферов. – СПб. : Электро-типогр. Н. Я. Стойковой, 1906. – Вып. 24. – 111 с.

Документы личного происхождения, путевые очерки, заметки и мемуары

178. Беляков, И. Е. Переселенец о Сибири / И. Е. Беляков // Рус. богатство. – 1899. – № 3. – С. 1–14.
179. Беркенгейм, А. М. Переселенческое дело в Сибири : (по личным наблюдениям и официальным данным) / А. М. Беркенгейм. – М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. – 61 с.
180. Витте, С. Ю. Воспоминания / С. Ю. Витте. – М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1960. – Т. 1. – 555 с.
181. Гакстгаузен, А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / А. Гакстгаузен. – М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1870. – Т. 1. – XXII, 490 с.
182. Дедлов, В. Л. Переселенцы и новые места : путевые заметки / В. Л. Дедлов. – СПб. : Изд. М. М. Ледерле и К°, 1894. – 201 с.
183. И. Л. Поездка с переселенцами от Нижнего Новгорода до Томска / И. Л. // Русь. – 1883. – № 4. – С. 34–41.
184. Медведев, Н. Н. Переселенцы в Сибири / Н. Н. Медведев. – СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1891. – 68 с.
185. Приговоры и наказы крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. : сборник документов / под ред. В. П. Данилова, А. П. Корелина. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 416 с.
186. Рубакин, Н. А. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди / Н. А. Рубакин. – М. : Типо-литогр. Рус. т-ва печат. и изд. дела, 1915. – 198 с.
187. Свечин, А. А. Отчет о командировке в Сибирь для ознакомления с постановкой переселенческого дела Гласного Черниговского губернского

земского собрания / А. А. Свечин. – СПб. : Тип. Ц. Крайце, 1910. – 99 с.

188. Соколов-Костромской, П. Записки колонизатора Сибири / П. Соколов-Костромской. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1903. – 104 с.

189. Сумкин, М. М. В Сибирь за землею (из Калужской губернии в Семипалатинскую область) : записки ходока / М. М. Сумкин. – М. : Тип. «Печатное дело», 1908. – 61 с.

190. Татищев, А. А. Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921) / А. А. Татищев. – М. : РУССКИЙ ПУТЬ, 2001. – 376 с.

191. Ядринцев, Н. М. Из наблюдений над переселенцами в Западной Сибири летом 1892 г. / Н. М. Ядринцев // Землеведение. – М. : Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1895. – Кн. 4. – С. 59–84.

192. Ядринцев, Н. М. Переселенческие семьи и их дети / Н. М. Ядринцев // Путь-дорога. – СПб. : типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1883. – С. 60–70.

Неопубликованные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

193. Ф. 383 «Первый департамент министерства государственных имуществ». Оп. 8. Д. 7091.

194. Ф. 391 «Переселенческое управление министерства земледелия». Оп. 1. Д. 154, 164, 214, 253, 272, 274, 277, 372, 439, 913; Оп. 2. Д. 2, 5, 13, 20, 21, 56, 83, 104, 110, 154, 358, 407, 629, 658, 689, 716, 723, 802, 803, 1099, 1178, 1206, 1212, 1254, 1373, 1408; Оп. 3. Д. 76, 367, 401, 540, 661, 719, 734, 759, 760, 1300, 1321; Оп. 4. Д. 922, 1237, 1489; Оп. 5. Д. 350, 355; Оп. 6. Д. 76; Оп. 10. Д. 33.

195. Ф. 468 «Кабинет Его императорского величества МИДв». Оп. 23. Д. 626, 627, 947; Оп. 44. Д. 645.

196. Ф. 560 «Общая канцелярия министерства финансов». Оп. 27. Д.37, 77, 79, 82, 107.

197. Ф. 707 «Юзефовичи: Евгения Павловна, урожденная Храмовицкая; ее сыновья – Иосиф Иосифович и Георгий Иосифович, помещики Гродненской, Нижегородской и Новгородской губерний». Оп. 1. Д. 137.
198. Ф. 1158 «Финансовая комиссия государственного совета». Оп. 1. Д. 300.
199. Ф. 1273 «Комитет Сибирской железной дороги». Оп. 1. Д. 13, 14, 35, 49, 301, 365, 390, 392, 437, 473
200. Ф. 1276 «Совет министров». Оп. 6. Д. 406, 409.
201. Ф. 1278 «Государственная дума I, II, III и IV созывов». Оп. 2. Д. 3006.
202. Ф. 1291 «Земский отдел МВД». Оп. 54. Д. 47[а]; Оп. 124. Д. 71.
203. Ф. 1620 «Богданович Евгений Васильевич (1832–1914). Член Совета министра внутренних дел». Оп. 1. Д. 6.

Государственный архив Кемеровской области (ГАКО)

204. Ф. Д-9 «Шестая землеустроительная партия Алтайского округа». Оп. 1. Д. 1.
205. Ф. Д-35 «Податной инспектор Мариинского уезда». Оп. 1. Д. 45.
206. Ф. Д-46. «Крестьянский начальник 3-го участка Мариинского уезда». Оп. 1. Д. 2, 3.
207. Ф. Д-57. «Чертежная главного управления Алтайского округа». Оп. 1. Д. 9, 10, 11, 12, 16, 21, 22, 24, 25, 30, 36, 40, 41, 46, 51, 52, 56, 70, 71.
208. Ф. Д-59 «Первая и вторая землеустроительная партии Алтайского округа». Оп. 1. Д. 4, 28.
209. Ф. Р-768 «Мариинская уездная земская управа». Оп. 1. Д. 2.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)

210. Ф. Д-151 «Документы и материалы по сельскому хозяйству и переселенческому делу в Сибири (коллекция)». Оп. 1. Д. 12.

211. Ф. Р-13 «Земельный отдел Сибревкома». Оп. 1. Д. 114.

Государственный архив Омской области (ГАОО)

212. Ф. 20 «Волостные правления». Оп. 1. Д. 102.
213. Ф. 47 «Крестьянский начальник 8-го участка Тюкалинского уезда Тобольской губернии». Оп. 1. Д. 9.
214. Ф. 48 «Помощник заведующего Тобольским переселенческим районом по Тюкалинскому и Курганскому уездам». Оп. 1. Д. 1, 4.
215. Ф. 98 «Переселенческое управление Тобольского района». Оп. 1. Д. 1[а], 17.
216. Ф. 183 «Тарская поземельно-устроительная и землеотводная партия». Оп. 3. Д. 257, 260, 277, 377, 461.
217. Ф. 354 «Акмолинско-Семипалатинское (Омское) управление земледелия и государственных имуществ». Оп. 1. Д. 3, 6, 7, 8, 1.1
218. Ф. 386 «Чиновник особых поручений Переселенческого управления – заведующий 8-м крестьянским участком Тарского уезда Тобольской губернии». Оп. 1. Д. 28.

Государственный архив Томской области (ГАТО)

219. Ф. 3. «Томское губернское управление». Оп. 2. Д. 1708; Оп. 13. Д. 369, 1221; Оп. 44. Д. 334, 346, 507, 3812, 4000; Оп. 45. Д. 19; Оп. 46. Д. 36, 236, 518, 759, 842, 1102, 1120; Оп. 70. Д. 37, 272.
220. Ф. 196 «Томская губернская казенная палата». Оп. 1. Д. 364, 461, 486, 545, 568, 615, 714; Оп. 15. Д. 2262.
221. Ф. 200 «Податной инспектор 2-го участка Томского уезда». Оп. 1. Д. 1.
222. Ф. 239 «Томский переселенческий район». Оп. 1. Д. 1, 6, 7, 11, 15, 18, 23, 24, 29, 34[б], 47, 51, 56, 57, 61, 93, 115, 123, 129, 131; Оп. 2. Д. 2, 5, 6,

13, 17, 28, 29, 31, 39, 49а, 61, 65, 68, 69, 105; Оп. 3. Д. 7, 11, 15, 31, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 44, 80, 106[а], 108; Оп.4. Д.21, 35, 37, 50, 81, 120, 135, 137, 155, 159, 187, 189, 201, 222, 223, 229, 233, 244; Оп. 8. Д. 3, 14, 19, 25, 27, 28, 51, 53, 77, 103, 114, 171; Оп. 9. Д. 1, 25, 53, 63, 70, 74; Оп. 19. Д. 66[а], 82.

223. Ф. 240 «Управление земледелия и государственных имуществ». Оп. 1. Д. 173, 487, 515, 550, 919; Оп. 2. Д. 17.
224. Ф. 242 «Томское лесничество». Оп. 1. Д. 23.
225. Ф. 244 «Управление Томским имением Алтайского округа ведомства Кабинета императора». Оп. 1. Д. 12.
226. Ф. 315 «Заведующий Алтайским переселенческим подрайоном». Оп. 1. Д. 3.

Государственное учреждение Тюменской области
Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГАТ)

227. Ф. И-3 «Переселенческое отделение Тобольского губернского управления». Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 7, 13, 95, 241, 323, 376, 392, 393, 396; Оп. 2. Д. 4.
228. Ф. И-142 «Крестьянский съезд 15–16 декабря 1905 г. г. Тобольск Тобольской губернии». Оп. 1. Д. 15.
229. Ф. И-152 «Тобольское губернское управление». Оп. 42. Д. 293.
230. Ф. И-185 «Управление земледелия и государственных имуществ Тобольской губернии». Оп. 1. Д. 1, 7, 17, 25, 446[а].
231. Ф. И-332 «Тобольский губернский совет по крестьянским делам Тобольской губернии». Оп. 1. Д. 12, 13, 14, 15, 143, 159, 604; Оп. 2. Д. 3.
232. Ф. И-335 «Отделение по крестьянским делам Тобольского губернского управления». Оп. 1. Д. 53, 54, 604, 614.
233. Ф. И-348 «Крестьянский начальник 3 участка Тобольского уезда». Оп. 1. Д. 47[а].

234. Ф. И-479 «Тобольский губернатор». Оп. 5. Д. 1.
235. Ф. И-534 «Комитет Сибирской железной дороги». Оп. 1. Д. 3, 4.
236. Ф. И-580 «Заведующий поземельно-устроительным и переселенческим делом в Тобольской губернии». Оп. 1. Д. 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 13, 19, 48, 49, 50, 61, 62, 63, 68, 165, 312, 313, 316, 327, 335, 338, 343, 622, 831, 995.

Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГУТО ГАТО)

237. Ф. И-8. «Ишимская уездная поземельно-устроительная партия». Оп.1. Д. 1, 2, 3, 4, 9, 10, 11, 13.
238. Ф. И-48. «Курганско-Ялуторовская поземельно-устроительная партия». Оп. 1. Д. 190, 794, 797, 865.
239. Ф. И-49 «Тюменско-Туринская поземельно-устроительная партия». Оп. 1. Д. 25[б], 66[а], 83, 184, 184а, 268, 433, 536, 770, 780, 797, 846.

Краевое государственное учреждение Государственный архив Алтайского края (КГУ ГААК)

240. Ф. Д-2 «Алтайское горное правление». Оп. 1. Д. 9154, 9250, 9272, 9436, 9506, 9554.
241. Ф. Д-3 «Главное управление Алтайского горного округа». Оп.1. Д. 123, 514, 545, 592, 619, 889, 907, 937; Оп. 2. Д. 70[а].
242. Ф. Д-4 «Главное управление Алтайского округа». Оп. 1. Д. 180, 224, 446, 2158, 2163, 2169, 2177, 2184, 2210, 2215, 2239, 2245, 2247, 2279, 2288, 2325, 2331, 2477, 2530, 2573, 2650, 2701, 2777, 2778, 2785, 2806, 2853, 2939, 2975, 3047, 3157, 3188, 3234, 3291, 3313, 3802, 4091, 5223.

243. Ф. Д-29 «Управление землеустройства Алтайского округа». Оп.1. Д. 374, 386, 391, 409, 581, 604, 686.
244. Ф. Д-67 «Барнаульский переселенческий подрайон Томского переселенческого района». Оп. 1. Д. 19, 100, 129; Оп. 2. Д. 12.
245. Ф. Д-81 «Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества». Оп. 1. Д. 7.
246. Ф. Д-127 «Управляющий Чумышским имением Алтайского округа». Оп. 2. Д. 3.
247. Ф. Д-128 «Алтайская межевая экспедиция Алтайского горного правления». Оп. 1. Д. 43.
248. Ф. Д-148 «Управляющий Змеиногорским имением Алтайского округа». Оп. 1.Д. 2.
249. Ф. Д-153 «Управляющий Сузунским имением Алтайского округа». Оп. 1. Д. 1, 2.
250. Ф. Д-178 «Крестьянский начальник 1 участка Бийского уезда». Оп. 1. Д. 9.
251. Ф. Д-182 «Бащелакское волостное земское правление Томской губернии». Оп. 1. Д. 18.
252. Ф. Д-184 «Крестьянский начальник 2-го участка Бийского уезда». Оп. 1. Д. 242.
253. Ф. Д-194 «Бийский переселенческий подрайон Томского переселенческого района». Оп. 1. Д. 4, 197, 211, 215.

Периодическая печать

254. Вестник Европы. 1880, 1891, 1893, 1894, 1897, 1913, 1914
255. Вестник финансов, промышленности и торговли. 1906.
256. Вопросы колонизации. 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, 1916.
257. Дело. 1878.

258. Записки Восточно-Сибирского отдела императорского русского географического общества по отделению статистики. 1889.
259. Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. 1886.
260. Жизнь Алтая. 1912.
261. Мир божий. 1900.
262. Омский вестник. 1914.
263. Омский телеграф. 1914.
264. Отечественные записки. 1879.
265. Отрезвление. 1914.
266. Русский вестник. 1896.
267. Русская мысль. 1890, 1894.
268. Русская речь. 1882.
269. Русское богатство. 1887, 1894, 1899, 1903.
270. Русь. 1883.
271. Северный вестник. 1891.
272. Северный хозяин. 1914.
273. Сибирский листок: 1908–1911 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю.Л. Мандрики). Тюмень: Мандр и К[а], 2003.
274. Сибирские вопросы. 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912.
275. Статистико-экономические бюллетени. 1916.
276. Труды императорского Вольного экономического общества. 1891.
277. Труды Императорского Московского общества сельского хозяйства. 1893.
278. Юридический вестник. 1887, 1891, 1892.

Электронные источники

279. Фрагмент Послания Президента РФ к Федеральному собранию [Электронный ресурс]: oko-planet.su [web сайт]. URL: http://oko-

planet.su/fail/failvideo/videopolitik/155568-putin-buduschee-rossii-na-dalnem-vostoke-i-v-sibiri.html (дата обращения – 17 мая 2014 г.)

Часть II. Литература

Авторефераты диссертаций

1. Барсуков, В. Л. Сибирские депутаты и аграрно-переселенческий вопрос в государственной думе. 1906–1914 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Барсуков Валерий Лоэнгринович. – Новосибирск, 1990. – 16 с.
2. Баскакова, И. В. Миграционные процессы второй половины XIX – начала XX вв. в контексте правительственной переселенческой политики : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Баскакова Ирина Владимировна. – Горно-Алтайск, 2007. – 23 с.
3. Батурина, Т. В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Батурина Тамара Васильевна. – Новосибирск, 1999. – 26 с.
4. Белянин, Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Белянин Дмитрий Николаевич. – Кемерово, 2003. – 31 с.
5. Бирюков, А. В. Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период (1861–1900) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Бирюков Андрей Владимирович. – Самара, 1999. – 24 с.
6. Бобылева, О. М. Деятельность переселенческих организаций в Восточной Сибири в 1906–1916 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Бобылева Ольга Михайловна. – Иркутск, 2000. – 20 с.
7. Вибе, П. П. Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Вибе Петр Петрович. – Томск, 1989. – 21 с.

8. Горюшкин, Л. М. Развитие капитализма вширь в сибирской деревне периода империализма (1900–1917 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02 / Горюшкин Леонид Михайлович. – Новосибирск, 1975. – 84 с.
9. Горюшкин, Л. М.. Сельское хозяйство и крестьянство Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. …. канд. ист. наук : 07.00.02 / Горюшкин Леонид Михайлович. – Новосибирск, 1964. – 25 с.
10. Дорофеев, М. В. Развитие крестьянского землепользования в Западной Сибири во второй половине XIX века : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02 / Дорофеев Михаил Васильевич. – Томск, 2010. – 45 с.
11. Захарова, Н. В. Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Захарова Наталья Викторовна. – Воронеж, 2004. – 23 с.
12. Карпинец, А. Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896–1916 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Карпинец Алексей Юрьевич. – Кемерово, 2003. – 24 с.
13. Когут, М. Т. Землеустроительные реформы царизма на государственных землях Сибири в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Когут Мария Тарасовна. – Новосибирск, 1984. – 19 с.
14. Коровушкин, Д. Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – начале XXI в. : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.07. / Коровушкин Дмитрий Георгиевич. – Новосибирск, 2009. – 46 с.
15. Минжуренко, А. В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Минжуренко Александр Васильевич. – Томск, 1977. – 19 с.

16. Назаров, А. А. Массовое сознание русского крестьянства в 1905–1917 гг. (на материалах Северо-Запада России) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Назаров Артем Николаевич. – СПб., 2009. – 23 с.
17. Никоненко, Д. В. Переселенческая политика в российском законодательстве 1861–1889 гг. : автореф. дис…канд. ист. наук : 07.00.02 / Никоненко Дмитрий Валентинович. – Новосибирск, 2006. – 24 с.
18. Никулин, П. Ф. Внутренний экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века : автореф. дис. … докт. ист. наук : 07.00.02 / Никулин Петр Федорович. – Томск, 2009. – 49 с.
19. Паклин, М. И. Производственно-хозяйственная деятельность русского крестьянства Алтайского горного округа в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Паклин Михаил Итальевич. – Горно-Алтайск, 1999. – 25 с.
20. Пантелеев, В. И. Земельно-лесное хозяйство казны в Сибири в период капитализма : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Пантелеев Владимир Иванович. – Томск, 1987. – 16 с.
21. Пожарская, К. А. Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Пожарская Ксения Александровна. – Барнаул, 2009. – 23 с.
22. Родигина, Н. Н. Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Родигина Наталья Николаевна. – Новосибирск, 1997. – 23 с.
23. Сафронов, С. А. Столыпинская аграрная реформа в Енисейской губернии (1906–1917 гг.) : автореф. дис. …. канд. ист. наук : 07.00.02 / Сафронов Сергей Алексеевич. – Иркутск, 1996. – 23 с.
24. Секретов, А. А. Переселение государственных крестьян в Тобольскую губернию в 40–50-х годах XIX века : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Секретов Анатолий Андреевич. – Омск, 2000. – 23 с.

25. Скорлупин, Г. Н. Зажиточное крестьянское хозяйство Томской губернии в системе аграрного производства и социальных отношений конца XIX – начала XX вв. : автореф. дис. …. канд. ист. наук : 07.00.02 / Скорлупин Георгий Николаевич. – Барнаул, 2005. – 23 с.
26. Смирнова, В. Е. Организация перевозки переселенцев в России (1881–1914 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Смирнова Вера Ефремовна. – Челябинск, 1998. – 17 с.
27. Соловьева, Е. И. Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Соловьева Екатерина Ивановна. – Томск, 1956. – 17 с.
28. Томилова, Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX века (1865–1899 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Томилова Н. К. – Томск, 1970. – 26 с.
29. Транквилицкая, И. В. Развитие системы земледелия в Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Транквилицкая Илона Викторовна. – Кемерово, 2006. – 18 с.
30. Тюкавкин, В. Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху капитализма : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02 / Тюкавкин Виктор Григорьевич. – М., 1966. – 42 с.
31. Чуркин, М. К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом и этнопсихологическом аспектах : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Чуркин Михаил Константинович. – Омск, 2000. – 27 с.
32. Шапкарин, А. В. Столыпинская аграрная реформа : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02 / Шапкарин Анатолий Васильевич. – М., 1954. – 17 с.

33. Якименко, Н. А. Переселение крестьян Украины на окраины России в период капитализма (1861–1917 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02 / Якимено Николай Андреевич. – Киев, 1989. – 36 с.
34. Якименко, Н. А. Переселенческое движение из Украины в годы столыпинской аграрной реформы (1906–1913 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Якимено Николай Андреевич. – Киев, 1977. – 29 с.

Диссертации

35. Белянин, Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.). : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Белянин Дмитрий Николаевич. – Кемерово, 2003. – 314 с.
36. Карпинец, А. Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896–1916 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Карпинец Алексей Юрьевич. – Кемерово, 2003. – 178 с.
37. Пожарская, К. А. Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Пожарская Ксения Александровна. – Барнаул, 2009. – 292 с.

Статьи и монографии

38. Абрамов, Я. Переселение и частная инициатива / Я. Абрамов // Путь-дорога. – СПб. : Типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1883. – С. 362–375.
39. Аврех, А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех. – М. : Политиздат, 1991. – 286 с.
40. Аграрная наука – сельскому хозяйству : сб. ст. : в 3 кн. : VII Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул : АГАУ, 2012. – Кн. 1. – 545 с.

41. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. – 307 с.
42. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. – М. : Наука, 2004. – 600 с.
43. Александров, В. А. Сельская община в России (XVII – начало XX вв.) / В. А. Александров. – М. : Наука, 1976. – 319 с.
44. Александрова, Е. А. Дорожно-строительные работы на переселенческих участках Сибири как источник для изучения сибирских переселенческих дорог / Е. А. Александрова // Вест. Том. гос. ун-та. История. – 2009. – № 4. – С. 37–42.
45. Алтай, будущая Калифорния России и царствующие на Алтае порядки. – Лейпциг : Тип. Бера и Германна, 1882. – 93 с.
46. Алтайский, Б. Судьбы переселенческих складов в Сибири / Б. Алтайский // Сибирские вопросы. – 1907. – № 31. – С. 21–24.
47. Алферов, М. С. Крестьянство Сибири в 1917 г. / М. С. Алферов. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1958. – 68 с.
48. Американский и сибирский фронтир : сб. ст. / отв. ред. М. Я. Пелипась. – Томск : ТГУ, 1997. – Вып. 2. – 304 с.
49. Ананьев, Д. А. История Сибири конца XVI–XIX вв. в англо- и германоязычной историографии / Д. А. Ананьев. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. – 289 с.
50. Андроников, И. А. Тобольская губерния, как район колонизации / И. А. Андроников. – СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911. – 33 с.
51. Анфимов, А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 / А. М. Анфимов. – М. : Наука, 1980. – 238 с.
52. Анфимов, А. М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) / А. М. Анфимов // Крестьяноведение. Теория. Исто-

рия. Современность : ежегодник, 1996. – М. : Аспект Пресс, 1996. – С. 60–95.

53. Анфимов, А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 / А. М. Анфимов. – М. : Наука, 1984. – 231 с.

54. Анфимов, А. М. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) / А. М. Анфимов, П. Н. Зырянов // История СССР. – 1980. – № 4. – С. 26–41.

55. Асалханов, И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. / И. А. Асалханов. – Новосибирск : Наука, 1975. – 267 с.

56. Асалханов, И. А. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX века / И. А. Асалханов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1963. – 494 с.

57. Афанасьев, П. А. Формирование колонизационного фонда Алтайского округа как фактор изменения земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в регионе / П. А. Афанасьев, К. А. Пожарская // Экономическая история Сибири XX – начала XXI в. : материалы II Всерос. науч. конф. – Барнаул : Академия развлечений, 2009. – С. 79–86.

58. Базыкин, С. С. Сельское хозяйство и заселение / С. С. Базыкин // Северная Азия. – 1929. – № 3. – С. 26–54.

59. Бар, Ф. Коренное преобразование крестьянского хозяйства и общинного землевладения / Ф. Бар. – М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. – 128 с.

60. Бар, Ф. Крестьянское общинное землевладение в аграрном и социально-политическом отношениях / Ф. Бар. – М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. – 43 с.

61. Бар, Ф. Общинное землевладение, малоземелье, переселение и земледельческий, экономический и торговый кризис в России / Ф. Бар. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1886. – 52 с.

62. Барандов, Г. Столыпинская реакция / Г. Барандов. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1938. – 64 с.
63. Барсуков, В. Л. Сибирская парламентская группа и переселенческий вопрос / В. Л. Барсуков // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. – Новосибирск, 1980. – Вып. 1. – С. 83–89.
64. Барыков, С. И. К характеристике земледелия в Алтайском округе / С. И. Барыков. – СПб. : Тип. акц. об-ва «Альфа», 1913. – 135 с.
65. Белоконский, И. Переселение крестьян Орловской губернии в связи с экономическим их положением / И. Белоконский // Юрид. вестн. – 1887. – Т. 26. – С. 150–156.
66. Белянин, Д. Н. Мероприятия правительства по устройству «непричисленных» переселенцев Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. / Д. Н. Белянин // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2011. – № 4. – С. 5–10.
67. Белянин, Д. Н. Основные направления деятельности переселенческих организаций Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) / Д. Н. Белянин // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2009. – №. 4/4. – С. 15–22.
68. Белянин, Д. Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы / Д. Н. Белянин // Рос. история. – 2011. – № 1. – С. 86–95.
69. Белянин, Д. Н. Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX–XX вв. / Д. Н. Белянин // Гуманитар. науки в Сибири. – 2011. – №. 1. – С. 27–30.
70. Белянин, Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.) / Д. Н. Белянин – Кемерово : КузГТУ, 2003. – 176 с.
71. Берг, И. Н. По вопросу о переселении крестьян / И. Н. Берг. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1882. – 22 с.

72. Бродникова, М. С. Дореволюционный период заселения Кемеровской области / М. С. Бродникова // Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири. – Иркутск : [Б. и.], 1975. – С. 171–181.

73. Брусникин, Е. М. Крестьянский вопрос в период политической реакции (80–90-е годы XIX века) / Е. М. Брусникин // Вопр. истории. – 1970. – № 2. – С. 36–47.

74. Бруцкус, Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика / Б. Д. Бруцкус. – Пг. : Право, 1922. – 234 с.

75. Бушаров, Е. А. Военнопленные Первой мировой войны в Тюмени (1914–1920 гг.) / Е. А. Бушаров // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1997. – Тюмень : Тюмен. обл. краеведч. музей им. И. Я. Словцова, 1999. – С. 61–72.

76. В. В. Крестьянская община / В. В. – М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1892. – XXXV, VII, 600, IV с.

77. В. В. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве / В. В. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1892. – VI, 261 с.

78. В. В. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России / В. В. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1907. – 220 с.

79. Васильчиков, А. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах / А. Васильчиков. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1976. – Т. 1. – IV, 1008, V с.

80. Васильчиков, А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах / Васильчиков А. – Изд-е 2. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1881. – Т. 2. – III, 393 с.

81. Васильчиков, А. Сельский быт и сельское хозяйство в России / А. Васильчиков. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1881. – XV, 161 с.

82. Введенский, И. Переселение и аграрный вопрос / И. Введенский // Вопр. колонизации. – 1909. – № 5. – С. 1–78.

83. Введенский, И. По новому пути / И. Введенский // Вопр. колонизации. – 1911. – № 8. – С. 38–71.

84. Вениаминов, П. Крестьянская община / П. Вениаминов. – СПб. : Тип. Д. П. Вайсбрута, 1908. – 259 с.
85. Верещагин, П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.) / П. Д. Верещагин. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978. – 144 с.
86. Вернер, К. Неурожаи и наше сельское хозяйство / К. Вернер // Вестн. Европы. – 1893. – Кн.1, т. 1. – С. 114–144.
87. Вибе, П. П. Политика правительства по оказанию ссудной помощи переселенцам Тобольской губернии в эпоху капитализма / П. П. Вибе // Аграрная политика царизма в Сибири : сб. науч. тр. – Омск : Омск. пед. ин-т, 1988. – С. 62–73.
88. Виноградов, В. Итоги и перспективы (заметки по переселенческому делу) / В. Виноградов // Сиб. вопросы. – 1910. – № 4. – С. 19–23.
89. Витте, С. Ю. Записка по крестьянскому делу / С. Ю. Витте. – СПб. : Тип. «Общественная польза», 1905. – 163 с.
90. Владимиров, В. Н. Демографические и хозяйственные процессы в Томском округе Алтайского горного округа Томской губернии во второй половине XIX в. / В. Н. Владимиров, И. Г. Силина // Российское крестьянство : от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.) : Сб. науч. ст. – Тамбов : изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – Вып. 1. – С. 57–80.
91. Внутренне обозрение // Русское богатство. – 1887. – № 10. – С. 213–225.
92. Волков, В. Т. К вопросу о заселении таежных окраин Томской губернии / В. Т. Волков. – Томск : Тип. В. Г. Прейсман и Н. Я. Беляева, 1896. – 31 с.
93. Волчек, В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета / В. А. Волчек. – Новосибирск : Сибнаучкнига, 2006. – 420 с.

94. Воскресенский, А. Общинное землевладение и крестьянское малоземелье / А. Воскресенский. – СПб. : Тип. и литогр. В. А. Тиханова, 1903. – VI, 207 с.

95. Вощинин, В. П. Колонизационное дело при Кривошеине А. В. / В. П. Вощинин. – Пг. : Екатерининская тип., 1915. – 24 с.

96. Вощинин, В. П. На сибирском просторе. Картины переселения / В. П. Вощинин. – СПб. : Тип. т-ва «Наш век», 1912. – 91 с.

97. Вощинин, В. П. Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва : итоги и перспективы / В. П. Вощинин. – СПб. : Скл. изд. при юрид. кн. скл. «Право», 1912. – 148 с.

98. Вощинин, В. П. Учение о колонизации и переселениях / В. П. Вощинин, И. Л. Ямзин. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1926. – VI, 328 с.

99. Вронский, О. Г. Крестьянство и власть (1900–1923) / О. Г. Вронский. – Тула : Рарус, 1993. – 138 с.

100. Выдрин, А. П. Земельный фонд и колонизация Томской губернии / А. П. Выдрин. – Томск : [Б.и.], 1918. – 34 с.

101. Гешеле, Э. Э. Очерки развития сибирского земледелия / Э. Э. Гешеле. – Омск : Обл. кн. изд-во, 1957. – 107 с.

102. Гинс Г. Переселение и колонизация / Г. Гинс // Вопр. колонизации. – 1913. – № 13. – С. 39–99.

103. Глейнер, А. Сибирь, Америка будущего : по сочинению Джона Фостера Фразера «The Real Siberia» / А. Глейнер. – Киев : Тип. П. Барского, 1906. – 62 с.

104. Головачев, П. Переселенцы в 1893 году / П. Головачев // Вестн. Европы. – 1894. – № 5. – С. 347–360.

105. Головачев, П. Неотложное решение / П. Головачев // Сиб. вопросы. – 1907. – № 3. – С. 3–8.

106. Голубев, П. А. Земледелие / П. А. Голубев // Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского раз-

вития Алтайского горного округа. – Томск : типо-литогр. Михайлова и Макушина, 1890. – С. 43–63.

107. Горбатовский, Ю. Переселенческое дорожно-строительство / Ю. Горбатовский // Сиб. вопросы. – 1907. – № 24. – С. 10–15.

108. Горемыкин, М. И. Аграрный вопрос. Некоторые данные к обсуждению его в Государственной думе / М. И. Горбатовский. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1907. – 171 с.

109. Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука, 1976. – 343 с.

110. Горюшкин, Л. М. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX веков : докл., заслушанный на междунар. науч. конф. историков «Сравнительное изучение экономического развития России и Японии» / Л. М. Горюшкин – Новосибирск : [Б.и.], 1989. – 51 с.

111. Горюшкин, Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука, 1967. – 412 с.

112. Горюшкин, Л. М. Опыт народной агрономии в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / Л. М. Горюшкин, Г. А. Бочанова, Г. А. Ноздрин. – Новосибирск : Наука, Сиб. изд. фирма, 1993. – 263 с.

113. Григорьев, В. Н. Переселение крестьян Рязанской губернии / В. Н. Григорьев. – М. : типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, 1884. – 131 с.

114. Григорьев, В. Ю. Современные условия экономического развития Сибири / В. Ю. Григорьев. – Красноярск : Тип. М. И. Абалакова, 1914. – 19 с.

115. Гурвич, И. А. Переселение крестьян в Сибирь / И. А. Гурвич. – М. : Тип. А. Левенсон и К°, 1889. – X, 144 с.

116. Гурко, В. И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу / В. И. Гурко. – СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1906. – 57 с.

117. Гурьевский, А. Десять лет деятельности лесных складов Переселенческого управления / А. Гурьевский // Вопр. колонизации. – 1914. – № 15. – С. 211–228.

118. Давыдов, М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика / М. А. Давыдов. – СПб. : Алетейя, 2010. – 832 с.

119. Давыдов, М. А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы / М. А. Давыдов // Рос. история. – 2011. – № 1. – С. 56–72.

120. Дамешек, И. Л. Политика государственной колонизации и этнодемографические процессы в Сибири XIX – начала XX вв. / И. Л. Дамешек // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. – С. 92–95.

121. Дамешек, И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : Оттиск, 2002. – 389 с.

122. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций / Н. Я. Данилевский. – М. : Алгоритм, 2014. – 592 с.

123. Данилова, Л. В. Крестьянская ментальность и община / Л. В. Данилова, В. П. Данилов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы междунар. конф. – М. : РОССПЭН, 1996. – С. 22–39.

124. Дашкевич, В. Переселение в Сибирь / В. Дашкевич. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1912. – 84 с.

125. Демьянова, П. К колонизационным вопросам Дальнего Востока / П. Демьянова // Сиб. вопросы. – 1912. – № 13. – С. 17–25.

126. Дорожкин, А. Г. Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германоязычной историографии / А. Г. Дорожкин // Отечеств. история. – 2006. – № 2. – С. 126–129.

127. Дорофеев, М. В. Влияние столыпинской аграрной реформы на крестьянское землепользование в Сибири / М. В. Дорофеев // Вестн. НГУ. Серия : История, филология. – 2007. – Т. 6, вып. 1 : История. – С. 164–168.

128. Дорофеев, М. В. Земельная реформа в Сибири 1896–1916 гг. (аспекты взаимоотношений власти и крестьянства) / М. В. Дорофеев // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 303. – С. 69–73.

129. Дорофеев, М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века / М. В. Дорофеев. – Томск : Том. гос. ун-т, 2009. – 320 с.

130. Дорофеев, М. В. Обратное переселение из Сибири (конец XIX – начало XX в.) : природно-климатический аспект проблемы / М. В. Дорофеев // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2008. – № 309. – С. 75–78.

131. Дорофеев, М. В. Состояние земельного фонда Западной Сибири накануне Столыпинских переселений / М. В. Дорофеев // Аграрное и демографическое развитие России и Сибири в условиях индустриального общества (середина XIX – XX вв.) : материалы Всерос. научн.-практ. конф. – Кемерово: КузГТУ, 2012. – С. 26–32.

132. Дружинин, Н. М. Аграрная реформа 1866 г. и ее последствия / Н. М. Дружинин // Славяне и Россия. – М. : Наука, 1972. – С. 148–163.

133. Дубровский, С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма / С. М. Дубровский. – М. : Наука, 1975. – 398 с.

134. Дубровский, С. М. Столыпинская земельная реформа / С. М. Дубровский. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 599 с.

135. Дубровский, С. М. Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX в. / С. М. Дубровский. – Л. : Прибой, 1925. – 302 с.

136. Дудоладов, А. Очерк переселенческого в Сибирь движения / А. Дудоладов // Зап. Зап.-Сиб. отд. имп. рус. геогр. об-ва. – 1886. – Кн. 8, вып. 1/2. – С. 1–44.

137. Дунин-Горкавич, А. А. К вопросу о возможности сельскохозяйственной культуры в Тобольском севере и о колонизации последнего / А. А. Дунин-Горкавич. – Тобольск : Губ. тип., 1907. – 52 с.

138. Дунин-Горкавич, А. А. Опытное сельскохозяйственное дело на Тобольском севере / А. А. Дунин-Горкавич. – Тобольск : Губ. тип., 1911. – 17 с.

139. Дунин-Горкавич, А. А. Современное состояние сельского хозяйства на Тобольском севере / А. А. Дунин-Горкавич. – Тобольск : Губ. тип., 1908. – 42 с.

140. Дуров, А. Краткий исторический очерк колонизации Сибири / А. Дуров. – Томск : Тип. губ. правления, 1891. – 58 с.

141. Дутчак, Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье» : адаптационные возможности таежных общин староверов-странников / Е. Е. Дутчак. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – 414 с.

142. Духович, А. К вопросу о колонизации тайги : очерк попыток переселений в южной части Мариинско-Чулымской тайги / А. Духович. – Томск : Тип. Г. В. Прейсмана и Н. Я. Беляева, 1896. – 37 с.

143. Духович, А. Сибирская тайга, научный интерес, вызываемый ею, и практическое значение для колонизации / А. Духович. – М. : тип. О. Сомовой, 1901. – 28 с.

144. Егиазарова, Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России / Н. А. Егиазарова. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 192 с

145. Елбачева, Г. А. Землеустройство в Горном Алтае (1911–1913 гг.) / Г. А. Елбачева // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (кон. XIX в. – 1917 г.). – Красноярск : Тип. «Красноярский рабочий», 1982. – С. 54–64.

146. Ермолов, А. С. Наш земельный вопрос / А. С. Ермолов. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1906. – 291 с.

147. Ермолов, А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос / А. С. Ермолов. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1909. – Ч. 1 : Продовольственное дело в прошлом и настоящем. – 598 с.

148. Ермолов, А. С. Неурожай и народное бедствие / А. С. Ермолов. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1892. – 270 с.

149. Ерохина, Е. А. Сибирский вектор внутренней геополитики России / Е. А. Ерохина. – Новосибирск : Ин-т философии и права СО РАН., 2012. – 418 с.

150. Есикова, М. М. Аграрная культура крестьянских хозяйств России в конце XIX – начале XX вв. : факторы и динамика эволюции / М. М. Есикова // Гуманитар. науки в Сибири. – 2013. – № 4. – С. 5–7.

151. Ефимкин, М. М. Сибирское демографическое пространство : формирование, развитие, перспективы / М. М. Ефимкин, В. А. Ламин // Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. – Новосибирск : Параллель, 2010. – Вып. 1. – С. 3–23.

152. Ефремов, П. Н. Столыпинская аграрная политика / П. Н. Ефремов. – М. : Госполитиздат, 1941. – 144 с.

153. Жидков, Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.) / Г. П. Жидков. – Новосибирск : Наука, 1973. – 263 с.

154. Жидков, Г. П. Крестьяне Алтая от февраля к Октябрю (к истории краха Кабинетского землевладения) / Г. П. Жидков // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Наука, 1968. – Вып. 2. – С. 92–110.

155. Жидков, Г. П. Переселенческая политика Кабинета в 1865–1905 гг. / Г. П. Жидков // Вопросы истории Сибири досоветского периода : Бахрушинские чтения, 1969 г. – Новосибирск : Наука 1973. – С. 365–374.

156. Жуковский, В. Л. Статьи по переселенческому вопросу / В. Л. Жуковский. – Полтава : Т-во печ. дела (тип. Б. и А. Дохмана), 1913. – Вып. 1. – 38 с.

157. Загороднюк, Н. И. Депортация населения в годы Первой мировой войны / Н. И. Загороднюк // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея, 1996. – Тюмень : Тюмен. обл. краеведч. музей им. И. Я. Словцова, 1998. – С. 90–99.

158. Запрос, внесенный в Государственную Думу по инициативе сибирской группы депутатов // Сиб. вопросы. – 1907. – № 6. – С. 30–34.

159. Зверев, В. А. Дети – отцам замена : воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.) / В. А. Зверев. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. – 244 с.

160. Зверев, В. А. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность русской православной церкви в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Зверев, Е. В. Караваева // Гуманитар. науки в Сибири. – 2012. – № 1. – С. 59–64.

161. Зырянов, П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. / П. Н. Зырянов. – М. : Наука, 1992. – 256 с.

162. И-ъ. «Великое переселение» и лесная неурядица / И-ъ // Сиб. вопросы. – 1908. – № 29. – С. 34–42.

163. Иванов, С. Заблуждение или фальсификация? / С. Иванов // Сиб. вопросы. – 1906. – №.1. – С. 48–51.

164. Из общественной хроники // Вестн. Европы. – 1893. – Кн. 1, т. 1. – С. 454–471.

165. Ильиных, В. А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. : материалы к монографии / В. А. Ильиных, Г. А. Ноздрин. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2007. – 170 с.

166. Исаев, А. А. Как относятся в Сибири к переселенцам? / А. А. Исаев // Рус. мысль. – 1890. – Кн. 12. – С. 80–90.

167. Исаев, А. А. Переселения в русском народном хозяйстве / А. А. Исаев. – СПб. : Изд-е А. Ф. Цинзерлинга, 1891. – 192 с.

168. Исаев, А. А. Переселение русских крестьян / А. А. Исаев // Социологические исследования. – 1999. – № 9. – С. 3–12.

169. Исаев, А. А. Переселенческое дело с начала 80-х годов / А. А. Исаев. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1895. – 16 с.
170. История земельных отношений и землеустройства / под ред. Н. В. Бочкова. – М. : Гос. изд-во сельскохоз. лит-ры, 1956. – 248 с.
171. История Сибири. – Л. : Наука, 1968. – Т. 3. – 530 с.
172. Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории : коллективная монография / под общ. ред. Я. Г. Солодкина. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2011. – Ч. 6. – 206 с.
173. Итоги переселенческой кампании 1909 г. // Вопр. колонизации. – 1910. – № 6. – С. 347–356.
174. Каблуков, Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. / Н. А. Каблуков. – М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. – XVI, 398, II с.
175. Кабузан, В. Русские в мире / В. Кабузан. – СПб. : БЛИЦ, 1996. – 347 с.
176. Кабытов, П. С. Русское крестьянство : этапы духовного освобождения / П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. – М. : Мысль, 1988. – 237 с.
177. Канищев, В. В. Демографические и социально-экономические последствия переселения тамбовских крестьян на Алтай в 1880–1910-е гг. / В. В. Канищев // Российское крестьянство : от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.) : сб. научных статей. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – Вып. 1. – С. 80–102.
178. Карабанов, Н. Переселение и расселение крестьян / Н. Карабанов. – М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1912. – 89 с.
179. Карпинец, А. Ю. К вопросу о финансировании переселенческого процесса в Томской губернии в годы первой мировой войны / А. Ю. Карпинец // Интеллектуальный и индустриальный потенциал

регионов России : сб. науч. ст. – Кемерово : «Кузбассвузиздат», 2008. – С. 243–247.

180. Карпинец, А. Ю. Система государственного кредитования переселенческой политики в Западную Сибирь в начале XX в. (на примере Томской губернии) /А. Ю. Карпинец // Проблемы истории управления Сибирью конца XVI – начала XX века. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. – С. 64–71.
181. Карпов, Н. И. Аграрная политика Столыпина / Н. И. Карпов. – Л. : Прибой, 1925. – 238 с.
182. Карышев, Н. А. Недоимки окладных сборов в 1888–1894 годах / Н. А. Карышев. – М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. – 33 с.
183. Карышев, Н. А. Подворное и общинное хозяйство /Н. А. Карышев // Рус. богатство. – 1894. – № 1. – С. 45–67.
184. Катунский, С. Желательная будущность неземледельческих окраин Сибири / С. Катунский // Сиб. вопросы. – 1908. – № 35. – С. 5–9.
185. Кауфман, А. А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири / А. А. Кауфман // Северный вестник. – 1891. – № 4. – С. 27–52.
186. Кауфман, А. А. Земельный вопрос и переселение / А. А. Кауфман // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – СПб. : Изд-е А. Ф. Девриена, 1908. – С. 79–140.
187. Кауфман, А. А. Итоги землеустройства сибирских переселенцев за десятилетие 1893–1902 гг. / А. А. Кауфман // На Сибирские темы. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – С. 139–172.
188. Кауфман, А. А. К вопросу о влиянии переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири / А. А. Кауфман // Труды императорского Вольного экономического общества. – 1891. – № 4. – С. 12–34.

189. Кауфман, А. А. К вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и их отношениях к сибирякам-старожилам / А. А. Кауфман // Путь-дорога. – СПб. : Типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1883. – С. 513–530.
190. Кауфман, А. А. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений / А. А. Кауфман. – М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1898. – 49 с.
191. Кауфман, А. А. Община. Переселение. Статистика / А. А. Кауфман. – М. : Изд-е Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. – 472 с.
192. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – IX, 349, 81 с.
193. Кауфман, А. А. Переселение : мечты и действительность / А. А. Кауфман. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. – 37 с.
194. Кауфман, А. А. Сибирское переселение на исходе XIX в. / А. А. Кауфман – СПб. : тип. В. Киршбаума, 1901. – 103 с.
195. Качоровский, К. Крестьянское хозяйство и переселение / К. Качоровский // Рус. мысль. – Кн. 3. – 1894. – С. 19–38.
196. Качоровский, К. Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования) / К. Р. Качоровский. – СПб. : Тип. т-ва «Народная польза», 1900. – 431, 3 с.
197. Кирьяков, В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь / В. В. Кирьяков. – М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. – 370 с.
198. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – Т. 1. Курс русской истории, ч. 1. – 430, [1] с.
199. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003. – 486 с.
200. Ковригин, И. К. По вопросу книги «Правда о переселенческом деле» (А. И. Комарова) / И. К. Ковригин. – Красноярск : Типо-литогр. М. Я. Кохановской, 1913. – 101 с.

201. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. – СПб. : Гос. тип., 1900. – III, IX, 374 с.

202. Комаров, А. И. Правда о переселенческом деле / А. И. Комаров. – СПб. : Тип. Альтшулера, 1913. – 139 с.

203. Коновалов, В. В. Тюмень как перевалочный пункт крестьянских переселений в Сибирь в 80–90-е гг. XIX века / В. В. Коновалов, А. Г. Усольцев // 400 лет Тюмени : история и современность : тез. докл. и сообщ. гор. науч. конф. – Тюмень : Тюменский гос. ун-т, 1986. – С. 22–24.

204. Коровушкин, Д. Г. Латыши и эстонцы в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI в. / Д. Г. Коровушкин. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – 248 с.

205. Коровушкин, Д. Г. Немцы в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI в. / Д. Г. Коровушкин. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 188 с.

206. Коровушкин, Д. Г. Украинцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI в. / Д. Г. Коровушкин. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 248 с.

207. Коровушкин, Д. Г Чуваши в Западной Сибири : расселение и численность в конце XIX – начале XXI в. / Д. Г. Коровушкин. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. – 187 с.

208. Короленко, С. А. Обзор экономического положения России в сельскохозяйственном и промышленном отношении / С. А. Короленко. – СПб. : Типо-литогр. И. В. Цветкова, 1895. – 27, 38, 33, 21 с.

209. Котова, Е. А. Надельное землевладение крестьян различных разрядов Центрального Черноземья во второй половине XIX века / Е. А. Котова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия : История. Политология. Социология. – 2007. – № 2. – С. 96–110.

210. Котович, Л. В. «Природа не только существует, но и меняется»: к характеристике экологического сознания (по материалам сибирских сельскохозяйственных журналов начала XX века) / Л. В. Котович // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках : сб. материалов междунар. науч. конф. – Новосибирск : Параллель, 2011. – С. 197–201.

211. Крестовников, Г. А. Могут ли быть переделы надельной земли крестьян после окончания выкупной операции? / Г. А. Крестовников. – М. : Тип. Д. Черышева и Н. Кобелькова, 1908. – 23 с.

212. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск : Наука, 1983. – 400 с.

213. Кривошеин, К. А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора / К. А. Кривошеин. – М. : Моск. рабочий, 1993. – 263 с.

214. Кротт, И. И. Изменение образа жизни сибирского крестьянства в условиях трансформации локального сообщества (конец XIX – начало XX века) / И. И. Кротт // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. – Омск : изд-во ОмГПУ, 2011. – Вып. 2. – С. 26–42.

215. Кузнецов, В. Экономическое положение переселенцев в Сибири / В. Кузнецов // Вестн. Европы. – 1914. – № 11. – С. 317–333.

216. Кузнецов, В. Экономические результаты переселения в Сибирь и Степной край / В. Кузнецов // Вопр. колонизации. – 1907. – № 2. – С. 69–83.

217. Куртеев-2-й, К. Последние меры для упорядочения переселенческого движения / К. Куртеев-2-й // Сиб. вопросы. – 1908. – № 23. – С. 6–13.

218. L. Чиновничья логика / L. // Сиб. вопросы. – 1907. – № 27. – С. 2–3.

219. Л. Ч. Невыгодность ходачества / Л. Ч. // Сиб. вопросы. – 1908. – № 2. – С. 16-18.

220. Ленин, В. И. Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 16. – С. 195–413.
221. Ленин, В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 17. – С. 57–137.
222. Ленин, В. И. Еще к вопросу о теории реализации / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 4. – С. 67–87.
223. Ленин, В. И. Еще о переселенческом деле / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 23. – С. 153–154.
224. Ленин, В. И. Значение переселенческого дела / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 23. – С. 103–109.
225. Ленин, В. И. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 23. – С. 260–277.
226. Ленин, В. И. О выборах в IV Государственную думу / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 138–141.
227. Ленин, В. И. Об оценке текущего момента / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 17. – С. 271–284.
228. Ленин, В. И. Переселенческий вопрос / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 325–336.
229. Ленин, В. И. Письмо М. А. Ульяновой 2 марта 1897 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 55. – С. 22–24.
230. Ленин, В. И. По поводу двух писем / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 17. – С. 290–307.
231. Ленин, В. И. Развитие капитализма в России / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 3. – С. 1–609.
232. Ленин, В. И. Столыпин и революция / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 20. – С. 324–333.
233. Липинская, В. А. Старожилы и переселенцы. русские на Алтае. XVIII – начало XX века / В. А. Липинская. – М. : Наука, 1996. – 269 с.
234. Лыкошин, Н. С. Переселение и переселенцы / Н. С. Лыкошин. – Самарканд : Типо-литогр. Н. В. Полторанова, 1892. – 73 с.

235. Любавский, М. К. Историческая география России в связи с колонизацией / М. К. Любавский. – СПб. : Лань, 2000. – 304 с.

236. Макарчук, С. В. Переселенческая политика П. А. Столыпина на Дальнем Востоке (1906–1910 гг.) / С. В. Макарчук // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения П. А. Столыпина. – Омск : Омск. гос. ун-т, 1997. – С. 183–186.

237. Малахинов, П. И. О двух типах аграрной эволюции в России / П. И. Малахинов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962. – 440 с.

238. Марков, Е. Обетованные земли (к вопросу о крестьянских переселений) / Е. Марков // Русская речь. – 1882. – Кн. 3. – С. 231–304.

239. Марусин, С. Переселенческое движение на Алтай / С. Марусин // Северный вестник. – 1891. – № 7. – С. 21–52.

240. Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – начало XX в.) / Н. Н. Аблажей [и др.]. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2010. – 206 с.

241. Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888–92 годах // Алтайский сборник. – Томск : Паровая типо-литогр. П. И. Макушина, 1894. – Вып. 1. – С. 241–273.

242. Мертваго, А. П. О разработке пустошей во Франции и у нас / А. П. Мертваго. – СПб. : Тип. В. Демакова, 1888. – 35 с.

243. Миграции населения Азиатской России : конец XIX – начало XXI вв. – Новосибирск : Параллель, 2011. – 392 с.

244. Минжуренко, А. В. Непричисленные переселенцы Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / А. В. Минжуренко // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1978. – С. 40–70.

245. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империализма (XVIII – начало XX вв.) : в 2-х т. / Б. Н. Миронов. – 2-е изд., испр. – СПб. : Дмитрий Булавин, 2000. – Т. 1. – 548 с.

246. Миславский, Н. Поземельная община в России: опыт историко-критического очерка взглядов на происхождение, развитие и типы русской поземельной общины / Н. Миславский. – Изд. 2-е, испр. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 104 с.

247. Модоров, Н. С. Горный Алтай в пореформенный период / Н. С. Модоров. – Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. от-ние, 1990. – 119 с.

248. Муганский, В. Вопросы колонизации в IV Государственной Думе / В. Муганский // Вопр. колонизации. – 1913. – № 13. – С. 1–38.

249. Мукаева, Л. Н. Земельная политика на Алтае в 60–90 гг. XIX в. / Л. Н. Мукаева // Горный Алтай : история, современность, перспективы : сб. науч. ст. – Горно-Алтайск : РИО, 2003. – С. 39–46.

250. Н-нъ. Опасности для переселенцев в Степном крае / Н-нъ // Сиб. вопросы. – 1907. – № 8. – С. 1–7.

251. Нагнибеда, В. Я. Не приписанные переселенцы Томской губернии в 1910 году / В. Я. Нагнибеда // Вопр. колонизации. – 1912. – №. 11. – С. 283–298.

252. Начальник Сибирской железной дороги о положении переселенцев // Сиб. вопросы. – 1907. – № 27. – С. 26-28.

253. Нефедов, С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции / С. А. Нефедов. – Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2009. – 209 с.

254. Никулин, П. Ф. Особенности аграрной колонизации Сибири и Северной Америки во второй половине XIX – начале XX в. / П. Ф. Никулин // Американский и Сибирский фронтир : материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)» 4–6 октября 1996 г. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1997. – Американские исследования в Сибири; Вып. 2. – С. 54–58.

255. Никулин, П. Ф. Особенности социального управления российской цивилизации XVI – начала XX в. / П. Ф. Никулин // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – № 380. – С. 97–101.

256. Никулин, П. Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. / П. Ф. Никулин. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2009. – 384 с.

257. Ноздрин, Г. А. Ведомственная благотворительность в Сибири в XIX – начале XX в. (опыт взаимодействия государства и общества) / Г. А. Ноздрин // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв. : материалы VI Всерос. науч. конф. – Новосибирск : НГУЭУ, 2006. – С. 179–183.

258. Ноздрин, Г. А. Заселение Енисейской губернии в период капитализма / Г. А. Ноздрин // Социально-культурное развитие Сибири : Бахрушинские чтения, 1991 г. : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1990. – С. 34–44.

259. Ноздрин, Г. А. Историографические и теоретические аспекты проблемы миграций населения Сибири в период капитализма / Г. А. Ноздрин // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма : историография проблемы. – Новосибирск : Наука, 1988. – С. 243–251.

260. Ноздрин, Г. А. Материалы обследований переселенцев и переписи населения в Сибири в дооктябрьский период / Г. А. Ноздрин // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. – Новосибирск : Наука, 1988. – С. 121–134.

261. Ноздрин, Г. А. Сроки и механизмы адаптации переселенцев в Сибири в конце XIX – начале XX века / Г. А. Ноздрин // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах : сб. науч. тр. – Новосибирск : Сибнаучиздат, 2007. – Вып. 2. – С. 20–38.

262. Ноздрин, Г. А. Хозяйственное и социокультурное развитие русской сибирской деревни в начале XX в. / Г. А. Ноздрин // Русский этнос в Сибири в XX веке : сб. науч. тр. – Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2004. – С. 90–113.

263. Общие итоги переселенческой кампании 1911 г. // Вопр. колонизации. – 1912. – № 10. – С. 378–381.

264. Общинное землевладение в сельскохозяйственном отношении // Труды Императорского Московского общества сельского хозяйства. – 1893. – Вып. 37. – С. 1–55.

265. Овсянкин, И. Колонизация и переселенческое дело / И. Овсянкин // Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. – Томск : типо-литог. Михайлова и Макушина, 1890. – С. 327–360.

266. Огановский, Н. П. Аграрная эволюция в России после 1905 г. / Н. П. Огановский. – М. : Тип. т-ва Рябушинских, 1917. – 100 с.

267. Огановский, Н. П. Закономерность аграрной эволюции / Н. П. Огановский. – Саратов : Электро-типо-литогр. Б. Л. Рабинович, 1914. – Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. – 335 с.

268. Огановский, Н. П. Очерки по аграрному вопросу. Очерк 1 : малоземелье. Рост городов и сел. Переселенческое движение / Н. П. Огановский // Вестн. Европы. – 1913. – Кн. 9. – С. 274–310.

269. Огановский, Н. П. Революция наоборот (разрушение общины) / Н. П. Огановский. – Пг. : Задруга, 1917. – 102 с.

270. Оланьон, К. Сибирь и ее экономическая будущность / К. Оланьон. – СПб. : Просвещение, 1903. – X, 252 с.

271. Омельченко, А. В Сибирь за землей и счастьем / А. Омельченко // Мир божий. – 1900. – № 8. – С. 1–24.

272. Остафьев, В. Возможно ли при существующих знаниях и данных о Сибири определить количество свободных, годных и удобных земель для колонизации / В. Остафьев. – Омск : [Б.и.], 1895. – 32 с.

273. Остафьев, В. Переселенцы в Сибири / В. Остафьев // Юрид. вестник. – 1891. – Т. 8, кн. 1/2. – С. 111–137, 397–436.

274. Островский, И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма / И. В. Островский. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. – 311 с.

275. Островский, И. В. П. А. Столыпин и его время / И. В. Островский. – Новосибирск : Наука, 1992. – 144 с.

276. Островский, Л. К. Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX–XX вв. / Л. К. Островский // Гуманитар. науки в Сибири. – 2009. – № 2. – С. 38–40.

277. П. Г. Близкая опасность / П. Г. // Сиб. вопросы. – 1907. – № 6. – С. 1–3.

278. П. Д. Русский социализм и общинное землевладение / П. Д. – М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1899. – 177 с.

279. Пантелеев, В. И. Влияние переселенческой и землеустроительной политики царизма на развитие земельно-лесного хозяйства казны в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. / В. И. Пантелеев // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. – Иркутск : Иркутский гос. пед. ин-т, 1987. – С. 142–168.

280. Пантелеев, В. И. Столыпин ехал по Сибири: исторические очерки и заметки / В. И. Пантелеев. – Красноярск : Красноярский писатель, 2003. – 156 с.

281. Переселение в Алтайский округ. – Барнаул : Типо-литогр. упр. Алт. округа, 1912. – 31 с.

282. Пестржецкий, Д. Заселение окраин / Д. Пестржецкий. – СПб. : Тип. газеты «Россия», 1908. – 55 с.

283. Пешехонов, А. В. Земельные нужды деревни (по работам сельскохозяйственных комитетов) / А. В. Пешехонов // Рус. богатство. – 1903. – № 11. – С. 110–130.

284. Пожарская, К. А. Землеустройство столыпинских переселенцев в алтайском округе и арендное хозяйство Кабинета / К. А. Пожарская // Алтайская деревня в первой половине XX века : сб. науч. ст. – Барнаул : Азбука, 2007. – С. 65–71.

285. Пожарская, К. А. Оценка колонизационных возможностей Алтайского округа экспертами конца XIX – начала XX в. / К. А. Пожарская // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века : материалы III Всерос. науч. конф. – Барнаул : АКИПРО, 2012. – Т. 1. – С. 194–198 с.

286. Пожигайло, П. А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911) / П. А. Пожигайло. – М. : РОССПЭН, 2007. – 240 с.

287. Покшишевский, В. В. Заселение Сибири / В. В. Покшишевский. – Иркутск : Обл. гос. изд-во, 1951. – 208 с.

288. Полторанин, И. А. Аграрно-переселенческая концепция А. А. Кауфмана / И. А. Полторанин // Материалы X научной конференции профессорско-преподавательского состава. – Усть-Каменогорск, 1969. – С. 14–16.

289. Попов, Е. В. Особенности процессов заселения и освоения переселенцами Тарского уезда во второй половине XIX – начале XX века / Е. В. Попов // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. – Вып. 2. – С. 95–99.

290. Побережников, И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы / И. В. Побережников // Экономическая история : Обозрение. – М., 2002. – Вып. 8. – С. 146–168.

291. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М. : РОССПЭН, 2006. – 240 с.

292. Посников, А. Общинное землевладение / А. Посников. – 2 изд. – Одесса : Тип. Ульриха и Шульце, 1878. – Вып. 1. – X, 153, 7 с.

293. Пронин, В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв. / В. И. Пронин // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск : НГУ, 1984. С. 88–102.

294. Пронин, В. И. Роль государства в развитии переселенческого движения крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX в. / В. И. Пронин // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Новосибирск : НГУ, 2003. – С.76–80.

295. Пронин, В. И. Роль государства в развитии производительных сил Сибири конца XIX – начала XX в. / В. И. Пронин // Моя Сибирь : Вопросы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2002. – С. 34–52.

296. Пругавин, В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей / В. С. Пругавин. – М. : Тип. И. Н. Кушнерева и К°, 1888. – X, 297 с.

297. Пругавин, В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей / В. С. Пругавин. – Изд. 2. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 312 с.

298. Разгон, В. Н. Факторы хозяйственной адаптации крестьян-переселенцев периода столыпинских реформ в Алтайском округе / В. Н. Разгон // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в. : материалы II Всерос. науч. конф. – Новосибирск : [Б.и.], 2014. – С. 32–36.

299. Разгон, В. Н. Столыпинская аграрная реформа и Алтай / В. Н. Разгон, А. А. Храмков, К. А. Пожарская. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 278 с.

300. Разгон, В. Н. Столыпинские мигранты в Алтайском округе : переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адапта-

ция: монография / В. Н. Разгон, А. А. Храмков, К. А. Пожарская. – Барнаул : АЗБУКА, 2013. – 348 с.

301. Рашин, А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : статистические очерки / А. Г. Рашин. – М. : Госстатиздат, 1956. – 352 с.

302. Резун, Д. Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. : общее и особенное / Д. Я. Резун. – Новосибирск : РИПЭЛ, 2005. – 127 с.

303. Резун, Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века : фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск : Сова, 2005. – 196 с.

304. Ремнев, А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с.

305. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. / А. В. Ремнев. – Омск : Омск. ун-т, 1997. – 253 с.

306. Риттих, А. А. Зависимость крестьян от общины и мира / А. А. Риттих. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1903. – 217 с.

307. Риттих, А. А. Крестьянский правопорядок / А. А. Риттих. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. – 447 с.

308. Риттих, А. А. Крестьянское землепользование / А. А. Риттих. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1903. – 126 с.

309. Риттих, А. Ф. Переселения / А. Ф. Риттих. – Харьков : Типо-литогр. окружного штаба, 1882. – II, 90 с.

310. Рогалина, Н. Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века / Н. Л. Рогалина // Вопр. истории. – 2004. – № 7. – С. 10–22.

311. 556. Родигина, Н. Н. «Другая Россия» : образ Сибири в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начала XX века / Н. Н. Родигина. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. – 343 с.

312. Родигина, Н. Н. «Земля обетованная» или «каторжный рай» : Сибирь в восприятии крестьян Европейской России второй половины XIX в. / Н. Н. Родигина // Моя Сибирь : вопросы региональной истории и исторического образования : Сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2002. – С. 24–33.

313. Розенберг, В. Из хроники крестьянского дела / В. Розенберг // Очерки по крестьянскому вопросу. – М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1904. – Вып. 1. – С. 1–227.

314. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск : Параллель, 2009. – 403 с.

315. Романов, Н. Переселение крестьян Вятской губернии / Н. Романов. – Вятка : тип. Куклина, 1880. – 336, 132 с.

316. С. Ф. Очерк колонизационного движения в Акмолинскую область / С. Ф. // Рус. богатство. – 1894. – № 2. – С. 190–217.

317. Саблер, С. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем / С. В. Саблер, И. В. Сосновский. – СПб. : Гос. тип., 1903. – VII, II, 451 с.

318. Савицкий, П. Сметы Переселенческого управления в период III Государственной Думы / П. Савицкий // Вопр. колонизации. – 1916. – № 19. – С. 19–59.

319. Селунская, Н. Б. Россия на рубеже XIX–XX веков (в трудах западных историков) / Н. Б. Селунская. – М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. – 68 с.

320. Семенникова, Л. И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России / Л. И. Семенникова // История России: Теоретические проблемы. – М. : Наука, 2002. – Вып. 1 : Российская цивилизация : опыт исторического и междисциплинарного изучения. – С. 32–35.

321. Серповский, Н. Переселения в России в древнее и новое время и их значение в хозяйстве страны / Н. Серповский. – Ярославль : Типо-литогр. Г. В. Фальк, 1885. – V, 182 с.

322. Сидельников, С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма / С. М. Сидельников. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 287 с.

323. Силина, И. Г. Динамика и интенсивность миграционных процессов во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Алтайского округа / И. Г. Силина // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. : сб. науч. ст. – Барнаул : [Б.и.], 2004. – Вып. 2. – С. 3–11.

324. Симонова, М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой русской революции / М. С. Симонова. – М. : Наука, 1987. – 253 с.

325. Симонова, М. С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX – начале XX в. / М. С. Симонова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – С. 424–434.

326. Скалозубов, Н. Л. Новые правила выдачи ссуд переселенцам / Н. Л. Скалозубов // Сиб. вопросы. – 1912. – № 15. – С. 79–83.

327. Скалозубов, Н. О почвенных исследованиях в Сибири / Н. Скалозубов // Сиб. вопросы. – 1911. – № 1. – С. 16–19.

328. Скалозубов, Н. Об агрономических исследованиях незаселенных пространств Сибири / Н. Скалозубов // Сиб. вопросы. – 1908. – № 3–4. – С. 51–52.

329. Скалозубов, Н. Сельское хозяйство в Тобольской губернии : (извлечение из отчета за время с 1 мая по 1 сентября 1894 года) / Н. Скалозубов. – СПб. : Тип. В. Демакова, 1895. – 29 с.

330. Скворцов, П. Распределение крестьянской поземельной собственности в Европейской России и падающие на землю платежи / П. Скворцов // Юрид. вестник. – 1892. – Т. 10, кн. 4. – С. 603–617.

331. Скляров, Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляров. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 588 с.

332. Скляров, Л. Ф. Создание колонизационного земельного фонда на свободных государственных и Кабинетских землях Сибири в 1907–1914 гг. / Л. Ф. Скляров // Вопросы истории Сибири : Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – Л., 1961. – Т. 222. – С. 5–66.

333. «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / под ред. О. Н. Бахтиной, В. Н. Сырова, Е. Е. Дутчак. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 218 с.

334. Сластухин, Ф. Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири до революции / Ф. Сластухин, Г. Чешихин // Северная Азия. – 1930. – № 1/2. – С. 56–75.

335. Современное положение переселенческого дела и его нужды // Вопр. колонизации. – 1908. – № 2. – С. 147–238.

336. Соколов, А. И. Земельный фонд сибирской тайги и значение его для колонизации / А. И. Соколов. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. – 40 с.

337. Соколов, П. И. Переселение и его задачи / П. И. Соколов // Отрезвление. – 1914. – № 1. – Вып. 4. – С. 1–20.

338. Соловьев, С. М. Сочинения : 18 кн. / С. М. Соловьев – М. : Мысль, 1988. – Кн. 1. – 797, [1] с.

339. Соловьев, В. Ю. Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы / В. Ю. Соловьев. – Саратов : Сарат. гос. соц.-экон. ун-т, 2008. – 296 с.

340. Степанов, В. Л. Н. Х. Бунге и вопросы переселенческой политики в 80–90-е годы XIX века / В. Л. Степанов // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. – Иркутск : Иркутский гос. пед. ин-т, 1987. – С. 103–123.

341. Степынин, В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В. А. Степынин. – Красноярск : Краснояр. гос. пед ин-т, 1962. – 561 с.

342. Сухотина, Л. Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Томской губернии) / Л. Г. Сухотина // Вопросы истории Сибири. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1965. – Вып. 2. – С. 61–73.

343. Тафинцев, Д. Ю. Социально-экономическое положение крестьянского сословия во второй половине XIX в. / Д. Ю. Тафинцев // Российское крестьянство : от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.) : сб. научн. ст. – Тамбов : изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – Вып. 1. – С. 31–39.

344. Тернер, Ф. Государство и землевладение / Ф. Тернер. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1896. – Ч. 1. – 349 с.

345. Тернер, Ф. Государство и землевладение / Ф. Тернер. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1901. – Ч. 2. – 422 с.

346. Тернер, Ф. Г. Переселенческое дело / Ф. Г. Тернер // Вестн. Европы. – 1897. – Кн. 3, т. 2. – С. 75–118.

347. Тихонов, Б. В. Переселение в России во второй половине XIX в. : по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики / Б. В. Тихонов. – М. : Наука, 1978. – 213 с.

348. Тихонов, Б. В. Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. / Б. В. Тихонов // История СССР. – 1977. – № 1. – С. 109–121.

349. Тихонов, Т. Письма о переселенцах в Сибири. Письмо второе / Т. Тихонов // Рус. вестник. – 1896. – Т. 243. – С. 324–328.

350. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории : сборник / А. Дж. Тойнби. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 592 с.

351. Толочко, А. П. Проблемы хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока в реформаторской деятельности П. А. Столыпина /

А. П. Толочко // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения П. А. Столыпина. – Омск : Омск. гос. ун-т, 1997. – С. 34–39.

352. Томилова, Н. К. Переселение крестьян в Алтайский округ (1865–1899 гг.) / Н. К. Томилова // Вопросы истории Сибири. – Томск : Изд-во ТГУ, 1967. – Вып. 3. – С. 71–88.

353. Трувеллер, Б. Лесные склады Переселенческого управления / Б. Трувеллер // Вопр. колонизации. – 1909. – № 5. – С. 300–313.

354. Турчанинов, Н. Земельное обеспечение переселенцев и ликвидация ими надельной земли на родине / Н. Турчанинов // Вопр. колонизации. – 1913. – № 12. – С. 244–265.

355. Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. – М. : Памятники исторической мысли, 2001. – 303 с.

356. Тюкавкин, В. Г. Влияние столыпинской аграрной реформы на русское крестьянство / В. Г. Тюкавкин // Вестн. РГНФ. – 2001. – № 1. – С. 29–34.

357. Тюкавкин, В. Г. Организация переселений крестьян в Восточную Сибирь в 1906–1910 гг. / В. Г. Тюкавкин // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. 1958. – Вып. 16. – С. 105–140.

358. Тюкавкин, В. Г. Сибирская деревня накануне Октября / В. Г. Тюкавкин. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 472 с.

359. Тюкавкин, В. Г. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX в. / В. Г. Тюкавкин // Ученые записки Иркутского государственного педагогического университета. 1961. – Вып. 18. – С. 3–27.

360. Тютькин, В. И. Освоение переселенцами земель Алтая в 1907–1914 гг. / В. И. Тютькин // Алтай в прошлом и настоящем. – Барнаул : Арх. отд. Алт. крайисполкома, 1987. – С. 93–95.

361. Тютькин, В. И. Социально-экономическое и правовое положение неприписанных переселенцев на Алтае в 1907–1914 гг. / В. И. Тютькин // 250 лет горного производства на Алтае. – Барнаул: [б.и.], 1977. – С. 73–77.

362. Украинский, В. Крестьянская община и аграрная реформа / В. Украинский. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1907. – 117 с.

363. Уманец, Ф. М. Колонизация свободных земель России / Ф. М. Уманец. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1884. – 243 с.

364. Ус, Л. Б. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги: к постановке вопроса / Л. Б. Ус // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею профессора Е. И. Соловьевой) : материалы регион. науч.-практ. конф. – Новосибирск: НГПУ, 2004. – С. 152–154.

365. Ус, Л. Б. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по организации переселений / Л. Б. Ус // Сибирский плавильный котел : социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начале XX в. : сб. науч. ст. – Новосибирск : Сибирский Хронограф, 2004. – С. 196–215.

366. Ус, Л. Б. Комитет Сибирской железной дороги : комплексный подход к организации переселений / Л. Б. Ус // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв. : материалы VI Всерос. науч. конф. Новосибирск : НГУЭУ, 2006. – С. 246–251.

367. Ус, Л. Б. Проблема влияния переселений на изменение ментальности крестьянства / Л. Б. Ус // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Новосибирск : НГУ, 2003. – С. 92–95.

368. Усков, И. Ю. Кемерово : формирование территории и населения областного центра / И. Ю. Усков. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. – 81 с.

369. Ухтубужский, П. Русский народ в Азии / П. Ухтубужский. – СПб. : Типо-литогр. т-ва «Свет», 1913. – 99 с.

370. Федорова, Е. Д. Переселенческая политика царизма в конце XIX – начале XX вв. (к вопросу о правительственных мероприятиях по организации хозяйственной помощи новоселам Иркутской губернии) / Е. Д. Федорова // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. – Иркутск : Иркутский гос. пед. ин-т, 1987. – С. 123–141.

371. Фоминых, С. Ф. П. А. Столыпин в Томске / Я. Ф. Фоминых // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2012. – № 1. – С. 19–24.

372. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII –XX вв. : общее и особенное : сб. ст. / отв. ред. Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик. – Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 2001. – Вып. 1. – 113 с.

373. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII –XX вв. : общее и особенное : сб. ст. / отв. ред. Д. Я. Резун. – Новосибирск : Изд-во РИПЭЛ плюс, 2002. – Вып. 2. – 94 с.

374. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII –XX вв. : общее и особенное : сб. ст. / отв. ред. Д. Я. Резун. – Новосибирск : Изд-во РИПЭЛ плюс, 2003. – Вып. 3. – 128 с.

375. Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI века / В. А. Ильиных [и др.]. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2012. – 256 с.

376. Храмков, А. А. Земельная реформа в Сибири (1896–1916) и ее влияние на положение крестьян : учеб. пособие / А. А. Храмков. – Барнаул : Алт. гос. ун-т, 1994. – 92 с.

377. Храмков, А. А. Земельное обеспечение крестьян Алтайского округа в конце XIX – начале XX вв. : переселенческие аспекты / А. А. Храмков // История. Карта. Компьютер : Сб. науч. ст. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 136–139.

378. Храмков, А. А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. / А. А. Храмков. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 328 с.

379. Храмков, А. А. Обзор современных дискурсов по истории столыпинских реформ в Сибири / А. А. Храмков // Алтайская деревня в первой половине XX века : сб. науч. ст. – Барнаул : Азбука, 2007. – С. 3–42.

380. Храмков, А. А. Поземельное устройство крестьян Томской губернии в 1908–1916 гг. / А. А. Храмков // Труды Алтайского политехнического института им. А. А. Ползунова. – Барнаул, 1972. – Вып. 20 : Общественные науки. – С. 148-162.

381. Храмков, А. А. Сёла Ирбизино, Веселовское и Белое Новосибирской области в начале XX в. (по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г.) / А. А. Храмков // Моя Сибирь : вопросы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2002. – С. 65–80.

382. Храмков, А. А. Сравнительно-исторический очерк о переселенческих селах Алтайской губернии (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) / А. А. Храмков // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. : сб. науч. ст. – Барнаул : [Б.и.], 2004. – Вып. 2. – С. 12–33.

383. Хроника // Сиб. вопросы. – 1908. – № 23. – С. 80–91.

384. Хроника внутренней жизни. Комиссия «об оскудении центра», ее занятия и исход их // Рус. богатство. – 1903. – № 11. – С. 182–203.

385. Худяков, В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В. Н. Худяков. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. – 266 с.

386. Чернуха, В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. / В. Г. Чернуха. – Л. : Наука, 1978. – 248 с.

387. Чернуха, В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX века) / В. Г. Чернуха. – Л. : Наука, 1972. – 225 с.

388. Чернышев, И. В. Задача Государственной Думы в области реформы крестьянского права / И. В. Чернышев // Крестьянское право и общи-

на пред Государственной думой : к ликвидации законодательства по 87 статье. – СПб. : Дело, 1907. – С. 5–41.

389. Чернышев, И. В. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. / И. В. Чернышев. – СПб. : Северная печатня, 1911. – X, VIII, 85 с.

390. Чернышев, И. В. Откуда пошла крестьянская бедность в России (к аграрному вопросу) / И. В. Чернышев. – Пг. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1917. – 43 с.

391. Чернышев, И. Крестьянское право и община перед Государственной думой. К ликвидации законодательства по 87 статье / И. Чернышев, А. Лосицкий, П. Маслов. – СПб. : Дело, 1907. – 88 с.

392. Чиркин, Г. Ф. Земельные нужды переселенцев и меры их удовлетворения / Г. Ф. Чиркин // Вопр. колонизации. – 1908. – № 2. – С. 239–261.

393. Чиркин, Г. Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX – начала XX века / Г. Ф. Чиркин // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. – Пг. : 28-ая гос. тип., 1922. – Вып. 2. – С. 83–136.

394. Чупров, А. И. Мелкое землевладение в России и его основные нужды / А. И. Чупров. – М. : Тип. «Русских Ведомостей», 1904. – 62 с.

395. Чуркин, М. К. Архетипические черты психологии русского крестьянства и их роль в формировании миграционных настроений в традиционном обществе (вторая половина XIX – начало XX века) / М. К. Чуркин // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. – Вып. 2. – С. 192–199.

396. Чуркин, М. К. О соотношении экономических и психологических причин в принятии решений о переселении в Сибирь крестьян Европейской России в пореформенный период / М. К. Чуркин // Проблемы историографии и истории : сб. научн. ст. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 74–79.

397. Чуркин, М. К. Об особенностях аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях Европейской России и возможных путях его

преодоления во второй половине XIX – начале XX вв. / М. К. Чуркин // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2006. – Вып. 1. – Серия : Гуманитарные науки (история). – С. 29–35.

398. Чуркин, М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации / М. К. Чуркин. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. – 376 с.

399. Чуркин, М. К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири : природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX – начале XX вв.) : учеб. пособие / М. К. Чуркин. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. – 116 с.

400. Чуркин, М. К. Переселенческое движение в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. : опыт альтернативного прочтения [электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета : гуманитарные науки. Электрон. науч. журн. Электрон. дан. 2006. – Омск. – url : http://www.omsk.edu/volume/2006/human/ [дата обращения 23.02.2014]

401. Шевченко, Н. П. К вопросу о переселенческой политике государства во второй половине XIX в. / Н. П. Шевченко // Вестн. Том. гос. ун-та. – История. – 2009. – № 4. – С. 27–30.

402. Шелегина, О. Н. Ф.-К. Кокен о проблемах миграций и адаптации крестьянского населения в Западной Сибири в XIX в. / О. Н. Шелегина // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. – Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 71–82.

403. Шелгунов, Н. В. Переселение и наше земледелие / Н. В. Шелгунов // Дело. – 1878. – № 9/10. – С. 129–166.

404. Шиловский, М. В. Аграрная реформа П. А. Столыпина и Сибирь. К 100-летию указа от 9 ноября 1906 г. / М. В. Шиловский // Гуманитар. науки в Сибири. – 2006. – № 2. – С. 3–6.

405. Шиловский, М. В. Особенности поведенческих стереотипов сибирских крестьян во второй половине XIX – начале XX вв. / М. В. Шиловский // Сибирская деревня : проблемы истории : сб. науч. тр. – Новосибирск : НГУ, 2004. – С. 66–74.

406. Шиловский, М. В. Переселенческая революция в начале XX в. (на примере Сибири) / М. В. Шиловский // проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в. : материалы всерос. науч. конф. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. – С. 164–168.

407. Шиловский, М. В. Система льгот для переселяющихся в Сибирь (конец XIX – начало XX вв.) / М. В. Шиловский // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Новосибирск : НГУ, 2003. – С. 81–85.

408. Шкапский, О. На рубеже переселенческого дела / О. Шкапский // Вопр. колонизации. – 1907. – № 1. – С. 112–137.

409. Шпорт, А. М. Переселения украинских крестьян в Западную Сибирь в конце XIX – начале XX в. (по материалам Тобольской губернии) / А. М. Шпорт // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 64–78.

410. Шулейкин, Д. История земельных отношений. / Д. Шулейкин. – М.; Л. : Гос. изд-во сельскохоз. и колхоз.-кооп. лит-ры, 1931. – Вып. 2 : Столыпинская реформа и землеустройство – 47 с.

411. Шуман, Н. К. К вопросу о землеустройстве и колонизации Сибири / Н. К. Шуман // Вопр. колонизации. – 1907. – № 1. – С. 3–18.

412. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд : авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М. : Новое лит. обозрение, 2013. – 448 с.

413. Юдина, Н. В. Вненадельная аренда в Алтайском горном округе во II половине XIX века / Н. В. Юдина // Из истории Алтая. – Томск : Изд-во ТГУ, 1978. – С. 130–144.

414. Юферов, В. Переселенцы в Тарских урманах / В. Юферов // Вопр. колонизации. – 1908. – № 2. – С. 272–300.

415. Ядринцев, Н. М. Вопросы переселения и настоятельные нужды переселенческого дела / Н. М. Ядринцев // Путь-дорога. – СПб. : Типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1883. – С. 578–587.

416. Ядринцев, Н. М. Десятилетие переселенческого дела / Н. М. Ядринцев // Вестн. Европы. – 1891. – Кн. 8. – С. 790–826.

417. Ядринцев, Н. М. Наши выселения и колонизация / Н. М. Ядринцев // Вестн. Европы. – 1880. – №. 6. – С. 448–486.

418. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – XII, 471 с.

419. Ядринцев, Н. М. Судьба русских переселений за Урал / Н. М. Ядринцев // Отечеств. записки. – 1879. – № 6. – Т. 264. – С. 141–160. (Отд. 2)

420. Якименко, Н. А. Переселенческая политика царизма на Украине и ее последствия (1861–1917 гг.) / Н. А. Якименко. – Полтава : РВВ ПДАА, 2011. – 298 с.

421. Ямзин, И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян / И. Л. Ямзин. – Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. – 198 с.

422. Янсон, Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах / Ю. Э. Янсон. – Изд-е 2. – СПб. : Изд-е М. Стасюлевича, 1881. – XVI, 166, 102 с.

423. Яхонтов, А. П. Переселение и колонизация / А. П. Яхонтов. – Харьков : Харьковпечать, 1925. – 104 с.

424. Coquin, F.-V. La Siberie peuplement immigration pausanne an XIX siecle / F.-V. Coquin. – Paris, 1969. – 789 p.

425. Harrison, J. The Founding of the Russian Empire in Asia and America / J. Harrison. – Coral Gables, Florida : Univ. of Miami Press, 1971. – 156 p.

426. Hill, F. The Siberian Curse: How Communist Planners left Russia in the Cold / F. Hill, C. Gaddy. – Washington D.C. : Brooking Institution Press, 2003. – 240 p.

427. Marks, S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917 / S. Marks. – Ithaca (N.Y.) : Cornell Univ. Press, 1991.

428. Marks, S. G. Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia / S. G. Marks // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and Russian Far East / ed. by S. Kotkin and D. A. Wolff. – N.Y. ; L. : M.E. Sharpe, 1995. – P. 23–39.

429. Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. – L. ; N.Y. : Mansell Publishing Ltd., 1988. – 274 p.

430. Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution / ed. by T. Hunszak. – New Brunswick, New Jersey : Rutgers Univ. Press, 1974. – 396 p.

431. Treadgold, D. Russian Expansion in the Light Turners Study of American Frontier / D. Treadgold // Agricultural History. – 1952. Vol. 26, № 4. – P. 147–152.

432. Treadgold, D. The Great Siberian Migration : Goverment and Peasant in Resettlement from Emansipation to the First World War / D. Treadgold. – Princeton : New Jersey : Princeton Univ. Press, 1957. – 278 p.

СПИСОК ТАБЛИЦ

Таблица 1 Динамика прямого и обратного движения переселенцев в Азиатскую Россию через Тобольскую губернию в 1885–1892 гг……177
Таблица 2 Движение ходоков и переселенцев через Челябинск и Сызрань в 1896–1914 гг……201
Таблица 3 Доля хозяйств переселенцев, получивших домообзаводственные ссуды по различным природно-климатическим поясам на рубеже XIX–XX вв……...248
Таблица 4 Динамика землеотводных работ в Алтайском округе в 1863–1880 гг…..……283
Таблица 5 Динамика землеотводных работ в Алтайском округе в 1881–1892 гг…….....293
Таблица 6 Динамика землеотводных работ на казенных землях Акмолинской области, Тобольской и Томской губерниях в 1893–1902 гг…….323
Таблица 7 Динамика землеотводных работ в Алтайском округе в 1893–1898 гг……324
Таблица 8 Ассигнование кредитов на переселенческое дело в Сибири в 1906–1910 гг……...391
Таблица 9 Ассигнование кредитов на переселенческое дело в Сибири в 1911–1915 гг……..392
Таблица 10 Динамика землеотводных работ в Алтайском округе в 1907–1916 гг……538
Таблица 11 Итоги землеотводных работ в сибирских губерниях и Акмолинской области в 1906–1910 гг……...539
Таблица 12 Динамика землеотводных работ в губерниях Сибири и Акмолинской области в 1910–1915 гг……...541
Таблица 13 Размеры невостребованного переселенцами колонизационного фонда в Сибири к 1 января 1916 г……564

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Движение ходоков и переселенцев за Урал в 1860-е – 1914 гг.

Годы	Прошло в прямом направлении		Прошло в обратном направлении		% обратных переселенцев
	переселенцев	ходоков	переселенцев	ходоков	
С 1860-х по 1884 гг.	около 300 000		нет св.	нет св.	нет св.
1885	9 542	нет св.	нет св.	нет св.	нет св.
1886	11 084	962	нет св.	нет св.	нет св.
1887	14 089	565	350	нет св.	2,5
1888	25 735	728	1 920	нет св.	7,5
1889	27 527	984	1 116	нет св.	4,1
1890	32 787	844	1 848	нет св.	5,6
1891	64 248	3 804	1 414	нет св.	2,2
1892	75 102	5 381	888	нет св.	1,2
1893	54 607	3 750	нет св.	нет св.	нет св.
1894	55 192	2 017	нет св.	нет св.	нет св.
1895	16 233	1 578	нет св.	нет св.	нет св.
1896	178 400	11 910	22 906	7 009	12,8
1897	68 896	17 780	21 555	14 435	31,3
1898	148 317	54 403	18 317	37 736	12,3
1899	170 136	53 073	21 311	44 294	12,5
1900	166 248	53 017	42 582	47 084	25,6
1901	88 964	31 161	33 255	21 541	37,4
1902	81 921	29 009	25 716	22 154	31,3
1903	94 289	31 211	21 027	23 014	22,3
1904	40 001	6 731	9 901	5 696	24,8
1905	38 760	5 269	8 066	3 458	20,8
1906	139 064	77 584	13 659	32 603	9,8
1907	427 339	149 640	27 195	90 323	6,4
1908	664 777	94 035	45 102	76 102	6,8
1909	619 320	88 143	82 287	57 620	13,2
1910	316 163	36 787	114 893	32 052	36,3
1911	189 791	36 271	116 308	26 644	61,3
1912	201 027	58 558	57 319	41 069	28,5
1913	240 978	96 271	45 478	71 048	18,9
1914	241 874	94 535	27 594	69 377	11,4
1896–1905	1 075 932	293 564	224 636	226 421	20,9
1906–1914	3 040 333	731 824	529 835	496 838	17,4
Итого	5 848 438		762 007	723 259	-

Источник: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М. : Наука, 1980. С. 19. РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 189об.–190, 191об.; Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и на других пунктах) в 1885–1895 гг. Тюмень : Тип. Л. К. Высоцкой, 1899. Вып. 1. С. 352–353; Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. С. 62–63; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг. : Изд. Переселен. упр., 1916. С. 72–82 (обобщенные данные и процентные показатели подсчитаны мной – *Д.Б.*)

Приложение Б

Динамика землеотводных работ в Акмолинской области, Тобольской и Томской губерниях в 1893–1902 гг.

Годы	Число заготовленных участков	Общая площадь участков	Удобной земли	Неудобной земли	% неудобных земель
1893	126	848 530	705 283	143 247	16,9
1894	289	1 394 927	1 126 984	267 943	19,2
1895	126	550 038	442 027	108 011	19,6
1896	31	221 162	187 838	33 424	15,1
1897	145	589 927	492 853	97 119	16,5
1898	170	608 202	476 838	131 364	21,6
1899	127	508 279	397 156	111 123	21,9
1900	130	453 090	380 537	72 553	16,0
1901	82	375 482	310 865	64 607	17,2
1902	76	181 513	153 187	28 326	15,6
Итого	1 302	5 731 195	4 673 478	1 057 099	18,4

Источник: Книга образования переселенческих участков. 1885–1912. Томск : Тип. Детского приюта и Дома трудолюбия, 1913. С. 1–817; Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 г. Барнаул : Типолитогр. Гл. упр. Алт. округа, 1900. С. 1–93; Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб. : Тип. м-ва внутр. дел, 1903. Вып. 14. С. 1–27, 37–89 (подсчеты мои. – *Д.Б.*).

Приложение В

Итоговые данные по заготовке переселенческих участков в губерниях Сибири и Акмолинской области за 1906–1915 гг.

Районы	Количество участков	Душевых долей / семейных наделов	Десятин земли
Акмолинский	3 204	215 262 / 12 844	4 063 927
Тобольский	1 250	102 568 / 4 358	2 194 347
Томский	5 490	314 941 / 3 225	5 333 500
Енисейский	2 068	150 798 / 1 594	2 485 804
Иркутский	2 238	123 919 / 2 579	2 067 660
Всего	14 250	907 488 / 24 600	16 145 238

Источник: Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. : отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб. : Тип. Ю. Эрлих, 1911. С. 51, 258–259, 266–273; Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб. : Тип. Ю. Эрлих, 1912. С. 166–167, 174–181; Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб. : Тип. Ю. Эрлих, 1913. С. 134–135, 142–149; Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. Пг. : Тип. Ю. Эрлих, 1914. С. 190–191, 198–205; Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. Пг. : Тип. Ю. Эрлих, 1915. С. 318–319, 328–335; Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. Пг. : Тип. Ю. Эрлих, 1916. С. 150–151, 160–167 (подсчитано мной – *Д.Б.*).